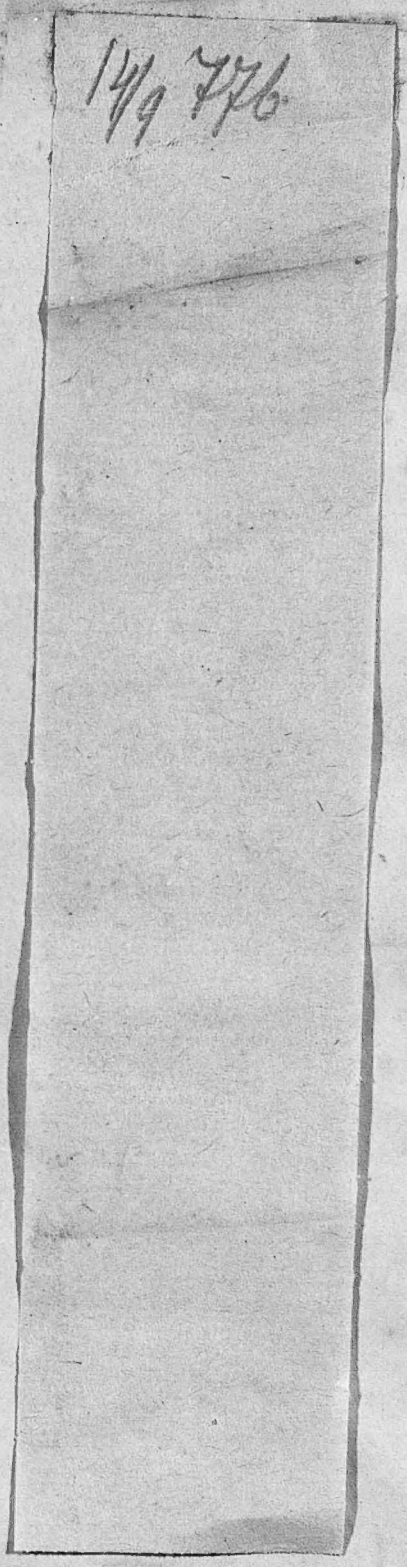
вно, безъ ненависти, даже безъ злобы, а с
имъ равнодушіемъ, замучить его медленн
нъ въ эту минуту позавидовалъ Понкраті
умеръ, напутствуемый увѣщаніями свяще
въ благословеніе матери, простивши съ
умеръ посреди арены, полной народомъ,
ами, изъ которыхъ многіе дивились его му
рдости духа. Вокругъ Севастіана не было
ихъ солдатъ, а одни варвары, почти звѣр
алъ ихъ шутки, какъ будто дѣло шло о з
о казни; онъ глядѣлъ на эти лица, въ т
ажалось тупоуміе, грубость и равноду е
й-Римлянинъ умеръ посреди Римлянъ. Се
нинъ долженъ былъ умереть, окруженный


14/9 776

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ.—КНИГА 6.

Т. 3

ІЮНЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Московский Совет ... Библиотека ... И. З. Сурикова ... Красно-Пресн. р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1905.

стр.

I.—МОЙ ДНЕВНИКЪ НА ВОЙНѢ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ. — III: 12 сентября — 7 ноября.—**М. А. Газенкампфа** 449

II.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ АМУРСКАГО КРАЯ.—1854—1904 г.г. — V. Обрабатывающая промышленность и торговля.—VI. Пути сообщенія. — VII. Школы и врачебно-санитарная помощь.—VIII. Рабочіе.—IX. Инородцы.—X. Заключеніе.—Окончаніе.—**П. Надина** 496

III.—ВЪ ЗВѢЗДНУЮ НОЧЬ.—Изъ поѣздки въ Полѣсье.—**Евг. Ляцкаго** 533

IV.—ИЗЪ „РАЗСКАЗОВЪ ПРАПОРЩИКА СТОЛЯ", I. Л. Рунеберга. — Со швед. **В. Лебедевъ** 558

V.—ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ВЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ и въ отдѣльныхъ ея государствахъ.—**И. Осипова** 567

VI.—МѢДНЫЙ БУНТЪ. — Іюль 1662 года. — Историческій разсказъ. — **Виктора Никольскаго** 601

VII.—ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ. — Романъ. — Flammen. Rom. von W. Hegeler. — I.— Съ нѣм. **З. В.** 637

VIII.—КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ".—**В. Ѳ. Тотоміанца.** 684

IX.—МАРКИЗЪ-ФИЛОСОФЪ. — Monsieur de Migurac ou le Marquis-philosophe, par A. Lichtenberger.—VIII-XIII.—Окончаніе.—Съ франц. **О. Ч.** 710

X.—О СОВРЕМЕННОМЪ КРИЗИСѢ.—**Л. З. Слонимскаго** 754

XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. — Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ.—Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права.—Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ.—Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина.—Странныя противорѣчія 772

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ.—Разсужденія полковника Гедке.—Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ.—Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія.—Печальная судьба балтійской эскадры. — Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ. 790

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?". 2) Статьи по крестьянскому вопросу.— II. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1904 г., кн. IV и V. — III. Сочиненія Чокана Валиханова. — IV. „Душа Японіи", японскіе романы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева.—V. Бар. Н. В. Дризенъ, Матеріалы по исторіи русскаго театра. — **Евг. Л.** — VI. Е. Д. Максимовъ, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. — VII. Ф. И. Карповъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I.—VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго. — **В. В.**—IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи" и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею". — **А. К.** — Новыя книги и брошюры. . 802

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama. — II. Myriam Harry, La Conquête de Jerusalem, rom. — **З. В.** . 840

XV.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО. — Письмо въ Редакцію. — **Кн. Дм. Друцкого-Сокольнинскаго.** 855

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Проектируемая новелла о печати. — Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій. — Кто остается и кто уходитъ?—Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать. — Католицизмъ и унія.—Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. — Е. И. Якушкинъ †. 866

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона. — II. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра. 880

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціею, 1807—20 г.г. — Кладо, Н. Л., Современная морская война. — Лоуэлль, А., Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы. — Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ. I. Статьи, стихотворенія и замѣтки.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII.

050
В96

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

15331
49 г.

1877-ой годъ.

III *).

ПРОВЕРЕНО 1928 г.

12 сентября—7 ноября.

12 сентября, вторникъ.—Со вчерашняго дня—опять холодъ и почти безпрерывный дождь. Вчера Великій Князь очень былъ недоволенъ, получивъ телеграмму Зотова (въ отвѣтъ на свой запросъ: въ какомъ положеніи наши фортификаціонныя работы), что работы по укрѣпленію нашихъ позицій еще далеки отъ окончанія. Онъ немедленно самъ составилъ и послалъ Зотову слѣдующую телеграмму:

„Крайне удивленъ, что до сихъ поръ не исполнены мои приказанія и указанія объ укрѣпленіи позицій. Если что̀ приказано, то должно быть исполнено во что бы то ни стало. Стыдно намъ, что румынскія работы подвигаются, а у насъ—ничего; употребите всѣ усилія, чтобы мои приказанія исполнялись. Если турки сдѣлаютъ вылазку, вы должны отбить ихъ безусловно. Я сильно

*) См. выше: май, 5 стр.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

увѣренъ, что вы это исполните такъ же чисто, какъ то исполнили у Наслѣдника, подъ Чаиркіоемъ, бригада 32-й дивизіи, бригада 26-й дивизіи и невскій полкъ подъ начальствомъ Татищева".

На совѣщаніи Государя съ Великимъ Княземъ окончательно рѣшено остаться на зиму въ Болгаріи, отнюдь не отводя войскъ на зимнія квартиры, за Дунай.

Но, въ связи съ этимъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и мужественнымъ рѣшеніемъ, возникло и удостоилось нисколько не заслуживавшее вниманія, совершенно фантастическое предположеніе о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Болгаріи отъ Систова до Тырнова, съ вѣтвями вправо и влѣво, до мѣстъ расположенія плевнинскаго и рущукскаго отрядовъ.

Эта идея пущена въ обращеніе извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ Самуиломъ Поляковымъ, пріѣхавшимъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ главную квартиру изъ Румыніи, гдѣ онъ велъ переговоры о постройкѣ желѣзной дороги отъ Фратешти до Зимницы. Это послѣднее необходимо и вполнѣ исполнимо: объ этомъ слѣдовало подумать и распорядиться еще въ концѣ іюня, и тогда эта небольшая вѣтвь могла бы быть даже окончена къ осени. Но тогда, въ надеждѣ на быстрое окончаніе кампаніи, объ этомъ не думали, а теперь задумали постройку, которая можетъ быть *начата* развѣ только по окончаніи кампаніи. Несбыточные проекты Полякова благосклонно выслушиваются, а о замощеніи дороги къ зимницкой переправѣ и систовскаго подъема не думаютъ.

Должно быть, Поляковъ заручился какими-нибудь вѣскими рекомендаціями и въ Петербургѣ, и здѣсь. По крайней мѣрѣ, я не могу объяснить себѣ иначе тѣхъ серьезныхъ переговоровъ, которые завязаны съ нимъ по явно нестаточному предпріятію. Переговоры эти возложены на Левицкаго. Всѣ эти послѣдніе дни онъ былъ погруженъ въ разсчеты времени и стоимости постройки то вмѣстѣ съ Поляковымъ, то одинъ. Я все думалъ, что рѣчь идетъ о вѣтви Фратешти—Зимница. Но когда я, сегодня узналъ, что предположена стройка на театрѣ войны, то спросилъ Левицкаго, когда же, по его разсчету, эта желѣзная дорога будетъ готова?—„Поляковъ говоритъ, что если проектъ будетъ утвержденъ немедленно, то—къ концу декабря". — И вы вѣрите этому? По моему, не раньше какъ черезъ годъ, а до тѣхъ поръ мы войну кончимъ. За что бросать на вѣтеръ казенные милліоны? — „Такъ приказано". — Зачѣмъ же вы взялись вести переговоры по спеціальному дѣлу, въ которомъ вы ничего не понимаете? — „Великій Князь мнѣ поручилъ, и я долженъ

исполнить". — А я бы, на вашемъ мѣстѣ, наотрѣзъ отказался. Причина очень уважительная: полное незнакомство съ дѣломъ". —„Я никогда не отказывался отъ исполненія того, что̀ приказано: это—не въ моихъ правилахъ". — Скажите, говорю: а у васъ есть какой-нибудь документъ, доказывающій, что это дѣло затѣяли не вы, а по приказанію свыше?—„Нѣтъ, это все, пока, на словахъ".—А какъ вы полагаете, кого вся Россія сдѣлаетъ отвѣтчикомъ, если эта нелѣпая концессія будетъ дана Полякову? Неужели вамъ мало той тяжкой отвѣтственности, которая лежитъ на васъ по должности, что вы берете еще на себя и эту? Вѣдь какъ только это предпріятіе будетъ разрѣшено и получитъ огласку—по всей Россіи пойдетъ вопль негодованія. И все цѣликомъ обрушится на васъ. Вѣдь Поляковъ возьмется за что̀ угодно: онъ ничѣмъ не рискуетъ и никакой отвѣтственности не подлежитъ. Возьметъ милліонный задатокъ, начнетъ строить и будетъ доить казну. Обязательство окончить постройку къ условленному сроку ничего не стоитъ. Всегда найдутся уважительныя причины, по которымъ оно будетъ признано неисполнимымъ, а оформить уважительность непреодолимыхъ препятствій не будетъ стоить никакого труда. Но вѣдь по существу сразу видно, что вся эта затѣя—нахальное покушеніе воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы ограбить казну. Предложеніе Полякова и разбирать не стоитъ: прогнать его немедленно—и дѣлу конецъ".

Во время этого спора Левицкій сперва сердился, а подъконецъ задумался. Но не прошло и часу, пришелъ Поляковъ, и снова началась у нихъ „дѣловая" бесѣда. И не только о болгарскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но еще о какихъ-то переносныхъ складныхъ баракахъ на двѣсти тысячъ человѣкъ, стоимостью всего на шесть милліоновъ рублей.

Слушая поневолѣ эти разговоры, я, наконецъ, задумался о томъ, кто же изъ насъ съ ума сошелъ: я или тѣ, кто можетъ серьезно и горячо разсуждать о дѣлѣ явно-неосуществимомъ.

Левицкій вѣдь не одинъ вѣритъ въ возможность постройки желѣзной дороги въ два, три мѣсяца. Поляковъ, со свойственною всѣмъ дѣльцамъ ловкостью, уже съумѣлъ составить себѣ партію и въ Бухарестѣ, и у насъ. Его поддерживаютъ и прославляютъ его практическій умъ Раухъ, походный атаманъ Фокинъ, адъютантъ Великаго Князя Поповъ, состоящій при Непокойчицкомъ полковникъ Золотаревъ (служившій въ министерствѣ путей сообщенія при графѣ Бобринскомъ), помощникъ коменданта главной квартиры Поливановъ и многіе другіе. Пущена въ ходъ (конечно, со словъ самого Полякова) молва, что они готовы сдѣлать

для арміи все, что̀ угодно, даже въ убытокъ себѣ, въ надеждѣ на баронскій титулъ (Владиміръ на шеѣ у него уже есть). И этой выдумкѣ охотно вѣрятъ. Ему устроили даже приглашеніе завтракать и обѣдать за столомъ Великаго Князя.

А Поляковъ и барономъ будетъ, и милліоны изъ казны вытянетъ и всѣхъ своихъ сочувственниковъ обратитъ въ своихъ покорнѣйшихъ слугъ. Только дай ему волю да припусти къ концессіи.

Чуя во мнѣ принципіальнаго врага, онъ настойчиво старается со мною сблизиться, усиленно раскланивается и ласково заговариваетъ при каждой встрѣчѣ, но я ограничиваюсь холодно-вѣжливыми, односложными отвѣтами.

14 сентября, среда.—Сегодня третій день холодъ и дождь: грязь ужасная. Многіе простудились и хвораютъ. Я совершенно здоровъ, но зябну, ничего теплаго у меня нѣтъ.

Сегодня, по приказанію Великаго Князя, изгналъ изъ арміи корреспондента газеты „Standart“ Фредерика Бойля, рекомендованнаго англійскимъ гувернеромъ августѣйшихъ дѣтей, Митчиномъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Вчера Государь получилъ изъ Лондона отъ графа Шувалова письмо съ приложеніемъ нумера газеты „Standart“, въ которомъ напечатана корреспонденція Бойля изъ Порадима отъ 12 (24) августа. Во-первыхъ, онъ разсказываетъ расположеніе нашихъ войскъ и укрѣпленій, а во-вторыхъ, съ ехиднымъ злорадствомъ отзывается о нашей арміи. Между прочимъ, говоритъ, что „прошли безвозвратно тѣ времена, когда армія готова была умереть за царя: теперь въ средѣ ея—болѣзни, недостатки, неудовольствіе и ропотъ. Какъ бы я смѣялся, еслибъ меня самого не трепала лихорадка!“...

Государь, прочитавъ корреспонденцію, прислалъ ее къ Великому Князю, который тотчасъ послалъ за Нелидовымъ и мною и приказалъ мнѣ немедленно изгнать Бойля изъ арміи съ возможно большимъ скандаломъ и огласкою. Это было вчера вечеромъ. Такъ какъ Бойль очень кстати только-что вчера вернулся изъ-подъ Плевны въ главную квартиру, то я немедленно послалъ его разыскивать, но, конечно, его ночью не нашли, а сегодня утромъ помощникъ коменданта, полковникъ Поливановъ, привелъ его ко мнѣ. Вотъ, вкратцѣ, нашъ разговоръ (по-французски): —Великому Князю угодно знать, ваша ли это статья?—Бойль сразу сконфузился. „Кажется, моя. Да, моя“. — Не кажется ли вамъ, что вотъ это мѣсто (отчеркнутое синимъ карандашомъ)

составляетъ нарушеніе того обязательства, которое вы на себя приняли подъ честнымъ словомъ? — „Позвольте мнѣ прочесть". Прочитавши, отвѣчаетъ: „Но вѣдь это статья отъ 12 (24) августа, а съ тѣхъ поръ прошло много времени, и поэтому"... Перебиваю:—Объ этомъ позвольте судить намъ. Надѣюсь, вы и сами признаете, что это наше право.—„О, да, конечно!"—Хорошо: теперь, не кажется ли вамъ, что въ этихъ строкахъ (показываю другое отчеркнутое мѣсто) очень откровенно высказывается крайнее недоброжелательство (une malveillance la plus prononcée) къ нашей арміи?—Бойль совершенно сконфуженъ и, заикаясь, сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ литераторъ, и у него иногда можетъ сорваться съ пера что-нибудь лишнее, но онъ можетъ завѣрить, что у него не было дурного намѣренія. На это я отвѣтилъ:—Государь и Великій Князь читали вашу статью и оскорблены тѣмъ тономъ, которымъ вы говорите о нашей арміи. А такъ какъ вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушили честное слово (не упоминать ничего о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій), то Великій Князь приказалъ мнѣ предложить вамъ немедленно удалиться какъ изъ арміи, такъ и изъ Румыніи.—„Какъ! я не могу остаться даже въ Румыніи!" — Нѣтъ, не можете. Великій Князь приказалъ полковнику Липояно проводить васъ отсюда до Бухареста, а тамошнія власти распорядятся проводить васъ до австрійской границы. Посему покорнѣйше прошу васъ сейчасъ же возвратить мнѣ знаки вашего корреспондентскаго званія (нарукавную повязку и фотографію, засвидѣтельствованную моею подписью и казенною печатью), и, затѣмъ, удалиться съ полковникомъ Поливановымъ, который проводитъ васъ къ полковнику Липояно.—„Но, надѣюсь, вы позволите мнѣ увѣдомить объ этомъ мою газету?"—Объ этомъ не безпокойтесь: мы немедленно сами телеграфируемъ въ Лондонъ о вашемъ удаленіи. — „Позвольте мнѣ хотя нѣсколько времени, чтобы собраться: вѣдь у меня экипажъ, лошади, прислуга". — Необходимое время вамъ будетъ дано, но вы сами понимаете, что этотъ срокъ не можетъ быть великъ. — „О, да, я это понимаю". — Слѣдовательно, вы сами мѣшкать не будете.—Заторопившись, Бойль снялъ съ себя повязку и, вмѣстѣ со своею фотографіей, положилъ на столъ. „Прошу васъ, по крайней мѣрѣ, доложить Великому Князю, что я не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Вы, конечно, понимаете, какъ мнѣ все это непріятно!" — О, да, я очень хорошо понимаю; мнѣ самому крайне непріятно разставаться съ вами такимъ образомъ. А Великому Князю я доложу, что вы не имѣли дурныхъ намѣреній. Прощайте, желаю вамъ добраго здоровья.

Въ два часа дня Липояно увезъ Бойля.

Великій Князь остался очень доволенъ, поѣхалъ къ Государю завтракать; по возвращеніи сейчасъ послалъ за мною и еще разъ поблагодарилъ, сказавъ, что Государь очень доволенъ тою манерою, которою я выпроводилъ Бойля. Затѣмъ, приказалъ составить слѣдующія три телеграммы:

1) Петербургъ, министру внутреннихъ дѣлъ: „Предложите объявить во всѣхъ газетахъ, что корреспондентъ англійской газеты „Стандартъ", Фредерикъ Бойль, по моему приказанію высланъ изъ арміи и изъ Румыніи за корреспонденцію отъ 24 августа, изъ Порадима, въ которой онъ, нарушивъ данное имъ честное слово, сообщилъ о расположеніи нашихъ войскъ и укрѣпленій. Кромѣ того, относится съ злорадной ненавистью къ нашей арміи, пренебрегая оказаннымъ ему гостепріимствомъ".

2) Londres, ambassadeur Russe.

„Communiquez rédaction „Standart": son correspondant Boyle, à cause de sa correspondance de Poradim 24 Août, est expulsé de Bulgarie et Roumanie. Aucun autre correspondant de ce journal ne peut être admis".

3) Poradim, prince Charles de Roumanie:

„J'ai expulsé correspondant de „Standart" Frédéric Boyle à cause de sa correspondance du 24 Août de Poradim. Je l'envoie aujourd'hui à Bucarest avec Lipoyano. Je te prie d'ordonner de défendre à Boyle le séjour à Roumanie et le faire expédier jusqu'à la frontière".

Подписавъ и отправивъ эти телеграммы, Великій Князь, сверхъ того, приказалъ мнѣ напечатать весь мой разговоръ съ Бойлемъ въ „Летучемъ Листкѣ".

Еще одинъ газетный скандалъ: въ полученномъ вчера нумерѣ газеты „Русскія Вѣдомости" я нашелъ перепечатку корреспонденціи „Times" о разговорѣ корреспондента этой и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ газетъ съ старикомъ-Криденеромъ. Между прочимъ, тамъ напечатано, что Криденеръ „дрожащимъ голосомъ" просилъ четырехъ корреспондентовъ „быть истолкователемъ его образа дѣйствій подъ Плевною 18-го іюля, такъ какъ всѣ напечатанныя до сихъ поръ описанія этого сраженія, а равно и многіе его сослуживцы—несправедливы къ нему. Генералъ показывалъ намъ копіи съ полученныхъ имъ приказовъ. Это произвело на насъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что прежде генералъ Криденеръ не очень-то жаловалъ корреспондентовъ и неохотно допускалъ ихъ. Теперь старый ветеранъ, сознавая могущество печати, преклонялся передъ ея представителями и самъ просилъ

ихъ оказать ему услугу". Затѣмъ слѣдуетъ совершенно извращенное описаніе сраженія 18-го іюля, записанное со словъ Криденера и противорѣчащее его же собственному донесенію.

Я прочелъ сперва эту корреспонденцію Непокойчицкому, который только покачалъ своею сѣдою головою и велѣлъ мнѣ самому доложить Великому Князю. Когда я прочелъ, онъ возмутился и взялъ у меня нумеръ газеты, сказавъ, что покажетъ Государю.

Скоро ожидается Тотлебенъ. Когда онъ прибудетъ, мы опять уѣдемъ вмѣстѣ съ нимъ подъ Плевну для осмотра позицій и рѣшенія подробностей дальнѣйшихъ дѣйствій.

Пятница, 16 сентября.—Вчера и сегодня холодно: всего 1^0 тепла, но по крайней мѣрѣ не льетъ. На Шипкѣ морозъ и снѣгъ.

Вчера прибыли: Цесаревичъ съ Ванновскимъ и Тотлебенъ. Сегодня у Государя былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: 1) Цесаревичу вступить въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, сдавъ рущукскій отрядъ генералъ-адъютанту князю Дондукову-Корсакову, а великому князю Владиміру Александровичу сдать 12-й корпусъ Ванновскому и принять свою 1-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; 2) по прибытіи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуть ее между 20—25 сентября вмѣстѣ съ 3-ею (которая уже пришла) и съ гвардейскою стрѣлковою бригадою на лѣвый берегъ Вида, для прегражденія сообщеній плевнинскаго укрѣпленнаго лагеря съ Софіей; 3) туда же направить и 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, ожидаемую къ 5 октября. 2-я гвардейская кавалерійская дивизія уже прибыла и завтра представляется на царскій смотръ.

Великій князь Николай Николаевичъ Младшій произведенъ сегодня въ полковники.

Отовсюду приходитъ довольно странный слухъ, будто бы турки такъ утомлены войной, что ожидаютъ только первой *своей* неудачи, чтобы предложить мирные переговоры. Слуху этому многіе весьма охотно вѣрятъ. Струковъ, ѣздившій провѣтриться и разсѣяться въ Бухарестъ, привезъ оттуда слухъ еще болѣе странный: будто бы Османа-пашу можно подкупить, чтобы сдалъ Плевну. Пріѣзжали якобы въ Бухарестъ два константинопольскихъ банкира и разсказывали, что денежныя дѣла Османа очень плохи, а самъ онъ прежде всего жуиръ и большими деньгами его соблазнить можно. Несмотря на крайнюю сомнительность этого свѣдѣнія, оно сегодня было предметомъ серьезнаго

обсужденія въ секретномъ совѣщаніи, въ коемъ принимали участіе Непокойчицкій, Нелидовъ и Струковъ. Я былъ случайнымъ слушателемъ, ибо сидѣлъ у Великаго Князя съ докладомъ въ то время, какъ вошли упомянутыя лица, и онъ завелъ самъ рѣчь объ этомъ, не находя нужнымъ скрывать отъ меня предметъ совѣщанія. Рѣшили: когда поѣдемъ послѣ-завтра подъ Плевну съ Тотлебеномъ, взять съ собой драгомана Макѣева и послать его парламентеромъ къ Осману-пашѣ, подъ предлогомъ условиться насчетъ уборки и погребенія тѣлъ нашихъ убитыхъ, оставшихся между нашими и турецкими позиціями послѣ штурма 30-го августа. Макѣевъ 25 лѣтъ прожилъ въ Турціи, самъ всѣхъ знаетъ и его всѣ знаютъ и любятъ; разговаривать съ турками умѣетъ отлично и съумѣетъ вывѣдать, не компрометируя никого, — дѣйствительно ли Османъ-паша способенъ продать за деньги свою честь и родину, или же это—вздорная сплетня.

Затѣмъ, тотчасъ же перешли къ обсужденію другого вопроса столь же щекотливаго характера. Прибылъ сюда нѣкій Кароль (Карлъ) Тэвисъ, называющій себя отставнымъ „генераломъ“ сѣверо-американской арміи. Въ качествѣ корреспондента одной изъ американскихъ газетъ явился вчера ко мнѣ и безъ всякихъ околичностей предложилъ свои услуги: быть нашимъ шпіономъ при турецкой арміи. Когда я отвѣтилъ, что завѣдывать шпіонствомъ—не мое дѣло, онъ возразилъ (тѣмъ особымъ тономъ оскорбленнаго достоинства, который столь свойственъ отъявленнымъ бестіямъ), что онъ и не желаетъ быть простымъ шпіономъ, а совершенно-секретнымъ развѣдчикомъ нашимъ, ибо сочувствуетъ идеѣ войны: самъ бился въ 1861—1865 гг. за освобожденіе рабовъ и съ бою взялъ всѣ чины, до генеральскаго включительно. Прежде чѣмъ отвергать его „добрыя услуги“, надо же его выслушать, и тогда я самъ увижу, насколько серьезно его предложеніе. Передо мною-де — не кто-нибудь (je ne suis pas le premier-venu), а боевой офицеръ и генералъ американской арміи. И въ эту армію онъ вступилъ не новичкомъ-волонтеромъ, а уже опытнымъ боевымъ офицеромъ, ибо еще въ крымскую кампанію сражался противъ насъ въ рядахъ турецкой арміи, впослѣдствіи не разъ бывалъ и подолгу живалъ въ Константинополѣ, Адріанополѣ, Салоникахъ, Галлиполи, Смирнѣ и другихъ турецкихъ городахъ; основательно знаетъ турецкій языкъ, нравы и порядки; имѣетъ массу знакомыхъ и даже друзей въ средѣ турецкихъ пашей и сановниковъ и считается ими за своего человѣка. Сверхъ того, ему извѣстны и тѣ лица, которыя ведутъ враждебные противъ насъ подкопы. Вотъ, напримѣръ, въ

Бухарестѣ существуетъ цѣлое англійское секретное бюро, состоящее въ вѣдѣніи тайнаго корреспондента газеты „Daily-Telegraph“, Кингстона, которое занимается собираніемъ свѣдѣній о нашей арміи и сообщаетъ ихъ, черезъ турецкаго посланника въ Вѣнѣ, въ Константинополь. Онъ, Тэвисъ, предлагаетъ слѣдующій планъ: пусть его формально изгонятъ изъ нашей арміи, подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ сообщены свѣдѣнія о его прежней службѣ въ турецкой арміи и о теперешнихъ его связяхъ съ нею; а онъ тогда вернется въ Бухарестъ, явится къ Кингстону въ качествѣ оскорбленнаго человѣка и попроситъ у него рекомендательное письмо къ великому визирю Эдхему-пашѣ, съ цѣлью допущенія его корреспондентомъ въ турецкую армію. Стоитъ ему только попасть туда, — онъ уже съумѣетъ устроить регулярную передачу намъ, кружнымъ путемъ, самоважнѣйшихъ извѣстій. Когда я спросилъ, на какихъ же условіяхъ онъ желалъ бы намъ служить—Тэвисъ съ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ удовольствуется умѣренною суммою на разъѣзды и расходы и проситъ только, по окончаніи кампаніи, если услуги его будутъ небезполезны,—дать ему орденъ на шею.

Когда я доложилъ о предложеніяхъ этого авантюриста, Великій Князь, по совѣщаніи съ Непокойчицкимъ и Нелидовымъ, рѣшилъ не отвергать его въ принципѣ, тѣмъ болѣе, что мы сами ничѣмъ не рискуемъ въ томъ случаѣ, если онъ окажется предателемъ: только-что пріѣхавъ сюда, онъ ничего еще не знаетъ и ничего важнаго о насъ сообщить туркамъ не можетъ. Поэтому Великій Князь поручилъ мнѣ вступить съ Тэвисомъ въ подробные переговоры, но съ соблюденіемъ осторожности и тайны.

Послѣ-завтра Великій Князь съ Тотлебеномъ и Непокойчицкимъ ѣдутъ подъ Плевну. Сопровождать ихъ назначены: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, Скобелевъ-отецъ, Нелидовъ, драгоманъ Макѣевъ, я, адъютанты Великаго Князя—Ласковскій, Поповъ и Андреевъ, сынъ Непокойчицкаго и два ординарца Великаго Князя. Левицкаго оставляютъ здѣсь, подъ предлогомъ, будто бы присутствіе его необходимо въ штабѣ. Онъ очень этимъ смущенъ.

17 сентября, суббота. — Ночью былъ морозъ, но зато къ утру погода, наконецъ, смиловалась: воздухъ чистъ, небо ярко-голубое, солнце ярко сіяетъ и блещетъ на Балканскихъ предгорьяхъ (ясно видныхъ отсюда) покрытыхъ со вчерашняго дня снѣгомъ. Днемъ стало совсѣмъ тепло: 18^0.

Сегодня Государь произвелъ смотръ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Сегодня же былъ у меня возвратившійся изъ Бухареста М. Д. Скобелевъ 2-й [1]) со своимъ неизмѣннымъ сподвижникомъ Куропаткинымъ: ѣдетъ подъ Плевну принимать 16-ю пѣхотную дивизію, начальникомъ коей назначенъ. Куропаткинъ, въ чинѣ капитана, назначенъ исправляющимъ должность начальника его штаба.

Вышли награды корреспондентамъ: Россоловскому, Иванову, Каррику и Форбсу—Станислава 3-й ст. съ мечами; Даннгауэру и Марсэ,—какъ отставнымъ офицерамъ прусской службы—Анны 3-й ст. съ мечами. Представили еще одного: корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Максимова, который былъ раненъ.

Американскаго „генерала“ Тэвиса отправилъ сегодня въ Бухарестъ. Оттуда онъ обѣщалъ прислать подробныя свѣдѣнія объ англійскомъ развѣдочномъ бюро Кингстона, а затѣмъ отправится въ Константинополь.

Сегодня же велѣно выдать 4.000 франковъ корреспонденту „Wiener-Tagblätt“ Лукешу,—по совѣту нашего военнаго агента въ Вѣнѣ Фельдмана. Газета эта расходится въ 40.000 экз. ежедневно, и поэтому Фельдманъ находитъ полезнымъ расположить въ нашу пользу ея корреспондента. Деньги эти назначаются ему въ пособіе на покупку экипажа и лошадей.

Такимъ образомъ, у насъ завелись уже двѣ „рептиліи“.

18 сентября, воскресенье.—Сегодня утромъ поѣхали въ трехъ коляскахъ подъ Плевну: въ первой Великій Князь съ Непокойчицкимъ, во второй—великій князь Николай Николаевичъ Младшій съ адъютантомъ отца, Андреевымъ; въ третьей—я съ сыномъ Непокойчицкаго. Прочія лица, назначенныя сопровождать Великаго Князя, уѣхали еще вчера. На полдорогѣ, у Булгарени, позавтракали на травѣ холодною говядиною съ хлѣбомъ и запили виномъ. Около 4-хъ часовъ дня прибыли подъ Плевну. Палатки наши уже были разбиты за старою осадною батареею, которая перенесена немного лѣвѣе. Еслибы турки знали, что здѣсь устроился на бивакѣ главнокомандующій, то могли бы засыпать насъ гранатами изъ своихъ дальнобойныхъ пушекъ. Князь Карлъ, Тотлебенъ [2]) и все высшее начальство встрѣчало.

[1]) Послѣ тяжкихъ августовскихъ дней, онъ ѣздилъ туда на нѣсколько дней отдохнуть. 1-го сентября, онъ, князь Имеретинскій и Драгомировъ были произведены въ генералъ-лейтенанты.

[2]) Онъ выѣхалъ со своимъ адъютантомъ Шильдеромъ отдѣльно и прибылъ часа за два раньше насъ.

Тотчасъ по прибытіи, Великій Князь распекъ начальника штаба 4-го корпуса, приказавъ ему передать Зотову (который былъ тутъ же) свое неудовольствіе за его небрежное и невѣжливое отношеніе къ князю Карлу. Во-первыхъ, Зотовъ со своимъ штабомъ жилъ и живетъ отдѣльно отъ князя: князь въ Порадимѣ, а Зотовъ сперва въ Згалевицѣ, а теперь на бивакѣ, въ двухъ верстахъ позади нашего. Во-вторыхъ, Зотовъ не только не установилъ никакихъ правильныхъ сношеній съ княземъ, но послѣдніе семь дней даже не былъ у него ни разу.

Затѣмъ, Великій Князь сдѣлалъ выговоръ барону Криденеру, за его газетную полемику и несправедливое сваливанье всей вины за неудачу 18 іюля на князя Шаховского. Но, должно быть, распечка была мягкая (гнѣвъ Великаго Князя давно прошелъ), потому что Криденеръ и сегодня, и въ послѣдующіе дни все заговаривалъ съ Великимъ Княземъ, и тотъ съ нимъ разговаривалъ безъ всякой сухости, хотя и безъ свойственной ему сердечности.

Князь Карлъ и всѣ старшія начальствующія лица были приглашены Великимъ Княземъ къ обѣду, который былъ поданъ подъ открытымъ небомъ въ $7^1/_2$ час. вечера, т.-е. уже въ совершенной темнотѣ. Обѣдъ былъ какъ всегда, т.-е. сперва водка и закуска (сыръ, сардинки, омары, колбаса), потомъ: супъ изъ баранины, жареная баранина съ картофелемъ, компотъ изъ консервовъ и кофе.

День былъ чудный, теплый, но вечеръ—очень холодный и сырой.

Послѣ обѣда, въ видѣ развлеченія, опрашивали плѣнныхъ и бѣглыхъ турокъ. Всѣ они показывали одно и то же: больныхъ много, продовольствія мало, сапоги и одежда износились, теплой одежды и обуви вовсе нѣтъ. И дѣйствительно, всѣ они были босы и оборваны.

Около $9^1/_2$ час. вечера, напившись чаю, всѣ разбрелись спать.

19 сентября, понедѣльникъ. — Холодное утро. Встали въ 7 час. Въ 9 час. Великій Князь съ сыномъ, княземъ Карломъ, Непокойчицкимъ, Тотлебеномъ, барономъ Криденеромъ, Зотовымъ и свитою отправился объѣзжать позиціи и батареи 4-го и 9-го корпусовъ. Объѣхали все, побывали даже въ нѣкоторыхъ передовыхъ траншеяхъ, конечно, спѣшившись. На нѣсколькихъ батареяхъ останавливались и разглядывали турецкія укрѣпленія и заколдованное мѣсто—Плевну, которая была видна очень ясно, особенно съ крайней лѣвофланговой батареи, вооруженной ту-

рецкими дальнобойными стальными орудіями, отбитыми при взятіи Никополя. Разсматривали въ бинокль и самихъ турокъ, лѣниво бродившихъ небольшими кучками около своихъ укрѣпленій. Наши позиціи теперь настолько пододвинуты къ турецкимъ, что непріятельскія пули далеко перелетаютъ черезъ головы. Но турки не стрѣляли, несмотря на то, что громадная конная свита и конвой должны были бросаться имъ въ глаза, тѣмъ болѣе, что мы двигались и останавливались сплошною толпою, вовсе не скрываясь. Чѣмъ это объяснить — не знаю, но замѣтилъ, что Великому Князю такое невниманіе не понравилось. Ему видимо хотѣлось вызвать огонь турокъ. На одной изъ батарей онъ даже усѣлся на гребень бруствера и собралъ всѣхъ вокругъ себя, а на докладъ батарейнаго командира, что батарея находится въ сферѣ ружейнаго огня — отвѣчалъ, что теперь стрѣльбы нѣтъ.

Объѣздъ, въ сущности безрезультатный, продолжался почти до 3-хъ часовъ дня. Адъютантъ Тотлебена Шильдеръ говорилъ мнѣ, что его принципалъ считаетъ какъ сегодняшнюю, такъ и предстоящія поѣздки только прогулками верхомъ, а настоящую развѣдку начнетъ производить уже по отъѣздѣ Великаго Князя.

Великій Князь объявилъ, что Тотлебенъ будетъ „помощникомъ“ князя Карла, номинальнаго начальника всего западнаго отряда. Начальникомъ штаба—князь Имеретинскій. Гурко—начальникомъ всей кавалеріи западнаго отряда, вмѣсто Крылова (начальника 4-й кавалерійской дивизіи), который разговариваетъ о военныхъ дѣйствіяхъ очень умно, но до сихъ поръ ничего еще не предпринималъ и кавалерія подъ его начальствомъ ничего не дѣлаетъ, а о непріятелѣ ничего не знаетъ. Зотовъ возвратится къ своей должности командира 4-го корпуса.

Сегодня утромъ онъ (Зотовъ) посылалъ въ Плевну своего ординарца, маріупольскаго гусарскаго полка юнкера Татищева [1]), съ письмомъ къ Осману-пашѣ: приметъ ли онъ парламентера отъ Великаго Князя. Татищева, ѣхавшаго съ бѣлымъ флагомъ и трубачомъ, остановили на сторожевыхъ постахъ и дальше не пустили. Начальникъ сторожевой цѣпи взялъ у него письмо и приказалъ подождать. Часа черезъ два привезли отвѣтное письмо Османа-паши, которое Татищевъ представилъ Зотову, а Зотовъ—Великому Князю. Вотъ оно:

„Quartier général de Plewna.

„(19 Sept.) 1 Oct. 1877.

[1]) Пошелъ въ юнкера передъ самою войною изъ секретарей нашего посольства въ Вѣнѣ. Впослѣдствіи—видный публицистъ и писатель.

„Général.

„Au reçu de votre honorée lettre, j'ai l'honneur de porter à votre connaissance, qu'une tente sera dressée le (21 Sept.) 3 Oct. du mois courant sur la route entre Plewna et Griwitza, à l'endroit où la présente lettre sera remise, dans le but de recevoir le parlementaire annoncé.

„Comme cependant dans votre mission il n'est pas indiqué, dans quel but le parlementaire en question sera dépéché, j'aurai l'honneur d'envoyer à sa rencontre un officier pour savoir, quel sujet sera débattu, et ce n'est qu'alors gue je pourrai donner une réponse décisive. Veuillez agréer, Général, l'assurance de ma haute considération.

„Osman-Pacha, Commandant-en-chef de l'armée Impériale Ottomane de Plewna.

„Général Zotoff, Chef d'Etat-Major du corps d'Occident de l'armeé Impériale, etc, etc, etc".

20 сентября, вторникъ.—Всю ночь и утро шелъ дождь. Въ 9 час. утра опять отправились объѣзжать позиціи. Прежде всего остановились на второй осадной батареѣ и тамъ сошли съ коней. Увидавъ въ бинокль, что около одного укрѣпленія копошится и работаетъ много турокъ, Великій Князь приказалъ открыть по нимъ огонь, за дѣйствіемъ котораго и наблюдалъ около ½ часа. Сдѣлано было тридцать выстрѣловъ (въ переводѣ на деньги—истрачено около 4.000 руб.), но турки работъ не прекратили и на огонь не отвѣчали.

Поѣхали дальше по линіи нашихъ укрѣпленій, мимо деревни Гривицы, столько разъ залитой русскою кровью и послѣдній разъ сильно пострадавшей отъ турецкаго огня 30-го августа, хотя тамъ былъ тогда только перевязочный пунктъ. Теперь вся деревня имѣетъ мирный видъ: всѣ дома заняты офицерами, а улицы загромождены повозками, хотя турки могли бы и теперь засыпать Гривицу снарядами, еслибы захотѣли.

За Гривицей начался участокъ румынскихъ войскъ. Совѣстно было смотрѣть, насколько у нихъ больше порядка, чѣмъ у насъ. Бивачныя мѣста выбраны тщательно и устроены красиво и аккуратно; ружья и солдатскія вещи разставлены и разложены систематически; палатки и землянки расположены правильными, выровненными линіями и рядами; между баталіонами и полками—уставные интервалы. Внутренняя отдѣлка землянокъ—на отличку. Вездѣ чисто, порядливо и изящно. Даже для лошадей на коновязяхъ устроены соломенные навѣсы; этого у насъ и для царскихъ лошадей нѣтъ.

Войска встрѣчали Великаго Князя не толпою, какъ наши, а въ колоннахъ впереди своихъ землянокъ и палатокъ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ. Пошли мы посмотрѣть румынскія укрѣпленія—еще стыднѣе стало. Ко всѣмъ батареямъ и траншеямъ для стрѣлковъ—прорыты углубленные ходы, отлично прикрытые траверзами отъ непріятельскихъ взоровъ и выстрѣловъ. Всѣ земляныя сооруженія щегольски отдѣланы, точно игрушечныя. Пройдя въ самую передовую траншею, я, будучи близорукъ, отлично видѣлъ безъ бинокля ближайшій турецкій редутъ: такъ близко подошли румыны траншеями къ туркамъ. Великій Князь приказалъ открыть огонь съ батареи: наблюдая за паденіемъ гранатъ, я ясно видѣлъ, какъ одна изъ нихъ шлепнулась въ упомянутый редутъ и внутри его разорвалась. Но турки и тутъ не отвѣчали, такъ что у меня даже явилось подозрѣніе: не брошенъ ли ими этотъ редутъ совсѣмъ?

По осмотрѣ румынскихъ позицій, князь Карлъ пригласилъ Великаго Князя и насъ всѣхъ завтракать въ штабъ своей арміи (самъ онъ живетъ попрежнему въ Порадимѣ), въ дер. Врбицу. Тамъ Великаго Князя встрѣтилъ почетный караулъ со знаменемъ; музыка играла нашъ народный гимнъ. Завтракъ состоялся въ особо-приготовленной палаткѣ; за столомъ насъ всѣхъ разсадили строго по чинамъ.

Послѣ завтрака князь Карлъ, подойдя ко мнѣ, лично вручилъ командорскій крестъ вновь учрежденнаго имъ ордена—„Румынской звѣзды“, съ мечами. Когда я благодарилъ его, прибавивъ въ заключеніе:—Je ne m'y attendais jamais, que j'aurai l'honneur de recevoir une décoration Roumaine, — князь очень скромно отвѣтилъ: „Et moi, — je ne songeais jamais, que je pourrai distribuer des décorations“.

Изъ румынскаго штаба мы уже поѣхали на свой бивакъ въ коляскахъ. Проѣзжая по гривицкому шоссе, Великій Князь замѣтилъ позади него бивакъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, остановился и велѣлъ подвести всю бригаду къ шоссе. Около 20-ти минутъ наши четыре коляски ждали на шоссе, пока добѣжали до насъ офицеры и солдаты, окружившіе коляску Великаго Князя густою толпою. Онъ своимъ звонкимъ голосомъ задушевно поблагодарилъ эту храбрую и многострадальную бригаду за всѣ ея тяжкіе подвиги и труды. Восторженнымъ „ура“ отвѣчали архангелогородцы и вологодцы. Непостижимо, что турки не соблазнились открыть огонь даже по этой двухтысячной толпѣ, сгустившейся на возвышенномъ шоссе, которое должно быть видно съ турецкихъ позицій какъ на ладони.

Въ 4-мъ часу вернулись на свой бивакъ, и я сейчасъ же засѣлъ за работу, ибо мнѣ, кромѣ моихъ постоянныхъ занятій, приходится еще здѣсь исправлять обязанности Левицкаго, оставленнаго въ Горномъ-Студнѣ.

Поздно вечеромъ вдругъ началась усиленная ружейная перестрѣлка на правомъ флангѣ, продолжавшаяся около сорока минутъ. Всѣ мы вышли изъ палатокъ и стали усиленно всматриваться въ непроглядный мракъ, но, конечно, ничего не видѣли, кромѣ безпрестанно сверкавшихъ съ обѣихъ сторонъ огоньковъ. Когда перестрѣлка затихла — пошли спать. На другой день узнали, что перестрѣлка была начата румынами, которымъ въ темнотѣ померещилось, что турки къ нимъ подкрадываются.

21 сентября, среда. — День сѣрый, теплый и тихій: вечеромъ крупный, настойчивый дождь. Гурко пріѣхалъ, и Тотлебенъ, взявъ съ собою его и князя Имеретинскаго, немедленно отправился производить рекогносцировку на лѣвый берегъ Вида. Мы остались на бивакѣ: цѣлый день, по указаніямъ Непокойчицкаго, я составлялъ и разсылалъ во всѣ стороны телеграммы. Дѣлъ накопилась масса. Отъ Дрентельна (командующій войсками въ тылу арміи) изъ Бухареста получена телеграмма, что турки сосредоточили въ Силистріи значительныя силы и собираются сдѣлать оттуда диверсію на лѣвый берегъ Дуная, угрожая нашему тылу и сообщеніямъ. Въ виду полнаго правдоподобія такого извѣстія, Дрентельну предоставлено задержать въ Румыніи идущія походомъ 24-ю пѣхотную и 1-ю кавалер. дивизіи, впредь до разъясненія обстоятельствъ. Начальнику нижне-дунайскаго отряда Циммерману предписано произвести къ сторонѣ Силистріи угрожающую демонстрацію.

Сегодня, въ 11 час. утра, нашъ драгоманъ Макѣевъ съ бѣлымъ флагомъ, въ сопровожденіи юнкера Татищева и шести рослыхъ красавцевъ гвардейскихъ казаковъ, отправился къ туркамъ для переговоровъ. На условленномъ мѣстѣ (на гривицкомъ шоссе) его уже ожидалъ полковникъ генеральнаго штаба Тевфикъ-бей съ адъютантомъ, еще двумя офицерами и четырьмя нижними чинами. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій на турецкомъ языкѣ и во вкусѣ восточной вѣжливости [1]), Тевфикъ-бей спросилъ Макѣева: „Вамъ извѣстно содержаніе письма Османа-паши?“ — Да, содержаніе этого письма мнѣ извѣстно отъ Великаго Князя. — „А что,

[1]) Весь нижеприведенный разговоръ записанъ мною въ полевую записную книжку тотчасъ по возвращеніи Макѣева, съ его словъ, совершенно такъ, какъ онъ докладывалъ Великому Князю.

вы прибыли вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, или только сегодня?“ — Нѣтъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. И онъ приказалъ мнѣ переговорить съ самимъ Османомъ-пашой, а потому,—извините—при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я прошу позволенія видѣться и говорить съ самимъ пашой.—„Будьте добры сами написать пашѣ, потому что онъ приказалъ мнѣ говорить съ вами“.

Макѣевъ написалъ Осману записку по-турецки, и адъютантъ поскакалъ съ нею въ Плевну. Не болѣе какъ черезъ полчаса пріѣхалъ съ письменнымъ отвѣтомъ уже другой адъютантъ, Ахметъ-бей, старый константинопольскій знакомый Макѣева. Османъ-паша отвѣчалъ (въ третьемъ лицѣ), что очень извиняется, по нездоровью самъ пріѣхать не можетъ, а проситъ передать все, что̀ нужно, Тевфикъ-бею.

Такимъ образомъ, о затаенной цѣли переговоровъ не могло быть и рѣчи, и пришлось ограничиться разговорами объ уборкѣ тѣлъ убитыхъ.

Макѣевъ началъ съ выраженія соболѣзнованія о нездоровьи Османа-паши, пожалѣлъ, что лишенъ вслѣдствіе этого удовольствія и чести видѣть его и просилъ пожелать скорѣйшаго и полнаго возстановленія здоровья, а также выразить надежду, что онъ будетъ имѣть удовольствіе его видѣть и бесѣдовать съ нимъ когда-нибудь въ другой разъ. Затѣмъ выступилъ съ предложеніемъ объ уборкѣ тѣлъ, обусловливая это санитарною необходимостью для обѣихъ сторонъ.

Тевфикъ-бей возразилъ, что допустить нашихъ до уборки труповъ—значитъ предоставить намъ осматривать вблизи всѣ турецкія укрѣпленія,—а это невозможно.

На это Макѣевъ отвѣтилъ, что уборкою будутъ заниматься не офицеры и солдаты, а врачи и санитары.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ отмѣнно тонко и умно:

— Я не дипломатъ,—сказалъ онъ,—буду говорить вполнѣ откровенно. Мнѣ странно, что вы поднимаете этотъ вопросъ теперь, а не три недѣли тому назадъ, когда это было бы понятнѣе. Невольно является сомнѣніе, почему это? Ваши мертвыя тѣла гораздо ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, чѣмъ къ вашимъ: если мы допустимъ васъ до уборки, то, значитъ, позволимъ вамъ вблизи разглядывать и наши укрѣпленія, и все, что̀ у насъ дѣлается. Скажите по совѣсти: развѣ вы позволили бы это на нашемъ мѣстѣ? Вы налегаете на санитарныя соображенія, и я вполнѣ вамъ сочувствую. Но по этимъ соображеніямъ нѣтъ надобности непремѣнно убирать свои трупы. Я вамъ лучше вотъ что̀ предложу, и не только на этотъ разъ, но и на будущее

время: условимся назначать дни и часы для уборки и погребенія тѣлъ, прекращая на это время огонь. И пусть обѣ стороны убираютъ и хоронятъ тѣла въ своемъ районѣ, и своихъ и чужихъ. А мы съ удовольствіемъ готовы даже хоронить вашихъ убитыхъ по обряду вашей вѣры: намъ стоитъ только послать для этого болгарскихъ священниковъ.

Макѣевъ:—Я вполнѣ одобряю ваше предложеніе, но самъ не могу изъявить согласія, а долженъ доложить Великому Князю.

Тевфикъ-бей:—Мы подождемъ отвѣта. Дайте только знать, и мы примемъ парламентера опять съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ принимаемъ теперь васъ. Извините меня за нескромный вопросъ. Вы стрѣляете по городу. Конечно, это ваше право, но я вамъ заявляю, что у насъ въ городѣ войскъ нѣтъ (они всѣ стоятъ лагерями), а только одни больные и раненые, да жители—болгары съ семействами. Общаго госпиталя, который мы могли бы обозначить бѣлымъ флагомъ съ красною луною, у насъ нѣтъ: больные и раненые размѣщены по 10—20 человѣкъ во всѣхъ почти домахъ. Такъ что вы вредите только больнымъ и раненымъ да оставшимся въ городѣ болгарамъ, а не нашимъ войскамъ.

Макѣевъ:—На это я ничего вамъ отвѣтить не могу, потому что не знаю. Я вѣдь не военный. Думаю только, что если стрѣляютъ по городу, то не безъ причины.

Тевфикъ-бей:—Конечно не безъ причины, я тоже такъ думаю.

Затѣмъ Макѣевъ спросилъ, отчего не приняли румынскаго парламентера, котораго посылалъ князь Карлъ.

Тевфикъ-бей отвѣчалъ тономъ притворнаго удивленія: „Какіе румыны? мы такихъ не знаемъ. Слышали, что къ вамъ зачѣмъ-то пристроились молдаване и валахи, но намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Мы съ вами воюемъ и отъ васъ всегда примемъ всякаго, кого бы вы намъ ни прислали. Мы даже приняли вашего чауша (т.-е. унтеръ-офицера), котораго вы къ намъ третьяго дня присылали (т.-е. юнкера Татищева, который былъ и теперь тутъ же). И на будущее время примемъ всякаго съ удовольствіемъ, но только отъ васъ.

Затѣмъ пошли частные разговоры. Между прочимъ, Тевфикъ-бей спросилъ: „Не холодно ли вамъ?“—Макѣевъ отвѣчалъ, что мы именно отъ холодовъ и ожили: тяжело было въ жару, а холодъ намъ привыченъ и пріятенъ. Тогда Тевфикъ-бей сознался, что они наоборотъ: страдаютъ отъ холода. Затѣмъ спросилъ: „Какъ у васъ насчетъ ѣды?“—Макѣевъ отвѣчалъ, что ѣды вволю, а что тѣ, кто состоитъ при Великомъ Князѣ, каждый день у него

Государственная публичная Московской обл. библиотеки

обѣдаютъ. „А много ли у него обѣдаетъ?“—Да иногда до двухъсотъ человѣкъ.—„Вотъ какъ! Ну, у насъ этого нѣтъ: „Османъ-паша приглашаетъ къ своему столу ежедневно только по два человѣка по очереди“.

Во время этого разговора Макѣева угощали кофе, шербетомъ и папиросами. Послѣднія были, однако, настолько плохи, что Макѣевъ предложилъ Тевфику и другимъ двумъ офицерамъ свои, которыя они и выкурили съ большимъ удовольствіемъ. Нашихъ лейбъ-казаковъ угощали турецкіе солдаты: галетами, медомъ и табакомъ. Очень удивлялись ихъ красотѣ и росту и любовались ихъ лошадьми. Одинъ турецкій солдатъ полюбопытствовалъ, кто они: черкесы или казаки?

Около 3-хъ час. дня Макѣевъ вернулся и въ моемъ присутствіи доложилъ Великому Князю весь вышеприведенный разговоръ. Такимъ образомъ секретная цѣль его миссіи обратилась въ мыльный пузырь. Сегодня посланы Государю слѣдующія телеграммы (составленныя самимъ Великимъ Княземъ).

1) Далъ знать генералу Дрентельну, что оставляю въ его распоряженіи, пока не объяснится дѣло, 24 пѣхотн. и 1 кавал. дивизіи. Здѣсь все тихо. Радецкій доноситъ, что и у него тихо, и что разъѣзды, посланные по всѣмъ горнымъ тропамъ между Шипкою, Хаинкіоемъ и Еленою, нигдѣ непріятеля не встрѣчали. Шаховской доноситъ, что на османъ-базарской дорогѣ спокойно, движеній никакихъ не видать. 26-я дивизія подвинулась до Водицы и Ковачицы. Движеніе Мехмета-Али къ Рущуку, о которомъ доноситъ Наслѣдникъ, еще недостаточно объясняетъ его намѣренія.

2) Сейчасъ нашимъ выстрѣломъ взорванъ большой пороховой погребъ въ турецкомъ редутѣ. Турки сегодня открывали изрѣдка огонь. Крыловъ доноситъ, что 19-го турки выходили на фуражировку въ Дольный Этрополь; у насъ было при этомъ хорошее дѣло Чернозубова. Три полка Крылова стоятъ на софійскомъ шоссе, никакихъ транспортовъ съ 10 числа не проходило. Тотлебенъ еще не вернулся съ рекогносцировки.

22 сентября, четвергъ.—Всю ночь и все утро шелъ дождь. Въ 10 часовъ утра собрались къ Великому Князю на совѣщаніе. Князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и Гурко. Къ завтраку совѣщаніе кончилось. Окончательно рѣшено: гвардію привести подъ Плевну; князю Имеретинскому немедленно сформировать новый штабъ западнаго отряда; Гурко вступить въ командованіе всею кавалеріею его; вопросъ о командованіи гвардейскимъ кор-

пусомъ и 1-ю гвард. пѣх. дивизіею—какъ благоугодно будетъ Государю.

23 сентября, пятница.—Выѣхали въ 10 часовъ утра изъ-подъ Плевны, завтракали у князя Карла въ Порадимѣ. Тамъ Великому Князю попался на глаза маленькій тринадцатилѣтній казачокъ, котораго отецъ-вдовецъ взялъ съ собой съ Дона въ походъ. Дорогой онъ какъ-то отсталъ отъ своего полка, назначеннаго въ рущукскій отрядъ, и пристроился къ другому донскому же полку, шедшему подъ Плевну. Полкъ этотъ его пріютилъ, одѣлъ по своей формѣ и сообщилъ его полку, что мальчикъ живъ и здоровъ, но получилъ отвѣтъ, что отецъ его уже убитъ. Такимъ образомъ мальчикъ оказался круглымъ сиротою. Великій Князь сейчасъ же взялъ его къ себѣ, велѣлъ сѣсть на козлы своей коляски и намѣренъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отослать его въ Петербургъ и помѣстить на свой счетъ въ какую-нибудь школу. При разспросахъ обнаружилось, что его уже хотѣлъ взять къ себѣ одинъ изъ флигель-адъютантовъ князя Карла, но мальчикъ отказался: предпочелъ остаться въ пріютившемъ его полку.

Ѣхали очень долго: лошади нѣсколько разъ останавливались; прибыли въ Горный-Студень только къ 5-ти часамъ утра 24 сентября.

24 сентября, суббота.—Цѣлый день дождь и невыносимый холодъ. Въ кибиткѣ нашей всего 4^0 тепла, а къ вечеру—только 2^0.

Государь рѣшилъ оставить Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича на своихъ мѣстахъ. Кто будетъ командовать гвардейскимъ корпусомъ—еще неизвѣстно.

Холодъ и дождь: 3^0 тепла въ кибиткѣ. Писать, какъ мнѣ приходится, цѣлый день—очень трудно. Ничѣмъ согрѣться не могу. Каково же бѣднымъ войскамъ, особенно на Шипкѣ! Теплой одежды ни у кого нѣтъ. Вчера 1-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ Горнаго-Студня подъ Плевну.

26 сентября, понедѣльникъ.—Сегодня теплѣе: въ кибиткѣ 6^0 тепла.

Прибыли въ главную квартиру въ качествѣ любознательныхъ знатныхъ иностранцевъ: принцъ Арнульфъ Баварскій и находившійся все время (неизвѣстно—зачѣмъ) при румынскихъ войскахъ испанскій принцъ-претендентъ Донъ-Карлосъ. Оба были

приглашены сегодня Великимъ Княземъ къ обѣду. Принцъ Арнульфъ просится на Шипку. Пріѣхалъ также присланный Тотлебеномъ для переговоровъ князь Имеретинскій.

27 сентября, вторникъ.—По просьбѣ Тотлебена, переданной княземъ Имеретинскимъ, разрѣшено: 1) оставить всѣ армейскія войска на своихъ мѣстахъ, такъ какъ они уже освоились со своими участками позиціи и построили на нихъ землянки: всякое передвиженіе будетъ стѣснительно для нихъ и вредно для дѣла [1]), 2) гвардію [2]) перевести за р. Видъ, на софійское шоссе, поручивъ общее командованіе ею Гурко, который опять проситъ себѣ Наглевскаго въ начальники штаба; 3) Скобелева съ 16-ю пѣх. дивизіею поставить на плевно-ловчинское шоссе.

Сегодня пріѣхалъ съ Шипки начальникъ штаба Радецкаго, генералъ-маіоръ Дмитревскій. Положеніе незавидное: теплой одежды нѣтъ, шаровары въ лохмотьяхъ, сапоги разлѣзлись. Землянокъ на скалахъ строить нельзя: попытки были, но привели лишь къ тому, что нѣсколько землянокъ обрушились и заживо похоронили одного офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ. Всѣ мерзнутъ и почти поголовно хвораютъ: совсѣмъ здоровые—рѣдкость. Къ числу этихъ исключеній принадлежитъ, къ счастью, самъ Радецкій, хотя и живетъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и весь отрядъ. Шипка наполовину держится обаяніемъ его личности. Перестрѣлки и потери убитыми и ранеными—каждый день. Передышки никому нѣтъ. Безъ полушубковъ и подкрѣпленій, говоритъ Дмитревскій, долго держаться нельзя: придется бросить Шипку, за невозможностью тамъ существовать.

Столь энергичное представленіе подѣйствовало: приказано доставить полушубки и сапоги какъ можно скорѣе во что бы то ни стало (до сихъ поръ объ этомъ шла лишь заурядная „переписка“), а генералъ-адъютанту Гершельману съ тремя полками его 24-й пѣхотной дивизіи приказано идти изъ Калараша на

---

[1]) По словамъ князя Имеретинскаго оказалось, что на совѣщаніи 22 сентября (см. выше) Великій Князь далъ слѣдующія указанія относительно распредѣленія войскъ: по прибытіи гвардіи подъ Плевну, поставить ее на мѣста, занятыя нынѣ 4-мъ корпусомъ, 2-ю пѣхотною дивизіею и 3-ю стрѣлковою бригадою, переведя эти войска на лѣвый берегъ Вида и возложивъ общее начальство надъ ними—на Зотова, командованіе всею пѣхотою за р. Видомъ—на Скобелева, а всею кавалеріею—на Гурко. Это было бы не только напрасное, но и прямо вредное передвиженіе войскъ на глазахъ и подъ огнемъ турокъ.

[2]) Насчетъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, однако, ничего не рѣшено окончательно. Даже и относительно 2-й гвард. кавал. дивизіи есть какія-то колебанія.

Шипку, оставивъ для наблюденія за Силистріей омскій пѣхотный полкъ съ двумя батареями.

Получено извѣстіе, что вмѣсто Мехмета-Али назначенъ главнокомандующимъ Сулейманъ-паша.

Получилъ и доложилъ Великому Князю письмо отъ „генерала" Кароля Тэвиса изъ Бухареста. Сообщаетъ, что бухарестское развѣдочное англо-турецкое бюро Кингстона аккуратно получаетъ и передаетъ въ Лондонъ и Константинополь свѣдѣнія о нашей арміи, получаемыя имъ отъ состоящихъ при императорской главной квартирѣ: военнаго агента полковника Уэллеслея и флигель-адъютанта англійской королевы полковника Бекера, пріѣхавшаго съ мѣсяцъ тому назадъ. Тэвисъ пишетъ, что Бекеръ присланъ совсѣмъ не какъ флигель-адъютантъ, а какъ директоръ „Intelligence-Department", т.-е.—того штабнаго отдѣленія, которое собираетъ свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ.

Великій Князь рѣшилъ послать въ Бухарестъ самаго молчаливаго адъютанта своего, капитана Попова (онъ называетъ его „Ваша мрачность") къ Дрентельну. Сущность порученія—въ томъ, чтобы сперва тайно условиться съ Тэвисомъ насчетъ поѣздки его въ Константинополь и присылки оттуда свѣдѣній, передать ему деньги, а затѣмъ—съ возможно бо̀льшею оглаской выслать Тэвиса изъ Румыніи, какъ подозрительную личность. А затѣмъ учредить наблюденіе за Кингстономъ, постараться его уличить, произвести обыскъ и выслать тоже, но уже въ серьёзъ.

Я забылъ упомянуть, что на дняхъ Великій Князь мнѣ сказалъ, что графъ Адлербергъ и Д. А. Милютинъ выражали ему неудовольствіе: отчего читающей публикѣ ничего не сообщается о Государѣ, какъ будто его и нѣтъ при арміи.

Я объяснилъ Великому Князю, что, по существующимъ цензурнымъ правиламъ, не допускается упоминать ни о чемъ, касающемся Государя и членовъ императорской фамиліи, безъ предварительнаго разрѣшенія министра императорскаго двора. Поэтому, если кто-либо изъ газетныхъ корреспондентовъ напишетъ что-либо о Государѣ, то такую корреспонденцію въ Петербургѣ задержатъ и пришлютъ обратно сюда, на усмотрѣніе графа Адлерберга.

Такимъ образомъ, пройдетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ такая корреспонденція попадетъ въ печать, утративъ, такимъ образомъ, значительную часть своего интереса. Если графу Адлербергу угодно устранить эти препоны, то сдѣлать это весьма легко: стоитъ только избрать подходящаго корреспондента, допускать его прямо къ себѣ для личнаго доклада и дѣлать раз-

рѣшительныя надписи на корреспонденціяхъ, сообщивъ объ этомъ для свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ; если же нужно ускорить напечатаніе какой-либо корреспонденціи, то посылать ее съ курьеромъ.

Великій Князь вполнѣ одобрилъ это предложеніе и спросилъ только, кого я рекомендую? Я указалъ на Немировича-Данченко, какъ на писателя неутомимаго, вездѣ бывающаго, отлично и быстро пишущаго и притомъ уже завоевавшаго себѣ симпатіи массы читающей публики. Великій Князь и съ этимъ согласился, а вчера приказалъ мнѣ отправить Немировича къ графу Адлербергу и Милютину. Вчера онъ у нихъ былъ, вернулся въ восторгѣ отъ любезнаго пріема обоихъ министровъ, а сегодня уже понесъ графу Адлербергу цѣлыхъ двѣ корреспонденціи на просмотръ. Графъ прочелъ, одобрилъ, немедленно сдѣлалъ разрѣшительныя надписи и весьма любезно пригласилъ приходить хоть каждый день, не стѣсняясь.

30 сентября, пятница.—Больше двухъ недѣль солнца не видали, а съ 22-го—холодъ, вѣтеръ почти безпрерывный дождь и невылазная грязь. На Дунаѣ все время буря. Переправа и дороги—въ ужаснѣйшемъ состояніи.

1 октября, суббота.—Наконецъ-то выглянуло солнце. Но холодно. Ужасно трудно писать цѣлыми днями въ такомъ холоду. Сегодня, наконецъ, изобрѣли средство хоть ненадолго согрѣвать свою кибитку: вырыли яму и жжемъ въ ней дрова, кукурузные стебли, что̀ придется,—открывая для тяги тюндюкъ (отверстіе въ куполѣ кибитки).

2 октября, воскресенье.—Погода, наконецъ, вызвѣрилась. Сегодня чудный день. Пріѣхалъ графъ Шуваловъ. 2-я гвард. пѣхотн. дивизія подходитъ: къ 8-му должна подтянуться сюда вся.

Великій Князь очень разсердился, получивъ сегодня письмо Гурко, что кавалерія западнаго отряда найдена имъ въ весьма незавидномъ состояніи. Ему такъ это непріятно, что онъ посылаетъ Струкова провѣрить.

4 октября, вторникъ.—Прекрасная погода держится, но по ночамъ очень холодно.

Пріѣхалъ вчера Гурко отъ Тотлебена: заявляетъ, что ему для полнаго обложенія Плевны необходима по крайней мѣрѣ еще одна дивизія. Великій Князь окончательно согласился дать Тотлебену 2-ю гвард. пѣхотную и 2-ю гвард. кавалер. дивизіи.

Въ гвардейскомъ корпусѣ—большой переполохъ: ужасно обижаются, что почти весь корпусъ поступаетъ подъ начальство Гурко, назначеннаго командующимъ „войсками гвардіи и кавалеріи“ западнаго отряда. Особенно негодуетъ корпусный штабъ, чинамъ котораго кажется особенно обиднымъ подчиненіе вчерашнему своему товарищу, Наглевскому, такъ быстро выдвинувшемуся благодаря забалканскому походу. Въ императорской главной квартирѣ большинство также очень ропщетъ, что Гурко такъ выдвигаютъ: тамъ особенно подчеркиваютъ, что всѣ начальники гвардейскихъ дивизій и начальникъ штаба гвардейскаго корпуса —старше его въ чинѣ. Одинъ изъ генералъ-адъютантовъ (Салтыковъ) говорилъ мнѣ, что если ужъ признаютъ за Гурко такія исключительныя военныя дарованія, то слѣдовало бы сперва произвести его въ полные генералы, а потомъ уже подчинять ему старшихъ въ чинѣ; что подобныя назначенія не только оскорбительны, но роняютъ дисциплину.

Графъ Шуваловъ, наоборотъ, во всеуслышаніе говоритъ, что съ радостью подчиняется Гурко, какъ уже заявившему себя энергическимъ и способнымъ начальникомъ отдѣльнаго отряда. Сегодня я слышалъ это отъ него самого. А между тѣмъ графъ Шуваловъ и въ чинѣ, и по служебному положенію (уже около восьми лѣтъ начальникъ штаба округа) гораздо старше всѣхъ. Каталей (начальникъ 3-й гвард. пѣх. дивизіи) тоже никакихъ претензій не изъявляетъ.

До Государя, очевидно, дошли всѣ эти разговоры, потому что онъ сегодня рѣшилъ и объявилъ: графъ Воронцовъ-Дашковъ командируется въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича, начальникомъ всей кавалеріи рущукскаго отряда. Этимъ способомъ устраняется крайне-щекотливое подчиненіе его только-что произведенному въ генералы Наглевскому; послѣдній же фактически дѣлается временнымъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, обращаемаго такимъ образомъ въ „штабъ войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда“.

Гурко лично подтвердилъ Великому Князю и притомъ со свойственною ему рѣзкостью, что состояніе кавалеріи западнаго отряда крайне неудовлетворительное; не скрылъ, что задѣтъ командировкою Струкова (онъ съ нимъ разъѣхался, ѣдучи сюда) для повѣрки его заявленія. Доложилъ Великому Князю, что интендантская часть во всемъ западномъ отрядѣ ниже всякой критики: ни хлѣба, ни сухарей нѣтъ, подвозъ пріостановился изъ-за распутицы, ѣдятъ кукурузу.

Отъ Гурко же узналъ, что Тотлебенъ, ежедневно объѣзжая

позиціи, обратилъ вниманіе на безтолковую и потому безрезультатную стрѣльбу нашихъ батарей: каждая изъ нихъ выбирала себѣ цѣль сама и такимъ образомъ огонь напрасно разсѣивался по всей линіи. Тотлебенъ приказалъ производить сосредоточенную стрѣльбу по его личнымъ указаніямъ. Для цѣлой группы батарей назначается цѣлью какое-нибудь одно укрѣпленіе, которое, по заранѣе условленному сигналу, разомъ засыпается цѣлою массою гранатъ. При этомъ назначается заранѣе же, сколько выстрѣловъ должна сдѣлать каждая батарея. Затѣмъ сосредоточенный огонь переводится на другое, заранѣе намѣченное укрѣпленіе.

По словамъ Гурко, впечатлѣніе первыхъ трехъ такихъ залповъ было поразительное. Съ лѣваго берега Вида, гдѣ стоитъ наша кавалерія и откуда вся Плевна и весь турецкій укрѣпленный лагерь какъ на ладони, ясно былъ виденъ страшный переполохъ, вызванный этимъ сюрпризомъ: вся турецкая армія стала въ ружье. На второй и на третій день—то же самое.

5 октября, среда.—Прошли подъ Плевну полки л.-гв. гренадерскій, павловскій и финляндскій. Л.-гв. московскій еще не дошелъ: идетъ позади всѣхъ.

7 октября, пятница.—Ночью былъ морозъ, но день—чудный. Румынамъ удалось сегодня вечеромъ взять съ налету ближайшій къ нимъ турецкій редутъ, о чемъ князь Карлъ поспѣшилъ съ восторгомъ телеграфировать. Но черезъ нѣсколько минутъ подошли турки и вытѣснили румынъ.

8 октября, суббота.—Сегодня Великій Князь объявилъ, что 10-го ѣдемъ подъ Плевну: зачѣмъ—не знаю. Лучше было бы бы предоставить Тотлебену распоряжаться тамъ самостоятельно. Но это едва ли случится: подвижная натура Великаго Князя не выноситъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ и терпѣливаго ожиданія. Думаю, что мы и не вернемся изъ-подъ Плевны до тѣхъ поръ, пока этотъ узелъ не развяжется. Не сомнѣваюсь также, что и Государь переѣдетъ со всею своею главною квартирою вслѣдъ за Великимъ Княземъ.

Государь приказалъ направить 3-ю гренадерскую дивизію Наслѣднику на подкрѣпленіе.

Къ вечеру морозъ, но день былъ чудный.

10 октября, понедѣльникъ. — Сегодня утромъ мы уже были готовы къ отъѣзду, какъ Великій Князь получилъ просьбу Тот-

лебена повременить до завтра. На 12-е октября назначена атака редутовъ, построенныхъ турками на софійскомъ шоссе, у деревень Горный-Дубнякъ и Телишъ. Это будетъ первый дебютъ гвардіи. Погода держится дивная, но по ночамъ морозы.

11 октября, вторникъ.—Выѣхали рано утромъ изъ Горнаго-Студня: Великій Князь съ Непокойчицкимъ въ колескѣ, мы—верхомъ. Большая часть свиты Великаго Князя отправлена была впередъ еще 9-го октября. Ночевали въ д. Раденицѣ. Погода была чудная.

12 октября, среда. — Великій Князь съ Непокойчицкимъ уѣхали еще вчера впередъ. Мы, кучка верховыхъ, выѣхали около 9 час. утра и, прибывъ на старое бивачное мѣсто (у осадной батареи), никого тамъ не застали. Великій Князь съ Непокойчицкимъ съ ранняго утра уѣхалъ въ д. Медованъ, на берегъ р. Вида, чтобы слѣдить оттуда за атакою гвардіи на Горный-Дубнякъ, а главную квартиру приказалъ отправить въ д. Боготъ. Отправились туда. По дорогѣ заѣхали къ князю Имеретинскому въ д. Тученицу, у него закусили и выпили чаю [1]). Это оказалось очень кстати, ибо, по прибытіи въ Боготъ, мы ждали возвращенія Великаго Князя, а слѣдовательно и обѣда—до 9 час. вечера. Великій Князь ѣздилъ въ Медованъ: ничего оттуда не было видно и никакихъ извѣстій онъ оттуда не получилъ.

13 октября.—Около 3-хъ час. утра, меня разбудилъ дежурный ординарецъ: Великій Князь требуетъ. Оказалось, что получено извѣстіе о взятіи Горнаго-Дубняка. Великій Князь приказалъ мнѣ составить депешу и объявилъ, что въ 7 час. утра ѣдетъ туда самъ, чтобы осмотрѣть взятую позицію и поблагодарить войска.

Выѣхали мы, впрочемъ, часомъ позже, такъ какъ Великій Князь замѣшкался съ дѣлами. Великій Князь съ Непокойчицкимъ—въ колескѣ, которую конвоировали верхами: Левицкій, я, Струковъ, генеральнаго штаба полковникъ Бахъ и капитанъ Уссаковскій. Сзади слѣдовали еще двѣ великокняжескихъ коляски, въ которыхъ сидѣли докторъ Обермиллеръ со своимъ помощникомъ Березкинымъ, адъютанты Великаго Князя Скалонъ и Андреевъ и еще два ординарца его.

---

[1]) Князь Карлъ съ Тотлебеномъ и штабомъ переѣхали въ Тученицу только сегодня, очистивъ д. Порадимъ для Государя и императорской главной квартиры.

Мы ѣхали черезъ деревни Ральево, Іени-Бркачъ и Чириково. Въ послѣднемъ мѣстечкѣ, живописно расположенномъ на берегу р. Вида, нашли перевязочный пунктъ гвардіи, охраняемый частью лейбъ-гвардіи московскаго полка. Здѣсь Великій Князь обошелъ раненыхъ, а я записалъ фамилію раненыхъ офицеровъ. Поѣхали дальше, осмотрѣли поле сраженія, усѣянное неубранными еще тѣлами убитыхъ; Великій Князь объѣхалъ и поблагодарилъ войска. Я спѣшно записывалъ фамиліи убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и приблизительныя свѣдѣнія о числѣ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ каждаго полка. Насчиталъ 28 убитыхъ, 104 раненыхъ и 23 контуженныхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ—около 900 убитыхъ и около 2.400 раненыхъ. Въ этотъ счетъ вошли и потери лейбъ-гвардіи егерскаго полка, отдѣльная атака котораго на телишскій редутъ (туда мы не ѣздили) была отбита. Наиболѣе пострадали полки лейбъ-гвардіи егерскій (26 оф. и 935 нижн. чиновъ), гренадерскій (29 офиц. и 842 нижн. чина), павловскій 19 офиц. и 724 нижн. чиновъ) и московскій (18 офиц. и 693 нижн. чина), въ особенности принимая во вниманіе, что лейбъ-гвардіи московскій полкъ участвовалъ въ бою только въ 3-хъ-баталіонномъ составѣ.

По общему отзыву подъ свѣжими впечатлѣніями боя, героемъ дня былъ командующій лейбъ-гвардіи гренад. полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, за которымъ всѣ единогласно признавали честь взятія турецкаго редута, такъ упорно сопротивлявшагося. Офицеры 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ восторгомъ отзывались также о храбрости и самоотверженіи командовавшаго дивизіей генералъ-адъютанта графа Шувалова. Разсказовъ о подвигахъ было много: запомнить ихъ не было возможности, тѣмъ болѣе, что я былъ совершенно поглощенъ приведеніемъ въ извѣстность нашихъ потерь. Этимъ никто, кромѣ меня, не интересовался, никто даже не поручалъ мнѣ собирать эти свѣдѣнія: я взялъ это на себя добровольно.

Къ 5-ти час. дня кончился объѣздъ. Великій Князь простился съ Гурко и другими начальствующими лицами, и мы пустились въ обратный путь. Около 6-ти час. вечера остановились въ Чириковѣ отдохнуть и закусить: съ 7-ми час. утра никто изъ насъ ничего не ѣлъ.

Обратно ѣхали на нашихъ измученныхъ лошадяхъ (ничего не ѣвшихъ съ ночи) шагомъ и вернулись въ Боготъ только къ 2-мъ час. ночи. Ночь была холодная и сырая, но, къ счастію, лунная и ясная. Сдѣлавъ около 100 верстъ верхомъ, почти не слѣзая съ коня въ продолженіе 17-ти часовъ сряду, я чувствовалъ изрядную усталость.

14 октября.—Сегодня переѣхалъ въ Порадимъ Государь съ главною квартирою.

Вчера, во время нашего отсутствія, получена телеграмма отъ Наслѣдника, что 12 октября убитъ на развѣдкѣ князь Сергій Максимиліановичъ, пулею въ лобъ. При немъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Зандеръ. Для сопровожденія тѣла въ Петербургъ назначенъ адъютантъ Непокойчицкаго, лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистръ Максимовичъ.

Вчера вечеромъ скончался смертельно раненый подъ Горнымъ-Дубнякомъ командиръ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, генералъ-маіоръ Лавровъ, недавно бывшій начальникомъ штаба 2-й л.-гв. пѣх. дивизіи. Тяжело-раненые бригадные командиры этой дивизіи, свиты его величества генералъ-маіоры баронъ Зедделеръ и Розенбахъ, привезены сюда и помѣщены въ особой кибиткѣ, почти рядомъ съ кибиткою Великаго Князя. Сегодня навѣщалъ ихъ: состояніе здоровья обоихъ внушаетъ большія опасенія.

17 октября. — Въ 5 час. утра за мной прислалъ Великій Князь. Пока я одѣвался, за мной зашелъ самъ Непокойчицкій и объявилъ, что Телишъ взятъ. Мы вмѣстѣ пошли къ Великому Князю, у котораго и была составлена мною слѣдующая телеграмма:

„Вчера, 16 октября, войска гвардіи, подъ начальствомъ генерала Гурко, окружили турецкую укрѣпленную позицію у Телиша на софійскомъ шоссе и начали обстрѣливать ее изъ 72 орудій. Послѣ двухчасового бомбардированія, гарнизонъ Телиша, состоявшій изъ 7-ми таборовъ съ 3-мя орудіями, подъ начальствомъ Ливы-Измаилъ-Хаки-паши, сдался и положилъ оружіе. Изъ состава гарнизона бѣжало не болѣе 300 чел. Остальные, въ томъ числѣ самъ паша и болѣе 100 офицеровъ, пока находятся въ редутѣ у Горнаго-Дубняка, но будутъ отпущены на свободу. Паша и нѣкоторые офицеры предпочли, впрочемъ, остаться въ плѣну.

Во взятіи Телиша участвовали: 1-я бригада 2-й гв. пѣх. дивизіи, 1-я бригада 3-й гв. пѣх. дивизіи, 2-я гвард. кавалер. дивизія, кавказская казачья бригада, 2, 4 и 5 батареи л.-гвар. 1 артилл. бригады, 1, 2 и 5 батареи 3-й гвардейской и гренадерской артиллер. бригады, 2, 3, 5 и донская гвардейскія конныя батареи. Наша потеря: во всей пѣхотѣ 1 убитый и 16 раненыхъ; л.-гвар. въ уланскомъ полку, который атаковалъ пѣхоту—6 офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ; въ остальныхъ частяхъ потери еще неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ ничтожны.

Согласно полученнымъ въ теченіе дня дополнительнымъ донесеніямъ были посланы еще слѣдующія телеграммы:

„Мои уланы при Телишѣ сперва изрубили 150 конныхъ башибузуковъ и черкесовъ, пытавшихся уйти, а затѣмъ атаковали пѣхоту. При этомъ ранены: штабсъ-ротмистры Сафоновъ и Яфимовичъ и корнетъ Жандръ штыками, корнету Ухину прострѣлена пулею верхняя губа. Нижнихъ чиновъ убито и ранено до 50-ти, большею частью штыками.

„Въ томъ же сраженіи легко раненъ командующій л.-гвард. гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій: пуля пробила серебряный порсигаръ и оконтузила ногу; онъ остался въ строю.

„Всего сдалось 7 таборовъ съ 3-мя орудіями. Генералъ Гурко хотѣлъ отпустить безоружныхъ на свободу, но они сами предпочли остаться военно-плѣнными. Паша Измаилъ-Хаки и четыре иностранца, три англичанина и одинъ французъ—привезены сюда. Изъ англичанъ одинъ полковникъ турецкой службы, а двое—доктора, которые оставлены при турецкихъ раненыхъ плѣнныхъ, но сами считаться плѣнными не будутъ, какъ служащіе дѣлу человѣколюбія. Французъ былъ волонтеромъ“.

Плѣнныхъ докторовъ-англичанъ Великій Князь пригласилъ даже къ своему завтраку сегодня.

Вечеромъ получено извѣстіе, что изъ Плевны вышло около 2.000 подводъ съ безоружными стариками, женщинами и дѣтьми, но ихъ прогнали обратно Османъ-паша надѣялся уменьшить число безполезныхъ ртовъ.

18 октября.—Плѣнный паша Измаилъ-Хаки оказался знакомымъ Артамонова: ужасно обрадовался, увидавъ его, бросился ему на шею и долго болталъ съ нимъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Радостно сообщилъ ему, что и другой его знакомый, Тевфикъ-бей, въ Плевнѣ, въ родѣ начальника штаба при Османъ-пашѣ. Вообще, кажется, паша очень доволенъ, что попалъ въ плѣнъ. Вчера, какъ только его привезли, сейчасъ же накормили обѣдомъ: онъ очень оживленно и весело болталъ съ нашимъ драгоманомъ Макѣевымъ.

Цѣлый день идетъ сегодня опросъ плѣнныхъ. Попался и одинъ турецкій офицеръ, бѣжавшій изъ Плевны: онъ показываетъ, что тамъ очень бѣдствуютъ и что нашъ огонь наноситъ войскамъ и жителямъ большой вредъ. Въ снарядахъ такой недостатокъ, что батарейнымъ командирамъ запрещено подъ страхомъ смерти стрѣлять безъ приказанія. Османъ воспретилъ,

также подъ страхомъ смерти, всякія наступательныя дѣйствія безъ особаго приказанія. Но о сдачѣ и слышать не хочетъ.

Завтра утромъ отправляемся на берегъ р. Вида, въ д. Медованъ. Серьезной цѣли эта поѣздка не имѣетъ.

19 октября. — Поѣздка въ Медованъ отмѣнена: всю ночь шелъ дождь, и дороги испортились.

Сегодня вернулся изъ Бухареста великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Весьма опасаюсь, чтобы наше здѣсь присутствіе не повредило успѣху дѣла обложенія Плевны. Между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ уже возникла серьезная размолвка. Великій Князь и прежде дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія прямо отъ себя, посылая свои приказанія частнымъ начальникамъ помимо Тотлебена и даже не увѣдомляя его. Послѣ перваго же такого случая Тотлебенъ написалъ Непокойчицкому весьма серьезное письмо, прося доложить Великому Князю, чтобы онъ отдавалъ приказанія не иначе, какъ черезъ него. Великій Князь очень разсердился, но воздержаться отъ прямой передачи приказаній исполнителямъ все-таки не могъ. Вчера Великій Князь послалъ прямо отъ себя приказаніе начальнику ловчинскаго отряда генералу Карцову, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ, по тому же дѣлу, другое приказаніе отъ Тотлебена. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, прислалъ сегодня кн. Имеретинскаго доложить Великому Князю, что если такой порядокъ будетъ продолжаться, то онъ, Тотлебенъ, поѣдетъ прямо къ Государю и попроситъ уволить его отъ командованія.

Надо надѣяться, что Великій Князь, какъ онъ ни сердитъ на Тотлебена, поостережется довести до разрыва. Если Тотлебенъ уйдетъ, то вся Россія завинитъ въ этомъ Великаго Князя. Впрочемъ, Государь навѣрное приметъ сторону Тотлебена: правота его слишкомъ очевидна.

Вечеромъ.—Слава Богу, столкновеніе между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ улажено Непокойчицкимъ. Великій Князь сознался, что погорячился. Но уступилъ не вполнѣ. Рѣшено изъять изъ вѣдѣнія Тотлебена войска, расположенныя за р. Видомъ и находящіяся подъ начальствомъ Гурко, который будетъ получать приказанія непосредственно отъ Великаго Князя. Тотлебену же непосредственно подчиняются всѣ войска по сю сторону Вида, за исключеніемъ 2-й бригады 3-й гвард. пѣх. дивизіи, стоящей у д. Трнина: эта бригада подчиняется Гурко.

Такимъ образомъ, Гурко фактически обращается въ командира гвардейскаго корпуса.

20 октября.—Сегодня, около 9 часовъ утра, мы отправились на рекогносцировку въ деревню Медованъ (20 верстъ отъ Богота). Что имѣлъ въ виду Великій Князь—не знаю. Цѣль опредѣлилась уже тогда, когда мы подъѣзжали къ Медовану. Пришло неожиданное извѣстіе о занятіи Дольнаго-Дубняка нашими войсками, безъ выстрѣла. Великій Князь тотчасъ же сѣлъ верхомъ, и мы поѣхали въ Дольный-Дубнякъ. Въ Медованѣ встрѣтили Тотлебена: Великій Князь пригласилъ его присоединиться къ нему. Поѣхали вдоль линіи кавалерійскихъ сторожевыхъ постовъ. Доѣхавъ до Дольнаго-Дубняка (деревня была совершенно пуста, даже собакъ не было), повернули по шоссе къ Плевнѣ, затѣмъ свернули влѣво. Великій Князь объѣхалъ передовыя войска и, наконецъ, въѣхалъ на передовую румынскую батарею, между Этрополемъ и Плевною. Турки не стрѣляли, несмотря на то, что не могли не видѣть столпленія свиты на батареѣ, тѣмъ болѣе, что за нею стоялъ цѣлый эскадронъ лейбъ-казаковъ съ развѣвающимся бѣлымъ значкомъ главнокомандующаго. Повидимому, Великаго Князя раздосадовало такое невниманіе непріятеля, потому что онъ приказалъ батареѣ открыть огонь. Прошло полчаса—турки не отвѣчаютъ. Великій Князь сошелъ съ батареи, сѣлъ верхомъ, и мы тронулись въ обратный путь. Тогда только турецкая батарея дала по насъ два выстрѣла, но оба снаряда не долетѣли.

Обратно ѣхали вдоль сторожевой цѣпи лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Командиръ донского казачьяго полка, стоявшаго по близости, нашелъ нужнымъ предостеречь Великаго Князя, что онъ ѣдетъ въ сферѣ турецкаго ружейнаго огня, что непріятельская цѣпь очень близко и ежеминутно можетъ открыть огонь. Великій Князь отвѣчалъ: „Турки въ меня не стрѣляютъ“—и продолжалъ ѣхать вдоль цѣпи.

Подъѣзжая къ рѣкѣ Виду, увидѣли начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генерала Каталея, только-что переправившагося на правый берегъ съ лейбъ-гвардіи литовскимъ и австрійскимъ полками. Оба полка стояли фронтомъ къ западу, а правымъ флангомъ къ своей цѣпи, слѣдовательно и къ непріятелю. Это было оставлено безъ вниманія: Великій Князь не замѣтилъ, увлекшись бесѣдою съ Гурко и Каталеемъ. Между тѣмъ, когда мы еще ѣхали къ Дольному-Дубняку, Великій Князь очень разсердился, увидавъ, что сторожевые посты кіевскаго гу-

сарскаго полка стоятъ уступами *позади* нашей пѣхоты на софійскомъ шоссе. Когда онъ спросилъ командира полка, почему онъ не выдвинулъ сторожевую цѣпь впередъ, тотъ отвѣтилъ, что не получилъ приказанія. Тогда Великій Князь такъ вспылилъ, что закричалъ на него: „Если я еще разъ замѣчу, что ты въ подобныхъ случаяхъ ждешь приказанія, то выгоню тебя изъ арміи, несмотря на твои флигель-адъютантскіе вензеля“.

Въ Медованѣ отдохнули, закусили и, около 6-ти часовъ вечера, поѣхали домой. Ночь была совершенно темная, но тихая и, сравнительно, довольно теплая. Дорога—грязная. Въ ночной темнотѣ коляска Великаго Князя опрокинулась, и онъ, вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ, вывалился въ грязь, но никто изъ нихъ не ушибся. Мы едва не проѣхали мимо Богота, не замѣтивъ его въ темнотѣ; но Великій Князь, обладающій изумительною памятью мѣстности, во-время обратилъ вниманіе, что дорога незнакомая. Около 9-ти часовъ вечера мы были дома.

Только-что сѣли обѣдать, какъ Великій Князь позвалъ меня къ себѣ и, прочитавъ вслухъ списокъ утвержденныхъ Государемъ наградъ, поздравилъ меня съ золотымъ оружіемъ.

Во время сегодняшняго объѣзда слышалъ очень много любопытнаго изъ разговоровъ между Великимъ Княземъ и Гурко. Записываю, что̀ успѣлъ запомнить.

1) Великій Князь хотѣлъ слить штабъ гвардейскаго корпуса со штабомъ всего отряда Гурко, назначивъ Наглевскаго общимъ начальникомъ этого своднаго штаба. Онъ сносился съ Наслѣдникомъ, который, однако, не согласился съ этимъ предположеніемъ. Вслѣдствіе этого, Великій Князь велѣлъ вытребовать изъ штаба рущукскаго отряда Гудиму-Левковича для исправленія должности начальника штаба гвардейскаго корпуса.

2) 29 октября былъ пойманъ татаринъ, шедшій отъ Шефкетъ-паши изъ Орханіи къ Османъ-пашѣ въ Плевну съ увѣдомленіемъ, что онъ, Шефкетъ-паша, не можетъ придти къ нему на подкрѣпленіе, и собирается отступать. Татаринъ этотъ, однако, бѣжалъ: всѣ 6 человѣкъ конвойныхъ при немъ заснули.

3) Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, отступивъ послѣ неудачной атаки Телиша, 12-го октября, съ потерею болѣе 1.100 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, успѣлъ подобрать не болѣе 300 человѣкъ. По взятіи Телиша, 16-го октября, всѣ оставленные на полѣ сраженія лейбъ-егеря были найдены страшно изуродованными. Взятые въ Телишѣ въ плѣнъ англичане сами сознались, что турки истязали и грабили нашихъ раненыхъ.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что и наши солдатики тоже

не безъ грѣха. 14-го октября, когда мы объѣзжали поле сраженія подъ Горнымъ-Дубнякомъ, я самъ видѣлъ массу турецкихъ труповъ безъ поясовъ: они были, конечно, сняты нашими изъ-за денегъ, которыя всегда прячутся турками въ поясахъ. Турецкое оружіе и лошади убитыхъ тоже исчезли безслѣдно, очевидно—были разобраны по рукамъ. А между тѣмъ, нашими ружьями, тесаками, сумками и ранцами было усѣяно все поле, и никто ихъ не позаботился прибрать. Видѣлъ я также у одного жандармскаго офицера рѣдкую старинную венгерскую саблю, купленную имъ у какого-то измайловскаго солдата за три рубля. Послѣ сраженія наши гвардейцы, движимые духомъ разрушенія, сожгли превосходные турецкіе бараки, въ которыхъ могли бы жить сами; сожгли также огромные запасы сѣна и собирались сжечь самую деревню, но были остановлены.

При взятіи Телиша, 16 октября, порядку было гораздо больше. Все отобранное у турокъ оружіе и три милліона патроновъ поступили на вооруженіе нашихъ стрѣлковъ.

4) Какъ извѣстно, Дольный-Дубнякъ турки очистили сами, въ ночь съ 19 на 20 октября. Наша кавалерія этого и не замѣтила. Еслибы не была пододвинута съ вечера 19 октября пѣхота (имѣлось въ виду обложить Дольный-Дубнякъ 20-го и взять его бомбардированіемъ, по примѣру Телиша), то неизвѣстно, когда бы мы узнали объ отступленіи турокъ.

Вообще, дѣйствія нашей кавалеріи за рѣкой Видомъ подъ начальствомъ генерала Крылова—ниже всякой критики. Только Гурко, вступивъ въ командованіе, сурово ее подтянулъ, но все-таки онъ и теперь очень ею недоволенъ.

Крыловъ поспѣшилъ убраться съ театра войны. Черезъ своего бывшаго подчиненнаго, адъютанта Великаго Князя, Скалона (Крыловъ былъ прежде командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка), онъ устроилъ себѣ отчисленіе отъ должности начальника дивизіи, но съ сохраненіемъ содержанія и съ назначеніемъ въ распоряженіе Великаго Князя „по званію генералъ-инспектора кавалеріи“. Въ силу такого назначенія, онъ безотлагательно уѣхалъ въ Петербургъ. По этому поводу кто-то успѣлъ пустить въ ходъ слѣдующую остроту:

„Наши войска вокругъ Плевны—Ноевъ ковчегъ, носящійся по волѣ случая въ ожиданіи паденія Плевны. У Ноя-Тотлебена три сына: Симъ—Гурко, Хамъ—З..... и Іафетъ—Криденеръ. Въ ковчегѣ есть чистыя животныя—контролеры, и нечистыя—интенданты. Крыловъ — первый голубь, выпущенный Ноемъ, но онъ не возвратится“.

Кстати. На Тотлебена войска смотрятъ съ благоговѣніемъ. Всякій солдатъ понимаетъ, что это генералъ настоящій, мастеръ своего дѣла. Держитъ онъ себя превосходно: съ солдатомъ — привѣтливъ и заботливъ; съ генералами и офицерами—деликатенъ и обходителенъ, но строго-требователенъ.

Примѣръ. Командиръ 4-го корпуса Зотовъ, получивъ отъ Тотлебена приказаніе, сталъ излагать ему свои соображенія и возраженія. Тотлебенъ слушалъ минутъ пять, затѣмъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: „Ваше превосходительство, время не терпитъ. Я васъ прошу сейчасъ же исполнить мое приказаніе, а затѣмъ изложить ваши соображенія письменно и представить мнѣ: я прочту ихъ потомъ".

Другой примѣръ. М. Д. Скобелевъ принялъ на дняхъ прямое приказаніе Великаго Князя, нѣсколько расходившееся съ приказаніями, уже отданными Тотлебеномъ раньше; исполнилъ и донесъ Тотлебену рапортомъ. Тотлебенъ отвѣтилъ слѣдующимъ предписаніемъ: „Прошу ваше превосходительство на будущее время помнить, что никто изъ моихъ подчиненныхъ не имѣетъ права получать прямыхъ приказаній ни отъ кого, кромѣ меня. Поставляя вамъ на этотъ разъ это обстоятельство на видъ, предупреждаю, что повтореніе сочту нарушеніемъ порядка службы".

Начальника 30-й пѣхотной дивизіи, Шнитникова, Тотлебенъ лично распекъ за то, что на его участкѣ батарея была прикрыта казачьею цѣпью вмѣсто стрѣлковой.

Несмотря на строгость, Тотлебена очень цѣнятъ и уважаютъ. Сожалѣютъ даже, что власть его ограничена присутствіемъ Великаго Князя. Всѣ убѣждены, что только Тотлебенъ можетъ справиться съ Плевной и довести Османа до сдачи. Даже Гурко, плохо переносящій чью-либо власть надъ собою, самъ говорилъ мнѣ сегодня, что никогда еще такого авторитетнаго и опытнаго начальника не видалъ; что одинъ Тотлебенъ умѣетъ внушить всѣмъ подчиненнымъ столь необходимое убѣжденіе, что онъ больше всѣхъ знаетъ и лучше всѣхъ все съумѣетъ сдѣлать.

Чрезвычайно прискорбно, что возможность столкновеній между Великимъ Княземъ и Тотлебеномъ всегда остается вѣроятною. Великій Князь думаетъ, что руководить столь трудною операціею, какъ обложеніе Плевны—дѣло совсѣмъ простое. У него нѣтъ навыка всесторонне обдумывать сложныя военныя дѣйствія и дѣлать общія распоряженія съ надлежащимъ разсчетомъ времени и въ связи съ дѣйствіями на другихъ фронтахъ. Приказанія его внезапны, отрывочны, безъ корней въ прошедшемъ и безъ ясныхъ разсчетовъ на будущее. Убѣждать его въ необходи-

мости тщательной примѣрки прежде чѣмъ отрѣзать—напрасный трудъ: это слишкомъ несогласно съ его природными свойствами. Боже сохрани, если случится новая неудача подъ Плевною: на него обрушится всею тяжестью единодушное негодованіе всей Россіи. Тотлебена никто винить не будетъ.

Меня, искренно его любящаго и безкорыстно преданнаго ему человѣка, все это очень смущаетъ и заботитъ. Лучше бы намъ оставаться въ Горномъ-Студнѣ и не мѣшать Тотлебену самостоятельно распоряжаться здѣсь.

Одно наше присутствіе здѣсь—уже помѣха. Напримѣръ, 19 октября, Государь сообщилъ, что пріѣдетъ изъ Порадима въ Боготъ къ завтраку и желаетъ видѣть Тотлебена. Тотъ долженъ былъ бросить производившуюся имъ рекогносцировку турецкихъ позицій и спѣшно прискакалъ. Между тѣмъ, Государь отказалъ свой пріѣздъ по причинѣ дождя. Тотлебенъ дѣла не кончилъ, а въ Боготъ пріѣхалъ напрасно.

21 октября. — Пріѣзжали являться великіе князья Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ—по случаю пожалованія георгіевскихъ крестовъ. Оба остались къ завтраку.

Получено донесеніе о взятіи укрѣпленій Тетевеня отрядомъ генерала Карцова. Государь сообщилъ, что желаетъ посѣтить войска гвардіи, за рѣкой Видомъ, и назначаетъ для сего 23 октября. Вслѣдствіе этого, Великій Князь рѣшилъ ѣхать завтра впередъ, переночевать въ Медованѣ и тамъ ожидать Государя. Мнѣ приказалъ ѣхать съ нимъ.

22 октября.—Государь пріѣзжалъ сегодня утромъ. Великій Князь представлялъ ему всѣхъ чиновъ своей свиты, получившихъ награды, въ томъ числѣ и меня.

У меня слегка разстроился желудокъ. Великій Князь, за завтракомъ, тотчасъ замѣтилъ перемѣну въ лицѣ и отсутствіе аппетита и, спросивъ о причинѣ, приказалъ мнѣ оставаться дома, ласково сказавъ при этомъ, что ему мое здоровье дорого. Непокойчицкій былъ очень доволенъ этимъ и приказалъ мнѣ принимать всѣ приходящія на его имя депеши и дѣлать надлежащія по содержанію ихъ распоряженія.

Около двухъ часовъ дня Великій Князь съ Непокойчицкимъ, Левицкимъ и нѣсколькими адъютантами и ординарцами уѣхалъ въ Медованъ.

Погода вчера и сегодня—отвратительная: холодъ, дождь, невылазная грязь.

23 октября. — Мокро, холодно и грязно. Вчера и сегодня цѣлый день провелъ въ составленіи общихъ реляцій о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Государь со свитою отправился сегодня за рѣку Видъ смотрѣть войска Гурко.

24 октября, понедѣльникъ. — Къ часу пополудни прибылъ Государь со свитой и Тотлебеномъ и остался у насъ завтракать. Великій Князь отсталъ отъ него, остановившись у деревни Трнины (по сю сторону рѣки Вида) для осмотра участка позиціи, занятаго отрядами генералъ-маіора фонъ-Бремзена (2-я бригада 3-й гвард. пѣх. дивизіи), впереди Трнины, и М. Д. Скобелева, на плевно-ловчинскомъ шоссе. Его предупреждали, что оба участка обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ, но онъ опять отвѣтилъ, что въ него турки не стрѣляютъ, и осмотрѣлъ позиціи Бремзена и Скобелева. И дѣйствительно, съ турецкой стороны опять не было огня. Во время завтрака Государь, получивъ шифрованныя депеши, удостоилъ подозвать меня и приказалъ ихъ расшифровать. Я немедленно это исполнилъ и, представивъ Государю расшифрованный текстъ, рѣшился спросить (завтракъ подошелъ къ концу и уже подали кофе), не благоугодно ли будетъ Его Величеству прослушать только-что полученную подробную реляцію о взятіи Тетевеня. Государь тотчасъ же заинтересовался и приказалъ мнѣ ее принести и прочесть во всеуслышаніе.

По окончаніи чтенія, Государь милостиво поблагодарилъ и уѣхалъ въ Порадимъ, а Тотлебенъ—къ себѣ, въ Тученицу.

Часа черезъ два послѣ его отъѣзда, вернулся Великій Князь и тотчасъ же послалъ за мной. Прежде всего спросилъ о состояніи моего здоровья, затѣмъ подробно разспросилъ о пребываніи у насъ Государя и, выразивъ полное удовольствіе, велѣлъ принести и прочесть вслухъ ту же реляцію о взятіи Тетевеня.

25 октября. — Сегодня чудная погода: небо безоблачное, солнце такъ и сіяетъ, воздухъ необыкновенно легкій и 15^0 въ тѣни.

Разсказывали мнѣ сегодня подробности о румынскихъ дѣйствіяхъ 7 октября, когда они сперва, будто бы, взяли, а потомъ отдали турецкій редутъ. По свѣдѣніямъ штаба Тотлебена, дѣло было такъ. Добѣжавъ до рва редута, румыны въ немъ засѣли на цѣлый часъ. Офицеры напрасно старались ихъ заставить

идти на приступъ, а когда одинъ изъ нихъ застрѣлилъ самаго непослушнаго изъ револьвера, то остальные солдаты тутъ же закололи не только его, но и еще двухъ офицеровъ, а затѣмъ бросились бѣжать, понеся, конечно, при этомъ большія потери отъ турецкаго огня.

Вотъ это безконечное сидѣнье во рву и подало румынскому начальству поводъ думать, что редутъ взятъ. Поторопились сообщить князю Карлу, а тотъ поспѣшилъ телеграфировать Великому Князю о взятіи редута. Затѣмъ, когда дѣло выяснилось, не оставалось ничего другого, какъ телеграфировать, что турки взяли редутъ обратно.

Рядомъ съ участкомъ румынскихъ войскъ—участокъ 9-го корпуса, барона Криденера. Онъ уже давно заявилъ, что вмѣстѣ съ румынами дѣйствовать не будетъ. Будучи беззастѣнчивыми хвастунами, они разблаговѣстили по всей Европѣ (которая, изъ недоброжелательства къ намъ, охотно имъ повѣрила), что не наши, а румынскія войска взяли 30 августа гривицкій редутъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ они отстали, и только небольшая часть баталіона маіора Попеско ворвалась въ редутъ вмѣстѣ съ нашими войсками. Государь, по личной просьбѣ князя Карла, подарилъ румынамъ взятыя нашими войсками пушки и одно знамя: теперь румыны хвастаютъ, что они взяли эти трофеи сами.

Пріѣхалъ отъ Гурко Пузыревскій: привезъ планъ наступленія къ Орханіи и далѣе, къ Софіи. Великій Князь его немедленно выслушалъ и, выразивъ полное сочувствіе, рѣшилъ ѣхать завтра съ этимъ планомъ къ Государю.

26 октября. — Чудная погода. Великій Князь съ Непокойчицкимъ, взявъ съ собою и Пузыревскаго, ѣздилъ къ Государю, который одобрилъ планъ наступленія отряда Гурко на Софію. Рѣшено оставить для обложенія Плевны съ лѣваго берега Вида 3-ю гвардейскую, 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи, а остальныя войска гвардіи (1-ю и 2-ю гвард. пѣхотную дивизіи, гвардейскую стрѣлковую бригаду, лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ и 2-ю гвард. кавал. дивизію) съ 2-ю бригадою 3-й пѣхотной дивизіи и кавказскою казачьею бригадою, подъ общимъ начальствомъ Гурко, двинуть черезъ Радомирцы къ Орханіи. Движеніе должно начаться 1-го ноября. Всѣ приказанія о передвиженіи войскъ уже посланы сегодня. Непокойчицкій устранилъ Левицкаго отъ распоряженій по этому плану, очевидно вслѣдствіе обнаруженнаго имъ несочувствія: Левицкій считаетъ этотъ планъ рискованнымъ, и вчера высказалъ это Непокойчицкому и Великому Князю. От-

части онъ правъ: во-первыхъ, мы опять остаемся безъ резерва; во-вторыхъ, опять избираемъ предметомъ дѣйствій не непріятельскую армію, а стратегически важные пункты; въ-третьихъ, предпринимаемъ походъ въ самую распутицу, не обезпечивъ подвоза. Если терпимъ нужду въ продовольствіи, стоя на мѣстѣ, то какой же шансъ получать его во-время, удалившись еще болѣе въ глубь страны? Левицкій говоритъ, что самъ Государь, послѣ третьей Плевны, упрекалъ насъ за то, что дѣйствуемъ всегда безъ резерва, а принятіе плана Гурко есть буквальное повтореніе прежняго. Если туркамъ вздумается перейти въ серьезное наступленіе противъ рущукскаго или шипкинскаго отрядовъ—намъ нечѣмъ ихъ подкрѣпить.

Все это небезосновательно, но, тѣмъ не менѣе, планъ соблазнителенъ. Безъ риска никогда и ни въ чемъ нѣтъ крупнаго выигрыша. А намъ нельзя тянуть кампанію; если не добьемся рѣшительнаго результата до весны — непремѣнно вмѣшается Англія, къ ней сейчасъ же примажется Австрія—и начнется европейская война.

Мы же, по совѣсти говоря, къ такой войнѣ совсѣмъ не готовы: ни средствъ, ни войскъ, ни умѣнья, ни достаточно подготовленныхъ людей.

Трудно себѣ представить, до чего у насъ невѣрна оцѣнка личностей. Совсѣмъ нѣтъ умѣнья ни подбирать подходящихъ людей къ мѣстамъ, ни распознавать способности. Назначенія дѣлаются совсѣмъ зря, а иногда явно несообразныя. На дняхъ, кавалерійскому полковнику дали пѣхотный полкъ, а ротмистру—стрѣловый баталіонъ, съ переименованіемъ въ подполковники. Оба назначенія состоялись только потому, что они флигель-адъютанты; кто попалъ въ свиту—считается уже на все способнымъ. Того же взгляда держится и Великій Князь: своихъ адъютантовъ и ординарцевъ (въ числѣ которыхъ есть совсѣмъ неопытные юнцы) онъ считаетъ способными на все. Даетъ имъ серьезнѣйшія порученія, съ которыми не всякій офицеръ генеральнаго штаба справится. Между тѣмъ, офицеры генеральнаго штаба сплошь и рядомъ сидятъ безъ дѣла или за перепискою. Донесеніямъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ довѣряетъ больше, чѣмъ начальникамъ отрядовъ. Такъ было съ самаго начала кампаніи, такъ продолжается и теперь. Было бы совсѣмъ напраснымъ трудомъ доказывать ему, что это—невозможный порядокъ вещей.

27 октября.—Опять чудная погода. Государь поѣхалъ объ-

ѣзжать румынскія позиціи. Великій Князь послалъ Левицкаго сопровождать. Вернулся Левицкій въ восторгѣ отъ ласковаго обращенія Государя.

29 октября. — Вчерашняя канонада означала взятіе Скобелевымъ перваго гребня такъ называемыхъ „Зеленыхъ горъ". Въ 11 час. вечера турки пытались вытѣснить нашихъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. За ночь взятая позиція была укрѣплена; и когда сегодня, около 7 час. вечера, турки вторично ее атаковали, то были опять отброшены. Наша потеря: 2 убитыхъ и 3 раненыхъ офицера и до 150 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Нынѣче же ночью впереди Трнины сооруженъ отрядомъ Бремзена большой редутъ на такъ называемой „Волынской горѣ". Къ утру окончено вооруженіе редута.

Вечеромъ Великій Князь пригласилъ меня къ чаю. За чаемъ, по его приказанію, я составилъ и послалъ (за подписью Непокойчицкаго) телеграммы: 1) Гурко въ Дольный-Дубнякъ—чтобы немедленно выслалъ съ лѣваго берега Вида всѣхъ иностранныхъ корреспондентовъ и сообщилъ объ этомъ всѣмъ частнымъ начальникамъ къ исполненію; не допускать также и англійскаго полковника Гавелока, не взирая на имѣющееся у него Высочайшее разрѣшеніе разъѣзжать по нашимъ позиціямъ. 2) Князю Имеретинскому въ Тученицу: „Прикажите слѣдить за англійскимъ полковникомъ Гавелокомъ, не дозволять ему осматривать наши позиціи и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать его на лѣвый берегъ Вида. Пусть живетъ въ Тученицѣ или Боготѣ. Если изберетъ Тученицу, прикажите за нимъ слѣдить". 3) Генералу Карцову въ Ловчу: „иностранныхъ корреспондентовъ и особенно англійскаго полковника Гавелока дальше Ловчи не пускайте и прикажите слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не переходилъ на лѣвый берегъ Вида".

По отправленіи этихъ телеграммъ, была получена телеграмма Гурко о взятіи вчера (28 октября) города Врацы кавалерійскимъ отрядомъ генералъ-маіора Леонова. Тотчасъ же копія съ этой телеграммы была послана Государю и затѣмъ въ Петербургъ и прочія мѣста, какъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ, какъ мы подъ Плевною, установился такой порядокъ: каждое получаемое съ театра войны извѣстіе сообщается прежде всего Государю, а затѣмъ по телеграфу: въ Царское-Село—Императрицѣ, въ Петербургъ—начальнику главнаго штаба; въ Москву—Каткову; въ Одессу—градоначальнику; въ Бухарестъ—начальнику тыла арміи

генералъ-адъютанту Дрентельну и нашему генеральному консулу и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ: рущукскаго—Наслѣднику Цесаревичу; шипкинскаго—Радецкому; тырновскаго—князю Шаховскому; плевнинскаго—Тотлебену; нижнедунайскаго—Циммерману. Болѣе важныя извѣстія посылаются еще великому князю Михаилу Николаевичу на Кавказъ.

Взятіе Врацы одною кавалеріею — добрый знакъ: очевидно, турецкія войска деморализованы. Въ Плевнѣ тоже не важно: по показаніямъ перебѣжчиковъ, тамъ еще двѣ недѣли тому назадъ давали по $1^1/_2$ фунта хлѣба и около 1 фунта мяса на человѣка, а теперь даютъ хлѣба $^3/_4$ фунта и по двѣ кукурузы, а дача мяса прекращена. Такъ какъ теперь всякій подвозъ въ Плевну прекращенъ, то тамъ скоро долженъ наступить голодъ, и, слѣдовательно, вопросъ сдачи Плевны есть лишь вопросъ времени. Только бы намъ хватило терпѣнія выждать, да не надѣлать какихъ-нибудь крупныхъ промаховъ.

30 октября.—Вчера между Гурко и Скобелевымъ происходилъ эффектный, хотя и напрасный турниръ. Гурко пріѣхалъ къ Скобелеву на позицію переговорить. Скобелевъ, разговаривая съ нимъ на ходу, сталъ какъ бы нечаянно подниматься на брустверъ. Гурко, разумѣется, не отсталъ. Оба, стоя на гребнѣ бруствера, продолжали разговоръ и разглядывали турецкую позицію. Разумѣется, турки открыли по нимъ огонь. Тогда никто не захотѣлъ первымъ сойти съ бруствера и оба стали прохаживаться, продолжая разговоръ. Нѣсколько гранатъ перелетѣло; наконецъ, одна врылась въ брустверъ почти у ихъ ногъ, но, по счастію, не разорвалась, а только осыпала обоихъ генераловъ землей. И послѣ этого они продолжали еще стоять на брустверѣ нѣкоторое время, пока, наконецъ, не надумали спуститься одновременно.

Скобелевъ съ Куропаткинымъ переселились теперь на самую передовую позицію: въ траншеѣ живутъ, обѣдаютъ и спятъ. Скобелевскій поваръ уже былъ раненъ на своей „кухнѣ“, во время приготовленія пищи.

Передъ обѣдомъ Великій Князь ѣздилъ на радишевскую батарею.

Сегодня за обѣдомъ всѣ напали на начальника полевого телеграфа, генералъ-маіора Шталя: сперва за неисправность телеграфа вообще, а потомъ—за нелѣпый тарифъ. Въ Порадимѣ двѣ станціи: русская и румынская. Румынская беретъ за депешу въ Петербургъ 6 франковъ, а русская — 9. Румыны

примѣняютъ румынскій, а мы—турецкій тарифъ. Первые говорятъ: „гдѣ мы, тамъ и Румынія“, а мы, настоящіе завоеватели, считаемъ себя въ Турціи. Вслѣдствіе этого, всѣ частныя депеши посылаются всѣми, не исключая лицъ государевой свиты, черезъ румынскую станцію. Почти невѣроятная несообразность.

Великій Князь все время прислушивался къ этому спору и смѣялся. Шталь довольно неискусно отбивался и наконецъ имѣлъ неосторожность сказать: „Я, какъ истинный сынъ своего отечества, долженъ стараться принести ему пользу“. На этомъ словѣ его поймалъ присяжный острякъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Коссинскій (инспекторъ госпиталей арміи): „Постойте. Вы—дитё своего отечества? Такъ я вамъ вотъ что разскажу: Однажды пріѣзжаетъ императоръ Николай I въ нѣкій губернскій городъ. Въ числѣ представляющихся — нѣкто Романовъ, бросающійся въ глаза своимъ безобразіемъ.—„Какъ фамилія?“—Романовъ, ваше императорское величество. — „Родственникъ мнѣ?“—Точно такъ, ваше императорское величество.—„Какимъ образомъ?“—Ваше императорское величество отецъ отечества, а я его сынъ.—„Въ семьѣ не безъ урода!“—замѣтилъ Николай Павловичъ.

Общій хохотъ закончилъ споръ.

Поощренный Коссинскій тотчасъ же разсказалъ уже современный анекдотъ о томъ, какъ объясняютъ себѣ наши солдаты румынское союзничество. „Только что мы къ Балканамъ подошли,—стала эта румынская Карла нашего царя просить, чтобъ его въ короли произвелъ. А нашъ царь и говоритъ:—Произвести тебя я могу, только ты мнѣ сперва мужество свое яви: вотъ эту самую Плевну возьми.—Я бы,—говоритъ Карла,—радъ стараться для вашего величества, да войсковъ у меня мало.—Ну,—говоритъ царь,—этого у меня сколько угодно. Ты себя чѣмъ можешь оправдай. — Съ тѣхъ поръ и сталъ румынская Карла подъ Плевной стараться, чтобъ черезъ есто въ короли произойти“.

По приказанію Великаго Князя, Нелидовъ заготовилъ письмо Осману-пашѣ съ предложеніемъ сдаться. Завтра его пошлютъ.

31 октября.—Утромъ получена телеграмма Радецкаго, что вчера, въ 11 час. утра, турки открыли усиленный огонь, а въ 4 часа дня, по сигналу, атаковали гору св. Николая, но были отбиты залпами иркутскаго и енисейскаго полковъ. Наши потеряли 9 убитыми и 74 ранеными (въ томъ числѣ 2 офицера).

Нынѣче ночью румыны заняли безъ потерь высоту противъ

Опанецкой горы (на лѣвомъ берегу Вида) и устраиваютъ тамъ новую батарею.

Сегодня Левицкій прочелъ Великому Князю и Непокойчицкому составленную имъ записку, возражающую противъ движенія Гурко къ Орханіи и далѣе. Суть записки въ томъ, что движеніе это преждевременно и опасно: надо обождать паденія Плевны. Великій Князь выслушалъ и сказалъ, что переговоритъ лично съ Гурко.

Артамоновъ и Макѣевъ (драгоманъ) повезли около 3-хъ час. дня Осману-пашѣ письмо Великаго Князя, составленное Нелидовымъ, излагая ему безвыходность его положенія и прося принять увѣреніе въ томъ, что онъ не остановится ни передъ какими усиліями и жертвами, чтобы взять Плевну.—Великій Князь предлагаетъ Осману, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, сдаться на капитуляцію. Оговариваетъ при этомъ, что въ уваженіе къ блистательной храбрости Османа и его арміи—условія капитуляціи будутъ для него почетны.

Великій Князь надѣялся, что Артамонова и Макѣева допустятъ къ самому Осману-пашѣ. Однако, не допустили, а остановили на шоссе не доѣзжая Гривицы, приняли письмо и вѣжливо попросили тутъ же подождать отвѣта до слѣдующаго дня. Такъ они тамъ и заночевали.

Никто серьезно не надѣется на согласіе Османа. Самое письмо писано больше для деморализаціи его свиты, въ надеждѣ, что они будутъ болтать и слухъ о содержаніи письма помаленьку распространится въ массѣ защитниковъ Плевны. Дезертиры говорятъ, что разговоры о сдачѣ уже начались въ Плевнѣ и что двое пашей, будто бы, весьма не прочь капитулировать, но самъ Османъ-паша—ни за что не хочетъ.

1 ноября, вторникъ.—Вчера пріѣхалъ съ Кавказа въ императорскую главную квартиру, а сегодня былъ у насъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, съ Георгіемъ на шеѣ. Если вѣрить молвѣ, то весь планъ новой, побѣдоносной кампаніи на Кавказѣ принадлежитъ ему, и онъ же направлялъ своими совѣтами первыя распоряженія къ исполненію этого плана: за это и награжденъ прямо Георгіемъ 3-й степени, по представленію Великаго Князя Михаила Николаевича. Зачѣмъ Обручевъ пріѣхалъ сюда и надолго ли—не знаю. Заходилъ сегодня къ намъ, былъ очень милъ, много и съ интересомъ разспрашивалъ, но уклонялся отъ всякихъ отвѣтовъ на наши разспросы, отзываясь, что вѣроятно скоро вернется въ Петербургъ читать лекціи въ академіи. Вели-

кій Князь принялъ его очень любезно, хотя терпѣть его не можетъ и не скрываетъ—за что. Когда, въ 1863 году, былъ объявленъ походъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, то Обручевъ сложилъ съ себя званіе начальника штаба этой дивизіи, открыто заявивъ, что не желаетъ участвовать въ братоубійственной войнѣ, и перешелъ въ главный штабъ, на должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета.

Хотя съ тѣхъ поръ много воды утекло и Обручевъ давно уже бросилъ свой ярый либерализмъ [1]), но Великій Князь ни простить, ни забыть этого не можетъ. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ эту исторію, о которой я, будучи въ 1863 году молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, и не подозрѣвалъ.

Отъ насъ Обручевъ уѣхалъ къ Тотлебену въ Тученицу.

Государь пріѣзжалъ сегодня къ завтраку. Передъ завтракомъ Великій Князь потребовалъ меня къ себѣ въ кибитку, приказавъ принести съ собой реляцію о взятіи Врацы. Войдя, я увидѣлъ Государя, сидѣвшаго рядомъ съ Великимъ Княземъ за столомъ. Государь милостиво отвѣтилъ на мой поклонъ и, продолжая разговоръ съ Великимъ Княземъ, при мнѣ началъ разсказывать ему, что получилъ отъ Швейница (германскаго посла при нашемъ дворѣ) письмо: Порта просила князя Рейсса (германскаго посла въ Константинополѣ) исходатайствовать посредничество Германіи для начала мирныхъ переговоровъ, но Рейссъ отвѣтилъ, что если Порта серьезно желаетъ мира, то можетъ послать уполномоченнаго прямо въ императорскую главную квартиру, тѣмъ болѣе, что она находится на турецкой территоріи. Къ этому разсказу Государь прибавилъ, что онъ телеграммою поблагодарилъ императора Вильгельма за такой отвѣтъ его посла.

Затѣмъ Государь обратился ко мнѣ и приказалъ пригласить военнаго министра и Непокойчицкаго и вернуться вмѣстѣ съ ними. Исполнивъ это, я по знаку Государя началъ чтеніе реляціи вслухъ, сопровождая чтеніе объясненіями насчетъ относительнаго расположенія пунктовъ, о которыхъ упоминалось въ реляціи. Должно быть, выходило ясно, потому что Государь, слушая съ очевиднымъ вниманіемъ, ни разу меня не остановилъ и даже не взглянулъ на лежавшую передъ нимъ карту.

По окончаніи чтенія, я представилъ Государю присланныя мнѣ корреспондентомъ „Новаго Времени“ и фотографомъ-люби-

[1]) Еще раньше, въ 1858 или 1859 году, Обручевъ редактировалъ „Военный Сборникъ“ вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ, а печатался этотъ оффиціальный журналъ—въ типографіи Іосафата Огризко, впослѣдствіи казеннаго.

телемъ, А. Д. Ивановымъ, двѣ фотографіи: портретъ раненаго Драгомирова и группу плѣнныхъ турокъ: паши съ его штабомъ, окруженныхъ нашимъ конвоемъ. Государь съ большимъ интересомъ разсмотрѣлъ обѣ фотографіи, а затѣмъ всталъ и направился съ Великимъ Княземъ, Милютинымъ и Непокойчицкимъ въ шатеръ къ завтраку, а за ними и я.

Послѣ завтрака, Государь съ Великимъ Княземъ поѣхалъ на встрѣчу 2-й гренадерской дивизіи, которая около двухъ часовъ дня должна пройти по плевно-ловчинскому шоссе, направляясь на лѣвый берегъ Вида.

9 час. вечера.—Артамоновъ и Макѣевъ вернулись часа три тому назадъ и привезли отвѣтное письмо Османа-паши. Его самого не видали: ихъ не пустили дальше сторожевой цѣпи. И вчера, и сегодня, они имѣли разговоръ съ однимъ и тѣмъ же офицеромъ 1-го турецкаго гвардейскаго полка, будучи при этомъ предметами любопытства массы турецкихъ солдатъ. Вчера офицеръ началъ съ того, что попросилъ ихъ подождать; затѣмъ, вернувшись, пригласилъ пріѣхать за отвѣтомъ сегодня въ два часа дня. Артамоновъ и Макѣевъ переночевали въ д. Гривицѣ, такъ какъ возвращаться въ Боготъ было слишкомъ далеко. Когда они подъѣхали къ турецкимъ аванпостамъ сегодня, то были встрѣчены сперва очень враждебно. Но когда Макѣевъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, турецкіе часовые послали за офицеромъ, а сами взяли ружья на изготовку. Немного погодя, пріѣхалъ уже знакомый имъ офицеръ, привезъ Артамоновскую сумку (которая, такимъ образомъ, побывала у Османа) и въ ней отвѣтное письмо Османа-паши. При этомъ очень любезно передалъ поклоны: Великому Князю и Макѣеву—отъ самого Османа, а Артамонову—отъ его стараго знакомаго, начальника штаба Тевфикъ-бея.

Въ письмѣ своемъ Османъ-паша очень благодаритъ Великаго Князя за вниманіе, но не находитъ, чтобы его положеніе вынуждало его воспользоваться сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Ему, Осману, извѣстно, что онъ окруженъ, но ничего особеннаго онъ въ этомъ не видитъ. Онъ и помыслить не можетъ предлагать своей храброй арміи капитулировать, а намѣренъ, какъ подобаетъ честному солдату, отстаивать до послѣдней капли крови свою позицію, честь своей арміи и интересы своей родины.

Превосходный отвѣтъ! На согласіе капитулировать все равно никто серьезно не надѣялся. Теперь, получивъ энергическій и полный достоинства отказъ, мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ убаюкивать себя легкомысленными надеждами на скорое и легкое

овладѣніе Плевною. Намъ нужны терпѣніе, вниманіе и настойчивая послѣдовательность въ стремленіи къ цѣли: тогда и Плевна будетъ наша. Это лишь вопросъ времени.

2 ноября.—Сегодня Великій Князь поѣхалъ на свиданіе съ Гурко. Я его не сопровождалъ: надо кончать спѣшную работу по составленію подробныхъ реляцій о дѣйствіяхъ Скобелева 30-го и 31-го августа для отправки въ главный штабъ.

Къ обѣду Великій Князь вернулся. Результатъ: Гурко двинется впередъ пока только до Орханіи и, по овладѣніи этимъ пунктомъ, постарается занять горные проходы, а дальше не пойдетъ, пока не будетъ взята Плевна. Подъ начальство Гурко поступаютъ гвардейская стрѣлковая бригада, 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя и 2-я гвардейская кавалерійская дивизія. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія остается подъ Плевною, а 2-я гренадерская дивизія замѣнитъ 1-ю гвардейскую. Общее начальство надъ всѣми войсками, облагающими Плевну, возлагается на Тотлебена, который предполагаетъ переѣхать изъ Тученицы въ Медованъ, чтобы быть ближе къ войскамъ, блокирующимъ Плевну съ лѣваго берега Вида.

Рѣшеніе не зарываться черезчуръ впередъ прежде паденія Плевны—весьма благоразумно. Война—тотъ же штоссъ: если везетъ—можно ставить вабанкъ хоть нѣсколько разъ подрядъ; если нѣтъ—необходимо ограничиваться простыми ставками. Насильно счастья не возьмешь: оно дается въ руки само, и то лишь тому, кто умѣетъ его ловить. А неудачникамъ надо умѣть терпѣть и выжидать.

Тѣмъ болѣе теперь, когда положеніе защитниковъ Плевны ухудшается съ каждымъ днемъ. По показаніямъ бѣглыхъ болгаръ, число которыхъ доходитъ теперь до 100—150 въ день, и турецкихъ дезертировъ (ежедневно человѣкъ 10 — 15), духъ войскъ въ Плевнѣ заколебался. Офицеры, будто бы, успокоиваютъ солдатъ надеждою на скорое прибытіе подкрѣпленій, съ помощью которыхъ армія будетъ пробиваться. Можетъ быть, это и вздоръ, но на всякій случай войска наши предупреждены.

Одинъ изъ турецкихъ дезертировъ принесъ съ собой и показалъ суточную дачу хлѣба въ Плевнѣ: небольшой хлѣбецъ въ 3/4 ф. вѣсомъ. Мяса уже давно не получаютъ.

Вполнѣ надежныхъ данныхъ для сужденія, на сколько времени арміи Османа хватитъ продовольствія — все-таки нѣтъ. Предполагаемъ, что не болѣе, какъ на мѣсяцъ.

Сегодня узналъ интересную прелюдію къ предложенію Осману-

пашѣ сдачи. Уже нѣсколько дней тому назадъ къ нему посылали сына Садыкъ-паши (Чайковскаго) съ однимъ плѣннымъ турецкимъ офицеромъ, Риза-беемъ, чрезвычайно интеллигентнымъ человѣкомъ. Имъ обоимъ, особенно же послѣднему, было поручено: разузнать, что дѣлается въ Плевнѣ, по возможности подготовить умы къ сдачѣ и затѣмъ вернуться. При этомъ имѣли еще неосторожность намекнуть Риза-бею на денежное вознагражденіе. Онъ какъ будто поддался на соблазнъ, но искренно или нѣтъ — неизвѣстно. Фактъ тотъ, что когда оба подъѣхали къ турецкимъ аванпостамъ, то Риза-бея пропустили, а Чайковскому велѣли обождать на нашихъ аванпостахъ. Онъ прождалъ напрасно нѣсколько дней: его такъ и не пригласили. А Риза-бей не вернулся изъ Плевны и по сей часъ.

Этого Риза-бея допрашивалъ самъ Великій Князь. Отправка его—дѣло очень неосторожное. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Риза-бей проѣхалъ къ туркамъ, обозрѣвъ по пути значительную часть расположенія нашихъ войскъ. Но еще легкомысленнѣе было посылать Артамонова и Макѣева съ предложеніемъ сдачи, не дождавшись возвращенія Риза-бея. Оконфузили мы себя.

Погода послѣдніе 4—5 дней пасмурная, холодная и туманная, но безъ дождя. Листопадъ почти окончился.

3 ноября.—Нелидовъ говорилъ мнѣ сегодня, что сильно работаетъ въ пользу мира. Полагаетъ, что если покончимъ съ Плевной и возьмемъ въ плѣнъ Османа, то турки запросятъ мира сами. Немудрено. Только согласны ли мы будемъ на этомъ помириться.

Нынѣче ночью опять былъ наступательный бой у Скобелева на „Зеленыхъ горахъ“. Тотлебенъ очень разсердился и объявилъ ему, что если онъ сдѣлаетъ хотя еще одинъ шагъ впередъ, то будетъ отданъ подъ судъ за ослушаніе.

Хуже всего то, что Скобелевъ сильно контуженъ въ поясницу и теперь лежитъ. Смерть его была бы всероссійскимъ бѣдствіемъ, ибо сомнѣнія нѣтъ, что онъ уже сдѣлался народнымъ героемъ. Тѣмъ ужаснѣе, что онъ рискуетъ своею жизнью безъ всякой надобности, только для того, чтобы разговоры о немъ не умолкали ни на одинъ день. Хотя онъ и говоритъ, что зеленогорскія перестрѣлки служатъ ему средствомъ для боевого крещенія массы людей, поступившихъ на укомплектованіе его дивизіи и еще не бывавшихъ въ огнѣ, но едва ли эта цѣль серьезно заслуживаетъ ежедневныхъ (и немалыхъ) жертвъ. Прежде у него 5 баталіоновъ стояли въ боевой линіи, а 16—въ резервѣ, те-

перь же—наоборотъ. А между тѣмъ отъ занятія Зеленыхъ горъ ни мы ничего не выиграли, ни турки ничего не проиграли.

Разъ рѣшено ограничиваться блокадою, гораздо благоразумнѣе и послѣдовательнѣе было бы беречь жизнь и силы людей, чтобы они были свѣжи, когда потребуется особое напряженіе. Вмѣсто этого—утомляемъ самихъ себя больше, чѣмъ турокъ.

Дѣла ихъ, впрочемъ, не особенно хороши: держатся, очевидно, только желѣзною энергіею Османа. Ежедневно бѣгающіе теперь изъ Плевны болгары согласно показываютъ, что продовольствія для войскъ хватитъ не больше, какъ на мѣсяцъ, а корма для лошадей и скота — дней на десять. Говорятъ также, что турецкіе солдаты часто убѣгаютъ съ позицій въ городъ, откуда ихъ выгоняютъ палками офицеры. Подтверждаютъ, что якобы офицеры успокоиваютъ солдатъ обѣщаніемъ, что въ эту же пятницу (т.-е. завтра, 4-го ноября) подойдутъ подкрѣпленія, съ помощью коихъ будутъ пробиваться.

Вчера отрядъ Гурко двинулся въ походъ. Въ добрый часъ!

Государь пріѣзжалъ сегодня самъ къ Великому Князю узнавать, что̀ именно происходило ночью у Скобелева на позиціи.

4 ноября. — Сегодня въ восемь часовъ утра Великій Князь ѣздилъ въ Брестоваць, такъ какъ было получено извѣстіе, что Скобелевъ вторично раненъ. Оказалось, что это та же контузія, но очень сильная. Великій Князь сгоряча даже телеграфировалъ Государю въ Порадимъ, на что и былъ полученъ отъ его величества слѣдующій отвѣтъ: „Крайне сожалѣю о ранѣ молодца Скобелева. Дай Богъ, чтобы онъ могъ скорѣе поправиться и продолжать командовать. Отправляюсь отсюда въ половинѣ перваго часа прямо къ редуту“.

Вслѣдствіе этой телеграммы, Великій Князь, вернувшись отъ Скобелева, почти немедленно отправился на радишевскій редутъ, куда собирался прибыть Государь для наблюденія за обстрѣливаніемъ Плевны. Я поѣхалъ съ нимъ. Но, по прибытіи къ редуту, Великій Князь почувствовалъ дурноту и долженъ былъ вернуться, не дождавшись Государя. По возвращеніи, его сильно стошнило, онъ ослабѣлъ и долженъ былъ лечь въ постель. Это все послѣдствія тяжелой кишиневской болѣзни (тимпанитъ).

5 ноября. — Великому Князю лучше, но онъ еще долженъ сегодня отлежаться. Государь спрашивалъ по телеграфу о здоровьи его и Скобелева.

Сегодня въ кибиткѣ Непокойчицкаго (самъ онъ, съ наступ-

леніемъ холодовъ, перешелъ на житье въ болгарскую хижину) устроена походная церковь, и вечеромъ въ ней первый разъ была всенощная.

6 ноября, воскресенье. — Великолѣпный день: тихо, тепло, солнце сіяетъ на безоблачномъ небѣ. Вечеръ тоже дивный, хотя и морозный: ярко горятъ звѣзды и луна. У насъ въ кибиткѣ къ ночи цѣлыхъ 8^0 тепла.

Сегодня вечеромъ получено радостное извѣстіе о взятіи Карса, тотчасъ же сообщенное по телеграфу всѣмъ начальникамъ отрядовъ. Государь телеграфировалъ Великому Князю: „По случаю взятія Карса, намѣренъ отслужить здѣсь, послѣ-завтра, благодарственный молебенъ. Да поможетъ намъ Богъ покончить скорѣе съ Плевной. Съ особымъ удовольствіемъ прочелъ я донесеніе Леонова [1]). Это не то, что дѣйствія Лашкарева".

Къ ночи пришла еще вторая телеграмма отъ Государя:

„Я буду завтра въ половинѣ перваго къ молебну у тученицкаго редута, послѣ чего заѣду тебя навѣстить. Прикажи конвою моему и лошадямъ ожидать меня у редута. Радуюсь, что тебѣ лучше".

7 ноября.—Чудное, морозное, солнечное утро, бодрящій воздухъ.

Великій Князь, чувствуя себя лучше, поѣхалъ на молебствіе въ Высочайшемъ присутствіи. Я былъ тоже. Присутствующихъ масса. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ было торжественно отслужено благодарственное молебствіе. Затѣмъ, завтракъ на травѣ, или, вѣрнѣе, на мѣстѣ, гдѣ она была. Вечеромъ на всѣхъ позиціяхъ играла музыка, была иллюминація и кое-гдѣ даже фейерверки. На Скобелевской позиціи, по его мысли, былъ выставленъ въ траншеѣ огромный освѣщенный транспарантъ съ турецкою надписью: „Карсъ взятъ". Когда турки высунулись посмотрѣть, по нимъ дали залпъ. Началась перестрѣлка минутъ на двадцать. Это было около 11 часовъ вечера.

М. Газенкампфъ.

---

[1]) Командующаго 2-ю гвард. кавал. дивизіей.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ
АМУРСКАГО КРАЯ
1854—1904 гг.

Окончаніе.

V *).

Обрабатывающая промышленность и торговля.

Изъ обрабатывающей промышленности первымъ на Амурѣ появилось винокуреніе; большая часть области не имѣла еще своего хлѣба, а открыть винокуренный заводъ уже разрѣшили. За сбытъ этого продукта опасаться нечего было. Потребность въ спиртѣ все больше и больше росла, выкурка спирта все увеличивалась. Періодъ пріисковой горячки вызвалъ такой спросъ на спиртъ, что мѣстнаго спирта не хватало. Потребленіе спирта въ краѣ дошло въ 1900 году до 17.000.000 градусовъ, а всѣ заводы (числомъ три) могли выпустить лишь 11.000.000 градусовъ. Недостающее количество пополнялось спиртомъ, привозимымъ изъ Забайкалья, иркутской губерніи, а главнымъ образомъ—моремъ изъ Европейской Россіи. Къ 1904 году заводы мѣстные уже могли выкуривать свыше 20.000.000 градусовъ. Съ занятіемъ нами Манчжуріи спросъ на спиртъ возросъ непомѣрно. И

---

*) См. выше: май, 166 стр.

еслибы приамурскимъ заводчикамъ разрѣшили ввозить туда спиртъ со сложеніемъ акциза [1]), то винокуреніе въ Приамурьѣ дошло бы до значительныхъ размѣровъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ возникло на Амурѣ мукомольное дѣло, которое въ послѣдніе годы сильно разрослось. Помимо обыкновеннаго размола, вырабатывалась крупчатка. Количество мельницъ и ихъ производительность увеличились; явилась возможность замѣнить дорогую привозную крупчатку мѣстной. Къ 1903 году въ Амурской области мельницы могли вырабатывать свыше 2 1/2 милліоновъ пудовъ крупчатки, да въ Приморской области около милліона пудовъ. Желѣзодѣлательная и чугуно-плавильная промышленность находится лишь въ зачаточномъ состояніи, такъ какъ пока и желѣзо, и чугунъ привозятся, а не добываются на мѣстѣ. Такъ, напр., одинъ чугуно-литейный заводъ вблизи Благовѣщенска долгое время существовалъ запасами старыхъ пушечныхъ ядеръ изъ Николаевскаго арсенала. Правда, ядра продавались дешево, но ихъ надо было возить по рѣкѣ за 1.800 верстъ.

Стремленіе развить и другія отрасли обработывающей промышленности имѣется, но пока все идетъ въ малыхъ размѣрахъ и въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Существуютъ въ краѣ мыловаренные, кожевенные, пивоваренные, стеклянные заводы. Усиленная застройка городовъ и казенныя сооруженія вызвали возникновеніе лѣсопилокъ съ обработкой дерева, кирпичедѣлательныхъ и известкообжигательныхъ заводовъ. Очевидно, не настало еще время, благопріятное для развитія этого рода промышленности, да и капиталы все время отвлекались на предпріятія болѣе прибыльныя, не требующія приложенія особыхъ техническихъ знаній и усиленной энергіи.

Торговля въ Приамурьи пошла съ первыхъ же дней довольно успѣшно. Почти все время спросъ потребителей не успѣвалъ удовлетворяться торговцами. Дорогая доставка товаровъ, медленные обороты капитала—все съ лихвою оплачивалось потребителями. Барыши купцовъ достигали баснословныхъ размѣровъ, и торговыя предпріятія все шире и шире разростались.

Въ прежнее время большинство купцовъ разъ въ годъ выѣзжало въ г. Верхнеудинскъ на ярмарку, гдѣ и закупался весь годовой запасъ для Амура. Одинъ, два коммерсанта, можетъ быть,

---

[1]) Ввозъ спирта въ Манчжурію изъ Европейской Россіи былъ свободенъ отъ акциза, а амурскому спирту не была дана такая льгота, что сильно огорчало мѣстныхъ заводчиковъ.

добирались до Иркутска. Иностранныя фирмы тоже посылали свои товары на Амуръ моремъ—и все раскупалось на расхватъ по высокой цѣнѣ.

Золотопромышленное дѣло вызвало большое расширеніе торговыхъ предпріятій, такъ какъ почти всѣ пріисковыя заготовки производились у мѣстныхъ торговцевъ, и руководители пріисковаго дѣла предпочитали переплачивать въ три-дорога мѣстнымъ торговымъ фирмамъ, чѣмъ самимъ выписывать изъ первыхъ рукъ. Хорошіе заработки пріисковыхъ рабочихъ обильной струей переливались въ карманы мѣстныхъ торговцевъ.

Удовлетвореніе правительственныхъ нуждъ въ видѣ поставокъ и подрядовъ тоже упрочилось за мѣстными коммерсантами. Словомъ, торговля въ краѣ считалась самымъ прибыльнымъ дѣломъ, и всякій, сколотившій хоть небольшой капиталецъ, спѣшилъ открыть торговое предпріятіе. Никто не безпокоился, что товаръ залежится. Вся забота была направлена лишь къ тому, чтобы поскорѣе получить транспортъ съ товаромъ, такъ какъ потребители съ бою брали, не справляясь ни съ цѣнами, ни съ качествомъ покупки. Улучшились пути сообщенія съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, понизились морскіе фрахты, разрослось пароходство по Амуру, и товары подешевѣли, но барыши купцовъ все еще оставались огромны.

Слава объ амурскомъ рынкѣ, о непритязательности тамошнихъ потребителей, благодаря чему можно сваливать туда все бракованное, всякую залежь,—открыла широкій кредитъ амурцамъ въ Европейской Россіи, особенно у московскихъ фабрикантовъ.

Установившееся желѣзнодорожное черезъ Сибирь сообщеніе измѣнило порядокъ закупки амурскими купцами товаровъ. Не только крупныя фирмы, но едва оперившіеся торговцы сами уже покатили въ Москву, Варшаву, Лодзь и даже Гамбургъ съ цѣлью завязать непосредственныя торговыя сношенія. На амурскаго купца въ Москвѣ смотрѣли какъ на желаннаго покупателя, а Варваринское подворье считало амурца съ пимами [1]) на ногахъ и съ малахаемъ [2]) на головѣ за самаго прибыльнаго и щедраго постояльца. Сразу установился такой порядокъ. Амурецъ набираетъ мануфактуры, галантерейнаго, моднаго (заднимъ числомъ) товара, готоваго платья на сотни тысячъ рублей подъ векселя срокомъ на 12 мѣсяцевъ. Цѣны, разумѣется, ставятся

[1]) Валенки.

[2]) Мѣховой головной уборъ.

хорошія, да за кредитъ начисляетъ москвичъ 12%, но амурецъ сговорчивъ, и вексельные бланки безпрекословно украшаются его званіемъ, именемъ и фамиліей.

Совершивъ покупку, амурецъ переходитъ въ руки транспортныхъ предпріятій. Транспортные агенты таскаютъ его по трактирамъ, просвѣщаютъ „Яромъ“ и „Омономъ“, а амурецъ ломается и выторговываетъ себѣ болѣе выгодныя условія. Наконецъ, онъ выбралъ себѣ, скажемъ, компанію „Надежда“, и заключается сдѣлка. Транспортная контора обязуется доставить грузъ на Амуръ по такой-то цѣнѣ и за своей отвѣтственностью. Купецъ не только не вноситъ конторѣ причитающагося за доставку и страховку грузовъ платежа, но еще самъ получаетъ отъ конторы ссуду подъ этотъ грузъ, въ размѣрѣ 60% покупной цѣны. Какъ фрахтъ, такъ и ссуда, уплачивается купцомъ на мѣстѣ полученія груза. За выдачу такой ссуды и отсрочку платежа по провозу транспортная контора насчитываетъ 11%—12% годовыхъ. Такимъ образомъ, полученный въ кредитъ товаръ поступаетъ обезпеченіемъ новаго кредита у транспортныхъ конторъ.

Получивъ крупную ссуду подъ сданный къ отправкѣ грузъ, амурецъ покупаетъ уже за наличныя деньги такіе товары, которые подъ векселя, особенно долгосрочные, не продаются. Обезпечивъ себя на чужія деньги самымъ разнообразнымъ товаромъ, амурецъ стряхиваетъ съ себя весь чадъ Яровъ, Омоновъ и другихъ злачныхъ мѣстъ первопрестольной, выпарится въ Сандуновскихъ баняхъ и съ сибирскимъ экспрессомъ катитъ на родину.

Московскій фабрикантъ и транспортная контора потирали руки, что ловко остригли простоватаго таежника, а этотъ простакъ ухмылялся про себя, такъ какъ твердо зналъ, что амурскій потребитель не только оплатитъ всѣ наложенные проценты, но еще перепадетъ немалая толика и въ карманъ простака.

Западные фабриканты и фирмы сначала черезъ своихъ агентовъ ловили тоже амурца, пріѣхавшаго въ Москву, а затѣмъ наводнили все Приамурье своими комми-вояжерами и на вышеописанныхъ условіяхъ сбывали всю свою залежь. Гамбургъ же получалъ за проданные амурскому купцу товары денежки русскихъ транспортныхъ конторъ. Прибывшій на мѣсто грузъ выкупался по мѣрѣ надобности и выпускался въ продажу.

Съ мѣстными агентами транспортныхъ конторъ купцы жили дружно, „за всяко просто“, какъ говорятъ здѣсь. Случалось, что денегъ на уплату наложеннаго платежа не имѣется, а то-

варъ—нужный, сезонный. Тогда привозили въ амбаръ несезонный въ видѣ залога, а сезонный выпускался въ магазинъ.

Такъ и шло торговое дѣло безъ сучка и задоринки—потребитель выручалъ, своими боками сглаживалъ всѣ шероховатости.

Но затихла золотопромышленность, спросъ уменьшился, въ магазинахъ накопились залежи. Русскія предпріятія въ Манчжуріи отвлекли туда и людей и деньги,—и такое искусственное положеніе торговыхъ предпріятій дрогнуло. Пришлось кредиторамъ сначала давать отсрочку по векселямъ, затѣмъ пошли протесты, аукціонныя продажи неоплаченныхъ и невостребованныхъ грузовъ и т. п. Пошатнувшіяся фирмы наносили жестокіе удары болѣе устойчивымъ, такъ какъ онѣ устроивали „дешевки"—распродажи съ уступкой до 50%. Распродавъ же товары дешевкой, переносили свою дѣятельность въ Манчжурію, гдѣ открылся широкій просторъ для быстрой и легкой наживы. Пока же московскіе и лодзинскіе коммерсанты и фабриканты успѣвали получить исполнительные листы, магазины уже пустовали. Только разбитые ящики и груда разной укупорки были предоставлены въ распоряженіе судебнаго пристава.

Кумовство мѣстныхъ транспортныхъ агентовъ съ грузополучателями тоже не обошлось безъ краховъ. Пріѣхавшій какъ-то ревизоръ изъ правленія одного изъ транспортныхъ предпріятій обнаружилъ на складѣ невыкупленныхъ товаровъ 115 ящиковъ папиросныхъ гильзъ, положенныхъ туда въ обезпеченіе выпущенныхъ безъ оплаты наложеннаго платежа въ такомъ же количествѣ мѣстъ съ мануфактурнымъ товаромъ и готовымъ платьемъ. И это не единственный случай. А сколько почти безнадежныхъ, дорого стоющихъ и годами ведущихся исковъ пришлось возбудить легкомысленнымъ кредиторамъ! Притомъ, полученные отъ амурца векселя большею частью учитывались въ банкахъ, кредиторы платили за учетъ, а съ наступленіемъ сроковъ пришлось имъ самимъ выкупать эти векселя и посылать къ протесту. Заманчивые барыши оказались жестокимъ обманомъ. Такъ рушились скороспѣлыя, раздутыя легкимъ кредитомъ торговыя предпріятія; дѣла же у жизнеспособныхъ фирмъ пошли ровнѣе, и торговля стала устойчивѣе. Внѣшнихъ сношеній съ сосѣдними странами амурскій торговецъ почти не имѣлъ; онъ ограничивался лишь удовлетвореніемъ внутренней потребности края. И если въ послѣдніе годы направились излишки товаровъ въ Манчжурію, то только въ пункты расположенія русскихъ войскъ, да въ районъ постройки манчжурской желѣзной дороги.

Какъ только русскій гарнизонъ оставлялъ занятый пунктъ, торговецъ складывалъ тотчасъ же свои товары и уходилъ вслѣдъ за войсками на другое мѣсто.

Страховыя общества, сильно развившія преждевременно, соблазнившись высокими ставками, свои операціи въ Манчжуріи, неоднократно вводили въ грѣхъ русскаго торговца. Вмѣсто затруднительной и дорого стоющей перевозки товаровъ, торговецъ предпочиталъ сжечь магазины, получить страховую премію, а на новомъ мѣстѣ открывалъ торговлю со свѣжими товарами.

Словомъ, торговецъ нигдѣ не терялся. Ни закрытіе портофранко, ни даже военныя осложненія не поколебали его благополучія. Тяжелое положеніе амурскаго обывателя въ 1904 году послужило къ обильному наполненію кармановъ амурскаго торговца. Потребовалось даже вмѣшательство властей къ обузданію разыгравшагося купеческаго аппетита.

VI.

Пути сообщенія.

Главная артерія Приамурья, распредѣлявшая движеніе, жизнь, возникавшія предпріятія—это рѣка Амуръ и его притоки. Не только въ первые годы, но и до настоящаго времени это единственные возможные пути сообщеній. Потому-то все и стремилось сосредоточиться вблизи этихъ естественныхъ путей. Немного въ сторону—и уже человѣкъ попадалъ въ большое затрудненіе, встрѣчалъ сильное препятствіе для своей дѣятельности, для своихъ занятій. Благодаря отсутствію дорогъ вглубь страны, какъ мы видѣли уже выше, край остается до сихъ поръ полудикимъ, а естественныя его богатства—до сихъ поръ почти неиспользованными.

Прежде всего, разумѣется, взялись за улучшеніе водныхъ путей. Появились вначалѣ на Амурѣ казенные пароходы для надобностей правительственныхъ, а отчасти и для удовлетворенія частныхъ нуждъ по перевозкѣ грузовъ и пассажировъ. Пароходы были построены по проектамъ и соображеніямъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ условіями мѣстнаго плаванія и съ характеромъ мѣстныхъ рѣкъ. Названія пароходамъ были даны тоже причудливыя: „Волкъ“, „Медвѣдь“, „Собака“ и т. п. Пароходы обошлись дорого, а управленіе пароходствомъ—еще дороже. Частной иниціативы пока было мало. Появилось

два-три незначительныхъ частныхъ парохода, показался даже пароходикъ американскаго типа съ однимъ колесомъ за кормой.

Казенные пароходы оказались мало пригодны и мало способны къ движенію, особенно вверхъ по рѣкѣ, а частные брали за доставку грузовъ и перевозку пассажировъ чудовищныя цѣны. Провозъ пуда груза отъ Николаевска до Срѣтенска (3.000 верстъ) стоилъ въ первое время до 15 руб., а пассажира—150—200 руб. Передвиженіе совершалось медленно и съ разными приключеніями. Наконецъ, многолѣтнія неудачи казеннаго пароходства вынудили правительство обратиться къ частнымъ предпринимателямъ. Рѣшили выдавать денежную субсидію, возложивъ на частное пароходство обязательные рейсы, перевозку почтъ, казенныхъ грузовъ.

Предприниматели нашлись въ лицѣ столичныхъ капиталистовъ: Бенардаки, Абаза и др. Учредилось товарищество амурскаго пароходства, уставъ котораго 18 сентября 1871 г. былъ утвержденъ законодательнымъ порядкомъ. Правительство заключило съ товариществомъ договоръ на двадцать лѣтъ, по которому товарищество обязуется держать не менѣе 12-ти пароходовъ и содержать срочные рейсы по Амуру между Срѣтенскомъ и Николаевскомъ два раза въ мѣсяцъ, по р. Уссури—отъ Хабаровска до поста № 4 вблизи оз. Ханка каждые 7 дней, и отъ оз. Ханка до с. Камень-Рыболовъ—каждые 15 дней. Казенные пароходы съ баржами товарищество обязуется принять отъ морского вѣдомства по расцѣнкѣ, произведенной этимъ вѣдомствомъ совмѣстно съ представителями товарищества. Почта должна перевозиться безплатно, казенные грузы—отъ Срѣтенска до Николаевска—по 50 коп., а обратно—по 1 рублю съ пуда; нижнихъ чиновъ, переселенцевъ и арестантскія партіи—съ платою по 0,3 коп. съ человѣка и версты. Пассажирскій тарифъ не долженъ превышать въ первомъ классѣ 3 коп., во второмъ—$1\frac{3}{4}$ коп. и въ третьемъ $\frac{1}{2}$ коп. съ версты; частный грузъ—не свыше $\frac{1}{10}$ коп. съ пуда и версты.

За выполненіе перечисленныхъ операцій товарищество получаетъ отъ правительства субсидію въ видѣ порейсовой платы въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ по 2 р. 15 коп. за каждую пройденную пароходомъ версту. По прошествіи десяти лѣтъ, порейсовая плата уменьшается ежегодно на 5%, такъ что къ концу договорнаго срока должна равняться лишь 1 руб. 7 коп. за версту.

Въ 1872 году товарищество амурскаго пароходства открыло свои дѣйствія и сразу потерпѣло неудачу. Принятые имъ ка-

зенные пароходы меньше всего могли удовлетворять требованіямъ коммерческаго предпріятія. Только казенные рессурсы могутъ выдержать эксплоатацію подобныхъ неуклюжихъ желѣзныхъ ящиковъ. Къ тому же морское судно, на которомъ шли въ разобранномъ видѣ заказанные товариществомъ пароходы, потерпѣло аварію, кажется, въ Татарскомъ проливѣ. Пришлось работать казенными „утюгами“ (такъ назвали амурцы эти пароходы) и съ грѣхомъ пополамъ, неся убытки, выполнять лишь срочные почтовые рейсы. Въ навигацію 1872 года частные грузы остались недоставленными, что̀ тяжело отразилось какъ на населеніи края, такъ и на торговомъ классѣ. Помимо общихъ неблагопріятныхъ условій и внутренній распорядокъ въ дѣлахъ товарищества, правленіе котораго находилось въ Петербургѣ, мало способствовалъ благосостоянію и развитію возникшаго пароходства, несмотря на монополію и отсутствіе конкурренціи. Съ годами появились у товарищества болѣе пригодныя для мѣстнаго плаванія суда, а казенные были обращены въ баржи [1]). Увеличилось количество частныхъ грузовъ и пассажировъ,—но прошло 20 лѣтъ, и товарищество почти разорилось.

Въ выполненіи принятыхъ на себя по отношенію казны обязательствъ, товарищество настолько стало неисправно, что потребовалось замѣнить его кѣмъ-либо другимъ. Другихъ же частныхъ пароходовъ на Амурѣ не было. Плавали-было два, три парохода купца Лукина, но товарищество купило ихъ у него, обязавъ Лукина не имѣть пароходовъ въ теченіе извѣстнаго срока. Къ началу девятидесятыхъ годовъ появился на Амурѣ энергичный и предпріимчивый человѣкъ, нѣкто Н. П. Макѣевъ. Бывшій блестящій офицеръ, угодившій на каторгу за убійство своего командира, а затѣмъ возстановленный въ своихъ прежнихъ правахъ, Макѣевъ былъ еще полонъ кипучихъ силъ и стремился приложить свою энергію къ какому-либо крупному предпріятію въ новомъ краю.

Печальное положеніе товарищества внушило Макѣеву мысль создать новое пароходное дѣло и выхватить у товарищества правительственную субсидію и прочія его привилегіи. Не имѣя собственныхъ средствъ (или очень незначительныя), онъ началъ искать капиталистовъ. Удалось ему склонить къ задуманному предпріятію извѣстнаго въ то время сибирскаго милліонера А. М. Сибирякова и владивостокскаго капиталиста М. Г. Ше-

[1]) На Николаевскомъ рейдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли корпуса бывшихъ: Медвѣдя, Волка, Собаки и др., но они теперь носятъ названіе номеровъ и употребляются какъ баржи для перегрузки съ морскихъ судовъ на рѣчныя.

велева. Образовалось товарищество: „Сибиряковъ-Шевелевъ“, которое и предложило свои услуги правительству по содержанію срочныхъ рейсовъ по рѣкамъ амурскаго бассейна.

29-го мая 1892 года этимъ товариществомъ былъ заключенъ контрактъ съ департаментомъ торговли и мануфактуръ на 15 лѣтъ, считая съ 1894 года, причемъ черезъ каждыя пять лѣтъ условія договора могутъ измѣняться по усмотрѣнію приамурскаго генералъ-губернатора и съ согласія товарищества. Въ промежутокъ между заключеніемъ этого контракта и открытіемъ дѣйствія вновь возникшаго пароходнаго предпріятія произошли событія, измѣнившія первоначальное положеніе дѣлъ. Хотя за А. М. Сибиряковымъ и М. Г. Шевелевымъ установилось мнѣніе, какъ о неисчерпаемыхъ источникахъ презрѣннаго металла, но въ это время ни тотъ, ни другой не могъ, или не желалъ, вложить въ пароходное дѣло крупные капиталы, и затѣянное дѣло стало расклеиваться. Но Макѣевъ не могъ такъ легко отказаться отъ своего замысла и бросился искать капиталовъ въ другихъ мѣстахъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, къ величайшему огорченію товарищества амурскаго пароходства, не желавшаго выпустить изъ своихъ рукъ казенную субсидію, а тѣмъ болѣе имѣть новаго конкуррента.

27-го декабря 1893 года, Высочайше утвержденъ уставъ „Акціонернаго амурскаго общества пароходства и торговли“, въ составъ акціонеровъ котораго вошли А. М. Сибиряковъ и Н. П. Макѣевъ, а М. Г. Шевелевъ отъ участія совсѣмъ отказался. Правленіе общества основалось въ Москвѣ, а Н. П. Макѣевъ былъ назначенъ директоромъ-распорядителемъ пароходства на мѣстѣ.

Въ навигацію 1894 года амурское общество открыло свое почтово-пассажирское движеніе, принявъ на себя обязательства передъ правительствомъ по контракту, заключенному съ Сибиряковымъ и компаніей 29-го мая 1892 года, а спустя пять лѣтъ, 15-го марта 1898 года, оно замѣнило этотъ контрактъ новымъ договоромъ, срокомъ на 11 лѣтъ, т.-е. по 1908 годъ включительно.

Условія этого договора таковы:

Съ 1898 года по 1902 годъ включительно срочное почтово-пассажирское сообщеніе должно быть производимо по рр. Шилкѣ и Амуру [1]) (3.055 версты) черезъ каждые пять дней, а всего въ навигацію—по тридцати рейсовъ съ каждаго конечнаго пункта, равныхъ 183.330 верстамъ. Число пароходовъ должно быть не

[1]) Обязательные рейсы по р. Уссури и оз. Ханка отмѣнены, въ виду проведенія уссурійской желѣзной дороги.

менѣе семи и не болѣе девяти съ соотвѣтственной осадкой въ нижнемъ, среднемъ и верхнемъ теченіи рѣки. Общество обязуется перевозить безплатно курьеровъ, фельдъегерей и всякаго рода корреспонденцію: простую, страховую, денежную и посылки. Офицеровъ и гражданскихъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ, ѣдущихъ по казенной или частной надобностямъ, перевозить на 50% ниже установленной для пассажировъ платы. За перевозку нижнихъ чиновъ, переселенцевъ и арестантовъ взимать плату въ половинномъ размѣрѣ пассажирскаго тарифа по III классу. Казенные и принадлежащіе переселенцамъ грузы оплачиваются внизъ по теченію не свыше 0,017 коп., а вверхъ по теченію—не свыше 0,035 коп. съ пуда и версты. Перевозка громоздкихъ предметовъ, лошадей, рогатаго скота, артиллеріи также имѣетъ свою установленную, пониженную противъ частныхъ грузовъ плату. Пассажирскій тарифъ не долженъ превышать: для I класса—2 1/2 коп., II—1 1/2 коп. и III—1/3 коп. съ версты. За частные грузы, перевозимые на разстояніе менѣе 100 верстъ—не болѣе 1/10 коп., а свыше 100 верстъ—не болѣе 1/20 коп. съ пуда и версты, причемъ за транзитные по всему протяженію грузы отъ Срѣтенска до Николаевска фрахтъ не долженъ превышать 75 коп., а въ обратномъ направленіи—1 руб. 50 коп. съ пуда. Общество получаетъ отъ правительства за каждую пройденную версту 1 р. 37 к., или 250.000 р. въ годъ.

На такихъ началахъ возникло новое пароходное предпріятіе, и сразу установилась непримиримая вражда между „товариществомъ“ амурскаго пароходства и амурскимъ привилегированнымъ „обществомъ“, которая продолжается и доселѣ на почвѣ конкурренціи—по перевозкѣ грузовъ. Насколько хватило у Макѣева энергіи и умѣнья организовать почти безъ капитала пароходное дѣло, настолько онъ оказался неудачнымъ администраторомъ и неуживчивымъ человѣкомъ по отношенію къ правленію общества. Военныя дѣйствія между директоромъ-распорядителемъ и правленіемъ общества открылись чуть ли не съ первыхъ дней. Недостатокъ оборотнаго капитала, постройка судовъ въ кредитъ, платежъ высокихъ процентовъ, неудачный заказъ въ Англіи четырехъ пароходовъ для верхней дистанціи, а главное—сплошная неурядица по управленію, полный разладъ Макѣева съ правленіемъ довели дѣла общества до прекращенія платежей, до торговой несостоятельности въ теченіе первыхъ же пяти лѣтъ.

Товарищество амурскаго пароходства вело свои дѣла также далеко не блестяще, а потому передать ему снова казенныя

обязательства не было основаній. Въ силу необходимости, ради правительственныхъ интересовъ, пришлось поддержать погибающее предпріятіе, и надъ дѣлами амурскаго общества въ 1899 году учреждена была администрація, съ перенесеніемъ правленія изъ Москвы въ Петербургъ. Иниціаторъ же и основатель дѣла Н. П. Макѣевъ, перенесшій свою борьбу съ правленіемъ въ судебныя учрежденія, разорился на судебную волокиту и, возвращаясь зимой изъ Петербурга, простудился дорогой, кое-какъ добрался до Благовѣщенска, гдѣ и умеръ, оставивъ многочисленную семью въ полной нищетѣ, а настроенные имъ дома—земельному банку, на удовлетвореніе полученной оттуда ссуды.

Девятидесятые годы были оживленнымъ періодомъ на Амурѣ. Существовавшее пароходство не успѣвало удовлетворять нужды грузоотправителей. Помимо высокаго фрахта, приходилось платить немалый куртажъ пароходнымъ агентамъ, чтобы отправить свой грузъ не въ очередь или чтобы отправленный грузъ не зазимовалъ въ дорогѣ. Для Амура, который въ навигацію долженъ запастись всѣмъ необходимымъ на круглый годъ, всякая задержка или несвоевременная доставка грузовъ вызывала критическое положеніе. Казалось бы, при такихъ условіяхъ пароходное дѣло должно было бы процвѣтать, но на дѣлѣ выходило иначе. Богатѣли агенты, наживались командиры, получающіе тысячные оклады, широко и шумно жили директора, а предпріятіе концовъ съ концами не сводило. Недостатокъ, неисправность и дороговизна перевозочныхъ средствъ вынудили золотопромышленныя компаніи завести свои пароходы, а за ними пошли и другіе предприниматели, особенно купцы-молокане. Предпочтеніе отдали пароходу американскаго типа, задне-колесному съ деревяннымъ корпусомъ. Машины выписывались изъ Америки или Германіи, а корпусъ строили на мѣстѣ. Такой пароходъ съ грузоподъемностью 12—20 тысячъ пудовъ обходился 60—80 тысячъ рублей и могъ быть сооруженъ за одну зиму. Первое время такой пароходъ окупался за одну навигацію, а къ 1900 году въ водахъ амурскаго бассейна уже насчитывали свыше ста разнаго типа пароходовъ. Теперь ужъ не грузоотправитель снималъ шапку передъ пароходчикомъ, а пароходовладѣлецъ бѣгалъ и ухаживалъ за нимъ.

Главная работа была—доставка транзитныхъ грузовъ снизу вверхъ. Сверху же внизъ пароходы шли пустыми. Внутреннее движеніе по рѣкамъ Зеѣ, Селенгѣ, а съ 1900 года по Сунгари также ограничивалось большею частью перевозкой въ одинъ конецъ. Заполучить транзитные чайные грузы изъ Николаевска

или Хабаровска до Срѣтенска—значило обезпечить себѣ навигацію. Конкурренція сбила фрахтъ до невозможнаго. Грузовъ не хватало на всѣхъ, и въ послѣдніе годы отъ Николаевска до Срѣтенска везли за 60 коп. и ниже пудъ. Какой ироніей отзывался пунктъ правительственнаго договора съ „Амурскимъ обществомъ пароходства", воспрещавшій взимать за частные грузы отъ Николаевска до Срѣтенска свыше 1 р. 50 коп.!

Итакъ, чайные грузы были главнымъ источникомъ дохода для амурскаго пароходства. И на этотъ источникъ въ 1903 году было сдѣлано нападеніе со стороны китайско-восточной желѣзной дороги, которая предложила чаеторговцамъ взять на себя доставку чая изъ Ханькоу черезъ г. Дальній до чайныхъ рынковъ Европейской Россіи за болѣе дешевую плату. Помимо сильнаго сокращенія срока перевозки, названная дорога принимала на себя обезпеченіе чаевъ пошлиной, освобождая владѣльцевъ груза отъ взноса залоговъ.

Амурскому пароходству угрожалъ неизбѣжный крахъ, но, къ его счастію, затѣя „Манчжурки" [1]) на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско; дорога обнаружила полную свою неспособность и неподготовленность къ исправной перевозкѣ, и часть чаевъ пошла по прежнему пути, черезъ Амуръ. Если въ послѣдніе годы было тяжело субсидированному и обезпеченному казенными грузами пароходству, то что̀ сказать о частныхъ пароходовладѣльцахъ? У многихъ дрова не окупались, болѣе предпріимчивые возили съ р. Сунгари контрабанду, а то еще проще—ликвидировали дѣло пожаромъ. Страховали пароходъ выше его стоимости, и въ одинъ прекрасный день онъ благополучно сгоралъ. Но страховымъ обществамъ не понравились такіе пріемы страхователей, и въ послѣдніе два года всѣ общества прекратили вовсе пріемъ на страхъ амурскихъ судовъ. Такія ликвидаціи, благодаря амурскимъ нравамъ, сходили съ рукъ благополучно. Только въ 1903 году до суда дошло дѣло бр. Косицыныхъ по обвиненію въ поджогѣ парохода и груза, застрахованнаго за 300 тысячъ рублей. Сколько характерныхъ пожаровъ произошло на моихъ глазахъ, но ни разу виноватыхъ обнаружено не было! Помню, горѣло, какъ свѣчка, воинское присутствіе въ Забайкальѣ, гдѣ только-что полковникъ Кононовичъ [2]) закончилъ ревизію, обнаруживъ массу злоупотребленій. Не только онъ не успѣлъ спасти собранныхъ имъ матеріаловъ,

[1]) Такъ называется здѣсь китайско-восточная желѣзная дорога.

[2]) Впослѣдствіи губернаторъ о. Сахалина.

но самъ едва не сгорѣлъ. Какой грандіозный костеръ представляли собой горящіе казенные амбары на Карѣ! Море огня яростно бушевало, длинные огненные языки высоко прорѣзывали ночную темноту. Грандіозное зарево далеко освѣщало путь мчавшейся тройкѣ, которая везла въ это время на Кару для ревизіи этихъ амбаровъ высшее начальство.

Помню также пожаръ въ Благовѣщенскѣ главной конторы товарищества амурскаго пароходства, а также пожаръ въ Харбинѣ пароходной конторы китайско-восточной желѣзной дороги. Масса публики, веселой, какъ будто на уличномъ праздникѣ. Хохотъ, остроумныя замѣчанія такъ и сыплются. Настроеніе у всѣхъ игривое, какъ будто передъ глазами происходитъ не несчастіе, а что-то невинное, шаловливое, напоминающее ауто-да-фе, учиненное школьниками надъ латинскими и греческими учебниками послѣ окончательныхъ экзаменовъ.

Возвращаюсь къ плаванію по Амуру. Въ послѣднее десятилѣтіе было еще два спеціальныхъ пароходныхъ предпріятія. Строилась забайкальская желѣзная дорога и производились изысканія для проведенія амурской желѣзной дороги отъ Срѣтенска до Хабаровска. Для подвозки строительныхъ матеріаловъ на строящуюся и предполагаемую дорогу министерство путей сообщенія выстроило съ десятокъ *спеціальныхъ* рѣчныхъ пароходовъ. Когда постройка забайкальской дороги окончилась, а проведеніе амурской было отложено, то этимъ пароходамъ дѣлать стало нечего. Ихъ и разсовали кое-куда. Часть отдали телеграфнымъ чинамъ для разъѣзда по ремонту вѣчно портящейся линіи, часть перешла въ учрежденное на Амурѣ управленіе водными путями [1]), а часть стоитъ на привязи у берега, какъ наглядное напоминаніе потомству, какихъ пароходовъ не слѣдуетъ строить на Амурѣ.

Второе спеціальное пароходство учредила китайско-восточная желѣзная дорога для подвозки съ рѣки Уссури на рѣку Сунгари до Харбина строительныхъ матеріаловъ, машинныхъ частей, паровозовъ и т. п., прибывавшихъ моремъ во Владивостокъ, откуда по уссурійской желѣзной дорогѣ они доставлялись на ст. Иманъ или Хабаровскъ. Пароходы эти также закончили свою дѣятельность якорной стоянкой у береговъ. Въ такомъ состояніи было пароходное дѣло къ концу 1903 года. Предполагавшееся ранѣе проведеніе рельсоваго пути отъ Срѣтенска до Хабаров-

[1]) Развозятъ керосинъ для перевальныхъ фонарей, иногда—чиновъ рѣчного надзора.

ска, еслибы оно осуществилось, имѣло бы громадное значеніе для края. Установилось бы постоянное непрерывное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ; теперь же—пять мѣсяцевъ пароходнаго, два мѣсяца вьючнаго и пять—на лошадяхъ зимняго пути. Дорога эта, пройдя во многихъ мѣстахъ вдали отъ Амура, прорѣзала бы массу удобныхъ для заселенія мѣстъ, которыя въ настоящее время остаются, за бездорожьемъ, нетронутыми культурой. Да вообще, нужно ли доказывать неотложность проложенія рельсоваго пути въ странѣ культуро-способной, щедро одаренной естественными богатствами? Въ этомъ никто и не сомнѣвался, но погоня за поисками теплаго моря измѣнила первоначальный планъ. Не понравилась синица въ рукахъ, захотѣлось журавля въ небѣ. Надоѣли неудачи на Амурѣ, пошли искать счастья на землѣ Дракона.

Съ проведеніемъ манчжурской желѣзной дороги и уссурійская потеряла свое значеніе, кромѣ перегона въ 100 верстъ отъ Владивостока до Никольска-Уссурійскаго. А 616 верстъ пути отъ ст. Кетрицево до Хабаровска обратились, по мѣстному выраженію, въ „генеральскій тупикъ“.

Что можно сказать о грунтовыхъ сообщеніяхъ въ Приамурьѣ? Если я скажу, что таковыхъ не существуетъ, право, не будетъ это преувеличеніемъ. Помимо тѣхъ дорогъ, проведеніемъ и содержаніемъ которыхъ завѣдуютъ строительныя отдѣленія областей, проводились и проводятся дороги спеціальными средствами и особо назначенными строителями. Такъ, напр., проводилась грунтовая почтовая дорога Владивостокъ-Раздольное, протяженіемъ 60 верстъ. На эту дорогу ассигновали 100 тысячъ рублей и поручили постройку военному инженеру. Черезъ два года работы было донесено, что ассигнованной суммы, въ виду непредвидѣнныхъ затрудненій, не хватило, а потому требуется еще 100 тысячъ рублей. Это было до учрежденія приамурскаго генералъ-губернаторства, и высшее строительно-дорожное учрежденіе находилось въ Иркутскѣ. Изъ Иркутска командировали осмотрѣть дорожныя работы инженера барона Розена.

Вотъ что писалъ въ своемъ докладѣ, между прочимъ, баронъ Розенъ: „...По проложенной дорогѣ мы могли проѣхать лишь семь верстъ отъ Владивостока, и то только верхомъ. Дальнѣйшее направленіе дороги было обозначено вѣхами... Деревянный мостъ на первой рѣчкѣ рѣшили подвергнуть испытанію, воспользовавшись проходившей мимо батареей, но командиръ батареи, осмотрѣвъ мостъ, не рѣшился пустить по мосту орудія, и перешелъ рѣчку вбродъ, повыше моста...“

Мнѣ какъ-то пришлось имѣть дѣло съ отчетностью по этой постройкѣ. Остался въ памяти эпизодъ съ рабочими быками. Лошади въ то время были недоступной роскошью, и для работъ употребляли быковъ манчжурскихъ или корейскихъ. Ради сохраненія казенныхъ интересовъ, говорилось въ отчетности, весной покупали быковъ (300—400 руб. быкъ), которые, несмотря на обильный кормъ, были недолговѣчны и падали отъ изнуренія на непосильныхъ работахъ. Съ пріостановленіемъ работъ на зимнее время, уцѣлѣвшихъ быковъ продавали по 15—20 рублей за голову, чтобы не кормить зимой, а весной снова покупали. Казенный быкъ очень прожорливъ, а кормъ въ тѣ времена былъ непомѣрно дорогъ, такъ что разница между покупной и продажной цѣной на быка давала, по увѣренію строителей, чистый барышъ казнѣ. И, пожалуй, они правы. Если недавно газеты удивлялись прожорливости коночныхъ одровъ въ Петербургѣ, то легко себѣ представить аппетитъ манчжурскаго или корейскаго быка, попавшаго прямо съ подножнаго корма на казенный культурный столъ. Но дорога была нужна, новое ассигнованіе послѣдовало, и дорога была закончена, хотя Владивостокъ не разъ оставался отрѣзаннымъ на недѣлю-другую отъ Раздольнаго. Больной вопросъ этого грунтового пути прекратился лишь съ проведеніемъ желѣзной дороги.

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ, когда намѣреніе о проведеніи амурскаго рельсоваго пути было отложено, вздумали провести колесный путь вдоль Амура отъ Хабаровска до ст. Михайло-Семеновской. Путь этотъ, говорилось въ проектѣ, долженъ быть типа желѣзнодорожныхъ времянокъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ если будетъ рѣшено приступить въ будущемъ къ постройкѣ рельсоваго пути, эта времянка могла бы быть использованной.

Постройкой этой дороги завѣдывалъ амурскій вице-губернаторъ С. Т. Т—нъ, служившій много лѣтъ на островѣ Сахалинѣ, по образованію юристъ (лицеистъ). Проживаетъ онъ за 600 верстъ отъ мѣста работъ, въ городѣ Благовѣщенскѣ.

Рабочіе на этой дорогѣ—ссыльно-каторжные съ острова Сахалина, а ближайшіе руководители и исполнители работъ—тюремные надзиратели. Къ 1902 году участокъ этотъ, протяженіемъ 250 верстъ, былъ законченъ и обошелся, при даровой рабочей силѣ, въ 250 тыс. рублей. Въ началѣ 1902 года, по зимнему еще пути, я проѣхалъ по этому участку вмѣстѣ съ Т—нымъ. Возвышенное полотно дороги, ровное какъ столъ, покрытое снѣгомъ, ретивые казенные кони, новенькія, чистенькія почтовыя станціи, торжественныя встрѣчи на станціяхъ арестант-

скими командами, дѣлавшими намъ, вмѣсто ружей, лопатами „на-караулъ“—все это производило недурное впечатлѣніе, еслибы не одно обстоятельство, на которое я обратилъ вниманіе моего спутника.

Несмотря на морозъ не менѣе двадцати градусовъ, арестанты были одѣты въ суконные халаты далеко не послѣдняго срока. Даже наши ямщики, весело покрикивавшіе на лихихъ копей, были въ такомъ же легкомъ одѣяніи; мы же съ Т—нымъ имѣли на себѣ мѣховыя куртки, сверху—хорошія дохи, а ноги были укрыты волчьимъ одѣяломъ.

— Что съ ними подѣлаете?—сказалъ мнѣ Т—нъ.—И полушубки есть, а ни за что не хотятъ надѣвать.

— У тебя есть полушубокъ?—спросилъ онъ нашего ямщика.

— Точно такъ, есть, ваше —ство,—отвѣчаетъ ямщикъ, весь посинѣвшій отъ мороза.

— Почему же ты не надѣлъ его? Вѣдь ты простудишься.

— Никакъ нѣтъ, ваше —ство. Мы привычны... Въ полушубкѣ неспособно,—отвѣчалъ ямщикъ-арестантъ.

— Вотъ, подите съ ними!—развелъ руками Т—нъ.—У нихъ особая психологія.

Какая такая психологія заставляла каторжнаго предпочитать дырявый халатъ полушубку, такъ и осталось для меня загадкой.

Вскорѣ послѣ этого дорога была принята почтовымъ вѣдомствомъ и открыта для всеобщаго пользованія. Въ іюнѣ и іюлѣ того же года, пробираясь въ Благовѣщенскъ изъ Владивостока, я пожелалъ проѣхаться по этой дорогѣ, но полученныя мной въ Хабаровскѣ свѣдѣнія о снесенныхъ тамъ мостахъ, размытыхъ насыпяхъ охладили мое желаніе, и я предпочелъ отправиться на пароходѣ.

Таковы дороги спеціальныя; проселочныя же, вглубь отъ воднаго или желѣзнодорожнаго пути, всецѣло находятся въ распоряженіи, какъ я уже сказалъ, областного начальства, проводятся на средства земскихъ сборовъ, къ которымъ иногда прибавляютъ особыя ассигнованія. Такъ, напр., въ 1902 году былъ открытъ кредитъ приморскому губернатору въ размѣрѣ 45 тыс. рублей на проведеніе грунтовыхъ дорогъ въ одномъ изъ переселенческихъ районовъ.

Главное вниманіе при проведеніи этихъ дорогъ обращалось на возможно большую дешевизну. Проекты составлялись строительными отдѣленіями, постройка производилась раздробительнымъ подряднымъ способомъ. Въ виду незначительнаго комплекта техниковъ, завѣдываніе и надзоръ за производимыми работами воз-

лагаются на полицейскихъ приставовъ. Дороги пролагались, какъ Богъ на душу положитъ подрядчику, и отъ Всевышняго зависѣла также проѣзжеспособность построенной дороги. И такія дороги обходились, въ среднемъ, отъ 200 до 700 рублей за версту. Принятая у подрядчика дорога (въ рѣдкихъ случаяхъ—техникомъ) поддерживала, затѣмъ, свою „непроѣздность" натуральною повинностью крестьянъ или казаковъ. Многолѣтній опытъ натуральной дорожной повинности показалъ давно ея полную несостоятельность, безполезную тяготу для придорожнаго населенія. Вспомнимъ великій сибирскій трактъ Томскъ—Иркутскъ. Кто самъ не испыталъ прелести тогдашняго путешествія, тотъ, навѣрное, читалъ объ этомъ.

Трактъ этотъ, ремонтируемый натуральной повинностью, круглый годъ находился въ такомъ состояніи, что у притрактоваго населенія создался особый промыселъ—извлекать экипажи лѣтомъ изъ грязи, зимой—изъ снѣжныхъ сугробовъ. Въ опредѣленныхъ мѣстахъ партіи крестьянъ ожидали путешественниковъ со стягами, веревками, запасными оглоблями и т. п. приспособленіями [1]). Но такое состояніе бывшаго сибирскаго тракта, по сравненію съ грунтовыми дорогами, особенно Приморской области, болѣе заселенной, можно считать довольно сноснымъ. Тамъ, хоть съ препятствіями и затрудненіями, все-таки, бывало, проберешься, а приморскія дороги двѣ-трети года остаются совсѣмъ непроѣзжими.

При такихъ условіяхъ даже богатѣйшіе для земледѣлія участки, удаленные отъ рѣки или линіи желѣзной дороги, считались негодными или невозможными для заселенія. Колонизаціонная ёмкость края уменьшалась, и начали поговаривать, что свободныхъ земель уже нѣтъ, и что надо искать ихъ у сосѣднихъ народовъ.

VII.

Школы и врачебно-санитарная помощь.

Школьное дѣло среди крестьянскаго населенія находится въ печальномъ положеніи. Помимо малочисленности школъ, и существующія кое-какъ прозябаютъ на скудныя средства. Тяжелыя условія жизни въ деревнѣ и нищенскіе оклады учительскаго пер-

[1]) Незадолго до проведенія сибирской желѣзной дороги ремонтъ этого тракта производился техническимъ надзоромъ на средства установленнаго „повознаго сбора".

сонала при здѣшней дороговизнѣ не могутъ привлечь къ школьному дѣлу даже сносныхъ работниковъ. Для человѣка не только образованнаго, но просто грамотнаго,—въ здѣшнемъ краѣ широкій выборъ занятій на болѣе обезпеченныхъ мѣстахъ, чѣмъ школа. Женскій трудъ здѣсь также высоко цѣнится, да и вообще тутъ женщина имѣетъ такъ много способовъ устроить сносно свою жизнь, что полунищенское, полное непріятностей положеніе школьной учительницы почти никого не соблазняетъ.

О школьномъ дѣлѣ въ казачьихъ поселеніяхъ, гдѣ станичный атаманъ—полный распорядитель школы и вершитель судьбы учителя, и говорить нечего. Тамъ—абсолютная тьма. На хабаровскомъ IV съѣздѣ въ августѣ 1903 года предсѣдатель войскового управленія Н. Сотниковъ пытался отрицать пагубное вліяніе станичныхъ атамановъ на школьное дѣло.

— Вы насъ не убѣдите,—возразилъ ему генералъ-губернаторъ Д. И. Суботичъ,—у васъ станичный атаманъ—большая власть надъ учителемъ, больше, чѣмъ генералъ-губернаторъ [1]).

Въ городахъ учебное и школьное дѣло обстоитъ получше, но чувствуется съ каждымъ годомъ недостаточность учебныхъ заведеній и неудовлетворительность духовныхъ потребностей населенія. Словомъ, народное образованіе въ здѣшнемъ краѣ находится въ той же рубрикѣ правительственныхъ заботъ, какъ и въ Европейской Россіи, гдѣ ему отводится послѣдняя очередь въ удовлетвореніи нуждъ государства.

Въ 1900 году Владивостокъ украсился высшимъ учебнымъ заведеніемъ—Восточнымъ институтомъ, но преслѣдуемыя этимъ институтомъ узко-спеціальныя цѣли имѣютъ мало общаго съ просвѣщеніемъ края. Врачебно-санитарное дѣло обстоитъ не лучше просвѣтительнаго. Въ городахъ живетъ немало врачей, изъ которыхъ большая часть—должностныя лица или военные врачи, но во внѣ-городскомъ районѣ врачебная помощь ничтожна и совершенно безсильна. Такъ, напр., въ никольско-уссурійскомъ участкѣ приморской области съ населеніемъ въ 50 тыс. человѣкъ имѣется два врача, четыре фельдшера и ни одной больницы. Система разъѣздно-стаціонарная. Радіусъ этого участка равняется двумъ-стамъ верстамъ.

Какую помощь могутъ оказать эти шесть врачебныхъ работниковъ, принимая во вниманіе скудость медицинскихъ средствъ

[1]) Труды IV хабаровскаго съѣзда: „Общее засѣданіе 16 августа 1903 г.“, стр. 18—19.

и описанные выше пути сообщенія? Только эпидеміи даютъ возможность многимъ деревнямъ видѣть иногда врача.

Въ Амурской области на заселенной крестьянами территоріи имѣется три врачебныхъ участка съ тремя врачами, шестью фельдшерами и одной центральной лечебницей на десять кроватей. Кромѣ этого, на фельдшерскихъ пунктахъ имѣются по три кровати на каждомъ. Районъ каждаго врача имѣетъ радіусъ до ста верстъ въ среднемъ. На этихъ врачахъ, кромѣ того, лежатъ и другія обязанности: поѣздки на эпидеміи, санитарный надзоръ, судебно-медицинскія функціи—и отдаленныя деревни годами не видятъ врача.

Больничное дѣло въ городахъ неважно. Въ Николаевскѣ больница помѣщается въ старомъ, гниломъ, ветхомъ зданіи, совсѣмъ непригодномъ для леченія. Въ Хабаровскѣ нѣсколько лучше обставлена больница, но тѣсна, и по одному коридору расположены помѣщенія для заразныхъ и душевно-больныхъ. Во Владивостокѣ—больница на тридцать коекъ общихъ и павильонъ на восемнадцать заразныхъ больныхъ. Въ Никольскѣ-Уссурійскомъ—жалкая больничка на десять кроватей, и только въ Благовѣщенскѣ, съ населеніемъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, имѣется разныхъ лечебныхъ учрежденій на семьдесятъ-пять кроватей. А между тѣмъ плохое санитарное состояніе населенныхъ пунктовъ и городовъ вызываетъ частыя эпидеміи. Сосѣдняя Манчжурія и наплывъ китайцевъ-рабочихъ способствуютъ занесенію въ край чумы, холеры, отъ инородцевъ заносится оспа. И большая часть населенія остается безъ всякой медицинской помощи.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1902 году заразныхъ больныхъ было: въ Приморской области 7.037 человѣкъ, а въ Амурской—1.572 человѣкъ. Но это только случаи зарегистрованные, а сколько остаются совершенно неизвѣстными врачебному надзору?

Положеніе душевно-больныхъ совсѣмъ печально,—ни одного спеціальнаго для нихъ заведенія не имѣется въ краѣ. Количество душевно-больныхъ велико, и въ 1901 году съѣздъ врачей призналъ неотложнымъ дѣломъ устроить спеціальную лечебницу въ Хабаровскѣ, хотя бы на сто кроватей. Но ходатайство было министерствомъ отклонено. Душевно-больныхъ приходится отправлять въ Томскъ, самое ближнее. Кого нельзя туда отправить, помѣщаютъ на частныхъ квартирахъ, а буйныхъ больныхъ содержатъ въ тюрьмахъ. Что же дѣлается съ душевно-больными въ деревняхъ, благодаря темнотѣ и невѣжеству крестьянъ? Сажаніе на цѣпь больного—обычное дѣло.

Низовья Амура и сѣверные округа Приморской области поражены проказой. Вблизи Николаевска устроена лепрозорія на тридцать-два человѣка, и въ сорока верстахъ отъ города Петропавловска, на Камчаткѣ,—вторая лепрозорія на шесть человѣкъ. Спеціальныхъ врачей для завѣдыванія этими лепрозоріями не имѣется. На содержаніе этихъ учрежденій отпускаются гроши, и надзоръ за ними возложенъ на уѣздныхъ врачей. Я не упоминаю здѣсь о лечебныхъ учрежденіяхъ гораздо лучше обставленныхъ, имѣющихъ достаточный врачебный персоналъ и бо̀льшія медицинскія средства, принадлежащія военному, морскому и желѣзнодорожному вѣдомствамъ. Не упоминаю также о пріисковыхъ врачахъ и больницахъ, о переселенческихъ пунктахъ. Всѣ эти учрежденія едва успѣваютъ выполнять возложенныя на нихъ спеціальныя функціи и не могутъ придти на помощь остальному населенію, особенно внѣ городовъ. Въ краѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одной фельдшерской, ни одной повивальной школы. Даже городскія больницы не имѣютъ гинекологическихъ отдѣленій. Внѣгородское же населеніе лишено акушерской помощи, и въ минуту серьезной опасности до сихъ поръ прибѣгаетъ къ изголовью хомута или открытію царскихъ вратъ въ церкви.

VIII.

Рабочіе.

Ни казачье населеніе, ни крестьяне не могли выдѣлить отъ себя излишка рабочей силы на нужды городовъ, правительственныхъ сооруженій и рядъ возникавшихъ частныхъ предпріятій. Наоборотъ, деревня сама нуждалась періодически въ посторонней рабочей силѣ, и вопросъ, гдѣ ее взять, для деревни былъ не менѣе жгучъ, чѣмъ и для городовъ. Въ первыя времена пришлось пользоваться воинскими командами, затѣмъ—ссыльно-каторжными для удовлетворенія лишь казенныхъ нуждъ [1]). Но, съ увеличеніемъ мѣстныхъ гарнизоновъ, солдатъ стали отпускать и на частныя работы. Оставивъ команды, необходимыя для несенія карауловъ и другой гарнизонной службы, цѣлые батальоны уходили на частныя работы. Во время полевыхъ работъ отпускались, по очереди, на извѣстный срокъ, партіи нижнихъ чиновъ въ земледѣльческіе районы. Такой порядокъ продолжался долгое

[1]) Часть уссурійской желѣзной дороги строилась ссыльно-каторжными съ острова Сахалина.

время, и баталіоны накопили солидные капиталы, благодаря установленнымъ отчисленіямъ изъ заработанныхъ нижними чинами денегъ. Благосостояніе солдатъ сильно поднялось. Помимо улучшенія казеннаго содержанія, каждый солдатъ имѣлъ свободныя деньги. Кто копилъ, чтобы послѣ службы не явиться домой съ пустыми руками, а кто услаждалъ свое незатѣйливое житье доступными развлеченіями, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Даже когда появились вольные рабочіе, солдатъ можно было еще встрѣчать цѣлыми командами на работахъ по нагрузкѣ и разгрузкѣ судовъ.

Воинскія команды не могли удовлетворить потребностей все шире и шире развивающейся жизни въ краѣ, и пришлось пользоваться рабочими желтой расы. Корейцы и китайцы все болѣе и болѣе проникали въ край, привлеченные заработками. Плотники, каменьщики и чернорабочіе требовались какъ для частныхъ построекъ, такъ и для правительственныхъ сооруженій. Даже для домашнихъ надобностей пришлось пользоваться китайцами и корейцами, такъ какъ русской прислуги не было, а о женской и мечтать было нечего. Откуда было взять женскую рабочую силу? Было незначительное количество солдатскихъ женъ, да неокрѣпшій еще новоселъ въ первый годъ своего поселенія отпускалъ дочерей, рѣдко жену въ городъ на заработки. Не только ради домашнихъ услугъ, но для болѣе легкаго и прибыльнаго заработка трудно было привлечь женщинъ. Семейный, служилый людъ привозилъ иногда съ собой изъ Европейской Россіи женскую прислугу. Проходило два, три мѣсяца, и привезенная вами нянька, горничная или кухарка бросала службу и переходила на положеніе полноправной хозяйки вашего же сослуживца или хорошаго знакомаго.

Лѣтъ восемь тому назадъ во Владивостокѣ, уже кипѣвшемъ жизнью, въ великосвѣтскомъ кафе-шантанѣ солдатскія жены пѣли и плясали подъ бубенъ какого-то армянина сомнительной репутаціи. И „калинка“ (такъ назывался шантанъ) было единственное мѣсто, гдѣ сливки владивостокскаго общества могли удовлетворять свои эстетическія потребности. При такихъ условіяхъ обязанности горничной, няньки или кухарки и пришлось возложить, главнымъ образомъ, на китайца, въ рѣдкихъ случаяхъ японца. Нянька же японка была доступна лишь состоятельнымъ лицамъ.

Русскій рабочій началъ появляться въ значительномъ количествѣ только съ открытіемъ золотого промысла. Главный контингентъ такихъ рабочихъ дала Западная Сибирь, томская и

тобольская губерніи. Затѣмъ двинулись на Амуръ, особенно въ голодные годы, крестьяне вятской и пермской губерніи. Сектанты изъ Забайкальской области, такъ называемые „семейскіе“, привлекали золотопромышленниковъ своимъ тѣлосложеніемъ, крѣпостью, работоспособностью, а главное—трезвостью. И одна изъ крупныхъ компаній много лѣтъ производила наемку „семейскихъ“ въ Забайкальѣ. На свой счетъ компанія доставляла оттуда рабочихъ на пріиски, а на зиму возвращала ихъ обратно. Несмотря на тяжелыя условія пріисковыхъ работъ, таежныя лишенія, 16-ти-часовой въ лѣтнее время, почти всегда въ водѣ, рабочій день, народъ издалека стремился сюда, такъ какъ заработки были хороши, и не одну сотню рублей можно было вынести изъ тайги за операцію въ 6—7 мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы пріиски требовали весной до 10.000 рабочихъ, двѣ трети которыхъ осенью вывозились обратно, такъ какъ для зимнихъ работъ удовлетворялись ограниченнымъ числомъ, да и для большинства рабочихъ зимній заработокъ имѣлъ мало привлекательнаго. Вышедшій осенью съ пріисковъ рабочій или отправлялся на родину за свой счетъ [1]), или оставался на зиму въ городахъ, подыскавъ себѣ какое-либо занятіе, или же уходилъ въ деревню на молотьбу хлѣба, а весною снова нанимался на пріиски.

Почти каждый пришедшій издали рабочій преслѣдовалъ одну цѣль: заработать столько, чтобы вернуться домой съ запасомъ денегъ, достаточнымъ для приведенія въ порядокъ своего разстаннаго хозяйства. Осѣдать на Амурѣ онъ и не думалъ. Но разныя неудачи, а особенно развившееся безшабашное прожиганіе жизни послѣ выхода съ пріисковъ въ жилое мѣсто, гдѣ всегда уже подготовлены разные притоны для „пріискателя“, задерживали иногда на Амурѣ рабочаго надолго. Шалая, разнузданная жизнь затягивала его все сильнѣе и сильнѣе, родина и покинутая семья постепенно забывались, и такой рабочій обращался въ извѣстный уже въ литературѣ типъ „пріискателя“ или—какъ ихъ здѣсь называютъ—„Ивана“. Эти „Иваны“ стали верховодами, носителями пріисковыхъ традицій. Они устанавливали свой порядокъ, вносили свои уставы въ пріисковую казарму, создали свою пріисковую этику. Въ столкновеніяхъ съ пріисковымъ начальствомъ „Иваны“ играли главную роль, и рѣшенію ихъ подчинялась вся команда. Съ „Иванами“ пріисковому управленію приходилось считаться и идти на уступки, такъ

[1]) Пріисковыя управленія обязаны были доставлять рабочаго лишь до жилого мѣста.

какъ замѣнить, особенно лѣтомъ, недовольныхъ рабочихъ другими было невозможно.

Такимъ образомъ образовавшійся классъ постоянныхъ пріисковыхъ рабочихъ уже совершенно былъ оторванъ отъ земли, отъ своего первобытнаго состоянія, и на Амурѣ народился пріисковый пролетарій, или, по-мѣстному „пріискатель“.

Увеличивавшійся съ годами наплывъ рабочихъ на пріиски понижалъ спросъ. Пріисковыя управленія при наемкѣ отдавали предпочтеніе новоприбывающимъ, а изъ старыхъ брали по особому выбору [1]). И „пріискатель“, не попавшій въ наемку, шелъ самостоятельно въ одиночку или артелью на „вольное стараніе“, болѣе же забубенныя головы выбирали профессію спиртоносовъ.

Тайга наводнялась лѣтомъ такимъ бездомнымъ, бродячимъ элементомъ. Иногда этой шатающейся публикѣ удавалось напасть на богатыя розсыпи, до того времени никому неизвѣстныя, а иногда лежащія про запасъ занятыя золотопромышленниками площади вдали отъ управленія тайкомъ ковырялись этими „вольными старателями“. Пріисковыя управленія, при помощи горной полиціи, травили „вольныхъ старателей“, какъ волковъ, но просторная тайга дѣлала травлю мало достигающей успѣха.

Пока въ рабочихъ былъ недостатокъ, такъ что едва хватало ихъ на крупныя предпріятія, мелкіе золотопромышленники пользовались рабочими китайцами и корейцами. Большинство мелкихъ пріисковъ разработывалось „старательскимъ“ способомъ, и желтолицый работникъ былъ для этого болѣе пригоденъ. Онъ довольствовался малымъ и принималъ такія условія, на которыя не согласился бы самый захудалый русскій рабочій. Кромѣ того, желтолицый рабочій стоялъ внѣ горно-полицейскихъ законовъ. Предприниматель не обязывался ничѣмъ передъ этимъ безотвѣтнымъ, беззащитнымъ рабочимъ. Ни жилищъ, ни доставки его на пріискъ, ни вывоза обратно, ни медицинской помощи предприниматель не обязанъ былъ доставлять этимъ горемыкамъ. Китаецъ или кореецъ шелъ самъ на мѣсто работъ сотни верстъ,

[1]) На пріискахъ завели особыя книги, которыя рабочіе назвали „погаными“. Въ эти книги заносились, по заявленію смотрителей работъ, слабосильные, лѣнтяи, а главное—безпокойные, склонные къ протесту, къ неповиновенію. И рабочій, записанный въ эту книгу, второй разъ на пріискъ не попадалъ. Иногда пріисковыя управленія обмѣнивались между собой списками опороченныхъ рабочихъ, и послѣднимъ былъ закрытъ доступъ на пріиски крупныхъ компаній. Какого-либо контроля надъ правильностью занесенія рабочаго въ „поганую“ книгу не существовало. Низшій агентъ пріисковой администраціи единолично рѣшалъ участь рабочаго.

несъ на себѣ провизію и инструментъ, купленный за свой счетъ. Придя на мѣсто, онъ строилъ шалаши, землянки, шатры, рылъ канавы, отводилъ воду, вскрывалъ „торфа“ [1]) и производилъ другія подготовительныя работы, все за свой счетъ. И только добравшись до золотоноснаго пласта, получалъ не свыше 2 руб. 50 коп. за каждый намытый имъ золотникъ золота.

Провизію, инструменты такой рабочій покупалъ изъ пріисковаго амбара по цѣнамъ, установленнымъ золотопромышленникомъ. Но чѣмъ особенно былъ привлекателенъ такой рабочій—это удобствомъ разсчета съ нимъ. Никакого протеста не могло быть со стороны желтолицыхъ ни на обвѣсъ при пріемѣ золота, ни при подсчетѣ рабочихъ книжекъ. Недовольный разсчетомъ просто изгонялся съ пріисковъ—иди, куда хочешь, безъ дороги, безъ провизіи. Но нужда на родинѣ гнала, особенно китайскаго пролетарія, на заработки, и въ послѣднее время начали раздаваться голоса, что желтая раса создала конкурренцію русскому рабочему. Начали принимать разныя мѣры къ огражденію русскаго рабочаго и установили даже предѣльный процентъ допущенія на пріиски желтолицыхъ рабочихъ. Но золотопромышленники недовольны такимъ ограниченіемъ и постоянно ходатайствуютъ объ отмѣнѣ ихъ.

Такъ обстоитъ рабочій вопросъ въ самомъ крупномъ предпріятіи—золотомъ промыслѣ. Въ остальныхъ предпріятіяхъ русскихъ рабочихъ еще очень мало, и китайцы являются почти единственными работниками.

Всякаго рода сооруженія и постройки, какъ частныя, такъ и казенныя, исключительно производятся китайскими рабочими, при помощи китайскихъ подрядчиковъ. Въ портовыхъ, крѣпостныхъ работахъ копошатся десятки тысячъ китайцевъ. Матросы на частныхъ судахъ, кочегары, сторожа, работники по домашнему хозяйству, на полевыхъ работахъ, на пристаняхъ и гаваняхъ—всюду китайцы. Солдатамъ, наконецъ, запретили частныя работы, а русскаго рабочаго еще очень мало. Въ 1900 году, особенно послѣ грустныхъ мѣропріятій, принятыхъ генераломъ Грибскимъ по отношенію къ мирнымъ китайцамъ въ г. Благовѣщенскѣ, край очутился въ критическомъ положеніи. Охваченное паникой, китайское населеніе бросало работы и бѣжало на родину. Изъ Владивостока ежедневно пароходы увозили тысячи рабочихъ въ Чифу, и никакими успокоеніями, увѣреніями нельзя было остановить это бѣгство. Постройки остались недокончен-

[1]) Такъ называютъ въ просторѣчіи пустые, не содержащіе золота слои.

ными, предпріятія лишились работниковъ, жители остались безъ прислуги, поля во-время неубранными.

Особенно плохо пришлось амурскимъ казачьимъ поселеніямъ. Большая часть взрослаго населенія ушла на военныя дѣйствія, а оставшіеся дома, по недоразумѣнію и невѣжеству своему, перебили и перетопили своихъ рабочихъ китайцевъ. Настала полевая страда—а работать некому. Только „военная добыча“ впослѣдствіи вознаградила потери казаковъ.

Но особенно велика и до сихъ поръ нужда въ ремесленникахъ и мастеровыхъ рабочихъ. Людей съ техническими знаніями, даже низшими—полный недостатокъ. И плохой кочегаръ замѣняетъ здѣсь машиниста, а мало-мало сносный слесарь — механика. Въ городахъ почти исключительно ремесленники—японцы, немного китайцы.

Такой недостатокъ рабочихъ рукъ вызвалъ въ краѣ широкую потребность въ земледѣльческихъ орудіяхъ. Безпошлинный ввозъ германскихъ и американскихъ земледѣльческихъ машинъ, льготныя условія, установленныя торговыми фирмами для пріобрѣтенія этихъ машинъ крестьянами, способствовали сильному ихъ распространенію, особенно въ Амурской области. Плуги, сѣнокосилки, жатвенныя машины, вѣялки, молотилки съ коннымъ приводомъ, а у сектантовъ и паровыя—имѣются почти въ въ каждомъ дворѣ.

Торговыя фирмы отпускали въ кредитъ земледѣльческія орудія весной, а осенью производили разсчетъ за нихъ. Невысокая цѣна, прочность и приспособленность этихъ орудій къ мѣстнымъ условіямъ явились убѣдительными доводами для сельскаго населенія въ необходимости и цѣлесообразности пріобрѣтать таковыя. Здѣсь и въ поминѣ не было того недовѣрчиваго отношенія крестьянъ къ земледѣльческимъ орудіямъ, какое наблюдалось въ остальной Сибири, гдѣ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ занималась администрація. Тамъ въ казенныхъ складахъ ржавѣли годами плуги, молотилки, вѣялки и косилки, крестьянинъ же пахалъ доморощенной сохой, молотилъ дѣдовскимъ цѣпомъ, вѣялъ лопатой, косилъ „литовкой“, а „всевыносящая, многострадальная мать“, не разгибаясь, проходила ниву съ серпомъ.

IX.

Инородцы.

По всему пространству Приморской и Амурской областей, большею частью вдали отъ населенныхъ пунктовъ, разбросаны самыя разнообразныя инородческія племена. Большинство изъ нихъ—мѣстные аборигены, ушедшіе вглубь тайги при появленіи въ краѣ русскихъ. Нѣкоторые, очевидно, позднѣе переселились сюда изъ Манчжуріи и изъ Якутской области. Тунгузы, орочоны, гольды, гиляки, въ сѣверныхъ округахъ чукчи, коряки, ламуты и айно на Сахалинѣ, затѣмъ перешедшіе въ русское подданство корейцы—все это населеніе, по оффиціальнымъ, далеко не полнымъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 50.000 человѣкъ. Власти знаютъ объ этихъ инородцахъ лишь по получаемому съ нихъ ясачному сбору [1]), процѣженному черезъ липкія руки сборщиковъ. Какъ установлена ихъ общественная, экономическая и духовная жизнь, какія нужды, какія правовыя, имущественныя отношенія этихъ инородцевъ—никто изъ администраціи до послѣднихъ лѣтъ не интересовался, и полудикіе народы были предоставлены самимъ себѣ, имъ предоставлено вести полузвѣриную жизнь, самимъ защищаться отъ разнаго рода двуногихъ хищниковъ. А эти хищники, затянувъ въ кабалу инородцевъ, вели ихъ къ постепенному разоренію и вымиранію. Такъ, напр., по р. Бирѣ инородцы лабунки или удаге почти вымерли; ихъ въ настоящее время насчитываютъ лишь около 30 душъ. Большинство инородцевъ вело бродячій образъ жизни, занимаясь, главнымъ образомъ, пушнымъ и звѣроловнымъ промыслами. Соболь, бѣлка, лисица, панты [2]), кабарожья струя [3])—вся эта добыча привлекала въ тайгу алчнаго скупщика и безжалостнаго эксплоататора, превратившаго инородца въ полное порабощеніе, расшатавшаго не только его благосостояніе, но и самое здоровье, при помощи спирта, опіума и сифилиса [4]).

---

[1]) Сборъ этотъ производился на основаніи законоположенія 1832 г., которое давно нуждается въ существенномъ измѣненіи.

[2]) Весенніе рога изюбрей—королевскаго оленя. Содержимое этихъ роговъ высоко цѣнится китайцами, какъ цѣлебное средство.

[3]) У кабарги содержимое железъ—тоже дорогое цѣлебное средство.

[4]) Большинство кулаковъ состоитъ изъ китайцевъ-торговцевъ, захватившихъ цѣлые инородческіе районы, гдѣ распоряжаются самовластно и безнаказанно. Цѣлыя племена находятся у нихъ въ полномъ рабствѣ.

Таковы, впрочемъ, на всемъ земномъ шарѣ первые дары культуры и цивилизаціи, которые щедро несли и несутъ европейскіе народы дикарямъ не только азіатскаго материка.

Высокая цѣнность пушнины и другихъ предметовъ добычи звѣрового промысла, благодаря хищнымъ скупщикамъ, принесла, какъ я уже сказалъ, инородцамъ только бѣдствія, а потому этотъ родъ занятій становился для нихъ съ годами все менѣе и менѣе привлекательнымъ, расширеніе же заселенной русскими площади привело инородцевъ мѣстами къ сближенію съ крестьянами и казаками. Начала появляться у инородца потребность осѣсть на опредѣленномъ мѣстѣ, построить хоть какую-нибудь лачугу. И если такой инородецъ все-таки большую часть года проводилъ еще въ тайгѣ, то семья его уже жила на одномъ мѣстѣ. Склонность къ сельскому хозяйству, къ огородничеству также стала уже проявляться у многихъ племенъ, особенно вблизи городовъ. Въ желѣзнодорожномъ районѣ инородцы начали заниматься рубкой и сплавомъ лѣса, словомъ, отъ кочующей и бродячей жизни инородецъ всѣми силами стремится перейти къ жизни осѣдлой, жизни болѣе культурной.

Но аборигенъ здѣшняго края для перехода своего на осѣдлое положеніе встрѣчаетъ сильное препятствіе — какъ вы думаете, въ чемъ? Онъ не имѣетъ земли, на которой могъ бы осѣсть!

Инородецъ—*коренной хозяинъ* обширнаго амурскаго края— не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни клочка земли! Занявъ амурскій край, русскіе отвели землю крестьянамъ, казакамъ, частнымъ владѣльцамъ; всѣ же оставшіяся свободными земли поступили въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія, а инородцы попали въ рубрику живыхъ существъ, вродѣ соболя, бѣлки, лисицы, о надѣленіи которыхъ землей какъ-то никому не пришло въ голову. И только въ послѣднее время, въ силу состоявшагося законоположенія, рѣшено надѣлять землей инородцевъ, проявляющихъ склонность и желаніе заняться земледѣліемъ.

Инородцы, проживающіе вблизи рѣкъ и морскихъ береговъ, главный промыселъ которыхъ рыболовство, очутились также въ оригинальномъ положеніи. Рыболовные участки, искони имъ принадлежавшіе, отошли въ вѣдѣніе казны. Участки эти поступаютъ въ аренду рыбопромышленникамъ, которые тоже не замедлили эксплоатировать туземцевъ. И въ мѣстахъ крупнаго рыбнаго богатства, откуда японцы при помощи фиктивнаго русскаго арендатора вывозятъ на милліоны рублей добычи, инородцы зачастую

голодаютъ. Морозъ подиралъ по кожѣ, когда приходилось выслушивать разсказы бывшаго исправника одного изъ сѣверныхъ округовъ области о голодовкахъ въ Гижигѣ и на Камчаткѣ въ 1879 или 1883 годахъ.

Много я видѣлъ инородцевъ въ Сибири, присмотрѣлся къ ихъ жалкому существованію, привыкъ къ увѣреніямъ, что инородецъ—тварь, у которой вмѣсто души паръ. Но болѣе жалкихъ, болѣе обездоленныхъ людей, чѣмъ гиляки, живущіе въ низовьяхъ Амура, я не встрѣчалъ ни разу.

Когда старикъ-гилякъ, разсказывавшій мнѣ про свое житье, закончилъ словами: „гилякъ—что? гилякъ не человѣкъ, гилякъ—собака!“—я почувствовалъ боль, какъ отъ удара хлыстомъ. Въ этихъ словахъ я чувствовалъ пощечину себѣ, какъ представителю культурнаго народа, который спокойно могъ допустить человѣческое существо, себѣ подобное, до такого обиднаго, жалкаго прозябанія и самоуниженія. И этотъ жалкій гилякъ, влачащій одинаковое со своей полудикой собакой существованіе, служитъ источникомъ обогащенія разныхъ коммерсантовъ. За бутылку плохой водки, два-три фунта махорки онъ отдаетъ скупщику наполненную рыбой лодку.

При такихъ условіяхъ гилякъ никогда не выходитъ изъ долга скупщику; работая изо всѣхъ силъ, не можетъ онъ обезпечить себѣ самое скудное пропитаніе, и вѣрнымъ путемъ идетъ къ постепенному вымиранію.

Чтобы не подумали, что я сгущаю краски, приведу нѣсколько отзывовъ правительственныхъ лицъ о положеніи инородцевъ,—отзывовъ, данныхъ ими на послѣднемъ хабаровскомъ съѣздѣ.

Все количество камчатскихъ соболей въ 1891 году было пріобрѣтено за 433 мѣста кирпичнаго чая, а при переводѣ на дѣйствительную стоимость этого послѣдняго съ доставкой—за 6½ тыс. рублей, тогда какъ, по средней оцѣнкѣ соболя въ 40 рублей, должно получиться при продажѣ 73.480 рублей.

Въ 1888 году инородцы охотскаго уѣзда купили у торговцевъ 50 мѣстъ кирпичнаго чаю, 50 пуд. сахару, 70 пуд. табаку [1]), заплативъ за это 59.600 бѣлокъ. Все названное количество товаровъ, съ доставкой и 30—50% прибыли для торговцевъ, стоило 3.562 руб., а указанное количество бѣлки, считая по 30 коп. за штуку—17.780 руб.

Такъ говоритъ г. Слюнинъ [2]), командированный въ охотско-камчатскій край министерствомъ финансовъ. Далѣе, онъ сооб-

[1]) Махорка, главнымъ образомъ.

[2]) Труды IV хабаровскаго съѣзда 1903 года. Докладъ Н. Слюнина.

щаетъ, что у инородцевъ съ р. Облуковины купили какъ-то право улова рыбы за 20 кульковъ плохой муки (максимумъ 70 рублей). Цѣны на все, привозимое туда купцами, неимовѣрно высоки, даже мука второго сорта продается 6—7 рублей за пудъ. Такія условія обмѣна низводятъ годовой бюджетъ камчадала отъ продажи пушнины *до 8 рублей* на человѣка.

„У гиляка есть рыба, но нѣтъ у него ни бочекъ, ни соли,—говоритъ въ своемъ докладѣ крестьянскій начальникъ г. Шрамковъ — и вотъ поневолѣ ему приходится сбывать рыбу кулакамъ... Расплата производится товаромъ, и въ результатѣ у гиляка остается ровно столько, что онъ съ трудомъ можетъ дотянуть до весны, несмотря на свои ограниченныя потребности. Весной же начинается мыканье по засольщикамъ (тѣмъ же кулакамъ) и заборъ товаровъ подъ будущій уловъ. Цѣны назначаются невозможныя: такъ, напр., куль крупчатки [1]) въ продажѣ 3 руб., у засольщика—5 руб.“

„Цѣны соболя,—говоритъ горный исправникъ Р. Ивановъ,—устанавливаются самопроизвольно купцами-якутами: всѣ тунгусы съ давнихъ поръ находятся въ кабалѣ у якутскихъ купцовъ и обязаны непремѣнно весь промыселъ сдавать имъ... Для того, чтобы тунгусъ не могъ умереть съ голоду и тѣмъ лишить купца своего рода средства существованія — якутъ кулакъ даетъ ему хлѣба, соли, спичекъ и необходимыхъ предметовъ для охоты“.

Описывая далѣе, какъ опаиваютъ эти кулаки тунгусовъ, чтобы или купить у пьянаго за безцѣнокъ пушнину, или узнать у должника, не скрылъ ли онъ часть своей добычи, г. Ивановъ рисуетъ бытовую картину: „якутъ-купецъ, вродѣ нѣкоего Божидомова [2]), украшеннаго русскими медалями, волочитъ тунгуса къ мѣсту сокрытія соболей и, несмотря на горячіе протесты жены, плачъ дѣтей, отбираетъ ихъ...“ Эти якуты, вродѣ вышеупомянутаго Божидомова—истинные бичи тунгусовъ. По словамъ Р. Иванова, у этихъ кулаковъ пудъ простой муки 3 руб., патронъ ружейный—25 коп. штука, и все въ такомъ же родѣ.

Интересны свѣдѣнія, собранныя къ съѣзду чиновникомъ П. Т. Быковымъ объ инородцахъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ докладѣ о дѣятельности кулаковъ, торгашей русскихъ и китайскихъ.

„Гольды должны китайцамъ и русскимъ 8.100 руб. день-

---

[1]) Крупчатка здѣсь замѣняетъ ржаной хлѣбъ. Куль—1 п. 15 ф.

[2]) Извѣстный кулакъ-скупщикъ, пользующійся расположеніемъ мѣстной администраціи, награжденный за какія-то заслуги медалями.

гами и 2.100 соболей, что̀ въ общей сложности, составитъ, полагая по 20 руб. за соболя, 42.000 руб. а всего 50.100 руб., т.-е. на каждую семью приходится около 200 руб. [1]).

Цѣны, установленныя этими кулаками для гольдовъ на Амурѣ, по словамъ П. Быкова, таковы: ханшину [2]) 2 бутылки—1 соболь (20 руб.); буда (просо)—отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. пудъ; мука до 3 руб. 50 коп.; табакъ — 6—12 руб. пудъ; соль отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. пудъ. По р. Бикину и Отою для орочей еще дороже цѣны: пудъ табаку—6 соболей, пудъ соли—3 соболя, 3 сажени бязи [3])—1 соболь, ружье фитильное—6 соболей, 20 патроновъ берданочныхъ—соболь, берданка—6—8 соболей, кулекъ муки—соболь, и т. п.

„Вышеприведенныя мѣновыя цифры китайскихъ и русскихъ торговцевъ ясно указываютъ на самое беззастѣнчивое обираніе инородца китайскими и русскими кулаками", — говоритъ далѣе г. Быковъ, и добавляетъ, что эти кулаки деморализирующимъ образомъ дѣйствуютъ на натуру дикаря, пріучая его пить ханшинъ, курить табакъ, а китайскіе торговцы научили, кромѣ того, курить опіумъ и за долгъ отнимаютъ у инородца его жену, дѣтей.

До чего безнаказанно распоряжаются съ инородцами китайскіе торгаши и скупщики пушнины, приведу сообщенія, доложенныя на хабаровскомъ съѣздѣ чиновникомъ землеотводной партіи, Г. П. Михайловымъ, собравшимъ за три года своихъ таежныхъ скитаній много свѣдѣній о гольдахъ и орочонахъ.

„Обнимая всѣ стороны жизни инородца,—говоритъ г. Михайловъ въ своемъ докладѣ,—закабаленность инородцевъ китайцами по формѣ своей сильно напоминаетъ собой крѣпостное право... Всѣ темныя стороны крѣпостного права нашли себѣ мѣсто и въ отношеніяхъ между гольдами и орочонами съ одной стороны и китайцами—съ другой. Если инородецъ чѣмъ-либо не угодилъ своему кредитору-китайцу, послѣдній подвергаетъ своего должника тѣлесному наказанію, а иногда и смертной казни" [4]).

Далѣе г. Михайловъ называетъ главныхъ скупщиковъ — ки-

---

[1]) Этотъ долгъ—неоплатный. Если часть и погасится, то сейчасъ же новая сдѣлка съ излишкомъ дополнитъ старый долгъ, изъ котораго инородецъ никогда не можетъ выбраться, да и кулаку нѣтъ разсчета выпустить изъ своихъ рукъ этого должника.

[2]) Спиртный напитокъ китайскій очень низкаго качества, въ жиломъ мѣстѣ стоитъ 20 коп. бутылка.

[3]) Грубая бумажная ткань.

[4]) Надо помнить, что все это происходитъ на русской территоріи, надъ инородцами—русскими подданными.

тайцевъ Су-ан-зина и Ли-чин-фу, которые не только заколачивали на смерть палками провинившихся передъ ними орочонъ, но и предавали ихъ смертной казни. Такъ, въ 1900 году, Су-ан-зинъ приказалъ подвѣсить за руки орочона и колотить его палками. Орочона послѣ этой операціи сняли мертвымъ. А китаецъ Ли-чин-фу, въ 1901 году, казнилъ двухъ орочонъ за то, что они добыли мало соболей, а ихъ женъ продалъ другимъ.

„Причины полнаго подчиненія гольдовъ и орочонъ китайцамъ кроются въ индифферентизмѣ, который проявила и доселѣ проявляетъ русская власть къ быту инородцевъ,—объясняетъ г. Михайловъ. — Изъ русскихъ властей никто никакого касательства къ орочонамъ не имѣетъ, никто не посѣщаетъ ихъ въ мѣстахъ ихъ жительства... А если иногда инородцы и выѣзжаютъ въ русскія населенныя мѣста,—добавляетъ въ другомъ мѣстѣ г. Михайловъ,—то *по многимъ причинамъ* стараются держаться возможно дальше отъ русской полицейской власти“.

Чтобы покончить съ выписками собранныхъ свѣдѣній о положеніи инородцевъ, я приведу въ заключеніе отзывъ купца В. Ефимова, хорошаго знатока амурской тайги и скупщика пушнины. Вотъ что онъ сообщилъ, между прочимъ, на хабаровскомъ съѣздѣ:

„У каждаго китайца-купца есть свои закабаленные орочоны—неоплатные должники; такого китайца-купца орочоны называютъ джянъ-гуй, т.-е. хозяинъ. Когда орочонъ приноситъ джянъ-гую пушнину, то не вправѣ назначить цѣну своему товару, а долженъ довольствоваться тѣмъ, что назначитъ ему джянъ-гуй; продать же какому-либо постороннему купцу рѣдкій орочонъ рѣшается и только подъ самымъ строгимъ секретомъ. Боже сохрани, узнаетъ джянъ-гуй: несчастный орочонъ подвергается звѣрской китайской расправѣ, т.-е. бамбукамъ. Кромѣ того, какой еще страшный бичъ истребленія почти цѣлыхъ семействъ виситъ надъ бѣдными орочонами! Это—опіумъ“.

И на IV-мъ хабаровскомъ съѣздѣ, гдѣ 75% членовъ составляла мѣстная бюрократія, всѣ единодушно пришли къ заключенію, что надо безотлагательно принять рядъ мѣръ къ огражденію инородческихъ интересовъ, и что пора перестать считать этихъ горемыкъ лишь этнографическимъ терминомъ. Давно пора!—скажемъ и мы.

И этотъ безправный, беззащитный инородецъ платитъ русскому правительству отъ 17-ти-лѣтняго до 47-ми-лѣтняго возраста 2 р. 30 к. ясачнаго сбора, а нѣкоторые изъ нихъ числятся по миссіонерскимъ спискамъ православными христіанами.

Помимо перечисленныхъ инородцевъ, въ край переселились, какъ я уже говорилъ, выходцы изъ Кореи. Плохо зная пограничную линію, корейцы селились на русской территоріи, запахивали незанятыя никѣмъ земли. Когда это открылось, то мѣстная власть принимала болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры къ изгнанію этихъ иностранныхъ, самовольныхъ колонистовъ.

Но, изгнанные съ одного мѣста, корейцы появлялись на другомъ, строили снова жилища, разработывали поля и огороды. Долго такъ тянулась эта борьба; наконецъ, рѣшено было покончить съ „корейскимъ вопросомъ“. Корейцамъ была поставлена дилемма: срѣзать на головѣ шишку [1]), принять православіе и русское подданство—тогда они получатъ земельный надѣлъ,—или, въ противномъ случаѣ убраться вонъ за предѣлы государства.

Принявшіе первое условіе получили землю. Отказавшіеся отъ православія и русскаго подданства были силою прогнаны, жилища ихъ сожгли, пашни и огороды уничтожили. Но, принявъ православіе и русское подданство, кореецъ остался тѣмъ и другимъ лишь на бумагѣ. Пожелаетъ кореецъ вернуться къ себѣ на родину, онъ уходитъ свободно, а на его мѣсто подъ его фамиліей и съ его паспортомъ поселяется другой кореецъ, пришедшій искать счастья на чужбинѣ. Такъ и идетъ постоянный обмѣнъ, и администрація безсильна противодѣйствовать этому.

Корейцы сами смотрятъ на свое пребываніе въ чужомъ краю какъ на временное. Живутъ, пока достигнутъ нѣкотораго благосостоянія, а затѣмъ уходятъ на родину, уступая свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотъ почему корейскія селенія такъ и остаются жалкими, неблагоустроенными, какими-то временными этапами. Корейцы сохранили свою одежду, свои обычаи, домашнее устройство, языкъ и, смѣло скажу, свою религію. На соблюденіе церковныхъ обрядовъ кореецъ смотритъ не болѣе, какъ на одинъ изъ родовъ повинностей, возложенныхъ на него русскимъ подданствомъ.

Я бывалъ не разъ въ крупномъ корейскомъ селеніи, находящемся въ Амурской области. Только православная церковь говоритъ вамъ, что это селеніе на русской территоріи, а не находится гдѣ-нибудь въ странѣ „Утренняго Спокойствія“. Жалкія, грязныя жилища, домообзаводство, одежда, окружающія селеніе поля—все говоритъ, что этому жилому пункту болѣе подходитъ

[1]) Корейцы-мужчины носятъ длинные волосы, которые собираютъ на темени и закручиваютъ въ шишку.

наименованіе вродѣ Цза-чіонъ или Хоань-чжю, чѣмъ данное ему „Благословенное".

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ о манчжурскомъ населеніи, китайскихъ подданныхъ, оставленныхъ по айгунскому договору въ зазейскомъ районѣ на лѣвомъ (русскомъ) берегу Амура [1]).

Здѣсь было до десяти деревень и нѣсколько отдѣльныхъ хуторовъ (по мѣстному — заимокъ) съ манчжурскимъ населеніемъ до 20.000 человѣкъ. Уцѣлѣвшія роскошныя рощи, богатыя пастбища, съ высокой культурой поля—всегда служили предметомъ зависти для сосѣднихъ крестьянъ, а особенно казаковъ. Населеніе это занималось исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, было въ вѣдѣніи китайскаго правительства, подчиняясь русскимъ законамъ лишь какъ всѣ иностранно-подданные. Жило это населеніе зажиточно, тихо и смирно. Событія 1900 года и начавшійся погромъ въ г. Благовѣщенскѣ китайцевъ напугали зазейскихъ манчжуръ. Они поспѣшно оставляли насиженныя вѣками земли, брали съ собой болѣе цѣнное имущество и переплывали на другую сторону Амура. Недостатокъ лодокъ сильно тормазилъ и затягивалъ эту переправу. Примѣръ же благовѣщенцевъ заразилъ крестьянъ и казаковъ. Деревни манчжурскія были ими сожжены, рогатый скотъ и лошади угнаны къ себѣ, а часть жителей, не успѣвшихъ перебраться за Амуръ, была перебита. Когда все затихло, манчжурамъ возвратиться не позволили, и ихъ земли передали казачьему населенію.

X.

Заключеніе.

Вотъ каковы результаты полувѣковой нашей колонизаторской дѣятельности въ амурскомъ краѣ.

За пятьдесятъ лѣтъ мы добились лишь того, что на пространствѣ 570.000 квадр. верстъ поселилось 350.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 50.000 мѣстныхъ инородцевъ.

На всемъ этомъ пространствѣ имѣется лишь три сколько-нибудь устроенныхъ города и пять чахлыхъ городишекъ, съ населеніемъ въ общей сложности не болѣе 100.000 человѣкъ, считая войско и пришлое китайское населеніе. Колонія эта не

[1]) См. выше, въ майской книгѣ „Вѣстника Европы", стр. 173.

только до сихъ поръ не можетъ прокормить себя, но лежитъ бременемъ на государственномъ бюджетѣ, въ размѣрѣ свыше 20 милліоновъ рублей въ годъ, не считая экстраординарныхъ затратъ на военныя потребности.

Въ чемъ же дѣло? Какія же причины тому, что вмѣсто цвѣтущей колоніи, вмѣсто могучаго, жизнеспособнаго оплота нашего на Дальнемъ Востокѣ, до сихъ поръ существуетъ лишь географическая пустота? Неужели потеряна всякая надежда использовать несмѣтныя естественныя богатства края и остается лишь забросить недоведенную до конца колонизацію его?

Пусть болѣе компетентные люди дадутъ отвѣты на всѣ эти вопросы. Я же буду продолжать описаніе совершившихся событій.

Вполнѣ законченное изысканіе по проведенію амурскаго рельсоваго пути, стоимостью 70.000 за версту, оставляется безъ осуществленія, а проводится черезъ Манчжурію стоющій въ два съ половиной раза дороже новый путь. Многомилліонные заработки, вмѣсто кармановъ русскаго населенія, переходятъ къ китайскому [1]). Первоклассная крѣпость и лучшая тихоокеанская бухта—Владивостокъ, поглотившая многіе милліоны на свое оборудованіе, отходила на второй планъ, и созидалась новая крѣпость и военный портъ на арендованной землѣ—Портъ-Артуръ. Прибавили еще два-три десятка милліоновъ на сооруженіе международнаго торговаго порта—города Дальняго.

Возникъ даже проектъ направить русскихъ переселенцевъ въ районъ манчжурской дороги. Въ 1902 году были уже командированы въ нѣкоторыя мѣста межевыя партіи для опредѣленія переселенческихъ участковъ.

Неистощимыя, почти нетронутыя богатства амурскаго края перестали интересовать нашихъ капиталистовъ, и они направились на поиски золота, каменнаго угля въ Манчжурію, а за лѣснымъ промысломъ—въ Корею, на р. Ялу.

Такой поворотъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ обезкуражилъ амурцевъ. На его еще не окрѣпшемъ благосостояніи сильно стали отражаться новыя событія. Закрытіе въ Приамурьѣ портофранко и конкурренція манчжурской дороги вызвали торгово-промышленный кризисъ.

И амурцы подняли вопль. Ходатайство за ходатайствомъ полетѣли къ сильнымъ міра сего. Сооруженія въ Таліенванскомъ заливѣ инженера Сахарова и широкіе коммерческіе планы К. П.

---

[1]) Сотни тысячъ китайцевъ въ теченіе восьми лѣтъ работали на китайско-восточной желѣзной дорогѣ.

Лазарева наводили трепетъ на весь промышленный міръ амурскаго края.

Назначенный на постъ приамурскаго генералъ-губернатора Д. И. Суботичъ рѣшилъ обсудить нужды края, созвавъ для этой цѣли всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

На бывшихъ при покойномъ генералъ-губернаторѣ, баронѣ Корфѣ, съѣздахъ участвовали лишь начальствующія лица, да немногіе, по особому приглашенію, коммерсанты. Д. И. Суботичъ же пригласилъ на съѣздъ всѣхъ желающихъ высказаться о нуждахъ края безъ различія званія, состоянія и рода занятій каждаго.

Горячо принялись за подготовку матеріаловъ для предстоящаго съѣзда. Закипѣла повсюду работа, заговорила мѣстная печать на всѣ лады, смотря по тому, какими рессурсами существовала та или другая газета. Но произошло вдругъ неожиданное событіе: учрежденіе намѣстничества и оставленіе генералъ-губернаторскаго поста Суботичемъ. Сразу наступило охлажденіе. И хотя съѣздъ все-таки состоялся въ г. Хабаровскѣ, но прошелъ вяло, торопливо; много членовъ явилось на съѣздъ неподготовленными, безъ необходимыхъ данныхъ, да и время, назначенное для съѣзда, было неподходяще: августъ мѣсяцъ—самая горячая пора для многихъ предпріятій, когда хозяину или его уполномоченному трудно оторваться, рискованно оставить безъ своего наблюденія дѣло. А потому изъ 150 лицъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ, было 106 чиновниковъ разнаго вѣдомства и начальствующихъ лицъ, городскихъ головъ — 4, частныхъ же обывателей лишь 40 человѣкъ, исключительно торгово-промышленнаго люда.

Большинство вопросовъ обсуждалось съ точки зрѣнія защиты интересовъ того или другого промышленнаго предпріятія, но немало вниманія было удѣлено и на разсмотрѣніе общихъ нуждъ въ интересахъ всего населенія въ краѣ. По вопросамъ: переселенческому, сельско-хозяйственному, школьному, врачебно-санитарному—члены съѣзда также поработали достаточно. Въ виду выяснившихся отрицательныхъ сторонъ по послѣднимъ вопросамъ, большинство участниковъ съѣзда высказалось за желательность и неотложность введенія въ краѣ земскихъ установленій.

Даже такіе члены, какъ золотопромышленникъ П. А. Биршертъ, амурскій старожилъ и крестьянскій начальникъ В., прослужившій нѣсколько лѣтъ въ окружной полиціи, внесли на разсмотрѣніе съѣзда докладныя записки о необходимости введенія земскихъ учрежденій.

„Двигателями народнаго благосостоянія,—говоритъ П. А. Бир-

шертъ [1]),—признаются пути сообщенія, медицинская помощь и народное образованіе. Въ большей части общества и печати укоренилось убѣжденіе, что тремя вышеназванными функціями руководитъ земство настолько успѣшно, что не-земскія губерніи не могутъ даже идти съ ними въ сравненіе".

„Наши насущныя, жизненныя потребности, — докладывалъ, между прочимъ, крестьянскій начальникъ В. [2]), — можетъ разрѣшить быстро и сообразно мѣстнымъ нуждамъ только земство".

Такъ закончился для амурскаго края 1903 годъ. Скептики брюзжали, не придавая большого значенія съѣзду, а оптимисты были исполнены радостныхъ надеждъ.

Многіе видѣли уже чудныя сновидѣнія. Они видѣли цвѣтущую страну. Вмѣсто жалкихъ съ мазанками деревень широко разбросаны большія села съ красивыми домами, образцовыми школами и идеальными больницами. По обѣ стороны шоссейныхъ дорогъ тянутся тучныя пастбища, чудныя нивы. Города украсились высокими домами. Водопроводъ, электрическое освѣщеніе, электрическіе трамваи, телефоны — перестали быть мечтой населенія. Цѣлыя рощи фабричныхъ и заводскихъ трубъ, многочисленныя суда въ морскихъ гаваняхъ и на рѣчныхъ пристаняхъ, а главное, давно желанная амурская желѣзная дорога!

Но упоеннаго этимъ сновидѣніемъ амурца грубо разбудилъ громъ пушекъ и торпедъ подъ Портъ-Артуромъ и вернулъ его къ печальной дѣйствительности.

1904-й годъ, несмотря на то, что ни одна вражеская нога не ступила на территорію амурскаго края, явился для амурцевъ годомъ тяжелымъ, полнымъ лишеній, остановившимъ всякую дѣятельность и даже самую жизнь населенія.

Блокада морского побережья, прекратила доставку всего необходимаго для края, а единственный западный рельсовый путь не свободенъ для перевозки частныхъ грузовъ.

И пятидесятилѣтняя годовщина нашей дальневосточной окраины ознаменовалась полнымъ безсиліемъ колоніи не только оказать поддержку государству въ борьбѣ съ непріятелемъ, но и прокормить себя самоё.

Неудачные эксперименты бюрократіи по устройству амурской колоніи надоѣли ей; явились снова, какъ я уже сказалъ, Поярковы, Хабаровы, съ жаждой новизны, широкаго простора дѣятельности, съ увѣреніемъ, что только чужое привлекательно. Имъ

[1]) Труды IV хабаровскаго съѣзда. Докладъ г. Биршерта.
[2]) Тамъ же. Докладъ земскаго начальника В.

повѣрили, и сотни милліоновъ трудовыхъ денегъ, въ ущербъ всему государству, пошли на предпріятія въ Манчжуріи и на берегахъ Желтаго моря. Въ теченіе восьми лѣтъ шла бюрократическая вакханалія въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ, закончившаяся небывалымъ кровавымъ пожаромъ, потрясшимъ до основанія все русское государство, которому предстоитъ на долгіе годы тяжелая работа загладить легкомысленные эксперименты и авантюры самовластныхъ распорядителей. Тюренченъ, Вафангоу, Лаоянъ, Портъ-Артуръ и, наконецъ, кровавая бойня въ окрестностяхъ Мукдена—это историческій экзаменъ, на которомъ съ такимъ трескомъ провалился нашъ бюрократическій строй.

И горячіе потоки русской крови на чужбинѣ, цѣлыя рѣки слезъ и безконечное горе на родинѣ—таковъ единственный результатъ нашихъ поисковъ призрачнаго „теплаго моря“ на Дальнемъ Востокѣ.

П. Надинъ.

ВЪ
ЗВѢЗДНУЮ НОЧЬ

Изъ поѣздки въ Полѣсье.

I.

Часа два утомленныя лошади шли шагомъ, несмотря на понуканія ямщика. Онѣ давно уже сдѣлали законный перегонъ, а жилья все еще не было видно. Пристяжная выражала явное недовольство, безъ толку махала хвостомъ, поминутно оглядывалась назадъ и, похрапывая, трясла головою. Бубенцы лѣниво вздрагивали, колеса глубоко уходили въ рыхлыя колеи проселочной дороги. На землю спускалась безлунная ночь; тянуло туманной свѣжестью и смолою. Слѣва чернѣлъ перелѣсокъ; справа и впереди, сколько видитъ глазъ, лежала пасѣка, съ темными пятнами пней, опрокинутаго изъ земли бурелома и кустарника. Коегдѣ одинокіе обрубленные стволы простирали къ небу свои послѣднія сиротливыя вѣтви. Все кругомъ было полно неясныхъ, но жизненныхъ звуковъ и шопотовъ: трещали кузнечики, откуда-то издали доносилось переливчатое и стонущее воркованіе голубки, посвистывали кулички.

Я полною грудью пилъ вечернюю прохладу, прислушиваясь къ ласковому шопоту ночи, уже раскинувшейся по небу звѣзднымъ шатромъ, и, признаюсь, мало думалъ о томъ, куда ѣхалъ. Но возница мой, бравый парень, косая, что называется, сажень въ плечахъ, былъ видимо смущенъ. Онъ безпокойно оглядывался по сторонамъ, смотрѣлъ на небо и нетерпѣливо покрикивалъ на лошадей.

— Вѣдь вотъ, поди-жъ ты!—воскликнулъ онъ вдругъ, по-

вертываясь ко мнѣ:—сказывали на станціи: поѣзжай, молъ, по тракту, будетъ тебѣ направо дорога, лѣсомъ, никуды не сворачивай... тутъ тебѣ и Жмуркѝ будутъ...

— Можетъ, и будутъ еще,—попробовалъ я утѣшить его.

— Н-нѣтъ, гдѣ тамъ... сказывали, и пятнадцати верстъ не будетъ, а мы, поди, добрыхъ тридцать отмаяли... Что-жъ теперь—назадъ, аль прямо поѣдемъ?

Я не отвѣчалъ. Помолчавъ съ минуту, ямщикъ отчаянно повелъ возжами и закурлыкалъ себѣ подъ-носъ какую-то унылую пѣсню. Мнѣ было такъ хорошо, что рѣшительно не хотѣлось ни о чемъ думать, особенно о дорогѣ въ Жмуркѝ. Звѣзды съ такой безкорыстной лаской смотрѣли на меня, ихъ мерцающій свѣтъ лился прямо въ душу и будилъ въ ней цѣлыя вереницы воспоминаній; они шевелились, сыпались, какъ бѣлые цвѣты вишенья отъ дуновенья вѣтра. Обрывки ничего не значащихъ фразъ, какіе-то звуки и пѣсни, лица, не игравшія особенной роли въ моей жизни, но почему-то въ воспоминаніи ставшія трогательно-милыми и дорогими, и просто безформенные образы чего-то прекраснаго, но навсегда утраченнаго и потому безконечно-грустнаго—все это теплой волной залило душу и охватило умъ томной и жуткой мечтательностью. А бубенцы продолжали вздрагивать монотонно и одиноко, поскрипывала телѣга на осяхъ, и лошади, казалось, еще медленнѣе плелись по дорогѣ.

Такъ прошло полчаса. Не отдавая себѣ отчета, я видѣлъ, какъ дорога свернула въ сторону, и сумрачная стѣна молодого лѣса отодвинулась и стала еще непроницаемѣй. Свѣжій вѣтерокъ подулъ мнѣ въ лицо. Въ воздухѣ почуялась близость воды, и черезъ нѣсколько минутъ тарантасъ загрохоталъ по дурно-пригнаннымъ бревнамъ проселочнаго мостика. Справа и слѣва сверкнула вода темнымъ блескомъ, купы камыша и аира шелестѣли надъ ней; мглистая лента осокори и мелкаго лозняка шла по берегамъ, указывая, что это не болотце, а проточный ручей. „Какова вода? Что, еслибы напиться?“—подумалъ я, и въ ту же минуту, словно отгадавъ мою мысль, ямщикъ потянулъ возжи, и лошади моментально стали.

— Водицы бы... испить малость,—произнесъ онъ, соскакивая съ козелъ и проводя по спинѣ одной изъ лошадей.—Эхъ, горячи, сердечныя, а то попоилъ бы,—добавилъ онъ, оправляя сбрую.—Тоже скотина, вѣдь, не покорми, не попои, такъ и везти не захочетъ...

Минуту спустя, его грузные шаги замерли гдѣ-то внизу. Съ трудомъ ворочая отекшими членами, я сошелъ съ телѣги, до-

сталъ дорожный стаканъ и вошелъ въ кусты по слѣдамъ ямщика. Теплая сырость охватила меня и сказалась легкою дрожью. Осторожно пробираясь по сырому, вязнущему песку, я, наконецъ, спустился къ ручью. Вотъ онъ, таинственный, дремлющій, обвитый туманными сказками ночи. Вода еле слышно плещетъ и шепчется съ кустами, а подъ мостомъ странно булькаетъ, словно всхлипываетъ и вмѣстѣ лепечетъ что-то наивное и пустое. Пронесся вѣтерокъ, и тихій шопотъ перешелъ къ ближнимъ и дальнимъ кустамъ, они затрепетали листьями, задрожали и тѣмъ же трепетомъ отдались въ темной опушкѣ лѣса.

Мы напились. Вода была холодная и жестка на вкусъ. Ямщикъ долго не могъ утолить жажды и все крякалъ отъ удовольствія, вытирая усы рукавомъ армяка. Потомъ взглянулъ на небо, оглядѣлся по сторонамъ, прислушался и произнесъ, безнадежно махнувъ рукой:

— Ну, и проклятыя-жъ мѣста, чтобъ имъ...

— Почему-жъ проклятыя?—улыбнулся я.

— А то что-жъ! Ѣдешь, ѣдешь, а куда—не знаешь... Ни тебѣ деревни, ни тебѣ што... И дорога такая, что не обознаешься, къ какому бѣсу она приведетъ тебя... Тьфу!..

— Да самъ-то ты развѣ не здѣшній?

— То-то, баринъ, и оно, что не здѣшніе мы, а то нѣшто завезъ бы я тебя въ этакую колдобину!.. Тверской я, тверской, значитъ, губерніи и уѣзда, а здѣсь недавно, съ мѣсяцъ будетъ, не болѣ... совсѣмъ эфтихъ мѣстовъ не знаю...

— И тамъ въ ямщикахъ ты служилъ?

— Въ ямщикахъ... тоже и въ кучерахъ... кругомъ на сотни верстъ во-какъ, каждое дерево зналъ...

— Зачѣмъ же ушелъ ты сюда?

Парень сдѣлалъ движеніе, потупился и не сразу отвѣтилъ:

— Такъ... заминка вышла...

Я посмотрѣлъ на его богатырскія плечи и ростъ и какъ-то сразу заинтересовался судьбой этого неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Воображеніе живо заиграло при мысли о томъ, какого рода могла произойти у этого богатыря-ямщика „заминка“, изъ-за которой онъ покинулъ насиженный уголъ въ родимой землѣ. Ужъ не разыгралась ли эта „заминка“ гдѣ-нибудь на глухой дорогѣ, можетъ быть на такой же опушкѣ или у мостика, какъ тотъ, подъ которымъ такъ наивно-насмѣшливо булькаетъ вода, пробираясь по камешкамъ?.. И была такая же темная ночь, такъ же шумѣли деревья, то же звѣздное небо вѣяло царственной думой

на землю, и отъ ея безстрастія тревожно становилось въ душѣ у путника, думавшаго о завтрашнемъ днѣ.

— Тебя какъ зовутъ?—спросилъ я, поднимаясь съ нимъ на гору.

— Зовутъ-то? Зовутъ Павломъ, Павелъ Осиповъ... такъ, значитъ, въ пачпортѣ прописано, а ямщики Павлухой больше зовутъ: Павлуха, да и все тутъ...

Коренной ласково заржалъ при нашемъ приближеніи и потянулся своей умной мордой къ ямщику. Тотъ слегка толкнулъ его въ шею и выправилъ изъ-подъ узды чолку и гриву.

— Знатно устамши... Сейчасъ поѣдемъ, аль постоять дадимъ?—обратился онъ ко мнѣ.—Потомъ попоить, значитъ, тогда валяй снова, куды ни на есть пріѣдемъ...

— Мнѣ не къ спѣху. Пускай отдохнутъ...

Счастливая мысль мелькнула у меня въ головѣ: отчего не провести здѣсь всю ночь подъ открытымъ небомъ? Спѣшить некуда, а отдохнуть было бы хорошо послѣ тряской телѣги и надоѣдливаго бряцанья бубенчиковъ.

— Послушай, Павлуха, — обратился я къ нему:—давай-ка, заночуемъ здѣсь. Ты какъ объ этомъ думаешь? За ночь лошади отдохнутъ, а завтра, дастъ Богъ, доберемся до какого-нибудь жилья...

Павлуха подумалъ.

— Ну, что-жъ, какъ вамъ, значитъ, угодно... Я—ничего... А что лошади отдохнутъ, это точно... какъ на этакихъ поѣдешь? Староста бы только бучить не сталъ...

— За промедленіе?

— Извѣстно: гдѣ, молъ, пропадалъ!.. Ну, да ладно; скажу, чтобъ другой разъ не посылалъ, старый хрѣнъ, новаго человѣка въ этакую глушину... Мало-ль у нево парней? Кирюшку могъ послать, не то Ефима...

И обернувшись къ лошадямъ, одобрительно произнесъ:

— Эй вы, маленькія, отдыхать будемъ, баринъ на водочку поднесетъ!.. Но-о, трогай малость, тро-огай, Васька, вотъ такъ!..

Телѣга заскрипѣла и тронулась, звякнули бубенцы. Павелъ отвелъ ее въ сторону, выпрягъ лошадей и, проводивъ ихъ нѣсколько минутъ по дорогѣ, спустился съ ними къ ручью и совершенно ушелъ въ темноту ночи.

Полчаса спустя, мы съ Павломъ сидѣли у пылающаго костра и утоляли голодъ краюхой хлѣба, предусмотрительно захваченной ямщикомъ. Въ бумажкѣ оказалась у него грубая сѣрая соль; ее приходилось растирать между пальцевъ, прежде чѣмъ посы-

пать на хлѣбъ, но въ соединеніи съ голодомъ она служила чудеснѣйшей приправой нашей незатѣйливой трапезы. Павелъ ѣлъ медленно и вдумчиво; осторожно ломая хлѣбъ на куски, онъ всякій разъ подставлялъ руку, чтобы не уронить ни крошки на земь и не нанести, такимъ образомъ, оскорбленія „божьему дару“. Пламя ударяло ему прямо въ лицо и еще рѣзче, чѣмъ днемъ, оттѣняло красиво очерченныя линіи носа и рта, молодецкіе черные усы и большіе ласковые глаза. Они были устремлены на огонь, смотрѣли самоувѣренно и смѣло, но въ выраженіи ихъ я подмѣтилъ,—такъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось,—много затаеннаго страданія и грусти. Во всей его фигурѣ было что-то властное и въ то же время привлекательное. Мнѣ захотѣлось поговорить съ нимъ, разспросить о его прежней жизни, узнать, какъ онъ смотритъ на міръ и людей. Вначалѣ разговоръ шелъ туго, отвѣты были кратки, иногда уклончивы. Только когда я спросилъ его о „заминкѣ“, приведшей его сюда, въ эту полѣсскую глушь, онъ быстро взглянулъ на меня, повелъ бровями и вдругъ оживился, словно принялъ какое-то быстрое и для самого себя неожиданное рѣшеніе.

— Что жъ, хошь—разскажу, и то—никому не разсказывалъ. Завтра довезу до мѣста... ежели медвѣди по дорогѣ не съѣдятъ, тутъ—ихнее царство,—улыбнулся онъ,—довезу, только ты меня и видѣлъ, не попрекнешь, небось. А только не повѣришь, баринъ, пра-слово, не повѣришь, какъ скажу тебѣ, какой случай со мной приключился...

II.

Павлуха привсталъ, сбросилъ съ себя армякъ и выдѣлился свѣтлымъ пятномъ своей ситцевой рубахи изъ окружающей темноты, послушалъ лошадей,—онѣ мирно жевали вблизи и позванивали желѣзными путами,—и началъ...

— Вѣдь вотъ, думалъ,—никому не разскажу, а теперь самъ захотѣлъ. И знаешь, баринъ, почему? Потому—думалъ я объ этомъ объ самомъ въ тую, понимаешь, минуту, какъ ты спросилъ меня... про заминку мою... Ну, думаю, судьба, значитъ... отъ судьбы не уйдешь. Ну, слушай... начать бы только... Не знаю, будетъ ли антиресъ какой твоей милости, а только точно, случай совсѣмъ особенный, не часто его сустрѣнешь промежъ людей. И слава Богу, что не часто... Н-да, вотъ видишь ли, какъ былъ я помоложе, вотъ какъ ты, къ примѣру сказать...

былъ я тово... очень до бабъ и дѣвокъ ловкой, такой, что бѣда... ха-ха-ха!..

Онъ видимо старался подбодрить себя и настроить на игривый тонъ, но игривости не было: смѣхъ выходилъ искусственнымъ. Неловкость длилась недолго; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ онъ сразу сталъ разсказывать просто и задушевно, такъ, какъ слова сами лились изъ души. Онъ продолжалъ:

— Теперь-то я уходился, а прежде былъ я парень, прямо скажу тебѣ, хоть куда: лясы точить, на гармошкѣ играть—никому со мной не тягаться. Вокругъ ни одной, повѣришь ли, бабы не было, которой бы головы не скрутилъ... Эхъ, да что! тряхнешь, бывало, кудрями, притопнешь—всѣ онѣ тутъ—бери любую... Любая жъ дѣвка и замужъ пошла-бъ, даромъ, что я безъ рода, безъ племени... н-да, вѣрно тебѣ говорю... А мнѣ что, думаю себѣ, безо времени бабу заводить? Это завсегда дѣло обдѣлать можно, не уйдетъ; знакомыя дѣвки повыйдутъ, новыя подростутъ, еще занятнѣй, этого товара на весь вѣкъ станетъ... Потому—что для человѣка суть важнѣе всего? на холостомъ, тоись, положеніи?.. На холостомъ положеніи для человѣка важнѣй всего то, чтобъ онъ свое отгулялъ, отцвѣлъ свое, можно сказать, вотъ какъ ржаной колосъ свое отцвѣтаетъ передъ наливомъ. Ну... я и гулялъ, знатно гулялъ, баринъ, и не одинъ, а цѣлымъ обчествомъ, и все у насъ первые парни на селѣ; писарь, и тотъ нами не гнушался, компанію водилъ, а нашто гордой былъ: только держись, какъ закричитъ, бывало... Вотъ, разъ, заговорили мы, ребята, о дѣвкахъ да о бабахъ, а онъ, писарь этотъ самый, мнѣ и говоритъ:

— Это что, молъ, куражиться надъ тѣми, что сами на шею вѣшаются, сами своей охотой идутъ,—про тѣхъ и слава такая... Нѣтъ, говоритъ, ты Лукерью, садовникову бабу, облести, ее въ свою, то-ись, вѣру обороти; тогда, говоритъ, мы и увидимъ, каковъ таковъ ты Павелъ Осиповъ есть...

Зло меня взяло.

— И оборочу!—говорю.

— Оборотн!

— Ну, да ладно... цыкни еще!..

А надо тебѣ сказать, баринъ, что Лукерья эта—ейный мужъ въ огородникахъ у купца Соколова состоялъ... богатѣющій купецъ, дровами торговалъ, я въ тое время у нёво-жъ конюхомъ служилъ — такъ Лукерья эта, сказываю тебѣ, была, точно, совсѣмъ особая, ровно бы земчу́гъ промежду бабъ: слова лишняго

не скажетъ, не то чтобы, тамъ, съ сосѣдками лахтать съ утра до ночи—не поглядитъ въ сторону, а кто про мужа худое что сказать вздумалъ бы, глаза тому выцарапать готова... статейная баба была...

Павелъ задумчиво опустилъ глаза и помолчалъ. Казалось, онъ и вспоминалъ, и колебался въ то же время, разсказывать ли дальше, бередить ли еще, быть можетъ, не зажившія раны передъ незнакомымъ и совершенно чужимъ ему человѣкомъ. Предчувствіе чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго возбуждало во мнѣ жутко-участливое любопытство къ прошлому этого богатыря, который готовился раскрыть передо мной душу, высказать то, что, очевидно, тяжелымъ бременемъ лежало въ груди, передуманное и выстраданное тысячу разъ... Звѣздная ночь и нашъ сиротливый костеръ, задорно боровшійся съ набѣгавшими отовсюду тѣнями и призраками, стрекотанье кузнечиковъ и таинственные шорохи въ листвѣ и травѣ—все усиливало взаимную чуткость и создавало настроеніе, одинаково понятное и возвышенное, даже поэтическое... Костеръ трещалъ, клубы бѣлаго дыма поднимались и исчезали во мракѣ; ночныя бабочки вились и то-и-дѣло попадали въ огонь; раза два надъ самымъ костромъ, совсѣмъ низко, пролетѣла летучая мышь...

Павелъ тряхнулъ головой и заговорилъ рѣшительнѣе и ровнѣе, но въ голосѣ его долго сквозили совѣстливыя нотки, и глаза не могли оторваться отъ огня.

— Э, да что! началъ сказывать, такъ ужъ буду сказывать до конца,—безъ конца и пѣсня не красна, люди говорятъ... Да и то, завтра довезу я тебя, а тамъ обоихъ насъ—поминай какъ звали... у тебя—новые ямщики, у меня—новые господа... оно и призабудется, какъ мы съ тобой среди поля ночью промежду себя толковали... Ужъ ты не взыщи, человѣкъ я неученый, такъ сказывать и буду... Ну, такъ вотъ, оборочу, говорю, Лукерью въ свою вѣру, да и все. Тутъ-то и зачалъ я на Лукерью поглядывать, да подумывать, какимъ, значитъ, манеромъ эту самую модель подпустить... И ничего не было-бъ, кабы не судьба, потому не таковская баба, да случай подошелъ, прямо случай. Какъ на грѣхъ, мужа ейнаго, Трофимыча, то есть, хозяинъ возьми да и угони въ городъ на цѣлый мѣсяцъ. Съ неохотой ѣхалъ старый, словно и взаправду чуялъ недоброе,—ну, да супротивъ хозяйскаго приказу развѣ пойдешь?

Я его и въ городъ-то отвозилъ. Везу, а онъ мнѣ и говоритъ:

— И какъ мнѣ, Павлуха, ѣхать не хочется, страсти!

— Такъ почто-жъ ѣхалъ?—спрашиваю.

— Да послалъ Иродъ-то... ужъ я отпрашивался, такъ куды тамъ! Знать ничего не хочу, никому, говоритъ, нѣтъ моей вѣры, окромя тебя... А чую я, будетъ бѣда, можетъ и не вернуться мнѣ изъ города-то, али дома што сполыхнется...

Повѣришь ли, баринъ, чуть не плачетъ старый... А мнѣ его не только-что не жалко, а еще и радъ я... Лафа, думаю .. держись только...

Вернулся я. Думалъ, думалъ, да и давай вокругъ Лукерьи похаживать, да вотъ, ровно бы по рыбу, крючки такіе-сякіе закидывать: то такъ, то этакъ, слово скажешь такое, пѣсню споешь, на всѣ манеры,—ни-ни! и ухомъ моя Лукерья не ведетъ, ровно бы и не въ ея сторону... А ребята смѣются:

— Куды тебѣ, говорятъ, сопливому, за этакой бабой угоняться! тоже чего захотѣлъ!

— Погодите, говорю, не весной кормы считаютъ, не зимой по ягоды идутъ...

А самъ призадумался. Ужли-жъ не судьба? думаю себѣ, и не передъ ребятами, передъ собой стыдно. Э, нѣтъ, говорю, шалишь, не уйдешь отъ меня—и самъ не знаю ужъ какъ, а только разомъ меня осѣнило: нѣтъ, думаю, такъ ее не возьмешь, штукарствомъ-то, не изъ такихъ... этимъ ее, ровно бы коня пустымъ кошелемъ, не подманишь. Не то попробуемъ. Подъѣхалъ я къ ней съ другой стороны, овечкой прикинулся, смиренность на себя напустилъ, голову повѣсилъ и скучной такой передъ ней хожу. Глядѣла она, глядѣла на меня, сперва все молчала, а послѣ и говоритъ:

— Чего это ты, Павлуха, потемнѣлъ, чтой-то не веселъ ходишь? Не варомъ ли изъ господской кухни тебя облили? Не дѣвки ли, молъ, тебя разлюбили?

— Эхъ, говорю, Лукерья Ивановна, не дѣвки меня разлюбили, не варомъ облили, а самъ себѣ я постылъ сталъ... и все тутъ мнѣ постыло...

— Что такъ?—спрашиваетъ.

— Да что, говорю, что за жисть моя такая: ни у меня отца, ни у меня матери, одинъ я на свѣтѣ сиротинушка, не съ кѣмъ ни горемъ, ни радостью подѣлиться. Уйду, говорю, въ степи привольныя, не то — въ морскія пристани, только меня и видѣли...

Поглядѣла она на меня, жалѣючи этакъ, за руку взяла...

— Эхъ ты, горемычный, горемычный, говоритъ, и точно, приласкать-то тебя некому.

А я и пуще тоску напустилъ, сижу, словно Богъ по мою смерть послалъ.

— Оженился-бъ, молъ, ты, свою семью завелъ...

— Нѣтъ, говорю, про это полно, Лукерья Ивановна, не судьба: кого не люблю—не возьму, а кого люблю—та меня не любитъ...

— А ты, говоритъ, не печалься, ласковостью ее больше бери; ласковостью, говоритъ, хоть кого возьмешь...

— А!.. не догадывалась, стало быть, о комъ рѣчь шла, — замѣтилъ я, глубоко заинтересованный ходомъ его разсказа.

— Не догадывалась, чистая была душа...—отвѣтилъ Павлуха, переводя на меня свой открытый взглядъ, въ которомъ и тѣни не было прежняго смущенія. Костеръ догоралъ, превращаясь въ кучу рдѣющихъ углей. Тѣни сдвинулись ближе. Миріады звѣздъ, большихъ и малыхъ, мерцающихъ и неподвижныхъ, еще ниже спустились и словно застыли, собираясь слушать задушевный разсказъ ямщика.

— Не догадывалась, точно, что ее самоё, значитъ, и мѣтилъ... А было дѣло весной, въ самую тую пору, какъ весь садъ, словно одинъ кустъ, цвѣтетъ. И приходилъ я къ ней больше по вечерамъ, какъ работа по конюшнѣ отойдетъ. Зайдешь это съ палисадника, что за господскимъ садомъ, она и выйдетъ на крылечко, сядетъ, я—подлѣ, и пойдутъ у насъ тихія да долгія рѣчи... И впрямь скажу тебѣ, душевно такъ было... А цвѣту этого самаго—бѣлымъ-бѣло, духъ такой сладостный, изъ сада соловейко щелкаетъ... Разомлѣлъ я, и впервой тутъ подумалъ, что безъ нея мнѣ не жисть...

— И ходилъ я этакъ не день, не два, а съ недѣлю можетъ, а то и болѣе,—продолжалъ Павлуха.—И самъ не знаю, что со мной сталося: гляжу на нее—оторваться не могу, вѣкъ бы сидѣлъ съ нею этакъ по хорошему, все бы говорилъ да говорилъ... Себя, надо сказать, позабылъ я въ эти дни, все объ ней думалъ, и таково мнѣ обидно за нее стало. Что, думаю, вѣкъ свой со старымъ маетъ, молодая да красивая? И неладно, правду сказать, про старика-то ейнаго подумалъ: вѣдь вотъ, заѣдаетъ, молъ, старый хрычъ, ейную молодость, а самъ, небось, чего-чего не видѣлъ на своемъ вѣку! Одну жену схоронилъ, теперь другой жить не даетъ, старый котъ... Недаромъ промежъ народу такая слава объ ёмъ была: Трофимычъ, молъ, до бабъ прежде—ухъ! ласунъ былъ... старики сказывали...

Павелъ остановился.

— А костеръ-то нашъ совсѣмъ тово... выгорѣлъ...

И онъ бросилъ лежавшую возлѣ вѣтку на тлѣющіе угли. Она принялась не сразу, долго трещала, наконецъ ярко вспых-

нула, и опять, на минуту, тѣни побѣжали отъ костра, и звѣзды внезапно поднялись отъ земли...

— Я еще разведу, — добавилъ онъ, дѣлая движеніе, чтобы встать.

Я остановилъ его.

— Не надо, такъ лучше...

Снова окутала насъ темнота, но она больше шла къ охватившему насъ общему чувству грусти о томъ, что̀—свое у каждаго—было и, казалось, ушло навсегда. Я слушалъ моего разсказчика внимательно, чутко прислушиваясь къ каждому его слову, и въ то же время, совершенно безсознательно, въ моей душѣ вспыхивали и перегарали былыя впечатлѣнія, неопредѣленныя, тоскующія, но все еще жгучія, какъ эти послѣдніе угольки догоравшаго костра. И они не только не заслоняли во мнѣ интереса къ разсказу, но усиливали его, вызывали и во мнѣ то согрѣвающее и ласковое настроеніе, которое сообщаетъ бесѣдѣ сердечный и безконечно-искренній характеръ. Въ такія минуты, по народному выраженію, просится душа на распашку... Павелъ инстинктивно угадывалъ мое сочувствіе его разсказу и оживлялся все болѣе и болѣе. Онъ говорилъ легко и просто, нѣсколько приподнято, словно отдаваясь вполнѣ вдохновенію, поднявшему его высоко-высоко, откуда видна была съ непостижимой ясностью вся его прежняя жизнь.

— Да, баринъ, такое времячко это было, какого, скажу тебѣ, никогда уже не будетъ... Ни въ жисть... Не въ бабѣ сила—мало-ль ихъ, бабъ-то, на свѣтѣ, а... такъ ужъ... и сказать не умѣю, какъ все это удивительно было... Темная ночка, вотъ какъ сейчасъ, къ примѣру сказать, крылечко это самое, тихо все да легко таково кругомъ, и въ тебѣ тихость да легкость, ровно и кручины никогда не зналъ, ровно бы самъ по своей волѣ, своей охотой, живу, и нѣтъ меня вольнѣй и счастливѣй на всемъ, то-ись, свѣтѣ... э, да нешто все это можно разсказать, не видамши!.. И вотъ, сидимъ мы разъ съ ней, съ Лукерьей, такимъ манеромъ, разговоры ведемъ, — вдругъ дождь, какъ изъ ведра, большой такой, съ грозой, съ молоньей, такъ и льетъ, такъ и льетъ... Вскочили мы. Хотѣлъ я къ себѣ чѣмъ скорѣй бѣжать, а тутъ она, она сама, какъ на грѣхъ, за руку удержала.

— Пережди, говоритъ, куды побѣгишь въ потопу такую!.. ишь, какъ льетъ!.. Пожди, утихнетъ скоро...

И ласково этакъ говоритъ... Тутъ впервой и въ избу меня пустила... Иду я за ней и вспоминаю, какъ, намнясь, парни

меня дразнили, что, молъ, значитъ, не баба ко мнѣ, а я къ бабѣ въ лапы попалъ... И озлился-жъ я тогда: „Ежели мнѣ, говорю, еще кто этакое скажетъ, тому, говорю, морду назадъ сворочу, какъ пить дамъ... слышали? говорю, и другимъ то же скажите, чтобъ никому не повадно было!..“ Страху нагналъ—страсти! Пущай, думаю...

Вошли мы въ избу. Лукерья огонь принесла. Сѣли за столъ, молчимъ, думаемъ... И заробѣлъ я тутъ... руки, вѣришь ли, трясутся: нѣтъ, думаю себѣ, не осмѣлюсь, ни почемъ не осмѣлюсь. Такъ и уйду, думаю, оно и лучше... даже обрадовался, вѣришь ли... А потомъ...—голосъ Павлухи понизился, въ немъ послышались снова глухія совѣстливыя нотки—нивѣсть какъ оно сталось... и посейчасъ не могу сказать... Глянулъ я на нее, и, понимаешь, словно меня обухомъ кто по головѣ гвозданулъ... въ очахъ круги пошли, ничего, окромя ее, не вижу... Бѣжать бы, думаю, ой, бѣжать безъ оглядки—бѣда будетъ!.. а у самого ноги нейдутъ, руки не подымаются... И сидитъ она, моя касатка, жалостная такая да тихая, да на меня этакъ голубкой поглядываетъ... Вижу я—подаваться стала на мою лесть, растаяла...

Послѣднія слова я едва разслышалъ: такъ тихо были произнесены они; наконецъ, голосъ моего невидимаго разсказчика дрогнулъ и оборвался. Тяжело дыша, Павлуха потянулся къ лежавшей возлѣ кучѣ хвороста и сталъ съ трескомъ разламывать и разрывать на куски отдѣльныя хворостинки, машинально складывая ихъ возлѣ костра. Огня совсѣмъ не было, только два-три уголька тлѣли, по временамъ вздуваемые вѣтромъ. Въ сторонѣ позванивали и фыркали кони.

Звѣзды начали блѣднѣть, но внизу, на землѣ, было еще непроглядно темно. Становилось свѣжо. Я завернулся плотнѣе въ пальто и подвинулся къ костру: пріятная теплота, съ запахомъ гари, пахнула въ лицо.

Прошло нѣсколько минутъ. Павлуха овладѣлъ собой и неожиданно обратился ко мнѣ:

— Не заснулъ, баринъ?

— Нѣтъ, я слушаю тебя...

— А то, можетъ, хошь спать? Я сѣнца изъ телѣги принесу... подъ голову, то-ись...

— Нѣтъ, не хочу. Разсказывай, если есть охота...

— То-ись, такая охота, что самъ диву даюсь. Къ попу на исповѣдь не съ такой охотой шелъ. Хочу разсказать, да и все тутъ. Никому не сказывалъ, тебѣ первому, ей-ей, подошло такъ ужъ, значитъ... потому все вотъ какъ теперь вижу... гдѣ ты,

примѣрно, тутъ окно, тутъ дверь, все какъ есть помню... Ну, стало быть, вижу я, баба сама не своя—рукой этакъ щёчку подперла, вотъ-вотъ заплачетъ, думаю... Подошелъ я къ ней, обнялъ... Она—ничего, и головы не отнимаетъ...

— Эхъ, говорю, Лукерья Ивановна, и вы, можно сказать, словно бы сиротиночка или былинка въ чистомъ полѣ... Нешто, говорю, старый-то душу вашу угадать можетъ, какъ вы, то-есть, чувствовать должны!..

Поглядѣла она на меня, помолчала чуточку.

— Нѣтъ, говоритъ, Павлуха, не трожь мово старика, мужъ, молъ, онъ мнѣ, жалко мнѣ его... онъ хорошій...

— Хорошій-то, хорошій, а вспомните, говорю, каковъ онъ допрежъ того былъ!.. Да и вамъ, говорю, не двѣ жисти жить, а одну, да и та скоро минётся... И какъ мнѣ васъ жалко, Лукерья Ивановна, сказать невозможно... такъ, говорю, жалко, что... Ну, словомъ сказать... тутъ-то все и рѣшилось... какъ есть, безъ утайки все тебѣ сказываю... Какъ поглядитъ она на меня, какъ поглядитъ—этакъ никогда не глядѣла—въ самую, вѣришь ли, душу,—такъ во мнѣ все и перевернуло... какъ кинется мнѣ на шею да заплачетъ, горько такъ заплачетъ, да зацѣлуетъ, а сама все стонетъ:

— Не губи, ой, не губи, родимый...

Эхъ, поминать больно!.. А кругомъ, какъ сейчасъ помню, дождь хлещетъ, громъ, молонья, такъ и сѣкётъ... Такая буря разразилась—страсть!.. Тогда еще мельницу, что по дорогѣ въ Демьянкино, молоньёй подпалило... Опосля не разъ я думалъ про это—знакъ Божій...

III.

Павлуха съ трудомъ перевелъ духъ, но не остановился. Теперь его и остановить было трудно. Онъ разсказывалъ уже не мнѣ, случайному собесѣднику, а самому себѣ, своей разгорѣвшейся душѣ, да томной ночи съ ясными звѣздами, да еще чуткому вѣтру, уносившему далеко-далеко его страстную рѣчь...

Онъ продолжалъ:

— Опамятовались мы, да уже поздно—не поправишь... И никакой это во мнѣ радости нѣту... Гляжу на Лукерью—молчитъ та, ни слезъ, ничего, сурьезная такая... Подходитъ ко мнѣ.

— Что-жъ, молъ, сидишь, красавчикъ! Сотворили дѣло, вмѣстѣ и отдѣлываться надоть... Знай же, молъ, что не зада-

ромъ я законъ христіанскій ломала... Съ мужемъ я честной жила, а такой не останусь... Пойду за тобой, куда глаза глядятъ...

Сижу я, молчу, и страшно мнѣ стало, и дивлюсь я: откуда, думаю, такое въ бабѣ берется. А она опять:—Неча молчать, говоритъ, не отмолчишься,—не гулящая я тебѣ далась...

А глаза у ней такіе большіе да страшные стали, горятъ, такъ искрами и сыплютъ...

— Завтра же, говоритъ, бери меня, куда хошь увози, не то—и тебя, и себя убью!.. Вижу—правду говоритъ баба...

Тутъ только впервой мнѣ вдомёкъ стало, что не всѣ бабы на одинъ фасонъ... Одначе, раздумывать было нечего.

— Ладно, самъ я сору нанесъ, самъ я вымету... Собирайся, говорю, Лукерья, завтра пойдемъ, авось и не помремъ съ голоду.

А самъ надумалъ думу. Чуть свѣтъ скочилъ на коня, да и махнулъ въ экономію, къ князю. До него верстъ пятнадцать всего... Безъ утайки, думаю, все доложу ему. Онъ этыя дѣла понимаетъ: самъ два раза разводился, да и по всѣмъ усадьбамъ евонныя дѣвки живутъ... Еще и то, думаю,—онъ съ нашимъ-то на ножахъ, безпримѣнно приметъ... Да ты, можетъ, знаешь его, а?

— Нѣтъ, не знаю...—поспѣшно отвѣтилъ я, боясь, чтобы разсказчикъ мой не отвлекся въ сторону, но тутъ же спохватился:

— А какъ его зовутъ, князя-то твоего?

— Бѣльскій князь... генералъ... Маленькій такой да черный... въ Питерѣ и посейчасъ служитъ, его всѣ знаютъ... Чудно̀й. Пріѣхалъ я въ Беззаботное—усадьба его такъ прозывается, поставилъ коня, подошелъ къ крылечку, дожидаюсь... У нево это ничево, можно... Ждалъ, ждалъ, гляжу—выходитъ. Я къ нему, шапку долой...

— Что̀ нужно?—спрашиваетъ.

— Такъ, молъ, и такъ, докладываю, дозвольте, говорю, ваше сіятельство, при конюшнѣ состоять.

Оглядѣлъ онъ меня съ ногъ до головы.

— Допрежъ того гдѣ служилъ?

— У купца Соколова, говорю, Матвѣя Сергѣевича, при верховой конюшнѣ старшимъ былъ...

— Что-жъ, говоритъ, пропился, или за воровство прогоняютъ?—и строго такъ говоритъ.

— Никакъ нѣтъ, говорю. Оны и посейчасъ мною вотъ какъ довольны, да какъ я, говорю, у ихняго огородника жену увелъ, такъ мнѣ, говорю, ваше сіятельство, у ихъ больше никакъ состоять нельзя... Такъ прямо и говорю...

Какъ услышалъ онъ это, князь-то, подобрѣлъ весь, засмѣялся. Ткнулъ меня этакъ пальцемъ и спрашиваетъ:

— Что-жъ, красивая? Признавайся-ка...

— Для насъ, хороша, говорю, а вашей милости, можетъ, и не понравится...

— Ну, ладно, говоритъ. Только смотри у меня...

Тутъ онъ меня и опредѣлилъ. Зажили мы съ Лукерьей, какъ мужъ съ женой, а сами все боимся: ну, какъ Трофимычъ, супругъ-то ейный, воротится да насъ за этакія дѣла, какъ слѣдоваитъ, и ублаготворитъ. Какъ-никакъ живемъ, я должность свою справляю, она—по хозяйству, что надо, въ избѣ да въ огородѣ... А въ избѣ чисто у насъ было, вѣришь ли, прибрано да выметено, точно въ рай входишь, бывало: чистый убрусъ, лампадка подъ иконой... самоварчикъ, чайничекъ—все свое, сама въ городъ ѣздила, Трофимычина-то вотъ на эстолько не взяла... И жили мы съ ней, то-ись, душа въ душу, лучше и жить нельзя. И чтобы ее пальцемъ тронуть или, къ примѣру сказать, обругать—ни-ни! да и не на чемъ было... А ужъ какъ была ласкова ко мнѣ, просто даже удивительно! Сосѣди—и тѣ сперва покосились, а послѣ, какъ увидѣли нашу жисть, уважать стали, даромъ, что не по закону жили... Самъ князь, вѣришь ли, шелъ разъ мимо, увидалъ меня да и говоритъ:

— Ну-ка, Павлуха, показывай свою избу, у тебя тамъ, сказываютъ, баба скусная, а? Показывай, показывай...

Обробѣлъ я, да и было отъ чего: князя къ себѣ въ избу вести! Мало-ль тамъ что̀ инымъ часомъ бываетъ, извѣстно, не барскія хоромы... Одначе, разговаривать нечего, веду. Входимъ въ избу—чисто да ладно все, слава-те Господи... Лукерья, какъ увидѣла князя, пуще моего обробѣла, закраснѣлась вся и стоитъ ни жива, ни мертва, даже поклониться забыла... А князь—ничего, подошелъ, взялъ этакъ за подбородокъ, повернулъ къ свѣту и говоритъ:

— Ничего, добрая молодка, ей-богу, добрая... Да ты, говоритъ, Павлуха, видно, малый не промахъ... молодецъ, говоритъ...

Кланяемся, молчимъ. Что-жъ тутъ говорить будешь!

— У тебя, говоритъ, и по конюшнѣ все въ аккуратѣ... Ежели, говоритъ, и дальше такъ же служить будешь, съ Рожества старшимъ сдѣлаю.

— Радъ стараться, говорю, ваше сіятельство, ужъ вы, говорю, насъ своей милостью не оставьте...

Съ тѣмъ и ушелъ. Я-то, признаться, боялся одно время, какъ бы еще не пришелъ уже для Лукерьи для одной, потому

понравилась она ему, по всему видно... да нѣтъ, ничего, Богъ миловалъ... Вотъ, живемъ мы такъ мѣсяцъ, только приходитъ къ намъ тетка Лукерьина, Настасья, такъ, старушка.... на селѣ Захарьинѣ жила, у сосѣднихъ господъ побиралась... Поглядѣла, поохала... „Охъ, вы, мои молодые, охъ, вы, мои болѣзные!“... тьфу! провались ты,—не люблю такихъ бабъ... а послѣ и говоритъ:

— А Трофимычъ-то объявился—и ничего, словно бы и не оченно, сказываютъ, печалится.

Поотлегло у меня отъ сердца, да не надолго. Слышу, шепчутся бабы, Настасья въ огородъ зоветъ:

— Пойдемъ, молъ, Лукерьюшка, поговорить мало чего съ тобой надо...

Ну, пошли сплётками языки чесать, брехней глотку тѣшить... бабья фабрика, думаю. Пошелъ къ лошадямъ и забылъ объ этомъ вовсе: мало ль что бабы промежду собой говорить могутъ? Вечеромъ прихожу домой. Гляжу—Лукерья моя сама не своя, темнѣй темнаго ходитъ. Награяла, проклятая! думаю себѣ про Настасью.

Сѣли ужинать.

— Что ты? спрашиваю: тетка, что-ль, голову надурила?

— А ты, знай, ѣшь, говоритъ, коли на столъ поставлено, а меня спрашивать нечего... не твоего, молъ, ума это дѣло...

Ишь ты! думаю себѣ: никогда еще она такъ со мной не говорила. Ладно, что-то дальше будетъ, поглядимъ да повидимъ...

И запасмурилася моя Лукерья съ той поры. Ничего не открываетъ, а такая все скучная, скучная ходитъ. Стало и мнѣ не по себѣ. Вѣрно, думаю, старикъ, что ни есть, про насъ надумалъ: что жъ бы это такое было?

И говорю разъ Лукерьѣ:

— Слышь, говорю, Лукерья, а что какъ придетъ твой Илья Трофимычъ да насъ и прихлопнетъ?

Стиснула зубы, отвернулась...

— И подѣломъ! говоритъ: одинъ конецъ лучше...

Ровно бы ужалила она меня этими словами—до того и жалко ее, и самому за себя досадно стало.

— Что ты, говорю, Богъ съ тобой! съ ума спятила, что-ли! Погляди на людей: другіе-то одна слава только, что по закону живутъ, а то все на сторонѣ путаются... Ужли-жъ это ладно?.. По мнѣ, говорю, ужъ лучше на чистоту...

— Такъ-то оно такъ,—она мнѣ на это,—а только.., и окромя тово грѣхъ межъ нами затесался, смертный грѣхъ...

— Ну, что еще за грѣхъ?—спрашиваю. Не томи, Бога для...

— Нѣтъ, что̀ ужъ, говоритъ, лучше не сказывать...

А ужъ чего не захочетъ сказать—ни по чемъ не скажетъ, характерная баба была, н-да... И сталъ я съ ея словъ задумчивый такой, и не столько про грѣхъ про этотъ самый думаю, сколько бѣды боюсь, а тоска щемитъ: что-нибудь да будетъ...

Живемъ. О Трофимычѣ никакихъ вѣстей сначала. Потомъ слышимъ, люди говорятъ, что съ Трофимычемъ диво дивное сотворилось: все, что̀ ни есть, продалъ старикъ, разсчетъ получилъ и пошелъ нивѣсть куда... Стали мы думать, что̀ бы это такое было, думаемъ, а придумать не можемъ. Мерекали такъ, что въ судъ или по начальству, да нѣтъ, Лукерья говоритъ—на него не похоже... Потомъ уже кто-то сказалъ, что Трофимычъ по святымъ мѣстамъ грѣхи замаливать пошелъ, къ угодникамъ въ пу́стыни... Говорили, что и ума рѣшился старикъ, разное говорили...

Свѣжій вѣтерокъ пронесся отъ ручья и пахнулъ туманомъ. Край неба поблѣднѣлъ на востокѣ. Павлуха остановился и глубоко вздохнулъ.

— Свѣтать скоро начнетъ, — замѣтилъ онъ, подвинувшись ближе къ костру.—Ночь проговорили, а все еще не кончилъ я тебѣ... Да и кончать ли? усталъ, чай, слушать, баринъ?..

— Нѣтъ, пожалуйста, если ты самъ не усталъ разсказывать, продолжай...

— Намъ отъ этого устать нельзя, а поговорить въ иной часъ ихъ-какъ хочется, а не съ кѣмъ... Ну, да ладно, все доскажу тебѣ, все до конца... Самъ хочу, оттого что говорить съ тобой легко, все ты понять можешь лучше нашего брата...

Я невольно улыбнулся и перевелъ разговоръ на Лукерью. Я боялся, чтобы настроеніе не ушло отъ разказчика вмѣстѣ съ таявшей темнотой, и перебилъ его:

— А что̀ же Лукерья-то?

— Лукерья... неладно съ ней приключилось... затяжелѣла она, вотъ что̀... Пришло время родить по веснѣ, а она возьми да и пропади изъ дому... И то всю зиму туча тучей ходила, все, бывало, молчитъ да въ землю глядитъ... Хватились ее, искали, искали — нѣтъ Лукерьи, да и только... на другой день къ вечеру въ березнякѣ нашли... тамъ и родила... мертвенькаго... Принесли это ее въ избу, положили на постель, а она, голубонька, только трепещется, ровно бы рыбка безъ воды, и помирать собралась. Я туды, сюды, а она поманила меня этакъ ручкой и говоритъ:

— Ничего мнѣ не надоть, Павлуха, потому смерть моя пришла... Слушай, говоритъ, Павлуха...

Выслалъ я бабъ, подхожу къ ней.

— Что, говорю, сердечная... не печалься, касаточка, авось либо полегчаетъ...

Она только усмѣхнулась, да жалостно такъ, а я стою тутъ, и плакать мнѣ хочется, какъ дурному дитяти, и тяжко мнѣ за нее, душа горитъ, на ея муки глядючи. Усмѣхнулась она:

— Нѣтъ, ужъ не полегчаетъ... а пойди ты, говоритъ, къ Трофимычу, гдѣ ни на есть его сыщи... все разскажи... скажи, какъ я мучилась, пущай онъ проститъ... согрѣшила я, окаянная...

Больше говорить не могла, въ себѣ забылась, только все про грѣхъ поминала. Одинъ только разъ опамятовалась передъ тѣмъ, какъ Богу душу отдать.

— Павлуха, говоритъ, упроси... охъ, грѣхъ мой!

— Богъ проститъ,—говорю,—да и какой-такой грѣхъ у тебя особенной?

— Онъ, молъ, скажетъ, старикъ-то...

Съ тѣмъ и померла. Тамъ и схоронили ее на кладбищѣ, налѣво отъ церкви. Крестъ вырубили... А какъ хоронили ее — ничего сказать не могу. И по сейчасъ помню только—день былъ такой ясный да солнечный, и листочки на березахъ такіе свѣженькіе да зелененькіе были, промежъ ихъ воробьи гнѣздо вили... теперь смѣшно даже: это, вотъ, запомнилъ, а какъ попъ отпѣвалъ да бабы навзрыдъ голосили, и какъ Лукерья въ домовинѣ лежала — этого, хоть убей, не помню, словно бы и не было вовсе. Сказывали послѣ, что безчувственной я, какъ пень при дорогѣ, сдѣлался: дуракъ дуракомъ ходилъ, усмѣхался даже... Въ скорости-то я опомнился и ужъ въ такую тоску вошелъ, что, вотъ-те крестъ, руки на себя наложить хотѣлъ... и наложилъ бы, да зарокъ далъ—свидѣться съ Трофимычемъ, отпросить покойницу...

А тутъ еще какъ на грѣхъ опять эта Настасья пришла да начала жалобиться... „Ахъ, да охъ! такіе вы сякіе, миленькой ты мой, да бѣдненькой, и пошто тебя Божинька покаралъ!“... и пошла, и пошла... „А покойница-то, не отмолёная, говоритъ, не отпрошёная, мучится, молъ, теперь ейная душенька, за грѣхъ, за большой грѣхъ смертный, и свой это у неё грѣхъ, говоритъ, и не свой“...

Силъ моихъ больше не стало терпѣть, заперъ я двери на крючокъ, подхожу къ ней:

— Слушай, говорю, Настасья, полно причитывать. Говори,

что̀ за грѣхъ такой на Лукерьѣ лежитъ. Все, какъ есть, говори, не выйдешь отселя, не сказамши...

Заголосила она, руки заломала, не хотѣла говорить, да я пригрозилъ:

— Живую не выпущу, коли не скажешь... неча душу мочалить, молчанку на себя напущать!.. Извела Лукерью, напустила порчу, теперь меня извести хочешь? Подохнешь сама прежде, подавишься на мнѣ, говорю...

Видитъ она—въ сурьёзъ дѣло стало, обтерла слезы.

— Убьешь ты меня, какъ скажу...

— Что̀ ты, дура, на что я тебя убивать стану? Чѣмъ ты мнѣ попричинилась?

А самъ чую бѣду, еле и свѣтъ-то въ очахъ вижу. И зло меня тутъ на нее взяло.

— Сказывай, старая, не то и впрямь убью, говорю...

— Ну, говоритъ, слушай же, коли ты такой несговорчивый, слушай, буду сказывать тебѣ все по порядку...

И ужъ разсказала жъ она мнѣ, такое разсказала, что лучше бъ мнѣ и на свѣтъ не родиться, ей-ей... Когда бъ самъ своими ушами не слышалъ, ни за что бъ не вѣрилъ... ни-ни! И сказала-то не сразу, начала издалека, съ подходу, лисья была душа. „Вотъ, говоритъ, Павлуха, людямъ ты жалился: безъ роду ты, молъ, безъ племени... Оно точно, и нѣтъ это у тебя отца-матери, а и какъ будто есть, выходитъ... а лучше-бъ и не было вовсе“...

Притихъ я, слушаю, къ чему, значитъ, старая, приведетъ? И страшно мнѣ, и злобно на нее: чего, думаю, какъ возъ на гору тянетъ. Стиснулъ зубы, молчу.

— Я, говоритъ, къ тому, что Трофимыча-то ты обидѣлъ, Павлуха, и больно обидѣлъ... а кто изъ васъ двухъ больше виноватъ, одинъ Господь Богъ вѣдаетъ... Съ Трофимычемъ-то мы вмѣстѣ росли, все-то про него я вѣдаю... Какъ былъ онъ молодымъ, тожъ въ Соколовкѣ на службѣ служилъ, а была это не Соколовка, а Княжая, потому князья прежде ею владѣли, Соколовъ-то ее послѣ уже откупилъ, и мы всѣ княжіе были. Старой-то князь Трофимыча и къ огородамъ приставилъ... И былъ онъ женатой, на той, на первой женѣ, и дѣти были, да послѣ померли... Померли, вишь ты, сразу, въ одну вёсну померли... И баба въ скорости туды-жъ отправилась... И была тамъ у садовника, у нѣмца, дочка въ дѣвкахъ... и женихъ у ней былъ... красивый такой, изъ города пріѣзжалъ... да онъ, видно, не ндравился ей... Тутъ, то, говоритъ, и подольстился онъ къ ней,

Трофимычъ-то, къ дѣвкѣ этой, прости, говоритъ, его, Господи! А она возьми да и роди мальчёночка. И какъ сталось это, нѣмецъ, ейный отецъ—у! строгой былъ—прогналъ ее отъ себя, а дитя въ деревню отдалъ... да... Трофимыча не тронули, потому—не сказала она, отъ ково... на прикащицкаго сына думали... никто и не узналъ... да...

Павлуха говорилъ отрывисто, тяжело дыша, глухимъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась глубокая скорбь... Взволнованный, я слушалъ, не шевелясь, не произнося ни звука, предчувствуя необыкновенную, роковую развязку.

— И пошла она, говоритъ, садовникова-то дочка, въ городъ... да тамъ, сказывали, и давай гулять... извѣстно, опороченная—кто приметъ?.. Послѣ тово... много спустя... ходилъ къ ней Трофимычъ, да не нашелъ уже... сгинула, аль уѣхала—Богъ ее знаетъ... Мальчёночка-то и выросъ у добрыхъ людей... Ты, говоритъ, это, Павлуха...

Невольная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ—такъ много скрытаго страданія заключали въ себѣ эти трагическія слова. Я испыталъ мгновенное желаніе подойти, утѣшить, выразить мое сочувствіе, участіе этому гиганту-страдальцу, но изъ устъ моихъ не вырвалось ни одного звука,—ни одного подходящаго слова не могла подсказать мнѣ моя подавленная душа. Я остался неподвиженъ.

Павлуха откинулся на траву и замолчалъ. Разсказъ оборвался.

IV.

Послѣднія звѣзды, улыбаясь, умирали на небѣ. Разгоралась заря. Ночной мракъ сизой дымкой снимался съ пасѣки, открывая глазу необъятную даль, съ черными пнями, кучами хвороста и одинокими обгорѣлыми стволами. Вчерашнія чудовища превращались въ мирные кусты, ивнякъ и березу, живописно толпившіеся у ручья и каймой бѣжавшіе за дорогой. Слѣва и позади чернѣлъ перелѣсокъ. Раза два стукнулъ дятелъ; хлопая крыльями, дикая утка грузно опустилась надъ ручьемъ; чиликнула овсянка.

Вдали раздалось конское ржаніе. Павлуха вскочилъ и осмотрѣлся. Крупы лошадей чернѣли у самаго ручья, сотняхъ въ двухъ шаговъ отъ насъ.

— Вишь, куды ихъ чортъ понесъ!—угрюмо пробормоталъ онъ, поднимаясь съ земли.—Пойти, пригнать...

И натянувъ армякъ, онъ направился медленной, развалистой походкой по росистой травѣ, шелестѣвшей подъ его ногами, внизъ по уклону, къ тому мѣсту, гдѣ ручей дѣлалъ крутой поворотъ и образовывалъ нѣчто въ родѣ маленькаго пруда, поросшаго высокимъ тростникомъ и аиромъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось звучное шлепанье по водѣ и неуклюжій топотъ спутанныхъ коней, звонившихъ своими кандалами и храпѣвшихъ. Подогнавъ ихъ къ дорогѣ, Павелъ подошелъ ко мнѣ и сталъ набивать трубку табакомъ. Лицо его было задумчиво и угрюмо.

Я все еще былъ подъ впечатлѣніемъ его разсказа, и мнѣ не хотѣлось говорить о чемъ-либо другомъ...

— Павлуха,—обратился я къ нему,—спасибо тебѣ за разсказъ твой... я... я, видишь ли... Я хотѣлъ сказать: „сочувствую“, „понимаю“, что-нибудь въ этомъ родѣ, но все это не шло сюда и не выражало того, что̀ я чувствовалъ... Я неловко замялся и умолкъ.

Ямщикъ затянулся махоркой и слегка улыбнулся.

— Не на чемъ, баринъ... тебѣ спасибо, что не побрезговалъ съ нашимъ братомъ про нашу мужицкую долю толковать... Вотъ время-то и прошло...

— А что же, съ Трофимычемъ удалось тебѣ свидѣться послѣ?

— Съ Трофимычемъ? Какъ сказать, баринъ... видѣть-то я видѣлъ его, можетъ, двѣ минутки какія, а только... разговору у насъ никакого не вышло...

— Отчего?

— А такъ, да и нельзя было...

— Разскажи.

— Да вотъ какъ, значитъ, отошелъ я отъ князя—потому съ того самаго разу шибко зашибать я сталъ,—то-есть, какъ зашибать—небу только жарко становилось,—какъ отошелъ, говорю, такъ перво-на́-перво въ земскую почту опредѣлился. Служу, господъ развожу. Везу я разъ чиновника изъ губерніи, мордастаго такого, изъ себя толстаго, и пріѣзжаемъ мы къ Перервинскимъ плотамъ, гдѣ, знаешь, перевозъ... на паромѣ... Перевезли насъ на ту сторону, а тамъ народъ, мужики, бабы... ярмонка по близости была... Гляжу—промежду народу—Трофимычъ...

— Да что̀ ты!..

— Вѣрно! Самъ сначала не вѣрилъ, потомъ гляжу — онъ, онъ самый... постарѣлъ, сгорбился... а меня узналъ; спервоначалу отвернулся, а потомъ ничего... бочкомъ этакъ поглядываетъ на меня, что̀ я, то-ись, какъ съ имъ обойдусь...

Выѣхалъ я на дорогу, поставилъ коней, говорю чиновнику:

— Ваше благородіе, дозвольте, говорю, на минутку сбѣгать, земляка повидать...

И скорѣй туды, внизъ, къ парому. А тамъ уже народъ на паромѣ, и Трофимычъ съ ими. Я на паромъ да къ нему. „Трофимычъ!“ говорю, „Трофимычъ!“—и больше ничего и выговорить не могу: духъ спёрло. Поглядѣлъ онъ на меня, а послѣ какъ кинется мнѣ на шею да заплачетъ, старикъ, да не то что—заплачетъ, а и смѣется, и плачетъ въ одно время... чудной такой сталъ... губы трясутся, самъ, видно, и хочетъ говорить, да, ровно бы я, не знаетъ, что̀ сказать... А тутъ народъ кругомъ насъ, кто жалобится, кто рогочетъ, на насъ глядючи... Вѣришь ли, баринъ, и мнѣ плакать хотѣлось, ей-ей, и—чуточку еще—я-бъ ревмя ревѣлъ, вотъ какъ послѣдняя, скажемъ, баба, потому вся моя душа изорвалась, наболѣла... Да плакать-то неколи было,—слышу, чалки отвязываютъ, паромщикъ сходить велитъ, увезти грозится... Поглядѣлъ я на-послѣдки на Трофимыча, обнялъ его... „Прощай, говорю, Трофимычъ!“ хотѣлъ сказать: „батька“, да не осмѣлился... — „Прощай, Павлуха! Дай Богъ тебѣ“...—да и не договорилъ, заплакалъ старикъ, а тутъ паромъ отчалили, едва я на берегъ соскочилъ... Бѣгу къ тарантасу, а тамъ чиновникъ злится, что дожидаться его милость заставилъ... И ужъ ругалъ же онъ меня, не приведи Богъ. И воръ-то я, и собака, и кабацкая, молъ, у меня душа, и чего только не было. Я все молчалъ да оглянуться боялся, потому ежелибъ только я оглянулся на него, то, вѣришь ли, баринъ, убилъ бы его, какъ пить дать, убилъ бы... такое имѣлъ я сердце противъ него тогда...

— Такъ ты ни слова и не сказалъ Трофимычу о Лукерьѣ?—остановилъ я Павлуху.

Онъ потупился, и прежняя мягкая нотка зазвучала въ его отвѣтѣ.

— Не сказалъ, баринъ... да я такъ смекаю, что и говорить-то нечего было... Да и что̀ говорить? Простилъ, вѣдь, старикъ, по немъ видѣлъ, простилъ ее, жену свою невѣрную... а можетъ, и меня простилъ...—добавилъ онъ, съ неопредѣленной улыбкой, опуская глаза въ землю.—А и не простилъ, такъ все равно: за себя, гдѣ хошь, отвѣчать буду, да...

И круто повернувшись на мѣстѣ, онъ пошелъ въ сторону дороги, гдѣ стоялъ тарантасъ. Я крикнулъ ему, чтобы онъ принесъ воды, но уже не дождался его возвращенія. Усталость и безсонная ночь оказали свое дѣйствіе, и минуту спустя я спалъ крѣпкимъ сномъ.

V.

Когда я проснулся, солнце въ полномъ блескѣ поднималось въ вышину. Надъ моей головой плавно кружилъ ястребъ, и радостная пѣсня жаворонка падала золотистыми трелями; жужжали пчелы, суетились стрекозы и, какъ вчера, но громче и веселѣе, ворковали голуби. Пасѣка была сплошь покрыта густой травой, въ которой мелькали цвѣтныя головки клевера, лепестки дикаго горошка и гвоздики. Все было ярко и весело; все было безлюдно и вмѣстѣ оживленно. Безоблачный горизонтъ сулилъ рѣдкій іюньскій день, знойный, но не душный, одинъ изъ тѣхъ дней, когда душа вся отдается покою и нѣгѣ, когда самомалѣйшее стремленіе тягостно, желанія усыплены, и умъ дремлетъ, но за него неустанно думаетъ сердце, и разсыпается миріадами грезъ, ласковыхъ, прозрачныхъ, какъ эти солнечные лучи въ безпредѣльной синевѣ воздушнаго океана...

Воздухъ былъ полонъ многозвучной музыкой природы, стройной и гармоничной, въ которой такъ неподражаемо сочетались въ одномъ общемъ аккордѣ жизни и всплески ручья, и трескъ кузнечика, и жалобный пискъ малиновки, трепещущей въ желѣзныхъ когтяхъ кобчика. И въ то же время всѣ эти звуки такъ успокаивали и баюкали, что душа ни на минуту не разставалась съ ощущеніемъ могучей, невозмутимой тишины. Ничто человѣческое или чуждое не нарушало ее, не было слышно ни бубенчиковъ, ни вчерашняго лязга желѣзныхъ путъ... Никого вокругъ, ни души...

— А гдѣ же Павлуха и лошади?—вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ.

Я вскочилъ на ноги и оглядѣлся. Прежняя тишь и безлюдье; ни тарантаса, ни кучера, ни лошадей. Что такое? куда они дѣвались? Я сталъ прислушиваться, и легкая тревога закралась мнѣ въ душу; нехорошее подозрѣніе уже было готово овладѣть мыслями. Попрежнему ворковали голуби, попрежнему неслась съ вышины пѣсня жаворонка, пчелы и кузнечики нагоняли дремоту.

Въ безпокойствѣ я еще разъ оглядѣлся, и снова ничего не увидѣлъ. Вчерашній костеръ печально чернѣлъ грудой пепла и углей, кругомъ была выжжена и примята высокая, сочная трава.

— Надо пойти и поискать,—рѣшилъ я, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ явственный звукъ бубенчиковъ донесся до меня изъ кустовъ по ту сторону дороги. Раздался и замеръ... потомъ

еще и еще. Я громко разсмѣялся своей подозрительности и радостно зашагалъ навстрѣчу этимъ привѣтливымъ звукамъ. Да, конечно: Павлуха отвелъ лошадей въ тѣнь,—вонъ и задокъ телѣги торчитъ изъ-за угла... Какъ я сразу не догадался!

Вотъ и лошади; онѣ были уже запряжены и нетерпѣливо отмахивались отъ мухъ и слѣпней; а вотъ и Павлуха, посасывая свою трубочку, лежитъ на травѣ. Онъ сосредоточенъ и спокоенъ; на красивомъ лицѣ его не замѣтно слѣдовъ вчерашняго волненія и печали.

— Что, баринъ, поспалъ малость?—произнесъ онъ, вставая.

— Да, братъ, хорошо... А ты?

— Мы еще успѣемъ, намъ што... А я дорогу насмотрѣлъ, куды намъ ѣхать... да, смотрѣвши, вамъ вотъ ягодокъ насбиралъ.

Я былъ въ высшей степени тронутъ этимъ вниманіемъ суроваго и неуклюжаго съ виду ямщика, и мнѣ стало стыдно за недавнія подозрѣнія на его счетъ.

— А ты славный, Павлуха!—не могъ не сказать я ему въ догонку, когда онъ, передавши мнѣ кузовокъ, сталъ быстро хлопотать около лошадей.

— Какая наша слава, баринъ!—отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь и поправляя черезсѣдельный ремень на спинѣ у коренного. Мы—ямщики, наше дѣло господъ до мѣста довезти, себя оправдать, значитъ... Въ томъ вся и слава наша. Сейчасъ поѣдемъ, аль пообождемъ?

— Ѣдемъ, Павлуха, пора.

Снова зачиркали колеса по колеямъ, и пошли мелькать направо и налѣво одинокія березы, черные пни и корчи. Пасѣкѣ, казалось, не было конца; зеленое царство было разрушено основательно, и не одна сотня топоровъ прошлась по многовѣковымъ дубамъ и соснамъ въ угоду барышнической мошнѣ. Солнце поднималось выше и выше. Начинало не на шутку припекать.

Перекидываясь незначительными фразами, часа черезъ два, запыленные и усталые, добрались мы до Жмурковъ и сердечно распростились съ Павлухой.

— Можетъ, и свидимся, какъ назадъ поѣдешь,—сказалъ онъ мнѣ, прощаясь;—тогда чего-чего разскажу тебѣ, баринъ; у меня этого добра про запасъ много осталось. Такое со мной бывало, такое, что ну!..

И махнулъ рукой.

— Потому, оно точно, человѣкъ я, ежели на меня посмотрѣть, прямо удивительный... н-да. Прощай, баринъ...

И сдѣлавъ этотъ неожиданный выводъ, онъ вскочилъ на облучокъ, стегнулъ лошадей и исчезъ въ облакѣ пыли.

VI.

Еще разъ увидѣлъ я Павлуху, и скоро: въ тотъ же день вечеромъ. Я покидалъ Жмурки и ѣхалъ, уже съ другимъ ямщикомъ, въ другую деревню, лежавшую верстахъ въ семи-восьми отъ этой. На краю села высился новенькій домъ, съ крылечкомъ и пѣтушками. Вокругъ него толпилась группа народу. По доносившимся пьянымъ и сиплымъ голосамъ, по безсвязному скрипу гармоники я сразу догадался, что это былъ деревенскій кабакъ, въ которомъ пиръ шелъ на славу. Проѣзжая мимо, я сразу узналъ въ пестрой толпѣ Павлуху,—на цѣлую голову былъ онъ выше невзрачной компаніи окружавшихъ его полѣшуковъ. Всѣ были пьяны, но Павлуха, казалось, былъ пьянѣе всѣхъ. Всклокоченный, съ разорванной на груди рубахой, онъ сидѣлъ на ступенькахъ крыльца и выкрикивалъ какую-то дикую пѣсню. Другой парень, совсѣмъ еще молодой, изображалъ аккомпаніатора на гармоникѣ и при этомъ извлекалъ изъ своего несчастнаго инструмента душу раздирающіе звуки. Кажется, только и былъ одинъ трезвый человѣкъ изъ всего „обчества“, это—еврей-шинкарь, выглядывавшій изъ окна; еще, впрочемъ, маленькая дѣвочка, лѣтъ этакъ восьми-девяти, которая тащила, съ горькими слезами, какого-то „тятьку“ за рукавъ, безпрестанно повторяя:—„бо мамка кличе“...

Картина была слишкомъ тяжелая, и я отвернулся... Въ особенности мнѣ было досадно и больно за Павла. Къ его симпатичному образу мнѣ не хотѣлось добавлять этой послѣдней, ненужной и темной черты. Какъ нарочно, ямщикъ, точно любуясь, убавилъ рысь и поѣхалъ чуть не шагомъ.

— Вѣдь вотъ, пропадаетъ человѣкъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь,—и совсѣмъ, надо быть, пропадетъ. Дѣловой человѣкъ...

— Какія жъ за нимъ дѣла водятся?

— Разныя... Недаромъ въ острогѣ сидѣлъ, да судъ не осудилъ, потому, говорятъ, свидѣтелевъ не было, а Павлуха, извѣстно, не дуракъ тоже, чтобы самому въ петлю лѣзть... А какіе тамъ свидѣтели: темная ночка да сосна, подъ которой тѣло нашли—вотъ и свидѣтели всѣ. Опять же и съ жидомъ-шинкаремъ... тоже дѣло было... не то покалѣчилъ, не то и вовсе убилъ...

— Что же, изъ-за денегъ, что-ли?

— Ну, нѣтъ, зачѣмъ... Ему деньги—что! деньги ему—плёое дѣло. Сколько ни дай—все спуститъ: самъ пьетъ и угостить любитъ, это точно... Нѣтъ, не за деньги онъ, а такъ, не

пондравится кто ему, или супротивъ его слово какое скажетъ, когда онъ выпимши, тутъ бѣда: хоть сѣдокъ, хоть кто—никого не пощадитъ... Потому и на мѣстахъ не долго живетъ: поживетъ, поживетъ, да какъ обознаетъ начальство, такъ и спроваживаютъ: „ступай, откуда пришелъ, намъ, молъ, такихъ не надобно“. Да и наши дороги не по немъ,—на нихъ, говоритъ, не разъѣдешься... Ему бы на хорошую, на большую дорогу, на Владимірку, тамъ до самой Сибири есть гдѣ разгуляться—разъѣхаться... Давно пора, чтобъ ему завтрашняго дня не дождать...

— Да тебѣ-то что сдѣлалъ дурного?..

— А побить грозился—вотъ что. Кабы онъ еще какъ водится,—ну, мало ли что бываетъ,—а то, вѣдь, либо тебѣ голову отшибетъ, либо на вѣкъ руки или ноги лишитъ... дешево не уйдешь отъ него... Вотъ я и имѣю злобу на него, потому—какъ пріѣдетъ онъ къ намъ—нѣтъ мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя...

— Чѣмъ же ты разозлилъ его?

— Да такъ... долго разсказывать... да, почитай, ничего и не было... Эй, вы! пошевеливайся!—прикрикнулъ онъ вдругъ на лошадей, свистнулъ и тряхнулъ возжами.

Лошади прибавили ходу; сильнѣй задребезжала телѣга, подпрыгивая по неровной дорогѣ, звончѣй и чаще залились бубенцы. Мнѣ было грустно и какъ-то тоскливо-обидно, обидно на Павла, на себя, на противнаго рыжаго ямщика. И тѣни не было того возвышенно-искренняго, напоеннаго сочувствіемъ настроенія, какъ вчера, хотя такъ же таинственно шептались деревья, такъ же поскрипывали старыя сосны и свѣтляки мерцали въ травѣ. Все было то же, но другая душа билась въ человѣкѣ, сидѣвшемъ предо мной, и въ этой душѣ я не находилъ угаданныхъ струнъ. Ей ничего не говорила эта безтрепетная, упоительно-ласковая ночь, съ такой любовью протянувшаяся звѣздною сѣтью надъ грѣшной землей; ее не манили на хорошую, откровенную рѣчь лучезарныя звѣзды... Иныя изъ нихъ были такъ ярки, что, чудилось, онѣ вотъ-вотъ прорвутся сквозь прихотливый узоръ безконечнаго свода и упадутъ на землю... иныя и падали, сверкая огнистой чертой. Я слѣдилъ за ними, смотрѣлъ на утонувшую въ звѣздахъ ленту млечнаго пути, думалъ о Павлухѣ и его судьбѣ... И все мнѣ казалось, что этотъ небесный путь вовсе не такъ ужъ далекъ отъ того змѣевиднаго, затерявшагося въ дикой глуши проселка, по которому уныло плелась одинокая почтовая телѣга...

Евг. Ляцкій.

ИЗЪ

„РАЗСКАЗОВЪ ПРАПОРЩИКА СТОЛЯ“

Л. Л. РУНЕБЕРГА.

БРАТЪ ТУЧИ.

Въ чащѣ лѣса хижина ютилась,
Въ сторонѣ отъ той большой дороги,
По которой шли войска на битву;
И враги туда не проникали,
И тропа, вiясь лѣсной трущобой,
Не была никѣмъ чужимъ открыта.
Только воронъ съ карканьемъ зловѣщимъ,
Только цапля, прячась въ хвойной чащѣ,
Только волкъ съ добычею кровавой,
Пробѣгая по глухимъ оврагамъ,
Вѣсть сюда несли о битвахъ грозныхъ...

Здѣсь, въ коморкѣ, за столомъ убогимъ,
Молча подъ-вечеръ сидѣлъ хозяинъ,
Отдыхая отъ дневной работы,
Въ тихой думѣ голову склонивши,
Опершись рукой на столъ дощатый...
Хмурый взоръ его блуждалъ тревожно,
Ничего кругомъ не замѣчая.
Тутъ же сынъ его сидѣлъ пріемный,

Тутъ же дочь его была родная;
Но старикъ вниманьемъ не дарилъ ихъ.
И рука съ рукой, въ глубокой думѣ,
Близко, близко прислонясь другъ къ другу,
Въ сторонѣ они сидѣли оба...

Наконецъ старикъ прервалъ молчанье.
Про себя, но все-жъ довольно ясно,
Словно думамъ тайнымъ отвѣчая,
Онъ запѣлъ... Неслось за словомъ слово...

„Королемъ лѣсовъ зовутъ медвѣдя,
Красятъ лѣсъ раскидистыя сосны;
Въ чемъ же, въ чемъ цѣль жизни человѣка?
Кто игру судьбы предугадаетъ?..
Въ зимній вечеръ въ хижину лѣсную
Ты, дитя, пришелъ искать пріюта—
Непогодой загнанная пташка;
Изъ-подъ шапки вился свѣтлый локонъ,
Таялъ снѣгъ на обуви дырявой,
Изъ-подъ куртки рваной грудь сквозила.
Кто онъ былъ—пришельца не спросили,
Не имѣлъ онъ ни родныхъ, ни крова;
Зимній вихрь примчалъ его случайно,
Былъ онъ братомъ тучѣ многоснѣжной...
Занесенъ сюда какъ снѣгъ налипшій
На ногахъ прохожаго усталыхъ...
Но тотъ снѣгъ на утро не растаялъ,
Тучи братъ—онъ не умчался съ тучей—
Мальчикъ выросъ юношею сильнымъ.
Первый годъ онъ ничего не дѣлалъ;
На второй рубилъ дрова прилежно,
А на третій—ужъ сразилъ медвѣдя,
Что сквозь чащу подобрался къ стаду.
Гдѣ-жъ теперь его отвага, удаль,
О которой шли въ лѣсахъ разсказы?
Что отцу пріемному онъ скажетъ?...“

Сумрачно сидитъ старикъ въ коморкѣ,
О войнѣ онъ думаетъ, о битвахъ...
Спасена ли родина—не знаетъ;
Крикъ орлиный, карканье воронье
Ничего ему не открываютъ;

Въ глушь лѣсную не доходятъ вѣсти,
А отважный юноша теряетъ
День за днемъ, лишь о любви мечтая...

Словно вѣтеръ пробѣжалъ по чащѣ,
Въ тишинѣ вечерней, молчаливой,
Дуновеньемъ острымъ и холоднымъ
Гладь лѣсного озера волнуя—
Въ часъ, когда не дрогнетъ листъ заснувшій
И цвѣты молчатъ въ травѣ прибрежной,
Отражаясь въ глубинѣ озерной—
Такъ, суровой рѣчью уязвленный,
Чутко вздрогнулъ юноша... смутился,
Въ сердцѣ съ болью скрылъ упрекъ отцовскій...
Вечеръ весь онъ просидѣлъ съ невѣстой,
На покой ушелъ онъ и, казалось,
Раньше всѣхъ заснулъ въ своей коморкѣ.
Но едва заря зажглась на небѣ,
Прежде чѣмъ всѣ въ домѣ пробудились,
Онъ ушелъ изъ-подъ родимой кровли.

День насталъ и солнце засіяло,—
Но въ лѣсномъ жилищѣ только двое,
Только двое за столомъ сидѣли
Въ комнаткѣ уютной за обѣдомъ,
Третьяго не видно было съ ними.
Не грустилъ еще старикъ-хозяинъ,
Дочь его не проливала слезы,
Но пропалъ для нихъ покой воскресный,
Праздникъ свѣтлый былъ уже не праздникъ...
И потомъ, когда ревѣла буря,
Клочья тучъ пересыпая градомъ,
Ласково сказалъ старикъ, вздыхая:
„Дочь моя, неблизко до селенья;
На пути ручьи, холмы, овраги,
Нѣтъ мостовъ, все залито водою...
Кто пошелъ туда на ранней зорькѣ,
Тотъ навѣрно къ ночи лишь вернется“...
Такъ онъ молвилъ; но, въ себѣ замкнувшись,
Какъ цвѣтокъ, что въ сумракѣ вечернемъ
Лепестки пугливо закрываетъ,
Дочь его молчала въ грустной думѣ.

Но недолго такъ она сидѣла;
Какъ листокъ засохнувшій—съ зарею
Блещетъ свѣжей капелькой росистой—
Такъ въ очахъ ея сверкнули слезы;
Голову склонивъ, она запѣла:
„Если сердце отвѣчаетъ сердцу,
Все вокругъ становится имъ чуждо—
Небо, солнце, родина, родные...
Міръ для нихъ особый возникаетъ,
Очи ихъ иное видятъ небо!
Каждый вздохъ взаимный имъ дороже,
Чѣмъ слова родныхъ, знакомыхъ, близкихъ...
Неземная власть въ любви таится
И ея оковы неразрывны...
Для влюбленныхъ нѣтъ пучины моря,
Нѣтъ вершинъ и горъ неодолимыхъ...
Онъ вернется, онъ вернется раньше,
Хоть его и ждешь ты поздней ночью“...

И старикъ сперва ея не понялъ,
Но потомъ, тревожась и тоскуя,
За ушедшимъ въ поиски онъ вышелъ.
Онъ оставилъ домикъ свой и тихо
По тропѣ лѣсной побрелъ навстрѣчу.
Лишь къ полудню сквозь лѣсныя дебри
До жилья ближайшаго дошелъ онъ.

Но печальна, какъ лѣсная чаща,
Молніей спаленная,—лежала
Передъ нимъ сосѣдняя усадьба.
Надъ младенцемъ, спящимъ въ колыбели,
Одинокой онъ нашелъ хозяйку.

Словно птица въ трепетномъ испугѣ,
Услыхавъ внезапно гулкій выстрѣлъ,
Крыльями взмахнетъ и встрепенется—
Такъ хозяйка, задрожавъ, вскочила,
Чуть лишь дверью стукнулъ онъ; но вскорѣ
Успокоилась, узнавъ сосѣда,
Подошла и протянула руку,
Проливая горестныя слезы.
„Ты пришелъ?“—воскликнула.—„Спасибо!
И еще за то тебѣ спасибо,

Что прислалъ къ намъ юношу на помощь,
Къ намъ, въ обитель ужаса и горя.
Сядь, отецъ мой, отдохни немного...
Все тебѣ повѣдаю я, слушай...

„Знаешь ты, война ужъ долго длится.
Грабятъ край и наши, и чужіе;
Пощаженъ лишь тотъ, кто безоруженъ.
Нашъ отрядъ—мужья, отцы и братья—
Двинулся на-дняхъ врагамъ навстрѣчу,
Весь приходъ—всѣ села и деревни...
Только счастье нашимъ измѣнило,
Разметало ихъ, какъ листья бурей,
И немногіе спаслись отъ смерти.
И враги нахлынули потокомъ,
Избивая слабыхъ, безоружныхъ,
Въ гнѣвѣ не щадя ни женъ, ни старцевъ.
И сюда пришли они съ зарею;
Чуть въ селеньи колоколъ ударилъ—
Разразилась ярость ихъ повсюду...
Нѣтъ, всего я разсказать не въ силахъ!
Мужъ былъ брошенъ связанный на землю,
Кровь текла, неистовство царило...
Помощи мы даже и не ждали...
Билась я въ рукахъ врага жестокихъ
Какъ добыча, схваченная звѣремъ.
И тогда явился вдругъ „Братъ тучи“,
Ринулся онъ смѣло къ намъ на помощь—
И его злодѣи устрашились...
И теперь сижу я—одинока—
Посреди ограбленной усадьбы...
Жду теперь я съ радостью, съ тревогой
Юношу-спасителя и мужа,
Но они не скоро возвратятся,
Далеко они враговъ прогнали“...

И поспѣшно выслушавъ хозяйку,
Всталъ старикъ, дрожа отъ нетерпѣнья;
Влекъ его невольно страхъ и ужасъ.
Не внимая просьбамъ, увѣщаньямъ,
Дальше онъ отправился—къ селенью.

За деревья ужъ спускалось солнце,
Какъ пришелъ онъ къ домику пастора,
Полный то надеждою, то страхомъ.
Дворъ широкій пустъ былъ и безлюденъ,
Словно дикій островъ въ морѣ льдистомъ.
Одного лишь стараго знакомца
Онъ увидѣлъ: у стѣны высокой
Прислонясь, сидѣлъ старикъ-причетникъ.

Тотъ, шаги услышавъ, обернулся
И, признавши друга дней давнишнихъ,
Поднялся, хоть кровь текла изъ раны.
„Нѣтъ, не все еще для насъ пропало!
Молодежь приходитъ къ намъ на смѣну,
Мужество и доблесть не изсякли.
Нынѣче здѣсь свершенъ великій подвигъ,
О которомъ внуки нашихъ внуковъ
Сохранятъ еще живую память.
Дикимъ волкомъ, алчущимъ лишь крови,
Врагъ пришелъ, побѣдой опьяненный,
Принося съ собою смерть и гибель...
О, чего, чего тутъ не случилось!
Врагъ вполнѣ насытился злодѣйствомъ,
Всѣ границы перешла свирѣпость,
Было все разграблено, разбито.
Нашъ пасторъ, нашъ благородный старецъ,
Былъ привязанъ къ двумъ конямъ горячимъ,
Чтобъ влачиться за толпою дикой.
Были скручены худыя руки
И волосъ серебряныя пряди
Падали на пыль и грязь дороги;
И безпомощенъ онъ поднялъ къ небу
Скорбный взоръ, какъ смотрятъ въ тьму ночную,
Ожидая проблеска дневного.
Богъ услышалъ! Помощь подоспѣла!
Онъ—взрощенный въ темной чащѣ лѣса,
Онъ—братъ тучи—молніею грянулъ—
И злодѣевъ, словно вихрь, разсѣялъ...
Я ужъ старъ и въ тягость всѣмъ на свѣтѣ
У другихъ изъ милости живу я,
Я какъ стволъ вконецъ грозой разбитый,
Но еще хочу я жить, чтобъ видѣть,

Какъ сюда герой вернется юный,
Отразивъ врага въ кровавой схваткѣ".

Пораженный вѣстью, задыхаясь,
Поспѣшилъ старикъ опять какъ прежде...
Ужъ съ зарей вечерней добѣжалъ онъ
До села до самаго, до церкви.
Все село въ золѣ, въ обломкахъ черныхъ
Передъ нимъ лежало; словно тучей,
Черной тучей небеса покрыло...
Только церковь на холмѣ сосѣднемъ
Посреди развалинъ возвышалась,
Свѣтъ луны игралъ на ней и скорбно
Озарялъ кругомъ опустошенье.

И на мѣстѣ схватки между труповъ
Сталъ блуждать старикъ, ища кого-то.
Смерть кругомъ царила полновластно
И ни вздохъ, ни стонъ не раздавались.
На краю сожженнаго селенья,
Гдѣ вилась пустынная дорога,
Тамъ, вдали, лежалъ боецъ отважный.
Былъ онъ раненъ, истекалъ онъ кровью,
Но отвагой взоръ его свѣтился,
Яркимъ пламенемъ горѣли щеки,
И улыбкой старика онъ встрѣтилъ.
„Слава Богу!" —молвилъ онъ.— „Спокойно
Я умру теперь отъ ранъ кровавыхъ,
Одержавши надъ врагомъ побѣду.
Слава, слава нашему герою,
И тебѣ — отцу героя — слава!
Онъ одинъ всѣхъ доблестнѣй и выше!
Нашъ отрядъ передъ врагомъ смѣшался,
Какъ овецъ испуганное стадо;
Впереди грозилъ позоръ и гибель!
Ни вождей и ни бойцовъ не стало,
Воцарился страхъ неодолимый...
И тогда онъ вышелъ къ намъ изъ чащи—
И призвалъ смущенныхъ къ новой битвѣ
Мощный голосъ юнаго героя!
И отвага насъ воспламенила,
И за нимъ мы бросились послушно,
И ряды враговъ мы разорвали,

Словно буря, что тростникъ ломаетъ.
Тамъ враги, вокругъ родимой церкви,
Полегли какъ спѣлые колосья,
Срѣзанные острыми серпами.
Тамъ, вонъ тамъ—кровавый путь героя,
За которымъ я слѣдилъ очами,
Раненый, поверженный на землю!“
Такъ сказавъ, онъ испустилъ дыханье...

Между тѣмъ и день совсѣмъ померкнулъ,
Яркій мѣсяцъ—это солнце ночи—
Освѣщалъ дорогу къ дальней церкви.
И, войдя въ ворота за ограду,
Увидалъ старикъ толпу большую,
Что стояла молча на кладбищѣ.
И никто его не встрѣтилъ взглядомъ,
И никто ему не молвилъ слова,
И никто не двинулся навстрѣчу.
Въ ихъ кружокъ вошелъ старикъ—и видитъ:
Юноша лежитъ въ кровавыхъ ранахъ,
Юноша—кого искалъ онъ—мертвый!
Межъ враговъ сраженныхъ выдѣлясь,
Мощью тѣла, облитого кровью,
Онъ лежалъ какъ дубъ, грозой разбитый...

И безъ словъ, до боли стиснувъ руки,
Блѣденъ, нѣмъ, стоялъ старикъ надъ тѣломъ,
Словно грозной молніей сраженный.
Наконецъ, онъ молвилъ въ скорби тяжкой:
„Ты погибъ, погибли всѣ надежды,
Словно градомъ сгубленная нива...
Ничего мнѣ въ мірѣ не осталось!
Мой защитникъ, жизнь моя и сила,
Горе мнѣ: тебя я вижу трупомъ!
Ты мнѣ былъ на радость посланъ небомъ,
И теперь лежишь ты бездыханенъ!“
И едва прервался голосъ старца,
Какъ явилась дочь его родная,
Молвила, вступая въ кругъ печальный:
„Я его любила; всѣхъ на свѣтѣ
Былъ онъ мнѣ дороже и милѣе.
Но вдвойнѣ онъ дорогъ мнѣ сегодня—

Бездыханный, кровью обагрённый...
Жизнь—ничто въ сравненіи съ любовью,
А любовь—ничто предъ славной смертью!“
Такъ сказала—и безъ слезъ, безъ жалобъ
Подошла къ убитому герою,
Наклонилась и платкомъ закрыла
Ликъ его израненный, холодный.
Скорбно, мрачно воины стояли,
Словно лѣсъ, не дрогнувшій вѣтвями;
Жены ихъ стояли тоже молча,
Удручаясь зрѣлищемъ печальнымъ.
И невѣста юноши сказала:
„Принесите мнѣ воды скорѣе!
Я омою кровь съ лица героя,
Я оправлю кудри золотыя,
Въ очи я взгляну ему, прощаясь.
Полюбуйтесь на него еще разъ,
На него, героя, „Брата тучи“,
Что насъ спасъ своею славной смертью!“

И старикъ, услышавъ голосъ тихій
Дочери, склонившейся надъ тѣломъ,
Отвѣчалъ съ неизреченной скорбью:
„Горе, горе, дочь моя родная!
Вся любовь и вся твоя надежда,
Твой защитникъ, братъ, супругъ любимый—
Все съ прекраснымъ юношей исчезло...
И ничто, ничто не возвратится!“

Всѣ кругомъ рыдали вмѣстѣ съ ними;
Не было холодныхъ, безучастныхъ...
Но невѣста слезы осушила,
За руку взяла она героя:
„Смолкни, скорбь, надъ этимъ юнымъ тѣломъ!
Дорогая память, будь священна!
Родина тебя, герой, оплачетъ
Свѣжею росой, кристально-чистой,
Полной мира, тишины, покоя,
Блещущей предутренней зарею!“

Со швед. В. Лебедевъ.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ВЪ

ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ

И ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЕЯ ГОСУДАРСТВАХЪ

I.

Вопросъ объ избирательномъ правѣ является рѣшительно однимъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе спорныхъ въ области государственной, если можно такъ выразиться, техники. Обусловливая составъ парламентовъ, избирательное право служитъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ лицъ или слоевъ общества, которые имѣютъ возможность имъ пользоваться. Понятно, что чѣмъ шире избирательное право, чѣмъ больше, другими словами, кругъ избирателей, тѣмъ болѣе избираемый парламентъ будетъ находиться въ соприкосновеніи и зависимости отъ широкихъ массъ населенія. Въ такихъ случаяхъ, когда всѣ граждане государства, достигшіе опредѣленнаго возраста и ни въ чемъ не нарушившіе законовъ своей страны, пользуются правомъ голоса на выборахъ въ парламентъ, настроеніе и дѣятельность законодательнаго собранія должны соотвѣтствовать численному отношенію разныхъ партій среди самого народа. Распредѣленіе политическихъ партій,—т.-е. численность ихъ членовъ,—въ парламентѣ должно такимъ образомъ, при неограниченномъ никакими сословными или имущественными привилегіями избирательномъ правѣ, вполнѣ соотвѣтствовать численному отношенію приверженцевъ этихъ пар-

тійныхъ программъ среди избирателей. Такое широкое, дѣйствительно всеобщее, избирательное право дало бы возможность осуществить идеалъ Мирабо, по мѣткому выраженію котораго „составъ законодательнаго собранія долженъ быть для народовъ тѣмъ же, чѣмъ является географическая карта для поверхности страны". По смыслу этого великолѣпнаго изреченія, парламентъ долженъ съ такой же точностью отражать въ своемъ составѣ всѣ оттѣнки политической мысли въ данномъ государствѣ, съ какой географическій атласъ передаетъ неровность почвы, изгибы рѣкъ и т. д.

Напротивъ, чѣмъ ограниченнѣе избирательное право, чѣмъ уже кругъ лицъ, допускаемыхъ имъ въ качествѣ полноправныхъ избирателей, тѣмъ менѣе будетъ избираемый на такихъ основаніяхъ парламентъ отражать настроеніе и желаніе всего народа, а будетъ лишь выразителемъ политическихъ взглядовъ привилегированнаго класса, по какимъ-либо причинамъ захватившаго въ свои руки право оказывать вліяніе на ходъ государственнаго законодательства.

Естественно, поэтому, что избирательное право должно было всегда служить предметомъ ожесточенной борьбы между широкими массами населенія и привилегированными сословіями. Первыя, сознавая, что безъ всеобщей и равной подачи голосовъ онѣ фактически становятся quantité négligeable въ государствѣ, постоянно требуютъ все большаго расширенія избирательнаго права и низведенія необходимыхъ ограниченій до возможнаго минимума. Привилегированные же классы, чувствуя, что при установленіи такого избирательнаго права, которое предоставляло бы всякому гражданину, независимо отъ какихъ бы то ни было преимуществъ сословнаго, имущественнаго или другого какого-нибудь характера, одинаковыя политическія права, должно неминуемо подорвать ихъ господствующее положеніе и низвести ихъ на степень, которую они занимаютъ по своей численности въ данномъ государствѣ, —конечно, эти классы стараются сохранить выгоды занимаемаго ими положенія и всячески препятствуютъ расширенію избирательныхъ правъ непривилегированныхъ сословій. Мотивируютъ они свои требованія о сохраненіи обезпечивающихъ ихъ господство законовъ главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что гражданинъ какой-нибудь страны не есть просто ариѳметическая единица, которой должны быть присущи одинаковыя права. Гражданинъ долженъ, по ихъ аргументаціи, быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія его важности для государства, т.-е. во вниманіе должно приниматься прежде всего положеніе, занимаемое имъ

въ государственномъ организмѣ сообразно его имущественному, сословному или образовательному цензу. Демократическія же партіи, требующія неограниченнаго равнаго избирательнаго права для всѣхъ, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что разъ всѣ граждане имѣютъ одинаковыя обязанности по отношенію къ государству, особенно по отбыванію воинской повинности, они вправѣ требовать и одинаковыхъ для всѣхъ политическихъ правъ Если же высшіе классы занимаютъ въ государствѣ болѣе выгодное положеніе, благодаря своему имуществу или образованію, то государство не должно придавать имъ еще большую силу, создавая избирательное право исключительно въ ихъ интересахъ.

Къ борьбѣ между этими обоими взглядами и сводится въ сущности борьба изъ-за избирательнаго права. Въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ, напр. Франціи и Англіи, восторжествовала въ концѣ концовъ демократическая, народная точка зрѣнія, и всеобщее равное избирательное право является въ нихъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго строя. Мы при этомъ, конечно, оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько справедлива и соотвѣтствуетъ своему названію система всеобщей и равной подачи голосовъ, если она лишаетъ права голоса женщинъ, не вводитъ представительства меньшинства по пропорціональной системѣ и т. д. Эти недочеты всеобщаго избирательнаго права еще сравнительно мало проникли въ сознаніе народа; поэтому еще немало времени потребуется, по всей вѣроятности, пока въ существующія теперь избирательныя системы будутъ внесены соотвѣтствующія поправки.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Германіи. Вслѣдствіе того, что эта страна носитъ двойственный характеръ, являясь, съ одной стороны, объединенной имперіей, а съ другой—союзомъ во многихъ отношеніяхъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга государствъ,—въ ней культурный и политическій уровень объединеннаго цѣлаго нисколько не соотвѣтствуетъ государственному строю отдѣльныхъ частей, отчасти опережая какую-нибудь отдѣльную изъ нихъ, отчасти оставаясь позади. Отражается это и на вопросѣ объ избирательномъ правѣ, который теперь на очереди во всѣхъ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Для общеимперскаго парламента, такъ-называемаго рейхстага, принята система всеобщаго и равнаго избирательнаго права, для выборовъ же въ парламенты отдѣльныхъ государствъ, такъ-называемые ландтаги, избирательное право ограничено во многихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе и система выборовъ въ рейхстагъ отнюдь не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней слѣдуетъ

предъявлять какъ къ системѣ, носящей названіе всеобщей и равной подачи голосовъ, какъ мы это ниже докажемъ. Гораздо ниже еще избирательныя права въ ландтаги, особенно въ Пруссіи и Саксоніи.

И вотъ, теперь въ Германіи вопросъ объ избирательномъ правѣ находится въ слѣдующемъ положеніи: демократическія партіи стремятся къ улучшенію избирательнаго права въ рейхстагъ и расширенію этого права и на ландтаги. Реакціонныя же партіи упорно придерживаются своихъ привилегій и не только всячески затрудняютъ осуществленіе избирательной реформы въ отдѣльныхъ ландтагахъ, но и дѣлаютъ всевозможныя попытки, явныя и тайныя, замѣнить систему всеобщей и равной подачи голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ какой-нибудь другой системой, направленной противъ широкихъ массъ населенія. Постараемся дать въ общихъ чертахъ изложеніе борьбы между демократическимъ и реакціоннымъ лагерями какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ отдѣльныхъ ландтагахъ.

Когда въ 1867 году собрался сѣверо-германскій союзъ, служившій базисомъ для объединенной Германіи, Бисмаркъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы выборы въ союзный парламентъ были всеобщіе и прямые (безъ посредства спеціально выбираемыхъ для этой цѣли делегатовъ, такъ-называемыхъ Wahlmänner, какъ это дѣлается на выборахъ въ ландтаги), на основаніи закона, принятаго франкфуртскимъ парламентомъ 12-го февраля 1849 г. Бисмарка подозрѣвать въ какихъ бы то ни было демократическихъ тенденціяхъ, конечно, нельзя, и если онъ все-таки предложилъ систему всеобщей, равной и прямой подачи голосовъ, то онъ это сдѣлалъ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ. Онъ зналъ, что при объединеніи Германіи ему придется преодолѣть немало препятствій. Между тѣмъ либеральныя партіи, мечтавшія объ объединеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ требовали и демократическаго избирательнаго закона, и, можетъ быть, охладѣли бы къ идеѣ объединенія подъ гегемоніей Пруссіи, еслибъ единство Германіи должно было быть куплено цѣной реакціонной избирательной системы. Бисмаркъ рѣшился потому удовлетворить въ этомъ отношеніи либераловъ, которые вслѣдствіе того даже въ настроенныхъ враждебно противъ Пруссіи южно-германскихъ государствахъ доставили многихъ сторонниковъ преобладанія Пруссіи во вновь созданномъ союзѣ.

Кромѣ того, Бисмаркъ еще находился подъ свѣжимъ впе-

чатлѣніемъ только-что пережитаго знаменитаго „конфликта“ съ прусскимъ ландтагомъ. На этомъ примѣрѣ онъ убѣдился, что и *палата, избираемая на основаніи чрезвычайно неблагопріятнаго для широкихъ массъ населенія избирательнаго права*, можетъ причинить правительству немало непріятностей.

Въ этомъ отношеніи очень характерна рѣчь, произнесенная имъ 28-го марта 1867 г. въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, и въ которой онъ мотивировалъ необходимость всеобщаго избирательнаго права. „Законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ,—сказалъ онъ,—достался намъ въ наслѣдство отъ эпохи движенія въ пользу объединенія. За него высказался франкфуртскій парламентъ, въ 1863 году мы его требовали, вопреки желаніямъ Австріи, и я долженъ заявить: я, по крайней мѣрѣ, *лучшаго* закона не знаю“. Чѣмъ можно было бы замѣнить всеобщее избирательное право?—спрашиваетъ онъ дальше,—неужели прусской трехразрядной системой? Тотъ, кто имѣлъ возможность изучать вблизи послѣдствія, къ которымъ приводитъ эта система, и сочетанія партій, благодаря ей происходящія, тотъ не можетъ не сказать, заявилъ Бисмаркъ, „что болѣе безсмысленной и жалкой (ein widersinnigeres und elenderes System) системы не было изобрѣтено ни въ одномъ государствѣ. Еслибъ авторъ прусскаго избирательнаго закона могъ себѣ представить всѣ его трагическія послѣдствія, онъ бы его, конечно, никогда не выдумалъ“. „Впрочемъ, — говоритъ Бисмаркъ въ концѣ своей рѣчи, — въ общемъ, при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ и вліяніяхъ, всѣ избирательные законы даютъ одни и тѣ же результаты“.

Предложеніе Бисмарка почти не вызвало противорѣчія, и только депутатъ фонъ-Зибель высказался противъ предлагаемаго избирательнаго права на томъ основаніи, что,—какъ показываетъ, по его мнѣнію, исторія,—всеобщая, прямая и равная подача голосовъ всегда являлась началомъ гибели парламентаризма. Большинство высказалось за правительственное предложеніе, и всеобщее избирательное право было принято для парламента сѣверо-германскаго союза, а затѣмъ, по объединеніи Германіи, и для обще-имперскаго рейхстага на основаніи регламента, опубликованнаго союзнымъ совѣтомъ 31-го мая 1869 г., и затѣмъ дополненнаго при присоединеніи Эльзаса-Лотарингіи и Гельголанда. Сообразно переписи 1867 г., вся Германія раздѣлена на 397 избирательныхъ округовъ, считая по 100.000 жителей на округъ. Избирателемъ можетъ быть всякій нѣмецкій гражданинъ старше 25 лѣтъ, не находящійся подъ опекой, не объявлен-

ный несостоятельнымъ должникомъ, не получающій пособія изъ благотворительныхъ учрежденій и не лишенный правъ за какія-нибудь преступленія. Кромѣ того, отъ подачи голосовъ на выборахъ должны воздерживаться лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ. Эта мѣра объясняется принципомъ, что армія должна находиться совершенно въ сторонѣ отъ партійной политической борьбы.

Система эта въ общемъ удовлетворяла бы всѣмъ демократическимъ требованіямъ, еслибы не содержала одного пункта, который до извѣстной степени совершенно парализуетъ всеобщую подачу голосовъ, именно сохраненіе размѣровъ и числа округовъ соотвѣтственно переписи 1867 г. Съ тѣхъ поръ народонаселеніе Германіи увеличилось на 18 милліоновъ и составляетъ, по переписи 1-го декабря 1900 г., 56.367.178 жителей. Въ то время, какъ во Франціи, напр., увеличеніе народонаселенія влечетъ за собою и соотвѣтствующее увеличеніе числа депутатовъ парламента, въ Германіи съ этимъ фактомъ совершенно не считаются. Это бы еще не было большой бѣдой, еслибы увеличеніе народонаселенія въ Германіи произошло равномѣрно, т.-е. одинаково выросли бы какъ сельскіе, такъ и городскіе избирательные округи. Тогда бы все дѣло свелось къ тому, что одинъ депутатъ приходится не на 100.000 жителей, а приблизительно на 142.000, что еще не являлось бы очевидной несправедливостью.

На самомъ же дѣлѣ увеличеніе народонаселенія происходило въ Германіи далеко не равномѣрно. За тридцать лѣтъ, истекшихъ со времени объединенія въ одну имперію, Германія изъ страны по преимуществу земледѣльческой превратилась въ типичную страну съ обрабатывающей промышленностью. Вслѣдствіе этого, сильно выросли города, становясь крупными фабричными центрами и притягивая необходимыя рабочія руки изъ деревень, населеніе которыхъ, слѣдовательно, уменьшалось относительно, а во многихъ случаяхъ и абсолютно. На политической же географіи Германіи, т.-е. на распредѣленіи избирательныхъ округовъ, этотъ ростъ населенія города въ ущербъ деревни нисколько не отразился, и округи остаются до сихъ поръ безъ измѣненія, такъ что теперь насчитывается 74 округа съ населеніемъ мѣньшимъ, чѣмъ 100.000 жителей, а 36 округовъ — съ населеніемъ большимъ, чѣмъ 200.000. Особенно бросается въ глаза неравномѣрность величины округовъ, если сопоставить десять самыхъ густонаселенныхъ округовъ съ десятью самыми малолюдными, какъ это и дѣлаемъ въ слѣдующей таблицѣ (латинскія цифры при названіи городовъ обозначаютъ нумерацію даннаго округа,

напр. Берлинъ VI = шестой берлинскій избирательный округъ и т. д.).

10 самыхъ большихъ округовъ:

Берлинъ VI.	= 696.608	жителей.
Тельтовъ-Бестовъ-Сторковъ	= 609.444	„
Бохумъ	= 566.813	„
Берлинъ IV.	= 464.583	„
Гамбургъ III	= 448.614	„
Лейпцигъ-Ландъ	= 421.749	„
Мюнхенъ II	= 421.102	„
Дортмундъ	= 406.434	„
Эссенъ	= 402.941	„
Дуисбургъ	= 389.835	„
Въ среднемъ на одинъ изъ этихъ самыхъ крупныхъ округовъ приходится	490 812	жителей.

10 наименьшихъ округовъ:

Шаумбургъ-Липпе	= 43.132	жителя.
Вальдекъ	= 57.918	„
Левенбергъ	= 60.355	„
Рапполтсвейлеръ	= 61.064	„
Гебвейлеръ	= 61.344	„
Дейчъ-Кроне	= 63.908	„
Зигмарингенъ	= 66.780	„
Кобургъ	= 66.814	„
Остъ-Пригницъ	= 67.362	„
Рейссъ (старшая линія)	= 68.396	„
Въ среднемъ на каждый изъ этихъ наименьшихъ округовъ приходится	61.702	жителя.

Несправедливость сохраненія устарѣлаго распредѣленія округовъ вполнѣ ясно вытекаетъ изъ только-что приведенныхъ цифръ и едвали нуждается въ комментаріяхъ. Еслибы и теперь каждые 100.000 жителей посылали по одному депутату въ рейхстагъ, какъ это первоначально требовалось конституціей, округъ Берлинъ VI долженъ былъ бы выбирать 7 депутатовъ вмѣсто одного. Такъ какъ въ среднемъ на четырехъ жителей приходится по одному избирателю, то изъ приведенной нами таблицы вытекаетъ, что голосъ одного избирателя въ Шаумбургъ-Липпе имѣетъ такое же значеніе на выборахъ, какъ голоса 15-ти избирателей въ округѣ Берлинъ VI.

Демократическія партіи уже неоднократно вносили въ рейхстагъ предложенія о перераспредѣленіи округовъ сообразно перемѣнамъ, происшедшимъ въ составѣ народонаселенія. Однако, консервативныя партіи и центръ объ этой реформѣ и слышать

не хотятъ. Дѣло въ томъ, что еслибы округа были раздѣлены равномѣрно, то искусственный перевѣсъ малонаселенныхъ сельскихъ округовъ надъ густонаселенными городскими исчезъ бы, и въ рейхстагѣ рѣшающими партіями стали бы тѣ, которыя и теперь являются представителями городскихъ жителей. Эти партіи, которыя составляютъ лѣвую рейхстага, теперь обречены на безпомощную оппозицію, такъ какъ въ общей сложности всѣ группы лѣвой являются меньшинствомъ, въ то время какъ консервативныя партіи, а въ значительной степени и центръ, вербуютъ своихъ приверженцевъ среди жителей сельскихъ округовъ, занимающихся по преимуществу земледѣліемъ. Благодаря тому, что устарѣлое раздѣленіе на избирательные округи въ Германіи сохранилось еще и донынѣ, консерваторы и аграріи разныхъ оттѣнковъ могутъ составлять большинство въ рейхстагѣ, могутъ предписывать правительству экономическую политику, преслѣдующую исключительно интересы аграріевъ въ ущербъ интересамъ всей страны, и вообще играть въ законодательствѣ роль, отнюдь не соотвѣтствующую ни ихъ дѣйствительному численному отношенію ко всему остальному населенію, ни ихъ важности для общегерманскаго народнаго хозяйства. Справедливое распредѣленіе округовъ было бы одной изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ для уничтоженія господства консерваторовъ и аграріевъ, господства, котораго нельзя не назвать неестественнымъ, принимая во вниманіе весь складъ экономической и культурной жизни Германіи. Понятно, поэтому, почему консервативныя партіи такъ цѣпко держатся за это раздѣленіе округовъ, несправедливость котораго очевидна для всякаго. Оно—одно изъ условій ихъ могущества и совершенно устраняетъ во многихъ отношеніяхъ столь опасное для ихъ преобладанія всеобщее избирательное право.

Есть еще важный вопросъ, который демократическими партіями считается однимъ изъ главныхъ недостатковъ существующаго избирательнаго права для рейхстага, но, тѣмъ не менѣе, упорно обходится консервативными партіями, даже частью національ-либеральной партіей. Это — вопросъ о „діэтахъ“, т.-е. о жалованьи для депутатовъ рейхстага. По § 32 конституціи, депутаты рейхстага никакого вознагражденія не получаютъ, между тѣмъ какъ членамъ отдѣльныхъ ландтаговъ выдается опредѣленный окладъ. Бисмаркъ, а за нимъ и вся консервативная партія, утверждалъ, что отсутствіе жалованья для депутатовъ будетъ служить гарантіей противъ появленія въ рейхстагѣ людей, занимающихся политикой ради заработка. На самомъ дѣлѣ этой мѣрой консерваторы хотѣли предупредить избраніе представителей

соціаль-демократической партіи, полагая, что, при отсутствіи діэтъ, свои кандидатуры выставятъ только люди, матеріально настолько обезпеченные, что они въ состояніи заниматься политическими дѣлами безъ ущерба для своихъ личныхъ дѣлъ, т.-е. принадлежащіе къ сословіямъ, съ соціаль-демократіей обыкновенно ничего общаго не имѣющимъ. Отсутствіе вознагражденія для депутатовъ рейхстага является, какъ и открыто высказываются консервативные ораторы и органы печати, необходимой поправкой всеобщаго избирательнаго права, до извѣстной степени парализующей возможныя, благодаря ему, злоупотребленія.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что и правительство, повидимому, приходитъ мало-по-малу къ заключенію о необходимости введенія діэтъ. По крайней мѣрѣ, въ печать все чаще и чаще проникаютъ извѣстія о томъ, что правительство готово согласиться на удовлетвореніе этого неоднократно выраженнаго требованія большинства рейхстага. Да и было бы странно, еслибы оно не пришло къ такому рѣшенію. Сдѣлать появленіе депутатовъ соціаль-демократической партіи невозможнымъ благодаря отсутствію жалованья не удалось по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что эта партія, какъ и свободомыслящая народная партія, вознаграждаетъ своихъ депутатовъ изъ средствъ партійной кассы. Единственный результатъ, къ которому привело отсутствіе діэтъ, тотъ, что въ рейхстагѣ почти никогда не бываетъ налицо достаточнаго числа членовъ; многіе депутаты пріѣзжаютъ только въ экстренныхъ случаяхъ, когда для исхода голосованія необходимъ голосъ каждаго члена, и вожди партіи срочными телеграммами сзываютъ своихъ сторонниковъ, которые и появляются не для того, чтобы принять участіе въ дебатахъ, а лишь для подачи голоса, послѣ чего они немедленно возвращаются къ себѣ домой. Значитъ, въ то время, когда соціаль-демократическіе депутаты чрезвычайно добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, такъ какъ ихъ партія даетъ имъ возможность оставлять во время сессіи свои личныя дѣла и всецѣло предаться работамъ рейхстага, большей части депутатовъ консервативныхъ партій, центра и т. д., почти никогда нѣтъ въ рейхстагѣ, такъ какъ они не могутъ отвлекаться отъ своихъ личныхъ занятій. Поэтому есть очень много вѣроятностей въ пользу мнѣнія, что правительство въ скоромъ времени согласится на назначеніе діэтъ, несмотря на противодѣйствіе консерваторовъ.

Но въ то время, когда всѣ усилія демократическихъ партій направлены къ устраненію недостатковъ существующаго всеобщаго избирательнаго права съ тѣмъ, чтобы принятая для

германскаго рейхстага система выборовъ дѣйствительно соотвѣтствовала своему названію, реакціонныя партіи, напротивъ, всячески стараются не только мѣшать улучшенію уже существующаго права, но даже еще ухудшить его или замѣнить чѣмъ-нибудь вродѣ избирательнаго права для прусскаго ландтага. Главнымъ аргументомъ въ пользу необходимости ограниченія всеобщей и равной подачи голосовъ является для нихъ ростъ какъ голосовъ, поданныхъ на выборахъ за соціаль-демократическую партію, такъ и числа депутатовъ ея въ рейхстагѣ. Разъ въ рейхстагѣ, благодаря всеобщей и равной подачѣ голосовъ, съ каждой сессіей увеличивается число депутатовъ крайней лѣвой, разъ, слѣдовательно, „антигосударственные элементы“, какими являются, съ точки зрѣнія консервативныхъ партій, приверженцы соціаль-демократической фракціи, пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на законодательство, то прямымъ долгомъ правительства должно быть лишеніе „враговъ порядка“ ихъ могучаго орудія, т.-е. уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права.

Дѣйствительно, число приверженцевъ соціаль-демократической партіи какъ среди избирателей, такъ и въ рейхстагѣ, сильно возросло, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы выборовъ въ рейхстагъ:	Число избирателей:	Число поданныхъ голосовъ:	Число голосовъ, поданныхъ за соціаль-демократическую партію:	Число депутатовъ соціаль-демократической партіи:
1871	7.656.273	3.884 803	113.048	2
1874	8.523.446	5.190.254	350.861	9
1877	8.943.028	5.401.021	493.258	12
1878	9.124.311	5.760 947	437.158	9
1881	9.090.381	5.097.760	311.961	12
1884	9.383.074	5.662.957	549.990	24
1887	9.769.802	7.540.938	763.128	11
1890	10.145.877	7.228 512	1.427.298	35
1893	10.628.292	7.673.973	1.786.738	44
1898	11.441.094	7 752.693	2.107.076	57
1903	12.531.210	9.533.826	3.010.771	81

Итакъ, въ то время, когда число избирателей увеличилось меньше чѣмъ вдвое, число соціаль-демократическихъ голосовъ возросло почти въ 30 разъ, и въ такой же почти пропорціи увеличилась и сила ихъ партіи въ рейхстагѣ. Особенно ошеломилъ противниковъ всеобщей подачи голосовъ исходъ выборовъ 1903 г. Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, число соціаль-демократическихъ избирателей увеличилось сразу на

900.000 человѣкъ—явленіе, почти небывалое въ исторіи парламентаризма! Еще болѣе поражаетъ побѣда соціаль-демократіи, если принять во вниманіе, напр., тотъ фактъ, что изъ 23 избирательныхъ округовъ, на которые раздѣлено саксонское королевство, этой партіи досталось не меньше 22-хъ, и только одинъ округъ остался въ рукахъ ея противниковъ!

Убѣжденные, что „государство—это мы“, консервативныя партіи все энергичнѣе начинаютъ нападать на всеобщее избирательное право. Ихъ почти открыто поддерживаетъ національ-либеральная партія, которая хотя оффиціально и заявляетъ, что никогда не допуститъ ухудшенія избирательнаго права, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ далеко ему не такъ предана. Это ясно доказываетъ поведеніе національ-либераловъ при обсужденіи проектовъ реформы избирательнаго права въ отдѣльныхъ ландтагахъ, какъ мы увидимъ ниже, но и относительно рейхстага изъ ихъ рядовъ раздаются все болѣе и болѣе подозрительные голоса. Вообще про національ-либеральную партію можно сказать, что если часть ея, особенно такъ называемые „молодые либералы“ (Jungliberale), и осталась вѣрна традиціямъ либерализма, большинство ея приверженцевъ съ дѣйствительнымъ свободомысліемъ ничего, кромѣ имени, общаго не имѣетъ. Ограничимся приведеніемъ наиболѣе характерныхъ мнѣній политиковъ и печати консервативныхъ и національ-либеральной партіи относительно всеобщаго избирательнаго права.

Въ прусской палатѣ господъ членъ консервативной фракціи графъ Мирбахъ заявилъ 28-го марта 1895 г.: „Во всѣхъ сельскихъ округахъ населеніе съ восторгомъ привѣтствовало бы тотъ день, когда имперское правительство рѣшилось бы назначить новые выборы въ рейхстагъ на основаніи новаго избирательнаго права. День этотъ долженъ наступить какъ можно скорѣе! Задача трудная, но Александръ Македонскій тоже стоялъ передъ трудной задачей и все-таки разрѣшилъ ее“. Въ этомъ указаніи на исторію съ Гордіевымъ узломъ слѣдуетъ усмотрѣть совѣтъ прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ и къ оружію. Почти то же самое сказалъ тамъ же 30-го марта 1895 г. глава такъ называемой свободно-консервативной партіи, графъ Франкенбергъ: „Я надѣюсь, что скоро будетъ созванъ новый рейхстагъ, который долженъ будетъ обсудить новое избирательное право, такъ какъ при нынѣ дѣйствующемъ мы дольше существовать не можемъ“. Въ такомъ же духѣ высказывались и разные другіе представители консервативной и свободно-консервативной фракцій: баронъ

Штуммъ, баронъ Цедлицъ, графъ Пфейль, фонъ-Кардорфъ, графъ Лимбургъ-Стирумъ и т. д.

Органъ національ-либеральной партіи, „Nationalzeitung“, пишетъ 19-го мая 1895 г.: „Вырожденіе парламентовъ объясняется прежде всего расширеніемъ избирательнаго права. Всеобщая подача голосовъ ведетъ все къ бо̀льшему одичанію въ политикѣ. Разлагающему и разрушающему вліянію всеобщаго избирательнаго права должно быть противопоставлено сильное правительство“.

Особенно усилились нападки на всеобщее избирательное право во время борьбы изъ-за таможеннаго тарифа въ 1902 г. и послѣ послѣднихъ выборовъ въ 1903 г. При обсужденіи тарифа, консервативный депутатъ фонъ-Крехеръ заявилъ въ рейхстагѣ, что „соціаль-демократы должны быть не субъектомъ законодательства, а объектомъ его“, т.-е., другими словами, предложилъ лишить приверженцевъ крайней лѣвой права голоса и исключить ихъ представителей изъ рейхстага. За нѣсколько дней до послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, о̀рганъ саксонской консервативной партіи „Vaterland“ писалъ: „Еслибы можно было предположить, что всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ сдѣлаетъ легковѣрный народъ жертвой всякихъ соблазнительныхъ теорій, что лучшія части населенія все больше будутъ, благодаря ей, лишены возможности принимать активное участіе въ законодательствѣ, едва ли этотъ зажигательный факелъ былъ бы положенъ въ основу нашего государственнаго строя“. Этотъ самый о̀рганъ сильно нападалъ послѣ выборовъ на саксонское правительство за то, что оно, напуганное результатами выборовъ въ рейхстагъ, рѣшилось предложить лучшую избирательную систему для саксонскаго ландтага, надѣясь этимъ путемъ вновь привлечь на свою сторону озлобленные трудящіеся классы. По мнѣнію же „Vaterland“, правительство должно не расширять политическія права въ Саксоніи, а напротивъ, приложить всѣ свои старанія въ союзномъ совѣтѣ (Bundesrath), чтобы избирательное право въ рейхстагѣ было ограничено. Консервативный журналъ „Grenzbote“, обсуждая результаты выборовъ, говоритъ: „Равенство, достигаемое всеобщимъ избирательнымъ правомъ и низводящее населеніе къ безформенной массѣ, противорѣчитъ духу нѣмецкаго народа“. Другой консервативный журналъ, „Reichsbote“, говоритъ: „Разъ нельзя сомнѣваться во вредныхъ послѣдствіяхъ всеобщаго избирательнаго права, то прямой долгъ убѣжденныхъ въ этомъ открыто высказать свое мнѣніе и стараться его реформировать“. „Reichsbote“ отрицаетъ при этомъ, что онъ хочетъ лишить трудящіеся

классы ихъ политическихъ правъ, но увѣряетъ, что желаетъ лишь такой избирательной системы, которая не позволила бы революціоннымъ элементамъ захватить власть въ свои руки. Подобныя же мысли высказывались на засѣданіяхъ 11-го и 13-го мая 1904 г. въ прусской палатѣ господъ фонъ-Мирбахомъ и фонъ-Мантейфелемъ.

Вскорѣ послѣ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ обнаружилось, что представители разныхъ реакціонныхъ лагерей объединились для того, чтобы вызвать агитацію противъ всеобщаго избирательнаго права. Веденіе агитаціи въ пользу замѣны этого права множественнымъ вотумомъ (Pluralrecht), который доставилъ бы высшимъ классамъ преобладающее вліяніе благодаря имущественному цензу и т. д., было поручено нѣкоему д-ру Гизебрехту. Между лицами, подписавшими воззваніе, есть депутаты, принадлежащіе къ свободно-консервативной партіи, и цѣлый рядъ крупныхъ фабрикантовъ и негоціантовъ, очень близко стоящихъ къ національ-либеральной партіи. Не желая себя скомпрометтировать, національ-либеральныя газеты поспѣшили заявить, что партія не можетъ отвѣчать за каждаго отдѣльнаго члена. „Всеобщая подача голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ,—пишетъ „Nationalliberale Correspondenz“,—пустила такіе глубокіе корни въ жизни и политическихъ условіяхъ германскаго народа, что болѣе или менѣе радикальныя измѣненія этой системы немыслимы безъ глубокихъ потрясеній нашего соціальнаго и политическаго строя. Даже консерваторы примирились уже съ ней, а о національной партіи и говорить нечего“.

Приведенныхъ нами отрывковъ достаточно для того, чтобы доказать, что консерваторы нисколько не примирились съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. А что и у національ-либераловъ совѣсть не чиста въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что ихъ партія не выразила порицанія одному изъ своихъ членовъ, депутату Земмлеру, открыто требовавшему нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограниченія избирательнаго права въ рейхстагъ. Еще недавно депутатъ этой же партіи въ прусскомъ ландтагѣ, фабрикантъ Менкъ, заявилъ, что онъ—противъ всеобщей подачи голосовъ, а затѣмъ повторилъ это, въ концѣ апрѣля 1904 г., въ статьѣ въ „Hamburger Correspondent“. Въ этой статьѣ онъ говоритъ, что даже ничего не имѣетъ противъ насильственнаго государственнаго переворота для подавленія „красной (т.-е. соціаль-демократической) или черной (т.-е. клерикальной) интернаціональной партіи“, но что онъ надѣется, что нѣмецкая буржуазія еще настолько сильна, что ей удастся *законнымъ* путемъ

отмѣнить всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосовъ. Въ кругахъ фабрикантовъ и промышленниковъ, ремесленниковъ и сельскихъ хозяевъ, чиновниковъ и ученыхъ, говоритъ Менкъ, очень мало убѣжденныхъ сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права, и если это не высказывается открыто, то только потому, что одинъ стѣсняется другого и не рѣшается отстаивать свои убѣжденія.

Изъ всего изложеннаго ясно, что всеобщее избирательное право вовсе не такъ прочно уже укоренилось, какъ это можно было бы полагать. Враги его только ждутъ подходящаго момента, появленія представителя сильнаго правительства, того, что̀ называется въ Германіи „der starke Mann“, чтобы уничтожить или ограничить это ненавистное имъ право. Демократическія партіи, слѣдовательно, должны быть постоянно на сторожѣ, такъ какъ борьба можетъ при первомъ же удобномъ случаѣ загорѣться. Къ консерваторамъ и свободнымъ консерваторамъ пристанетъ въ такомъ случаѣ большинство національ-либераловъ и, пожалуй, немало депутатовъ центра, такъ что отстоять эту необходимую предпосылку парламентскаго строя будетъ задачей не изъ легкихъ.

Переходя къ изложенію вопроса объ избирательномъ правѣ въ отдѣльныхъ ландтагахъ, намъ придется прежде всего остановиться на Пруссіи, какъ самомъ крупномъ по народонаселенію и вліянію государствѣ германской имперіи. Мы уже выше привели отзывъ Бисмарка о прусскомъ избирательномъ правѣ и можемъ только сказать, что лучше его охарактеризовать нельзя было:—такой безсмысленной избирательной системы, вѣроятно, дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ, несмотря на то, что еще недавно прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Гаммерштейнъ, заявилъ въ ландтагѣ, что „ни одна избирательная система не отражаетъ такъ вѣрно настроенія всего общества, какъ трехразрядная система (Dreiklassensystem)“. Изъ нижеслѣдующихъ строкъ станетъ ясно, кто былъ болѣе правъ въ своей оцѣнкѣ прусскаго избирательнаго права, Бисмаркъ или Гаммерштейнъ.

Выборы въ прусскій ландтагъ производятся на основаніи „временнаго“ избирательнаго закона 30-го мая 1849 г., замѣнившаго законъ 8-го апрѣля 1848 г., по которому всякій прусскій гражданинъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, допускался, безъ всякихъ ограниченій, къ подачѣ голоса. Реакціонное министерство Бранденбургъ-Мантейфеля отмѣнило этотъ законъ, санкціонировавшій всеобщее избирательное право, и замѣнило его,

30-го мая 1849 г., трехразрядной системой, по которой избиратели раздѣляются на три разряда сообразно уплачиваемымъ ими налогамъ такимъ образомъ, что каждый разрядъ соотвѣтствуетъ $^1/_3$ всей суммы вносимыхъ налоговъ. Въ первый разрядъ или классъ попадаютъ, слѣдовательно, наиболѣе богатые избиратели, во второй—менѣе богатые, а въ третій—остальные плательщики, вмѣстѣ съ тѣми гражданами, которые не вносятъ никакихъ прямыхъ налоговъ. Выборы—не прямые, а косвенные, т.-е. избиратели (Urwähler) выбираютъ выборныхъ посредниковъ (Wahlmänner), а эти послѣдніе уже въ свою очередь выбираютъ депутатовъ. На 250 избирателей приходится одинъ выборный посредникъ. Каждый разрядъ избирателей назначаетъ равное число посредниковъ, совершенно независимо отъ числа избирателей, изъ которыхъ онъ состоитъ. Такъ какъ при этихъ выборахъ подача голосовъ происходитъ открыто, а не тайно, то избирательные округи раздѣлены, для облегченія контроля, на участки (Urwählerbezirke), которые должны содержать не меньше 750 и не больше 1.749 избирателей. Выборные посредники избираютъ депутатовъ опять-таки открытой, а не тайной подачей голосовъ.

Этотъ законъ до сихъ поръ остался безъ существенныхъ измѣненій. Только законъ 18-го сентября 1893 г., оказавшійся необходимымъ вслѣдствіе введенія въ Пруссіи прогрессивнаго подоходнаго налога, по которому доходы ниже 900 марокъ въ годъ освобождены отъ обложенія, внесъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ технику выборовъ. Такъ какъ огромное большинство рабочихъ и крестьянъ получаетъ въ годъ меньше 900 марокъ доходу и было бы лишено, слѣдовательно, возможности вотировать, то, по закону 1893 г., всѣ лица, освобожденныя отъ взноса подоходнаго налога, внесены въ списки избирателей третьяго разряда, причемъ за ними считается фиктивный взносъ въ три марки. Этотъ фиктивный налогъ даетъ бѣднѣйшему классу населенія право подавать свой голосъ на выборахъ, но мы сейчасъ же увидимъ дальше, что это право для него опять-таки сводится къ фикціи, какъ и налогъ, которымъ онъ, будто бы, обложенъ. Кромѣ того, законъ 1893 г. постановилъ, что раздѣленіе избирателей по имущественному цензу должно производиться не по цѣлому округу, а по каждому избирательному участку (Urwahlbezirk) отдѣльно. Общее число депутатовъ прусскаго ландтага—433, выбираемыхъ въ округахъ, раздѣленіе которыхъ установлено на основаніи прусской переписи 1858 г.

Можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одной статьи этого изби-

рательнаго закона, которая не говорила бы о его полной несообразности. Приводимъ прежде всего таблицу, изъ которой явствуетъ, до какой степени велика количественная разница между числомъ избирателей въ трехъ разрядахъ. Проценты избирателей въ нихъ были слѣдующіе:

Годъ	1849	1855	1858	1861	1862	1863	1866	1867	1888	1893	1898
I разр.	4,72	5,02	4,80	4,73	4,65	4,46	4,20	4,28	3,62	3,52	3,26
II разр.	12,59	13,86	13,42	13,49	13,36	12,78	12,34	12,18	10,82	12,06	11,36
III разр.	82,69	81,09	81,78	81,77	81,68	82,76	83,45	83,54	85,56	84,42	84,38

Такъ какъ каждый разрядъ избирателей выбираетъ одинаковое число выборныхъ посредниковъ, то, слѣдовательно, политическое вліяніе избирателей прямо пропорціонально ихъ богатству, и если еще Лассаль могъ сказать, что въ 1849 г. въ Пруссіи 153.808 очень богатыхъ людей были политически такъ же сильны, какъ 2.691.950 крестьянъ, рабочихъ и т. д., то и теперь можно повторить его слова, пожалуй еще съ большимъ правомъ, потому что, какъ видно изъ приведенной нами таблицы, процентное отношеніе первыхъ двухъ разрядовъ къ общей массѣ избирателей не растетъ, а напротивъ, падаетъ: въ 1849 г. первые два разряда составляли вмѣстѣ 17,31% всѣхъ избирателей, въ 1898 г.—только 14,62%. Располагая вмѣстѣ $^2/_3$ выбираемыхъ посредниковъ, первые два разряда всегда составляютъ большинство противъ третьяго разряда, такъ что фактически избирательное право широкихъ массъ населенія какъ будто совсѣмъ не существуетъ, такъ какъ онѣ постоянно остаются въ меньшинствѣ и не въ состояніи провести своихъ кандидатовъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что на послѣднихъ выборахъ, въ ноябрѣ 1903 г., въ прусскій ландтагъ не попалъ ни одинъ депутатъ соціаль-демократической партіи, несмотря на то, что всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ той же самой Пруссіи было подано при выборахъ въ рейхстагъ 1.649.998 голосовъ въ пользу этой партіи и избрано 32 представителя ея.

Но не только соціаль-демократамъ не удается проникнуть въ ландтагъ благодаря трехразрядной системѣ, но и буржуазнымъ партіямъ лѣвой приходится пребывать въ меньшинствѣ. Въ нынѣ засѣдающемъ ландтагѣ консервативная партія насчитываетъ 148 членовъ, свободно-консервативная 55, центръ 97, національ-либеральная—79, свободомыслящая народная партія 24, свободомыслящій союзъ—9, поляки—13, а остальные члены принадлежатъ уже къ совсѣмъ мелкимъ фракціямъ. Такъ какъ для абсолютнаго большинства въ ландтагѣ требуется 217 голосовъ,

а обѣ консервативныя группы располагаютъ 203-мя, то понятно, какую огромную роль они должны играть въ ландтагѣ, не говоря уже о томъ, что въ союзѣ съ центромъ, съ которымъ они во многихъ вопросахъ солидарны, они составляютъ прямо подавляющую силу. Приблизительно такимъ же было и распредѣленіе партій въ законодательныхъ періодахъ ландтага, предшествовавшихъ нынѣшнему.

Еслибы въ Пруссіи дѣйствовало такое же избирательное право для ландтага, какъ въ Германіи для рейхстага, то, взявъ въ основаніе данныя относительно результатовъ выборовъ въ рейхстагъ и голосовъ, поданныхъ при этомъ въ Пруссіи въ пользу разныхъ партій, легко вычислить, какъ существенно отличался бы тогда составъ ландтага отъ нынѣшняго. Мы даемъ результатъ этого вычисленія, помѣщая въ скобкахъ для сравненія цифры, которыми на самомъ дѣлѣ располагаютъ партіи въ прусскомъ ландтагѣ. Консервативная партія располагала бы при всеобщемъ избирательномъ правѣ въ прусскомъ ландтагѣ 58 голосами (теперь 148), свободно-консервативная—23 (55), центръ 87 (97), свободомыслящая народная партія—29 (24), свободомыслящій союзъ—12 (9), національ-либеральная партія—50 (79), соціаль-демократическая партія—133 (0); остальныя мѣста достались бы меньшимъ партіямъ. Понятно, поэтому, почему консервативныя партіи и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ трехразрядной системы, такъ какъ эта отмѣна была бы равносильна совершенной потерѣ ими власти, которой они располагаютъ теперь.

Нерѣдки случаи, когда первый разрядъ избирателей въ какомъ-нибудь избирательномъ участкѣ состоитъ всего изъ *одного* избирателя, которому приходится въ такомъ случаѣ либо избрать самого себя въ качествѣ выборнаго посредника, либо назначить кого-нибудь другого. Въ одномъ Берлинѣ при выборахъ въ 1893 г. такихъ случаевъ было 39; точно также были они и при послѣднихъ выборахъ въ ноябрѣ 1903 г., напр. въ 30-мъ и 34-мъ Urwahlbezirk'ахъ и т. д. Эти случаи служатъ матеріаломъ для анекдота, который при каждыхъ выборахъ въ ландтагъ обходитъ всю нѣмецкую печать. Въ бюро, гдѣ происходятъ выборы, является *единственный* избиратель перваго разряда. Правительственный коммиссаръ обращается къ нему съ вопросомъ, кого онъ выбираетъ въ посредники. „Самого себя“, отвѣчаетъ избиратель. „Принимаете вы выборъ?“ спрашиваетъ его коммиссаръ по установленному регламенту. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ избиратель. „Кого же избираете вы теперь?“ спрашиваетъ коммиссаръ. „Самого себя“, повторяетъ избиратель. „Принимаете вы выборъ?“

спрашиваетъ опять коммиссаръ. „Нѣтъ“, возражаетъ избиратель. Исторія опять повторяется, пока избиратель не заявляетъ торжественно: „Тронутый довѣріемъ моихъ согражданъ, я принимаю выборъ и объявляю себя выборнымъ посредникомъ“.

Анекдотъ этотъ чрезвычайно характеренъ для иллюстраціи нелѣпости раздѣленія избирателей на три разряда съ одинаковыми правами. Надо, впрочемъ, замѣтить, что весьма нерѣдки случаи, когда одинъ избиратель выбираетъ не одного, а двухъ посредниковъ. Сторонники трехразрядной системы, впрочемъ, нисколько не смущаются этими несообразностями, и консервативный депутатъ, графъ Лимбургъ-Стирумъ, спокойно заявилъ въ засѣданіи ландтага 14-го января 1893 г.: „Я долженъ сказать, что я считаю съ своей точки зрѣнія совершенно правильнымъ, если мнѣ, при занимаемомъ мною положеніи въ моемъ помѣстьи, приходится одному назначать двухъ посредниковъ. Я это высказываю открыто и спокойно, такъ какъ это соотвѣтствуетъ моему соціальному и имущественному положенію, и я всегда думаю стоять на этой точкѣ зрѣнія“.

Къ несправедливостямъ трехразрядной системы присоединяется еще, какъ и въ рейхстагѣ, устарѣлое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, не мѣнявшееся съ 1858 г., несмотря на приростъ населенія въ 60%, и на сильное передвиженіе жителей изъ сельскихъ округовъ въ городскіе. По вычисленію Рихтера, Берлинъ посылалъ бы (если взять за основаніе перепись 1890 г.) при равномѣрномъ раздѣленіи округовъ не 9 депутатовъ въ ландтагъ, а 23, Бреславль—5 вмѣсто 3-хъ, Кёльнъ—4 вмѣсто 2-хъ, Магдебургъ—3 вмѣсто 2-хъ, весь Regierungsbezirk (соотвѣтствующая, приблизительно, нашимъ губерніямъ административная единица) Дюссельдофъ—не 21, а 29 депутатовъ и т. д.

Свободомыслящіе депутаты Вимеръ и Бартъ внесли въ іюнѣ 1902 г. въ ландтагъ предложеніе о болѣе справедливомъ распредѣленіи округовъ. При преніяхъ по этому поводу Вимеръ доказалъ (6-го іюня 1902 г.), что 10 городскихъ, самыхъ густонаселенныхъ округовъ ландтага, съ 820.000 жителей, посылаютъ въ ландтагъ 20 депутатовъ, въ то время какъ 55 малонаселенныхъ, главнымъ образомъ сельскихъ округовъ, съ такимъ же населеніемъ, выбираютъ 90 депутатовъ. Бартъ на этомъ же засѣданіи доказалъ, что *всѣ* округи, посылающіе въ ландтагъ 140 консерваторовъ, платятъ меньше налоговъ, чѣмъ одинъ городъ Берлинъ, выбирающій всего 9 депутатовъ.

Предложеніе Вимера и Барта встрѣтило, какъ и можно было ожидать, сильный отпоръ со стороны центра и консерваторовъ.

Депутатъ центра Фриценъ заявилъ, что уравненіе округовъ на основаніи послѣдней переписи дало бы городамъ незаслуженный перевѣсъ надъ сельскими округами. Ораторъ же свободно-консервативной фракціи фонъ-Цедлицъ ограничился заявленіемъ, что для такого предложенія было бы слишкомъ много чести, еслибы его еще стали обсуждать,—достаточно будетъ, если оно будетъ отклонено безъ дальнѣйшихъ преній.

Къ наиболѣе курьезнымъ послѣдствіямъ трехразрядной системы приводитъ постановленіе закона 1893 г., по которому раздѣленіе избирателей на разряды по имущественному цензу производится не по всему избирательному округу, а самостоятельно въ каждомъ отдѣльномъ избирательномъ участкѣ. При послѣднихъ выборахъ въ прусскій ландтагъ, въ ноябрѣ 1903 г., Берлинъ, напр., былъ въ общемъ раздѣленъ на 1.291 избирательный участокъ. Вслѣдствіе этого оказалось, что въ кварталахъ, населенныхъ крупными богачами, лицо, вносящее около 10.000 марокъ налоговъ въ годъ, попадало во II или даже III разрядъ; въ тѣхъ же частяхъ города, гдѣ живутъ преимущественно рабочіе и т. д., лица, платящія всего десятки марокъ налоговъ въ годъ, оказывались избирателями I разряда. Напр., въ тридцатомъ берлинскомъ Urwahlbezirk'ѣ первый разрядъ состоялъ всего изъ *одного* избирателя, уплатившаго въ этомъ году 216.274 марки налоговъ, второй разрядъ—изъ лицъ, внесшихъ не меньше 18.623 марокъ. Слѣдовательно, избиратель, вносящій 18.500 марокъ налоговъ въ годъ, уже долженъ былъ въ этомъ участкѣ вотировать въ III-мъ разрядѣ. Аналогичны были и условія въ 32-мъ участкѣ, гдѣ низшая норма для избирателей I-го разряда составляла 150.277 марокъ, для избирателей II-го разряда—11.291 марку; въ 40-мъ, гдѣ I разрядъ состоялъ изъ плательщиковъ, вносящихъ не меньше 118.144 марокъ, второй—изъ лицъ, вносящихъ не меньше 8.788.20 марокъ, и т. д. Зато въ 236-мъ въ I разрядъ попадали уже избиратели, платящіе всего 94 марки, въ 370-мъ участкѣ—такіе, которые платили всего 72 марки, въ 1241-мъ—уже при 32, а въ 1287-мъ—даже уже при 18-ти маркахъ. До такой равномѣрности, дѣйствительно, не совсѣмъ легко додуматься.

Особенно бросалась въ глаза нелѣпость этого раздѣленія въ 41-мъ берлинскомъ участкѣ, въ которомъ расположено большинство министерствъ. Въ немъ въ III разрядъ попали всѣ избиратели, платящіе меньше 12.393 мар. налоговъ ежегодно. Такимъ образомъ оказалось, что имперскій канцлеръ графъ Бюловъ, статсъ-секретари Посадовскій и Рихтгофенъ, прусскіе министры юсти-

ціи, путей сообщенія, министръ двора, начальникъ гражданскаго кабинета императора Вильгельма, очутились избирателями третьяго разряда и подавали голосъ вмѣстѣ со своими кучерами и швейцарами министерствъ, въ то время, когда первый классъ избирателей этого участка состоялъ изъ трехъ денежныхъ тузовъ! Подобные казусы повторились и во многихъ провинціальныхъ городахъ, въ Магдебургѣ, Ганноверѣ и т. д. Особенно характеренъ случай въ Альтонѣ, гдѣ начальникъ городской полиціи подавалъ голосъ въ III-мъ классѣ, а содержатель дома терпимости—въ I-мъ!

Несмотря на всѣ эти вопіющія несообразности прусскаго избирательнаго права, консерваторы, какъ мы видѣли, и не думаютъ отказаться отъ столь выгодной для нихъ трехразрядной системы. Національ-либералы тоже далеко не энергично требуютъ введенія всеобщей подачи голосовъ. По крайней мѣрѣ, въ своемъ воззваніи къ избирателямъ передъ послѣдними выборами они даже не упоминаютъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, а только говорятъ о *реформѣ въ современномъ духѣ трехразрядной системы, особенно о болѣе справедливомъ распредѣленіи округовъ и уничтоженіи раздѣленія избирателей на разряды по отдѣльнымъ участкамъ*. Очевидно, что и они вовсе не хотятъ полнаго уничтоженія трехразрядной системы.

При такомъ положеніи дѣлъ казалось бы, что свободомыслящія партіи должны были пользоваться каждымъ орудіемъ для борьбы съ могущественными реакціонными партіями, чтобы такимъ образомъ хоть постепенно подрывать господство консерваторовъ. Такимъ средствомъ былъ бы на послѣднихъ выборахъ въ ландтагъ союзъ между свободомыслящими и соціаль-демократами. По вычисленіямъ разныхъ газетъ, при солидарномъ дѣйствіи этихъ группъ можно было бы отвоевать около 30—40 избирательныхъ округовъ у реакціонеровъ разныхъ названій. Свободомыслящій Бартъ и нѣкоторые его единомышленники сильно агитировали за союзъ съ соціаль-демократами, но дѣло разстроилось изъ-за упорства Евгенія Рихтера, главы свободомыслящей народной партіи, который ни за-что не захотѣлъ допустить, чтобы въ нѣкоторыхъ округахъ соціаль-демократы попали въ рейхстагъ благодаря поддержкѣ свободомыслящихъ. Рихтеръ въ послѣдніе годы энергично отстаиваетъ свою теорію о томъ, что задача свободомыслящихъ состоитъ въ веденіи войны на „два фронта“, т. е. въ одновременной борьбѣ съ консерваторами и соціаль-демократами. Благодаря этой тактикѣ, онъ повсюду оказывается сидящимъ межъ двухъ стульевъ, и партія, во главѣ которой онъ стоитъ,

благодаря этой борьбѣ на два фронта, таетъ съ каждыми новыми выборами. Такъ было и на этотъ разъ. Соціаль-демократы такъ-таки и не попали въ ландтагъ, но свободомыслящіе не только не пріобрѣли новыхъ мандатовъ, но даже потеряли нѣсколько округовъ, такъ что этимъ они, если не прямо, то косвенно, еще усилили реакціонныя партіи. Вообще, вся тактика стараго вождя свободомыслящихъ въ послѣднее время доказываетъ, что онъ совершенно утратилъ способность понимать новыя теченія среди оппозиціонныхъ партій. Его тактика становится все болѣе и болѣе доктринерской, и онъ, не замѣчая и не желая этого, на каждомъ шагу оказываетъ реакціоннымъ партіямъ прямо неоцѣнимыя услуги.

Какъ бы то ни было, но и среди консерваторовъ начинаютъ понимать, что несообразности трехразрядной системы уже до такой степени очевидны, что ее дальше въ этомъ видѣ оставлять нельзя. И вотъ появляются предложенія, состоящія, въ сущности, въ томъ, чтобы придумать такія „реформы“, которыя бы нисколько не мѣняли положенія дѣлъ по существу, но все-таки показали бы, что консервативныя партіи вовсе не прочь отъ уступокъ. Къ этимъ предложеніямъ слѣдуетъ отнести и проектъ множественнаго вотума, съ которымъ выступилъ проф. Дельбрюкъ, умѣренный консерваторъ, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Preussische Jahrbücher“. Его предложеніе состоитъ въ слѣдующемъ.

Каждый гражданинъ имѣетъ на выборахъ *одинъ* голосъ. Отбывшій воинскую повинность въ рядахъ арміи получаетъ одинъ *прибавочный* голосъ. Получившій образованіе, дающее право на службу вольноопредѣляющимся, получаетъ еще одинъ прибавочный голосъ. Дипломъ высшаго учебнаго заведенія тоже даетъ прибавочный голосъ. Кромѣ того, извѣстная сумма уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ даетъ прибавочный голосъ по слѣдующей таблицѣ:

получ. доходъ	въ	3.000—	4.500	м. (	60—104	м. подох. нал.)	имѣетъ	1	приб. голосъ.
„	„	4.500—	7.000	„ (	104—176	„ „ „)	„	2	„ „
„	„	7.000—	9.500	„ (	176—296	„ „ „)	„	3	„ „
„	„	9.500—	14.500	„ (	296—420	„ „ „)	„	4	„ „
„	„	14.500—	19.500	„ (	420—570	„ „ „)	„	5	„ „

и т. д. до 20-ти и даже больше прибавочныхъ голосовъ.

Нечего и говорить о томъ, что подобная „реформа“ нисколько не уменьшила бы политическихъ привилегій богатой части населенія, а скорѣе даже увеличила бы ея вліяніе.

Другое предложеніе внесено (очевидно, по внушенію прави-

тельства) свободно-консервативной партіей въ ландтагъ и состоитъ въ требованіи раздѣленія слишкомъ большихъ избирательныхъ округовъ и соотвѣтствующаго увеличенія числа депутатовъ. Къ этому предложенію три либеральныя партіи: національ-либеральная, свободомыслящая народная и свободомыслящій союзъ, внесли дополнительное предложеніе, въ которомъ требуются слѣдующія три улучшенія. Во-первыхъ, увеличеніе числа округовъ сообразно возросшему населенію и соотвѣтствующее увеличеніе числа депутатовъ. Во-вторыхъ, предлагается раздѣлить впредь избирателей не на три равныя части по цифрѣ уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ, а по слѣдующей схемѣ: I классъ будетъ набираться изъ вносящихъ $^{5}/_{12}$ всѣхъ налоговъ, II — изъ вносящихъ $^{4}/_{12}$, а III—изъ платящихъ $^{3}/_{12}$. Результатомъ этого улучшенія было бы передвиженіе части избирателей II-го класса въ I-й, а III-го во II-й, но въ общемъ эти измѣненія едва ли будутъ особенно значительны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что правительство уже предложило это раздѣленіе въ 1891 г., но оно тогда было отклонено палатой господъ. Въ-третьихъ, предлагается раздѣлять избирателей на разряды не по участкамъ, а по цѣлымъ округамъ.

Свободомыслящіе, поддерживающіе это предложеніе, заявили, что они ограничиваются этими улучшеніями лишь потому, что на большія трудно разсчитывать при теперешнемъ составѣ ландтага. Тѣмъ не менѣе, нельзя не считать этого шага съ ихъ стороны большой тактической ошибкой. Либералы должны добиваться полной отмѣны трехразрядной системы и постоянно указывать населенію на необходимость введенія всеобщаго равнаго избирательнаго права, но никоимъ образомъ не принимать участія въ частичныхъ улучшеніяхъ, которыя въ сущности оставляютъ въ силѣ всѣ темныя стороны трехразрядной системы. Своимъ участіемъ въ частичныхъ реформахъ они становятся до извѣстной степени виновниками дальнѣйшаго существованія прусской избирательной системы и этимъ доказываютъ, что либералы въ сущности тоже не желаютъ всеобщаго избирательнаго права, боясь при немъ потерять, какъ въ рейхстагѣ, всякое вліяніе и играть тогда и въ ландтагѣ только роль буфера между крайней лѣвой и крайней правой—соціаль-демократами съ одной стороны и аграріями разныхъ оттѣнковъ—съ другой. Относительно національ-либераловъ справедливость этого мнѣнія едва ли подлежитъ сомнѣнію, но свободомыслящіе совершенно напрасно увлеклись погоней за непосредственнымъ малымъ улучшеніемъ, не замѣтивъ, что они совершаютъ принципіальную

ошибку, не дожидаясь момента, когда можно будетъ совершенно отмѣнить трехразрядную систему. Особенно странно, что къ этому предложенію присталъ и свободомыслящій союзъ, часть котораго, группа Барта, въ послѣдніе годы проводила замѣчательно выдержанную политику въ духѣ либерализма, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Изъ прочихъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, намъ придется еще нѣсколько подробнѣе остановиться на Саксоніи, Баваріи и Баденѣ, такъ какъ и въ нихъ въ послѣднее время ведется ожесточенная борьба изъ-за расширенія избирательнаго права.

Въ Саксоніи до 1896 г. выборы производились на основаніи закона 3-го декабря 1868 г., предоставлявшаго право голоса всякому саксонскому гражданину, вносившему 3 марки налоговъ ежегодно. Онъ, слѣдовательно, былъ очень далекъ отъ идеала всеобщаго избирательнаго права, и въ 1890 г., напр., изъ 500.000 саксонскихъ гражданъ, достигшихъ предписываемаго закономъ возраста, 150.000, благодаря цензу, были устранены отъ подачи голосовъ. Тѣмъ не менѣе, реакціонныя партіи были недовольны этимъ закономъ, такъ какъ, несмотря на цензъ, въ саксонскомъ ландтагѣ все-таки оказалось въ 1895 году 14 депутатовъ соціаль-демократической партіи. Хотя послѣдніе, при общемъ числѣ депутатовъ (82), составляли лишенное вліянія меньшинство, консерваторы все-таки говорили о „диктатурѣ массъ“ и т. д., и, воспользовавшись случаемъ, когда соціаль-демократическіе депутаты внесли предложеніе о введеніи всеобщей и равной подачи голосовъ, безъ всякаго ценза, консервативныя партіи, поддерживаемыя — что очень характерно — и *національ-либералами*, по крайней мѣрѣ большинствомъ этой партіи, провели избирательный законъ 28-го марта 1896 г., по которому избиратели раздѣляются на три разряда по имущественному цензу, и выборы не прямые, а косвенные, т.-е. черезъ посредниковъ.

Законъ этотъ, какъ видитъ читатель, очень напоминаетъ прусскій, хотя и надо ему отдать справедливость, что онъ во многихъ отношеніяхъ не впадаетъ въ крайности прусской системы. Въ I разрядъ избирателей попадаютъ всѣ тѣ, которые вносятъ 300 марокъ налоговъ ежегодно, II разрядъ состоитъ изъ избирателей, платящихъ не меньше 38 мар. въ годъ, а въ III разрядѣ вотируютъ всѣ остальные избиратели. Раздѣленіе на разряды производится по округамъ, а не по отдѣльнымъ избирательнымъ участкамъ. Въ первомъ разрядѣ должны быть, по

меньшей мѣрѣ, 5 избирателей, а если въ немъ столько нѣтъ, то онъ пополняется избирателями изъ II разряда. Очевидно, что эта система безспорно лучше прусской, такъ какъ при ней въ I и II разряды попадаютъ уже такіе плательщики, которые въ Пруссіи затерялись бы въ третьемъ.

Тѣмъ не менѣе, трехразрядная система и тутъ дала тотъ результатъ, что избиратели I и II разрядовъ всегда побѣждаютъ III разрядъ, такъ что въ саксонскомъ ландтагѣ теперь нѣтъ ни одного соціаль-демократа, хотя въ рейхстагъ Саксонія на послѣднихъ выборахъ послала почти исключительно представителей этой партіи (22 изъ 23 депутатовъ, которые приходятся на долю саксонскаго королевства въ рейхстагѣ). Курьезнѣе всего то, что благодаря закону 1896 г. потеряли значеніе и національ-либералы, способствовавшіе консерваторамъ при ухудшеніи избирательнаго права. Вотъ, напр., составъ ландтага, избраннаго на послѣднихъ выборахъ въ Саксоніи (въ октябрѣ 1903 г.): 55 консерваторовъ, 22 національ-либерала, 3 антисемита, 1 либералъ, 1 свободомыслящій. Очевидно, что консерваторы являются безраздѣльно господствующей партіей, такъ какъ располагаютъ $^2/_3$ членовъ всего ландтага. Сообразно этому, законодательство Саксоніи и носитъ чисто-аграрный, враждебный торговлѣ и индустріи характеръ, несмотря на то, что въ Саксоніи обрабатывающая промышленность сильно преобладаетъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, какъ это видно и изъ переписи 1895 г., по которой въ Саксоніи торговлей и фабричнымъ производствомъ занималось 2.700.000 человѣкъ, а земледѣліемъ—только 565,000, или около 20% всего населенія. Ясно, что если въ этомъ королевствѣ аграріи являются господами положенія, то только вслѣдствіе трехразрядной системы, давшей меньшинству огромный перевѣсъ надъ большинствомъ (по послѣдней переписи оказывается, что въ Саксоніи избиратели I разряда составляютъ—5%, II—20%, а III—75% всего числа избирателей). Къ этому еще присоединяется, какъ и въ Пруссіи, несправедливое распредѣленіе округовъ, дающее сельскимъ округамъ огромное преимущество. Число сельскихъ округовъ составляетъ 45 при населеніи (по переписи 1900 г.) въ 2.110.552 ч., городскихъ же округовъ не больше 37, хотя въ нихъ населеніе не меньше, а именно 2.091,664 ч. Точно также неравномѣрна и величина избирательныхъ округовъ. Напр., городъ Хемницъ состоитъ изъ двухъ округовъ и посылаетъ двухъ депутатовъ въ ландтагъ при населеніи въ 206.913 жителей, т.-е. на каждаго депутата приходится въ этомъ городѣ по 103.456 жит. Между тѣмъ 5-й

сельскій округъ насчитываетъ всего 29.512 жителей, 4-й—27.952, 17-й—26.429 и т. д.

Понятно, что такой порядокъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія среди всѣхъ слоевъ населенія Саксоніи. Даже крупные промышленники стали требовать реформы,—напр., коммерціи совѣтникъ Фогель, въ запискѣ, представленной имъ торговой палатѣ въ Хемницѣ въ началѣ 1903 года. Помимо указаній на неравномѣрное распредѣленіе округовъ при выборахъ во вторую палату, онъ особенно подробно останавливается на составѣ первой палаты ландтага, въ которой сельское хозяйство имѣетъ очень много представителей. Торговля же и промышленность въ ней не располагаютъ ни однимъ представителемъ ихъ интересовъ, несмотря на то, что Саксонія теперь является страной фабричной par excellence.

Особенно рѣзко выразился, однако, протестъ широкихъ массъ населенія противъ сокращенія ихъ политическихъ правъ въ выборахъ 1903 г. въ рейхстагъ, на которыхъ, какъ мы уже указали выше, прошли почти исключительно соціаль-демократы. Саксонское правительство, на этомъ примѣрѣ убѣдившись, что оно возстановило противъ себя огромное большинство населенія, сейчасъ же послѣ выборовъ въ рейхстагъ заявило, что избирательный законъ 1896 г. имѣлъ „вовсе нежелательное послѣдствіе, а именно уменьшеніе вліянія избирателей III разряда до такой степени, которая совсѣмъ не соотвѣтствуетъ принципамъ справедливости". Потому,—продолжало оно въ своемъ сообщеніи,—оно, сообща съ нѣкоторыми членами ландтага, намѣрено обсудить проектъ реформы избирательнаго закона 1896 г.

Совмѣстное обсужденіе проекта реформы съ членами ландтага, крайне реакціоннаго по своему составу, уже не предвѣщало ничего хорошаго. И дѣйствительно, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заявленія, правительство представило ландтагу меморандумъ, въ которомъ оно излагало свой проектъ, всѣ искренніе сторонники избирательной реформы сразу же заявили, что его осуществленіе ничѣмъ не улучшитъ фактически теперешняго положенія.

Проектъ сохраняетъ выборы по разрядамъ для 48 депутатовъ, съ той разницей противъ существующей системы, что выборы должны впредь происходить въ каждомъ разрядѣ отдѣльно, а не сообща. Слѣдствіемъ этого нововведенія было бы то, что I и II разряды не могли бы, какъ теперь, соединиться противъ III, такъ что трудящіяся массы населенія могли бы провести 16 депутатовъ своей партіи, но уже никакъ не больше, ибо

проникнуть во II и I классы ихъ представителямъ, конечно, нельзя будетъ. Саксонское королевство было бы тогда раздѣлено на 16 округовъ, въ которыхъ каждый разрядъ выбиралъ бы отдѣльно представителей.

Кромѣ этихъ 48 депутатовъ, еще 35 должны были по проекту выбираться сословными и цеховыми организаціями слѣдующимъ образомъ: 15 депутатовъ—сельскими хозяевами, 10—торгово-промышленными палатами, 10—ремесленниками и мелкими торговцами. Надо еще прибавить, что 15 голосовъ, которые проектъ реформы давалъ сельскому хозяйству, достались бы исключительно крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ какъ къ выборамъ допускались бы только тѣ сельскіе хозяева, которые имѣютъ право голоса при выборахъ въ земледѣльческій совѣтъ (Landesculturrath), т.-е. земельная собственность которыхъ платитъ не меньше 120 налоговыхъ единицъ.

Въ результатѣ и получилось бы,—еслибъ проектъ былъ принятъ ландтагомъ,—почти такое же несоотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію преобладаніе аграріевъ, какъ и теперь. 15 представителей давали бы имъ прямо выборы въ сословныхъ организаціяхъ; къ тому же они, какъ и теперь, проводили бы своихъ депутатовъ въ I и II разрядахъ остальныхъ округовъ. Единственное измѣненіе было бы внесено въ томъ отношеніи, что въ ландтагѣ засѣдали бы 16 соціаль-демократическихъ депутатовъ. Но и они, оставаясь всегда въ меньшинствѣ, не могли бы вліять на ходъ законодательства. Слѣдуетъ еще указать на то, что, въ случаѣ принятія правительственнаго проекта, 219.000 избирателей, которые подавали бы голосъ на выборахъ въ сословныхъ и профессіональныхъ организаціяхъ, пользовались бы двойнымъ голосомъ, такъ какъ они должны были бы еще принимать участіе и въ выборахъ остальныхъ 48-ми депутатовъ.

Консерваторы нашли, однако, что и этотъ проектъ реформы слишкомъ демократиченъ, и послѣ долгихъ преній отклонили его, поручивъ правительству собрать матеріалъ для реформы избирательнаго права на основаніи множественнаго вотума (Pluralrecht), на который они въ принципѣ согласны, такъ какъ видятъ въ немъ „гарантію противъ наводненія ландтага антигосударственными элементами“. Консервативные ораторы высказались за введеніе цѣлыхъ и дробныхъ голосовъ ($^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$). Прибавочные голоса должны даваться сообразно извѣстной суммѣ уплачиваемыхъ налоговъ, отбыванію воинской повинности въ рядахъ арміи, законченному образованію, числу дѣтей, числу занимаемыхъ рабочихъ и т. д. Такимъ образомъ, всѣ 656.645 избирателей

саксонскаго ландтага имѣли бы право голоса, но на самомъ дѣлѣ, при такой системѣ, голосъ рабочаго или мелкаго ремесленника будетъ имѣть не больше значенія, чѣмъ теперь.

Особенно любопытно поведеніе саксонскихъ національ-либераловъ при обсужденіи реформы. Мы уже раньше указали на то, что они способствовали консерваторамъ провести законъ 1896 г. Теперь, когда правительство выступило со своимъ проектомъ реформы, представители національ-либеральной партіи для Саксоніи (Landesverein) заявили, что они сторонники прямыхъ и тайныхъ выборовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленія избирателей либо по имущественному цензу, либо по системѣ какого-нибудь множественнаго вотума, либо по комбинаціи обѣихъ системъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они хотятъ реформы и первой палаты ландтага въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней нашли себѣ мѣсто и представители торговли и индустріи. Другими словами, національ-либералы желаютъ, чтобы господство аграріевъ уступило мѣсто господству крупныхъ промышленниковъ. И по мнѣнію ихъ ораторовъ, которое открыто высказывалось ими при преніяхъ по поводу проекта реформы, задача избирательнаго права состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы помѣшать „массамъ“ захватить власть въ свои руки. Для приличія „массамъ“ слѣдуетъ предоставить извѣстное число представителей, но онѣ никогда не должны стать рѣшающей партіей. Надо отдать національ-либераламъ справедливость, что между представителями ихъ партіи въ Landesverein'ѣ были и такіе, которые требовали, по крайней мѣрѣ, возстановленія стараго избирательнаго закона 1868 г., если уже нельзя теперь добиться всеобщаго избирательнаго права. „Государство,—говорили они,—не акціонерное общество, въ которомъ акціонеры имѣютъ вліяніе, соотвѣтствующее ихъ вкладамъ, а семья, равномѣрно обнимающая всѣхъ своихъ членовъ и оказывающая тѣмъ, которые больше нуждаются въ покровительствѣ, болѣе сильную поддержку, чѣмъ тѣмъ членамъ, которые наиболѣе приспособлены къ борьбѣ за существованіе“. Это мнѣніе, однако, осталось въ меньшинствѣ.

При такомъ поведеніи національ-либеральной партіи нельзя не придти къ заключенію, что она въ сущности ничѣмъ не отличается отъ консервативныхъ партій, и что для огромнаго большинства ея приверженцевъ либеральныя традиціи являются лишь непріятной обузой, отъ которой они готовы при первомъ же удобномъ случаѣ отказаться.

Если въ Саксоніи и Пруссіи національ-либералы относятся только индифферентно къ движенію въ пользу расширенія избирательнаго права и не способствуютъ съ своей стороны осуществленію проектовъ реформы, то гораздо хуже поступаютъ они въ Баваріи, гдѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, благодаря ихъ оппозиціи, было отвергнуто ландтагомъ правительственное предложеніе объ улучшеніи избирательнаго права.

Надо замѣтить, что въ Баваріи, какъ и вообще въ государствахъ южной Германіи, избирательное право въ ландтагъ и теперь уже гораздо шире прусской и саксонской системъ. Въ баварскомъ королевствѣ выборы въ ландтагъ производятся на основаніи закона 26-го марта 1881 г., внесшаго только несущественныя измѣненія въ избирательное право, дѣйствовавшее еще съ сороковыхъ годовъ, посредствомъ всеобщей и тайной подачи голосовъ. Главное отличіе отъ избирательнаго права въ рейхстагъ состоитъ въ томъ, что выборы не прямые, а косвенные, т.-е. производятся черезъ посредниковъ. Раздѣленія же избирателей на разряды по имущественному цензу ни въ Баваріи, ни въ другихъ государствахъ южной Германіи (Вюртембергѣ, Баденѣ и Гессенѣ) нѣтъ. Помимо выборныхъ посредниковъ, другимъ важнымъ недостаткомъ баварскаго избирательнаго права является устарѣлость раздѣленія избирательныхъ округовъ, произведеннаго на основаніи переписи 1875 г., когда народонаселеніе Баваріи составляло всего около 5.000.000. По переписи же 1900 г., въ Баваріи насчитывается уже 6.176.057 жителей. Городскіе округи и здѣсь, какъ повсюду въ Германіи, выросли гораздо больше, нежели сельскіе, такъ что ни распредѣленіе округовъ, ни число депутатовъ (159), не соотвѣтствуютъ уже дѣйствительной плотности народонаселенія.

Лучше всего видна разница между результатами голосованія по избирательному праву для рейхстага и по баварскому избирательному праву для ландтага на слѣдующемъ сопоставленіи. Еслибы баварскій ландтагъ соотвѣтствовалъ по своей группировкѣ численному отношенію голосовъ, поданныхъ въ Баваріи во время выборовъ 1903 г. въ рейхстагъ въ пользу разныхъ партій, то онъ состоялъ бы изъ 2-хъ консерваторовъ, 22-хъ либераловъ, 70-ти депутатовъ центра, 34-хъ соціаль-демократовъ и 24-хъ представителей крестьянскаго союза и болѣе мелкихъ группъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ состоитъ изъ 5-ти консерваторовъ, 44-хъ либераловъ, 83-хъ депутатовъ центра, 11-ти соціаль-демократовъ, 1-го демократа и 15-ти депутатовъ крестьянскаго союза и безпартійныхъ. Изъ этого сравненія слѣдуетъ,

что, несмотря на свои преимущества передъ прусской и саксонской системами, баварское избирательное право все-таки не такъ отражаетъ настроеніе народа, какъ всеобщая подача голосовъ по избирательному праву для рейхстага.

Баварское правительство еще въ семидесятыхъ годахъ вносило нѣсколько разъ законопроекты о введеніи прямыхъ выборовъ, но въ первый разъ предложеніе не обсуждалось изъ-за франко-прусской войны; во второй разъ предложеніе было взято правительствомъ обратно послѣ того, какъ оно встрѣтило сильное сопротивленіе въ палатѣ. Вслѣдствіе предложенія объ улучшеніи избирательнаго права, внесеннаго, 29-го сентября 1899 г., въ ландтагъ депутатомъ соціаль-демократической партіи Сегицемъ, правительство вновь занялось этимъ вопросомъ. Въ маѣ 1902 г. представители разныхъ фракцій ландтага сошлись въ вопросѣ о принципахъ, которые должны были лечь въ основу правительственнаго законопроекта, а въ сентябрѣ 1903 г. правительство и представило ландтагу разработанный проектъ.

По этому проекту округи вновь должны быть распредѣлены на основаніи переписи 1900 г. такимъ образомъ, чтобы, въ среднемъ, на 38.000 жителей приходилось по одному депутату. Для сельскихъ округовъ бралась какъ норма цифра въ 32.000 жителей, для городскихъ — 44.000. Объяснялось это предоставленіе преимущества деревенскимъ округамъ надъ городскими тѣмъ, что въ послѣднихъ, вслѣдствіе большаго, чѣмъ въ сельскихъ округахъ, числа иностранцевъ, т.-е. не-баварскихъ нѣмцевъ, гарнизоновъ и т. д., необходимо брать высшую норму, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. Вмѣстѣ съ этимъ предлагалось увеличить число депутатовъ съ 159 до 163.

По предложенію правительства, на выборахъ въ какомъ-нибудь округѣ, въ которомъ выставлено разными партіями нѣсколько кандидатовъ, сразу долженъ былъ считаться избраннымъ кандидатъ, получившій относительное большинство голосовъ, если оно не меньше $^1/_2$ всѣхъ избирателей даннаго округа. При перебаллотировкахъ избраннымъ всегда считается кандидатъ, получившій относительное большинство.

Законопроектъ содержалъ и кое-какія ухудшенія существующаго избирательнаго права, напримѣръ повышеніе возраста зрѣлости для подачи голосовъ съ 21-го года до 25-ти лѣтъ и т. д., но зато предоставленіе прямыхъ выборовъ является такимъ шагомъ впередъ, что даже соціаль-демократическая партія рѣшилась поддерживать пока законопроектъ, а по его вступленіи въ законную силу—требовать уже дальнѣйшихъ улучшеній,

Либералы же рѣшительно отказались согласиться на правительственное предложеніе.

Мотивировали они свой отказъ тѣмъ, что предлагаемое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, предоставляя деревенскимъ округамъ большое преимущество передъ городскими, будто бы произведено исключительно въ интересахъ партіи центра, которому оно доставило бы большинство въ ландтагѣ. Кромѣ того, они хотѣли, чтобы для избранія депутата требовалось не относительное, а абсолютное большинство голосовъ. На самомъ же дѣлѣ ими руководили совсѣмъ другого рода соображенія. Число приверженцевъ національ-либеральной партіи постоянно идетъ на убыль. Въ 1881 г. число выборныхъ посредниковъ, подавшихъ за нихъ голоса, составляло 40,5% всего числа посредниковъ, въ 1893 г.—уже только 36,1%, а въ 1899 г.—всего лишь 22,1%. Понятно, что, при введеніи непосредственной подачи голосовъ, число сторонниковъ ихъ партіи еще уменьшится, и ихъ два главныхъ врага—центръ и соціаль-демократическая партія—будутъ продолжать усиливаться на ихъ счетъ. Поэтому они воспользовались несправедливымъ, по ихъ мнѣнію, распредѣленіемъ округовъ (на требованіе абсолютнаго большинства согласился потомъ и центръ, такъ что этотъ камень преткновенія былъ устраненъ), какъ удобнымъ предлогомъ, чтобы помѣшать осуществленію столь опасной для нихъ реформы. Провалить реформу для нихъ оказалось возможнымъ, хотя они и составляютъ меньшинство въ ландтагѣ, потому, что ихъ поддерживалъ крестьянскій союзъ, требовавшій, напротивъ, еще большихъ привилегій для сельскихъ округовъ. Между тѣмъ, для измѣненія избирательнаго права, какъ и всякаго измѣненія конституціи вообще, необходимы $^2/_3$ числа голосовъ всѣхъ депутатовъ ландтага, а столькими голосами поддерживавшія проектъ партіи—центръ и соціаль-демократія—не располагали. Проектъ и былъ, поэтому, отклоненъ.

Что либералы отклонили реформу только изъ боязни утратить часть своихъ округовъ, а отнюдь не потому, что она, будто бы, имѣетъ въ виду только интересы центра, видно изъ того простого соображенія, что центръ уже и теперь располагаетъ большинствомъ въ ландтагѣ, а именно 83 депутатами изъ 159. Отклоненіе реформы либералами, слѣдовательно, нисколько не устраняетъ опасности господства клерикаловъ, а оставляетъ лишь въ силѣ худшее избирательное право, которое безъ ихъ сопротивленія было бы замѣнено лучшимъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что либералы

на предстоящихъ выборахъ (въ 1905 г.) въ ландтагъ жестоко поплатятся за свою тактику. Ихъ отношеніе къ избирательной реформѣ лучше всего доказываетъ, что они готовы нарушить даже такое основное требованіе всякой либеральной программы, какъ возможно бо̀льшее расширеніе избирательнаго права, тамъ, гдѣ это расширеніе можетъ нанести ущербъ силѣ и вліянію ихъ партіи. Любопытно, что для того, чтобы предотвратить это пораженіе на будущихъ выборахъ, они, послѣ того, какъ сами провалили избирательную реформу, вдругъ выступили съ требованіемъ еще болѣе радикальной системы выборовъ, именно пропорціональной, хотя и отлично знаютъ, что о принятіи этой системы въ Баваріи не можетъ теперь быть и рѣчи. Этотъ уже слишкомъ прозрачный маневръ, конечно, мало поправилъ ихъ шансы успѣха въ начинавшейся тогда предвыборной агитаціи.

Въ великомъ герцогствѣ баденскомъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прошла реформа избирательнаго права, которое и раньше было тамъ всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ, но не прямымъ, а косвеннымъ. Число депутатовъ второй палаты ландтага достигало 63, группировавшихся въ нынѣшній законодательный періодъ слѣдующимъ образомъ: 23 депутата центра, 25—національ-либераловъ, 6 — демократовъ, 6 — соціаль-демократовъ, 2 — свободомыслящихъ и 1 — антисемитъ. Когда всѣ партіи сошлись на требованіи введенія прямыхъ выборовъ, правительство внесло соотвѣтствующій проектъ, который предлагалъ, между прочимъ, увеличеніе числа депутатовъ, сообразно приросту населенія, съ 63 до 70. Нѣкоторыя частности правительственнаго проекта не встрѣтили одобренія большинства ландтага, но главнымъ камнемъ преткновенія на пути къ осуществленію реформы являлся вопросъ о бюджетныхъ правахъ первой палаты. Правительство только въ томъ случаѣ готово было согласиться на введеніе прямыхъ выборовъ, если будетъ принятъ слѣдующій (61-ый) пунктъ законопроекта: „Если относительно нѣкоторыхъ статей бюджета заключенія второй камеры расходятся съ рѣшеніями первой, и правительству не удастся добиться соглашенія между обѣими палатами, то вызвавшія несогласіе статьи не вносятся въ бюджетъ, пока не будетъ достигнуто между обѣими камерами единогласія. Правительство имѣетъ право требовать, чтобы обѣ палаты собрались для совмѣстнаго баллотированія спорныхъ вопросовъ“. Члены второй камеры полагали, что при широкомъ вліяніи, которымъ пользуется правительство въ первой

камерѣ, оно всегда можетъ побудить ее не согласиться на измѣненія, которыя вторая камера внесетъ въ какія-нибудь статьи бюджета, если эти измѣненія почему-либо будутъ непріятны правительству. А такъ какъ правительство, по этому параграфу, имѣетъ *право* требовать, чтобы обѣ палаты сообща вотировали въ случаяхъ, вызвавшихъ разногласіе, но не *обязано* этого дѣлать, то оно и не потребуетъ совмѣстнаго вотума, если это для него будетъ по какимъ-либо соображеніямъ неудобно. Такимъ образомъ, при помощи этого параграфа правительство могло бы иногда совершенно устранить бюджетныя права второй камеры. Надо еще прибавить, что противъ расширенія бюджетныхъ правъ первой камеры насчетъ второй высказывались и опытные юристы. Напримѣръ, проф. Шмидтъ во Фрейбургѣ говорилъ по этому поводу, что первая камера должна въ своихъ же интересахъ отказаться отъ уравненія ея правъ въ этомъ отношеніи со второй, такъ какъ члены ея, назначаемые, но не избираемые, не находятся въ такой тѣсной связи съ плательщиками налоговъ всѣхъ сословій, какъ депутаты второй камеры, избираемые послѣдними. Послѣ долгихъ препирательствъ между обѣими палатами, проектъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ принятъ согласно требованіямъ второй палаты ландтага.

Въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ правительство также внесло проектъ о замѣнѣ косвенныхъ выборовъ прямыми, но онъ былъ отклоненъ въ 1903 г., благодаря сопротивленію аграріевъ. Теперь ландтагъ обсуждаетъ вновь проектъ реформы, и можно полагать, что онъ скоро получитъ законодательную санкцію.

Въ вюртембергскомъ королевствѣ вторая камера состоитъ изъ 70-ти депутатовъ, выбираемыхъ на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, и 23-хъ представителей рыцарства и духовенства. Уже въ 1897 г., обсуждался проектъ, внесенный правительствомъ, объ удаленіи этихъ привилегированныхъ представителей изъ второй палаты, но въ ней тогда не оказалось необходимыхъ для измѣненія конституціи двухъ третей голосовъ въ пользу этого проекта. Вопросъ, однако, не сданъ окончательно въ архивъ и будетъ опять обсуждаться, лишь только окажется подходящій моментъ для проведенія реформы [1]).

---

[1]) Статья уже была написана, когда вюртембергское правительство объявило въ тронной рѣчи (4-го ноября 1904 г.), что оно внесетъ проектъ, по которому всѣ депутаты второй камеры должны быть избираемы на основаніи всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ. Оно хочетъ также предложить умаленіе прерогативъ первой камеры, т.-е. палаты господъ.

Итакъ, можно резюмировать содержаніе нашего очерка о положеніи вопроса объ избирательномъ правѣ въ Германіи и отдѣльныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, такимъ образомъ, что и избирательное право, при выборахъ въ рейхстагъ, хотя и носитъ названіе всеобщаго и равнаго, на самомъ дѣлѣ страдаетъ весьма крупными недостатками. Еще больше удалено отъ всеобщаго избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ, причемъ худшимъ слѣдуетъ считать это право въ Пруссіи. Менѣе несправедливымъ по формѣ, хотя и столь же несоотвѣтствующимъ дѣйствительной группировкѣ политическихъ партій по своимъ послѣдствіямъ, является саксонское, а гораздо лучше уже избирательныя системы въ государствахъ южной Германіи, которыя, вѣроятно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ничѣмъ не будутъ отличаться отъ системы подачи голосовъ на выборахъ въ рейхстагъ. Что касается Пруссіи и Саксоніи, то относительно ихъ очень трудно предсказать, когда въ нихъ трехразрядная система уступитъ мѣсто болѣе широкому избирательному праву.

Въ своей книжкѣ, посвященной разбору трехразрядной системы въ Пруссіи, Ястровъ (Jastrow, „Das Dreiklassensystem“, Berlin, 1894, p. 125 ff.) приходитъ къ заключенію, что реформы прусской избирательной системы можно добиться лишь тогда, если удастся провести въ общеимперскомъ рейхстагѣ обязательное для всѣхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи постановленіе, которое заставило бы ихъ ввести у себя всеобщее и равное избирательное право. Едва ли, однако, это предложеніе осуществимо. Во-первыхъ, рейхстагъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждаго отдѣльнаго государства, а къ такимъ относится и вопросъ объ избирательномъ правѣ. Во-вторыхъ, при нынѣшнемъ составѣ рейхстага съ подавляющимъ реакціоннымъ большинствомъ слѣдуетъ скорѣе ожидать ухудшенія избирательнаго права въ рейхстагъ, нежели улучшенія системы подачи голосовъ при выборахъ въ ландтаги.

Во всякомъ случаѣ, въ недочетахъ существующаго избирательнаго права какъ въ рейхстагъ, такъ и въ ландтаги, слѣдуетъ искать одну изъ главныхъ причинъ тѣхъ анахронизмовъ въ политической жизни Германіи, которые такъ не вяжутся съ ея высокимъ культурнымъ уровнемъ въ другихъ отношеніяхъ,—напр., господства аграріевъ въ парламентахъ, реакціоннаго характера имперской политики, въ особенности прусской, и т. д. Германія еще не успѣла достаточно сжиться съ парламентскимъ строемъ для того, чтобы цѣнить всю важность фундамента, на которомъ

онъ зиждется, т.-е. понимать все значеніе возможно широкаго избирательнаго права.

Изслѣдованіе вопроса объ избирательномъ правѣ въ Германіи показало намъ и еще одну интересную черту политической жизни этой имперіи—именно, вырожденіе либеральной партіи. Мы видѣли, что правое крыло буржуазной демократіи, такъ называемая національ-либеральная партія, по своему отношенію къ вопросу объ избирательной реформѣ, въ сущности мало чѣмъ отличается отъ консервативныхъ партій. Лѣвое же его крыло, такъ называемые свободомыслящіе, численно настолько слабо, что съ нимъ уже никто не считается, какъ съ реальной политической силой. Поэтому, напр., въ Германіи союзъ между крайней лѣвой и буржуазными либералами, подобный знаменитому „блоку“ во французскомъ парламентѣ, совершенно невозможенъ теперь въ рейхстагѣ, такъ какъ крайняя лѣвая отъ такого союза ничего бы не выиграла. Либералы представляютъ въ Германіи количественно слишкомъ ничтожную группу, чтобы изъ-за союза съ ними крайняя лѣвая рѣшилась въ чемъ бы то ни было отступиться отъ своей программы. А между тѣмъ объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта количественная и качественная слабость буржуазной демократіи является одной изъ причинъ нынѣшней беззастѣнчивой вакханаліи господства „юнкеровъ“ и „капланократіи“ въ „странѣ поэтовъ и мыслителей“, какъ когда-то гордо называла себя, и не безъ основанія, родина Гёте и Канта.

И. Осиповъ.

Мюнхенъ.

МѢДНЫЙ БУНТЪ

Историческій разсказъ.

Іюль 1662 года.

I.

Въ густо заросшемъ орѣшникомъ оврагѣ подъ Воробьевыми-горами, близъ Москвы, было прохладно и сыровато даже въ лѣтній полдень. Солнечные лучи еле пробивались сквозь густую переплетенную листву, и земля долго хранила въ себѣ дождевую влагу.

Изъ оврага, сквозь вѣтви и тонкіе стволы молодыхъ деревьевъ, далеко виднѣлись башенки и вышки Кремля, стройно тянулся къ небу Ивановскій столпъ, огнями пылали и переливались главы соборныя, сверкали слюдяныя оконца, пестрѣли затѣйливыя теремныя крыши, выглядывавшія изъ зелени садовъ. И все это было какъ кисеей заморской затянуто голубой прозрачной дымкой. Подъ ногами широкою, голубою же лентой извивалась рѣка, отражая и высокіе, обрывистые берега Воробьевыхъ-горъ, и осоку на низменномъ противоположномъ берегу.

Въ оврагѣ молча сидѣли какіе-то люди. Ихъ было здѣсь семь-восемь человѣкъ; всѣ—бѣдно одѣтые, въ рваныхъ кафтанишкахъ, однорядкахъ, грязныхъ рубахахъ. Одинъ только рейтаръ-барабанщикъ съ перевязью черезъ плечо выдѣлялся среди нихъ, хотя и его мундиръ былъ далеко не изъ новыхъ.

Только-что окончился оживленный споръ, какъ всегда—никого не убѣдившій ни въ чемъ, но заставившій всѣхъ горячиться и окончившійся тѣмъ, что одинъ изъ спорившихъ злобно проговорилъ:

— А ну васъ къ дьяволу! Ото всего отрекаюсь, коли такъ. Зря было намъ и глотки драть.

Напоминаніе о томъ, что спорщики позабыли осторожность и возвысили голоса, невольно заставило всѣхъ помолчать. Гдѣ-то, невдалекѣ, въ кустахъ, запищали и завозились птицы, вѣтки закачались надъ головами сидѣвшихъ—и снова все стихло.

— Что-жъ пріумолкли, братцы? Такъ-ли, сякъ-ли—дѣло вершить надобно-ть,—степенно заговорилъ пожилой уже человѣкъ, одѣтый опрятнѣе другихъ и по виду напоминавшій мелкаго торговца.

Онъ, повидимому, высказалъ мысль, безпокоившую всѣхъ собравшихся, но никто не отозвался на его призывъ. Да и чѣмъ отозваться было? Всѣ знали, что рѣшать надо, что тянуть нельзя больше, но какъ рѣшать?..

— Обѣтъ мы, знать, молчальный дали. Али Пахомъ сомутилъ всѣхъ, нечистаго помянулъ? — бойко спросилъ блѣдный и худой человѣкъ, окидывая взглядомъ товарищей. — Може, и впрямь—пождать еще, потерпѣть? Седьмой-то шкуры не сымали еще,—должно, скоро доберутся.—Насмѣшка явно звучала въ голосѣ оратора.

— Ну, ну... Шкуры-то себѣ приберегай, не зубоскаль зря. Ишь, шустеръ больно, калуцкій купецъ, краснобай! Не покупатели мы, чай...

— Нонѣ въ землѣ русской не стало покупателей,—заговорилъ „купецъ“.—И хлѣбъ-отъ Богъ посылаетъ, какъ встарь родился, а глянь-ка? И у помѣщиковъ, и у вотчинниковъ, и у пахотныхъ людей скирды да одонья не молоченыя отъ прошлыхъ лѣтъ стоятъ; торговые люди палаты свои прожили, про черныхъ людишекъ—и молвить нечего. Ровно мухи въ осень валятся съ голодухи... Одни и побогатѣли денежные мастера, что деньги тѣ воровскія бьютъ...

— Знамо, пока самъ въ Коломенскомъ, оно и краше-бъ, да все, мнится, маху какъ не дать бы.

— День ли, два ли пождать—для чего не пождать, да толку будетъ ли что?..

Блѣдный человѣкъ встрепенулся: не въ первый разъ слышалъ онъ эти осторожныя рѣчи, и боялся ихъ пуще огня.

— А по мнѣ, не для-чего ждать! — бойко прервалъ онъ

степенныя рѣчи.—Лежачимъ быть—мохомъ обрости, сказываютъ. Съ самой, почитай, Пасхи вѣсти пущены по Москвѣ; быть, молъ, гилю [1]) супротивъ воровъ да измѣнниковъ государевыхъ—всѣ ждутъ, всѣ шепчутся. Подметные листы своимъ чередомъ кладутся... Вотъ, Ивашко сказываетъ: ратные-де люди роптать починаютъ; чего-для тянемъ, молъ...

— Это онъ, Василій-то, правду истинную молвилъ, роптать починаютъ-де, — апатично подтвердилъ барабанщикъ. — По мнѣ хоть сей-же часъ. Палки въ руки—всѣ Кадаши [2]) подниму.

И снова примолкли всѣ. Надо было рѣшаться на что-то великое, серьезное и опасное, и, видимо, все духу не хватало, все боязно было, не забыли-ль чего, не кончилась бы худомъ вся затѣя. А затѣя была не малая: вывести измѣну изъ земли русской, челомъ царю бить, чтобъ головами измѣнниковъ выдавалъ.

Россія переживала тяжкое время. Народъ быстро разорялся, цѣны на все поднимались, мѣдныя копейки—фальшивыя и настоящія—наводняли Русь, и цѣна ихъ упала въ двѣнадцать разъ ниже серебряныхъ. А серебряныхъ денегъ почти не было въ народѣ: сборщики требовали платежа податей серебромъ, купцы тоже хотѣли серебряныхъ денегъ за свои товары, а сами норовили платить мѣдью. Серебро уходило въ сундуки царской казны, въ боярскія и купеческія кисы — народу оставались однѣ „воровскія деньги“ — мѣдныя копейки, дешевѣвшія съ каждымъ днемъ.

Окольничій Ртищевъ, придумавшій эти проклятыя деньги, да бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій—начальникъ двора монетнаго—богатѣли зато съ каждымъ днемъ: серебряныя рѣки безпрерывно текли въ ихъ громадные подвалы. Носились слухи, будто они на сторонѣ воровски чеканятъ мѣдныя копейки изъ своей мѣди и пускаютъ ихъ въ народъ, вымѣнивая на серебро.

Сборы пятинной деньги на содержаніе рейтаръ—новаго иноземнаго войска—ложились тяжкимъ бременемъ на всѣхъ неимущихъ, всѣхъ разоренныхъ уже „воровскими“ деньгами.

И темныя массы волновались; туманные, но тревожные толки носились по Москвѣ; всѣ были на-сторожѣ, всѣ чего-то ждали...

„Калуцкій купецъ“ вдругъ нервно ударилъ себя кулаками по колѣнку и тряхнулъ головой.

— Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, братцы! Сидѣть да молчать—

---

[1]) Такъ назывались въ XVII вѣкѣ народныя движенія.

[2]) Кадашевская слобода въ Москвѣ—мѣсто квартирнаго расположенія рейтарскихъ полковъ.

съ голодухи сгинешь, а у насъ и такъ животы подводитъ. Не дѣвки, чать, не жениховъ ждемъ. Надобно день выбрать, да и съ Богомъ. И какъ на чемъ положимъ тутъ—тому и быть, безъ увертки.

Молодой еще, задорный голосъ говорившаго звенѣлъ и настойчиво, и твердо. Всѣ слушали со вниманіемъ, незамѣтно заражаясь его рѣшимостью. Онъ говорилъ долго и непрерывно, не давая возражать, не давая раздумывать.

— Нонче вторникъ у насъ. Двухъ дёнъ хватитъ оповѣстить, кого надобно, листы разбросать, а въ пятницу—съ Богомъ. Въ пятницу дочка у царя именинница—Марья Алексѣвна, ради нея, глядишь, и самъ подобрѣе будетъ. И пало мнѣ на умъ: зачинать намъ—пока обѣдни не отойдутъ. Какъ двинутъ богомольцы изъ церквей—народу тьма пойдетъ.

— Ой, зря торопишь, Василій!—степенно вставилъ слово одинъ изъ слушавшихъ.

— Прозѣваешь—и воду хлебаешь, Кузьма Лукичъ. Вонъ она, Москва-то рѣка-матушка, подъ низомъ бѣжитъ, похлебай-ка... а мы ко щамъ привыкши,—шутливо откликнулся ораторъ.

Нѣкоторые разсмѣялись, но тотчасъ же и смолкли: не до шутокъ было.

— Такъ въ пятницу, братцы?—добивался своего говорунъ.—Листъ расклеютъ гдѣ на столбѣ подъ Китай-городомъ, кремлевскихъ чтобъ молельщиковъ перенять. Я у Троицы, на Срѣтенкѣ, людей соберу, насчетъ пятинной деньги [1]), молъ, лясы поточить. Иваша у съѣзжей—подъ барабанъ своихъ...

— Ишь, какъ по-писаному рѣжетъ! — завистливо сказалъ кто-то.

— Писано—не писано, а думушекъ безъ числа удумано-таки.

— Что же, въ пятницу, такъ и въ пятницу. День она тяжелый, пятница, да ужъ ну! Знамо, чего и ждать... Оно и боязновато, да пятиться некуда,—заговорили разомъ нѣсколько человѣкъ еще не вполнѣ увѣренно.

— Такъ по рукамъ что ль? А? — выкрикивалъ ораторъ. — Только стоять по совѣсти, во-какъ, не жалѣючи живота. Оробѣемъ коли, да крику боярскаго спугаемся—все прахомъ пойдетъ... да еще и на дыбахъ нависимъ, — добавилъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.

При напоминаніи о дыбѣ всѣмъ стало какъ-то не по себѣ, но отступать некуда было, и безмолвно дѣло рѣшилось. Никто

[1]) Особый сборъ, установленный для покрытія расходовъ на содержаніе рейтаръ.

не возразилъ „краснобаю“, но никто и не высказалъ громко и увѣренно своего согласія, а всѣ почувствовали, поняли, что дѣло рѣшилось... Всѣ, въ сущности, съ нетерпѣніемъ ожидали этого рѣшенія; всѣмъ казалось, что съ рѣшеніемъ и гора съ плечъ свалится, но на дѣлѣ не такъ вышло: гора съ плечъ не валилась. Всякій думалъ о своей роли въ задуманномъ дѣлѣ великомъ и о томъ, какъ бы животъ свой оберечь и дѣла не порушить. Одинъ краснобай-Василій казался беззаботнымъ и пытался шутить съ товарищами. Но и въ его шуткахъ было что-то нервное, неспокойное.

Цѣль совѣщанія была достигнута, и личные, свои житейскіе интересы каждаго изъ заговорщиковъ стали выплывать наружу. Когда не стало больше поглотившей всѣхъ мысли объ общемъ дѣлѣ,—всѣ почему-то заторопились по домамъ, будто боялись, что вотъ-вотъ раздвинутся кусты и выглянутъ сыщики.

— Дай, Боже! дѣло до краю довести!—сказалъ самый старый изъ собесѣдниковъ и перекрестился на горѣвшія главы кремлевскихъ соборовъ.

— Дай, Боже, дай, Боже!—повторили за нимъ другіе и стали расходиться, выбираясь изъ оврага, кто наверхъ—на горы, кто внизъ—къ рѣкѣ.

Краснобай-Василій пошелъ вѣрхомъ, черезъ Калужскую слободу, на Крымскій-бродъ. Ему приходилось идти почти черезъ всю Москву—въ Напрудное, что за Срѣтенкой. Онъ былъ доволенъ сегодняшнимъ совѣщаніемъ, доволенъ собою, своимъ дѣломъ. Его, пожалуй меньше, чѣмъ всякаго другого, тревожила мысль о возможности неудачи, о томъ, что всѣ затѣи могутъ придти къ докончанью въ застѣнкѣ или на плахѣ. Да такія мысли ему едва-ли и въ голову приходили. Послѣ бѣды—Василія захватило волной какой-то и понесло. И такимъ сильнымъ, гордымъ и храбрымъ чувствовалъ онъ себя теперь, такъ полна стала его жизнь—будто переродился онъ. Правда, въ его воодушевленіи было что-то нервное, болѣзненное, похожее на запой, на одурманиваніе самого себя, но это могли бы примѣтить только чьи-нибудь чужіе глаза, а не самъ онъ.

Передъ самымъ Рождествомъ надъ Василіемъ стряслась бѣда: сначала умеръ отъ какой-то лихой болѣсти ребенокъ—двухлѣтній мальчикъ, а за нимъ, черезъ нѣсколько дней,—и жена. Горе пришибло Василія: онъ забросилъ свою лавку, какъ потерянный бродилъ по калужскимъ улицамъ, стараясь подольше не возвращаться къ себѣ—въ свою избу, которая стояла неприбранная, осиротѣлая, съ тѣхъ поръ какъ вынесли изъ нея два гроба.

Заглядывалъ Василій на кружечные дворы, пробовалъ пить, но иной разъ и вино не брало его, а во хмелю все мерещился голосъ жены и переливистый смѣхъ сынишки. Ходилъ онъ и къ самому протопопу соборному, и къ знахаркамъ—никто не могъ и не умѣлъ помочь ему, никто не зналъ, что̀ ему слѣдовало сдѣлать надъ собой.

— Да возьми ты въ толкъ, отецъ,—съ тоской говорилъ онъ протопопу:—постыло мнѣ все стало, мысли идутъ недобрыя, нечистый лукавыя словеса шепчетъ денно и нощно... Куда дѣваться мнѣ?..

— Искушеніе отъ Господа Бога ниспосылаемо намъ многогрѣшнымъ бываетъ,—безучастнымъ, наставительнымъ голосомъ отвѣчалъ протопопъ.—Ежели мірская жизнь постыла тебѣ—Богу послужи, въ обитель святую иди, смиряйся...

Но въ словахъ протопопа Василій не чуялъ живого участія къ себѣ, и они звучали для него такъ же глухо, какъ будто онъ со стороны слышалъ ихъ, какъ будто не съ нимъ говорилъ протопопъ, а съ кѣмъ-то другимъ, съ чужимъ человѣкомъ.

И онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, куда идти, чѣмъ жить. Одно зналъ онъ—и это было вѣрнѣе вѣрнаго,—что попрежнему жить нельзя больше, не въ моготу, что надо сдѣлать что-нибудь надъ собой, затѣять такое дѣло, которое заставило бы забыться, разогнало бы думы, но такого дѣла онъ не видалъ вокругъ.

Оборванный, голодный, нищій бродяжка помогъ Василію такъ, какъ не могли помочь ни товарищи-купцы, ни протопопъ, ни знахарки. У кружечнаго двора встрѣтилъ его Василій, разговорился, повѣдалъ ему кручину свою неисходную и разговорилъ его гуляка бездомовный.

Василій жилъ тою же жизнью, какой жили всѣ мелкіе и крупные купцы калужскіе, его товарищи и сосѣди по гостиному двору. Сидѣлъ въ лавкѣ; продавалъ, покупалъ; вѣчно клялся и божился покупателямъ даже безъ особой нужды, обманывалъ ихъ постоянно и настойчиво копилъ деньгу, упорно мечтая о томъ, какъ онъ разбогатѣетъ, переберется въ московскій гостиный дворъ, въ богатые купцы выйдетъ, ѣсть и пить будетъ на серебрѣ, какъ воевода какой-нибудь. И не столько самого его манило богатство, сколько хотѣлось ему видѣть въ холѣ и почетѣ жену съ наслѣдникомъ. Чужое горе, чужая нужда не трогали его сердца; и не потому, чтобы онъ былъ скупъ, а просто потому, что и времени не было разводить руками на чужія горести, да и деньги проклятыя какъ-то незамѣтно полюбились ему. По цѣлымъ днямъ звенѣли онѣ въ его лавкѣ, зве-

нѣли у сосѣдей... Ихъ звонъ возвѣщалъ безбѣдную, счастливую жизнь, и мудрено было не заслушаться его...

Гуляка бездомовный будто двери Василію распахнулъ на свѣтъ Божій, будто изъ подвала какого темнаго вывелъ его на улицу. Василій увидалъ вокругъ себя цѣлое море человѣческихъ мученій; увидалъ, сколько приходилось терпѣть и выносить тѣмъ самымъ сермяжнымъ покупателямъ, которыхъ онъ, купецъ, все хотѣлъ обмануть и прижать, передъ которыми онъ такъ лицемѣрно жалобился на дороговь, на стѣсненья въ торговыхъ дѣлахъ, на „воровскія деньги“; изъ дырявыхъ нищенскихъ сумъ онъ норовилъ выманить лишній грошъ.

И вся прошлая его жизнь показалась ему такой нечестною, „не божескою“, что даже жутко и стыдно стало за самого себя, а тутъ еще вкрадчивый голосъ пробужденной совѣсти сталъ нашептывать, что Богъ покаралъ его за такую жизнь, что самъ онъ—никто другой—виновникъ двухъ смертей, унесшихъ съ собою въ могилу весь смыслъ его жизни.

Съ недѣлю жилъ гуляка въ Васильевой избѣ, и за эту недѣлю вовсе другимъ человѣкомъ сталъ калужскій купецъ. „Нельзя такъ жить,—думалось ему и днемъ, и ночью, спросонокъ:—Мамону продался, ожесточился... Господи, помилуй!.. Да Богъ съ ней, съ жизнью такой, и съ деньгами; съ ѣдою сытной, избой теплой... Уйти, бросить все!“ Онъ не зналъ еще, куда пойдетъ и зачѣмъ, но рѣшенье покинуть родной городъ созрѣло очень быстро. Сначала какъ будто и жаль было: столько лѣтъ бился, деньги копилъ—и въ одночасье бросить все, по новому начать жить!.. Но желанье уйти на новыя мѣста, забыться, заморить себя на работѣ—одолѣло. Лавка съ избой была продана, кубышка, зарытая на дворѣ, опорожнена; часть денегъ пошла на поминъ, другую онъ взялъ съ собою.

Василій очутился въ Бѣлокаменной, отыскалъ ушедшаго туда раньше своего новаго друга и совѣтчика. Москва была для калужскаго купца какимъ-то новымъ царствомъ,—такъ много невиданнаго и страннаго пришлось встрѣтить ему. Тамъ, въ Калугѣ, жили покойнѣе, смирнѣе, тамъ и въ кабакахъ не слыхивано было такихъ дерзкихъ рѣчей, какія здѣсь велись на улицахъ. Василія поразила не роскошь московской жизни, не пышность царскихъ и боярскихъ выѣздовъ, не многолюдство даже. Его поразило то, что вокругъ постоянно были только несчастные люди, только мученики и страдальцы. Всѣ были недовольны, всѣмъ худо жилось, всѣ бились, какъ рыба объ ледъ, и ничего не могли подѣлать. Не было правды въ Москвѣ! Конечно, ея не было и

въ Калугѣ, но тамъ Василій не такъ замѣчалъ это, тамъ не было такого скопленія жалобщиковъ, какъ въ стольномъ городѣ, у царскихъ теремовъ, въ горницахъ приказовъ.

И когда Василій понялъ это—ему стало жутко.

Время шло; деньги скоро были прожиты, тѣмъ болѣе потому, что Василій охотно ссужалъ ихъ взаймы новымъ знакомцамъ. Пришлось искать работы, а ея не было... И сама жизнь незамѣтно стала натравливать Василія на богатыхъ и сытыхъ, жирѣвшихъ со дня на день. Дороговизна жизненныхъ припасовъ обострила разницу между богатыми и нищими: одни лопались съ жиру, другіе—съ голода, и недовольство росло не у одного Василія. Гдѣ-то на самомъ днѣ московской пышной и разгульной жизни копошились какіе-то кроты, рылись въ землѣ, и только нелѣпые слухи да подметныя письма обнаруживали ихъ...

Василій сдѣлался однимъ изъ этихъ „кротовъ“. Московскій воздухъ, которымъ дышалъ онъ, москворѣцкая вода, которую онъ пилъ, московскій хлѣбъ, московское пиво—все было отравлено недовольствомъ и отравляло его.

У недовольныхъ и голодныхъ не было вожака: они не выбирали его, не искали и не ждали. Не было кремня, но трутъ тлѣлся, и ѣдкій, щекочущій дымокъ подбирался даже къ златоверхимъ теремамъ царскимъ, щекоталъ въ боярскихъ ноздряхъ, какъ поганое зелье табачное... Но въ Замоскворѣчьи—по слободамъ жили рейтары, по Москвѣ—стрѣльцы; они могли затушить всякіе пожары, и подозрительный дымокъ почти не нарушалъ боярскаго покоя.

II.

Уже подъ вечеръ добрался Василій до своего шалаша въ Напрудномъ, на огородахъ купца Сѣдельникова.

Когда всѣ запасы Василія истощились, онъ послѣ долгихъ поисковъ нанялся въ сторожа, взялъ даже грошевую плату, прельщенный возможностью не разставаться съ новымъ своимъ пріятелемъ, который тайкомъ и жилъ у него въ шалашѣ.

Пробираясь между зеленѣвшихъ капустныхъ грядъ, Василій услыхалъ тихое пѣніе пріятеля. Онъ любилъ пѣть по вечерамъ какія-то чужія, не-русскія пѣсни—жалобныя и протяжныя. Въ этихъ пѣсняхъ было что-то родное и для Василія: вспоминалась ему давно умершая мать, смутно вспоминались ея пѣсни—такія же протяжныя и заунывныя и тоже какъ будто не-русскія.

Этотъ пріятель былъ странный человѣкъ. Настоящаго имени

своего онъ не открылъ Василію, какъ ни былъ съ нимъ друженъ; мало разсказывалъ про себя, про прежнюю свою жизнь. Разъ какъ-то обмолвился онъ про литовскую сторону, да и то скоро замолкъ и перевелъ разговоръ на другое. Сначала все это очень занимало Василія, онъ всячески старался разговориться съ пріятелемъ по душамъ; довѣдаться, откуда онъ по-литовски говорить и писать даже выучился, но потомъ, видя полную безуспѣшность своихъ попытокъ, примирился. Пріятель назвалъ себя Павломъ, а больше ничего не хотѣлъ говорить про себя.

Много странностей было въ Павлѣ. Иной разъ, безъ видимой причины, онъ заводилъ вдругъ рѣчи про то, что хорошо бы бросить все затѣянное имъ дѣло, раздобыться гдѣ-нибудь чеканомъ, мѣдью и бить фальшивыя копейки.

— Погляди-ка, Милославскіе съ Шоринымъ деньжищъ сколько нажили на воровскихъ-то копейкахъ! Сундуки ломятся... Что̀ цари — подѣлались, знать никого не знаютъ, самого дьявола не боятся, пьютъ да ѣдятъ себѣ вдосталь. А чѣмъ бы я хуже противъ ихъ былъ? Анъ, я, вишь, бездомовникъ, шатущій, а они — баре великіе... Мнѣ пинки да тычки, а имъ посулы всякіе, да поклоны поясные...

Дивился Василій на такія рѣчи — ушамъ не вѣрилъ, а Павелъ сидитъ себѣ на соломѣ и ухмыляется еще. А то другія рѣчи поведетъ и еще пуще тоску нагонитъ ими.

— Копошимся мы, ровно муравьи на муравейникѣ разоренномъ, письма по городу раскидываемъ, языками зубы колотимъ... А на что̀?.. Не́што люди того стоютъ?.. Поманитъ, скажемъ, царь, да и не царь — просто бояринъ, аль дворянинъ думный: всѣ бѣды свои забудетъ человѣкъ, опрометью, со всѣхъ ногъ кинется на зовъ... Для этакихъ-то мы съ тобой, дурни, животовъ не щадимъ, не спимъ, не ѣдимъ — все думушки думаемъ, какъ бы свѣтъ такъ повернуть, чтобъ жилось въ немъ легче. Правду хотимъ вызволить, да, ау, братъ!.. Рожки да ножки отъ правды-то остались — собачья снѣдь, а говяды-то бояре поѣли и насъ не позвали... Невдомёкъ, должно, было, аль недосужно...

И Павелъ смѣялся тихимъ, шипящимъ смѣхомъ, отъ котораго жутко становилось на огородахъ.

— Ну, какъ тебя Богъ носитъ? — привѣтствовалъ Василія Павелъ, сидѣвшій возлѣ шалаша и давно уже примѣтившій пробиравшагося домой друга.

— Порѣшили... Какъ ты сказывалъ, такъ все и вышло.

— Да ну? Ишь, откуда и прыть взялась!

— Порѣшили! — и Василій разсказалъ весь ходъ совѣщанія

на Воробьевыхъ-горахъ. Павелъ слушалъ молча и ничего не сказалъ, когда Василій умолкъ.

Солнце скрылось за деревьями; разомъ стало прохладнѣе и тише. Вдалекѣ, въ бархатистой дали зажегся одинокій огонекъ. Запоздалая птица, тяжело шумя крыльями, пролетѣла надъ огородомъ; откуда-то донесся обрывокъ пѣсни—веселой и пьяной...

На яркомъ вечернемъ небѣ будто рисованныя вырѣзались пузатыя теремныя крыши, остроконечныя вышки съ кокошниками и затѣйливыя флюгарки коломенскаго дворца.

Ужъ отужинали во дворцѣ, но спать не ложились еще—послѣ знойнаго дня всѣмъ хотѣлось вволю надышаться вечернею прохладой. Царь сидѣлъ у распахнутаго окна и слушалъ мѣрное, пѣвучее чтеніе монаха по толстой книгѣ съ громадными застежками. Притихла и царица, и бояре ближніе, слушая наивную повѣсть о чьихъ-то бѣдахъ и страданіяхъ. Залетѣвшій въ горницу шмель гудѣлъ и бился на потолкѣ; ночная бабочка вилась у зажженной свѣчи, пригибая въ разныя стороны ея острый, желтый огонекъ.

Почти на другомъ концѣ дворца, въ горницѣ тестя царскаго, Ильи Данилыча Милославскаго, тоже свѣтился огонекъ и слышались тихіе голоса, но окошко было притворено: видно, чужихъ ушей опасались. За столомъ, покрытымъ дорогою камкой, сидѣло всего трое: хозяинъ горницы, московскій гость Шоринъ, да бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, воеводствовавшій на Москвѣ, за отсутствіемъ царя.

— Знамо, коли бы довѣдаться, и спать можно съ легкимъ духомъ,—задумчиво говорилъ Куракинъ.—Да не могли сыщики мои познать толкомъ, въ какой день и часъ тому гилю быть...

— Все одно, хошь и знай—не обережешься. Гилю быть надлежитъ все одно, какъ нарыву. Нарываетъ, нарываетъ и лопнетъ, а какъ лопнетъ — всей болѣсти конецъ,—важно отозвался Илья Данилычъ, наливая въ тяжелые стаканы дорогого царскаго вина.—Много заботъ намъ Ртищевъ Петръ Михайлычъ сотворилъ съ затѣей своей, съ копейками мѣдными, а не будь ихъ—и того бы горше привелось. Гдѣ его, серебра-то, сыскать?.. Какъ воспрещенье вышло торговать гостямъ аглицкимъ—какъ отрѣзало...

Куракинъ молча, но выразительно поглядѣлъ на Милославскаго, какъ бы удивляясь его рѣчамъ, потомъ на Шорина.

— Сыскать бы анаѳему того, что листы строчитъ да раскидываетъ,—со вздохомъ сказалъ онъ.—Кажись, изъ своей бы мошны награду далъ...

— Тебѣ что, Ѳедоръ Ѳедорычъ, у тебя деньжищъ-то куры не клюютъ, а я бы и копеечки ртищевской пожалѣлъ за писца этого.

— Какъ такъ?

— Да такъ ужъ... Намъ, братъ, неча бояться, — ласково похлопывая по плечу Куракина, говорилъ Милославскій. — Хоть-бы и вся Москва гилемъ пошла, и то — отдышемся. Памятно, чай, какъ на Морозова поднялись - было, а что вышло? Укокошили Плещеева, Траханіота, да Чистого—только и всего. Ужъ коли мы царя не сдержимъ — кому-жъ и сдержать его? Чай, за насъ онъ станетъ, не за черный народъ. Что ему въ народѣ-то?.. А безъ насъ—какъ безъ рукъ, не токма что царствомъ, а и селомъ однимъ не управить ему безъ насъ, безъ думныхъ-то людей... Людишекъ подлыхъ не жалѣть стать—лѣсовъ муромскихъ на висѣлицы не станетъ что-ль, аль дубовъ на плахи?..

Милославскій говорилъ съ такою увѣренностью, что невольно ободрился и Куракинъ.

— Отдышаться-то, Илья Данилычъ, вѣрно ты молвилъ—отдышемся, а все бы гилю избыть краше.

— Супротивъ сего кто говоритъ... А може съ гилемъ-то и складнѣе станетъ еще: буяновъ да голи кабацкой на Москвѣ поубавится, дышать вольготнѣе будетъ.

— Охъ, слушаю я васъ, бояре честные, а самого оторопь беретъ,—вмѣшался давно ужъ молчавшій Шоринъ.—Вамъ что, у васъ заступа великая, а мнѣ каково? Пятинной деньги не подарятъ черные люди...

— Какъ прослышишь что, въ Кремль бѣги, къ Ѳедоръ-Ѳедорычу. У него тамъ, какъ у самого Христа за пазухой.

— А товары, деньги?..

— Схорони до времени, коли такъ ужъ боязно... А по мнѣ — зря полошитесь вы. Мало рейтаръ на Москвѣ что-ль? Переловить горлановъ, пугнуть, чтобъ свѣту не взвидѣли—и гилю конецъ.

— Такъ-то оно такъ, а все подъ Богомъ ходимъ. Сказано: „ни вѣсте ни дня, ни часа“...

Долго еще шла бесѣда въ горницѣ у Милославскаго. Наконецъ, Куракинъ съ Шоринымъ уѣхали, сопровождаемые „на случай“ нѣсколькими стрѣльцами.

Илья Данилычъ съ облегченіемъ вздохнулъ, подошелъ къ оконцу и раскрылъ его. Теперь ему нечего было опасаться досужихъ ушей—мыслей не подслушаешь.

Не показывая гостямъ вида, что его тревожатъ московскіе слухи, Милославскій притворялся. Онъ зналъ, что его имя не разъ будетъ названо гилевщиками; зналъ, сколько завистниковъ у него среди бояръ, готовыхъ всѣмъ воспользоваться, чтобы поколебать его вліяніе и власть. Правда, ему—царскому тестю—нечего было особенно бояться наговоровъ боярскихъ, да и сама опала не страшна ему была бы теперь, когда въ подвалахъ было свалено столько серебра,—но все-таки московскія затѣи раздражали его. Уѣзжая съ царемъ въ Коломенское, онъ громко твердилъ о необходимости отдохнуть за лѣтнимъ временемъ, силъ къ зимѣ набраться. Говорилъ онъ это не безъ нѣкоторыхъ сокровенныхъ мыслей и причинъ и вдругъ—московскія волненія, подметныя письма, толки о гилѣ...

Бояринъ призадумался, обвѣваемый ночною прохладой.

Огонекъ въ царской опочивальнѣ погасъ. „Тишайшему“ грезились тѣ праведники, о которыхъ читалъ монахъ; онъ переживалъ ихъ мученья и гоненья отъ нечестивыхъ язычниковъ; стоналъ и плакалъ во снѣ, просыпался въ холодномъ поту... Но въ переднемъ углу, у божницы, мирно горѣли лампады и тѣни колебались и ходили по потолку и стѣнамъ. Успокоенный, Алексѣй Михайловичъ снова засыпалъ...

III.

Душно; дышать нечѣмъ на пыльныхъ московскихъ улицахъ... Собаки—и тѣ въ тѣнь попрятались.

Въ Ордынской слободѣ, за съѣзжей избой, собралось человѣкъ десять рейтаръ и среди нихъ барабанщикъ—Ивашка Савостьяновъ. Не боятся солдаты зоркаго глаза начальническаго: въ этакую жару, да послѣ обѣда еще, одно у всѣхъ на умѣ: вздремнуть часокъ. Да на случай у нихъ и уговоръ съ караульнымъ, что у избы стоитъ — подавать голосъ, коль завидитъ кого. Ивашка шопотомъ разсказываетъ про вчерашнее совѣщаніе на Воробьевкѣ, и слушаютъ всѣ внимательно, слова не проронятъ.

— И приговорили, стало быть, чтобы въ пятницу въ обѣдни починать, и чтобы всѣхъ охочихъ за правду стоять повѣстить... Да... А листъ, стало быть, подъ Китаемъ-городомъ навѣсятъ и честь учнутъ всенародно, а какъ учтутъ — такъ идтить, молъ, съ листомъ тѣмъ къ самому, въ Коломенское, всѣмъ, какъ одинъ. Да...

— Замѣсто именинnаго пирога, выходитъ?..

— Да, а стоять всѣмъ міромъ на-крѣпко... Д-а-а...

— Заладила сорока: „да-а“, „да-а!“—передразнилъ кто-то разсказчика. — Чего тамъ „да-а“? Знамо, коли не стоять, въ раздробь идти—костей не соберешь...

— Жуткое-жъ дѣло завели! — боязливо проговорилъ одинъ изъ рейтаръ, поёживаясь, будто отъ холода.—А маеоръ-то нашъ? Онъ что?

— Не маеорово дѣло это. Ему какая печаль? Чай, скоро полковникомъ станетъ: ему нужда царскую руку тянуть, ихъ сторону держать... Маеоръ въ сторонѣ.

Рейтары, какъ и всѣ въ Москвѣ, знали о готовящемся гилѣ и сами готовы были идти объ руку съ гилевщиками: воровскія деньги не по душѣ были и имъ, какъ и всему бѣдному люду; и ихъ стѣсняла „дороговь“.

Несмотря на томительный зной и духоту на Сѣдельниковскихъ огородахъ, въ убогомъ шалашѣ—кипѣла работа.

На большомъ обрубкѣ отъ какого-то пня Павелъ мастерилъ подметныя письма. Старое перо гнусаво поскрипывало и одна за другой лѣпились въ строки кривыя, хвостатыя буквы. Плохо писали разведенныя квасомъ чернила, плоха была и грязноватая, побурѣвшая бумага, но Павелъ мало безпокоился объ этомъ. Онъ улыбался иногда самъ себѣ, покачивалъ головой, закрывалъ глаза и прижималъ руку съ перомъ къ губамъ, выдумывая новую фразу, новое обвиненіе противъ измѣнниковъ земли русской.

Павелъ писалъ красиво и скоро. Немало подметныхъ писемъ его работы хранилось уже въ Сыскномъ приказѣ, и старые, опытные дьяки дивились красотѣ почерка и правильности письма.

— Экій дьякъ бы славный вышелъ!—говорили они.—И латынью какъ пишетъ, ровно нѣмчинъ. Поди-жъ ты, вотъ: золотой человѣкъ, а пропадаетъ, да еще дѣлами экими промышляетъ...

Городская жизнь шла своимъ чередомъ. Миновало время послѣобѣденнаго сна—ожили улицы.

Подъ Новинками изъ двора во дворъ шатался странникъ какой-то: запыленный, загорѣлый, съ сумой на спинѣ и длиннымъ посохомъ съ крестомъ въ корявыхъ рукахъ.

— Приспѣли тяжкія времена; ой, тяжкія!—причиталъ онъ передъ любопытствующими слушателями.—Паства Господня сиротствуетъ; святыни московскія великія обездолены; отреченъ пастырь великій... Приспѣлъ часъ нарожденья антихристова; нечестивые слуги его, яко львы рыкаяй, по землѣ рыскаютъ

христіанской, и мнозіи соблазнилися о немъ. Горе, горе! На монастырѣ у Алексія-угодника письмены сокровенныя на камене явились и вѣщаютъ годину бѣдствій неизрекомыхъ. Гладъ и трусъ за плечьми; дѣти восплачутъ о хлѣбѣ у отцовъ своихъ и не выплачутъ... И отъ того трусу, и гладу, и дорогови безмѣрной великое множество душъ человѣческихъ погинетъ и запрудятся усопшими всѣ рѣки и всѣ озера, и отравятся всѣ воды земныя. И небеса огненными слезами восплачутъ, и гласъ трубный прослышится до нѣдръ земельныхъ!..

Эти подчасъ несвязныя, но всегда грозныя прорицанія встрѣчала могильная, зловѣщая тишина среди слушателей, въ которой чуялось что-то напряженное, въ которой крылась, казалось, какая-то бѣда неминучая, незримая еще, и тѣмъ болѣе ужасная. Непонятныя, полныя таинственныхъ намековъ, почти безумныя рѣчи странника были, однако, всѣмъ понятны, всѣ предчувствовали что-то.

Странникъ звалъ всѣхъ, кто вѣруетъ въ истиннаго Бога, кто не хочетъ послужить антихристу и аггеламъ его—на бесѣду о деньгѣ пятинной у Троицы-въ-Листахъ, въ пятницу, въ обѣдни.

Какой-то человѣкъ въ лазоревомъ кафтанѣ, по виду—дьякъ, остановилъ-было странника, но тотъ вырвался и юркнулъ въ толпу, которая съ грозно-молчаливымъ видомъ заслонила его собою... Дьякъ выругался, постоялъ немного, потомъ, махнувъ рукою, ушелъ,—а странникъ продолжалъ переходить изъ двора во дворъ съ повѣстью объ аггелахъ антихристовыхъ и нечестивыхъ мѣдныхъ копейкахъ, запечатанныхъ его—антихристовой—печатью...

Еслибъ Куракинскіе сыщики захотѣли и могли разомъ заглянуть во всѣ дворы московскіе—не въ роскошные терема, не въ каменныя хоромы и палаты, а въ бѣдныя избушки, въ огородные и иные шалаши, подъ мосты и заборы, въ овраги и ямы,—они перепугались бы на смерть, увидавъ, какіе корни пустили подметныя письма, какія продерзостныя рѣчи передавали шопотомъ другъ другу и старые, и молодые...

Но сыщики, воспользовавшись лѣтнимъ временемъ и отсутствіемъ царя, мирно отдыхали. Изрѣдка, по вечерамъ, заходили они на кружечные дворы, прислушивались къ разговорамъ и—все напрасно. Дерзновенныя рѣчи коли и слышались, такъ отъ пьяныхъ...

Покончивъ свое писанье и засунувъ въ уголъ чернильницу съ перомъ, Павелъ аккуратно сложилъ исписанные листки, сунулъ ихъ за пазуху, осторожно выглянулъ изъ шалаша и вышелъ.

По выцвѣтшему и пожелтѣвшему на горизонтѣ небу будто литыя изъ серебра лѣниво тянулись облака. Павелъ неторопливо шелъ по дорогѣ между огородовъ. Прохожіе попадались навстрѣчу не часто, да онъ и не привлекалъ вниманія. Бѣдноты да голи много было на Москвѣ, особливо въ нонѣшнія тяжкія времена. Павелъ думалъ о чемъ-то, и лицо его часто мѣнялось: то мрачнѣло, то веселѣло.

По мѣрѣ приближенія къ городу улицы оживали, а за Срѣтенскими воротами стало и вовсе людно и шумно. Павелъ сговорился встрѣтиться съ Василіемъ на Красной площади у Николаевскихъ воротъ. Когда онъ подходилъ къ воротамъ, Василій былъ тамъ уже; они тихо поговорили о чемъ-то и разошлись: Василій—въ Кремль, а Павелъ пошелъ внизъ по Тверской, въ Ямскія слободы.

Въ Кремлѣ было непривычно пустынно и тихо по причинѣ отсутствія царя. У теремовъ не толпились просители, не кричали стрѣльцы, разгоняя праздную толпу зѣвакъ.

Солнце склонялось на покой, когда Василій вышелъ изъ Земляного города и добрался до слободскихъ избушекъ. Въ потайной корчмѣ у тетки Соломониды сходились по вечерамъ разные люди. Просторная изба нерѣдко еле вмѣщала гостей, и не бывало еще случая, чтобы воровскіе глаза сыщиковъ подглядѣли поздній огонекъ сквозь ставни. Да сыщики рѣдко и заглядывали въ эту довольно пустынную еще часть города.

Василій съ Павломъ давно уже странствовали по вечерамъ изъ корчмы въ корчму, повсюду вербуя сторонниковъ. Бывшій купецъ калужскій осторожно постучалъ въ ставень, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ мѣстными обычаями и порядками; его впустила сама толстая Соломонида, грубо проворчавъ, по привычкѣ, какое-то привѣтствіе. Соломонида знала, что когда-нибудь да накроютъ ее царскіе сыщики, но тайная торговля была такъ прибыльна, что корысть брала верхъ надъ опасностью.

Василій оглядѣлся и присѣлъ съ краю большого стола, за которымъ сидѣло уже нѣсколько человѣкъ гостей, попивавшихъ пиво, брагу, а иные—и меды изъ глиняныхъ кружекъ. Разговоры велись въ полголоса, почти шопотомъ; бушевавшихъ и кричавшихъ пьяницъ немедленно выпроваживали куда-то дюжіе сыновья „цѣловальницы“, такъ какъ крикуны могли привлечь вниманіе прохожихъ.

— Слухъ ходитъ, ровно въ пятницу, у Троицы-въ-Листахъ, про пятинную, слышь, бесѣда будетъ, — говорилъ одинъ изъ гостей.

— Чуялъ и я про то, да вѣры не даю... Пронюхаютъ, разгонятъ, еще въ бѣду попадешь.

— А что-жъ? Бѣдъ-то, говорится, семь, а отвѣтъ—одинъ.

— Взять-то съ насъ что? — нервнымъ голосомъ вмѣшался въ бесѣду Василій.—Крови человѣчьей и такъ вдосталь льется, а достатки наши—у кого и были, такъ сплыли давно. Серебру нонѣ возврату къ намъ не стало; серебро къ серебру и тянетъ, а мы и съ мѣдью живемъ. Пухнемъ, маленечко, съ голоду, да бояре сказываютъ—въ пухлости красы больше.

Василій старался говорить шутками, но никто не смѣялся—такою злобой и ожесточеніемъ дышала его рѣчь, такъ грозенъ былъ его почти свистящій шопотъ. Гости поглядѣли на него внимательнѣе: иные боязливо, другіе—и этихъ было больше—съ явнымъ сочувствіемъ.

— Дурни мы—вотъ что!—продолжалъ Василій, невольно припоминая слова и обороты рѣчи своего „учителя“. — Бояре надъ нами верховодятъ, а мы ровно псы—руки имъ лижемъ, да хвостами виляемъ... Глядѣть мерзко! Съ голоду пухнемъ, а все виляемъ. Словно куры, ждемъ, авось—поманятъ, авось—крупицы, либо овсеца посыплютъ, да еще и „цыпъ-цыпъ“ скажутъ... Тьфу!

Гости молча прислушивались къ шопоту незнакомаго имъ человѣка, не первый разъ уже навѣщавшаго, однако, „теткинъ кабакъ“, какъ звалась у москвичей Соломонидина корчма.

— А что тутъ дѣлать-то? — тоскливо спросилъ одинъ изъ гостей, ни къ кому, собственно, не обращаясь.

— Что дѣлать? — подхватилъ Василій. — Не хвостами жъ вилять, да на Милославскую стряпуху облизываться... Эхъ, братцы родненькіе, нѣшто въ боярахъ сила?—внезапно перешелъ онъ на другой тонъ, задушевный и вкрадчивый.—Нѣшто на боярскихъ шапкахъ земля стоитъ русская?.. Нами стоитъ она, други сердечные; нами—худородными людишками. Пойди мы сей же часъ, да скажи: „не хотимъ пятинной деньги платить, не хотимъ копеекъ мѣдныхъ, воровскихъ“...

— Прытокъ гораздо... Пойди-ка, сунься. Чего захотѣлъ!

— Одинъ не сунусь, знамо. А коли всѣмъ міромъ?.. Коли ото всей земли русской челобитьемъ?

И Василій оглянулъ своихъ слушателей. Ничего нельзя было прочесть на ихъ угрюмыхъ, землистыхъ лицахъ.

— Что-жъ молчите-то? Богъ-то Батюшка за кого станетъ: не за бояръ же? Не за разорителей нашихъ, Милославскихъ да Ртищева? Али за купцовъ? За Шорина станетъ, за паука, что

кровь со всей земли сосетъ, ровно аспидъ окаянный?.. Слыхали, чай, что̀ въ листахъ-то писано и про кого, про чьи вины великія, про чьи измѣны?..

— Слыхали про листы-те. Кто-жъ его вѣдаетъ—може, и брешутъ... А и не брешутъ, такъ все одно ни къ чему,—послышались голоса.

— А будь онѣ прокляты, деньги тѣ анаѳемскія!—болѣзненно отозвался испитой парень, молча сидѣвшій въ углу и вслушивавшійся. Это восклицаніе вырвалось у него, повидимому, невольно. Онъ пріостановился, какъ-то растерянно оглянулся, помедлилъ немного, перекрестился на образъ и внезапно упалъ на колѣни, на грязный полъ корчмы.

— Убейте меня, православные! Убейте анаѳему, христопродавца! Дѣлалъ, вѣдь, я, окаянный, деньги тѣ воровскія—въ подвалахъ у Шорина, на Сѣтуни, дѣлалъ... Чеканомъ билъ...

Это неожиданное признаніе всѣхъ ошеломило-было, но не надолго. Гости задвигались и грозно насунулись на каявшагося. Соломонидины сыновья были ужъ тутъ какъ тутъ и стали между говорившимъ и гостями.

— Тише, ай забыли, гдѣ вы?... Ай, по плахѣ соскучились?—говорили они, боясь, какъ бы не поднялось криковъ.

Ихъ сторону взялъ и Василій.

— Упаси Боже, братцы, тронуть его!—убѣдительнымъ голосомъ вмѣшался онъ.—Кается человѣкъ, душу желаетъ облегчить, а вы хватать его... Пусть кается, не уйдетъ—все одно... Казнить успѣемъ.

Не сразу согласились гости слушать исповѣдь парня, у многихъ руки чесались тутъ же прикончить предателя, но благоразуміе все-таки одержало верхъ, да и Соломонидины богатыри не дали бы тронуть бѣднягу.

Парень разсказалъ исторію, въ которой по тѣмъ временамъ не было ничего необыкновеннаго. Съ появленіемъ мѣдныхъ копеекъ на Руси десятками тысячъ народились фальшиво-монетчики. Иные работали въ одиночку, иные съ пріятелями, а были и такіе предпріимчивые люди, которые устраивали цѣлые монетные дворы потайные. На одномъ изъ такихъ дворовъ и работалъ—съ голодухи—парень, да совѣсть его взъзрила, бѣжалъ и прятался по Москвѣ, гдѣ день, гдѣ ночь.

Василій мигомъ сообразилъ и оцѣнилъ значеніе такого живого свидѣтеля противъ всѣмъ ненавистнаго Шорина—откупщика пятинной деньги,—и когда парень съ рыданіями кончилъ свою исповѣдь, Василій снова заговорилъ, не давая высказаться другимъ.

— Мало имъ, что землю въ конецъ разорили, лиходѣи. Хотятъ всю Русь-матушку панамъ польскимъ продать, латынь завести поганую. Понаѣдутъ дьяволы усастые на Москву, какъ въ лихолѣтье было; церкви святыя припечатаютъ, учнутъ въ вѣру свою жидовскую дѣтей нашихъ силкомъ крестить...

— Троеперстники, окаянцы!—проворчалъ кто-то.

— Мнѣ что? Я—бобыль-человѣкъ, сиротинка. „Одна голова—не бѣдна", молвится. Робятокъ мнѣ жальче всего. Загубятъ ихъ душеньки ангельскія...

Когда Василій собрался уходить, отдавъ собесѣдникамъ одинъ изъ писанныхъ Павломъ листовъ, почти всѣ были на его сторонѣ и обѣщали придти въ пятницу на совѣтъ о пятинной деньгѣ...

Василій, подъ руководствомъ Павла, весь ушелъ въ новое для него и интересное дѣло. Сторонниковъ искать не приходилось—они были повсюду,—надо было только масла въ огонь подливать, раздувать тлѣвшій уже огонекъ.

Сыскное дѣло въ ту эпоху было плохо еще организовано, и бояре больше всего полагались на военную силу и особенно на вновь сформированные по иноземнымъ образцамъ конные рейтарскіе полки. Съ тайными замыслами они не могли бороться, но и открытаго сопротивленія не боялись, по опыту зная, какъ легко подавлять народныя волненія.

Надѣялся на военную силу и московскій воевода князь Куракинъ, вызывавшій къ себѣ рейтарскихъ начальныхъ людей и наказывавшій имъ пуще глаза беречь свои полки отъ гилевщиковъ. На всякій случай, караулы въ Кремлѣ были усилены, а у рогатокъ строже опрашивали запоздалыхъ путниковъ.

Но „кроты" умѣли обходить рогатки и караулы, если не подъ землей, такъ черезъ заборы и сады.

IV.

Насталъ, наконецъ, роковой день 25-го іюля 1662 года. По обычаю, рано утромъ зазвонили къ обѣднямъ въ церквахъ московскихъ и надъ просыпавшимся городомъ долго гудѣлъ и переливался нестройный шумъ этихъ призывныхъ голосовъ.

— Ну, дружище, приспѣлъ часъ нашъ!—торжественно сказалъ Павелъ своему сожителю.—Кажись, ничего не забыли, про все уговорились. Листъ наклею я на Лубянской площади, у Гребенской Божьей Матери; туда и иди съ народомъ... Поцѣлуемся,

братъ. Можетъ, и не свидимся больше... а можетъ, и на дыбахъ рядкомъ повиснемъ.

У Василія сердце сжалось при этихъ словахъ, и онъ съ упрекомъ взглянулъ на пріятеля.

— Али страшно стало? — насмѣшливо спросилъ тотъ, разгадавъ взглядъ Василія. — А жить не страшно? Съ голодухи помирать легче нѣшто?.. Не поздно еще — оставайся на огородахъ, коли страхъ забираетъ. Сторожи добро купецкое — награду какую получишь, можетъ, за вѣрность... Коли кривдѣ присягалъ, ей и служи...

— Что ты, Христосъ надъ тобой! — испуганно воскликнулъ Василій. — Да развѣ я хоть словомъ... Нѣшто не добромъ шелъ за тобой, не своей волею?

— Шутки шучу я, не смекнулъ! — грубовато прервалъ его Павелъ. — Попомни, что молвлю тебѣ напослѣдокъ: одна дыба, братъ, у насъ на Руси волю можетъ дать человѣку. Замучатъ тебя, сдохнешь — и вольный станешь; а покуда живешь — все въ холопахъ ходишь... Да не ко времени лясы точить-то... Прощай...

Павелъ молча и слегка дрожащими руками обнялъ товарища, молча поцѣловались они. Жутко стало Василію отъ поцѣлуя этого — будто не съ живымъ человѣкомъ цѣловался онъ, а съ покойникомъ прощался. Какое-то неясное предчувствіе защемило сердце, онъ — самъ еще толкомъ не зная почему — хотѣлъ крикнуть Павлу: „вернись, вернись!“ — но постыдился и не крикнулъ ничего, только долго и печально смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ подружился съ этимъ чуднымъ человѣкомъ, полюбилъ его всею душою, какъ брата. И ему казалось — неотвязно, неотступно, что Павлу не жить больше, что послѣдній разъ видѣлись они сегодня...

На лужайкѣ у церкви Троицы-въ-Листахъ собралось немало народу, по большей части бѣдно одѣтаго, въ рваныхъ рубахахъ, кафтанишкахъ въ накидку, босикомъ. Бесѣда о пятинной деньгѣ шла вначалѣ чинно: одинъ говорилъ, остальные слушали, изрѣдка вставляя свои замѣчанія, но скоро заговорило разомъ нѣсколько человѣкъ, и шумъ усилился.

— Животовъ рѣшить насъ хотятъ! — визгливо выкрикивалъ чей-то голосъ, упрямо повторяя одну и ту же фразу.

— Окладчики посулы берутъ не по чести, лиходѣйничаютъ... Мѣдныя-те деньги вдо какъ обнизились... Дороговь стала, помирай хоть... Допрежъ человѣку мочно было алтыннымъ хлѣбомъ сыту быти, а нонѣ и на двадцать алтынъ съѣшь — такъ не досыта. Жди, когда съ товару-то харчеваго цѣны сбудутъ! До

царя идти, что-ль? Съ Милославскими, да съ Шоринымн не сговорить... Челобитье, челобитье подавать!—гудѣло вокругъ.

Василій былъ здѣсь—въ толпѣ, возбужденный, почти не помнящій себя. Онъ пробовалъ говорить, но голосъ его часто обрывался и дрожалъ. Да говоруновъ и безъ него много нашлось.

— На кой лядъ „ретары“ намъ! провались они, дармоѣды! Самимъ скоро жрать нечего станетъ, а на ихъ кормы пятину неси. Допрежъ не важивалось того на Руси! Скудѣетъ серебромъ земля; бояре деньги сбираютъ, да въ посуды льютъ...

— Айда, братцы, въ Кремль, къ воеводѣ!..

— Пожди, чего „айда“, а челобитье гдѣ? Слушайте его, дурня пѣтаго: Куракинъ-то—другъ намъ что-ль? *Самому* челобитье подать надобно, изъ рукъ въ руки...

— Стойте, братцы, стойте!—задыхаясь, вопилъ Василій какъ могъ громче, и съ ужасомъ сознавалъ, что его не слушаютъ, а, можетъ быть, и не слышатъ...

— Ляхамъ землю продаютъ нашу, христіанскую! Бусурманить насъ хотятъ...

Толпа все росла и колыхалась изъ стороны въ сторону. Иногда крики стихали, и гулъ разговоровъ казался гуломъ морского прибоя. Подскакавшій-было къ толпѣ конный разъѣздъ рейтаръ былъ встрѣченъ такъ неласково, что блюстителямъ порядка ничего не оставалось, какъ скакать въ Кремль, къ воеводѣ. Изъ оконъ сосѣднихъ домовъ выглядывали встревоженныя лица женщинъ и дѣтей, кто-то плакалъ. Возбужденіе возрастало. Изъ церкви выходили привлеченные шумомъ богомольцы. Замѣшавшіеся въ толпѣ боярскіе холопи кричали и волновались пуще всѣхъ, хотя пятинной деньги имъ и не приходилось платить.

Василій поблѣднѣлъ. Какой-то новый, не винный хмель ударилъ ему въ голову и опьянилъ такъ, что онъ еле могъ на ногахъ держаться. Горло схватывали спазмы, внутри все тряслось и горѣло.

— Шорина надо!—хрипло выкрикнулъ онъ.—Сборщика пятиннаго на осину...

Сосѣди подивились на это искаженное злобой, почти нечеловѣческое лицо, и сами озлобились почему-то, будто ихъ заразила болѣзненная злоба Василія.

И какъ шквалъ пронеслась по этому взбаломученному морю принесенная прохожими съ Лубянки вѣсть, что подъ Китаемъ-городомъ народъ собирается у столба, а на столбѣ—письмо про измѣну Милославскихъ и Шорина.—„Павелъ, Павелъ наклеилъ!“—пронеслось въ мутившихся мысляхъ Василія, и онъ почти первымъ сталъ продираться изъ самой гущи толпы къ улицѣ.

— На Лубянку, на Лубянку, письмо честь! Вали!—заревѣло вокругъ, и толпа ринулась вверхъ по Срѣтенкѣ. Тучи пыли гнались за бѣжавшими, лаяли и кидались собаки; какой-то вершникъ, захваченный людскимъ потокомъ, отчаянно бранился и поднималъ на дыбы своего жеребца.

— Свѣдомо намъ, кто деньги воровскія бьетъ... Тестюшка царскій жирѣетъ, что̀ ни день... Съ Польши листы пришли и про Ртищева. Всю Русь-матушку по міру хотятъ пустить грабители...

Изъ Кремля несся навстрѣчу бѣжавшимъ праздничный, безстрастный гулъ колоколовъ.

— Ишь, шальные, право, шальные!—сердито ворчала старушка съ клюкою въ рукѣ, когда мимо нея неслись любопытствующіе москвичи.—Паренекъ, а паренекъ!—ухватила она за полу одного изъ бѣжавшихъ.—По что̀ люди бѣгутъ такъ?.. Ась?

— Да слышь, бабушка, листъ на Лубянкѣ про мѣдныя деньги расклеенъ.

— Листъ?.. Ой, грѣхъ какой?.. Поди-ка, листъ... А про что̀ въ ёмъ писано-то?..

Но паренекъ, вырвавшись отъ старухи, былъ уже далеко. Старуха покачала головой, но и сама побрела къ Кремлю, постукивая клюкой по высохшей землѣ.

Около столба въ рѣшеткѣ Гребенской церкви собралось ужъ видимо-невидимо народу. Въ самомъ дѣлѣ, на столбѣ бѣлѣлся исписанный лоскутокъ бумаги.

— „Измѣнники... Илья Данилычъ... Милославскій“,—не безъ труда читалъ по складамъ обдерганный подъячій, тараща подслѣповатые глаза.—Слышь, братцы, царевъ тесть въ перву голову...—„Да окольничій Ѳеодоръ Михайловъ сынъ Ртищевъ“...

— Недаромъ и въ прочихъ листахъ его поминали! — кричали слушатели.

— „Да Иванъ Михайлычъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ“,—протяжно выкрикивалъ подъячій.

— А ну, читай, читай!

— Да все тутъ; ничего не писано больше.

— Врешь, приказная душа! Забоялся, знать... Кто грамотѣ, братцы, смыслитъ? Сызнова начинай...

И новый грамотей, еще болѣе запинаясь и вглядываясь въ буквы, принялся за чтеніе. Слушатели въ заднихъ рядахъ протискивались поближе къ столбу, переругиваясь и толкаясь.

— Снять бы листъ-атъ, да въ Коломенское... Сунься, поди: спину-то расчешутъ. Откличку деньгамъ мѣднымъ пущай даютъ.

Буде! завалили подвалы; до-сыта, до-пьяна крови христіанской налопались... Чего-для Матюшкинъ въ листѣ не писанъ — таковъ же воръ!..

И жилистые кулаки, ярко освѣщенные солнцемъ, какъ барашки на морѣ, злобно выдвигались надъ толпой и трепетали въ воздухѣ.

— Грабить дворы ихъ, треклятыхъ! Дворы грабить... гра-абить!—неслись зловѣщіе, надрывающіеся крики.—Буде имъ лютовать-то, кровь-то нашу пить...

Пожаръ разгарался: безъ огнива, самъ собою вспыхнулъ тлѣвшій трутъ. Какая-то ужасающая, сокрушительная волна злобной ненависти поднималась въ груди каждаго изъ „гилевщиковъ", и не было силъ, не было и мысли даже противиться ей—этой колоссальной, всеобщей волнѣ, затоплявшей разумъ и высоко поднимавшей на своемъ гребнѣ все горе людское, всѣ гоненія и обиды боярскія, всю московскую приказную неправду...

V.

Еще за обѣдней въ Успенскій соборъ проникла вѣсть, что въ городѣ неблагополучно, и всѣхъ смутила: и молящихся, и духовенство, и пѣвчихъ. Какъ-то сразу тревожно стало въ соборѣ; дрогнулъ голосъ у дьякона, тревожныя нотки звякнули въ переливахъ хора, и сами безстрастные лики святыхъ, казалось, глядѣли не то съ упрекомъ, не то съ испугомъ...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ—какъ воевода—обезпокоился пуще всѣхъ, но уйти ему изъ собора было невозможно и небезопасно даже. Сегодня царевна именинница; уйдешь—значитъ, здравія ей не желаешь; а не уйти—тоже страшно: кто его знаетъ, что по городу дѣлается...

Смутились и товарищи Куракина по воеводству: князь Велико-Гагинъ, Чоглоковъ—окольничій. Приключится что недоброе—и имъ быть въ отвѣтѣ, и ихъ не помилуютъ. Стоятъ они, крестятся, поклоны бьютъ, а мысли у всѣхъ далеко отсюда...

Выручилъ всѣхъ побѣлѣвшій отъ страха дьякъ, пришедшій доложить, что прибѣжали изъ Земскаго приказу Семенъ Ларіоновъ да сотникъ Пашка Григорьевъ съ государевымъ великимъ дѣломъ. Появленію дьяка, хоть онъ и недобрую вѣсть принесъ, всѣ обрадовались, особенно князь Куракинъ. Съ трудомъ протискиваясь среди молящихся, выбрались они изъ собора, и ихъ уходъ во время службы произвелъ немалое смятеніе.

У соборныхъ вратъ стояли Ларіоновъ и Пашка — встревоженные, растерянные.

— Что, что стряслось? Сказывайте!

— Письмо... о дву-столбцахъ, воскомъ приклеено на столбѣ, —еле выговорилъ Пашка.

— Въ Золотую иди!—дрожащимъ голосомъ приказалъ Куракинъ.—И ты, Семенъ...

Въ Золотой палатѣ Пашка разсказалъ, что увидалъ на Лубянской площади.

— Коня бери, съ Семеномъ, вотъ, скачите, привозите письмо! —неувѣренно приказалъ воевода.—Да Башмаковъ, дьякъ, пущай съ тобой скачетъ... Духомъ чтобы... Эка напасть! Сказывалъ, вѣдь, Ильѣ Данилычу, упреждалъ—и въ толкъ не взялъ... Боже милосердный!

— Тово-бы... Ѳедоръ Ѳедорычъ... Солдатъ звать, очѣплять Кремль, — посовѣтовалъ Чоглоковъ, какъ-то странно, виновато ухмыляясь.

— Пожди, пожди—не разомъ. Перво-на-перво: царя повѣщать ли? День-то нонѣ не такой—именинный день.

— По мнѣ: не повѣщать,—сказалъ Гагинъ. —Уймутся, може, какъ письмо сымутъ...

— Что ты, что ты! — замахалъ руками воевода. — Гдѣ уняться... Что ты!..

Старый князь потерялся, какъ малый ребенокъ; будто не говорили про „гиль“ ежедневно, будто на него свалилась нежданная, негаданная бѣда.

— Поповъ съ крестомъ къ нимъ выслать?—спрашивалъ онъ у товарищей.—Эко горе, Никона-то нѣтъ, патріарха...

Не успѣлъ еще Куракинъ и съ мыслями собраться, какъ въ палату вошелъ встревоженный полковникъ рейтарскій — Агѣй Шепелевъ.

— Прикажи, князь, съ полкомъ на Коломенское идти... Гиль учинился... худа бы не было какова государю... Да съ собой взять дозволь головъ стрѣлецкихъ, да Матвѣева Артамонъ-Сергѣича...

— Постой... Въ головѣ замутилось все,—вотъ бѣду послалъ Господь!

— Да время дорого, Ѳедоръ Ѳедорычъ...

— Самъ знаю, что дорого, да какъ пустить тебя, а здѣсь-то?.. Разбой-то кому унимать, гилевщиковъ ловить? О, Боже милосердный! И царя сомутишь: обѣденъ не дашь достоять.

— Какъ пустить,—подхватилъ князь Гагинъ, перетрусившій, казалось, больше всѣхъ.—Безъ царскаго указу не мочно...

— Ахъ, ты, Боже мой!—волновался Шепелевъ.—Нѣшто время указу ждать?.. Воля твоя, князь, а я отъ себя дошлю въ Коломенское, Воейкова хоть, а доложить—боярина Стрѣшнева...

И Шепелевъ, недовольный медлительностью воеводы, вышелъ.

Пока Куракинъ съ товарищами совѣщался, какъ быть, Ларіоновъ съ Башмаковымъ и Пашкой Григорьевымъ примчались на залитую народомъ Лубянскую площадь. „Гилевщики“ неохотно разступались передъ всадниками, но съ криками и ругательствами они добрались все-таки до столба, и Башмаковъ сорвалъ-было листъ.

— Стой, стой! Чего-для рвешь? Къ измѣнникамъ, чай, повезете, государя вѣдь нѣтъ на Москвѣ... Письмо всему міру надобно. Назадъ подавай, слышь...

— Православные, не дайте дѣлу загинуть! — вопилъ ражій дѣтина въ стрѣлецкомъ кафтанѣ. — Отвезутъ они письмо Ильѣ Данилычу, все дѣло изойдетъ... Держите ихъ...

Въ мгновенье стѣснили гонцовъ, и волей-неволей они должны были остановить лошадей.

— Что дѣлаете, что дѣлаете?—грозно кричалъ Ларіоновъ.

— А ты что дѣлаешь?.. Самъ, видно, измѣнникъ. Чай, серебра-те полны подвалы засыпаны. Пашка, дьяволовъ сынъ, доносчикъ, бери письмо! Бери!

Напуганный криками, Пашка выхватилъ письмо у Башмакова, и толпа отхлынула съ нимъ къ Лубянкѣ. Уничтожить листъ, какъ разсчитывалъ Куракинъ, не удалось, и, пожалуй, еще хуже вышло: листъ понесли по городу. Больше всѣхъ волновавшійся стрѣлецъ велъ Пашку за шиворотъ.

— Къ Ѳеодосію иди... Сызнова честь надобно!

У церкви Ѳеодосія стрѣлецъ, влѣзши на лавку, снова громогласно прочелъ письмо. Иные чуть не въ пятый разъ выслушивали его несложное содержаніе и все-таки волновались.

— Постоять надобно за дѣло правое, други! Ой, какъ постоять! Слыхано ли дѣло народъ христіанскій попамъ польскимъ продавать, безбожникамъ, латынщикамъ мерзкимъ...

Снова тянулись вверхъ надъ ревущею толпою кулаки, дубины и даже нѣсколько бердышей.

Съ Лубянки пошли къ Земскому приказу и снова читали письмо. Толпа все прибывала и гомонъ не ослабѣвалъ. Были и новые сторонники „гилевщиковъ“, но больше просто любопытные, охотники до невиданныхъ зрѣлищъ. Всѣ рвались куда-то, толкались, давили другъ друга, и къ крикамъ ненависти скоро примѣшались и другіе крики—притиснутыхъ въ толпѣ людей.

У Земскаго приказа въ толпу замѣшались прибѣжавшіе изъ замоскворѣцкихъ слободъ рейтары, иные даже съ мушкетами. Барабанщикъ Ивашка Савостьяновъ, видно, не дремалъ. Какъ отзвонили къ евангелію въ церквахъ, онъ ударилъ въ барабанъ—и поднялась суматоха. Рейтары сбѣгались, не слушая старшихъ, и нестройными толпами повалили къ Кремлю.

— Посчитаемъ денежки въ Гостиномъ! Поглядимъ, кто серебро-то грабитъ, мѣдь-то супротивъ серебра обнижаетъ!—кричали они на ходу.

Буря разыгрывалась не на шутку... Попавшій въ теченіе купецъ былъ осыпанъ градомъ язвительныхъ шутокъ и получилъ нѣсколько кулачныхъ ударовъ. Василія толпа носила за собою, какъ и многихъ другихъ. Въ горлѣ у него пересохло отъ жары; иногда ему казалось, будто онъ теряетъ сознаніе и вотъ-вотъ грохнется, но, притиснутый со всѣхъ сторонъ, онъ не могъ упасть, и отдышался кое-какъ стоя... Руководить толпой, какъ мечтали они съ Павломъ, было, разумѣется, невозможно. Они могли подбрасывать щепки въ занимавшійся костеръ, но не управлять огнемъ. Немолчный крикъ лишилъ Василія всякой возможности говорить, и онъ былъ теперь всецѣло во власти толпы. Но его желанія не шли въ разрѣзъ съ волею всей этой мятущейся и своими же криками одурманивающей себя фанатической толпы.

— Къ царю съ челобитной! Въ Коломенское! Въ Коломенское!—загудѣло и завыло вокругъ, какъ налетѣвшій ураганъ.

Письмо находилось въ рукахъ у „казеннаго“ человѣка—десятскаго Лучки Житкаго, которому приказалъ взять письмо Пашка Григорьевъ. Окруженный толпою, Лучка, снявъ шапку и положивъ въ нее порванный уже и захватанный лоскутокъ бумаги, торжественно выступалъ по срединѣ.

Улицы опустѣли,—будто татары нагрянули, какъ встарь, или Грозный царь гулялъ по городу со своей опричиной. Иные даже и ставни у домовъ закрыли, но изнутри, изъ горницъ, въ каждую щель смотрѣли чьи-нибудь глаза. Никто не рѣшался попадаться „гилевщикамъ“ на дорогѣ. Проходя мимо боярскихъ хоромъ, толпа изрыгала проклятія, изрѣдка летѣли и камни.

— Мало при самозванцинѣ нажились, проклятые!—кричали отовсюду.—Поганымъ латынщикамъ землю русскую продать замыслили. Воровскія деньги пустили. Печатью антихристовой припечатали...

VI.

Солнце такъ и рвется въ оконца коломенской церкви. Переливаются и горятъ лучи его на ризахъ иконъ, на парчевыхъ кафтанахъ и самоцвѣтныхъ камняхъ. Идетъ обѣдня. Истово крестится царь въ тяжеломъ выходномъ нарядѣ; гудитъ и грохочетъ басъ дьякона; какъ стеклышки звенятъ голоса пѣвчихъ. Именинница тоже усердно молится рядомъ съ матерью, окруженная нянюшками и мамушками.

Въ столовой палатѣ дворца, во второмъ этажѣ, кипитъ работа; кипитъ она въ кухнѣ и около кухни.

Истово крестится царь, но что-то мѣшаетъ ему молиться. Сны ли ночные—тяжелые все снились такіе—тревожатъ его, другія ли думы какія, но не идутъ на умъ слова молитвъ. Разбѣгаются мысли, привязываются къ солнечнымъ зайчикамъ, къ жирному лицу дьяконскому—за все цѣпляются... Не можетъ молиться царь и сердитъ его немощь эта, а въ церкви все душнѣе становится—отъ свѣчъ и отъ ладана, а тяжелый парчевой кафтанъ давитъ будто каменный...

Искушаетъ лукавый царя: Никонъ ему вспоминается, соборы церковные, стадо овецъ духовныхъ безъ пастыря, служба церковная безъ благолѣпія, безъ патріарха. Невольно взглядываетъ онъ на сиротствующее мѣсто патріаршее въ церкви, и стыдно ему за мысли свои суетныя становится, усерднѣе крестится онъ, а когда складываются пальцы—невольно двуперстіе вспоминается.

Вонъ Милославскіе стоятъ, Хованскій, Ртищевъ, Стрѣшневъ... Почитай вся дума боярская въ соборѣ здѣсь. Куракина нѣтъ только—на Москвѣ онъ, у Успенья, чай, стоитъ...

И при воспоминаньи о Москвѣ царь припоминаетъ и тревожныя вѣсти про „гилю“, что будто готовится; про то, что мѣдныя копейки въ цѣнѣ обнижаются; что надо, по совѣсти—надо откличку имъ сдѣлать, что и впрямь разоренье отъ нихъ идетъ.

И подъ наплывомъ этихъ невеселыхъ думъ сама-собою горбится спина царя, еще тяжелѣе гнететъ выходной нарядъ. Выпрямляется „тишайшій“ и мимовольно падаетъ взоръ его въ распахнутое окно, на московскую дорогу...

Попритчилось что-ли?.. Чернѣетъ, будто народъ идетъ... Нѣтъ, не попритчилось—и впрямь идутъ! Дрожитъ рука у царя, безпокойные огоньки пробѣгаютъ, крадучись, въ глазахъ.

— Илья Данилычъ! — слышитъ вдругъ Милославскій тихій голосъ царя.—Глянь-ка въ окошко!

Зашумѣли, задвигались по церкви, остановилась служба, женщины заметались, заплакала напугавшаяся именинница.

— Гилевщики идутъ!—разнеслась по Коломенскому страшная вѣсть.

Царица съ отцомъ, царевичи, царевны, Ртищевъ—попрятались въ хоромахъ, у дверей стали бояре, головы стрѣлецкіе. Опустѣла церковь. Стрѣшневъ съ думными боярами и дворянами—блѣдные—какъ на смерть пошли на встрѣчу. Смутился-было и „тишайшій“, скорбная тѣнь промчалась по лицу, и оно на мгновенье стало суровымъ.

Служба возобновилась и пошла-было своимъ чередомъ, но „гилевщики“ скоро добрались до церкви и не хотѣли слушать боярскихъ рѣчей. Алексѣй Михайловичъ понялъ, что безъ его присутствія дѣло не кончится, съ тоской взглянулъ на образа, перекрестился и, взявъ посохъ, вышелъ изъ церкви.

„Гилевщики“, красные отъ волненія и быстраго хода, стояли вокругъ церкви. Лучка Житкій все держалъ письмо на шапкѣ. Двери распахнулись: на паперть вышли рынды, стрѣльцы, нѣкоторые бояре и, наконецъ, самъ царь.

— Здравъ буди, царь-батюшка, на многія лѣта!—закричали изъ толпы.

— По что̀ пришли?—какъ могъ спокойнѣе спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Съ челобитьемъ великимъ. Изволь, государь великій, письмо передъ міромъ вычесть!—бойко проговорилъ одинъ изъ „гилевщиковъ“, взявъ у Лучки шапку съ письмомъ и поднося ее государю.—Повели измѣнниковъ предъ себя привести.

„Тишайшій“ неторопливо взялъ листъ и заглянулъ въ него, сощуривъ глаза.

— Ладно-ста. Идите по домамъ съ міромъ,—ласково проговорилъ онъ, складывая листъ.—Отойдетъ обѣдня, тотъ же часъ въ Москву буду. И въ томъ дѣлѣ сыскъ учиню и указъ...

Толпа всколыхнулась.

— Знаемъ мы посулы эти! Не въ первой. Не обманешь!—зароптали „гилевщики“.—Великую тщету и погибель чинятъ Милославскіе бояре!

Стоявшіе у паперти — и въ ихъ числѣ Василій, — боясь, какъ бы не ушелъ царь, дерзко схватили его за самоцвѣтныя, дорогія запоны, за кафтанъ.

— А вѣрить чему, что по слову учинишь своему?—послы-

шался настойчивый крикъ.—Вѣрить чему, что слова не нарушишь? Чему вѣрить?—отдавалось по толпѣ, какъ эхо по лѣсу.

Вздрогнулъ „тишайшій", краска сбѣжала съ лица: ему и обидно было слушать крики эти, и жутко какъ-то становилось.

— Богомъ клянусь на томъ!—крикнулъ онъ въ толпу.

Но толпа не успокоилась. Слишкомъ хорошо знали москвичи, какъ трудно бороться съ боярами, какъ трудно добиться правды, хоть и вѣрили въ государеву готовность защитить ихъ.

— Рукобитье дай! Не погнушайся. Твои, вѣдь, мы. Руку дай на словѣ своемъ...

И эту уступку пришлось сдѣлать „тишайшему".

— Давай руку!—тихо сказалъ онъ Василію, стоявшему почти рядомъ съ нимъ.

Василій трепетно повиновался и почти съ ужасомъ ощутилъ въ своей грязной рукѣ нѣжную и мягкую руку царя. Сердце такъ застучало, какъ барабанъ...

— Даемъ на словѣ нашемъ руку, какъ предъ Богомъ!—торжественно возгласилъ государь.

— Спасибо-ста! Вѣримъ, что не порушишь слова... Не загубишь насъ, худородныхъ... Вѣримъ!—отозвались въ толпѣ.

— По домамъ, по домамъ, дѣти!—радостно закричалъ „тишайшій", довольный, что дѣло улаживается.—Дайте обѣдню достоять, да именинницу проздравить.

— Проздравляемъ и мы тебя, государь великій... Дай, Боже, много лѣтъ здравствовать!

Царь отвѣсилъ поклонъ народу и, круто повернувшись, ушелъ, за нимъ—бояре, стрѣльцы, рынды.

Василій стоялъ, какъ ошпаренный. Ему казалось, что правая рука его горитъ огнемъ, что этимъ нежданнымъ и нежеланнымъ прикосновеніемъ къ царской рукѣ онъ продалъ себя боярамъ, что не смѣетъ теперь идти супротивъ царской воли...

Толпа стояла еще нѣкоторое время, видимо не зная, что дѣлать дальше. Никто не предполагалъ, чтобы дѣло кончилось такъ скоро; всѣмъ казалось, что царь будетъ „увиливать", выгораживать бояръ.

— Выпустили, вороны... Гдѣ онъ листъ-то? Растаяли отъ рѣчей царскихъ, ровно меду напились. Нé по-что и идти было!—ворчали недовольные.

— Что-жъ, братцы, айда на Бѣлокаменную! Поспѣемъ дойти, покуда обѣдни идутъ—царя встрѣнемъ... Коли руку на словѣ далъ,—стало, не порушитъ,—слышались другіе голоса.

Но раздумье недолго продолжалось—дѣлать въ Коломен-

скомъ нечего было больше. Толпа отхлынула отъ дворца и повернула назадъ. Ни одинъ изъ стрѣльцовъ не тронулъ ея. Вскорѣ „гилевщиковъ“ перегналъ на конѣ бояринъ Хованскій, начальникъ Сыскного приказа.

— Посыланъ царемъ и государемъ всея Руси на Москву передъ собою! — прокричалъ онъ, пролетая мимо.

Эта вѣсть вызвала шумныя одобренія толпы, повѣрившей уже въ свою побѣду.

VII.

Съ уходомъ „гилевщиковъ“ въ Коломенское шумъ въ Москвѣ не прекратился. Въ Гостиномъ дворѣ буйствовали полуньяные рейтары Шепелевскаго полка. Они врывались въ лавки и гнали оттуда купцовъ съ приказчиками.

— Въ Коломенское идите, царю челомъ бить на измѣнниковъ! — кричали они. — Да всѣ, всѣ идите!.. Кто не пойдетъ своею волей — побивать будемъ!

Перепуганные купцы повиновались, запирали лавки и шли къ толпѣ.

Народъ окружилъ каменныя палаты Шорина и, какъ бы не рѣшаясь войти во дворъ, кричалъ и грозился.

— Чего тутъ! Ворота высаживай, а ну! — прокричалъ изо всей силы Павелъ и кинулся къ воротамъ.

Какъ ни крѣпки онѣ были, но выдержать натиска не могли и рухнули во дворъ, увлекая за собою и людей изъ первыхъ рядовъ. На нихъ повалились вторые ряды, и въ мгновенье нѣсколько человѣкъ были раздавлены на смерть. „Гилевщики“ ворвались въ Шоринскія хоромы, но хозяина не могли найти... Онъ еще въ ночь укрылся въ Кремлѣ у князя Черкасскаго, а его холопи частью разбѣжались, частью сами были въ толпѣ и руководили поисками.

— Бей ему все, кровопійцѣ, круши, рѣжь! — захлебываясь, кричалъ Павелъ и первымъ швырнулъ въ окно какой-то рѣзной поставецъ.

Толпа озвѣрѣла. Добрались до подваловъ: денегъ въ нихъ не нашлось, но бочекъ съ романеей, медами и ренскимъ было немало...

Вдругъ на дворѣ раздался пронзительный крикъ: на сѣновалѣ нашли пятнадцатилѣтняго сынишку Шорина и потащили его куда-то.

— Стой, стой, дьяволы!—заревѣлъ Павелъ, кидаясь къ мальчику.—Куда тянете? Стой, говорятъ!

— Ты что за указчикъ взялся? Сунься вотъ!..

— Дурачье вы, вороны безхвостыя!.. Мальченку въ Коломенское тянуть надобно: пущай за отцовы вины винится. Куда, змѣенышъ, тятьку дѣвалъ? Ай отъѣхалъ?..

Мальчикъ озирался, какъ затравленный заяцъ, и не могъ ничего отвѣчать. Да онъ едва ли и понималъ, о чемъ его спрашивали.

— На Литву убѣгъ тятька-то? Ась?..—допытывался Павелъ, сжимая плечи мальчика.

— На Литву!—безсмысленно повторилъ онъ.

— А, измѣнникъ проклятый, паукъ-кровопійца! — загудѣли вокругъ.

— Стойте, черти... Что жъ, тятька-то, грамоты, чай, повезъ какія?.. А, повезъ?—допытывался Павелъ все тѣмъ же внушающимъ тономъ.

— Повезъ...—такъ же безсмысленно повторилъ дрожавшій купеческій сынокъ.

— Что?—торжествующе кричалъ Павелъ.—А вы бить его хотѣли, послуха-то, свидѣтеля-то! Да мы съ нимъ-то измѣнниковъ какъ къ стѣнѣ припремъ—не пикнутъ.

Изъ палатъ доносился трескъ и звонъ, пьяные крики и пѣсни. Больше всѣхъ бушевали и безобразничали Шоринскіе холопи, знавшіе, гдѣ и что хранится. Казалось, они вымещали на барскомъ добрѣ всю свою злобу на хозяина, всѣ униженія, всѣ муки, какія привелось имъ претерпѣть. Отъ нихъ не отставали рейтары.

Какая-то таинственная и ужасная притягательная сила была во всемъ происходившемъ на московскихъ улицахъ. Нельзя было оставаться равнодушнымъ, пройти спокойно мимо... Никто не жалѣлъ гибнущаго боярскаго и купеческаго добра, не многіе хотѣли и присвоить его себѣ, но всѣмъ неудержимо хотѣлось чисто физической работы, хотѣлось бить, ломать, разрушать все, спазмы давили горла и выдавливали изъ нихъ дикіе, отчаянные крики звѣриной радости...

Темныя, разрушительныя силы, казалось, овладѣли москвичами. Такъ наболѣвшійся и изстрадавшійся человѣкъ, до послѣдней минуты терпѣвшій мученья въ надеждѣ на скорый конецъ ихъ, и вдругъ замѣтившій, что надежды этой нѣтъ болѣе, да и не было, и что онъ все время самъ себя обманывалъ,—внезапно становится звѣремъ, ему хочется все ломать, все уни-

чтожать вокругъ, лишь найти бы выходъ своей злобѣ, лишь забыться бы и пережить ужасную минуту полнаго отчаянія... И чѣмъ дольше тянулись эти годы мученій и испытаній—тѣмъ ожесточеннѣе порывы злобы при пробужденіи, въ моментъ утраты послѣдней надежды...

Князь Хованскій подскакалъ къ дому Шорина и закричалъ что-то, но его никто не слушалъ.

— Эй, бросьте, братцы!—кричалъ онъ. — Царь-батюшка спосылалъ меня сказать вамъ, что самъ нонче на Москву будетъ—сыскъ да управу чинить...

— Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, намъ до тебя дѣла нѣтути!—кричали изъ толпы.—И службы твоей царю супротивъ короля польскаго немало. Пускай намъ царь головой измѣнниковъ выдастъ, что въ листахъ писаны...

— Да, вѣдь, безъ сыску нельзя жъ того.

— А насъ и безъ сыску можно? Насъ и на дыбу, и на плаху. Уходи, бояринъ, добромъ уходи... Поведемъ Шорина въ Коломенское, змѣиное отродье...

Хованскій, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшихъ переговоровъ и встревоженный настроеніемъ толпы, поскакалъ обратно. За нимъ повалили и „гилевщики“ съ Василіемъ Шоринымъ, который еле ногами ворочалъ отъ страха.

Въ Варварскихъ воротахъ толпа столкнулась съ какимъ-то мужикомъ, везшимъ въ телѣгѣ мѣшки съ мукою.

— Стой! Посадимъ купецкое отродье на телѣгу—не дотянетъ, гляди. Сомлѣлъ весь...

Какъ ни бранился мужикъ, мѣшки выбросили, и владѣльцу муки пришлось везти въ Коломенское сына откупщика. Толпа шла быстро. Среди разноцвѣтныхъ рубахъ все чаще мелькали рейтарскіе мундиры. Шли не одни простые солдаты, а и подпрапорщики, даже—поручики. Москву какъ вихремъ вынесло на серпуховскую дорогу. Сторожа у заставы попытались-было задержать „челобитчиковъ“, но ихъ никто и не слушалъ.

Почти слѣдомъ за толпой къ Серпуховской заставѣ подошла полурота спѣшенныхъ рейтаръ и расположилась на стоянку, выставивъ караулы. То же произошло и у другихъ заставъ: Куракинъ рѣшилъ запереть Москву.

Верстахъ въ четырехъ отъ Коломенскаго „гилевщики“ встрѣтили возвращавшихся оттуда товарищей.

— Сынишку Шоринова съ извѣтомъ про отца ведемъ! По что вспять идете?

— Рукобитье съ царемъ было. Чтобъ выдалъ измѣнниковъ. Слѣдомъ за нами ѣдетъ въ Москву. Вотъ онъ и рукобитчикъ!..

Павелъ вырвался изъ толпы и побѣжалъ къ Василію.

— Ты, ты?—задыхаясь, прохрипѣлъ онъ, хватая товарища за рукавъ рубахи.

Василій вздрогнулъ, но промолчалъ.

— Своихъ... себя самого царю продалъ! Купчишка поганый! Міръ продалъ, грошевая душа!—шипѣлъ Павелъ и самъ весь затрясся отъ охватившей его злобы.

Что-то больно ударило въ сердце Василію и защемило. На щекахъ заигралъ румянецъ, будто Павелъ не говорилъ, а билъ его по щекамъ.

— Самъ схватилъ... Не бѣжать было,—растерянно сказалъ онъ, невольно хватаясь за сердце.

— „Самъ схватилъ“! А будь ты проклятъ, анаѳема!—и Павелъ грубо толкнулъ Василія.

— Не давайте вѣры, православные, рукобитью! Сызнова пойдемъ—пускай Шоринова сына рѣчей слушаетъ... На то и рукобитье дадено, чтобъ волокита шла, а тѣмъ часомъ измѣнники изъ Москвы сбѣгутъ. Не вѣрьте рукобитью!

Въ толпѣ заметались, завертѣлись. Многіе изъ довольныхъ оборотомъ дѣла поняли, что слишкомъ скоро сдались, что рукобитье—не порука въ правдѣ, что они невольно поддались обаянію царскаго величія, забывъ, что вокругъ „тишайшаго“ тучею стоятъ бояре и приказные, которые сумѣютъ повернуть рукобитье въ ту сторону, какая имъ нужна.

— Знамо, сбѣгутъ! Зря согласье давали на рукобитье. Нѣшто мы выбирали, кому бить-то? Може, сыщикъ какой... Прихвостень боярскій!

Василій увидалъ вокругъ себя озлобленныя, враждебныя лица и потерялся совершенно. Все происходившее было такимъ страннымъ и нелѣпымъ, какъ тяжелый сонъ какой-то, кошмаръ. На него грозно надвигались, хватали за рукава, за плечи, дергали во всѣ стороны. Онъ не разбиралъ уже словъ, какія кричали со всѣхъ сторонъ... И разомъ все стало понятнымъ ему. Пропасть какая-то раскрылась подъ ногами. Онъ понялъ, что „гилевщики“ считаютъ его самого за измѣнника. Больно и обидно было сознавать это, но боль продолжалась мгновенье и смѣнилась злобой. И „гилевщики“, и Павелъ стали ему вдругъ ненавистны: убилъ бы ихъ всѣхъ, кажется...

— Чего горланите!—задыхаясь отъ сердечной боли, крикнулъ

онъ, отбиваясь отъ наступавшихъ.—Не я рукобитье выдумалъ! Сами орали...

— Ты вотъ какъ! Такъ-то поговариваешь?..

Толпа метнулась на Василія и прикрыла его. Смѣшались въ звѣриный потрясающій ревъ ея крики. Отчаянный вопль прорѣзалъ-было этотъ ревъ и потонулъ въ немъ... Стоявшіе въ заднихъ рядахъ напирали на переднихъ и кричали, чтобы шли скорѣе. Задвигалась телѣга съ Шоринымъ, и всѣ повернули въ Коломенское. На дорогѣ остался обезображенный до неузнаваемости трупъ. Мухи вились уже надъ нимъ въ пыльномъ воздухѣ...

Конные рейтары съ бояриномъ Стрѣшневымъ обогнали толпу, почуявшую уже кровь.

— Бей боярина, измѣнника! Бей!..

VIII.

Царь стоялъ у обѣдни въ опустѣвшей церкви, а бояре хлопотали, созывая стрѣлецкіе полки для охраны дворца. Царица съ дѣтьми, Милославскіе, Ртищевъ и Матюшкинъ не смѣли выйти изъ дальней горницы и сидѣли какъ на иголкахъ. Даже самъ Илья Данилычъ, еще недавно такъ увѣренно заявлявшій Куракину и Шорину, что имъ нечего бояться,—теперь казался напуганнымъ и все поглядывалъ въ оконце на московскую дорогу: не идутъ ли на выручку полки рейтарскіе, не послышится ли барабанный рокотъ... По дорогѣ кучками и въ одиночку шли съ Москвы и на Москву разные люди, но рейтаръ и видно не было...

Наконецъ, обѣдня отошла и царь прошелъ въ столовую палату, гдѣ собрались уже бояре. Царь вошелъ смутный, встревоженный. Брови вздрагивали и глаза безпокойно бѣгали по сторонамъ.

— Ну, Ѳедоръ Михайлычъ, да и ты, Илья Данилычъ, довели-таки!—желчно сказалъ онъ Ртищеву и Милославскому.—Дѣлать-то теперь что̀ будемъ?.. Кровь лить сызнова? Измѣнниковъ что-ль наказывать? Супротивъ совѣсти идти?..

Онъ сурово покачалъ головой, оглядывая кучку разряженныхъ по праздничному бояръ. Бояре молчали, не зная, что̀ отвѣчать. Они видѣли волненіе царя, понимали его и начинали бояться чего-то. Иной разъ и съ „тишайшимъ“ бывало, что онъ шелъ наперекоръ всей думѣ боярской и ея мнѣнію. И тогда—въ такія минуты—его ничѣмъ нельзя было остановить. Въ дверяхъ застыли холопи, недоумѣнно поглядывая то на царя, то на столы, накрытые къ обѣду.

— Одинъ я про все въ отвѣтѣ. Одинъ! Что ни случись— все на меня. Что-жъ молчите, думные люди?.. Аль разумъ отшибло?.. Хороши совѣтчики!.. Что я съ народомъ-то подѣлаю теперь, безъ патріарха? Какъ уговаривать стану?

„Тишайшій“ говорилъ нервно, съ какою-то обидой въ голосѣ, будто жалуясь. Онъ рѣдко сердился, но и у него бывали минуты такого раздраженія, когда онъ, не задумываясь, однимъ взмахомъ руки сотнями подписывалъ смертные приговоры. Словно отчаяніе какое-то овладѣвало имъ при мысли, что вотъ онъ— великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, исконный доброжелатель своему народу—и безсиленъ управиться со зломъ, которое стелется откуда-то по всей землѣ, наперекоръ всему, всѣмъ заботамъ и думамъ. И нѣтъ иного средства вырвать это зло, кромѣ крови, цѣлыхъ кровавыхъ рѣкъ... Въ такія минуты имъ словно овладѣвалъ *кто-то*—безпощадный, кровожадный, вовсе недоступный гласу разума.

Смутно сознавалъ Алексѣй Михайловичъ, что этотъ *кто-то* близко около него стоитъ и теперь; старался сдержать себя, не дать *ему* воли; пытался молиться въ душѣ, чтобы *онъ* отошелъ, исчезъ, „яко дымъ отъ лица огня“.

Милославскій, превзмогая робость, прокашлялся и выступилъ впередъ.

— Прости мнѣ, скудоумному, государь великій,—сказалъ онъ несмѣло.—Не слѣдъ тебѣ, царю боговѣнчанному, Москву оставлять въ этакое лихое время. Словомъ царскимъ милостивымъ надлежитъ утушать пожаръ сей...

— Все мнѣ! Все я долженъ!—раздражительно воскликнулъ царь.—Приказалъ вамъ лучшихъ людей допросить, размыслить, дабы дороговь нонѣшнюю умалить и общество-бъ христіанское безъ умаленія видѣть—ничего не подѣлали... Алчбы своей несытой и той не умѣрили,—добавилъ онъ, искоса взглядывая на тестя, потупившаго глаза при встрѣчѣ съ острымъ какъ игла взоромъ царя.—Вы грѣшите, а я въ отвѣтѣ становлюсь за васъ предъ міромъ и предъ Богомъ... А коли васъ пошлю въ Москву... „гиль“ унимать?..

— Воля твоя, государь, всемилостивѣйшій!—униженно кланяясь, отвѣтилъ Милославскій.—Коли недовольство имѣешь вѣрною службою нашей и повелишь выдать насъ на муки—твоя на то воля... Дозволь только съ дочушкой любезной попрощаться,—еще тише добавилъ онъ, очень разсчитывая на это упоминаніе о своей дочери-царицѣ.

И Милославскій не ошибся.

— Довольно!—крикнулъ царь и задумался.

Лицо его замѣтно омрачилось. Между бровей легли складки; ноздри задрожали.

— На Москву ѣду! Коня подать!—рѣшительно сказалъ онъ и пошелъ проститься съ женой и дѣтьми.

Царица—испуганная на смерть, дрожащая, блѣдная—вышла за „тишайшимъ“ въ столовую палату.

— Тяготы великія, возложенныя на ны Всевышнимъ, со смиреніемъ пріемлемъ!—важно сказалъ царь кланявшимся ему въ поясъ боярамъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя и сильнымъ, и мудрымъ, когда вспомнилъ о своемъ санѣ...

Но царю не привелось уѣхать.

Когда онъ вышелъ на крыльцо, чтобы сѣсть на коня,— „гилевщики“ прихлынули уже ко дворцу. При видѣ несмѣтной, мятущейся толпы, лицо Алексѣя Михайловича передернулось и стало такимъ же суровымъ, какъ за минуту до того, при разговорахъ съ боярами.

— Сына измѣнникова изымали! Повели выслушать! Вотъ онъ, гляди!

Къ царю подвели трепещущаго Шорина. „Тишайшій“ пристально поглядѣлъ на него, и ему почему-то жаль стало этого мальчика, и злоба поднялась на эту буйную, жестокую толпу.

— Ну, сказывай!—сердито сказалъ онъ, нервно оправляя кафтанъ на груди и стукнувъ посохомъ.

— Не робѣй, паренекъ. Худа не будетъ тебѣ. Сказывай, куда отецъ-то отъѣхалъ? Да ну! Чего захныкалъ?..

Сбиваясь и путаясь, стараясь припомнить, о чемъ твердили ему по дорогѣ въ Коломенское, мальчикъ началъ разсказывать про отца, какъ отъѣхалъ онъ на Литву съ листами отъ бояръ московскихъ. Всѣ впились въ лицо Алексѣя Михайловича, будто хотѣли угадать, что онъ скажетъ, что сдѣлаетъ. По лицу царя видно было, что разсказъ Шорина достигалъ цѣли: лицо „тишайшаго“ становилось все суровѣе, углы губъ подергивались, глаза искоса окидывали взоромъ толпу, переминавшуюся съ ноги на ногу и тихо перешептывавшуюся.

Едва кончилъ говорить мальчикъ, какъ Павелъ закричалъ первымъ, а за нимъ подхватили и другіе.

— Головами выдай измѣнниковъ, государь! Выдай измѣнниковъ! Измѣнниковъ...

Царь гнѣвно застучалъ въ крыльцо своимъ посохомъ. Солнечные лучи брызнули и загорѣлись цвѣтными огнями на драгоцѣнныхъ камняхъ его наряда.

— Я государь и царь вашъ и всея Руси! — сказалъ онъ нервнымъ, крикливымъ голосомъ, все больше раздражаясь.—Мое дѣло сыскать и вины взыскивать, кому по сыску учинится. По домамъ ступайте. Сказано: не оставлю дѣла сего. Въ томъ сама царица съ дѣтьми моими порука... Чего-жъ вамъ?

Толпа всколыхнулась во второй разъ. Ненавистные люди ускользали отъ нея, прятались за царскую спину, за царицу.

— Не дай погинуть намъ занапрасну! Не дай!—понеслись неистовые, раздраженные крики. — Чего-для измѣнниковъ хоронишь? Добромъ отдавай ихъ! Не то сами возьмемъ. Своимъ обычаемъ...

Толпа надвигалась на крыльцо—взволнованная, ожесточившаяся; иные махали палками, сыпались ругательства, даже угрозы.

— Давай Милославскаго да Ртищева! Стрѣшнева Семку! Время измѣнниковъ побить...

— Сами возьмемъ... Краше добромъ выдавай!—кричалъ Павелъ, выброшенный толпою впередъ.

Шоринъ прижался къ периламъ крыльца и озирался съ ужасомъ. Царь колебался мгновенье, будто не зналъ еще, на что рѣшиться...

И вдругъ „тишайшій“ крикнулъ, и губы его задрожали:

— Бей ихъ, бей!

Стрѣлецкій голова взмахнулъ чекменемъ, и какой-то гилевщикъ тяжко рухнулъ на ступени крыльца, звонко стукнувшись о нихъ головою. Стрѣлецкіе и рейтарскіе полки, ждавшіе приказа, двинулись на гилевщиковъ со всѣхъ сторонъ.

Началось безпорядочное ужасное бѣгство. Убитые и задавленные преграждали путь; иныхъ хватали и вязали; иные тонули въ Москвѣ-рѣкѣ...

„Гиль“ окончился. Пойманныхъ преступниковъ отвезли въ Угрѣшскій монастырь—и начался сыскъ. Главнаго заводчика не нашли; Павелъ успѣлъ скрыться, да его никто и не зналъ; болѣе ста человѣкъ были жестоко наказаны.

Черезъ годъ—11 іюня 1663 года—мѣднымъ деньгамъ дана была откличка. Закрылись дворы „денежнаго мѣднаго дѣла“ въ Бѣлокаменной, во Псковѣ и Новгородѣ.

Викторъ Никольскій.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

— *Flammen.* Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905 (E. Fleischl et C°).

I.

Когда приватъ-доцентъ философіи, Генрихъ Грабаусъ, вошелъ въ главную аудиторію университета, всѣ скамейки были уже вплотную заняты слушателями. Лѣтній семестръ закончился, и лекціи, которыя теперь читалъ Грабаусъ о классическомъ періодѣ нѣмецкой литературы, составляли каникулярный курсъ. Среди слушателей поэтому мало было студентовъ. Аудиторія состояла изъ представителей всевозможныхъ сословій—изъ богатыхъ рентьеровъ, офицеровъ, народныхъ учителей, даже нѣсколькихъ мастеровыхъ. Но больше всего было женщинъ.

Грабаусъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ высокой, нѣсколько неуклюжей юношеской фигурой, съ выразительнымъ, хотя не особенно красивымъ лицомъ, съ русыми, откинутыми назадъ волосами, высокимъ строгимъ и яснымъ лбомъ, изъ-подъ котораго выглядывали живые, нервно искрящіеся глаза; они часто мѣняли цвѣтъ, то свѣтлѣли, то темнѣли, иногда искрились огнемъ, иногда потухали, и тогда въ тихомъ задумчивомъ взглядѣ какъ будто отражались какіе-то далекіе, чуждые міры. Носъ у Грабауса былъ тонкій и острый, и подъ усами пепельнаго цвѣта обрисовывались мягкія линіи рта.

Грабаусъ снялъ шляпу съ широкими полями, повѣсилъ ее

на гвоздь, вошелъ на каѳедру и только-что хотѣлъ начать читать, какъ замѣтилъ въ пустой чернильницѣ, вставленной въ каѳедру, букетикъ фіалокъ, очень свѣжій и благоуханный. Очевидно, его туда положили передъ самой лекціей. Онъ невольно протянулъ руку къ цвѣтамъ, но, опомнившись, быстро отдернулъ ее... Раскрывъ свои записки, онъ началъ лекцію:

„Милостивые государи и милостивыя государыни, мы сегодня приступаемъ къ „Фаусту“ Гёте. Послѣ того, какъ я ввелъ васъ въ міръ, изобилующій сокровищами, указалъ вамъ на его красоты и глубины, на его созидательную мощь и этическій паѳосъ, я уподобляюсь теперь тому сторожу заколдованнаго замка, который показалъ и освѣтилъ всѣ сокровища замка своему спутнику, снабженному волшебной лампой: онъ показалъ ему залы, наполненныя металлами, залы, гдѣ сверкалъ хрусталь, залы, полныя драгоцѣнныхъ камней. Но передъ входомъ въ послѣднюю залу онъ велѣлъ ему затушить лампу и сказалъ, открывая дверь: „Пади ницъ и дивись!“

— Милостивые государи и милостивыя государыни, то художественное произведеніе, къ которому мы теперь подходимъ, возвышается надъ всей художественной литературой своего времени, какъ гора, стоящая обособленно отъ цѣпи другихъ горъ. Такія горы образуютъ самостоятельную группу. Своимъ широкимъ и мощнымъ подножьемъ они поднимаются вверхъ изъ солнечныхъ долинъ, изобиліе земныхъ красотъ опоясываетъ ихъ середину, но вершина ихъ высится въ ясномъ эѳирѣ, въ надземной дали. Такъ и „Фаустъ“ стоитъ одиноко въ своемъ титаническомъ величіи. Его нельзя сравнить ни съ чѣмъ въ современной ему литературѣ. Цѣлое столѣтіе питалось имъ, онъ переведенъ на языки всѣхъ народовъ. И каждый разъ, когда приводятся слова изъ него, сердце бьется сильнѣе и чувствуется притокъ волшебной жизненной силы, какъ въ волнѣ воздуха, несущейся съ альпійскихъ высотъ. Разныя сословія, разнообразнѣйшія міровоззрѣнія пытались сдѣлать Фауста представителемъ именно своей истины. Но слишкомъ всеобъемлющій для каждаго въ отдѣльности, онъ является по существу выразителемъ всего современнаго человѣчества, освободившагося отъ средневѣковыхъ узъ, ставшаго самобытнымъ, но все-же не забывшаго наслѣдія минувшихъ временъ. Такъ, стоя по срединѣ между двумя различными эпохами, онъ включаетъ въ себѣ обѣ, сливая философію минувшаго съ философіей будущаго. Созданіе поэта, жизнь котораго была богаче и полнѣе чьей бы то ни было другой жизни въ мірѣ, Фаустъ заключаетъ въ себѣ пол-

ноту бытія. Взирая на образъ Фауста, каждый узнаетъ въ немъ свои черты и свои ощущенія, только усиленныя до безконечности. Но наиболѣе мощно звучитъ въ этой пѣснѣ о человѣчествѣ безудержность юности, сгарающей отъ избытка своихъ силъ. Ближе всего намъ Фаустъ-титанъ, Фаустъ-сверхъ-человѣкъ. Онъ живетъ въ душѣ каждаго образованнаго культурнаго человѣка нашихъ дней. Его любятъ, ему поклоняются, относительно него спорятъ, но онъ всегда остается неисчерпаемымъ. Да, милостивые государи и милостивыя государыни, цѣлая армія ученыхъ, болѣе вооруженныхъ знаніями, чѣмъ я, силилась вмѣстить Фауста, его величіе, его красоту и глубину въ свои книги и дать ему цѣльное толкованіе. Но всѣ старанія были тщетны. Вы повѣрите поэтому, что мнѣ болѣе всего хотѣлось бы сказать вамъ: „Падите ницъ и дивитесь. И дайте мнѣ пасть ницъ вмѣстѣ съ вами—и молчать“.

Въ зеленовато-золотистомъ полумракѣ липъ, простиравшихъ свои широкія вѣтви почти вплотную къ большимъ открытымъ окнамъ, щебетали и заливались разнообразныя птицы; съ площади доносился шумъ дѣтскихъ голосовъ, стукъ экипажей и глухіе удары молотомъ каменьщиковъ, чинившихъ мостовую. И несмотря на всѣ эти звуки, въ аудиторіи царила полная тишина. Слушатели сидѣли, не шевелясь. Напряженное вниманіе, съ которымъ они слѣдили за словами лектора, придавало всѣмъ этимъ столь различнымъ, молодымъ и старымъ, добродушно самодовольнымъ и мечтательнымъ лицамъ что-то общее и очень характерное. Каждая искорка духовнаго огня, таившаяся въ душахъ слушателей, проявлялась въ этотъ часъ, придавая лицамъ отпечатокъ новой, затаенной до того, но пробудившейся теперь жизни. Больше всего измѣнилось лицо самаго лектора. Безпечное добродушіе смѣнилось выраженіемъ глубокой сосредоточенности. Въ эту минуту, когда онъ глядѣлъ прямо въ глаза каждому слушателю, онъ казался постарѣвшимъ на цѣлые годы, и на чертахъ его отражалась затаенная тоска, душевное страданіе, скрываемое отъ людскихъ взоровъ.

„Хотя я проникнутъ сознаніемъ моего безсилія,—продолжалъ онъ,—хотя я знаю, что всѣми своими толкованіями не болѣе помогу вамъ заглянуть въ суть этого великаго произведенія, чѣмъ разбитый въ призмѣ лучъ солнца можетъ объяснить составъ солнца, все-же я попытаюсь изложить свои взгляды на „Фауста“. Но прежде чѣмъ перейти къ самой поэмѣ, я постараюсь обрисовать душевное состояніе его творца, юнаго, пылкаго генія, въ моментъ возникновенія „Фауста“...

Когда на часахъ пробило шесть, слушателямъ показалось, что чья-то невидимая рука передвинула стрѣлку скорѣе чѣмъ слѣдовало. Они еще сидѣли, затаивъ дыханіе, когда лекторъ уже кончилъ чтеніе. Онъ сталъ спускаться съ каѳедры, и тогда аудиторія ожила, поднялся шумъ и топотъ, и къ глухому стуку сапогъ на двойныхъ подошвахъ примѣшивалось суетливое, быстрое притоптываніе дамскихъ каблучковъ. Захлопывая рукопись, въ которую онъ лишь изрѣдка заглядывалъ во время чтенія, Грабаусъ ловкимъ движеніемъ положилъ между первыми листками поднесенный ему букетикъ фіалокъ. Послѣ того онъ вышелъ изъ аудиторіи, сопровождаемый шумомъ расходящейся толпы слушателей. На узкой улицѣ было очень оживленно въ этотъ прекрасный осенній день. Провинціальная толпа высыпала гулять. На тротуарахъ тѣснились офицеры, гремя саблями, женщины съ большими корзинами, гимназисты въ пестрыхъ шапочкахъ, съ дерзкими, уже какъ у студентовъ, лицами и группы хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Грабаусъ съ минуту постоялъ въ нерѣшительности. Онъ обѣщалъ женѣ зайти за нею изъ университета и вмѣстѣ пойти гулять. Но эта перспектива не особенно ему улыбалась, и онъ рѣшилъ пойти гулять одинъ. У него было радостно на душѣ въ эту минуту. Какъ бы ни была безотрадна его мелкая, будничная жизнь, эти лекціи, въ которыя онъ могъ вложить все, чѣмъ полны были его душа и его умъ, вселяли въ него каждый разъ бодрость и энергію. Все, что онъ пробуждалъ въ своихъ слушателяхъ, вдвое сильнѣе кипѣло въ немъ самомъ; онъ чувствовалъ себя перенесеннымъ за предѣлы дѣйствительности, въ круговоротъ той мощной, безудержной и радостной эпохи, которую онъ возсоздавалъ передъ слушателями. Это время не казалось уже далекимъ прошлымъ,—ему представлялось, напротивъ того, что оно можетъ стать его близкимъ будущимъ, что онъ сможетъ порвать тысячи нитей, связывающихъ его съ дѣйствительностью, что у него появятся друзья—какъ ростки на весенней почкѣ,—что составится кружокъ восторженныхъ единомышленниковъ, и тогда все смутное въ его душѣ кристаллизуется и проявитъ себя. Давно уже онъ не чувствовалъ такого прилива силъ и надеждъ, какъ теперь, и былъ истинно счастливъ.

Вдругъ, собираясь перейти рыночную площадь, Грабаусъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ рынка парочку, стоявшую передъ торговкой фруктами: оба, и мужъ и жена, были маленькіе и толстые, оба были въ плащахъ, придававшихъ имъ еще болѣе безформенный видъ. Панталоны мужа и юбки жены были такъ

коротки, что обнажали до верху стоптанные сапоги на резинкахъ. Мужъ носилъ на широкомъ носу темные очки, бросавшіе синеватую тѣнь на его блѣдное, рыхлое лицо. Черная круглая борода доходила бы до глазъ, если бы часть щекъ не была выбрита. Въ одной рукѣ онъ держалъ допотопный зонтикъ, а другой схватился за большую пуговицу на плащѣ жены и теребилъ ее во всѣ стороны, безъ умолку что-то объясняя женѣ. Она все время кивала головой, можетъ быть въ знакъ согласія съ словами мужа, но, можетъ быть, только для того, чтобы показать ему, что слушаетъ его. Въ то же самое время она ѣла грушу и корчила при этомъ лицо въ кислую гримасу. Этимъ она, очевидно, давала понять, что груши далеко не такъ хороши, какъ утверждала торговка. На лицѣ толстой торговки, стоявшей у своихъ корзинъ, отражалось изумленіе, смѣшанное съ гнѣвомъ. Она ничего не говорила, но по тому, какъ она пожимала плечами и переглядывалась съ торговками направо и налѣво, можно было догадаться объ ея отношеніи къ забавной и безцеремонной четѣ.

При видѣ смѣшной парочки Грабаусъ испуганно остановился, съ намѣреніемъ повернуться и скорѣе уйти въ другую сторону. Но толстая маленькая дама уже замѣтила его. Она бросила на землю остатокъ груши, тряхнула головой въ знакъ того, что покупка не можетъ состояться, и указала мужу на Грабауса. Послѣднему пришлось волей-неволей подойти ближе и выразить привѣтливой улыбкой свое удовольствіе по поводу неожиданной встрѣчи. Профессоръ—его фамилія была Вульманъ—поклонился молодому коллегѣ и сказалъ:

— Вы собираетесь погулять? Въ такомъ случаѣ я присоединяюсь къ вамъ. Мнѣ, кстати, нужно было спросить васъ кое-о-чемъ.

Распрощавшись съ профессоршей, они продолжали путь вдвоемъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Грабаусъ сказалъ:

— Я долженъ вамъ признаться, что я еще не читалъ вашей статьи.

Профессоръ остановился и схватилъ своего спутника за пуговицу,—онъ всегда это дѣлалъ, точно боясь, что слушатель убѣжитъ отъ него.

— Не прочли? Ну, это ничего. Не думайте, что я собирался говорить съ вами именно о моей статьѣ. Къ тому же ее нельзя просто прочесть: она требуетъ изученія. Когда примете за нее—увидите, какъ трудно ее раскусить. Да, не одинъ изъ нашихъ дорогихъ коллегъ обломаетъ себѣ объ нее свои

гнилые зубы. Но разскажите мнѣ лучше, что̀ вы подѣлываете? Заняты какой-нибудь опредѣленной работой? Напали на что-нибудь интересное?

— Кое-что намѣчается,—отвѣтилъ Грабаусъ, котораго раздражало это выспрашиваніе.

— Кое-что? Надѣюсь, что-нибудь вполнѣ опредѣленное. Разскажите же. Я въ послѣднее время очень мало васъ вижу. Почему вы не показываетесь? Вы знаете вѣдь, что я къ вамъ хорошо отношусь.

— Я въ этомъ увѣренъ, господинъ профессоръ.

— Такъ не нужно этого забывать. Я желаю вамъ только добра. Я интересуюсь лишь очень немногими; большинство, вѣдь, homines nominantur, non sunt. Я до нѣкоторой степени надѣюсь,—онъ остановился и, подойдя совсѣмъ близко къ своему собесѣднику, пристально взглянулъ ему въ лицо,—что вы когда-нибудь сдѣлаетесь моимъ преемникомъ.

Грабаусъ чувствовалъ, что ему нужно что-нибудь на это отвѣтить, но даже самое неопредѣленное выраженіе радости по поводу словъ профессора было бы съ его стороны ложью, и онъ не рѣшался на нее. Онъ только молча кивнулъ головой.

— Но почему вы такъ замыкаетесь въ себѣ?—продолжалъ профессоръ.—Если вы не успѣли прочесть мою статью—она у васъ уже цѣлую недѣлю,—то, очевидно, вы заняты были чтеніемъ какого-нибудь болѣе значительнаго произведенія? Что̀ же это было?

„Если бы я ему сказалъ, что читалъ „Notre Coeur“ Мопассана, какъ бы этотъ кротъ вытаращилъ на меня глаза!“—подумалъ Грабаусъ. Но ему не пришлось ничего отвѣтить, потому что въ ту же минуту профессоръ толкнулъ его въ бокъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Посмотрите, посмотрите, вы увидите сейчасъ нѣчто весьма интересное.

Навстрѣчу имъ шелъ человѣкъ внушительной наружности; несмотря на широкополую шляпу и широкій гавелокъ, въ осанкѣ его было нѣчто военное. Это былъ тайный совѣтникъ Тейхманъ, директоръ бактеріологическаго института при университетѣ. Еще недавно онъ былъ простымъ штабнымъ врачомъ, но открылъ цѣлебную сыворотку и сдѣлался всемірной извѣстностью. Эксплоатація его открытія давала ему ежегодно цѣлое состояніе. Рядомъ съ нимъ шла его жена, молодая, красивая женщина изъ лучшаго общества.

При видѣ ихъ Вульманъ взялъ зонтикъ подъ мышку и за-

сунулъ руки какъ можно глубже въ карманы сюртука. Съ неподвижнымъ лицомъ и съ такимъ взглядомъ, точно желалъ бы наслать на нихъ обоихъ чуму, онъ пошелъ имъ навстрѣчу. И только когда онъ увидалъ, что Тейхманъ приподнимаетъ шляпу, онъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но, едва успѣвъ пройти нѣсколько шаговъ дальше, онъ схватилъ Грабауса за пуговицу и сказалъ потрясающимъ шопотомъ, какимъ говорятъ только на сценѣ:

— Вы видѣли, вы видѣли? Онъ первый намъ поклонился.

— Простите, господинъ профессоръ...

— Онъ первый мнѣ поклонился. Этотъ фактъ я желаю твердо установить. Хотя онъ шелъ съ дамой и долженъ былъ ждать моего поклона, онъ все-таки...

— Но, господинъ профессоръ...

— Онъ первый приподнялъ шляпу. Что изъ того, что правительство не постыдилось дать ему здѣсь каѳедру наперекоръ факультету? Самъ онъ все-таки увѣренъ въ своей ничтожности. Этакій лавочникъ! Дѣлать изъ науки аферу! Неучъ, фельдшеръ, Богъ вѣсть откуда взявшійся! Ему хотѣлось бы, чтобы мы простили ему его грязные милліоны. Поэтому онъ и пресмыкается передъ нами. Поэтому...

— Простите, господинъ профессоръ...

— Что? Развѣ это неправда? Вѣдь вы же сами были свидѣтелемъ. Развѣ вы не видѣли? Мы были еще въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, какъ онъ поспѣшилъ снять шляпу.

— Да, но потому, что я ему первый поклонился.

— Вы? Вы первый поклонились этому человѣку?

— Конечно. Я его хорошо знаю, и я моложе его. Къ тому же...

Вульманъ передвинулъ очки съ носа на лобъ и поглядѣлъ на своего спутника прищуренными глазами. Послѣ послѣднихъ словъ Грабауса онъ надвинулъ шляпу на лобъ и быстро пошелъ впередъ. На минуту Грабаусъ остановился въ изумленіи и потомъ только ускорилъ шагъ, чтобы нагнать профессора.

Они шли нѣсколько времени молча, пока, наконецъ, Вульманъ снова не заговорилъ; для большей убѣдительности онъ пристукивалъ зонтикомъ о мостовую.

— Если бы и васъ не было со мной, онъ бы все-таки первый поклонился,—сказалъ онъ.—Нравственно, во всякомъ случаѣ, онъ униженъ, а не я.

Онъ опять быстро помчался впередъ и, наконецъ, въ концѣ улицы предложилъ повернуть обратно. Въ эту минуту имъ навстрѣчу вышла изъ боковой улицы веселая компанія молодыхъ

дѣвушекъ и молодыхъ людей, повидимому собравшихся на вечернюю прогулку. Они всѣ восторженно привѣтствовали Грабауса.

— Это еще кто такіе?—пробормоталъ Вульманъ.—Странные у васъ знакомые.

— Это слушатели моего каникулярнаго курса.

— Ну, ужъ этотъ каникулярный курсъ! Къ чему его затѣяли? И какъ это вы согласились читать?

— Эти лекціи, господинъ профессоръ, доставляютъ мнѣ глубокое наслажденіе. Я давно уже не переживалъ такихъ счастливыхъ часовъ,—часовъ, когда мнѣ кажется, что я дѣйствительно передаю слушателямъ живое содержаніе моихъ мыслей.

— Ну, а что же составляетъ содержаніе вашихъ лекцій во время семестра? Мнѣ было бы очень интересно знать.

— Объ этомъ я давно хотѣлъ съ вами поговорить,—отвѣтилъ Грабаусъ.—Когда я пріѣхалъ сюда, то прочелъ, если вы, можетъ быть, припомните, во второмъ семестрѣ курсъ о міросозерцаніи Шиллера. Слушателей у меня было столько, что не хватало мѣстъ въ аудиторіи. Но факультетъ далъ мнѣ понять, что выборъ мною подобныхъ темъ нежелателенъ.

— Да и дѣйствительно,—какое дѣло вамъ, философу, до поэта Шиллера?

— Ну, вотъ я и сталъ выбирать темы, болѣе отвѣчающія желаніямъ факультета.

— И болѣе полезныя для васъ самихъ.

— Можетъ быть. Но чтобы выразить все, что тѣснилось у меня въ душѣ, я началъ писать. Тогда мнѣ тоже заявили, что въ моихъ же собственныхъ интересахъ лучше прекратить всякую литературную дѣятельность.

— Неужели же вы думали, что появленіе вашего имени во всевозможныхъ ничтожныхъ, мнимо-научныхъ изданіяхъ производило хорошее впечатлѣніе? Этимъ вы могли добиться популярности въ большой публикѣ, но серьезности вашей ученой дѣятельности это не доказывало.

— Я бросилъ писать, сосредоточился на моей спеціальности и держался въ сторонѣ отъ всего другого. Но такъ какъ вы хорошо относитесь ко мнѣ, господинъ профессоръ, то я могу вамъ признаться, что я часто прихожу въ полное отчаяніе. Меня одолѣваютъ мысли, и я чувствую потребность дѣлиться ими, претворять идеи въ воплощенное живое слово. А между тѣмъ, я фактически отрѣзанъ отъ всякаго общенія съ молодежью, на которую мнѣ именно и хочется болѣе всего вліять. Мнѣ зажали ротъ. Не знаю, понимаете ли вы, до чего я страдаю.

— Милый Грабаусъ, запрещеніе факультета принесетъ вамъ только пользу. Въ васъ все еще бродитъ и кипитъ, какъ во всякомъ человѣкѣ вашихъ лѣтъ. Но неужели вы думаете, что ваши теперешнія мысли уже настоящія, истинныя? Ничуть. Нужно, чтобы все улеглось, осѣло. Нужно пройти черезъ химическій процессъ разложенія. А уже то, что останется—этого будетъ весьма немного — можетъ быть и будетъ чѣмъ-нибудь заслуживающимъ вниманія.

— Продѣлать химическій процессъ разложенія!—съ горечью повторилъ Грабаусъ.—Другими словами, это значитъ покрыться плѣсенью.

— Назвать это можно какъ угодно! — отвѣтилъ Вульманъ, тонъ котораго становился все болѣе и болѣе любезнымъ.—Я бы предпочелъ, однако, назвать это проясненіемъ. Хаосъ воззрѣній долженъ проясниться и создать нѣсколько вполнѣ опредѣленныхъ, ясныхъ понятій. Только съ этихъ понятій и начинается наука.

— А по-моему понятія заключаются уже въ представленіяхъ, —довольно рѣзко возразилъ Грабаусъ.

— Вы думаете, что вашъ мозгъ иначе устроенъ, чѣмъ у другихъ? Нѣтъ, другъ мой, вы только еще очень молоды. Вамъ сколько лѣтъ? Недавно исполнилось тридцать? Такъ будьте довольны, что вамъ даютъ возможность еще учиться кое-чему. Учить всегда еще успѣете. Вообще, слѣдовало бы начинать учить только съ сѣдыми волосами.

— И мертвымъ сердцемъ?

— Конечно. Что общаго между сердцемъ и наукой? Наука сердца—ее вы сохраните для слушательницъ вашего каникулярнаго курса.

— А все-же, господинъ профессоръ, ни одна творческая мысль не создалась безъ участія сердца.

— Вотъ какъ?!

— И если вы съ этимъ не согласны, то это доказываетъ...

— Ну, что это доказываетъ?

— Доказываетъ, что вашего дарованія хватаетъ для изслѣдованія чужихъ мыслей, но что у васъ нѣтъ ни одной собственной, оригинальной мысли.

— Что?

Держа зонтикъ горизонтально подъ мышкой, сложивъ руки на животѣ, маленькій, толстый профессоръ глядѣлъ съ открытымъ ртомъ на своего спутника, который былъ на голову выше его.

— Простите меня за откровенность, господинъ профессоръ, —пробормоталъ Грабаусъ.

— Такъ вотъ каково ваше уваженіе ко мнѣ! — крикнулъ профессоръ и порывисто схватилъ его за пуговицу, но тотчасъ же отпустилъ, или не считая нужнымъ его удерживать, или же чтобы показать, какъ велико его отвращеніе. — Такъ говоритъ со мной человѣкъ, который представился факультету, какъ мой ученикъ?! Сегодня, по крайней мѣрѣ, вы откровенны—за это и я отвѣчу вамъ столь же откровенно. Даю вамъ честное слово, что пока я живъ, пока мое слово имѣетъ хотя малѣйшій вѣсъ у факультета, до тѣхъ поръ для васъ не очистится здѣсь каѳедры. Поняли? Прощайте.

Съ этими словами онъ убѣжалъ, и Грабаусъ поглядѣлъ ему вслѣдъ удивленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Но потомъ онъ вздохнулъ полной грудью. Все-таки сцена съ профессоромъ облегчила его душу.

Когда Грабаусъ вернулся домой, онъ тихо прошелъ мимо дѣтской, изъ которой доносился голосъ его жены, и прошелъ къ себѣ въ комнату. Ему хотѣлось быть одному.

Онъ былъ въ очень странномъ, двойственномъ настроеніи. Теперь, вспоминая весь разговоръ съ Вульманомъ, онъ чувствовалъ, что его рѣзкая отповѣдь была въ высшей степени неумѣстной. „Безсмысленный поступокъ!“—подумалъ онъ. Но его внутреннее чувство ясно понимало смыслъ и необходимость этого поступка, хотя не могло привести ясныхъ доводовъ. „Что я выигралъ?“—спрашивалъ одинъ голосъ.—„Но что ты потерялъ?“—возражалъ другой.—По крайней мѣрѣ, теперь все ясно и нужно только обдумать, что будетъ дальше.

Пять лѣтъ тому назадъ, молодой докторъ философіи, Генрихъ Грабаусъ, явился къ ординарному профессору Вульману, у котораго онъ слушалъ нѣсколько семестровъ, съ просьбой помочь ему получить доцентуру. Вульманъ не былъ первымъ профессоромъ, къ которому обращался Грабаусъ. Онъ сначала пробовалъ счастья въ другихъ большихъ университетахъ. Съ наивной увѣренностью человѣка, движимаго силой своихъ убѣжденій, онъ шелъ къ разнымъ знаменитымъ профессорамъ, убѣжденный, что его встрѣтятъ какъ друга и собрата въ борьбѣ. Но встрѣча была самая непривѣтливая. Къ нему всюду относились какъ къ пассажиру, нагруженному багажемъ, который садится ночью въ переполненное купэ. Тотъ фактъ, что въ своихъ трудахъ,—въ особенности въ главномъ своемъ произведеніи „Происхожденіе философіи“,—онъ пытался дать многому новую оцѣнку, очевидно, вызывалъ недовѣріе къ нему. Когда Грабаусъ явился къ Вуль-

ману, онъ уже былъ болѣе опытенъ и сдержанъ. Вначалѣ они ладили, причемъ каждый слышалъ въ словахъ другого только то, что̀ хотѣлъ. Но скоро начались несогласія, создаваемыя кореннымъ различіемъ ихъ натуръ. Ученая репутація Вульмана создана была, главнымъ образомъ, его трудами по исторіи философіи. Онъ обладалъ громадной эрудиціей, зналъ свой предметъ до мельчайшихъ подробностей и закоулковъ, но былъ при этомъ полной бездарностью, лишенной всякаго творческаго таланта. Искусство его заключалось въ умѣніи прослѣживать развитіе идей, начиная отъ ихъ египетскихъ, ассирійскихъ и индійскихъ источниковъ и въ самыхъ темныхъ и едва замѣтныхъ ихъ проявленіяхъ въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи. Но никогда этому труженику, работавшему на подобіе крота въ темнотѣ, не сіялъ свѣточъ самобытной мысли; онъ даже никогда внутренно не переживалъ чужой мысли, дѣлая ее тѣмъ самымъ своею, и сердце его не знало того радостнаго внутренняго успокоенія, которое составляетъ лучшую награду всякаго философа. Мучимый, какъ всѣ ограниченные, несвободные люди, жаждой внѣшнихъ почестей и отличій, которыя возвысили бы его въ его собственныхъ глазахъ, онъ былъ мелкимъ интриганомъ и тираномъ. Съ профессорами другихъ факультетовъ онъ былъ въ ссорѣ, обвиняя ихъ въ томъ, что они нарочно не даютъ ему хода, а къ своимъ непосредственнымъ коллегамъ и бывшимъ ученикамъ относился деспотически. Это положеніе папы, диктующаго законы, онъ захотѣлъ занять и относительно Грабауса. Но когда онъ увидѣлъ, что молодой лекторъ идетъ собственными путями, онъ сталъ его обуздывать подъ маской доброжелательства. Въ концѣ концовъ, весь факультетъ ополчился противъ молодого ученаго, которому оставалось или подчиниться, или совершенно отказаться отъ дальнѣйшей профессорской карьеры. Пять лѣтъ онъ подчинялся и подавлялъ въ себѣ притокъ живыхъ силъ, дѣлая это терпѣливо, какъ человѣкъ, который чувствуетъ свой внутренній ростъ и знаетъ, что его время придетъ. Но жажда его становилась все болѣе пламенной, все настойчивѣе хотѣлось ему быть самимъ собой. И вдругъ сегодня онъ однимъ неосторожнымъ словомъ уничтожилъ плоды долгаго ожиданія. Но чѣмъ больше онъ обдумывалъ свой поступокъ, тѣмъ менѣе онъ раскаивался въ немъ. Ему уже было странно не то, что онъ, наконецъ, порвалъ съ Вульманомъ, а то, что онъ такъ долго подчинялся его гнету. Но что̀ теперь предпринять? Самыя разнообразныя картины будущаго возникали въ его воображеніи.

Не долго, однако, длились его одинокія размышленія. Дверь

съ шумомъ раскрылась и въ комнату вошла его жена. Она, очевидно, не предполагала, что онъ здѣсь, и была крайне удивлена, увидавъ его.

— Какъ, ты вернулся? А я сижу и поджидаю тебя. Вѣдь ты обѣщалъ зайти за мной,—сказала она съ легкимъ укоромъ. —Неужели ты гулялъ одинъ?

— Не сердись, дорогая. Я былъ сегодня такъ взволнованъ, что мнѣ хотѣлось остаться одному.

— Какъ это мило! А обо мнѣ ты не подумалъ. Противный папочка! Папа злой, папа злой, моя крошка! — прибавила она, обращаясь къ четырехлѣтней толстой дѣвочкѣ, которая прибѣжала вслѣдъ за нею вмѣстѣ со своимъ младшимъ братцемъ.

— Такъ ты гулялъ одинъ? Держу пари, что къ тебѣ опять приставала какая-нибудь слушательница съ разспросами и разговорами. Поэтому ты вѣрно и забылъ про меня,—жена въ такихъ случаяхъ лишняя.

— Богъ съ тобой! Ничего подобнаго не было! — возразилъ Грабаусъ.

— Я увѣрена, что ты прочелъ еще одну лекцію съ глазу на глазъ.

Ревнивые мужья часто мучатъ своихъ женъ бурными сценами,—женская ревность проявляется большей частью въ непрерывныхъ мелкихъ уколахъ. Констанція Грабаусъ принадлежала къ числу женщинъ, ревность которыхъ не знаетъ предѣловъ. При всей своей природной трезвости и холодности, она становилась совершенно невмѣняемой въ своемъ страхѣ потерять мужа. По всякому, самому невинному поводу и часто даже безъ всякаго основанія она принималась мучить его намеками. Самому безразличному разговору она придавала тогда оборотъ, ведущій къ этой цѣли. Грабаусъ мирился съ этой слабостью своей жены, какъ съ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея любви и преданности ему. Но съ годами онъ все больше и больше страдалъ отъ ея намековъ и придирокъ, какъ отъ ноющей зубной боли, которая можетъ своей длительностью больше измучить, чѣмъ самая страшная, но быстро проходящая боль. Онъ тщательно избѣгалъ поэтому говорить съ женой о другихъ женщинахъ.

Крошка, названная при крещеніи Елизаветой, но откликавшаяся на всевозможныя имена, кромѣ этого,—сдѣлала тѣмъ временемъ нападеніе на столъ. Она чувствовала особое влеченіе ко всему, связанному съ писаніемъ, и въ особенности любила рукописи своего отца. Теперь она схватила кучку разрозненныхъ листковъ и теребила ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхомъ.

— Ахъ, крошка, ты мнѣ всю эстетику спутаешь. Подойди къ папѣ! Сядь-ко мнѣ на колѣни!

Дѣвочка послушалась и почувствовала себя наверху блаженства, когда отецъ далъ ей листокъ чистой бумаги и позволилъ водить карандашемъ по немъ.

— Не сердись же, дорогая,—обратился Грабаусъ къ женѣ. —Если хочешь, мы пойдемъ гулять послѣ ужина.

— Послѣ ужина? Въ темнотѣ? Нѣтъ, къ вечеру я слишкомъ устаю, чтобы еще ходить. Отложимъ на завтра. А все-таки, съ твоей стороны была гадость не зайти за мной. Правда, папа гадкій? Гадкій?

Дѣвочка серьезно поглядѣла на отца и нахмурила лобъ. Но мальчикъ прибѣжалъ съ другой стороны комнаты и тоже вмѣшался въ судъ надъ отцомъ.

— Нѣтъ, папа холошій! Папа-пай, папа-пай! — закричалъ онъ, картавя и протягивая руки отцу.

Родители разсмѣялись.

— Ахъ, ты, дерзкій мальчишка!—воскликнула мать и взяла на руки маленькаго сына. — Уже начинается ваша противная мужская солидарность.

— Ты, кажется, начинаешь ревновать и сына?

— Ревновать?—презрительно сказала Констанція.—Еслибы я была ревнива...

— Ну, знаешь ли...

— У меня не было бы спокойнаго часа. Вотъ, напримѣръ, то, что̀ получено сегодня... Впрочемъ, нѣтъ, это—сюрпризъ. Объ этомъ ты только завтра узнаешь.

— Что такое получилось?

— Сегодня я не скажу. Ты долженъ быть наказанъ.

— Ну, скажи, дорогая! Ты вѣдь знаешь, что мы, мужчины, страшно любопытны. Впрочемъ...

Онъ не кончилъ начатой фразы, но жена его уже обезпокоилась.

— Что̀ значитъ „впрочемъ“? У тебя тоже какой-нибудь сюрпризъ для меня? Что-нибудь непріятное? Скажи!

— Нѣтъ, ничего.

— Тебѣ вернули твою статью? Или Вульманъ сказалъ что-нибудь? Есть надежда на повышеніе?

— Ничего новаго нѣтъ. Мы потомъ потолкуемъ. Сначала скажи о твоемъ сюрпризѣ.

Констанція вынула изъ кармана письмо.

— Вотъ, прочти,—только не слишкомъ зазнавайся. Да, еслибы я была ревнива... Ревнивая жена давно бы сожгла такое письмо.

Не слушая ея, Грабаусъ сталъ читать письмо. Оно было отъ молодой или, вѣрнѣе, уже немолодой дѣвушки, которая благодарила его за его лекціи, оказавшія на нее благотворное вліяніе. Письмо было очень восторженное, и все-таки писавшая его сумѣла найти искреннія и въ то же время тонкія, умныя слова для изображенія своего прежняго безотраднаго, одинокаго существованія и своего повышеннаго, радостнаго настроенія теперь: она почувствовала, что изъ низменной, затхлой, будничной жизни вознеслась въ свободную атмосферу великаго идейнаго міра.— „Теперь я знаю,— писала она,—и это меня такъ же радуетъ, какъ еслибы я обрѣла подъ старость семейный очагъ, — что стоитъ раскрыть сердце, чтобы не чувствовать одиночества въ жизни. У меня такое чувство, точно вы меня ввели въ кругъ людей, которые безконечно выше и умнѣе меня, но все-же относятся ко мнѣ съ довѣріемъ, какъ къ старому другу, и дѣлятся со мной сокровеннѣйшимъ содержаніемъ своей души. За это—за то, что вы пробудили новую, богатую жизнь въ моей усталой, одинокой душѣ—я глубоко васъ благодарю".

Письмо тронуло и обрадовало Грабауса. Когда онъ кончилъ его читать и поднялъ глаза на жену, онъ встрѣтилъ ея напряженный, безпокойный взглядъ, обращенный на него.

— Прекрасное письмо, не правда ли?—спросила она.

— Прекрасное и чрезвычайно искреннее!—отвѣтилъ онъ.

— Я бы только хотѣла знать, кто женщина, писавшая его.

— Зачѣмъ? Можетъ быть, при знакомствѣ она бы разочаровала меня. А такъ остается полный просторъ воображенію.

— Только не воображай себѣ ее, пожалуйста, слишкомъ красивой.

— Увы! красивыя женщины не пишутъ такихъ писемъ!— сказалъ онъ съ легкой насмѣшкой.

Вошла дѣвушка и сообщила, что ванна для дѣтей уже готова. Констанція, которая всегда сама купала слоихъ дѣтей, поднялась, чтобы уйти, но еще остановилась въ дверяхъ.

— А твой сюрпризъ?—спросила она.

— Объ этомъ я скажу тебѣ потомъ.

— Навѣрное ничего непріятнаго?

— Навѣрное. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе я чувствую, что то, что случилось, даже хорошо.

Оставшись наединѣ, Грабаусъ взялъ еще разъ письмо въ руки. Имъ овладѣло прекрасное, бодрое настроеніе. Изъ сада вливался потокъ золотисто-багрянаго предвечерняго свѣта, разбитаго вѣтвями яблонь; мягкій, теплый свѣтъ падалъ на длин-

ный рядъ портретовъ Шекспира, Гёте, Шиллера, Канта и другихъ умершихъ, но вѣчно живыхъ мыслителей и поэтовъ, которые глядѣли на него въ этотъ таинственный предвечерній часъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ обыкновенно.

„Нечего падать духомъ,—думалъ онъ, глядя на портреты.— Я не одинокъ. Я чувствую, что всѣ они—на моей сторонѣ, и что мои слова, на зло всѣмъ профессорамъ, будутъ вліять на людей. Вѣдь я зналъ и говорилъ другимъ, что когда появляется человѣкъ съ новыми, самобытными мыслями, онъ встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ. Если я до сихъ поръ не вѣрилъ въ себя, то сегодня эта вѣра должна родиться".

Когда Констанція вернулась, уложивъ дѣтей, было уже накрыто къ ужину. Но родители должны были еще раньше зайти въ дѣтскую, пожелать дѣтямъ спокойной ночи. Дѣтскія личики, разрумянившіяся отъ ванны, казались особенно миловидными въ кроваткахъ, на фонѣ бѣлоснѣжныхъ подушекъ. Мальчикъ сейчасъ же залѣзъ подъ одѣяло, изображая изъ себя рудокопа. Мать, всегда воевавшая съ нимъ, съ трудомъ заставила его лечь какъ слѣдуетъ. Дѣвочка же смирно лежала съ куклой въ рукахъ, стараясь не сдвинуть платочекъ, который ей изъ предосторожности положили подъ мокрые волосы. Она прочла длинную, обстоятельную вечернюю молитву, въ которой препоручала милости Господней себя, брата, папу, маму, куклу и канарейку. Послѣ того отецъ и мать еще разъ поцѣловали дѣтей и пошли къ столу.

Къ ужину подали вареный картофель. Констанція не безъ особой гордости подняла крышку съ блестящей никкелевой кастрюльки, и мужъ ея, тоже не безъ основанія, пришелъ въ восторгъ при видѣ толстаго, крупнаго картофеля. Прелесть этого блюда заключалась въ томъ, что картофель былъ собственный, посаженный самимъ Грабаусомъ.

Полгода тому назадъ, молодой приватъ-доцентъ, которому докторъ велѣлъ заняться физическимъ трудомъ на свѣжемъ воздухѣ, вышелъ рано утромъ въ садъ съ лопатой въ рукахъ, чтобы копать землю. Онъ взялся за дѣло очень неумѣло. Когда, послѣ цѣлаго часа работы, онъ оглянулъ обработанный имъ кусокъ земли, онъ пришелъ въ уныніе: ямы и бугры производили такое впечатлѣніе, точно здѣсь хозяйничали взапуски куры и кроты. Но ему пришелъ на помощь его сосѣдъ, отставной почтальонъ. Онъ черезъ заборъ крикнулъ ему, какъ держать лопату и равномѣрно переворачивать глыбы земли. Такъ Грабаусъ мало-по-малу овладѣлъ старымъ, какъ міръ, искусствомъ земледѣльчества. И

постепенно имъ овладѣло новое, никогда до того не извѣданное, отрадное чувство: тѣло его дымилось отъ работы въ потѣ лица, а голова становилась все болѣе свободной и свѣжей. Приготовивъ почву, онъ закопалъ нѣсколько картофелинъ въ землю, убѣжденный, однако, что изъ этого ничего не выйдетъ. Но какова была его радость, когда въ маѣ появились зеленые ростки. И когда, нѣсколько дней тому назадъ, онъ отправился съ женой собирать картофель, онъ былъ не менѣе взволнованъ, чѣмъ еслибы пошелъ въ полночь откапывать кладъ. Неужели тамъ, въ землѣ, дѣйствительно есть плоды? Онъ сталъ копать—и нашелъ расположенныя по нѣскольку вмѣстѣ картофелины; изъ одной уродилось то восемь, то десять, то двѣнадцать. Никогда онъ такъ ясно и убѣдительно не ощущалъ тайны плодородія земли, какъ при этомъ видѣ. Ему хотѣлось кого-то благодарить, но онъ не зналъ—кого? Охваченный смутными отрадными чувствами, въ которыхъ его разумъ не могъ разобраться, онъ стоялъ на колѣняхъ, продолжая выкапывать все новыя и новыя сокровища изъ прогрѣтой солнцемъ земли, и былъ счастливъ въ сознаніи, что и онъ—тоже частица вѣчной, непостижимой и благой силы жизни. Сегодня этотъ картофель былъ поданъ къ ужину. Онъ сѣлъ за столъ въ веселомъ настроеніи и сказалъ женѣ:

— Ну, Констанція, теперь мнѣ не страшно за будущее. Если ничто другое не удастся,—я сдѣлаюсь землепашцемъ.

Жена его занялась чисткой картофеля. Половина ужина прошла среди смѣха и шутокъ, когда она вдругъ вспомнила, что онъ хотѣлъ ей что-то разсказать.

Подъ вліяніемъ веселаго настроенія, Грабаусъ разсказалъ въ смѣшномъ видѣ объ ужасѣ, охватившемъ его, когда онъ увидалъ Вульмана съ женой на рынкѣ; о томъ, какъ профессоръ пришелъ въ бѣшенство при встрѣчѣ съ Тейхманомъ, и какъ въ концѣ концовъ произошла крупная ссора между нимъ и Вульманомъ. Но когда Грабаусъ дошелъ до этого пункта, въ его передачѣ особенно рельефно выступило то, что̀ его самого почти безсознательно поразило болѣе всего. Не то ему было непріятно, что онъ своею необдуманностью сдѣлалъ Вульмана своимъ врагомъ и повредилъ себѣ,—съ этимъ онъ сразу примирился,—но его возмутило отношеніе Вульмана къ его необдуманнымъ словамъ. Злобная месть за неодобрительный отзывъ,—на это могла быть способна только мелкая, низменная душа. Грабаусъ зналъ всѣ причуды своего учителя, но все-же до сихъ поръ идеализировалъ его, и первое разочарованіе доставило ему истинное страданіе.

Но среди разсказа Грабаусъ увидѣлъ, что жена его отложила вилку и ножъ и стала глядѣть въ пространство, подперши голову руками.

— Что съ тобой, родная?—испуганно спросилъ онъ.—Надѣюсь, ты не относишься ко всему этому трагически.—Изъ-за такихъ пустяковъ нечего терять аппетитъ. — Съ этими словами онъ взялъ ея тарелку, чтобы положить ей еще картофеля.

— Оставь!—мрачно сказала она.—У меня пропалъ аппетитъ.

— Что за глупости!—Ну, улыбнись скорѣй!

— Оставь, пожалуйста, шутки!—рѣзко отвѣтила она.—Скажи мнѣ лучше, что съ нами станется?

— Ну, свѣтъ клиномъ не сошелся. Изъ-за того, что мелкозавистливый профессоръ обозлился на меня, я не желаю отчаиваться въ моемъ будущемъ. Это было бы слишкомъ глупо.

Но жена не слушала его возраженій и мрачно качала головой.

— Я всегда это предчувствовала. Какъ можно позволить себѣ такую неосторожность! Теперь ты такъ и останешься навсегда приватъ-доцентомъ. И вотъ еще увидишь, что у тебя отнимутъ стипендію. Господи, Господи, что съ нами тогда станется?

— Ты такъ говоришь, точно у насъ уже наступила черная нужда.

— Доживемъ и до этого, вотъ увидишь, если ты и дальше будешь такъ вести себя.

— Послушай, милая! Развѣ наши обстоятельства не сложились прямо-таки блистательно, послѣ того какъ мы поженились, имѣя всего триста марокъ капитала? Намъ всѣ пророчили нищету, а у меня въ первый же годъ было столько лекцій, что этимъ однимъ мы могли бы безбѣдно жить.

— Но теперь этихъ лекцій у тебя нѣтъ.

— Я отъ нихъ отказался только въ угоду факультету—все для того, чтобы сохранить ореолъ ученаго, для котораго не существуетъ большая публика. Но теперь всѣ эти соображенія лишнія,—я свободенъ, могу писать и читать лекціи, сколько мнѣ угодно.

— Да, но все это такъ неопредѣленно. Лекціи могутъ состояться или не состояться.

— А развѣ нѣтъ другихъ университетовъ? Я могу попытать счастье въ другомъ мѣстѣ.

— Да ты нигдѣ не уживешься. Если ты способенъ на такую глупость... Ну, можно ли такъ вредить самому себѣ!

— Милая Констанція,—сказалъ Грабаусъ неожиданно рѣзкимъ тономъ,—перестань говорить въ такомъ тонѣ. Это не достойно моей жены. Ты, конечно, можешь сказать: „ты велъ себя какъ оселъ“, но бываютъ случаи, когда порядочный человѣкъ долженъ вести себя какъ оселъ. Я, въ сущности, думалъ, что ты пожмешь мнѣ руку и скажешь: „Это было глупо съ твоей стороны, но красиво. Я поступила бы точно такъ же“.

— Этого недоставало! Ты бы хотѣлъ, чтобы я похвалила тебя?

— Неужели же ты предпочла бы, чтобы я промолчалъ?

— Конечно. Ты сомнѣваешься?

Онъ не могъ удержаться отъ испуганнаго возгласа и вскочилъ съ мѣста. Выходя изъ комнаты, онъ услышалъ, какъ жена крикнула ему вслѣдъ:

— Ты бы хоть салфетку сложилъ раньше!

Она позвонила, и когда явилась служанка, она спокойнымъ, обычнымъ тономъ велѣла ей зажечь лампу у барина.

Грабаусъ сѣлъ въ кресло и крѣпко сжалъ руки на груди, точно стараясь усмирить свое взволнованно бьющееся сердце. Какъ все это неожиданно произошло! Но, можетъ быть, она дѣйствовала также необдуманно—въ припадкѣ раздраженія,—какъ онъ за нѣсколько часовъ до того. Она образумится и снова станетъ благородной, преданной женой, какой была всегда... Взглядъ Грабауса обратился на изображеніе св. Варвары, висѣвшее надъ книжной полкой. Въ эту минуту на лицо ея падалъ яркій свѣтъ лампы. Картину эту онъ купилъ, когда былъ женихомъ, найдя въ побѣдныхъ, благородныхъ чертахъ святой сходство съ своей невѣстой. Теперь онъ опять взглянулъ на картину, и на него нахлынули воспоминанія о годахъ нѣжной любви къ Констанціи. Но въ то же время его охватывалъ какой-то смутный страхъ, какіе-то обрывки тяжелыхъ впечатлѣній въ прошломъ.

Жена его вошла въ комнату еще болѣе лѣнивой поступью, чѣмъ обыкновенно, слегка спустила свѣтъ въ лампѣ и сѣла противъ мужа въ кресло.

— Какъ это невоспитанно такъ убѣгать изъ-за стола!—спокойно сказала она.

— Прости!

Онъ улыбнулся и заговорилъ шутливымъ тономъ, но, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, на лицѣ его появилось выраженіе страха.

— Видишь, дорогая,—началъ онъ,—я вовсе не фантазеръ, и знаю, также какъ и ты, что въ жизни нужны компромиссы,

что безсмысленно выпаливать правду въ лицо каждому. Когда нужно, я способенъ на условную ложь. Но въ данномъ случаѣ столкновеніе было все равно неизбѣжно. Еслибы не произошелъ случайно разговоръ на улицѣ, я бы самъ пошелъ объясняться съ Вульманомъ. Когда дѣло касается самаго важнаго для меня въ жизни, я не могу лгать,—это было бы безчестно, было бы преступленіемъ противъ себя. Вѣдь ты должна же это понять.

Она взглянула на него, увидѣла, съ какимъ напряженіемъ онъ ждетъ ея отвѣта, потомъ устало и равнодушно подняла голову и сказала спокойнымъ тономъ:

— Все это прекрасно, но, въ концѣ концовъ, это—фразы. А я и твои дѣти—дѣйствительность. Твой долгъ прежде всего—позаботиться о насъ.

— Развѣ я до сихъ поръ не исполнялъ этого долга?

— Нѣтъ. Ты всегда говорилъ: „я, мои идеи, мое міровоззрѣніе, моя честь“. А каково намъ при этомъ живется—тебѣ было совершенно безразлично.

— Это не вѣрно—ты глубоко несправедлива ко мнѣ.

— Ничуть. Я только говорю правду. Конечно, мы не голодали—этого еще только недоставало. Но какъ мы живемъ? Ты, конечно, не замѣчаешь, какъ я стѣсняю себя во всемъ и какъ трудно обходиться ста-пятидесятью марками на хозяйство. Тебѣ все равно, что бы ты ни надѣлъ на себя. А мнѣ—нѣтъ. Я хочу, наконецъ, начать жить. Когда ты сдѣлался моимъ женихомъ, ты говорилъ, что черезъ два года будешь профессоромъ. А съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, а ты все еще приватъ-доцентъ и ничего не имѣешь кромѣ стипендіи. А Вильгельми, который тогда просилъ моей руки, теперь служитъ въ министерствѣ и получаетъ большое жалованье. И мужья другихъ моихъ подругъ тоже всѣ на государственной службѣ. Только у насъ нѣтъ ничего опредѣленнаго.

— Констанція, не можетъ быть, чтобы ты все это дѣйствительно думала! Чѣмъ я огорчилъ тебя, что ты мнѣ говоришь такія вещи?

— Почему мнѣ не сказать тебѣ правду?—продолжала она лѣнивымъ, нѣсколько плаксивымъ, неумолимымъ голосомъ.—Я тоже хочу не жить въ туманѣ. Пять лѣтъ я довольствовалась одними обѣщаніями—теперь мнѣ это надоѣло. Должно же это, наконецъ, кончиться. Ты долженъ образумиться, понять, въ чемъ цѣль твоей жизни, и постараться устроиться, создать себѣ твердое положеніе. Вѣдь твои книги ничего не даютъ. Ихъ ни одинъ человѣкъ не прочтетъ.

— А какъ ты о нихъ говорила, когда мы были женихомъ и невѣстой!

— Ну, да, я терпѣливо слушала, когда ты читалъ мнѣ вслухъ цѣлыми часами. Понимать я ничего не понимала—теперь я могу тебѣ въ этомъ сознаться. Такія книги—не для женщинъ. Но всѣ вы, философы, таковы: стоитъ похвалить васъ, чтобы показаться необыкновенно умнымъ, понимающимъ человѣкомъ.

У него навернулись слезы на глаза. Губы его дрожали, и онъ дѣлалъ судорожныя усилія, чтобы не разрыдаться.

— Констанція, Констанція, ты сама себя глубоко унижаешь! Вспомни, чѣмъ ты была! Не оскорбляй себя—взгляни на свой портретъ!

Онъ взялъ ее за руку и указалъ ей на картину, изображавшую святую Варвару. Теперь, въ темнотѣ, ее трудно было разглядѣть, но она стояла передъ его духовнымъ взоромъ, и онъ ясно видѣлъ ее.

— Это вѣчное сравненіе мнѣ надоѣло!—возразила Констанція, съ досадой выдергивая руку изъ руки мужа.—Что мнѣ за дѣло до этой картины? Вѣдь это не я.

— Я любилъ эту картину.

— А женился все-таки на мнѣ.

Онъ опустилъ голову, и его озарила яркая, какъ молнія, мысль: „Значитъ, я обманутъ!“

— Не уклоняйся въ сторону,—продолжала она.—Это тоже одна изъ твоихъ дурныхъ привычекъ: ты всегда заговариваешь о другомъ и отдѣлываешься обѣщаніями. Но на этотъ разъ тебѣ это не удастся. Ты долженъ серьезно постараться укрѣпить свое положеніе. Самое лучшее—еслибы ты еще сегодня сходилъ къ Вульману и...

Онъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ беззвучнымъ голосомъ:

— Прости, я больше не въ силахъ...

— Куда ты идешь?

Но онъ уже вышелъ изъ комнаты, ничего не отвѣтивъ. Онъ прошелъ въ садъ, въ бесѣдку, обвитую плющомъ. Уткнувшись въ уголъ, онъ сѣлъ, скрестивъ руки на груди. Имъ овладѣло непреоборимое чувство страха; ему казалось, что земля ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, и что ему нечѣмъ дышать. Онъ обманулся не только въ женѣ, но и во всѣхъ, о комъ онъ думалъ, когда работалъ. Ему казалось въ эту минуту, что вся жизнь сказала ему устами жены: „Намъ не нужно того, что ты можешь намъ дать. Намъ нужно нѣчто совсѣмъ иное“—и съ этими словами бросила ему подъ ноги всѣ его дары.

Онъ никогда не наслаждался своей молодостью и никогда не глядѣлъ вокругъ себя трезвымъ, спокойнымъ взоромъ. Именно въ годы развитія, когда складывался его внутренній міръ, эта странная отчужденность отъ дѣйствительности сказывалась въ немъ особенно сильно. У него были знакомые, но не было ни одного друга. Чтобы обрѣсти друга, ему нужно было бы встрѣтить человѣка равнаго себѣ, или который сталъ бы безвольнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Всегда выходило само собой, что онъ царилъ въ кругу, въ который попадалъ, и вносилъ въ жизнь всѣхъ другихъ свое духовное содержаніе. Но люди, съ которыми онъ встрѣчался, были всѣ двойственные; у нихъ было твердое сознаніе своей выгоды и необходимости добиваться ея—и кромѣ того была робкая, маленькая душа, возвышающаяся надъ обычной оцѣнкой вещей. Онъ ихъ привлекалъ своей внутренной свободой и просвѣтленностью, и они чувствовали себя въ его присутствіи болѣе независимыми и свѣтлыми, но вскорѣ внутренняя тяжесть ихъ оттягивала внизъ. Онъ имъ тогда надоѣдалъ, и они отступались отъ него, оставляя его въ его одиночествѣ. Онъ это едва замѣчалъ. Онъ принималъ людей, приходившихъ къ нему, съ большой радостью, но не сердился, когда они уходили. Только познакомившись съ своей будущей женой, онъ серьезно привязался къ ней. Всѣ года, въ теченіе которыхъ она держала его подъ своимъ обаяніемъ своей спокойной и по всѣмъ видимостямъ неустанной и глубокой привязанностью, онъ жилъ только для нея. Она была для него возлюбленной, другомъ, публикой. И такъ силенъ и проченъ былъ этотъ самообманъ, что и послѣ брака ея возрастающее равнодушіе и тупость не могли его разрушить. Эту иллюзію можно было разбить только насильственно,—и это его жена сдѣлала теперь, сама того не подозрѣвая.

Грабаусъ долго сидѣлъ, какъ оглушенный, въ темной бесѣдкѣ. Такъ же, какъ послѣ тяжкаго паденія, не рѣшаешься двинуть ни однимъ членомъ, такъ и онъ не могъ остановиться и сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли въ хаосѣ, охватившемъ его. Наконецъ, онъ всталъ и вернулся въ домъ черезъ садъ. У него явилась инстинктивная потребность движенія, точно оно могло разрядить тяжелую атмосферу его скорби. Онъ зажегъ свѣчку въ передней, чтобы взять шляпу и палку, и въ это время изъ двери, ведущей въ спальню, появилась его жена. Она была уже на половину раздѣта; ея тонкіе, жирные волосы были заплетены въ косу.

— Вотъ ты, наконецъ! Иди ко мнѣ!

— Я еще пойду пройтись,—отвѣтилъ онъ.

Она сдѣлала презрительную гримасу.

— Иди. Но, по моему, это очень некрасиво. Когда тебя припереть къ стѣнѣ, ты стараешься выскользнуть. Гораздо честнѣе было бы дать прямой отвѣтъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, Грабаусъ остановился и подумалъ: „Еслибы у меня было какое-нибудь украшеніе, которое я считалъ бы золотымъ, и оно оказалось бы простой жестью, я бы просто выбросилъ его за окно. Съ другомъ, въ которомъ разочаровываешься, можно разойтись. Но съ женой моей я связанъ на всю жизнь".

Бываютъ слова, которыя сто разъ слышишь и самъ произносишь, не придавая имъ особаго значенія. Но вдругъ наступаетъ часъ, когда вся тяжесть ихъ содержанія какъ бы освобождается отъ своей шелухи и давитъ насъ. „До конца жизни"... эти слова показались ему черной бездной, поглотившей его. „Если у меня снова явится потребность высказаться,—подумалъ онъ,—то я долженъ буду обратиться къ ней. Она—мать моихъ дѣтей. Мы вмѣстѣ ложимся спать, вмѣстѣ встаемъ. У нея есть права на меня. Она и я—нѣчто цѣлое. Но кто она? Чужой человѣкъ, съ которымъ меня уже ничто не связываетъ. И несмотря на это—до конца жизни вмѣстѣ!"

Когда онъ, наконецъ, вернулся домой, у него было чувство, точно онъ шелъ по безконечно длинной, темной дорогѣ—шелъ по ней въ оковахъ, съ цѣпью на шеѣ; и чѣмъ сильнѣе онъ теребилъ эту цѣпь, чтобы сорвать, тѣмъ крѣпче она охватывала его шею. Чувство, что эта дорога и есть его будущее,—не покидало его всю ночь.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Грабаусъ и его жена не мирились, храня въ душѣ злобу другъ на друга. Грабаусъ внутренно изумлялся, что жена его ничуть не чувствовала себя неправой, а напротивъ того, относилась къ нему какъ къ закоренѣлому преступнику, и всячески давала ему понять, что онъ долженъ покаяться передъ нею.

И дѣйствительно, одно очень пустяшное обстоятельство совершенно измѣнило его настроеніе относительно жены. Онъ какъ-то утромъ пошелъ заниматься въ столовую, потому что въ кабинетѣ мыли окна. Дѣти играли въ саду, и онъ могъ работать безъ помѣхи. Переставъ на минуту читать, онъ опустилъ книгу на колѣни и сталъ смотрѣть на улицу. Тамъ, у подъѣзда ихъ дома, стояла его жена и торговалась съ фруктовщикомъ. Они, повидимому, никакъ не могли сойтись относительно цѣны мѣшка яблокъ. Продавецъ, худой какъ скелетъ, одѣтый въ лох-

мотья какъ нищій, горячо убѣждалъ Констанцію, высчитывалъ что-то на пальцахъ, протягивалъ для большей убѣдительности руки, ударялъ себя по колѣну и жестикулировалъ съ необузданностью итальянца. Вся эта сцена длилась минутъ десять. Каждую минуту Грабаусъ думалъ, что этому наступитъ конецъ, что его жена сдастся на убѣжденія торговца. Но она оставалась непреклонной; наконецъ взбѣшенный торговецъ бросилъ съ отчаяніемъ свой кнутъ на возъ, стащилъ мѣшокъ и съ озлобленнымъ видомъ потащилъ свою ношу въ домъ. Констанція подняла глаза къ окну, у котораго сидѣлъ ея мужъ, и въ первый разъ за нѣсколько послѣднихъ дней улыбнулась ему.

Грабаусъ взволнованно захлопнулъ книгу и подумалъ: „Какъ бы я поступилъ на ея мѣстѣ? Очевидно, я бы не только заплатилъ столько, сколько онъ запросилъ, но еще подарилъ бы несчастному человѣку какой-нибудь старый сюртукъ. А между тѣмъ у него есть кусокъ земли и однихъ налоговъ онъ платитъ больше, чѣмъ я. Благодѣтельствуя ему, я поступилъ бы глупо и непрактично... А между тѣмъ я требую, чтобы моя жена, отличная хозяйка и мать, которая прекрасно воспитываетъ дѣтей, съ утра до вечера хлопочетъ, трудится для нашего блага, чтобы она смотрѣла на міръ моими глазами, хотя это такъ же мало соотвѣтствуетъ ея натурѣ, какъ ея взгляды—моей. Не я обманутъ, а напротивъ того, быть можетъ, именно я хотѣлъ ее обмануть, отнять у нея ея индивидуальную сущность, навязать ей мысли и чувства, которыхъ у нея нѣтъ. А если даже я обманулся, то виновата не она, а я. Какъ глупо съ моей стороны сердиться на кого-либо, кромѣ себя самого!“

Когда имъ овладѣли эти мысли, онъ все еще, однако, не могъ преодолѣть горькаго ощущенія разочарованія и пустоты. Но въ то же время въ немъ пробуждались новыя чувства. И думая о будущемъ, онъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы отнынѣ идти одному по намѣченному имъ пути.

Послѣ тупого малодушія послѣднихъ дней, на него сразу нахлынула масса новыхъ мыслей и плановъ. Передъ обѣдомъ онъ еще пошелъ къ женѣ, которая раскладывала яблоки на чердакѣ, и объявилъ ей, что рѣшилъ на слѣдующей недѣлѣ поѣхать въ Берлинъ и повидаться тамъ съ господиномъ Вальбольдомъ, который былъ университетскимъ товарищемъ отца Грабауса и благоволилъ къ молодому ученому. Жена спокойно выслушала мужа, продолжая старательно обтирать яблоко за яблокомъ, и сказала:

— Наконецъ-то ты образумился! Какъ много времени тебѣ

на это понадобилось! Обратиться къ Вальбольду дѣйствительно—самое лучшее. Я сейчасъ же о немъ подумала.

— Вотъ какъ!

— Слишкомъ понятно, что ты долженъ обратиться именно къ нему. Но вамъ, философамъ, нужно три дня на размышленіе, прежде чѣмъ вы додумаетесь до того, что̀ для женщины ясно сразу. Послушай!—крикнула она вслѣдъ уходящему мужу:—когда будешь въ Берлинѣ, ты непремѣнно долженъ будешь купить кое-что у Вертгейма. Сестрамъ я бы не хотѣла этого поручать—онѣ при такихъ случаяхъ всегда соблюдаютъ свои интересы.

Матовые бѣлые колпаки электрическихъ фонарей въ сизомъ туманѣ, послѣдній золотистый отблескъ солнца на коричневыхъ листьяхъ, которые, кружась, медленно падали то тутъ, то тамъ на землю, потокъ людей и экипажей по широкой площади и внизъ по безконечно длинной улицѣ, сверканіе оживленныхъ взглядовъ, блескъ шолка, искусственныхъ цвѣтовъ, суета, шумъ, звонъ и грохотъ—и все это смягченное, какъ бы расплывающееся въ мягкихъ осеннихъ сумеркахъ—таково было первое впечатлѣніе Грабауса отъ Берлина, когда онъ пріѣхалъ туда послѣ долгаго отсутствія. На всемъ лежалъ отпечатокъ праздничной торжественности; городъ точно воскресалъ послѣ лѣтней спячки для оживленной зимней жизни. Грабаусъ былъ самъ въ повышенномъ настроеніи и чувствовалъ себя болѣе легкимъ и бодрымъ. Увѣренность и энергія, съ которой тысячи людей стремились каждый къ своей цѣли, заразили и его. Бурность движеній толпы увлекла и его, легкомысліе ея заразило его; онъ былъ опьяненъ этимъ буйнымъ приливомъ, въ которомъ согласно звучали милліоны волнъ, провозглашая всѣ одно и то же: жизнь, жизнь! До чего здѣсь все было по иному, чѣмъ когда онъ ходилъ въ Іенѣ ночью по заснувшимъ улицамъ, мимо темныхъ домовъ, и шаги его гулко отдавались въ тишинѣ!

Ему почти захотѣлось наслаждаться въ одиночествѣ этимъ вечеромъ, и онъ бы не жалѣлъ, еслибы не засталъ дома своего друга, живописца Фрица Гебгарда, котораго онъ собрался пойти навѣстить. Поднявшись на четвертый этажъ большого дома на Потсдамской улицѣ, онъ позвонилъ нѣсколько разъ, но безуспѣшно. Никто ему не отворялъ, и онъ уже повернулся, чтобы уйти. Въ эту минуту Фрицъ Гебгардъ, слегка пріоткрывъ дверь, выглянулъ изъ нея.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ не особенно любезно.

— Какъ, ты меня не узнаешь?

— Что это? ты? Какъ ты попалъ въ Берлинъ?.. Вотъ сюрпризъ. Здравствуй, здравствуй!

Художникъ крѣпко потрясъ ему обѣ руки. Затѣмъ послѣдовали разспросы и отвѣты о здоровьи, о женѣ и дѣтяхъ, о томъ, что дѣлается въ искусствѣ и въ наукѣ. При этомъ оба они продолжали стоять у дверей. Грабаусъ наконецъ сказалъ:

— Послушай, если мое общество тебѣ не слишкомъ непріятно, ты бы могъ просить меня зайти.

— Гм, видишь ли, у меня въ гостяхъ дама.

— Ахъ, вотъ какъ! Въ сущности, я долженъ былъ бы догадаться объ этомъ.

— Ты можешь зайти. Только, пожалуйста, не разсказывай потомъ никому.

— За кого ты меня принимаешь?!

Слѣдуя за своимъ другомъ по узкому корридору, Грабаусъ остановилъ его еще разъ, тронувъ за рукавъ.

— Скажи—это не замужняя женщина? Мнѣ было бы непріятно.

— По моему, будь это барышня, было бы еще непріятнѣе. Но не безпокойся,—она не замужняя.

Они вошли въ мастерскую, освѣщенную электрической лампой. Въ углу, у чайнаго столика сидѣла спиной къ вошедшимъ молодая женщина подъ густой вуалью. Застегивая перчатку на одной рукѣ, она не отводила глазъ отъ своего собственнаго портрета, стоявшаго на мольбертѣ посреди комнаты. Прежде чѣмъ Гебгардъ успѣлъ представить ей своего друга, она поднялась нѣсколько поспѣшно, но съ полной непринужденностью увѣренной въ себѣ свѣтской женщины и сказала:

— Я очень сожалѣю, господинъ Гебгардъ, что должна спѣшить, но меня ждетъ кучеръ, чтобы отвезти меня еще въ одно мѣсто. Портретъ мнѣ очень нравится, и я непремѣнно передамъ баронессѣ.

— Брось это, Магги!—перебилъ ее художникъ со смѣхомъ:—это мой лучшій другъ и къ тому же абсолютно порядочный человѣкъ.

— Господинъ Гебгардъ!..—прервала его Магги слегка удивленнымъ голосомъ, но безъ внутренняго протеста.

— Знаешь, дорогая, это ему принадлежатъ всѣ носовые платки съ мѣткой Г. Г. у меня въ комодѣ. Они у меня шесть лѣтъ, а онъ ни разу не потребовалъ, чтобы я ихъ вернулъ. Это одно доказываетъ тебѣ, какіе мы пріятели. Позволь тебѣ пред-

ставить: Генрихъ Грабаусъ, профессоръ философіи. Магги Тёнъ, артистка „Нѣмецкаго театра".

На красивомъ лицѣ Магги Тёнъ отразились въ такомъ очаровательномъ сочетаніи чувства смущенности, растерянности, подчиненія смѣлости ея друга, что Грабаусъ пришелъ въ истинный восторгъ. Принявъ ее за свѣтскую даму, онъ отвѣсилъ ей почтительный поклонъ, но, увидавъ передъ собой красивую, милую молодую дѣвушку, онъ ей привѣтливо улыбнулся. А узнавъ, что она актриса, онъ съ особымъ любопытствомъ поглядѣлъ на нее, точно прозрѣвая въ ней какую-то тайну.

Узнавъ, что Грабаусъ—другъ художника, Магги перемѣнила свою сдержанность и свой внушительный видъ на граціозную предупредительность. Она сняла вуаль и перчатки, налила гостю чаю и стала подчивать его бисквитами. Сама она закурила папироску. Потомъ она спросила Грабауса, надолго ли онъ въ Берлинѣ. Онъ отвѣтилъ, что пріѣхалъ всего на нѣсколько дней по дѣлу, и Магги стала убѣждать его въ необходимости воспользоваться случаемъ и насладиться берлинскими увеселеніями, театрами и концертами.

Ихъ непринужденную бесѣду прервалъ Гебгардъ, обратившись къ своему другу:—Какіе у тебя планы на сегодняшній вечеръ?—спросилъ онъ.

— Пока никакихъ. Если ты свободенъ...

— Къ сожалѣнію, я занятъ—у меня засѣданіе комитета, на которомъ я обязательно долженъ быть. А послѣ засѣданія...

Магги закусила губы и сказала:

— Такъ ты непремѣнно хочешь поѣхать туда?

— Я не могу не поѣхать. Долгъ...

— Долгъ любви,—насмѣшливо прибавила она.—Тебя вѣдь привлекаетъ туда только красавица госпожа Платенъ.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ онъ, нахмуривъ лобъ.—Я иду туда, чтобы сдержать обѣщаніе. Мнѣ нельзя не бывать въ обществѣ: какъ же я иначе буду получать заказы?

— Не вѣрьте ему,—обратилась Магги къ Грабаусу.—Это только предлогъ. Онъ просто влюбленъ, влюбленъ какъ гимназистъ въ безсердечную, гордую женщину. Не понимаю, чѣмъ она можетъ нравиться. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала изъ своего провинціальнаго гнѣзда, всѣ здѣсь ей стали поклоняться. Но попробуйте поговорить съ ней—кукла, глупая кукла! Я ее видѣла на одномъ благотворительномъ базарѣ. Изъ чванства она ни разу не двинула головой,—боялась, что спадетъ

ея корона о семи зубцахъ. А между тѣмъ она даже не знатнаго рода.

— Извини, пожалуйста,—сказалъ Гебгардъ не безъ важности,—она урожденная фонъ-Гелленъ.

— Она продавала шампанское съ такимъ видомъ, точно она Матерь Божія, осѣняющая всѣхъ своимъ благословеніемъ. Развѣ можно разливать шампанское съ такимъ лицомъ? Подумай, дорогой, къ чему тебѣ эта женщина? Она, все равно, не полюбитъ тебя. Ахъ, мужчины, что вы за народъ!

— Хорошо сказано, браво!—сказалъ Гебгардъ.—Я бы на твоемъ мѣстѣ, для подкрѣпленія своихъ словъ, еще разбилъ бы чашку. Мы, мужчины, всѣ вмѣстѣ взятые, никуда не годимся. Самое лучшее—всѣхъ насъ перерѣзать сразу; или лучше перерѣзать всѣхъ женщинъ, такъ чтобы только ты одна осталась въ живыхъ и у твоихъ ногъ было бы сто тысячъ мужчинъ.

— Не шути. Вѣдь фактъ, что ты въ нее влюбленъ и возмутительно невнимателенъ ко мнѣ.

— Ну, а что, если я тебѣ скажу, что госпожа Платенъ не будетъ сегодня на засѣданіи? И если я обѣщаю заѣхать за тобой въ театръ?

— Вотъ за это спасибо. Какой ты милый! А вы?—спросила она, обращаясь къ Грабаусу.—Не хотите ли поѣхать со мной сегодня въ театръ? У насъ идетъ „Геро и Леандръ“, и я играю Іанту.

— Какая счастливая мысль!—подхватилъ весело Гебгардъ.—А потомъ мы всѣ вмѣстѣ поужинаемъ у Магги, чѣмъ Богъ послалъ. Это будетъ очаровательно.

— Вы согласны?—спросила Магги Грабауса, мило улыбаясь ему.

— Конечно, съ удовольствіемъ, если я только не...

— Пожалуйста, безъ церемоній. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если пойдете со мной въ театръ. Когда я знаю, что въ залѣ есть кто-нибудь изъ знакомыхъ, я играю съ гораздо бо̀льшимъ подъемомъ. А ему вы доставите особенно большое удовольствіе, если потомъ придете ужинать съ нами. Однако мнѣ пора,—сказала она, съ ужасомъ взглянувъ на свои маленькіе часики.—Я только быстро еще почищу платье и сейчасъ вернусь.

Она прошла въ маленькую комнатку художника, и какъ только она исчезла, Гебгардъ взялъ своего друга за руку.

— Послушай,—сказалъ онъ,—я никакъ не смогу вернуться изъ засѣданія раньше двѣнадцати. Не изъ-за госпожи Платенъ—

ея тамъ дѣйствительно не будетъ. Но, словомъ, я не смогу. Если я скажу объ этомъ Магги, она будетъ внѣ себя отъ ревности. Я ее дѣйствительно люблю; она очаровательна, добра, мила, обаятельна, но ревнива. Такъ ужъ будь добръ,—утѣшь ее, будь съ ней милъ, скажи ей нѣсколько любезностей,—она и не замѣтитъ, какъ пройдетъ время до моего прихода.

Грабаусъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ ужасомъ.—Да, но какъ же?..—проговорилъ онъ.

— Поговори съ ней о театрѣ. Она вѣдь не уродина—ты съ ней премило проболтаешь часокъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ время до моего прихода. Я тебѣ даже завидую. Счастливецъ! Тебѣ будетъ весело, а я—торчи на этомъ дурацкомъ засѣданіи! Если бы хоть пріѣхала туда красавица Платенъ... да, этимъ способомъ достигаются поразительные эффекты, но, къ сожалѣнію, эта манера очень непрочная,—продолжалъ онъ, не мѣняя тона, когда Магги вернулась въ комнату.

— О чемъ это ты?—спросила она.

— О живописи масляными красками и пастэлью, милая. Пастэлью можно достигнуть поразительныхъ эффектовъ, но она быстро стирается. А масляныя краски гораздо прочнѣе—это ихъ огромное преимущество.

— Да,—сказала Магги.—Пастэль и масляныя краски—это какъ любовь мужчинъ и женщинъ.

— Очень тонкое сравненіе. Магги, ты опять устроила себѣ блестящій сценическій уходъ. Ну, а теперь торопитесь.

Грабаусъ сѣлъ съ прелестной актрисой въ коляску и повезъ ее въ театръ. По дорогѣ она стала выспрашивать его о Гебгардѣ. Грабаусу пришлось разсказать о томъ, что они въ школѣ сидѣли рядомъ на одной и той же скамьѣ, о всевозможныхъ шалостяхъ Фрица въ гимназическое время. Она спросила также, сколько у Фрица было романовъ въ то время, но Грабаусъ сказалъ, что объ этомъ онъ не имѣетъ понятія.

— Ахъ! — вздохнула Магги:—если считать только тѣхъ, о которыхъ я знаю, уже получится большой списокъ. А о сколькихъ я не имѣю понятія!

Пріѣхавъ въ театръ, Магги быстро побѣжала за билетомъ для Грабауса, замѣтила нумеръ его мѣста и ушла за кулисы. Было еще рано, и у Грабауса осталось нѣсколько времени для того, чтобы подумать наединѣ. Дома жена его навѣрное укладывала теперь спать дѣтей, и крошка навѣрное особенно тепло помянула объ отсутствующемъ отцѣ въ своей молитвѣ. А завтра онъ долженъ будетъ рано встать, надѣть фракъ и бѣлый галс-

тухъ и отправиться къ управляющему департаментомъ народнаго просвѣщенія. Пріятная перспектива! Но теперь ему не хотѣлось думать ни о завтрашнемъ днѣ, ни о своей семьѣ,—точно все это было отдѣлено цѣлой пропастью отъ сегодняшняго вечера, точно все это было нереально и неправдоподобно,—между тѣмъ какъ та очаровательная дѣвушка, которая черезъ нѣсколько минутъ появится передъ нимъ на сценѣ—дѣйствительная жизнь. Она представилась его духовному взору, и онъ залюбовался нѣжными линіями ея фигуры, ея мягкими, темными глазами, тонкостью ея руки. „Фрицъ, положительно, сумасшедшій человѣкъ, если онъ ею пренебрегаетъ. Холодный, безчувственный варваръ!—Конечно, я постараюсь ее утѣшить, посовѣтую ей порвать съ нимъ, забыть его и—что же далѣе—и влюбиться въ меня? Да что я съ ума сошелъ?“ Онъ взглянулъ наверхъ, и ему показалось, что люстра завертѣлась и свѣтъ отдѣльныхъ лампочекъ сливается. У него кружилась голова. Въ эту минуту раздался звонокъ; онъ взялъ афишку и, читая имена актеровъ, сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать начала представленія.

Занавѣсъ поднялся. И когда уха его коснулись первые стихи драмы, казавшіеся прозрачной свѣжей струей воздуха, пронизанной лазурью и золотистымъ сіяніемъ солнца, онъ почувствовалъ какое-то торжественное спокойствіе. Прошелъ чувственный угаръ, отуманившій его, исчезъ изъ его памяти суетливый, шумный городъ, безчисленныя лица, запечатлѣвшіяся въ его памяти на ходу, забыты были художникъ и его молодая подруга. Передъ его глазами стояла только юная жрица, Геро—молодое земное и въ то же время столь неземное созданіе, обаятельная въ своей дѣвической красотѣ и неприступная въ своей чистотѣ; въ ея груди жили всѣ желанія ея рода — но покоясь во снѣ, какъ птички въ тихомъ гнѣздышкѣ. Только ее онъ видѣлъ передъ собой, и ему казалось, что она говоритъ: „Войди въ мое святилище болѣе высокой и болѣе чистой жизни“. И при первомъ появленіи на сценѣ Магги въ образѣ безпечно-веселой Іанты, онъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Передъ величественной красотой Геро исчезала ея миловидность. Но потомъ она снова покорила его, передавая все волшебное обаяніе безпечной шаловливой юности, дѣвичьяго смѣха и дѣвичьяго любопытства, лѣсного воздуха и солнечнаго сіянія. Она способствовала своей веселостью и граціей общему впечатлѣнію отъ прекраснаго, возвышавшаго душу зрѣлища.

Онъ ждалъ ее у артистическаго подъѣзда. Закутавъ лицо густой вуалью для защиты отъ рѣзкаго ночного воздуха, она взяла его подъ-руку и они вмѣстѣ сѣли въ коляску. Они стали

говорить о пьесѣ. Магги хотѣлось знать, какъ ему понравились каждый актеръ и каждая актриса въ отдѣльности. Но онъ былъ слишкомъ увлеченъ самой драмой и кромѣ того привыкъ къ очень плохимъ постановкамъ пьесъ въ провинціи, и потому вынесъ только общее впечатлѣніе прекраснаго ансамбля, не помня подробностей.

Доѣхавъ до дому, Магги быстро поднялась на лѣстницу вмѣстѣ съ Грабаусомъ, говоря:

— Надѣюсь, что Фрицъ уже пришелъ. Горе ему, если онъ заставитъ себя ждать.

— Что̀ за бѣда, если онъ немножко запоздаетъ? Вѣдь можетъ же его что-нибудь задержать.

— Вздоръ. Если его нѣтъ, то это потому, что онъ не торопится придти. Въ прежнее время онъ всегда являлся во̀-время.

Дверь имъ отворила старая служанка съ темнымъ, лоснящимся лицомъ, похожая на старую цыганку.

— Господинъ Гебгардъ уже пришелъ?

— Нѣтъ, его еще нѣтъ.

Магги топнула ногой отъ гнѣва. Стоя теперь съ поблѣднѣвшими щеками, съ потемнѣвшими глазами и нахмуреннымъ лбомъ подъ бѣловатымъ газовымъ свѣтомъ, она казалась совсѣмъ другою, чѣмъ прежде.

— Такъ-таки не пришелъ. Скорѣе, Гуша, приготовь намъ что-нибудь къ ужину. Насъ будетъ трое. Господинъ Гебгардъ сейчасъ придетъ.

— Ну, это еще неизвѣстно,—возразила служанка, недоброжелательно оглядывая новаго гостя. — Сегодня онъ навѣрное больше не придетъ. Онъ веселится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Не раздражай меня хоть ты! Поди сварить яйца. Пока они сварятся, онъ уже будетъ здѣсь.

— Напрасно вы, барышня, такъ ужъ твердо говорите. Я этому не вѣрю,—скептически проворчала старуха.

— Какъ она меня бѣситъ своимъ пессимизмомъ!—сказала Магги, входя съ Грабаусомъ въ гостиную.—Она можетъ заставить ненавидѣть весь міръ. И больше всего меня бѣситъ то, что она всегда оказывается правой. Все, что̀ она предсказываетъ, сбывается.

Магги отодвинула въ сторону табуретъ, стоявшій подлѣ дивана и заваленный книгами и переписанными ролями, и попросила гостя сѣсть. Сама она пошла переодѣться. Комната была не очень большая. На полу, обитомъ сѣровато-зеленымъ сукномъ, стояла бѣлая лакированная мебель. Нѣсколько лампъ въ видѣ

трилистниковъ, освѣщали комнату мягкимъ свѣтомъ. За диваномъ стояла высокая лампа подъ краснымъ абажуромъ, придавая общему освѣщенію болѣе теплый тонъ. Грабаусъ сталъ перелистывать книги, но Магги очень быстро вернулась въ гостиную.

— Его все еще нѣтъ,—сказала она съ укоромъ, застегивая послѣдній крючокъ на своемъ свободномъ, падавшемъ крупными складками платьѣ.—Не возмутительно это?

— Господи!—всякому человѣку случается опоздать.

Магги сѣла на одинъ изъ маленькихъ пуфовъ возлѣ дивана.

— Зачѣмъ вы его стараетесь оправдать? Почему не быть искреннимъ и не сказать, что онъ поступаетъ со мной отвратительно?

— Если онъ дѣйствительно по своей винѣ запоздалъ, то это, конечно, отвратительно.

— А вы на его мѣстѣ тоже такъ поступали бы?

— Я бы—на его мѣстѣ—былъ, кажется, очень аккуратенъ.

— Какой вы милый! Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что вы—человѣкъ, умѣющій держать слово. Но какъ это нехорошо съ моей стороны,—сказала она вдругъ совершенно другимъ голосомъ,—что я все жалуюсь на его отсутствіе, вмѣсто того чтобы радоваться тому, что вы у меня.

Она пододвинула ящикъ съ папиросами и дала ему огня, приглашая закурить.

— Давайте, поговоримъ и забудемъ о всѣхъ печаляхъ... Вотъ видите, это моя новая роль—Эдриты въ „Горе тому, кто лжетъ“, Грильпарцера. Я очень радуюсь этой роли. Я постараюсь быть въ ней какъ можно болѣе естественной, веселой, чистосердечной, оставаясь при этомъ хитрой дѣвушкой, которую любовь сдѣлала осторожной и коварной. Первые акты я уже выучила. Послушайте, какъ я ихъ читаю. Давайте мнѣ реплики.

Она передала ему роль, и онъ сталъ подавать ей конечныя слова репликъ. Она прочла стихи своей роли въ совершенно новой для него манерѣ, которая ему очень понравилась.

Чтеніе было прервано внезапнымъ появленіемъ старой служанки, остановившейся въ дверяхъ.

— Ужинъ готовъ, барышня, — и яйца тоже сварились. А господинъ Гебгардъ пришелъ?

— Нѣтъ,—вѣдь ты сама видишь.—Этакая злюка! Она очень привязана ко мнѣ, но не можетъ побѣдить свою природную злость. Пойдемте закусить. У меня-то никакого аппетита нѣтъ. Я такъ надѣялась на то, что онъ придетъ. А теперь уже скоро двѣнадцать часовъ.

— Онъ еще придетъ.

— Да, подъ утро—уставшій до смерти, зѣвающій, разочарованный... Какія мы, женщины, несчастныя существа! Вотъ и бѣдная Геро сколько выстрадала изъ-за своей любви, а между тѣмъ Леандръ былъ ей вѣренъ. И зачѣмъ она нужна, эта злополучная любовь? Почему мы, женщины, не можемъ обойтись безъ нея? Почему мужчины такъ вѣроломны? При каждой новой встрѣчѣ съ человѣкомъ, который мнѣ нравится, я невольно думаю: на сколько времени хватитъ его любви? Я поэтому боюсь влюбляться—а между тѣмъ я не могу жить безъ любви.

— Но вѣдь есть же у васъ болѣе захватывающіе интересы—напримѣръ, ваше искусство?

— Нѣтъ, безъ любви мое искусство мертво. Я въ первый разъ талантливо сыграла, когда первый разъ влюбилась. Любовь даетъ мнѣ силу, огонь, жизнь, все, все! Безъ любви я точно лампочка безъ масла. Я могу голодать, спать на соломѣ, но мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь стоялъ на колѣняхъ передо мной и говорилъ: „Магги, я люблю тебя“!

Голосъ ея звучалъ мягко и томно въ красномъ полумракѣ комнаты, и казалось, что она упивалась сама звуками своего голоса, произнося: „Магги, я люблю тебя!“ Она схватила его руку и, нагнувшись къ нему, прошептала:

— Скажите вы эти слова! Я хотѣла бы услышать, какъ прозвучитъ, когда вы своимъ голосомъ скажете: Магги, я люблю тебя!

Ему казалось, что онъ никогда не слыхалъ столь вкрадчиво звучащихъ словъ. Въ то же время на него устремились черные глаза, горящіе смутными желаніями, и онъ слышалъ учащенные удары сердца въ тяжело дышащей груди молодой женщины. Ея холодная, какъ ледъ, рука лежала въ его рукѣ, и ему хотѣлось, вмѣсто всякаго отвѣта, обнять Магги и поцѣловать въ губы. Но онъ поднялся и, положивъ ей свободную руку на плечо, сказалъ, съ трудомъ произнося слова:

— Магги... въ шутку мнѣ этого не хочется сказать. А сказать серьезно—я не смѣю.

Она съ минуту смотрѣла еще на него дикимъ и затуманеннымъ взглядомъ, потомъ вскочила и стала быстро ходить по комнатѣ. Онъ тоже поднялся и сказалъ неувѣренно-шутливымъ тономъ:

— Не слѣдуетъ играть съ огнемъ, Магги.

Но она, вся преобразившись, протянула ему руку съ милой, привѣтливой улыбкой:

— Какъ это было красиво съ вашей стороны!—сказала она восторженнымъ тономъ.—Какъ благородно! Тысячи мужчинъ на вашемъ мѣстѣ стали бы клясться мнѣ въ любви и воспользовались бы обстоятельствами. Имъ было бы безразлично обмануть при этомъ и меня, и своего друга. Но вы лучше другихъ. Благодарю васъ отъ души. Хотите быть моимъ другомъ?

Онъ пожалъ ей руку.

— Вы человѣкъ съ чистой, правдивой душой. Такого человѣка я никогда въ жизни не встрѣчала. Всѣ стремились только къ тому, чтобы обладать мною. Всѣ клялись мнѣ честью и совѣстью въ вѣрности—и всѣ нарушали клятву. Но вы не такой—и за это я вамъ такъ благодарна. Теперь мнѣ все равно, придетъ ли Фрицъ или нѣтъ,—я нашла друга. Вѣдь вы останетесь моимъ другомъ? Я не буду вамъ надоѣдать, но только буду обращаться къ вамъ иногда за совѣтами, буду разсчитывать на ваше хорошее отношеніе ко мнѣ. Вѣдь это не такъ ужъ много, не правда ли? Пойдемте къ столу—я теперь такъ довольна, точно мнѣ достался большой выигрышъ въ лотереѣ. Теперь у меня есть аппетитъ.

Грабаусъ едва могъ услѣдить за этимъ потокомъ словъ. Онъ еще не совсѣмъ оправился. Онъ отчасти раскаивался въ своей стойкости, поставившей его въ нѣсколько смѣшное положеніе, но въ глубинѣ души онъ чувствовалъ облегченіе. Онъ точно очутился на свѣжемъ воздухѣ послѣ того какъ долго былъ въ духотѣ, и чувствовалъ себя правымъ. Магги повела его въ маленькую столовую, устроенную въ голландскомъ вкусѣ. На буфетѣ стояли дельфтскія тарелки и матовыя оловянныя чашки. Столъ посреди комнаты былъ аккуратно накрытъ. Магги попросила его сѣсть, нарѣзала ему хлѣба, передавала ему блюда и сама накладывала ему ѣду на тарелку.

— Теперь помолчите съ четверть часа и ѣшьте, ѣшьте, ѣшьте! Вы навѣрное страшно проголодались послѣ дороги. А для мужчины пустой желудокъ—самое ужасное, хуже, чѣмъ для женщины пустое сердце... Непремѣнно съѣшьте сардинку. Это любимая ѣда Фрица, и мы на зло ему съѣдимъ всю коробку. Когда онъ увидитъ пустую коробку изъ-подъ сардинокъ, онъ будетъ больше огорченъ, чѣмъ еслибы узналъ, что вы похитили у него меня. Господи, да чего я болтаю безъ конца!.. Кушайте, пожалуйста.

Она откинулась на спинку стула и замолчала. Для нея самой ѣда была больше забавой, и она менѣе заботилась объ утоленіи собственнаго аппетита, чѣмъ о томъ, чтобы ея гость ѣлъ

побольше. Когда они покончили съ ѣдой, она взяла бутылку съ виномъ и стаканъ, и они сѣли оба на прежнее мѣсто.

— Сядьте поудобнѣе,—сказала она.—Представьте себѣ, что вы дома и что я ваша жена. Какъ отрадно должно быть жить семьей! Дѣти спятъ. Дневной трудъ законченъ. Дождь ударяетъ въ окна. Вы, вѣроятно, очень счастливы дома?

Онъ засмѣялся и сказалъ легкимъ тономъ:

— То, что имѣешь, меньше цѣнишь, чѣмъ то, чего нѣтъ. Люди—неблагодарныя созданія.

— А что вы дѣлаете дома, когда сидите по вечерамъ съ женой?

— Иногда читаемъ вслухъ, иногда говоримъ. А что бы вы дѣлали, еслибы были моей женой, Магги?

— Я?.. Я бы строила планы на будущее—это мое самое любимое занятіе. Еслибы у меня была твердая почва подъ ногами и я имѣла бы право думать о завтрашнемъ днѣ,—я бы непремѣнно жила только будущимъ. Я бы составляла планы путешествій. Строила бы дома. Сопровождала бы мысленно моихъ дѣтей въ ожидающую ихъ жизнь. Какое счастье—имѣть передъ собой будущее!

— Почему вы такъ говорите? Развѣ передъ вами не лежитъ блестящее будущее?

— Мое будущее? Ха-ха! Знаете, гдѣ оно? Въ суфлерской будкѣ, въ госпиталѣ или—въ лучшемъ случаѣ — въ квартирѣ какого-нибудь богатаго банкира. Но тамъ я не умру,—я навѣрное умру въ нищетѣ—на улицѣ. On revient toujours... Я выросла на улицѣ—почему же мнѣ тамъ же и не умереть? Когда я вижу старую торговку спичками, я всегда мысленно говорю: „здравствуй, мое будущее“!

— Что за нелѣпыя фантазіи? Вы, съ вашимъ талантомъ...

— Мой талантъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что я молода и красива... Не говорите мнѣ о будущемъ. У меня нѣтъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня. Иногда я нахожу у себя старыя письма, перечитываю ихъ, вижу еще слѣды слезъ на бумагѣ. И думаю: кто тотъ, который тебя тогда такъ пламенно любилъ? И кого ты такъ сильно любила? О комъ ты плакала? Я теперь не знаю—не могу вспомнить—и даже не хочу. Я живу только минутой,—вчерашній и завтрашній день меня не интересуютъ. Я не хочу думать о томъ, что время идетъ, что я состарюсь, что у меня будутъ морщины на лицѣ, что я отяжелѣю, потеряю зубы—я ничего не хочу знать, ни о чемъ не хочу думать, кромѣ настоящей минуты... А какъ должно быть хорошо—тихо сидѣть и мечтать!

Она откинулась назадъ и повторила, закрывая глаза: — Да, какъ бы хорошо! Ребенкомъ я часто сидѣла на темной лѣстницѣ и все мечтала. У меня тогда ничего не было—и я всего ждала. Теперь у меня все есть, и я ничего не жду... Но зачѣмъ я обо всемъ этомъ говорю—странно! Я вѣдь ни съ кѣмъ такъ не говорила, ни съ Фрицемъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Почему это?

— Вы, я думаю, чувствуете, что я не отношусь къ вамъ только какъ къ женщинѣ—какъ другіе, что мое отношеніе безкорыстно.

— Возможно, — задумчиво отвѣтила она. — Съ другими я такая, какой они хотятъ, чтобы я была съ ними, а съ вами я такая, какая я въ дѣйствительности. Я вамъ довѣряю. Смѣшно, право!

— Что же въ этомъ смѣшного?

Но она, повидимому, не слышала его вопроса, а стала что-то напѣвать въ полголоса, и отъ времени до времени глядѣла на него, смѣясь и прищуривая глаза.

— Магги, вы, кажется, смѣетесь надо мной.

— Ничуть. Но все-таки смѣшно. Вы относитесь ко мнѣ безкорыстно—вѣроятно потому, что я вамъ не нравлюсь. Я не въ вашемъ вкусѣ. Въ этомъ и состоитъ ваше безкорыстіе.

— Нѣтъ, увѣряю васъ. Но если вы будете продолжать въ этомъ родѣ... то вѣдь я тоже не каменный!

— Вотъ какъ!—сказала она, принимая безгранично изумленный видъ.—Неужели вы не каменный?

Онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ привлечь къ себѣ, но она какъ ящерица выскользнула изъ его рукъ.

— Вотъ какъ... Пожаръ!.. Прощай, безкорыстіе!

Грабаусъ быстро поднялся, такъ стукнувъ въ волненіи рюмкой объ столъ, что она разбилась.

— Вы настоящій чертенокъ, Магги!

Сначала ей сдѣлалось весело отъ своей побѣды, но, увидавъ его мрачное лицо, она присмирѣла и стала просить его, чтобы онъ не уходилъ.

— Не сердитесь!—просила она.—Я боюсь васъ потерять. Я была бы такъ счастлива, еслибы вы хотѣли быть моимъ другомъ—именно безкорыстнымъ другомъ. Могу я на это надѣяться?

Побѣжденный искренностью ея тона, онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Она дала ему другую рюмку вмѣсто разбитой, налила ему и себѣ вина и они выпили въ знакъ примиренія. Потомъ она снова сѣла подлѣ него и между ними начался невинный, дружескій разговоръ. Она разсказывала ему о своемъ

дѣтствѣ, о началѣ своей артистической карьеры, о своихъ товарищахъ. Они мирно сидѣли другъ подлѣ друга, точно ничего не произошло между ними. Когда открылась дверь и вошелъ Фрицъ Гебгардъ, Магги вздрогнула. Она нерѣшительно пошла ему навстрѣчу, скрывая свое радостное волненіе за маской равнодушія.

— Это ты? Все-таки зашелъ, хотя такъ поздно.

— Не сердись, милая. Засѣданіе затянулось безконечно долго. Я ушелъ первый, остальные всѣ еще остались.

— И госпожа Платенъ осталась?

— Да.

— Какъ, значитъ, она тоже была тамъ!—вскрикнула Магги съ возмущеніемъ.

— Совершенно случайно. Я тебѣ послѣ все это разскажу. Только накорми меня сначала. Я страшно голоденъ. Какъ всегда въ аристократическихъ домахъ, намъ почти ничего не дали ѣсть,—зато сервировка была великолѣпная. Будь доброй, Магги! Дай мнѣ что-нибудь перекусить.

Онъ взялъ ее за талію и звонко поцѣловалъ ее. Весь ея гнѣвъ улетучился, и она пододвинула ему сейчасъ же тарелку и ножъ.

— Бѣдненькій!—сказала она.—Поѣшь, подкрѣпи свои силы.

Грабаусъ и Магги тоже сѣли къ столу. Магги была теперь настолько поглощена заботами о Фрицѣ, что даже не взглянула на Грабауса.

— Друзья мои, это низко!—сказалъ художникъ, взглянувъ съ горестнымъ разочарованіемъ на пустую коробку съ сардинами.

— Я принесу тебѣ другую. У меня есть еще одна коробка,—сказала Магги и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Художникъ оперся головой на руку и мечтательно произнесъ:

— Марія-Луиза! Марія-Луиза!

— Это кто?—спросилъ Грабаусъ.

— Это госпожа Платенъ. Такой женщины ты еще никогда не видалъ. Для художника она неотразима. Какой тонъ кожи, какой цвѣтъ волосъ! И при этомъ, что за душа!

Онъ элегическимъ жестомъ налилъ себѣ вина и продолжалъ:

— Я влюбленъ. Я утопаю въ морѣ любви. А она—я для нея воздухъ. Всѣ мы—воздухъ для нея. Она насъ едва замѣчаетъ—говоритъ только со стариками. Марія-Луиза—одно это имя... Магги, ты ангелъ!

— Ну, и моя старуха была бы также ангеломъ, если бы принесла тебѣ сардинки.

Грабаусъ смотрѣлъ почти съ завистью, какъ Магги не замѣчала его, поглощенная заботами о своемъ возлюбленномъ. Когда пробило часъ, онъ поднялся, чтобы уйти. Гебгардъ послѣдовалъ его примѣру.

— Да, дѣйствительно, уже пора по домамъ. Магги нужно лечь спать. А то она проспитъ и опоздаетъ на репетицію.

— Развѣ и ты уже уходишь?

Она взглянула на него съ нѣмой мольбой, и когда онъ отвѣтилъ ей только тихо покачавъ головой, на рѣсницахъ ея заблистали слезы. Мужчины молча одѣлись. Старуха, которая весь вечеръ спала на кухнѣ, пришла, зѣвая, посвѣтить имъ. Грабаусъ попрощался первый. Фрицъ еще разъ поцѣловалъ свою возлюбленную.

— Прощай, Магги!—сказалъ онъ.

— Уходи, я тебя ненавижу!

На улицѣ Гебгардъ взялъ своего спутника подъ-руку и глубоко вздохнулъ. Было темно и тихо, и только издали, на перекресткѣ Фридрихштрассе, они увидѣли озаренную яркимъ свѣтомъ толпу людей. Они шли нѣсколько времени молча, потомъ Грабаусъ сказалъ:

— Собственно говоря, тебѣ слѣдовало остаться.

— Ты думаешь? Но мало ли что слѣдуетъ. Въ любви и въ искусствѣ нѣтъ никакого долга. Или любишь, или не любишь—съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— А между тѣмъ, она очаровательна.

— Но меня она не чаруетъ. Да, хорошо быть счастливымъ въ любви. Любить безнадежно тоже еще ничего. Но быть предметомъ безнадежной любви,—это ужасно!

— А вѣдь ты прежде любилъ Магги?

— Какъ безумный. Въ теченіе шести недѣль она была для меня всѣмъ на свѣтѣ. Я тогда совершалъ для нея величайшія глупости, отказывался отъ всѣхъ заказовъ, ни съ кѣмъ не видался, кромѣ нея. А потомъ все сразу кончилось.

Они вошли въ кафе и отыскали себѣ столикъ въ углу.

— Почему это такъ бываетъ, — продолжалъ художникъ,—и въ искусствѣ, и въ любви? Все—какъ бы моментъ опьяненія, которое потомъ проходитъ. Я вижу какой-нибудь пейзажъ, какое-нибудь лицо, пораженъ имъ и думаю о немъ день и ночь, дрожу, когда вижу его. Я чувствую, что долженъ написать его—и пишу. А когда картина выходитъ такой, какой я хотѣлъ ее сдѣлать, для меня кончается привлекательность натуры. Я не могу больше глядѣть на нее. Она мнѣ противна—или, въ лучшемъ

случаѣ, безразлична. Есть люди, которые всю жизнь пишутъ одни и тѣ же деревья, одну и ту же натуру. Я этого не могу. И въ любви у меня то же самое. Женщина, которая мнѣ принадлежала, теряетъ для меня всякій интересъ, всякій ароматъ свѣжести. Завоевывать — вотъ истинное счастье. А спокойное обладаніе—слишкомъ мѣщанская радость. Развѣ я не правъ?

— Не могу я объ этомъ судить,—довольно рѣзко отвѣтилъ Грабаусъ.—Еслибы индійцы, или малайцы, стали разсказывать мнѣ о своихъ нравахъ, мнѣ бы это не показалось болѣе чуждымъ, чѣмъ твои слова. Я не компетентный судья, но долженъ сказать, что по своему отношенію къ любви ты мнѣ кажешься дикаремъ.

— Можетъ быть, я дѣйствительно варваръ,—отвѣтилъ художникъ, засмѣявшись.

— И то, что ты говоришь о писаніи съ натуры, тоже кажется мнѣ невѣрнымъ. Вѣдь ты пишешь не только дерево, утесъ, воду,—а воздухъ, вѣчную смѣну настроеній, мѣняющихъ видъ предметовъ. И человѣкъ тоже вѣчно мѣняется. Сдѣлай маленькое усиліе надъ собой, поди завтра къ Магги, будь съ ней добръ, и ты увидишь совершенно новую женщину. Ты можешь открыть тысячи Магги, если будешь искать. Человѣкъ вѣчно мѣняется!

— Да, мѣняется,—повторилъ художникъ. — И я тоже мѣняюсь: все, что мнѣ нравится сегодня, можетъ стать совершенно безразличнымъ для меня завтра. Въ моей душѣ живетъ теперь другой образъ. И если я завтра пойду къ Магги, то между мною и ею будетъ стоять другая.

— Боже мой, бѣдняжка выплачетъ себѣ всѣ глаза, если ты не вернешься!

— А все-таки, это было бы лучше всего и для нея. Такъ—я мучу ее, когда прихожу. Она чувствуетъ, что я ее больше не люблю, и огорчается. А когда она будетъ знать, что я для нея потерянъ, она проплачетъ съ недѣлю, но потомъ снова откроетъ свое опустѣвшее сердечко, и впуститъ туда кого-нибудь... Она тоже, къ счастью, мѣняется, какъ и я.

Они молча шли по пустыннымъ, большимъ улицамъ. Передъ входомъ въ отель, гдѣ жилъ Грабаусъ, Гебгардъ еще остановился на минуту и сказалъ:

— Послушай, ты долженъ познакомиться съ госпожей Платенъ. Тогда ты все поймешь и не будешь на меня сердиться. Эту женщину нельзя не любить — нельзя не забыть изъ-за нея всѣхъ другихъ женщинъ. Хочешь познакомиться?

— Какъ это сдѣлать?

— Нѣтъ ничего легче. Послѣ завтра она будетъ у графини Борке. Ты вѣдь знаешь графиню?

— Никогда не слыхалъ о ней.

— Тамъ устраиваются особаго рода журфиксы. Графиня сама теософка, и домъ ея открытъ для всякаго рода безумцевъ. Хочешь пойти къ ней?

Грабаусъ согласился.

— Ты не будешь жалѣть о потраченномъ вечерѣ. Помимо Маріи-Луизы, ты встрѣтишь тамъ много интересныхъ людей. Значитъ, въ четвергъ, въ половинѣ четвертаго, я зайду за тобой. Это рѣшено?

— Рѣшено. Спокойной ночи. Но послушай!—Грабаусъ задержалъ еще на минуту своего друга, взявъ его за рукавъ.— Подумай о Магги. Она такъ очаровательна. Можетъ быть, твоя любовь еще разъ зацвѣтетъ.

Но художникъ отрицательно покачалъ головой. Когда онъ, уходя, въ послѣдній разъ кивнулъ ему, Грабаусъ слышалъ, какъ онъ шепталъ: „Марія-Луиза, Марія-Луиза!“

Грабаусъ задумчиво поднялся по лѣстницѣ. Когда онъ раздѣлся и легъ въ постель, у него было такое чувство, точно безконечное количество ощущеній тяжело давитъ его. Онъ потушилъ свѣтъ, и, уже засыпая, сталъ шептать въ полуснѣ:

— Марія-Луиза, Марія-Луиза! Какая странная музыка въ этомъ двойномъ имени! Марія-Луиза, Марія-Луиза!

Когда Грабаусъ вошелъ въ пріемную управляющаго департаментомъ, тамъ уже было три человѣка. Комната была оклеена изящными новомодными обоями, но мебель состояла изъ потертаго кожанаго дивана, круглаго стола и старыхъ стульевъ. У камина стоялъ угрюмый господинъ съ черными волосами; отъ него сильно несло іодоформомъ. Онъ занимался своими ногтями—то откусывалъ ихъ, то подробно разглядывалъ. У окна сидѣлъ, вытянувъ ноги и съ галстухомъ, сдвинувшимся на сторону, старый господинъ; у него былъ толстый животъ, составлявшій странный контрастъ съ остальной фигурой. Животъ свидѣтельствовалъ о довольствѣ и объ изрядномъ количествѣ выпитаго вина, въ то время какъ худоба и морщинистое лицо указывали на строгую жизнь, посвященную долгу. Третій изъ дожидавшихся въ пріемной людей былъ въ потертомъ сюртукѣ, въ противоположность двумъ другимъ, одѣтымъ во фракъ. У него былъ портфель въ рукахъ, и онъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Особаго

рода хвастливая непринужденность его манеръ указывала на то, что онъ чувствуетъ себя здѣсь какъ дома.

Бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ такъ наступилъ на ногу господину, сидѣвшему у окна, что тотъ испуганно вскрикнулъ.

— Извините!

— Ничего, ничего.

Старый господинъ поднялся съ большимъ усиліемъ, назвалъ свое имя и прибавилъ:

— Вы, вѣрно, тоже—педагогъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, что̀ вы! Развѣ у меня такой внушительный видъ? Я просто—журналистъ.

— Вотъ какъ! Простите, пожалуйста,—правда, что пріемные часы у управляющаго отъ двѣнадцати до часу?

— Приблизительно такъ, или, вѣрнѣе, съ часа. Но иногда онъ въ это время не бываетъ дома, а пріѣзжаетъ только послѣ двухъ.

— Но вѣдь это ужасно! Я здѣсь съ половины двѣнадцатаго. Такъ вы говорите, что онъ пріѣзжаетъ иногда въ два?

— Что̀-жъ подѣлаешь! Онъ очень занятъ. Вѣдь онъ завѣдуетъ, такъ сказать, образованіемъ всей монархіи.

— Все-таки это странно. Лакей ничего не зналъ, а между тѣмъ я предупредилъ господина управляющаго о томъ, что буду.

— Предупреждать безцѣльно. Нѣсколько времени еще придется подождать.

Вскорѣ спустя, дверь опять открылась и вошелъ очень живой господинъ въ безукоризненно сшитомъ фракѣ. Онъ со всѣми поздоровался.

— Простите,—обратился опять директоръ къ журналисту.— Вы, повидимому, близко знаете управляющаго?

— Да, очень близко.

— Говорятъ, онъ очень рѣзкій человѣкъ?

— Какъ когда!.. Если ему что-нибудь не нравится, то онъ, дѣйствительно, бываетъ иногда очень непріятенъ.

— Это—пустые толки,—вмѣшался въ разговоръ живой господинъ.—Простите, но я не могу не заступиться за отсутствующаго.

Онъ сдѣлалъ короткій поклонъ, провелъ рукой по своимъ молодцоватымъ усамъ и назвалъ себя. Потомъ онъ пожалъ директо̀ру руку и сказалъ:

— Я очень радъ, что встрѣтилъ коллегу. Могу васъ увѣрить, что управляющій департаментомъ—сама любезность. Я

много разъ имѣлъ честь быть принятымъ имъ. Въ послѣдній разъ я былъ у него мѣсяцъ тому назадъ. Онъ меня тогда даже пригласилъ позавтракать съ нимъ.

— И вы дѣйствительно завтракали?—спросилъ журналистъ.

— Къ сожалѣнію, управляющему что-то помѣшало, и онъ самъ не могъ остаться завтракать дома.

— Ему всегда что-нибудь мѣшаетъ.

— Въ концѣ концовъ, нельзя слишкомъ многаго требовать отъ него. Но грѣхъ жаловаться на его нелюбезное обхожденіе. Конечно, у такихъ важныхъ господъ масса дѣлъ, и поэтому приходится много разъ напоминать о себѣ. Необходимо настаивать—я вотъ уже въ четвертый разъ пріѣзжаю по тому же самому дѣлу.

— А я здѣсь не разъ присутствовалъ при такихъ сценахъ, что не дай Богъ! Но, помимо того, онъ достоинъ всякаго уваженія. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе яснымъ умомъ.

— И съ болѣе широкими либеральными взглядами,—прибавилъ живой господинъ.

— Ну, что касается этого, то, видите ли, онъ, прежде всего, чиновникъ. Относительно каждаго человѣка онъ спрашиваетъ себя: „годится мнѣ этотъ человѣкъ или нѣтъ?“ Никакія идеи его не интересуютъ. Онъ прежде всего хочетъ, чтобы все шло гладко въ его вѣдомствѣ.

— Тсс!..—сказалъ живой господинъ, когда дверь снова открылась и вошелъ гладко выбритый господинъ; онъ сталъ оглядываться съ хитрой и какъ бы конфузливой улыбкой, и со всѣми поздоровался. Усѣвшись скромно въ углу, онъ вытеръ себѣ углы рта и продолжалъ смотрѣть съ полусмущенной и полунасмѣшливой улыбкой. Старикъ-директоръ вынулъ часы изъ жилетнаго кармана.

— Я дожидаюсь уже цѣлыхъ три часа. Это, положительно, ужасно. И хуже всего то, что совершенно забываешь, о чемъ хотѣлъ поговорить. Еще счастье, что я пришелъ первымъ.

Разговоръ замолкъ. Время вяло тянулось. Въ высокія, голыя окна виднѣлось сѣрое, пасмурное небо. Грабаусъ оперся головой объ руку и разглядывалъ портретъ господина съ внушительной бѣлой бородой и множествомъ хорошо написанныхъ орденовъ.

Его неподвижные глаза, казалось, были устремлены прямо на чернильницу, стоявшую на кругломъ столѣ. Подъ этимъ портретомъ, и какъ бы подъ его покровительствомъ, усѣлся каноникъ съ хитрой улыбкой. Онъ много тысячъ разъ повертѣлъ пальцемъ вокругъ пальца, отъ времени до времени до времени вытирая

кончики рта, потомъ вдругъ улыбнулся еще хитрѣе, тихонько поднялся и вышелъ изъ комнаты.

— Держу пари, что онъ проберется какими-нибудь окольными путями къ управляющему, — сказалъ сангвиническій педагогъ своему товарищу.

Грабаусъ отъ времени до времени мысленно пробовалъ излагать то, что̀ хотѣлъ сказать управляющему въ очень сжатой формѣ. Но онъ былъ почему-то увѣренъ, что въ нужный моментъ сумѣетъ сказать что̀ слѣдуетъ, и потому онъ пересталъ думать о начальствѣ. Мысли его были полны воспоминаній о всемъ пережитомъ наканунѣ... Ему даже вдругъ показалось, что передъ нимъ Магги, которая простираетъ къ нему руки и нѣжно говоритъ ему: „Скажите:—я люблю тебя“... И снова въ ушахъ его звучало имя Маріи-Луизы, вызывая разные образы. Но отъ воспоминаній о чужомъ имени, которое навсегда должно было остаться ему чужимъ, мысли Грабауса вернулись къ дѣйствительности. А дѣйствительность заключалась въ работѣ и одиночествѣ.

Наконецъ, обитая дверь въ кабинетъ начальника шумно открылась, и изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, похожій на корабельнаго плотника или методистскаго проповѣдника, съ довольно грубыми чертами лица и ростущей изъ подъ подбородка бородой. Всѣ вскочили съ мѣстъ и отвѣсили болѣе или менѣе глубокіе поклоны. Управляющій коротко всѣмъ поклонился, вышелъ на середину комнаты и, остановившись на минуту, прошелъ къ господину у камина, лицо котораго утратило свое ледяное выраженіе и озарилось выраженіемъ радости.

— Это вы, многоуважаемый профессоръ?—сказалъ управляющій.—Какъ я радъ видѣть васъ въ моемъ скромномъ жилищѣ! Чѣмъ я обязанъ этимъ удовольствіемъ? Пойдемте ко мнѣ.

Онъ всталъ и повелъ его къ двери въ свою комнату, но по дорогѣ сдѣлалъ видъ, что только-что увидѣлъ журналиста, и направился къ нему.

— Здравствуйте. Очень радъ!.. Войдите, пожалуйста, ко мнѣ, господинъ профессоръ. Я черезъ минуту къ вашимъ услугамъ.

При этомъ онъ закрылъ дверь за профессоромъ и поспѣшилъ къ журналисту.

— Очень радъ васъ видѣть, — повторилъ онъ. — Мы вѣдь можемъ сейчасъ же потолковать о нашемъ дѣлѣ.

Онъ открылъ противоположную дверь и быстро исчезъ за нею. Журналистъ послѣдовалъ за нимъ, окинувъ остальныхъ дожидавшихся торжествующимъ взглядомъ. Всѣ опять сѣли на

свои мѣста, только школьный директоръ продолжалъ стоять, совершенно растерявшись.

— Какъ же это такъ? Вѣдь я пришелъ первый. Развѣ здѣсь не соблюдается очередь?

Но никто ему не отвѣтилъ, такъ какъ каждый, повидимому, былъ занятъ только собой. На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ болѣзненно-напряженнаго ожиданія. Можно было бы подумать, что это—пріемная зубного врача.

Прошло съ полчаса, когда изъ полуоткрытой двери кабинета высунулась голова лакея, который произнесъ не особенно громко:

— Господинъ докторъ Грабаусъ!

— Здравствуйте, наконецъ-то и вы пожаловали къ намъ! Что вы намъ скажете хорошаго?—спросилъ Вальбольдъ, поднимаясь съ кресла у письменнаго стола.

— Господинъ управляющій, я желалъ бы...

— Прежде всего, конечно, передать мнѣ поклонъ отъ вашего отца. Какъ онъ поживаетъ?

— Хорошо, благодарю васъ.

— Да, онъ мудро поступилъ, во-время удалившись на покой, и можетъ теперь наслаждаться пріятнымъ досугомъ. Онъ все еще бодръ?

— Мы, его дѣти, поражаемся, до чего онъ еще молодъ. Конечно, не такъ, какъ вы, господинъ управляющій...

— Меня молодитъ гнѣвъ, милый докторъ. Иногда мнѣ кажется, что пора уйти отъ дѣлъ. Но непремѣнно что-нибудь случается—я возмущаюсь и еще остаюсь. Но, скажите,—васъ давно не видать было. Васъ не было здѣсь года три-четыре.

— Пять лѣтъ.

— Какъ? вы уже пять лѣтъ состоите доцентомъ?

Онъ откинулъ голову назадъ и почесалъ себѣ бороду. Потомъ онъ сѣлъ у письменнаго стола, указавъ Грабаусу на кожаное кресло.

— Мнѣ недавно кто-то о васъ говорилъ,—ахъ, да, я знаю, кто это былъ. Ну, скажите, нравится вамъ въ Іенѣ? Довольны вы своей дѣятельностью?

Грабаусъ тяжело перевелъ дыханіе и отрывисто сказалъ:

— Нѣтъ!

— Какъ, вы не довольны? Однако, говорятъ, что вы имѣете большой успѣхъ. У васъ сразу было много слушателей.

— Да, вначалѣ. Но потомъ...

— Ну, разскажите, разскажите. Но объясните, пожалуйста,— вдругъ прервалъ онъ себя и сталъ тереть глаза и лобъ, ста-

раясь что-то припомнить. — Я помню, что вы приносили мнѣ книгу.

— Мое „Происхожденіе философіи“.

— Да, да. Скажите, какъ это случилось, — онъ наклонился и широко раскрылъ глаза, — что вы эту книгу посвятили соціалисткѣ?

На минуту Грабаусъ смутился, но сейчасъ же нашелся.

— Когда я ей посвящалъ книгу, она еще не была соціалисткой.

— Знаете, — это могло разбить всю вашу карьеру. Но, можетъ быть, — продолжалъ онъ съ лукавой усмѣшкой, — можетъ быть, она была очень красива?

— Красива? Нѣтъ.

— Даже не красива? И изъ-за такой особы вы рисковали своей карьерой? Какъ можете вы, состоя на государственной службѣ, проявлять симпатіи соціалисткѣ?

— Простите, господинъ управляющій, — отвѣтилъ Грабаусъ нѣсколько взволнованно. — Эта женщина стала соціалисткой изъ-за отношенія правительства къ польскому населенію. Она — полька.

— Какъ — еще, къ тому же, полька? — почти взвизгнулъ начальникъ, точно ему кто-нибудь на ногу наступилъ. — Часъ отъ часу не легче! Надѣюсь, что вы не защищаете поляковъ? Что мы должны, собственно, для нихъ сдѣлать? Дать имъ польскаго короля?

— Что вы, что вы! — засмѣялся Грабаусъ. — Напротивъ того, мы должны ихъ покорить... нравственно покорить...

— Что вы подъ этимъ разумѣете? Объясните мнѣ, пожалуйста. Можетъ быть, вы дѣйствительно можете дать хорошій совѣтъ. Выскажите свое мнѣніе.

Грабаусъ, собственно, не зналъ, что отвѣтить, такъ какъ сказалъ фразу о нравственномъ завоеваніи Польши совершенно вскользь. Видя, что начальникъ ждетъ его отвѣта, онъ сталъ говорить, слегка заикаясь и не зная заранѣе, что скажетъ:

— Конечно, правительство много сдѣлало для Польши, но все-таки оно всегда являло полякамъ только свою желѣзную силу, было для нихъ только Германіей Мольтке и Бисмарка. Нужно теперь показать имъ духовное величіе Германіи — это я и называю нравственнымъ завоеваніемъ. Нужно, напримѣръ, основать въ Польшѣ національный университетъ... — „и сдѣлать меня тамъ профессоромъ“, подумалъ онъ про себя. Онъ надѣялся, что управляющій не разсердится на это предложеніе, сдѣланное имъ, конечно, въ шутку. Онъ взглянулъ на управляющаго, чтобы про-

честь на его лицѣ, не разсердился ли онъ. Но тотъ, повидимому, просто заснулъ, наклонивъ впередъ голову и засунувъ обѣ руки въ карманы. Прошло нѣсколько секундъ молчанія; наконецъ, управляющій вынулъ изъ кармана огромный ключъ отъ воротъ, разглядѣлъ его, снова сунулъ въ карманъ и пробормоталъ:

— Скажите, кто вамъ внушилъ эту мысль?

— Никто; она пришла мнѣ сама въ голову.

— Давно уже?

— Говоря по правдѣ, не особенно давно.

— И никто съ вами объ этомъ не говорилъ?

— Никто.

— Вотъ видите ли, господинъ докторъ, мысль ваша вовсе не глупа. Вотъ, посмотрите.

Онъ показалъ ему бумагу. Бѣгло взглянувъ на нее, Грабаусъ прочелъ только одно слово: „университетъ“.

— Все, что̀ вы мнѣ говорите, я уже давно обдумалъ. Вы изложили мнѣ мой собственный планъ.

Онъ кивнулъ головой съ нѣсколько соннымъ видомъ, но Грабаусъ чувствовалъ, что онъ на него внимательно смотритъ и точно взвѣшиваетъ, пригоденъ ли онъ ему, или нѣтъ. Вдругъ онъ спросилъ Грабауса:

— Скажите, я надѣюсь, вы не пишете въ газетахъ?

— Въ послѣднее время уже не пишу.

— И не пишите. Вообще—все, что̀ мы теперь говорили, должно остаться между нами. Поняли?

Онъ протянулъ ему руку.

— Мы всѣ здѣсь къ вамъ очень хорошо относимся. Скажите, какъ поживаетъ старикъ Вульманъ? Неужели у него есть еще слушатели?

— Вульманъ былъ моимъ покровителемъ...

— Вы не выдадите никакой тайны, если и скажете, что никто его не слушаетъ.—Что̀ тамъ?

Вошелъ лакей, и управляющій ему что-то тихо сказалъ. Потомъ онъ снова обратился къ Грабаусу.

— Останьтесь завтракать со мной, милый докторъ. За завтракомъ вы мнѣ подробно изложите свои планы. А пока, присядьте, пожалуйста, здѣсь.

Онъ указалъ ему на стулъ у окна, потомъ открылъ дверь и впустилъ восторженнаго педагога.

Сдѣлавъ глубокій поклонъ, педагогъ началъ длинную рѣчь, изъ которой Грабаусъ только понялъ, что дѣло идетъ о новой

системѣ преподаванія исторіи. Но вдругъ онъ услышалъ отчетливый и рѣзкій голосъ управляющаго:

— Послушайте, господинъ директоръ! Вѣдь вы были у насъ только мѣсяцъ тому назадъ. Не кажется ли вамъ, что занятія въ вашей школѣ могутъ пострадать отъ вашихъ постоянныхъ разъѣздовъ? Насъ учить вамъ нѣтъ никакой надобности. Да, да, я все знаю. Счастливаго пути! Я вамъ пошлю кого-нибудь. Счастливаго пути!

Совершенно растерявшись, директоръ побѣжалъ не къ той двери.

— Сюда пройдите, пожалуйста, вотъ здѣсь. Прощайте, прощайте!

Выпроводивъ усерднаго педагога, Вальбольдъ подошелъ къ Грабаусу.

— Пойдемте, милый докторъ. Да,—сказалъ онъ, почесывая свою бородку, — это совершенно сходится съ моими планами. Національное воспитаніе... Шиллеръ и Гёте—въ роли колонизаторовъ... И Трейчке... Вотъ, видите ли, такой человѣкъ, какъ Трейчке, былъ бы мнѣ особенно нуженъ. Мы, собственно, намѣревались поставить во главѣ стараго профессора государственнаго права—человѣка съ внушительнымъ именемъ. Но и молодая сила... Послушайте, говорятъ, что вы прекрасный ораторъ. Кто это мнѣ сказалъ?

Но въ эту минуту вошелъ лакей, и управляющій обратился къ нему:

— Я сейчасъ приду.

Когда лакей еще что-то шепнулъ ему, онъ отвѣтилъ съ досадой:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пріемные часы давно кончены.

Онъ сталъ разбирать визитныя карточки на столѣ.

— Онъ даже не предупреждалъ о томъ, что будетъ. Скажите, что завтра, между двѣнадцатью и двумя.—Милый докторъ, мнѣ сегодня некогда завтракать. Ахъ, да, о васъ мнѣ говорилъ Кюльветтеръ.

— Его сынъ былъ моимъ слушателемъ.

— Да, да, я знаю. Послушайте, мы еще съ вами увидимся. Поѣзжайте спокойно домой. Мы здѣсь всѣ хорошо къ вамъ относимся.

Грабаусъ уже былъ въ дверяхъ, когда Вальбольдъ еще разъ остановилъ его.

— Только никому ни слова. Поняли? Поклонитесь отцу. Прощайте.

Весь дрожа отъ волненія, но радостно возбужденный предчувствіемъ чего-то великаго въ будущемъ, шелъ Грабаусъ среди густой толпы на Фридрихштрассе. Все, что говорилъ ему Вальбольдъ, хаотически вертѣлось у него въ головѣ. Онъ еще ничего не могъ уяснить себѣ. Но развѣ Вальбольдъ не намекалъ на то, что, можетъ быть, поставитъ его во главѣ новаго университета? На минуту возможность этого назначенія была несомнѣнно близка... И съ быстротой молніи то, что создалось замѣшательствомъ начальника, желавшаго быть любезнымъ съ сыномъ стараго товарища, превратилось для молодого энтузіаста въ радостную надежду, охватившую все его существо, въ золотую мечту о блестящемъ будущемъ.

„О, еслибъ я могъ стать побѣдителемъ! Выйти въ бой представителемъ великой духовной силы и совершить то, чего не могли добиться насиліе и полицейскій гнетъ. Побѣдить предразсудки, поставить высшій разумъ на мѣсто затхлыхъ традицій; превратить въ искренно преданныхъ странѣ гражданъ людей, которые чувствуютъ себя теперь только порабощенными и страдаютъ изъ-за своего рабства! Боже, какая это великая задача!“

Онъ смотрѣлъ на равнодушно снующую по улицѣ толпу и чувствовалъ, какъ въ немъ крѣпнетъ сила. Въ такомъ состояніи онъ бывалъ, когда говорилъ передъ толпой слушателей. И въ то время, какъ въ душѣ его поднимались другія, враждебныя мысли, онъ говорилъ себѣ: „Я все покорю силой моего лучшаго разумѣнія, силой духа. Я чувствую, что побѣда будетъ за мной!“

Съ нѣм. З. В.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ,

по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“

I.

Въ октябрѣ прошлаго года появился трудъ подъ названіемъ: „Кооперації“, составленный С. В. Бородаевскимъ и изданный министерствомъ финансовъ не для широкаго круга интересующихся даннымъ вопросомъ. Этотъ трудъ представляетъ не что иное, какъ извлеченія или сводку мнѣній по кооперації мѣстныхъ комитетовъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ виду важности „Трудовъ мѣстныхъ комитетовъ“, въ виду компетентности большинства ихъ сужденій относительно кооперативнаго движенія въ Россіи, мы познакомимъ съ ними читателей, пользуясь извлеченіями г. Бородаевскаго, составляющими книгу около двухсотъ страницъ большого формата.

При разсмотрѣніи современнаго состоянія кооперативнаго движенія въ Россіи, мѣстные комитеты констатируютъ прежде всего его слабое развитіе. Если не считать зачаточныхъ формъ кооперацій, въ видѣ „супрягъ“ и „складчинъ“ отдѣльныхъ крестьянъ для взаимной помощи при работахъ и для совмѣстной покупки сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, то развитіе среди нашихъ крестьянъ кооперативныхъ учрежденій должно быть признано явленіемъ исключительнымъ, наблюдаемымъ лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются особенно благопріятныя для

этого условія и гдѣ за дѣло взялись энергичныя лица изъ среды мѣстной интеллигенціи. Правильность такого заключенія подтверждается, между прочимъ, свѣдѣніями по московской губерніи. Такъ, изъ тринадцати уѣздовъ этой губерніи кооперативныя учрежденія среди крестьянъ существуютъ лишь въ четырехъ уѣздахъ, да и то въ очень ограниченномъ числѣ, именно: въ звенигородскомъ уѣздѣ—одно потребительное общество; въ клинскомъ—по одному товариществу ссудо-сберегательному, потребительному и кредитному; въ московскомъ—одно ссудо-сберегательное и два кредитныхъ товарищества; наконецъ, въ рузскомъ—четыре ссудо-сберегательныхъ товарищества.

Вообще говоря,—несмотря на относительные успѣхи отдѣльныхъ кооперацій, развитіе у насъ кооперативныхъ учрежденій и приносимая ими польза далеко не достигаютъ того размѣра, который былъ бы желателенъ и, какъ высказано въ одномъ комитетѣ,—и первыя и вторая „должны быть выражены безконечно малой величиной“ (харьковская губ.).

Болѣе значительное примѣненіе получили у насъ кооперацiи, преслѣдующія цѣли кредита, главнымъ образомъ—ссудо-сберегательныя товарищества. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ бердянскомъ уѣздѣ таврической губ., названныя товарищества достигли значительной степени развитія. Въ настоящее время здѣсь дѣйствуютъ двадцать-восемь такихъ товариществъ и готовится открытіе еще двухъ новыхъ. Нужно замѣтить, что крестьянское населеніе этого уѣзда прекрасно сознаетъ пользу товариществъ, благодаря чему—стоитъ только распространиться слуху объ учрежденіи новаго товарищества, какъ уже являются сотни желающихъ записаться въ члены этого учрежденія. Дѣла упомянутыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, по отзыву какъ самихъ членовъ, такъ и бердянскаго отдѣленія государственнаго банка, идутъ хорошо. Товарищества расплатились со многими долгами; образовали между собою для взаимной поддержки союзъ; начали устраивать такъ называемыя „потребительскія лавки“, гдѣ члены товариществъ покупаютъ на очень выгодныхъ для себя условіяхъ необходимые для хозяйства предметы, избѣгая переплатъ различнымъ посредникамъ. Покупаемыя, напримѣръ, товариществами на вилейскомъ заводѣ косы продаются членамъ по 60—70 коп. за штуку, тогда какъ у мѣстныхъ торговцевъ онѣ стоятъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. (екатеринославская губ.).

Число членовъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ товариществъ очень велико, составляя, напримѣръ, въ николаевскомъ товариществѣ

двѣ тысячи человѣкъ, въ берестоватскомъ—до трехъ тысячъ человѣкъ и въ андреевскомъ—свыше четырехъ тысячъ человѣкъ. Обороты товариществъ сильно разрослись. Ежегодный оборотъ андреевскаго ссудо-сберегательнаго товарищества достигаетъ 600.000 руб.; обороты другихъ товариществъ нерѣдко колеблются въ предѣлахъ отъ 200.000 до 300.000 руб. (екатеринославская губ.). Однако, преобладающимъ въ „Трудахъ“ мнѣніемъ относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ является то, что эти товарищества весьма слабо удовлетворяютъ потребности населенія въ кредитѣ и, въ общемъ, функціонируютъ не такъ, какъ было бы желательно (бессарабская и вологодская губ.). Первое съ наибольшею рельефностью свидѣтельствуется, напримѣръ, тѣмъ, что общее количество употребляемыхъ на кредитованіе населенія капиталовъ этихъ товариществъ настолько ничтожно, что, въ среднемъ, на одного жителя виленской губерніи приходится такихъ капиталовъ 7 коп., на жителя гродненской губерніи—5 коп., а витебской—даже 3 коп.

Дѣятельность товариществъ также вызываетъ упреки. За весьма рѣдкими исключеніями, къ числу которыхъ принадлежатъ упомянутыя выше бердянскія ссудо-сберегательныя товарищества, положеніе остальныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представляется мало благопріятнымъ. Товарищества эти или замкнулись въ кругъ немногихъ лицъ, совершенно утративъ значеніе кредитныхъ учрежденій, заботящихся объ удовлетвореніи потребности въ кредитѣ крестьянъ средняго достатка (тульская губ.), или же свели свою дѣятельность къ ежегодной перепискѣ выданныхъ членамъ товарищества ссудъ (екатеринославская губ.).

Что касается положенія кооперацій, преслѣдующихъ задачи сбыта и потребленія, то въ „Трудахъ“ указывается на замѣтное распространеніе за послѣдніе годы, благодаря нормальному уставу, выработанному министерствомъ земледѣлія, сельско-хозяйственныхъ товариществъ по пріобрѣтенію и сбыту земледѣльческихъ продуктовъ (виленская губ.). Среди такихъ товариществъ нѣкоторыя дѣйствуютъ весьма удовлетворительно. Между прочимъ, отмѣчается успѣшная дѣятельность товарищества балтійскихъ сѣменоводовъ. Учрежденное въ 1901 году и поставившее своею цѣлью содѣйствовать сѣменной торговлѣ и раціональному воздѣлыванію сѣмянъ, это товарищество пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ новую кліентуру, начинаетъ распространять свою дѣятельность на сосѣднія губерніи и развило свои обороты въ 1901—1902 гг. до 300.000 руб. (лифляндская губ.).

Что касается сельско-хозяйственныхъ обществъ, то, судя по

имѣющимся въ „Трудахъ“ даннымъ, дѣятельность многихъ изъ этихъ обществъ, несмотря на скудныя средства, которыми они располагаютъ, заслуживаетъ сочувствія. Одни изъ этихъ обществъ открываютъ склады улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, при чемъ орудія изъ такихъ складовъ не только продаются на наличныя и въ разсрочку, но и отдаются за небольшую плату на прокатъ. Другія общества производятъ опыты показательныхъ полей, съ цѣлью воздѣйствія на крестьянъ въ смыслѣ перехода отъ трехполья къ четырехполью и проч. Третьи стремятся, путемъ устройства праздниковъ древонасажденія, возбудить въ крестьянахъ интересъ къ лѣсоразведенію; между прочимъ, шебекинскимъ обществомъ сельскихъ хозяевъ (курской губ.) засажено около 50 десятинъ песковъ. Четвертыя организуютъ случные пункты для улучшенія породы скота. Пятыя совершаютъ опыты съ различными искусственными удобреніями. Нѣкоторые общества демонстрируютъ ручныя и конныя молотилки, а также сортировки сѣмянъ, устраиваютъ выставки, питомники древесныхъ породъ; производятъ непосредственно большими партіями закупку для продажи населенію косъ и серповъ; организуютъ операціи ссудъ подъ хлѣбъ: устраиваютъ зерносушилки; открываютъ учебныя мастерскія для обученія населенія ремесламъ и т. п. Иныя общества, задавшись цѣлью доставить населенію дешевый кредитъ, взяли на себя иниціативу въ устройствѣ кредитныхъ товариществъ; таковы: бѣлгородское общество, курской губ., и алексѣевское, самарской губ.

Но, съ другой стороны, указывается на то, что дѣятельность многихъ обществъ, не располагающихъ нужными средствами, болѣе чѣмъ скромна, ограничиваясь нерѣдко лишь теоретическимъ обсужденіемъ разныхъ вопросовъ, которыхъ не имѣютъ даже надежды провести въ жизнь.

Отрицательною стороною дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ является также ихъ обособленность отъ крестьянъ, ихъ „до извѣстной степени аристократичность“. Крестьяне не состоятъ членами этихъ обществъ, да и не могутъ состоять, такъ какъ, допустивъ даже, что они сознали бы значеніе такихъ обществъ, для нихъ было бы непосильно уплачивать пай въ 50 или 100 руб. (подольская губ.). Но этого мало; даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ крестьяне состоятъ членами (напримѣръ, въ самарской губ.), участіе ихъ въ обществахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, „весьма проблематично“ (гродненская губ.).

Наконецъ, однимъ изъ обстоятельствъ, характеризующихъ современное положеніе сельско-хозяйственныхъ обществъ, является

наблюдаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ медленность въ полученіи разрѣшеній на оборудованіе общества. Между прочимъ, въ „Трудахъ“ указывается случай неполученія разрѣшенія на устройство общества второй (!) годъ со дня возбужденія ходатайства (вятская губ.).

Что касается современнаго положенія потребительныхъ обществъ, то въ „Трудахъ“ по этому предмету имѣются весьма скудныя данныя, касающіяся—и то лишь отчасти—положенія одного изъ видовъ названныхъ обществъ, именно—сельскихъ общественныхъ лавокъ. Результаты дѣятельности этихъ лавокъ въ подольской губерніи, гдѣ онѣ возникли впервые „наканунѣ введенія казенной продажи вина“, были различны: однѣ лавки давали до 40% прибыли; другія, просуществовавъ короткое время, закрывались. Въ кіевской губерніи, въ каневскомъ уѣздѣ, было открыто семь общественныхъ лавокъ, изъ которыхъ двѣ прекратили свою дѣятельность,—остальныя же, хотя и оказываютъ населенію услуги, не давая возможности торговцамъ произвольно увеличивать цѣны на товары, все-же не оправдали ожиданій населенія получить возможность пріобрѣтать дешевый и доброкачественный товаръ.

Относительно кооперацій, преслѣдующихъ задачи совмѣстнаго производства, въ „Трудахъ“, хотя и рѣдко, также приводятся примѣры успѣшной дѣятельности подобныхъ организацій. Такъ, имѣются въ „Трудахъ“ краткія упоминанія о земледѣльческихъ артеляхъ, существующихъ въ небольшомъ количествѣ въ пермской и херсонской губерніяхъ. Практикой устройства такихъ артелей выяснено, что въ эти артели соединяются, главнымъ образомъ, хозяева, владѣющіе недостаточнымъ количествомъ земледѣльческаго инвентаря и ограничивающіеся обработкой лишь собственныхъ надѣловъ, т.-е. бѣдные, малоземельные крестьяне. Окрѣпшіе и богатые крестьяне въ артель не вступаютъ, а заводятъ свое улучшенное хозяйство. Идея артели зародилась изъ такъ называемой „супряги“, когда крестьяне, имѣющіе недостаточное количество скота, соединяются по-двое и по-трое, чтобы произвести вспашку поля и луговъ. Члены артели въ александрійскомъ уѣздѣ такъ формулируютъ выгоды артельнаго хозяйства въ договорѣ: крестьянское хозяйство въ артели становится сильнымъ и устойчивымъ; благодаря артелямъ, можно улучшить хозяйство пріобрѣтеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, породистаго скота, хорошихъ сѣмянъ, завести удобреніе, травосѣяніе, орошеніе и т. п.; благодаря той же артели, можно за круговою порукою занимать деньги, необходимыя для устройства и улуч-

шенія хозяйства, и, между прочимъ, имѣть кредитъ въ государственномъ банкѣ „на основаніи правилъ 1895 года о мелкомъ кредитѣ“, а также у частныхъ лицъ, такъ какъ товарищество представляетъ болѣе надежное ручательство въ уплатѣ, чѣмъ одинъ человѣкъ, и потому можетъ пріобрѣсти болѣе довѣрія къ себѣ и своей платежеспособности (харьковская губернія).

Нѣкоторые члены комитетовъ обращаютъ вниманіе на развитіе товарищеской аренды земли. При этомъ отмѣчается любопытный фактъ, свидѣтельствующій о нѣкоторомъ ростѣ въ населеніи кооперативнаго сознанія, именно—повышеніе численнаго состава такихъ товариществъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, составъ такихъ товариществъ опредѣлялся въ 5—10 душъ, теперь же онъ все чаще и чаще достигаетъ 30, 40, 70 и—въ одномъ случаѣ—даже 240 душъ (харьковская губ.). Въ вятской губерніи извѣстенъ случай веденія на арендуемой землѣ артельнаго хозяйства въ теченіе болѣе 10 лѣтъ. Сущность устройства артелей, ведущихъ такое хозяйство, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вся арендуемая земля дѣлится на крупные участки. Арендаторы-крестьяне сгруппировываются въ „десятки“, съ одной или двумя лошадьми каждый. Участки земли распредѣляются между десятками по жребію. Земля между отдѣльными лицами не дѣлится, а дѣлится урожай. Такой способъ хозяйства, какъ сказано выше, практикуется уже многіе годы, съ прекрасными для обѣихъ сторонъ результатами, и имѣетъ за собою еще ту выгоду, что, поощряя крестьянъ къ дружной одинъ передъ другимъ работѣ, возбуждаетъ къ ней должную энергію и „пробуждаетъ столь желательные элементы общественности“ (вятская губ.).

Кромѣ сказаннаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдается въ настоящее время, главнымъ образомъ—по отношенію къ лѣсу и сѣнокосу, замѣна уравнительнаго распредѣленія общинной земли совмѣстной ея обработкою (новгородская губ.).

Есть также въ „Трудахъ“ указанія на успѣхи, достигаемые крестьянскими артелями для устройства маслодѣленъ. Организаціи послѣднихъ содѣйствуетъ, между прочимъ, пермское губернское земство путемъ выдачи безпроцентныхъ ссудъ на развитіе маслодѣленъ. Ссудъ этихъ оказывается, однако, далеко не достаточно для удовлетворенія всей потребности артелей въ кредитѣ. Въ „Трудахъ“ есть нѣкоторыя данныя относительно внутренняго устройства этихъ артелей. Въ шадринскомъ уѣздѣ пермской губерніи дѣло ведется такъ. Нѣсколько крестьянъ, соединившись въ артель, устраиваютъ маслодѣльное заведеніе, причемъ каждый

участникъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одну корову и внести въ общее дѣло 2 рубля деньгами. Молоко сдается по вѣсу и по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Вся прибыль, полученная отъ продажи молочныхъ издѣлій, дѣлится поровну. Такимъ образомъ каждый артельщикъ имѣетъ сбытъ молока по болѣе или менѣе выгодной для него цѣнѣ и, сверхъ того, участвуетъ въ прибыляхъ предпріятія. Маслодѣльная артель способствуетъ увеличенію скота, а разъ количество послѣдняго увеличивается, возрастаетъ и получаемое отъ него удобреніе, столь необходимое въ сельскомъ хозяйствѣ.

Наконецъ, въ „Трудахъ“ комитетовъ есть указанія на существованіе во многихъ деревняхъ союзныхъ молотилокъ, соломорѣзокъ, а также приспособленій для обработки льна. Пока это, правда, единичные случаи, которые только въ будущемъ могутъ принять болѣе широкіе размѣры и охватить всевозможные виды труда, но самый фактъ наличности подобныхъ организацій указываетъ, что „наши крестьяне прекрасно понимаютъ работу сообща и къ ней подготовлены“ (ковенская губ.).

II.

Къ числу причинъ слабаго развитія кооперацій нѣкоторые комитеты относятъ отсутствіе спеціальныхъ узаконеній, облегчающихъ устройство кооперативныхъ учрежденій, открытіе которыхъ въ настоящее время „обставлено массою формальностей“ (виленская губ.). Такой порядокъ устройства неблагопріятенъ для развитія кооперацій: приходится нерѣдко ожидать слишкомъ много времени, чтобы получить разрѣшеніе, что̀ не можетъ способствовать успѣху кооперацій. Нужна слишкомъ большая энергія, чтобы „хлопотать и ждать цѣлые годы“ (вятская губ.).

Не только устройство кооперативныхъ учрежденій, но и ихъ дѣятельность обставлены у насъ цѣлымъ рядомъ стѣсненій, которыя не могутъ не тормазить развитія этихъ учрежденій (владимірская губ.). Доказательствомъ такихъ стѣсненій для работниковъ въ области кооперацій могутъ служить, между прочимъ, нѣкоторые приводимые въ „Трудахъ“ примѣры. Прежде всего указывается на тормазящее дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ требованіе, чтобы образованіе обществомъ спеціальныхъ капиталовъ, самое возникновеніе которыхъ могло бы служить лишь доказательствомъ живой дѣятельности общества, обусловливалось разрѣшеніемъ губернатора. Подобныя тре-

бованія не могутъ содѣйствовать развитію этихъ учрежденій, особенно въ средѣ сельскаго населенія. Деревня слишкомъ долго спала мертвымъ сномъ, и подвинуть ее на предпріимчивость, вдохнуть въ нее смѣлую хозяйственную иниціативу не легко, даже освободивъ ее отъ лишнихъ путъ и стѣсненій. „Призывъ къ дѣятельности, да еще съ оговорками и ограниченіями, будетъ безсиленъ тамъ, гдѣ нужна труба архангела“ (курская губ.).

Въ частности, относительно слабаго развитія сельско-хозяйственныхъ товариществъ, дѣлаются предположенія, что ихъ развитію препятствуетъ отсутствіе узаконеній о центральныхъ союзахъ. Между тѣмъ, только устройство такихъ союзовъ, изъ которыхъ каждый объединялъ бы всѣ кооперативныя учрежденія, работающія въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, можетъ оказать наиболѣе благотворное вліяніе въ дѣлѣ успѣшнаго достиженія намѣченныхъ этими учрежденіями цѣлей. Такіе союзы облегчатъ, между прочимъ, снабженіе земледѣльческаго населенія доброкачественными товарами по самой доступной цѣнѣ и—что не менѣе важно—могутъ вызвать ростъ производства этихъ товаровъ въ Россіи. Только центральные союзы въ состояніи дать заводамъ и кустарямъ большіе заказы однородныхъ машинъ, орудій и другихъ издѣлій, по указаніямъ заказчиковъ. Этимъ путемъ могутъ быть достигнуты выработка и распространеніе самыхъ подходящихъ для мѣстныхъ условій сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и т. п. (виленская губ.).

Та же мысль о необходимости центральной союзной организаціи, отсутствіе которой является причиной слабаго развитія кооперативныхъ учрежденій, и созданіе которой способно содѣйствовать процвѣтанію послѣднихъ, проводится и въ другомъ мѣстѣ „Трудовъ“, при чемъ какъ на органъ, который могъ бы объединить всѣ кооперативныя организаціи, указывается на „Императорское московское общество сельскаго хозяйства“ (тамбовская губ.).

Нѣкоторые видятъ причину слабыхъ успѣховъ кооперативнаго дѣла въ отсутствіи у нашихъ крестьянъ сознанія полезности кооперацій, что, въ свою очередь, объясняется пребываніемъ населенія въ томъ періодѣ культуры, когда антагонизмъ и недовѣріе другъ къ другу являются преобладающимъ элементомъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, исключая тѣмъ самымъ возможность плодотворнаго ихъ единенія. Эту причину способно устранить только время (рязанская губ.).

Другіе, не отрицая того, что сознаніе полезности кооперацій постепенно уже и теперь проникаетъ въ разнообразные слои населенія, видятъ серьезную причину слабыхъ успѣховъ коопе-

ративной идеи среди населенія въ отсутствіи „устойчиваго общенія“ (вологодская губ.), иначе говоря—глубокаго сознанія, что сила кооперацiи и залогъ ея процвѣтанія заключаются въ томъ, чтобы личными интересами въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать ради интересовъ общаго дѣла. Для успѣшнаго развитія кооперацій требуется такой уровень культурнаго, политическаго и гражданскаго развитія населенія, при которомъ у каждаго изъ участниковъ кооперацiи было бы ясное сознаніе, что интересъ общій долженъ преобладать надъ личнымъ. Къ сожалѣнію, большинство нашего сельскаго и городского населенія никакъ нельзя признать достигшимъ такого культурнаго уровня. Этимъ объясняются неудачи въ организацiи нашихъ кооперативныхъ учрежденій, даже въ томъ случаѣ, когда иниціативу и руководство этихъ предпріятій бралъ на себя интеллигентный классъ (екатеринославская губ.).

По взгляду нѣкоторыхъ, едвали не самою важною причиною неуспѣховъ кооперацiи въ Россіи является „окутывающее народъ до настоящаго времени невѣжество“ (минская губ.). Другіе выдвигаютъ въ разсматриваемомъ отношеніи на первый планъ слабое развитіе среди нашего населенія самодѣятельности (пермская губ.), которая, какъ извѣстно, есть главное основаніе всякой кооперацiи, и для развитія которой въ деревнѣ общія условія складываются все менѣе и менѣе благопріятно. Съ одной стороны, трудное положеніе сельскаго хозяйства можетъ остановить самаго предпріимчиваго отъ новыхъ начинаній, требующихъ затратъ и связанныхъ съ рискомъ; съ другой — общія условія жизни неспособны укрѣпить въ сельскомъ хозяинѣ довѣріе къ своимъ силамъ. Стѣсненіе самодѣятельности, ограниченіе иниціативы, урѣзываніе сферы дѣйствія въ той области, которая почти сорокъ лѣтъ назадъ была отмежевана обывателю,—все это не можетъ поддерживать въ населеніи энергію и способствовать подъему духа. Между общественнымъ дѣломъ и хозяйственною жизнью существуетъ тѣсная органическая связь, такъ какъ „не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ“. И потому — пока въ общественномъ дѣлѣ безпредѣльно господствуетъ система, въ силу которой „взрослые люди разсматриваются какъ несовершеннолѣтніе“, нельзя ожидать, чтобы тѣ же люди пріучились дѣйствовать смѣло и самостоятельно въ другой сферѣ дѣятельности. „Система недовѣрія и мелочной опеки не воспитываетъ предпріимчивыхъ людей; это—не такая школа, въ которой сельскій хозяинъ могъ бы научиться ходить на собственныхъ ногахъ. Когда деревенскому населенію, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ,

рекомендуется смѣлый полетъ, а въ качествѣ общественныхъ дѣятелей—все болѣе и болѣе подрѣзываются крылья, то получается непримиримое противорѣчіе, которое неспособно поднять энергію и пробудить иниціативу" (курская губ.). Соглашаясь съ вышеизложеннымъ и подтверждая, что настоящая дѣйствительность мало способствуетъ тому, чтобы у насъ могъ развиться вкусъ къ работѣ въ области кооперацій (харьковская губ.), нѣкоторые также полагаютъ, что для развитія кооперативныхъ учрежденій наша интеллигенція не имѣла никакой подготовки въ прошломъ. Въ частности, по отношенію къ крестьянскому населенію указывается на то, что „темнота, безправность и бѣдность" послѣдняго не могутъ создать благопріятныхъ условій для развитія среди этой части населенія кооперацій.

Весьма неблагопріятное на развитіе кооперацій вліяніе оказываютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ комитетовъ, особыя бытовыя условія нашего сельскаго сословія и обособленность его въ области гражданскаго права. И первыя, и вторыя не могутъ быть признаны обстоятельствами, благопріятными для возбужденія въ сельскомъ населеніи самодѣятельности и развитія кооперацій. Насколько отрицательное вліяніе на ростъ кооперацій долженъ имѣть нынѣшній крестьянскій общественный строй, видно уже изъ того, что онъ отличается слѣдующими общеизвѣстными характерными особенностями. Во-первыхъ, этотъ строй чрезвычайно мало гарантируетъ личную неприкосновенность отдѣльнаго лица, давая широкія дисциплинарныя права какъ властямъ, избираемымъ обществами, такъ равно и назначаемымъ отъ правительства. Во-вторыхъ, онъ построенъ на принципѣ полнаго подчиненія крестьянскаго самоуправленія единоличной административной власти. Наконецъ, въ-третьихъ, въ немъ дѣйствуетъ своеобразная форма сословнаго суда, имѣющаго право руководствоваться при разрѣшеніи гражданскихъ споровъ не писаннымъ закономъ, а обычаемъ, установленнымъ безъ формальной и тщательной провѣрки его существованія; въ дѣлахъ же уголовныхъ—особымъ, не распространяющимся на другіе классы населенія уставомъ о наказаніяхъ (нижегородская губ.).

Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій для развитія кооперацій нѣкоторые признаютъ также нашу общину, вѣрнѣе — существующій порядокъ землепользованія, такъ какъ только съ уничтоженіемъ черезполосицы можно ожидать серьезнаго развитія кооперативныхъ учрежденій (витебская, кіевская губ.). Однако, наряду съ этимъ другіе видятъ въ общинѣ готовый матеріалъ для вступленія массы крестьянъ на путь кооперативныхъ хозяйственныхъ отношеній (воронежская губ.).

Что касается обособленности сельскаго сословія въ области гражданскаго права, то, помимо сказаннаго, она выражается также и въ томъ, что въ настоящее время по закону „необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ имущество не подлежитъ продажѣ за частные и даже казенные долги". Практическое значеніе этого закона таково, что „разъ мужикъ не платитъ, то никакимъ судомъ съ него не взыщешь" (вятская губ.). При такомъ положеніи вещей, кооперації—особенно кредитныя кооперації—не могутъ существовать, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что предоставленный такимъ коопераціямъ кредитъ будетъ оправданъ (ковенская губ.).

Нѣкоторые объясняютъ слабые успѣхи кооперації въ Россіи недостаткомъ интеллигентныхъ руководителей. За послѣднее время стремленіе среди кустарей соединяться въ артели сказывается все чаще и чаще. Надвигающаяся фабрика все болѣе и болѣе убѣждаетъ ихъ въ невозможности работать въ одиночку. И кустари прекрасно понимаютъ, такъ сказать, теоретическое значеніе артели. Съ этимъ словомъ связывается у мужика представленіе о работѣ сообща при равноправности всѣхъ членовъ. Техническая сторона дѣла тоже не пугаетъ русскихъ рабочихъ: дѣло поставить они сумѣютъ. Но они чувствуютъ полное безсиліе организовать торговую сторону дѣла, счетоводство, отчетность, установить внутренній распорядокъ и устранить взаимное недовѣріе и раздоры. Трудно найти необходимыя деньги, не легче найти и „управителя". И они, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, ищутъ „варяга", который пришелъ бы править ихъ дѣломъ. Они рады образованному интеллигентному человѣку; готовы и оплатить его трудъ. Но интеллигенція не откликается, и артели попадаются въ руки „аблакатовъ", прогорѣвшихъ предпринимателей и т. п. людей, которые „въ худшемъ случаѣ прямо обворовываютъ артели, а въ лучшемъ — гнутъ свою линію" (нижегородская губ.).

Въ частности, неудачи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыхъ, какъ извѣстно, съ 1869 по 1903 годъ было учреждено 1.872, а дѣйствуетъ всего 844, объясняются также отсутствіемъ надлежащихъ руководителей и недостаткомъ живого контроля (повгородская губ.). Послѣднее, въ свою очередь, является слѣдствіемъ слабаго участія въ такихъ кооперативныхъ организаціяхъ интеллигентныхъ лицъ.

III.

По вопросу о значеніи кооперацій заключающіяся въ „Трудахъ“ мнѣнія отличаются сдержанностью. Въ огромномъ числѣ случаевъ нѣтъ не только преувеличенной оцѣнки той роли, которая принадлежитъ кооперації въ области народно-хозяйственной жизни, но скорѣе проглядываютъ сомнѣнія въ важномъ для Россіи значеніи кооперативнаго дѣла и въ необходимости его развитія.

Однако, среди отдѣльныхъ сужденій, нашедшихъ мѣсто въ „Трудахъ“, есть и такія, которыя проникнуты глубокой увѣренностью въ томъ, что коопераціямъ принадлежитъ въ настоящемъ и особенно въ будущемъ важная роль въ дѣлѣ улучшенія нынѣшнихъ экономическихъ условій жизни населенія. Основаніемъ для подобныхъ взглядовъ на значеніе кооперацій является свойственное послѣднимъ сотрудничество нѣсколькихъ лицъ въ видахъ достиженія общей для всѣхъ нихъ цѣли. Преимущество подобной совмѣстной работы, получаемые при этомъ условіи лучшіе результаты—являются настолько же несомнѣнными, насколько основателенъ совѣтъ: „бей кулакомъ, а не растопыривши пальцы“, или — насколько справедливо утвержденіе, что „двѣ собаки поймаютъ вмѣстѣ больше зайцевъ, чѣмъ четыре — порознь“. Вообще говоря, экономическое значеніе кооперацій ясно вытекаетъ изъ перечня тѣхъ многообразныхъ задачъ, которыя съ большимъ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены хозяевами именно при условіи объединенія ихъ въ кооперації. Среди этихъ задачъ слѣдуетъ упомянуть, между прочимъ: 1) удешевленіе для членовъ кооперацій предметовъ потребленія путемъ оптовой закупки товаровъ; 2) облегченіе для нихъ возможности пользоваться доступнымъ кредитомъ; 3) организація производства на кооперативныхъ началахъ; 4) улучшеніе условій веденія хозяйства путемъ совмѣстной покупки племеннаго скота, производителей и проч. (минская губ.); 5) организація взаимнаго страхованія отъ пожара, градобитія, эпизоотій и т. п.; 6) облегченіе производства меліоративныхъ работъ, какъ-то: осушенія, орошенія, лѣсныхъ насажденій, совмѣстнаго содержанія спеціалистовъ и проч. (витебская губ.).

Помимо этого, необходимо имѣть въ виду, что соединеніе хозяевъ всевозможныхъ (по ихъ имущественному достатку) категорій въ разнаго рода союзы можетъ не только способствовать уменьшенію расходовъ по веденію хозяйства и улучшенію жизни

вообще, но и благотворно вліять на организацію самаго хозяйства, повышая его производительность. Слѣдуетъ также помнить, что, благодаря кооперації, техническое развитіе промысла можетъ идти болѣе быстро и достигаемые имъ успѣхи могутъ оказаться болѣе значительными и прочными. Къ сказанному необходимо прибавить, что и посредничество между мелкими хозяевами и потребителями входитъ въ сферу дѣятельности разнаго рода кооперацій и союзовъ (витебская губ., тамбовская губ.), и потому—успѣшный ростъ кооперативнаго движенія имѣетъ весьма серьезное экономическое значеніе въ области народно-хозяйственной жизни и содѣйствіе его развитію представляется чрезвычайно важнымъ (полтавская губ.). Въ правильной организаціи разнообразныхъ союзовъ, основанныхъ на кооперативныхъ началахъ, заключается условіе экономическаго развитія страны не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, такъ какъ современная жизнь немыслима безъ существованія обществъ и товариществъ (минская губ.), и „внѣ ассоціаціонныхъ артельныхъ формъ все наше народное хозяйство не можетъ идти впередъ“ (тамбовская губ.).

Особенно важное значеніе представляетъ собою дѣятельность нѣкоторыхъ кооперацій,—между прочимъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ — въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ земскаго самоуправленія. Въ такихъ мѣстностяхъ эти общества, при условіи предоставленія имъ права самообложенія, могли бы являться органами, заботящимися, въ обширномъ смыслѣ слова, объ экономическомъ положеніи всего населенія (минская губернія).

Что касается собственно области сельскаго хозяйства, то объединеніе сельскихъ хозяевъ въ товарищества и союзы составляетъ самый вѣрный и „едва ли не единственный путь“ къ усовершенствованію техники сельскаго хозяйства, удешевленію производства, къ снабженію сельскихъ хозяевъ необходимыми для нихъ товарами наилучшаго качества и по самымъ доступнымъ цѣнамъ (виленская губ.). Вообще, въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства въ деревнѣ „первое мѣсто принадлежитъ кооперативнымъ организаціямъ, будутъ ли это союзы, артели или сельскохозяйственныя общества“ (владимірская губ.).

Важное значеніе кооперацій для сельскаго хозяйства само собою вытекаетъ изъ разнообразія тѣхъ цѣлей, которыя подобныя кооперації могутъ преслѣдовать. Кооперації въ деревнѣ могутъ возникать на почвѣ объединенія сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній или переработки сырыхъ матеріаловъ, равно какъ—съ цѣлью снабженія своихъ членовъ необходимыми въ хозяйствѣ орудіями и машинами (виленская губ.). Въ деревнѣ про-

падаетъ масса времени—на молотьбу цѣпами, за неимѣніемъ молотилокъ; на уборку урожая, въ виду отсутствія жатвенныхъ машинъ; на косовицу—вслѣдствіе отсутствія сѣнокосилокъ. При скудости капиталовъ въ деревнѣ неимѣніе названныхъ орудій, а также и другихъ, какъ-то: рядовыхъ сѣялокъ, сортировокъ и проч., могло бы быть устранено устройствомъ сельско-хозяйственныхъ кооперацій и союзовъ (курская губ.). Значеніе послѣднихъ въ этомъ отношеніи станетъ ясно изъ нижеслѣдующаго. Въ настоящее время примѣненіе усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ фабричнаго производства крайне затрудняется, во-первыхъ, тѣмъ, что нашъ крестьянинъ не рѣшается пріобрѣсти подобное орудіе путемъ его выписыванія, примѣрно, изъ Москвы, а во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ такія орудія нѣтъ возможности скоро ремонтировать въ случаѣ порчи. При условіи образованія кооперації или хозяйственнаго союза, можно было бы помочь и той, и другой бѣдѣ. Участники такого союза, предварительно рѣшивъ, какіе типы орудій имъ наиболѣе пригодны, по возможности пріобрѣтали бы орудія у одного и того же фабриканта, который, безъ сомнѣнія, предоставилъ бы при покупкѣ орудій значительныя льготы и снабдилъ бы купленные предметы въ широкихъ размѣрахъ запасными частями. Складъ для запасныхъ частей могъ бы быть устроенъ въ уѣздномъ городѣ или у одного изъ членовъ союза, живущаго въ наиболѣе удобномъ центральномъ пунктѣ. Фабрика дала бы запасныя части въ кредитъ и получала бы плату только за проданныя, пополняя запасъ по мѣрѣ его израсходованія (рязанская губ.).

Такъ какъ, при устройствѣ такого союза, орудія были бы на виду у крестьянина, то естественно, что онъ купитъ такое орудіе скорѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда за нимъ надо далеко ѣхать. Такимъ образомъ, союзы облегчили бы и упростили бы дѣло снабженія крестьянъ такими орудіями. Роль же союзовъ въ отношеніи устраненія затруднительности ремонта орудій, какъ одной изъ причинъ, неблагопріятно вліяющихъ на ихъ распространеніе, также совершенно ясна. Отдѣльно каждому хозяину непосильно держать дорогого мастера, знающаго въ совершенствѣ работу на сложныхъ машинахъ, ихъ свойства, ремонтъ, уходъ за ними и проч. Для нѣсколькихъ хозяевъ союза это было бы вполнѣ доступно (рязанская губ.). Такимъ путемъ была бы повышена сельско-хозяйственная техника, низкій уровень которой въ настоящее время сильно вліяетъ на упадокъ благосостоянія населенія.

Немаловажна также роль кооперації въ дѣлѣ организаціи

сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи кооперація можетъ имѣть на улучшеніе благосостоянія крестьянъ огромное вліяніе, такъ какъ даже временное соединеніе нѣсколькихъ крестьянъ для продажи сообща партіи хлѣба, даетъ имъ лишнюю копѣйку на пудъ (вологодская губ.).

Значеніе кооперацій въ области сельскаго хозяйства не ограничивается только-что изложеннымъ. На нихъ возлагаются серьезныя надежды въ смыслѣ повышенія культуры земледѣлія въ тѣхъ районахъ нашего отечества, гдѣ преобладаетъ общинное владѣніе землею. Главнѣйшія неудобства такого владѣнія, какъ извѣстно, заключаются въ невозможности обработывать значительное количество земли, лежащей подъ межами; въ затруднительности доступа къ нѣкоторымъ участкамъ, окруженнымъ чужою землею; въ невозможности, при узости полосъ, поперечнаго паханья; въ принудительности способа обработки и необходимости для всѣхъ членовъ общины вести однообразный сѣвооборотъ. Всѣ эти неудобства общины и вытекающія отсюда неблагопріятныя послѣдствія для сельскаго хозяйства могли бы быть устранены при условіи развитія общины въ кооперативный союзъ, который привелъ бы къ замѣнѣ уравнительнаго распредѣленія общинной земли совмѣстной ея обработкой на артельныхъ началахъ съ дѣлежомъ продуктовъ (новгородская, харьковская губ.). Благопріятное значеніе подобной эволюціи общины въ кооперативный союзъ тѣмъ болѣе велико, что ею были бы парализованы отрицательныя стороны дробленія земли, неизбѣжнаго въ общинѣ и съ теченіемъ времени все болѣе увеличивающагося. Это послѣднее обстоятельство является, между прочимъ, однимъ изъ важныхъ основаній для вывода о неизбѣжности превращенія общины въ кооперативный союзъ, подобно имѣющимся примѣрамъ однородной эволюціи мелкой земельной собственности въ жизни западной Европы.

Въ „Трудахъ“ приводятся по этому поводу данныя относительно великаго герцогства Люксембургскаго. Здѣсь землевладѣніе раздроблено до крайнихъ предѣловъ: средняя величина отдѣльнаго участка составляетъ около четверти десятины. При такомъ положеніи люксембуржцы раньше сильно тревожились чрезмѣрнымъ дробленіемъ земельной собственности; но въ послѣднее время они говорятъ: „мелкое землевладѣніе насъ раньше пугало, теперь оно является нашей силой“. Объясняется это объединеніемъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ различные сельско-хозяйственные и экономическіе союзы, изъ которыхъ самыми важными нужно считать товарищества землевладѣльцевъ для совмѣстной обра-

ботки земли. Организація этихъ товариществъ такова. Въ общую обработку поступаютъ только полевые участки. Они соединяются сначала въ одно цѣлое, послѣ чего вся земля по выработанному плану разбивается на поля. Вслѣдствіе этого масса земли, пропадавшей ранѣе подъ межами, а также на краяхъ полей и на углахъ (гдѣ хлѣбъ вытаптывается), становится производительною, а пахота легче и удобнѣе. Товарищество покупаетъ со скидкою минеральныя удобренія, машины, орудія и, если нужно, посѣвныя сѣмена. Полученный урожай обмолачивается на общественной молотилкѣ и, по выдѣленіи извѣстной доли на посѣвъ и личное употребленіе членовъ, продается оптомъ. Солома, полова и другіе побочные продукты, если они не продаются, распредѣляются между членами такъ же, какъ и деньги отъ продажи урожая. Развёрстка дѣлается сообразно долѣ участія каждаго въ общемъ имуществѣ. На обязанности каждаго хозяина лежитъ отвезти на общее поле извѣстное количество навоза и произвести ту или другую работу. Личная работа участниковъ для удобства переводится на деньги, и если одинъ изъ нихъ проработалъ меньше или больше, то работа уравнивается деньгами. Въ большинствѣ же случаевъ обработка дѣлается наемнымъ трудомъ. Хозяева по очереди исполняютъ роль надсмотрщиковъ, а остальное время занимаются въ своихъ усадьбахъ (садахъ, огородахъ, по молочному хозяйству и т. п.). Выгоды такого соединенія земель оказываются значительными; обработка земли улучшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается ея доходность. Количество живого и мертваго инвентаря и оборотнаго капитала—также сокращается, и выигрывается время при работахъ. То же, приблизительно, наблюдается и въ Вюртембергѣ.

Можно думать, что и у насъ въ Россіи общину ожидаетъ подобная же благотворная эволюція. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что тѣ отрицательныя стороны современной общины, которыя побуждаютъ нѣкоторыхъ отвергать возможность въ ея средѣ всякихъ прогрессивныхъ явленій въ области сельскаго хозяйства, представляютъ собою результатъ неправильнаго современнаго устройства нашей общины (воронежская губ.). Всякая организація,—говорится по этому поводу въ „Трудахъ“,—можетъ успѣшно дѣйствовать только въ извѣстныхъ, свойственныхъ ей по существу дѣла, границахъ, и границы эти не могутъ быть произвольно расширяемы безъ вреда для дѣла. Истина такого положенія, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ организацій—безспорна. Въ примѣненіи къ крестьянской земельной общинѣ—этому основному органу хозяйственнаго и

административнаго крестьянскаго самоуправленія—приведенная общая истина о предѣлахъ и границахъ, свойственныхъ каждому дѣлу, въ настоящее время вовсе не соблюдается. Общимъ Положеніемъ 1861 г. о крестьянахъ, сельское общество опредѣляется, какъ „небольшая, въ нѣсколько десятковъ дворовъ, группа крестьянъ-домохозяевъ", имѣющихъ общую земельную собственность; члены такой группы, по мысли законодателя, должны знать другъ друга почти столь же близко, какъ и члены одной родной семьи. Триста дворовъ составляютъ, по опредѣленію Положенія, уже не сельское общество, а цѣлую волость, состоящую изъ нѣсколькихъ обществъ и представляющую собою не хозяйственную, а исключительно административную единицу крестьянскаго управленія. Съ указаннымъ небольшимъ составомъ сельскаго общества соображена и предназначенная ему закономъ дѣятельность въ области крестьянскаго самоуправленія. Между тѣмъ, въ 1869 году дѣйствіе Общаго Положенія было распространено и на государственныхъ крестьянъ, но при этомъ за одно сельское общество были приняты такія села, населеніе которыхъ простиралось до тысячи, а нерѣдко и гораздо болѣе, надѣльныхъ душъ. Ожидать успѣшной дѣятельности такихъ крестьянскихъ обществъ, въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи, значило—ожидать невозможнаго; ожиданія эти, конечно, не оправдались,—и дѣятельность такихъ обществъ вызываетъ теперь много осужденій. Очень многіе недочеты въ нашей крестьянской средѣ объясняются именно этимъ кореннымъ извращеніемъ основного органа крестьянской общественной жизни—сельскаго общества; и потому судить по существующему положенію крестьянской общины о томъ, насколько она заключаетъ въ себѣ условія, при которыхъ можетъ идти успѣшно крестьянское хозяйство вообще и кооперативная дѣятельность крестьянъ въ частности, невозможно (воронежская губ.).

Факты современной дѣйствительности свидѣтельствуютъ какъ разъ обратное. И въ настоящее время нерѣдко наблюдается кооперативная обработка земли и даже извѣстенъ случай состоявшагося въ одномъ изъ сельскихъ обществъ приговора (правда, отмѣненнаго по жалобѣ меньшинства) о нераздѣльномъ пользованіи надѣльной землей съ общей обработкой и дѣлежомъ урожая по душамъ (вятская, пермская губ.).

Нельзя, однако, не замѣтить, что далеко не всѣ признаютъ возможность эволюціи общины въ кооперативный союзъ при настоящихъ условіяхъ. Приведенные выше факты ничего, будто бы, не доказываютъ. Примѣръ, въ западной Европѣ, развитія общины въ

кооперативный союзъ говоритъ лишь о полезности свободныхъ товариществъ, но не нашей общины, „связанной по рукамъ и ногамъ“ (курская губ.). Фактъ отмѣны—въ виду протеста меньшинства—приговора о нераздѣльномъ пользованіи надѣльной землею служитъ доказательствомъ отсутствія въ самомъ законѣ твердыхъ основаній для эволюціи общины въ кооперативный союзъ (пермская губ.). Если присоединить къ этому трудность разсчитывать на превращеніе въ кооперативный союзъ цѣлой общины и на возможность съ бо́льшей легкостью образованія артелей отдѣльныхъ хозяевъ (харьковская губ.), то придется признать, что, не возлагая чрезмѣрныхъ надеждъ на общину, какъ ячейку, изъ которой современемъ образуется кооперативная организація, необходимо подумать о томъ, чтобы облегчить для отдѣльныхъ членовъ общины образованіе кооперацій въ интересахъ сельскаго хозяйства. Между прочимъ, необходимо дать возможность отдѣльнымъ членамъ общества соединяться въ товарищества и сельско-хозяйственные союзы для веденія общаго хозяйства, установивъ, что сходъ въ силу закона обязанъ отводить землю для такихъ однообщественниковъ въ одномъ кускѣ (харьковская губ.).

IV.

Переходя къ изложенію имѣющихся въ „Трудахъ“ матеріаловъ относительно общихъ мѣръ, способныхъ содѣйствовать развитію кооперацій, слѣдуетъ прежде всего коснуться соображеній, высказываемыхъ по поводу законодательныхъ постановленій, регламентирующихъ въ настоящее время кооперативную дѣятельность. По мнѣнію нѣкоторыхъ, существующія законоположенія не препятствуютъ учрежденію кооперацій, и какія бы то ни было законодательныя реформы въ этой области излишни, „такъ какъ ст. 2133 законовъ гражданскихъ предоставляетъ полную свободу къ устройству всякаго рода кооперацій“ (псковская губ.). Но другіе съ этимъ не согласны; они указываютъ на тѣ затрудненія въ области кооперативнаго дѣла, которыя проистекаютъ отъ несовершенства нашего законодательства, и о которыхъ упоминалось выше, и настаиваютъ на необходимости изданія благопріятнаго для кооперативнаго дѣла и общаго для всѣхъ видовъ кооперацій законоположенія, на подобіе германскаго закона 1 мая 1889 г. о товариществахъ. Изданіе такого общаго закона, устранивъ стѣсненія при устройствѣ кооперацій, очевидно несовмѣстныя съ возможностью ихъ широкаго развитія, могло бы благопріятно

отразиться на ростѣ кооперативнаго дѣла. Теперь всякая самодѣятельность парализуется неувѣренностью каждаго, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, что ему будетъ разрѣшено, а на что онъ не можетъ разсчитывать (новгородская губ.). Въ настоящее время всякая полезная организація возникаетъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ уставъ каждаго учрежденія необходимо представлять на утвержденіе высшихъ правительственныхъ органовъ, что не можетъ не тормозить развитія кооперацій (вятская, калужская губ.).

Что касается тѣхъ принциповъ, на которыхъ долженъ быть построенъ проектируемый общій законъ о кооперативныхъ учрежденіяхъ, то большинство по этому поводу вовсе не высказывается. И лишь нѣкоторыми признается необходимымъ положить въ основу этого закона начала—1) всесословности, 2) устраненія какихъ бы то ни было ограниченій для вступленія въ члены кооперацій лицъ различныхъ національностей (волынская губ.), и даже 3) предоставленіе такимъ организаціямъ права обложенія населенія для полученія средствъ на мѣропріятія по сельскому хозяйству (таврическая губ.). Высказывается также пожеланіе о необходимости болѣе снисходительнаго отношенія законодателя къ кооперацiямъ въ вопросѣ обложенія ихъ дѣятельности разнаго рода налогами и сборами. Такъ, одни находятъ нужнымъ освободить кооперативныя учрежденія отъ гербоваго сбора (астраханская губ.) и оплаты пошлиною заключаемыхъ ими договоровъ (полтавская губ.); другіе считаютъ справедливымъ освобожденіе такихъ учрежденій отъ почтовыхъ сборовъ (минская губ.), особенно—по обязательной для нихъ корреспонденціи, адресуемой въ тѣ учрежденія, которымъ кооперацiи подвѣдомственны въ порядкѣ надзора. Третьи настаиваютъ на желательности освобожденія кооперацій, хотя бы на нѣсколько первыхъ лѣтъ послѣ ихъ учрежденія (херсонская губ.), отъ государственнаго промысловаго налога; наконецъ, четвертые находятъ подобный налогъ по отношенію къ разсматриваемымъ организаціямъ даже совершенно непримѣнимымъ.

Желательно, далѣе, изданіе законоположеній, благопріятныхъ для союзныхъ организацій разнаго рода кооперацій, такъ какъ объединеніе послѣднихъ въ союзы для достиженія совмѣстными усиліями тѣхъ цѣлей, ради которыхъ образовывались отдѣльныя учрежденія, должно быть признано однимъ изъ условій успѣшнаго развитія и роста кооперативныхъ учрежденій. Между прочимъ, признается полезнымъ, чтобы мелкія кооперативныя учрежденія, дѣйствующія въ уѣздѣ, объединились въ уѣздные цен-

тральные союзы (курская губ.), а затѣмъ—въ губернскія подобныя же учрежденія (синдикаты), которымъ слѣдовало бы предоставить право пользоваться въ государственномъ банкѣ кредитомъ въ формѣ учета векселей, и которыя исполняли бы заказы и порученія мелкихъ союзовъ (гродненская губ.).

Съ изданіемъ проектируемыхъ выше законоположеній, масса населенія получила бы возможность работать въ области кооперацій самостоятельно, безъ необходимости постоянно просить разрѣшенія сдѣлать то или другое (новгородская губ.).

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ объ изданіи благопріятнаго для кооперацій законодательства находится также вопросъ о необходимости измѣненія существующаго нынѣ порядка устройства кооперативныхъ учрежденій, въ цѣляхъ его облегченія. Въ этомъ отношеніи признается стѣснительнымъ примѣняемый нынѣ во многихъ случаяхъ порядокъ утвержденія уставовъ названныхъ учрежденій центральными органами и высказывается пожеланіе о томъ, чтобы утвержденіе такихъ уставовъ было передано на мѣста, при чемъ губернаторы могли бы утверждать эти уставы своею властью (виленская, таврическая губ.). Иные полагаютъ, что утвержденіе уставовъ тѣхъ кооперацій, которыя возникаютъ при содѣйствіи земства, могло бы быть предоставлено предсѣдателямъ земскихъ управъ (харьковская губ.), а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ—управляющимъ мѣстными учрежденіями государственнаго банка (орловская, харьковская губ.).

Не всѣ, однако, находятъ удобнымъ способъ открытія кооперативныхъ учрежденій путемъ разрѣшенія, получаемаго отъ мѣстныхъ властей и, между прочимъ, отъ губернатора. Требованіе непремѣнно получать такое разрѣшеніе есть безусловное стѣсненіе, на первый взглядъ не существенное, но могущее оказаться гибельнымъ для развитія мелкихъ союзовъ. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ дать свое разрѣшеніе, губернаторъ, желая предупредить возможность учрежденія—подъ видомъ кооперативнаго товарищества—какого-либо преступнаго сообщества, обыкновенно возбуждаетъ вопросъ о „благонадежности“ учредителей. Казалось бы, что послѣднее совершенно излишне, такъ какъ, съ одной стороны, проявленіе подъ видомъ кооперації организованной пропаганды въ деревнѣ мало-вѣроятно, а съ другой—если бы оно даже и было возможно, такая пропаганда обнаружится на другой день, и нѣтъ ничего легче, какъ пресѣчь ее въ самомъ началѣ. Но если даже допустить, что вопросъ о благонадежности учредителей представляется весьма существеннымъ, нынѣшній порядокъ его выясненія долженъ быть признанъ не-

удовлетворительнымъ, ибо возможны недостаточно обоснованные отказы въ разрѣшеніи на устройство кооперацiи. А между тѣмъ одинъ, другой случай неразрѣшенія мелкаго союза, предназначавшагося для дѣйствій среди сельскаго населенія—и дѣло можетъ быть убито въ самомъ началѣ. Оно и такъ идетъ не бойко: „несмотря на нормальные уставы, союзы не растутъ, какъ грибы“ (курская губ.). Въ виду всего сказаннаго, предъявленіе къ учредителямъ требованія получать на устройство кооперацій разрѣшеніе губернатора едва ли можетъ быть оправдано тѣмъ мотивомъ, что этимъ предупреждается возможность возникновенія какихъ-либо опасныхъ сообществъ. И потому, въ интересахъ развитія кооперативнаго дѣла, было бы желательно установить порядокъ, въ силу котораго для возникновенія сельскохозяйственныхъ союзовъ достаточно простого заявленія объ устройствѣ союза мѣстной полиціи съ сообщеніемъ ей списка учредителей и обязательствомъ представлять ежегодный отчетъ въ министерство (курская губ.).

Къ числу мѣръ, способныхъ содѣйствовать развитію кооперативныхъ учрежденій вообще, причисляется, между прочимъ, выработка для различныхъ видовъ кооперацій нормальныхъ уставовъ (астраханская, вятская губ.), причемъ къ участію въ разработкѣ такихъ нормальныхъ уставовъ полезно было бы привлечь представителей кооперативныхъ же учрежденій (гродненская губ.). Однако, нѣкоторые, не возражая противъ желательности выработки нормальныхъ уставовъ, полагаютъ, что наряду съ устройствомъ кооперативныхъ учрежденій по нормальнымъ уставамъ, необходимо также допускать устройство кооперацій по уставамъ, значительно отступающимъ отъ нормальныхъ (вятская губ.). Наконецъ, иные думаютъ, что вообще слѣдуетъ предпочесть такой порядокъ, когда каждое кооперативное учрежденіе образовывается по уставу, вполнѣ соотвѣтствующему мѣстнымъ условіямъ, ибо, чѣмъ болѣе товарищества примѣняются къ мѣстнымъ нуждамъ, тѣмъ дѣятельность ихъ будетъ болѣе полезна и цѣлесообразна (курляндская губ.). Вотъ почему мысль о выработкѣ нормальныхъ уставовъ для отдѣльныхъ видовъ кооперацій не всегда находитъ сочувствіе. Раздаются даже голоса противъ такихъ уставовъ въ виду того, что по самому свойству дѣла нормальными уставами, въ которыхъ опредѣляются малѣйшія подробности организаціи, „нельзя исчерпать всего разнообразія практической жизни“ (лифляндская губ.).

Другіе не придаютъ серьезнаго значенія изданію нормальныхъ уставовъ по нѣсколько инымъ соображеніямъ. По ихъ

мнѣнію, дѣло не только въ изданіи нормальныхъ уставовъ. Уставы эти имѣются и у ссудо-сберегательныхъ товариществъ, но земскіе начальники (какъ почти единогласно засвидѣтельствовано на съѣздѣ представителей этихъ товариществъ въ Москвѣ въ 1899 г.) —противъ этихъ учрежденій, и дѣло въ нихъ не идетъ. Выработанная Н. В. Левитскимъ форма договоровъ для земледѣльческихъ артелей существуетъ, но тѣмъ не менѣе дѣло это не идетъ. Не пойдетъ оно и съ изданіемъ новаго закона объ артеляхъ и не пойдетъ до того времени, пока не будутъ устранены неблагопріятныя для развитія кооперацій условія въ видѣ административныхъ препятствій (уфимская губ.).

Съ цѣлью устраненія административныхъ къ развитію кооперацій препятствій, признается полезнымъ учрежденіе въ деревнѣ особаго органа, на обязанности котораго лежала бы забота о поднятіи экономическаго благосостоянія населенія всевозможными способами, и который всецѣло и вполнѣ самостоятельно вѣдалъ бы всѣ общественныя и хозяйственныя дѣла извѣстнаго участка. Составъ такого органа долженъ быть выборный въ виду слѣдующихъ соображеній. Все, что касается интересовъ данной группы населенія, никому не можетъ быть болѣе дорого, какъ самому населенію, и потому всѣ хозяйственно-общественныя дѣла должны находиться въ рукахъ населенія, должны вѣдаться и исполняться его выборными представителями. Вмѣшательство администраціи въ такого рода дѣла можетъ быть допустимо лишь постольку, поскольку населеніе оказывается несостоятельнымъ въ исполненіи требованій правительства (уфимская губ.). Въ этомъ направленіи необходимо идти, и теперь же должно отдѣлить власть хозяйственную отъ власти административной.

При настоящемъ же положеніи вещей, когда земскій начальникъ можетъ не только не оказывать содѣйствія земской управѣ, являющейся исполнительницей постановленій земскаго собранія, но и прямо тормазить проведеніе въ жизнь того или иного мѣропріятія земства,—дѣло организаціи сельско-хозяйственныхъ союзовъ не пойдетъ, такъ какъ оно не можетъ существовать, съ одной стороны, безъ содѣйствія земства, а съ другой—безъ содѣйствія земскаго начальника. Но еслибы Положеніе о земскихъ начальникахъ было отмѣнено или измѣнено въ указанномъ выше смыслѣ, то проведеніе въ жизнь хозяйственныхъ союзовъ явилось бы вполнѣ возможнымъ (уфимская губ.).

Вообще, успѣшное развитіе кооперацій должно быть поставлено въ неразрывную связь съ проявленіемъ со стороны самого

населенія самодѣятельности, которую необходимо поощрять и воспитывать. Самодѣятельность въ экономической жизни не можетъ быть замѣнена самымъ разумнымъ, благожелательнымъ и безкорыстнымъ попечительствомъ (московская губ.), и безъ нея никакія кооперативныя начинанія невозможны (полтавская губ.). Къ числу мѣръ, способныхъ содѣйствовать проявленію такой самодѣятельности, должно быть прежде всего отнесено распространеніе въ народѣ свѣдѣній о преимуществахъ кооперативнаго труда и взаимопомощи. Этимъ цѣлямъ могли бы служить разнаго рода изданія, знакомящія населеніе съ успѣшными результатами дѣятельности кооперацій, а также мѣры, позволяющія населенію наглядно убѣдиться въ выгодахъ кооперативныхъ организацій (воронежская губ.). Слабою ознакомленностью населенія съ вопросами кооперации и желаніемъ пособить въ этомъ отношеніи горю объясняется также проектъ устройства періодическихъ—два-три раза въ годъ—съѣздовъ землевладѣльцевъ каждаго уѣзда, для обсужденія вопросовъ сельскаго хозяйства и ознакомленія съ пользою и дѣятельностью кооперацій. Такіе съѣзды могли бы содѣйствовать возникновенію послѣднихъ (кіевская губ.).

Въ цѣляхъ же возбужденія самодѣятельности населенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ представителей юго-западнаго края, было бы, между прочимъ, весьма желательно предоставленіе равноправности жителямъ этого края; по убѣжденію же другихъ—нужно полное уравненіе правъ крестьянъ съ другими сословіями. Благотворно отражаясь на развитіи личности крестьянина, а слѣдовательно и на большемъ проявленіи съ его стороны иниціативы, такое уравненіе правъ должно благодѣтельно подѣйствовать на подъемъ кооперативнаго движенія (псковская губ.). Развивая ту же мысль, иные утверждаютъ, что процвѣтаніе кооперацій возможно только тогда, когда будутъ пересмотрѣны существующія законоположенія о крестьянахъ; когда будетъ ограждена личность крестьянина, и онъ станетъ хозяиномъ не только въ собственной избѣ, но и въ мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ (самарская губ.). Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что развитіе кооперацій возможно лишь при учрежденіи всесословной волости и мелкой земской единицы (тамбовская губ.).

Въ тѣсной связи съ указанными мѣрами находится и необходимость повышенія уровня просвѣщенія народа. Кооперативное движеніе, столь нужное для успѣховъ земледѣлія, можетъ получить широкое развитіе только при наличности извѣстнаго уровня образованія населенія: только населеніе, способное понять значеніе общихъ интересовъ и принимать сознательное

участіе въ выполненіи общихъ дѣлъ, можетъ воспользоваться всѣми выгодами кооперацій (полтавская губ.). Отсюда вытекаетъ необходимость введенія обязательнаго всеобщаго обученія, какъ одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ поднятія уровня развитія населенія (астраханская губ.).

Въ „Трудахъ комитетовъ“ огромная роль въ дѣлѣ успѣшнаго развитія кооперацій вообще и возбужденія самодѣятельности населенія въ частности присвоивается нашей интеллигенціи. Только при условіи серьезныхъ съ ея стороны усилій можно достичь того, что народъ будетъ сознательно стремиться къ кооперативному движенію. Съ этою цѣлью интеллигенція должна побуждать народъ къ самодѣятельности, указывать ему болѣе вѣрные пути для облегченія его нуждъ при помощи кооперацій, а затѣмъ, когда народъ самъ убѣдится въ пользѣ послѣднихъ, облегчать ему устройство своей жизни на кооперативныхъ началахъ и являться его совѣтникомъ въ разныхъ затрудненіяхъ, которыя неизбѣжны въ такомъ трудномъ дѣлѣ (псковская губ.). Вотъ почему, въ интересахъ кооперацій, нельзя не пожелать, чтобы въ среду сельскаго населенія проникло большее, нежели въ настоящее время, количество интеллигентныхъ силъ. Громадная польза различныхъ кооперацій для сельскаго хозяйства будетъ понята населеніемъ только тогда, когда лица всевозможныхъ спеціальностей войдутъ въ крестьянскую жизнь и поднимутъ какъ предпріимчивость, такъ и общій уровень культуры (тамбовская губ.). И потому—прежде чѣмъ говорить о созданіи кооперацій, необходимо что-либо предпринять, чтобы дать возможность оставаться въ деревнѣ главнымъ работникамъ и руководителямъ предполагаемыхъ кооперацій; чтобы дать имъ возможность жить и работать на мѣстѣ съ пользою для себя и для другихъ. Тогда союзы и общества образуются сами собою (уфимская губ.).

Среди дальнѣйшихъ мѣръ къ развитію кооперацій указывается на желательность установленія тѣсной связи между кооперативными учрежденіями и земствами (орловская, самарская губ.). Такая связь могла бы прежде всего выразиться въ томъ, что земство взяло бы на себя иниціативу открытія всякаго рода кооперацій, являющихся однимъ изъ средствъ успѣшнаго выполненія возложенной на земства задачи улучшенія сельскаго хозяйства. Соприкасающееся съ населеніемъ многочисленными путями, земство пріобрѣло значительное его довѣріе, и ему легче принять на себя организацію такого широкаго дѣла, какимъ является кооперація (полтавская губ.). Подобная роль зем-

ства въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что другого пути нѣтъ, такъ какъ, при слабомъ развитіи грамоты среди крестьянъ отъ послѣднихъ нельзя ожидать самостоятельнаго признанія необходимости какихъ-либо культурныхъ улучшеній въ деревнѣ. Мечтать же о появленіи въ каждомъ уѣздѣ нѣсколькихъ интеллигентныхъ идейныхъ борцовъ съ вѣковою косностью было бы трудно, тѣмъ болѣе, что большинство нашихъ сельскихъ хозяевъ, за нѣкоторыми исключеніями, къ сожалѣнію, такъ плохо и неумѣло ведутъ дѣла въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ, что авторитетъ ихъ собственныхъ сельско-хозяйственныхъ познаній стоитъ очень невысоко среди окружающихъ ихъ крестьянъ. Вотъ почему земству, при помощи своихъ агентовъ-агрономовъ и наиболѣе отзывчивыхъ гласныхъ, необходимо взять насажденіе сельско-хозяйственныхъ кооперацій въ свои руки (владимірская губ.).

Независимо отъ изложеннаго, въ „Трудахъ“ высказываются многія соображенія относительно мѣръ, способныхъ содѣйствовать процвѣтанію кооперацій. Въ ряду этихъ мѣръ прежде всего необходимо упомянуть о важномъ значеніи для кооперативнаго дѣла съѣздовъ представителей, какъ кооперативныхъ учрежденій (минская, полтавская губ.), такъ и сельскихъ хозяевъ вообще (кіевская, симбирская губ.). Первые содѣйствовали бы правильной постановкѣ дѣла въ коопераціяхъ; вторые—могли бы вызвать къ жизни новыя кооперативныя организаціи.

Къ числу мѣръ, способныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, содѣйствовать развитію кооперацій, необходимо причислить превращеніе каждой волости въ отдѣльное товарищество. Членами такого товарищества должны быть всѣ мелкіе земельные собственники, вносящіе на образованіе средствъ, необходимыхъ для дѣятельности товарищества, подесятинные сборы. Руководительство на общихъ собраніяхъ такого товарищества могло бы взять на себя лицо изъ мѣстной интеллигенціи, компетентное въ области сельско-хозяйственныхъ знаній и достаточно знакомое съ мѣстными нуждами (минская губ.). Нельзя не замѣтить, что изложенная мѣра не вполнѣ согласна съ тѣмъ принципомъ кооперацій, которымъ отвергается принудительность при учрежденіи и образованіи ихъ, а также при опредѣленіи ихъ состава.

Затѣмъ, въ видахъ развитія кооперативныхъ товариществъ, нѣкоторые выражаютъ желаніе о распространеніи операцій такихъ товариществъ и на лицъ, не состоящихъ членами ихъ (владимірская губ.).

Нѣкоторые комитеты указываютъ также на необходимость

установленія наиболѣе согласныхъ съ интересами дѣла принциповъ, которыхъ слѣдуетъ придерживаться при рѣшеніи вопросовъ о способахъ формированія необходимыхъ для дѣятельности кооперацій средствъ. Въ этомъ отношеніи раздаются голоса противъ такого порядка формированія этихъ средствъ, когда члены кооперацій, независимо отъ степени зажиточности каждаго изъ нихъ, дѣлаютъ равные для каждаго взносы въ кассу товарищества. Признается болѣе справедливымъ такой порядокъ, когда каждый участникъ вноситъ въ кассу товарищества подесятинный сборъ, обыкновенно соотвѣтствующій его платежеспособности и степени значительности тѣхъ выгодъ, которыя получаются имъ отъ товарищества (минская губ.).

Наконецъ, высказываются предположенія, что развитіе кооперацій находится въ зависимости отъ болѣе дѣятельнаго проявленія иниціативы со стороны сельско-хозяйственныхъ обществъ, подъ руководствомъ которыхъ кооперации могли бы учреждаться и функціонировать. Для достиженія сельско-хозяйственными обществами въ этомъ направленіи большихъ успѣховъ, было бы желательно устраивать особые провинціальные сельско-хозяйственные отдѣлы (подольская губ.).

Вслѣдъ за г. Бородаевскимъ мы изложили причины слабаго развитія кооперацій въ Россіи, указали на значеніе кооперации и общія мѣры для развитія кооперацій, передавая мнѣнія различныхъ мѣстныхъ комитетовъ въ ихъ существенной части. Мы видѣли, какъ правильно поставленъ въ „Трудахъ комитетовъ“ діагнозъ слабаго развитія русскаго кооперативнаго движенія. Мы удовлетворимся этимъ и не будемъ останавливаться на различныхъ видахъ кооперации въ Россіи. Данныя комитетовъ въ этомъ отношеніи очень отрывочны, несмотря на причисленіе къ кооперации совсѣмъ не кооперативныхъ союзовъ (земскаго склада для сельско-хозяйственныхъ орудій, обществъ взаимнаго отъ огня страхованія, общества взаимнаго кредита въ Петербургѣ, рыбацкихъ дружинъ и т. д.), которыя г. Бородаевскій вслѣдъ за нѣкоторыми комитетами, а иногда и самостоятельно выдаетъ за истинныя кооперации.

В. Тотоміанцъ.

МАРКИЗЪ-ФИЛОСОФЪ

— Monsieur de Migurac ou le Marquis-philosophe, par *André Lichtenberger*. Paris, 1905.

Окончаніе *).

VIII.

Сидя въ тюрьмѣ, маркизъ де-Мигюракъ, охваченный пламеннымъ энтузіазмомъ, ощутилъ потребность излить его. Сострадательный тюремщикъ не отказалъ ему въ перьяхъ, бумагѣ и чернилахъ, и онъ поспѣшилъ выразить съ ихъ помощью накипѣвшія въ немъ чувства. Сначала рука его, непривычная къ подобному труду, плохо слушалась его, но затѣмъ вдохновеніе его одушевило самые пальцы, и онъ съ облегченіемъ принялся откладывать въ сторону груду исписанныхъ листовъ, заключавшихъ въ себѣ его размышленія.

Въ три мѣсяца онъ извелъ двѣ бутылки чернилъ, десять стопъ бумаги и исписалъ перья съ двухъ гусей. Онъ изливался безъ разбору: въ стихахъ и въ прозѣ, излагая свои мысли въ формѣ диссертацій, размышленій, философскихъ разсказовъ, посланій, аллегорій. Черезъ нѣсколько дней онъ съ большою легкостью подражалъ знаменитѣйшимъ, славившимся „элоквенціей“ энциклопедистамъ, и лишь по части орѳографіи маркизъ, какъ и подобало человѣку знатнаго происхожденія, навсегда остался слабъ. Зато въ своей „Одѣ“, посвященной Дидро, и въ своей „Похвалѣ добродѣтели“, въ своихъ „Размышленіяхъ по поводу

*) См. выше: май, стр. 292 и слѣд.

истинной природы человѣка" — онъ высказываетъ столько же вдохновенія, сколько чувствительности. Самымъ лучшимъ произведеніемъ его считается, однако, элегія на смерть матери. Онъ узналъ о кончинѣ маркизы Олимпіи, преставившейся на шестьдесятъ-седьмомъ году отъ рожденія, еще въ Германіи, но тогда ему было не до того, чтобы оплакивать ее. Лишь здѣсь, въ тюрьмѣ у него явилась потребность почтить ея память.

Кротость маркиза, смѣнившая его прежнюю необузданность, повліяла неожиданнымъ образомъ на смягченіе его участи; тюремщику пришло на мысль: не помѣшался ли узникъ, и онъ поспѣшилъ предупредить о томъ врача — мало знакомаго съ французскимъ языкомъ нѣмца. Врачъ явился къ нашему герою какъ разъ въ ту минуту, когда тотъ, объятый вдохновеніемъ, ходилъ большими шагами по своей комнатѣ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то непонятныя слова.

На предложенные ему вопросы г. де-Мигюракъ отвѣчалъ ангельскими улыбками и восклицаніями, въ которыхъ онъ пытался выразить происшедшую въ душѣ его перемѣну: подойдя къ окну, онъ призывалъ небо въ свидѣтели того, насколько она искренна. Затѣмъ, весь пылая священнымъ восторгомъ, онъ двинулся-было къ врачу, прося его передать ландграфу о его чувствахъ, но испуганный толстякъ, попятившись къ двери, поспѣшно захлопнулъ ее за собою. Заглянувъ въ отверстіе, продѣланное вверху двери, докторъ увидѣлъ, какъ узникъ посылалъ ему воздушные поцѣлуи въ доказательство того, что онъ не только на него не сердится, но еще благодаритъ его за гуманное исполненіе обязанностей врача.

Окончательно убѣдившись въ безуміи заключеннаго, докторъ составилъ въ этомъ духѣ свое донесеніе, пересланное начальнику тюрьмы, который отправилъ его секретарю по иностраннымъ дѣламъ, а тотъ въ свою очередь доложилъ обо всемъ ландграфу. Послѣдній только-что выигралъ сорокъ пистолей въ ландснехтъ и, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, рѣшилъ, что было бы неразумно держать всю жизнь на своихъ хлѣбахъ спятившаго съ ума дворянина. Поэтому онъ приказалъ, подкрѣпляя свои слова проклятіями, препроводить его за границу маркграфства и тамъ отпустить его на всѣ четыре стороны.

Результатомъ милостиваго распоряженія было появленіе въ каморкѣ заключеннаго четырехъ полицейскихъ чиновъ съ барономъ Штрумпфомъ, начальникомъ ихъ, во главѣ, оповѣстившимъ его о великой милости его свѣтлости и добавившимъ, что при первой попыткѣ вернуться сюда—онъ будетъ повѣшенъ.

Г. де-Мигюракъ, улыбаясь, поблагодарилъ суроваго тевтона и попросилъ засвидѣтельствовать ландграфу его признательность.

— Будучи несправедливо арестованъ, я могъ быть казненъ безъ суда; поэтому я благодарю его за все зло, котораго онъ не сдѣлалъ мнѣ; охотно я поблагодарилъ бы его и за добро, которое онъ непреднамѣренно сдѣлалъ мнѣ. Итакъ, выражая его свѣтлости признательность за свободу, возвращаемую имъ моему тѣлу,—свободы духа онъ не могъ лишить меня,—я шлю ему увѣреніе въ томъ, что лишь увѣренность быть заживо поджареннымъ въ другомъ мѣстѣ могла бы заставить меня переступить границу его владѣній.

Какъ ни велика была его философская покорность судьбѣ, голова маркиза закружилась при мысли о свободѣ: онъ уже заранѣе вдыхалъ благоуханіе полей и журчащихъ водъ, прохладу лѣсовъ, ароматъ пригрѣтаго солнечными лучами сѣна. Въ своемъ упоеніи онъ шагалъ по комнатѣ, не думая утирать слезъ, струившихся у него изъ глазъ. Но, замѣтивъ клѣтку съ желтенькими птичками, онъ ощутилъ укоры совѣсти.

— Какъ!—воскликнулъ онъ:—жестокій человѣкъ, ты былъ въ состояніи, ради собственной забавы, держать въ плѣну два невинныхъ существа, также имѣющихъ право на счастье?

Съ этими словами, маркизъ снялъ клѣтку съ крючка на потолкѣ, влѣзъ на табуретъ и открылъ дверцу изъ проволоки, но удивленныя птички забились въ уголъ клѣтки и не думали лѣтѣть. Маркизъ съ грустью подумалъ о паденіи народовъ, которые настолько угнетены игомъ деспотизма, что уже не могутъ цѣнить благъ свободы. Однако самый смѣлый изъ узниковъ чирикнулъ и вскочилъ на окно. Товарищъ послѣдовалъ за нимъ, и вдругъ, распустивъ крылья, оба поднялись и скоро исчезли среди листвы каштановыхъ деревьевъ. Маркизъ закрылъ окно и сошелъ съ табурета. Чистая радость наполняла его душу.

Не былъ ли этотъ поступокъ первымъ знаменательнымъ фактомъ его обновленной жизни, цѣлью которой будетъ борьба противъ предразсудковъ и стремленіе ко всеобщему благу? Онъ уже видѣлъ себя защитникомъ каждаго праваго дѣла, гонителемъ беззаконія, рыцаремъ разума и природы. Онъ заснулъ, и ему грезились чудные сны.

Онъ проснулся очень рано, и влѣзъ на табуретъ, чтобы взглянуть на небо. Неожиданное зрѣлище опечалило его: на каменномъ выступѣ окна лежали безжизненныя тѣла канареекъ. Онѣ вернулись умереть у своей темницы, въ которую не могли проникнуть.

Маркизъ огорчился этою катастрофой, но ему некогда было останавливаться на ней. Въ восемь часовъ утра за нимъ пріѣхала карета, доставившая его до границы. Тамъ онъ распростился съ своимъ конвоемъ и, получивъ отъ нихъ небольшую сумму денегъ, отправился въ Парижъ—единственный достойный его дѣятельности городъ.

IX.

Маркизъ де-Мигюракъ вернулся въ Парижъ уже не такимъ, какимъ впервые пріѣхалъ туда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: теперь это былъ человѣкъ, богатый опытомъ и философскими убѣжденіями, хотя и бѣдный деньгами, какъ въ быломъ. Онъ поселился въ улицѣ Pet au Diable, въ двухъ маленькихъ комнатахъ съ весьма грязнымъ входомъ. Обстановка его состояла изъ сносной кровати, двухъ стульевъ, твердаго на ножкахъ стола и двухъ сундуковъ: въ мéньшемъ заключалось его имущество, въ бóльшемъ—бумаги.

Маркизъ счелъ бы себя здѣсь счастливымъ человѣкомъ, еслибы могъ удовлетворить своей потребности въ обществѣ, еще болѣе увеличившейся вслѣдствіе пребыванія его въ тюрьмѣ. Насладившись созерцаніемъ столицы, онъ сталъ мечтать о доступѣ въ общество, къ которому, очевидно, его влекли новые его вкусы,—въ общество ученыхъ и мудрыхъ людей, распространяющихъ въ мірѣ съ помощью кисти или пера культъ добра и красоты.

Доступъ къ великимъ умамъ оказался, однако, значительно легче доступа къ сильнымъ міра сего. По наведеніи справокъ, оказалось, что они имѣютъ обыкновеніе собираться ежедневно въ кафѣ подъ вывѣскою „Сѣраго попугая“, гдѣ рѣшаютъ за пивомъ и оршадомъ главнѣйшіе вопросы морали и политики.

Не безъ робости переступилъ онъ порогъ этого Аполлонова логовища, въ которомъ куски грязной бумаги во многихъ окнахъ съ успѣхомъ замѣняли разбитыя стекла. Освоившись съ темнотою и облаками табачнаго дыма, маркизъ разглядѣлъ цѣлое сборище шумѣвшихъ и жестикулировавшихъ, одѣтыхъ въ черное оборванцевъ, въ которыхъ, прислушавшись къ ихъ рѣчамъ, можно было узнать литераторовъ. На воротникахъ ихъ одеждъ было больше пудры, чѣмъ на ихъ парикахъ, что̀ не мѣшало имъ громко пересмѣиваться и съ презрѣніемъ поглядывать на прочихъ посѣтителей.

Все это очаровало маркиза, и восторгу его не было конца, когда одинъ изъ нихъ — желтый, сухопарый, — поднявшись съ

мѣста, фальцетомъ продекламировалъ поэму, называвшуюся „Посланіе къ добродѣтели“. Онъ присоединился къ рукоплесканіямъ съ горячностью, обратившею на него вниманіе и вызвавшею улыбку на тонкія губы автора.

Тогда маркизъ отрекомендовался со свойственною ему граціей и попросилъ дозволенія занять мѣсто среди подобныхъ геніевъ.

Красивая наружность маркиза сразу расположила всѣхъ въ его пользу, а титулъ его втайнѣ польстилъ ихъ тщеславію. Г. Моттэ, желтый поэтъ, самъ налилъ ему стаканъ вина и произнесъ привѣтствіе; маркизъ, у котораго еще водились деньжонки, велѣлъ подать полдюжину бутылокъ, что пріятно удивило присутствующихъ и подтвердило сложившееся о немъ высокое мнѣніе.

Вино развязало языки, и маркизъ повѣдалъ кое-что изъ своей жизни; уступая просьбамъ, онъ даже продекламировалъ свою элегію, и г. Моттэ, среди общихъ рукоплесканій, обнялъ дебютанта, увѣривъ его, что онъ соединяетъ въ себѣ грацію Пирона съ глубокомысліемъ президента Монтескьё. Таково было вступленіе маркиза въ литературный кругъ, и хотя среди его сотоварищей не было ни Дидро, ни женевскаго гражданина, онъ, тѣмъ не менѣе, счелъ себя польщеннымъ ихъ пріемомъ.

Съ этого дня онъ повелъ приличествующій профессору образъ жизни: поздно вставалъ, проводилъ утро за писаніемъ, съѣдалъ въ какой-нибудь тавернѣ плохой обѣдъ, убивалъ часа два за перелистываніемъ новыхъ книгъ въ лавочкахъ книгопродавцевъ, прогуливался по бульвару, посѣщалъ какой-нибудь спектакль и, вернувшись домой, предавался вдохновенію, покуда не засыпалъ отъ усталости надъ бумагою.

Для того, чтобы считать себя настоящимъ литераторомъ, ему недоставало одного: появиться въ печати, но, по скромности своей, онъ не рѣшался обратиться къ издателю, да и самъ г. Моттэ совѣтовалъ ему подождать, покуда онъ не достигнетъ совершенства, что̀ неминуемо должно было случиться черезъ нѣсколько лѣтъ. Ему не удалось, однако, выждать до тѣхъ поръ, такъ какъ его влеченіе къ литературѣ и обнищаніе—шли рука объ руку. Онъ рѣшился, наконецъ, попытать счастья у мэтра Поммелара, обладавшаго привѣтливою наружностью и привлекательною женою, хотя со времени своего погруженія въ философію маркизъ охладѣлъ къ женщинамъ. Однажды онъ отнесъ издателю три тяжеловѣсныхъ рукописи, озаглавленныя: „О морали“, „Добродѣтельная куртизанка“, „Мысли космополита о

людоѣдствѣ", которыя тотъ согласился просмотрѣть лишь по просьбѣ своей жены, но печатать ихъ отказался. Маркизъ уже собирался разочароваться, когда толстякъ вернулъ его, чтобы предложить ему работу. M-lle Клоринда, знаменитая оперная нимфа, считая себя оскорбленной Эльвирою и Аглаею—двумя не менѣе славными куртизанками, пожелала отомстить имъ при помощи памфлета; но такъ какъ, изъ пренебреженія къ наукѣ, она не научилась писать, ей приходилось обратиться къ услугамъ сочинителя.

Первымъ движеніемъ маркиза было—отказаться отъ выполненія задачи, столь мало достойной его таланта, но прекрасные глаза г-жи Поммеларъ, выразившіе разочарованіе, подняли смуту въ душѣ его; а вознагражденіе въ размѣрѣ пятидесяти экю заставило его согласиться, такъ какъ въ карманѣ у него ихъ оставалось не болѣе трехъ.

Три недѣли спустя, памфлетъ его появился подъ заглавіемъ: „Вавилонскія нимфы" (переводъ съ ассирійскаго), и m-lle Клоринда позаботилась о его распространеніи, а m-lle Аглая, находившаяся подъ покровительствомъ полицейскаго офицера, возбудила преслѣдованіе противъ автора, книга котораго была конфискована, но продолжала продаваться тайкомъ по высокой цѣнѣ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что этотъ успѣхъ скандала порадовалъ нашего героя, и хотя за время своего десятилѣтняго пребыванія въ Парижѣ перу его не разъ пришлось изощряться въ этомъ жанрѣ, весь пылъ души своей онъ посвящалъ сочиненіямъ по части философіи и морали.

Г. де-Мигюракъ съ грустью сознается, что другія писанія его имѣли цѣлью—поддержать бренное его существованіе. Между тѣмъ, опытность маркиза въ любовныхъ дѣлахъ, его многочисленныя похожденія во Франціи и за границею—давали ему обильный матеріалъ для пикантныхъ романовъ, повѣстей, діалоговъ, появлявшихся подъ различными псевдонимами и обличавшихъ въ авторѣ большое знаніе дѣла и откровенность описаній.

Двѣ изъ книгъ были сожжены, и когда его впослѣдствіи упрекнули въ томъ, что онъ льститъ дурнымъ инстинктамъ вѣка, маркизъ отвѣтилъ брошюрою, въ которой оправдывался отъ обвиненія въ безнравственности: онъ рисовалъ порокъ лишь для того, чтобы выставить его въ самомъ гнусномъ видѣ. Маркизъ писалъ:

„Если перо мое останавливалось, порою, на грѣховныхъ описаніяхъ какъ бы съ нѣкоторымъ самоуслажденіемъ, вините въ

томъ не меня, но развращенность нашего времени. Каждый человѣкъ имѣетъ право на существованіе, но всеобщая грѣховность дошла до того, что человѣкъ съ сердцемъ можетъ существовать лишь на счетъ эксплоатаціи пороковъ того общества, которое породило ихъ. Читатели, покупайте добродѣтельныя книги автора-философа, и онъ не станетъ писать другихъ".

Слѣдуетъ добавить, что когда колесо фортуны снова вознесло г. де-Мигюракъ на высоту, онъ первымъ дѣломъ приказалъ скупить, дабы предать ихъ сожженію, самыя гривуазныя изъ своихъ брошюръ, и этимъ самымъ неимовѣрно поднялъ ихъ цѣну, доставивъ крупные барыши книготорговцамъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что авторская извѣстность маркиза была исключительно скандальнаго характера; его брошюра, обличавшая злодѣянія Людовика XV, въ которой онъ совѣтуетъ пригвоздить всѣхъ тирановъ къ порогамъ ихъ дворцовъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне съ летучими мышами,—имѣла большой успѣхъ и едва не привела автора въ Бастилію.

При помощи многихъ добродѣтельныхъ поступковъ г. де-Мигюракъ доказалъ, что философія его не была исключительно теоретической. Чѣмъ менѣе у него было денегъ, тѣмъ щедрѣе онъ раздавалъ ихъ; чѣмъ сильнѣе былъ у него аппетитъ, тѣмъ болѣе онъ воздерживался отъ ѣды. Когда онъ женился вторично, онъ на третій день измѣнилъ обожаемой женѣ въ силу того же принципа, что мудрецъ долженъ стоять выше всѣхъ искушеній и отвергать дарованныя ему судьбою преимущества. Однажды, выпивъ болѣе чѣмъ слѣдовало, онъ покачивался, выйдя изъ таверны, но напрасно пытались друзья увести его домой: онъ съ невѣроятною энергіей уцѣпился за дерево, росшее у порога проклятаго жилища, громовымъ голосомъ возвѣщая прохожимъ о томъ, до какой глубины паденія можетъ довести мудреца лишняя чарка вина. До поздняго часа ночи онъ неустанно доказывалъ толпѣ несовершенство человѣческой природы *даже* въ философѣ.

Помимо литературныхъ круговъ, маркизъ не замедлилъ пріобрѣсти извѣстность и въ двухъ-трехъ салонахъ; президентша де-Вернь и графиня де-Понтрюакъ были польщены его присутствіемъ при ихъ туалетѣ; дамы охотно слушали за ужиномъ его стихи и развиваемыя имъ философскія теоріи; самъ Дидро, съ которымъ онъ однажды ужиналъ у г-жи де-Леспинасъ, завѣрилъ его въ своемъ уваженіи. Когда онъ появлялся въ своей скромной черной одеждѣ съ бѣлымъ жилетомъ, въ пестренькихъ чулкахъ и туфляхъ съ серебряными пряжками, имя его переходило изъ устъ въ уста.

Въ кабачкѣ „Сѣраго Попугая“ онъ дѣлилъ главенство съ г. Моттэ, но зависть щадила его, благодаря его добродушію; въ немъ признавали умъ и чувствительность; сочинители не были оскорблены успѣхомъ маркиза, приписывая этотъ успѣхъ связямъ его въ высшемъ свѣтѣ.

Но неожиданная катастрофа еще разъ перевернула порядокъ его жизни.

X.

Со времени отъѣзда изъ Мигюрака, маркизъ, несмотря на постоянныя перемѣны мѣста, имѣлъ извѣстія отъ своихъ домашнихъ. Маркиза-мать и маркиза Изабелла не переставали писать ему, и содержаніе писемъ было всегда одно и то же. Первая своимъ прямымъ и твердымъ почеркомъ излагала ему положеніе дѣлъ, сообщала о своемъ здоровьи и просила его извѣстить ихъ о времени его возвращенія.

Письма молодой маркизы, писанныя дрожащею рукою, были сплошною мольбой. Пусть онъ снова займетъ въ замкѣ подобающее ему мѣсто; она сумѣетъ стушеваться, если ея присутствіе невыносимо для него; она винитъ себя во всемъ и умоляетъ его дозволить ей пересылать ему хотя часть доходовъ съ имѣнія.

Эти посланія всегда очень трогали маркиза; въ теченіе своей бурной жизни онъ раза четыре удосужился написать вдовствующей маркизѣ, чтобы завѣрить ее въ своемъ уваженіи, а также написалъ пять-шесть писемъ женѣ, въ которыхъ смиренно извинялся въ своемъ отвращеніи къ супружеской жизни, просилъ прощенія за причиненныя ей страданія, восхищался благородствомъ ея чувствъ, отказывался отъ денегъ, просилъ ее забыть несчастнаго и отдать сердце болѣе достойному любви ея предмету.

Эти письма получались маркизою съ восторгомъ, за которымъ слѣдовало еще большее уныніе. Ей случалось читать въ газетахъ о г. де-Мигюракъ и его похожденіяхъ, и она спрашивала себя: почему она была единственною женщиной, которую онъ не могъ полюбить? Нѣсколько разъ она готова была поѣхать къ нему: ей казалось, что она сумѣетъ найти слова, могущія убѣдить его; но врожденная робость не дозволила ей привести это намѣреніе въ исполненіе.

Она жила взаперти въ своемъ замкѣ; ухаживанія окрестныхъ дворянъ не трогали ее. Послѣ смерти мэтра Мориссо въ 1770 г., она сдѣлалась самою богатою женщиной во всемъ округѣ, но и

это было для нея совершенно безразлично. Она предпочитала всякому другому общество Магелоны, вскормившей Луи-Ликурга, старика Пьера и Жилля, ему служившихъ, и аббата Жуанò, уроками котораго онъ такъ мало воспользовался. Ея единственнымъ удовольствіемъ была щедрая раздача милостыни отъ имени маркиза и угощеніе деревенскихъ ребятишекъ, причемъ она съ горестнымъ и сладкимъ волненіемъ узнавала порою въ личикахъ Луизé или Терезонъ голубые глаза, форму носа, надменный изгибъ губъ Луи-Ликурга.

Мало-по-малу, какъ растеніе, лишенное солнца, она стала увядать, особенно послѣ смерти маркизы Олимпіи. Послѣ бѣгства Луи-Ликурга, общая ихъ любовь къ нему сблизила двухъ женщинъ, и маркиза Изабелла не уставала выслушивать разсказы маркизы Олимпіи о его дѣтскихъ годахъ.

Аббатъ Жуанò поспѣшилъ предупредить г. де-Мигюракъ о плохомъ состояніи здоровья его супруги, но или письма его затерялись, или маркизу некогда было прочесть ихъ.

Со времени появленія въ замкѣ докторовъ, ухудшеніе пошло быстрыми шагами. Предвидя свой конецъ, маркиза съ полнымъ спокойствіемъ послала за нотаріусомъ, и съ помощью аббата составила завѣщаніе. Послѣдніе дни она бесѣдовала со слугами и поселянами, раздавая имъ, по примѣру маркиза Анри, разныя вещицы на память. Они мяли въ рукахъ свои колпаки и уходили домой съ отуманенными глазами, увѣренные, что видѣли ангела.

Пріобщившись и крѣпко пожавъ руку аббату, она простилась съ домашними и попросила, чтобы ее оставили наединѣ съ Магелоной.

Старуха подала ей очень похожій миніатюрный портретъ, изображавшій Луи-Ликурга въ юности. Она устремила на него взоръ и тихо сказала:

— Разсказывай, Магелона!

И покуда старуха дрожащимъ голосомъ повторяла сотни разъ слышанные ею разсказы о дѣтствѣ Луи-Ликурга, тянувшагося ручонкою къ солнечному лучу, маркиза всматривалась въ лицо возлюбленнаго, изучая его черту за чертою: эти глаза, не желавшіе ее видѣть, уста, отказывавшіяся отъ ея поцѣлуевъ...

Вдругъ старуха вскрикнула; миніатюра выскользнула изъ рукъ маркизы и разбилась. Магелона подняла ее съ полу и хотѣла подать своей госпожѣ, но руки той были холодны: она скончалась незамѣтно нѣсколько минутъ тому назадъ.

Разбитый портретъ былъ положенъ къ ней въ гробъ; похо-

роны были, согласно ея желанію, самыя скромныя; только обитатели замка и поселяне со слезами проводили ее въ семейный склепъ.

Недѣлю спустя, маркизъ, вернувшись очень поздно послѣ веселаго ужина въ „Porcherons“, происходившаго въ обществѣ дѣвицъ Ланжъ, Парра и Омфали—знаменитыхъ нимфъ колизея, нашелъ у себя на столѣ объемистый пакетъ за нѣсколькими печатями, но такъ какъ въ головѣ у него сильно шумѣло послѣ шампанскаго, онъ распечаталъ его лишь поутру, за своимъ скромнымъ завтракомъ.

Первымъ выпало изъ пакета письмо аббата Жуанъ, извѣщавшаго его о смерти маркизы, назначившей своего супруга единственнымъ наслѣдникомъ всего своего состоянія. Въ другомъ конвертѣ заключалось письмо слѣдующаго содержанія:

„Маркизъ!

„Я желаю, чтобы послѣднія проявленія угасающей жизни были посвящены вамъ, какъ была посвящена вамъ вся моя жизнь—съ той минуты, какъ я васъ узнала. Я хочу поблагодарить васъ за доставленное мнѣ счастіе и испросить прощенія въ невольно причиненныхъ мною вамъ обидахъ. Вамъ не угодно было дозволить мнѣ жить рядомъ съ вами, потому вѣроятно, что я не была этого достойна и не могла стать на одномъ уровнѣ съ вами. Я нахожу нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что я въ точности исполнила вашу волю. Когда меня не станетъ, ничто уже не помѣшаетъ вамъ вернуться въ Мигюракъ или продолжать вести въ Парижѣ образъ жизни, болѣе соотвѣтствующій вашему имени. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мертвой въ томъ, въ чемъ, вслѣдствіе несравненной деликатности вашей души, вы отказывали мнѣ живой,—а именно—въ согласіи вступить во владѣніе моимъ имуществомъ, всегда принадлежавшимъ вамъ.

„Дозвольте мнѣ, маркизъ, поцѣловать вашу руку, такъ какъ тѣнь смерти уже омрачаетъ мои печальные глаза.

„О, почему вы не со мной! Смерть была бы такъ прекрасна! Но нѣтъ, тогда жизнь была бы такъ хороша, что у меня недостало бы силы умереть, а я должна умереть. Примите благословеніе и признательность вашей вѣрной и смиренной жены.

„Изабелла“.

Хотя маркизъ разстался съ женою двадцать лѣтъ тому назадъ, слезы полились изъ его глазъ на бумагу: вѣроятно, онъ былъ растроганъ покорностью, которою дышали эти строки, и сокрушался по поводу суровостей и капризовъ судьбы, омрачившихъ эту жизнь. Взвѣсивъ благородство души скончавшейся мар-

кизы, онъ рѣшилъ, что не долженъ ей уступить въ великодушіи, и, облобызавъ смоченную его слезами бумагу, воскликнулъ:

— Несравненная женщина, добродѣтели которой равны ея страданіямъ, да проститъ мнѣ твой прахъ, если я не исполню твоего желанія! Постоянство твоей любви даруетъ мнѣ богатство; постоянство моей чести повелѣваетъ мнѣ отвергнуть его.

Среди такихъ размышленій прошли часы, и г. де-Мигюракъ, замѣтивъ наконецъ, что онъ позабылъ пообѣдать, отправился въ таверну „Сѣраго Попугая“; душа его жаждала сочувствія, которое друзья его, узнавъ о постигшей его утратѣ, не преминули выразить въ самой трогательной формѣ. Руки всѣхъ потянулись ко вдовцу, и нѣкоторыя свѣтила Парнаса прижали его къ своей груди. Но когда, раскрывъ свою душу, онъ объявилъ друзьямъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ богатства, „зазорнаго для философа, возлюбленнаго природы и поборника равенства“, получился неожиданный эффектъ.

Маркизъ обвелъ собраніе взглядомъ, ожидая одобренія, и очень изумился, увидѣвъ опущенные взоры и встрѣтивъ смущенное молчаніе. Извѣстный діалектикъ, г. Камюсъ, пробормоталъ:

— Конечно... Конечно...

Но г. Леборнь, элегическій поэтъ, спросилъ развязно:

— Состояніе маркизы де-Мигюракъ было, кажется, значительно?

Маркизъ отвѣтилъ, что оно равняется двумъ-тремъ милліонамъ экю.

Среди собранія пробѣжалъ трепетъ, фигуры приняли торжественный видъ среди облаковъ табачнаго дыма, но маркизъ воскликнулъ съ улыбкою:

— Счастливъ человѣкъ, живущій согласно законамъ природы! Онъ не нуждается въ милліонахъ.

— Конечно!.. — повторилъ г. Камюсъ еще менѣе увѣреннымъ тономъ.

Но тутъ поднялся г. Моттэ, который, поставивъ стаканъ на столъ, проговорилъ выразительно:

— Да проститъ мнѣ нашъ знаменитый другъ, если я держусь, въ данномъ случаѣ, другого убѣжденія, и утверждаю, наоборотъ, что онъ обязанъ принять этотъ даръ.

Въ произнесенной имъ блестящей рѣчи ораторъ неопровержимо доказалъ, что г. де-Мигюракъ не выполнилъ своихъ обязанностей относительно своей супруги, и единственнымъ искупленіемъ съ его стороны является точное исполненіе ея предсмертной воли. Отчего мудрецъ долженъ избѣгать богатства? Не

простая ли въ такомъ стремленіи трусость, боязнь не устоять передъ искушеніемъ? Наоборотъ, философъ обязанъ доказать, что онъ стоитъ выше всѣхъ соблазновъ. Не отказомъ отъ богатства, но употребленіемъ его на служеніе великимъ цѣлямъ—поддержкѣ философіи, искусствъ и ихъ адептовъ—вотъ чѣмъ можетъ доказать г. де-Мигюракъ величіе души истиннаго философа.

Громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ эту рѣчь. Маркизъ напрасно пытался защищаться; къ полночи онъ уже не находилъ никакихъ аргументовъ въ свою пользу; наконецъ, рѣшившись довѣриться случаю, онъ бросилъ на воздухъ монету въ три экю; она упала королевскимъ изображеніемъ кверху, и профиль Людовика XV указалъ ему его долгъ: онъ будетъ богачомъ.

Маркизъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ и ушамъ, еслибы могъ замѣтить обмѣнъ насмѣшливыхъ взглядовъ и замѣчаній, сопровождавшихъ его уходъ; нѣкоторые изъ сотоварищей, не обинуясь, называли его лицемѣромъ и комедіантомъ.

Первою заботою маркиза было—заказать въ память своей супруги великолѣпный, превосходящій вкусъ простыхъ смертныхъ мавзолей, съ тѣмъ, чтобы поставить его не на ея могилѣ, а на кладбищѣ des Innocents. На пьедесталѣ изъ каррарскаго мрамора долженъ былъ красоваться бюстъ маркизы де-Мигюракъ, а по четыремъ сторонамъ пьедестала — трогательныя эмблемы вродѣ гирляндъ изъ розъ, сердецъ, пронизанныхъ стрѣлами, и пылающихъ факеловъ, а также медальоны съ выгравированными на нихъ стихами маркиза. Памятникъ предполагалось окружить серебряною рѣшеткою съ изображеніемъ амуровъ, геніевъ и пальмовыхъ вѣтвей, а по угламъ поставить четыре аллегорическихъ статуи: Любви, Добродѣтели, Философіи и Природы. Стоимость такого памятника должна была равняться ста тысячамъ ливровъ, и маркизъ, получившій нѣкоторую сумму въ счетъ наслѣдства, тотчасъ пригласилъ архитекторовъ, скульпторовъ, выписалъ мраморъ, заказалъ рѣшетку, но, къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили довести это дѣло до конца. Вниманіе маркиза не могло сосредоточиться на одномъ предметѣ, и ваятель, получившій въ уплату лишь часть денегъ, продалъ аллегорическія фигуры финансисту, причемъ, благодаря нѣкоторымъ измѣненіямъ, онѣ превратились въ изображенія Граціи, Сладострастія, Желанія и Наслажденія. Рѣшетка была доставлена и оплачена своевременно, но такъ какъ пьедесталъ оставался пустъ, то не для чего было ставить ее, и она провалялась на чердакѣ до тѣхъ поръ, покуда маркизу не понадобилось отправить ее въ закладъ,

чтобы купить для m-lle Фаншонъ, артистки итальянской оперы, чернаго гриффона, котораго она настоятельно требовала. Такимъ образомъ, мавзолей маркизы Изабеллы оказался состоящимъ изъ мраморнаго пьедестала, на которомъ даже не было вырѣзано ея имя, и въ этомъ видѣ онъ долго служилъ предметомъ изумленія для посѣтителей кладбища.

Въ нѣсколько недѣль маркизъ со свойственною ему легкостью уже перешелъ на положеніе богача и устроился въ нанятомъ имъ на улицѣ Saint-Honoré отелѣ, убранномъ со сказочнымъ великолѣпіемъ: вестибюль былъ украшенъ мозаикой, коринѳскими пилястрами, старинnымъ оружіемъ; въ салонахъ съ потолками работы Бушé стѣны исчезали подъ произведеніями кисти Грёза, Фрагонара, Ларжильера.

Когда выписанный маркизомъ аббатъ прибылъ въ Парижъ, г. де-Мигюракъ встрѣтилъ его разодѣтымъ въ шолкъ и серебряную парчу и съ нѣжностью обнялъ его, словно они разстались наканунѣ, а затѣмъ, показавъ ему свой дворецъ, тотчасъ же возвелъ его въ званіе главноуправляющаго. Обиліе гобеленовъ и обюссоновъ, золоченой, лакированной, инкрустированной мебели, бронзы, жирандолей, серебряныхъ издѣлій для украшенія стола—причинило аббату настоящее головокруженіе. На конюшнѣ стояло двѣнадцать лошадей, въ сараяхъ—нѣсколько дорогихъ экипажей. Многочисленные, одѣтые въ пунцовый бархатъ слуги толпились въ передней; о количествѣ ихъ можно судить по тому, что не менѣе четырехъ лакеевъ служило маркизу за первымъ его завтракомъ: одинъ держалъ шоколадницу, второй взбивалъ пѣну, третій подавалъ салфетку, а на обязанности метръ-д'отеля лежало наливать шоколадъ.

Къ аббату Жуанò, поселенному въ бѣлой съ золотомъ комнатѣ, былъ приставленъ для услугъ молодой негръ, по имени Заморъ, одѣтый въ тюрбанъ съ перьями и алый атласъ; аббатъ могъ отдѣлаться отъ него лишь подъ предлогомъ страха, внушаемаго ему этою черною рожей, похожею на ликъ самого діавола.

Аббатъ не удержался, чтобы не выразить маркизу своего изумленія по поводу того, что философъ понимаетъ роскошь и комфортъ совершенно такъ же, какъ понимаетъ ихъ финансистъ, но г. де-Мигюракъ, никогда не улавливавшій иронiи, принялся излагать ему съ полнымъ простодушіемъ теорію г. Моттэ. Философъ обязанъ не накоплять, но тратить деньги, оказывая поддержку художникамъ и давая заработокъ трудящемуся люду; онъ долженъ бодрствовать надъ впавшимъ въ бѣду геніемъ, исправлять

ошибки судьбы и, сдѣлавшись сотрудникомъ Провидѣнія, вести человѣчество по пути счастія и прогресса.

Мы приблизились къ наиболѣе блестящему періоду жизни г. де-Мигюракъ, сдѣлавшагося самымъ моднымъ человѣкомъ въ Парижѣ, гдѣ уже и ранѣе онъ былъ извѣстенъ оригинальностью своихъ похожденій, очаровательною любезностью и произведеніями своего пера. И теперь онъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность, вставая очень рано для того, чтобы безъ помѣхи заниматься по утрамъ. Онъ одѣвался сообразно сюжету: въ тѣ дни, когда онъ задумывалъ простое повѣствованіе, онъ облекался въ простыя ткани; когда же вдохновеніе увлекало его къ грандіознымъ темамъ, костюмъ его состоялъ изъ великолѣпнаго бархата и яркаго шолка; во время занятій философіей онъ предпочиталъ нѣжные, переливчатые тона, гармонирующіе съ философскими тонкостями... И занимался онъ, судя по настроенію, въ одномъ изъ трехъ кабинетовъ: голубомъ, золотистомъ или темномъ. Тамъ онъ проводилъ нѣсколько часовъ въ горнилѣ творчества, и двое секретарей едва успѣвали переписывать набѣло листы, испещренные его іероглифами. Послѣ этого онъ принималъ просителей, терпѣливо выслушивая всѣхъ и щедрою рукою раздавая пособія, но число посѣтителей такъ возростало, что вскорѣ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи своихъ секретарей, что̀ вызвало противъ него неудовольствіе.

Особенно интересовался онъ всякаго рода изобрѣтателями и роздалъ имъ, судя по реестру, заведенному аббатомъ Жуано̀, не менѣе двухъ-сотъ тысячъ экю. Аббатъ усиленно старался доказать ему съ помощью фактовъ, что своими щедротами онъ только потакаетъ безумнымъ фантазіямъ людей и мѣшаетъ имъ честно заработывать хлѣбъ. И лишь послѣ того, какъ четверо изъ его посѣтителей оказались въ домѣ умалишенныхъ, двое покончили съ собою, а трое алхимиковъ взорвали себя на воздухъ—рвеніе маркиза нѣсколько охладилось.

Послѣ своего пріема маркизъ присутствовалъ обыкновенно при туалетѣ какой-нибудь модной красавицы; онъ говорилъ о равенствѣ, держа на колѣняхъ болонку оперной весталки, или обличалъ пороки европейскихъ дворовъ въ кругу модныхъ франтовъ, не дерзавшихъ прервать его.

Обѣдъ маркиза отличался большою простотою, и онъ требовалъ отъ аббата и своихъ секретарей такой умѣренности въ пищѣ, что тѣмъ зачастую приходилось дообѣдывать у себя въ комнатахъ остатками ужина. Иногда къ столу подавались роскошныя блюда, но это дѣлалось для испытанія обѣдающихъ; дабы

напомнить имъ объ алчущихъ бѣднякахъ и пріучить ихъ такимъ образомъ къ воздержанію — кушанья уносились нетронутыми. Однажды младшій изъ секретарей, у котораго текли слюнки, стащивъ крылышко куропатки, принялся съ жадностью ѣсть его, но подавился костью, что̀ дало поводъ маркизу сказать великолѣпную обличительную рѣчь на тему о соціальной несправедливости, карающей бѣдняка, который съ голоду рѣшается на воровство.

Иногда маркизъ ѣздилъ кататься по Елисейскимъ-Полямъ и аллеямъ Longchamp, и тогда его богатый костюмъ гармонировалъ съ великолѣпнымъ экипажемъ; если же онъ отправлялся гулять, то надѣвалъ простое черное платье, круглый парикъ и шляпу à la Pensylvanie. День его оканчивался блестящимъ ужиномъ, на который приглашалось избранное общество. Этимъ ужинамъ, славившимся не только роскошью, но и оригинальнымъ вкусомъ—онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своею популярностью. Стараясь облагородить грубый актъ ѣды, маркизъ устроивалъ въ промежуткахъ пиршества художественныя интермедіи; невидимая музыка, ароматныя куренія—настроивали душу на возвышенный ладъ; иногда исполнялись сочиненные имъ же аллегорическіе балеты или танцы историческаго характера. Особенный успѣхъ имѣли ужины, даваемые маркизомъ въ честь какой-нибудь добродѣтели или философскаго принципа.

На праздникъ Невинности допускались гости, одѣтые исключительно въ бѣлые цвѣта̀. Залъ былъ обтянутъ бѣлой шолковой матеріей и кресла задрапированы бѣлымъ бархатомъ. На столѣ, убранномъ бѣлою сиренью, розами, лиліями, цвѣтами флёръ д'оранжъ, приборы изъ слоновой кости и фаянса замѣняли серебро. Лакеи въ бѣломъ разносили „бѣлыя“ кушанья: potage à la reine, тюрбо̀, пюрѐ à la crême, рисъ, телятину, сорбеты à la neige и т. п. Вмѣсто всякихъ другихъ напитковъ подавалось молоко, а также самое свѣтлое рейнское вино и сотернъ.

Участвовавшія въ пѣніи и танцахъ дѣвушки были одѣты въ бѣлыя льняныя ткани или въ костюмы ангеловъ съ лебедиными крыльями за спиною; полупрозрачныя волны газа едва прикрывали ихъ дѣвственныя тѣла̀, и въ такомъ видѣ онѣ являлись воплощеніемъ райскаго блаженства.

Въ pendant къ этому ужину маркизъ далъ пиршество въ честь Сладострастія, подробностей котораго мы не будемъ касаться; скажемъ только, что стѣны зала были расписаны миѳологическими сюжетами, живыя картины были того же содержанія, и костюмы воспроизведены были съ такою точностью, что персо-

нажи, которымъ полагалось предстать обнаженными — дѣйствительно предстали въ такомъ видѣ. Аббатъ Жуанò счелъ нужнымъ покинуть залу пиршества при четвертой перемѣнѣ, а маркизу, вѣроятно, пришлось бы имѣть объясненіе съ правосудіемъ, если бы изъ предосторожности онъ не пригласилъ самого главнаго прокурора и одну изъ любовницъ парижскаго архіепископа.

Самымъ замѣчательнымъ изъ его пиршествъ былъ, однако, праздникъ Равенства. Когда избранное общество заняло за столомъ свои мѣста, рядомъ съ каждымъ изъ гостей оказался незанятый стулъ, а на столѣ, вмѣсто обычнаго изобилія яствъ, виднѣлись одинъ лишь черный хлѣбъ, простая похлебка и вода. Маркизъ произнесъ рѣчь, въ которой, указывая на вѣковую несправедливость, пояснилъ, что безъ неустаннаго труда ихъ собратьевъ-бѣдняковъ, богачамъ пришлось бы довольствоваться подобною пищей. Затѣмъ онъ воскликнулъ:

— Братья, хотя на одинъ сегодняшній вечеръ я пожелалъ возстановить попранную справедливость и порадовать ваши сердцà зрѣлищемъ равенства.

При этихъ словахъ двери распахнулись, и въ залу хлынула, въ своихъ рабочихъ одеждахъ, или скорѣе лохмотьяхъ, толпа простонародья, занявшая свободныя мѣста. Такимъ образомъ, принцесса де-Крессанжъ оказалась сидящею между малымъ изъ виноторговли и калѣкою, собирающимъ милостыню у Pont des Arts, между тѣмъ какъ торговка съ лоткомъ, г-жа Меркюи, очутилась между принцемъ и академикомъ Томà.

Дабы разсѣять первое стѣсненіе, маркизъ съ жаромъ продолжалъ свою рѣчь, ссылаясь на авторитетъ церкви въ лицѣ аббата, и въ то же время любезно прислуживая своей сосѣдкѣ, такъ какъ съ появленіемъ новыхъ господъ появились изысканныя кушанья и вина, и въ концѣ концовъ, по приглашенію маркиза, всѣ довольно единодушно выпили за здоровье человѣчества.

Маркизъ открылъ балъ съ торговкою каштанами; къ тому времени исчезло всякое стѣсненіе, вино успѣшнѣе всего привело людей къ сознанію ихъ первоначальнаго равенства,—и г. де-Мигюракъ, съ влажными глазами, еле переводя духъ, былъ внѣ себя отъ восторга, видя танцующими въ парѣ супругу президента съ трубочистомъ, а визави имъ — совѣтника парламента съ селедочницей.

Вдругъ ужасающіе крики прервали веселье,—произошла катастрофа, доказавшая, что въ одномъ отношеніи аристократія стоитъ несомнѣнно выше плебея: она лучше переноситъ вино.

Опьяненный шампанскимъ, Шарлò, подмастерье портного, забывъ о томъ, что возвращенное ему равенство разрѣшаетъ ему протанцовать съ госпожею де-Кressанжъ, но не болѣе того,—пожелалъ воспользоваться своими преимуществами съ той стороны, которой намъ неудобно касаться. Знатная дама принялась испускать крики, несоотвѣтственные съ опасностью, которой она подвергалась, и принцъ, супругъ ея, обнаживъ шпагу, собирался проткнуть ею нахала. Но тутъ на него набросился носильщикъ, что̀ вызвало генеральное сраженіе.

Табуреты, канделябры, вазы, дорогіе приборы летали по столовой, превратившейся въ поле битвы, и маркизъ, принимая на себя удары обѣихъ враждующихъ сторонъ, напрасно пытался взывать къ нимъ о братствѣ между людьми.

Будучи болѣе предусмотрительнымъ, аббатъ Жуанò, получивъ по головѣ двумя тарелками и саладникомъ, послалъ за патрулемъ, явившимся очень кстати для того, чтобы разнять сражающихся.

Дворяне и буржуа отдѣлались нѣсколькими синяками и порванными платьями; что же касается до мéньшихъ братьевъ, они окончили ночь въ караульнѣ, а нѣкоторые изъ нихъ провели тамъ и слѣдующій день, будучи слишкомъ пьяны для того, чтобы вспомнить о своемъ мѣстожительствѣ.

Такъ окончился праздникъ Равенства.

XI.

Можно было бы подумать, что при такомъ образѣ жизни, мудро согласовавшемъ долгъ философа съ обязанностями свѣтской жизни, маркизъ—богатый и добродѣтельный—долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ. Однако, согласно отмѣткамъ аббата, его радостное настроеніе скоро приняло меланхолическій оттѣнокъ. Это слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ критикѣ, извращавшей всѣ поступки маркиза-философа въ десяткахъ бездарныхъ памфлетовъ. Но самое обидное было то, что среди этихъ писакъ находились его бывшіе друзья по „Сѣрому Попугаю“, съ г. Моттэ во главѣ. Будучи увѣренъ въ ихъ честности, маркизъ пришелъ къ убѣжденію, что, быть можетъ, дѣйствительно геній его попалъ на ложный путь, и потому въ одинъ прекрасный день онъ поѣхалъ объясниться съ ними.

Появленіе статуи командора менѣе поразило бы ихъ,—когда же г. де-Мигюракъ объяснилъ, что пріѣхалъ поблагодарить ихъ за безпристрастную критику и попросить совѣта, г. Моттэ, тщетно

пытавшійся укрыться за буфетомъ, пробормоталъ, что его знаменитый другъ плохо понялъ его отзывы, и поспѣшилъ ретироваться, извиняясь спѣшнымъ дѣломъ. Его примѣру послѣдовали и другіе: завѣривъ маркиза въ томъ, что талантъ его ничуть не идетъ на убыль, они покинули залу.

Маркизъ вернулся домой нѣсколько успокоенный; но каково было его горе, когда, два дня спустя, онъ прочелъ въ „Литературной газетѣ“ сатиру г. Моттэ на пастуха Алкида, разбогатѣвшаго эгоиста, желавшаго ослѣпить своихъ прежнихъ друзей роскошью своего экипажа и блескомъ ливреи. Аббатъ нашелъ его въ слезахъ надъ этою брошюрою и попытался объяснить ему, что измѣнился не талантъ его, а общественное положеніе, и прежніе друзья не прощаютъ ему того, что онъ не приглашаетъ ихъ къ себѣ. Маркизъ назвалъ его слова „клеветою на человѣческую природу“, но отравленная стрѣла сомнѣнія уже запала ему въ сердце. Онъ не могъ скрыть отъ себя, что его благія начинанія рѣдко увѣнчивались успѣхомъ, вызывая порою лишь иронію и приводя къ противоположнымъ результатамъ. Съ наступленіемъ сорокалѣтняго возраста, маркизъ все болѣе сталъ впадать въ сентиментальность и, воспылавъ внезапно страстью къ дѣвицѣ Маріи-Агнесѣ де-Виллькруа, которую впервые увидѣлъ на балѣ въ костюмѣ наяды, онъ сочетался съ нею въ 1783 г. законнымъ бракомъ.

Первые дни его брака были счастливѣйшими въ жизни маркиза, не устававшаго любоваться бирюзовыми глазками, жемчужными зубками и тонкой таліей молоденькой маркизы, только-что забросившей куклы, воспѣвать ее въ стихахъ и окружать безумною роскошью. Въ сущности, характеръ ея былъ очень простъ, но все-же слишкомъ сложенъ для пониманія философа. Она была счастлива, любя своего мужа, одѣваясь въ кисею и бывая разъ въ недѣлю въ оперѣ, и не желала бы ничего лучшаго, но такъ какъ онъ сразу возвелъ ее на недосягаемый пьедесталъ богини, она сочла бы себя несчастною безъ ежедневныхъ ужиновъ съ музыкою, блестящихъ выѣздовъ, пріемовъ и всѣхъ утонченностей роскоши и моды. Она попросила маркиза посвятить ее въ тайны философіи, что̀ привело его въ полный восторгъ, и вскорѣ, съ умѣньемъ женщины приспособляться, она уже разсуждала о собственности, политической экономіи и соціальномъ строѣ.

Никогда еще отель де-Мигюракъ не сіялъ такимъ блескомъ, но вскорѣ маркизу пришлось убѣдиться, что ничто не вѣчно подъ луною. Серьезный разговоръ съ аббатомъ, давно уже умо-

лявшимъ его сократить расходы въ виду неминуемаго разоренія, самымъ непріятнымъ образомъ напомнилъ ему его разговоръ съ матерью, послѣдствіемъ котораго была его женитьба на дѣвицѣ Изабеллѣ Мориссо. Заглушивъ вздохъ, онъ воскликнулъ:

— Аббатъ! прежде чѣмъ сдѣлаться бѣднымъ — я былъ богатъ, затѣмъ снова разбогатѣлъ и теперь вновь становлюсь бѣднякомъ, но я сумѣю перенести бѣдность. Мудрецъ стоитъ выше капризовъ фортуны.

— Конечно,—отвѣтилъ аббатъ Жуанъ, созерцая свой округленный животикъ, — но думаете ли вы, что маркиза де-Мигюракъ будетъ того же мнѣнія?

Маркизъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ, поднялся съ мѣста и величественно произнесъ:

— Я сейчасъ же въ томъ удостовѣрюсь.

Онъ засталъ маркизу за туалетомъ. Передъ нею на геридонѣ изъ перламутра стояло зеркало, поддерживаемое серебрянымъ амуромъ; своимъ тонкимъ пальчикомъ она деликатно наклеивала себѣ мушки: „страстную“—въ углу глаза, „любезную“—по срединѣ щеки и „любопытную“—у подбородка.

Къ заявленію супруга, сдѣланному весьма неувѣреннымъ голосомъ, она отнеслась съ испугомъ, смѣшаннымъ съ подозрѣніемъ: „не сошелъ ли онъ съ ума?“ Г. де-Мигюракъ почувствовалъ укоры совѣсти, но не въ его характерѣ было—сокрушаться о быломъ; поэтому онъ поспѣшилъ изложить родившійся въ его плодовитомъ умѣ замыселъ. Они наймутъ домикъ въ Отёйлѣ или въ Сюренъ, съ тѣмъ, чтобы вести тамъ мирную пастушескую жизнь, къ которой она сама когда-то стремилась. Нѣкоторые вѣрные друзья, конечно, не покинутъ ихъ. Аббатъ Жуанъ, г. де-Кадріо, напримѣръ...

— Господинъ де-Кадріо,— сказала Марія-Агнеса съ загадочной улыбкой, и ея омрачившееся-было личико прояснилось.

Г. де-Кадріо былъ 24-хъ-лѣтній молодой человѣкъ, съ жаромъ изучавшій философію; онъ уходилъ изъ отеля де-Мигюракъ по утрамъ лишь для того, чтобы возвращаться туда каждый вечеръ. У него былъ очень бѣлый цвѣтъ лица, стройная фигура, обращеніе его отличалось смѣсью мягкости и отваги.

— Вѣроятно, съ нами будетъ и господинъ Боманэ,—продолжалъ маркизъ.

— Господинъ Боманэ?—снова улыбнулась маркиза.

Г. Боманэ, былъ толстякъ лѣтъ пятидесяти, обогатившійся ажіотажемъ, принятый въ высшемъ кругу и сватавшійся когда-то за m-lle де-Виллькруа. Потерпѣвъ неудачу, онъ, тѣмъ не менѣе,

сдѣлался преданнымъ поклонникомъ маленькой маркизы и другомъ ея мужа, сочувствовавшаго своему несчастному сопернику.

Маркизъ продолжалъ все съ бо́льшимъ жаромъ развивать свою мысль.

— У меня будутъ овечки,—говорила Марія-Агнеса, дѣлая бантикъ изъ своихъ розовыхъ губъ, а маркизъ, настолько увлекшійся своимъ проектомъ, что теперь онъ, пожалуй, пожалѣлъ бы, еслибы состояніе оказалось неутраченнымъ, настаивалъ на томъ, чтобы она сегодня же вечеромъ перегозорила съ гг. де-Кадріо и Боманэ.

— Если вы этого желаете...—проговорила маркиза де-Мигюракъ, опуская рѣсницы.

И когда маркизъ вышелъ, поцѣловавъ съ восторгомъ ея ручку, маркиза, доставъ изъ эмальированнаго ящика послѣднюю мушку, называвшуюся „наглой“, наклеила ее себѣ сбоку почти у самаго носика.

Два мѣсяца спустя, маркизъ съ маркизою, аббатъ Жуанò, гг. Боманэ и де-Кадріо поселились въ домикѣ въ Отёйлѣ, стоявшемъ среди густого сада, гдѣ имѣлись боскеты, прудъ, двѣ статуи нимфъ и цвѣты. На лугу паслись хорошо вымытые и причесанные барашки, кудахтали курицы-кохинхинки, а въ водѣ плескались утки.

Маркиза въ корсажѣ изъ розоваго сюра̀, въ голубой короткой юбкѣ, съ посохомъ, украшеннымъ лентою въ рукахъ, сама кормила это интересное стадо при помощи г. Боманэ, тоже одѣтаго пастушкомъ, между тѣмъ какъ г. де-Кадріо, принявшій на себя должность главнаго садовника, ухаживалъ за цвѣтами, собственноручно составляя букеты для маркизы. Аббатъ попрежнему сохранялъ за собою управленіе домомъ, а маркизъ, любуясь этою идиллическою картиною, прославлялъ перомъ прелесть аркадской жизни—простой и добродѣтельной, что̀ не замедлило привлечь толпу посѣтителей, всегда уѣзжавшихъ изъ Отёйля подъ самымъ восторженнымъ впечатлѣніемъ. Но эти мирные дни, на которыхъ любитъ останавливаться аббатъ Жуанò въ своихъ „Мемуарахъ“, окончились неожиданною катастрофою.

Однажды маркизъ, вернувшись изъ Парижа, куда ему пришлось съѣздить по дѣлу, встрѣтилъ г. де-Кадріо, все еще одѣтаго садовникомъ, но краснаго, растрепаннаго, съ нахмуренными бровями. Завидѣвъ маркиза, онъ издали закричалъ ему:

— Не объясните ли вы мнѣ, маркизъ, куда дѣвались маркиза и господинъ Боманэ?

Маркизъ отвѣтилъ спокойно, что, вѣроятно, они уѣхали кататься; аббатъ, къ которому тоже обратились по этому поводу съ вопросомъ, глубоко вздыхалъ и отвѣчалъ уклончиво: „маркиза уѣхала съ финансистомъ въ девять часовъ утра и не сказала, когда вернется“. Несмотря на свою безпечность, маркизъ ощутилъ тревогу.—Не случилось ли съ ними чего-нибудь?

Но побагровѣвшій г. де-Кадріо свирѣпо воскликнулъ:

— Случилось!.. Случилось!.. Неужели, маркизъ, вы не видите, что вы...

Деликатное перо аббата Жуанò не передаетъ грубое мольеровское слово, сорвавшееся съ его устъ. Даже воспоминаніе маркиза о двухъ дюжинахъ написанныхъ имъ противъ дуэли брошюръ—не помѣшало бы пролитію человѣческой крови, еслибы аббатъ не поспѣшилъ сказать г. де-Мигюракъ, который, казалось, былъ близокъ къ сумасшествію, что маркиза оставила для него въ своемъ будуарѣ письмо. Растолкавъ надушенныхъ барашковъ, г. де-Мигюракъ ринулся туда и прочелъ это письмо. Вотъ что въ немъ заключалось:

„Маркизъ!

„Обѣтъ, превратившійся въ пустую формальность, не можетъ связывать на всю жизнь. Я не могла остаться нечувствительной къ великимъ достоинствамъ г. Боманэ. Ваша философія настолько глубока, что вы не станете осуждать меня за то, что я рѣшила послѣдовать за этимъ щедрымъ и великодушнымъ человѣкомъ, который можетъ доставить мнѣ достойное моего рода существованіе. Съ искреннею признательностью за вашу доброту, остаюсь вашею покорнѣйшею слугою.

„Марія-Агнеса“.

Г. де-Мигюракъ читалъ и перечитывалъ эти строки, задыхаясь отъ гнѣва. Онъ машинально перевернулъ страницу и увидѣлъ сдѣланную дрожащею рукою приписку:

„Надѣюсь, вы не будете страдать изъ-за меня“.

Онъ сразу опустился въ кресло, и слезы полились изъ его глазъ; онъ ощущалъ въ сердцѣ физическую боль. Солнце заходило, и послѣдніе лучи его озаряли вещицы, украшавшія будуаръ, куда она больше не войдетъ; онъ слышалъ, какъ звенѣли колокольчиками возвращавшіеся домой барашки.

Дверь отворилась, вошелъ аббатъ; онъ поглядѣлъ на своего питомца добрыми, ласковыми глазами и, сѣвъ возлѣ него, взялъ руку, которую тотъ протянулъ ему. Маркизъ нѣсколько разъ пытался заговорить, но не могъ. Аббатъ откашлялся и прошепталъ голосомъ, полнымъ состраданія.

— Не поужинаете ли вы немного?

За ужиномъ ни до чего не дотрогивавшійся маркизъ спросилъ, поднявъ глаза:

— Аббатъ, вы знали?..

Тотъ пожалъ плечами; г. де-Мигюракъ жаждалъ разспросить его, ему вспоминались разныя подробности, на которыя онъ раньше не обращалъ вниманія, но странная сдержанность останавливала его. Вдругъ онъ замѣтилъ, что г. де-Кадріо съ ними нѣтъ. Хотя онъ въ весьма грубой формѣ возвѣстилъ ему о несчастіи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ поститься.

— Г. де-Кадріо покинулъ этотъ домъ; завтра онъ пришлетъ за своими вещами,—отвѣтилъ аббатъ, дѣлалъ видъ, что пытается соскоблить пятнышко со скатерти.

Тутъ маркизу вспомнилось необычайное волненіе, съ какимъ отнесся г. де-Кадріо къ его горю, ярость молодого человѣка, его слова...

— Аббатъ,—прошепталъ маркизъ,—посмотрите мнѣ въ глаза. Возможно ли, чтобы и г. де-Кадріо?..

Аббатъ, барабанившій пальцами по столу, глубоко вздохнулъ:

— Велико женское хитроуміе, и я солгалъ бы, утверждая, что вы одинъ пострадали отъ преступнаго дѣянія г. Боманэ.

Маркизъ откинулся со стиснутыми зубами на спинку кресла; рой отчаянныхъ мыслей кружился у него въ головѣ. То ему хотѣлось преслѣдовать бѣглецовъ, уничтожить г. Боманэ, силою водворить въ своемъ домѣ Марію-Агнесу, затѣмъ—вызвать на дуэль г. де-Кадріо. Но тутъ же его охватывалъ стыдъ за свою деспотическую ревность: вѣдь Марія-Агнеса была ребенкомъ, когда онъ женился на ней, а теперь онъ не можетъ предложить ей даже богатства. Словно во снѣ онъ услышалъ голосъ аббата, звавшаго его на прогулку, поднялся было съ мѣста, но въ глазахъ у него потемнѣло, и онъ безъ чувствъ упалъ на полъ.

Утромъ, увидѣвъ аббата у своего изголовья, онъ сказалъ съ несвойственной ему горечью:

— Удивляюсь вамъ, аббатъ! Сколько времени вы прожили въ моемъ домѣ, и ни разу не попытались мнѣ измѣнить.

— Милое дитя,—отвѣтилъ тотъ благодушно,—изгоните изъ вашей памяти достойное сожалѣнія, омрачившее вашу жизнь. Не думайте о лукавой и непостоянной женщинѣ...

— Вы правы,—сказалъ маркизъ,—но я не позволю осуждать г-жу де-Мигюракъ; я не имѣлъ права связывать ея цвѣтущую молодость съ закатомъ моихъ зрѣлыхъ лѣтъ. Она остается для меня благороднѣйшей изъ женщинъ.

Послѣ небольшой паузы аббатъ освѣдомился у маркиза о томъ, что онъ намѣренъ предпринять. Ликвидація его дѣлъ, порученная г. Боманэ, дала самые печальные результаты, что было рѣшено скрыть отъ маркиза; хозяйство велось на средства финансиста, отчасти—г. де-Кадріо; домъ былъ нанятъ на полгода. Маркизъ быстро сообразилъ:

— Такъ какъ г. Боманэ, воспользовавшись моимъ довѣріемъ, похитилъ у меня супругу, никто не станетъ осуждать меня за то, что я воспользуюсь его домомъ, покуда не приду къ какому-нибудь рѣшенію.

И приказавъ аббату отпустить, за исключеніемъ старой кухарки, всѣхъ слугъ, онъ снова заснулъ.

Обязанности аббата по управленію домомъ значительно упростились; и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль отёйльскіе отшельники питались барашками и кохинхинскими курами, а также—овощами и плодами изъ своего сада.

Между тѣмъ извѣстіе о несчастіи маркиза привлекло въ Отёйль массу любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть, какъ онъ переноситъ его. Преобладающимъ побужденіемъ ихъ было, конечно, злорадство, но, несмотря на убѣжденіе аббата, маркизъ, какъ истинный философъ, никому не отказывалъ въ пріемѣ. За эти нѣсколько лѣтъ онъ, однако, сильно измѣнился: волосы его посѣдѣли, глаза утратили блескъ, но энергія его оставалась непоколебимой. Бездѣйствіе и печаль тяготили его; онъ начиналъ задыхаться въ этой атмосферѣ испорченности и коварства, и тогда-то у него созрѣлъ изумительный планъ, который, независимо отъ всего остального, могъ бы обезсмертить его имя: онъ рѣшилъ эмигрировать въ страны, еще не тронутыя отравою цивилизаціи и населенныя людьми, которыхъ называютъ дикарями, хотя въ первобытной невинности своей они гораздо менѣе дикари, нежели европейцы. Рѣшеніе маркиза было сообщено въ 1787 году газетою „Mercure de France“ и произвело громадное впечатлѣніе, почти равное сенсаціи, вызванной дѣломъ объ ожерельѣ королевы или первымъ представленіемъ „Женитьбы Фигаро“. Его брошюра „Прощаніе философа съ развращенною Европою“ читалась нарасхватъ. Сама королева пригласила его въ Тріанонъ и бесѣдовала съ нимъ болѣе получаса. Она была въ простомъ перкалевомъ платьѣ, бѣлой косынкѣ и соломенной шляпѣ; возлѣ нея рѣзвились на лугу два ягненка, что напомнило маркизу его невѣрную Марію-Агнесу. Королева милостиво дала ему поцѣловать свою руку и пожелала добраго пути. Проводы маркиза были торжественны, и нѣсколько дней спустя

онъ уже чувствовалъ себя какъ дома на фрегатѣ „La Reluisante“, назначенномъ въ дальнее плаваніе въ водахъ Тихаго океана.

XII.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ ничего не было слышно о маркизѣ, и лишь весною 1792 г., совпавшею съ составленіемъ жирондистскаго министерства, съ марсельскими безпорядками и первыми неудачами французской арміи въ Бельгіи—въ одной изъ бордоскихъ газетъ промелькнуло извѣстіе о возвращеніи г. де-Мигюракъ. По счастливой случайности, намъ попался въ руки морской журналъ Маріуса Корселада, командира трехмачтоваго корабля „La belle Bordelaise“, на долю котораго выпала слава возвратить Франціи одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея сыновъ. Вотъ отрывокъ изъ него, помѣченный 25-мъ ноября 1791 г., съ берега Новой Гвинеи.

„Передавъ командованіе судномъ суперкаргу Жану Линудэ изъ Поильяна, я приказалъ спустить лодку и занялъ въ ней мѣсто вмѣстѣ съ экипажемъ, состоявшимъ изъ дюжины хорошо вооруженныхъ, въ виду встрѣчи съ дикарями, людей. Послѣ получасового плаванія, мы причалили къ берегу: шестеро изъ насъ остались въ лодкѣ; шестеро другихъ, подъ моимъ начальствомъ, отправились на поиски источника.

„Вскорѣ на опушкѣ тропическаго лѣса мы наткнулись на возмутительное зрѣлище: земля была усѣяна трупами дикарей, ставшихъ, вѣроятно, жертвами враждебнаго племени. Мы уже собирались вернуться къ лодкѣ, какъ вдругъ—никогда не забуду я ужаса этой минуты!—изъ глубины дѣвственнаго, населеннаго хищниками и дикарями, лѣса раздались французскія слова:

„— Господа, позвольте привѣтствовать ваше прибытіе въ эту малогостепріимную страну!

„Звукъ голоса былъ слабый, но произношеніе безукоризненное, а въ интонаціи было нѣчто, напомнившее мнѣ мою родину. Я обернулся и увидѣлъ, какъ одно изъ тѣлъ, принятыхъ нами за трупы дикарей, приподнялось и даже сдѣлало шага два мнѣ навстрѣчу. Несмотря на загаръ и наготу этого покрытаго рубцами тѣла, я узналъ въ говорившемъ соотечественника, привѣтствовавшаго насъ движеніемъ руки. Но онъ былъ такъ слабъ, что даже шатался. Я поддержалъ его; мы поспѣшили перевязать рану, полученную имъ въ плечо, и влить ему въ ротъ нѣ-

сколько капель рома. При его худобѣ и крайнемъ изнуреніи, можно было опасаться, что онъ умретъ у насъ на рукахъ. Но, подкрѣпленный глоткомъ рома и кускомъ сухаря, онъ окинулъ насъ оживившимся взглядомъ, проговоривъ тономъ любезнаго хозяина:

„— Смѣю ли я спросить, господа, какой счастливой случайности обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ?

„Я пробормоталъ, что мы пріѣхали за водою. Тогда, ничуть не стѣсненный своею наготою, онъ съ самымъ любезнымъ видомъ предложилъ проводить насъ къ источнику; выраженія его были такъ изысканны и обличали столь выдающійся умъ, что я нѣсколько разъ щипалъ себя, дабы убѣдиться, что все это я вижу не во снѣ.

„Каково же было изумленіе, когда я узналъ, что предо мною—самъ знаменитый маркизъ де-Мигюракъ, дворянинъ изъ Перигора, покинувшій Францію четыре года тому назадъ, съ тѣмъ, чтобы поселиться среди дикарей. Я замѣтилъ, что по всей вѣроятности онъ не поздравляетъ себя съ такою рѣшимостью, но тутъ лицо его омрачилось, и на мое предложеніе доставить его на родину онъ гнѣвно возразилъ:

„— Почему предполагаете вы, милостивый государь, что я измѣню добровольно принятому мною рѣшенію?

„Я отвѣтилъ ему, что считаю своимъ христіанскимъ долгомъ увезти его, хотя бы мнѣ пришлось употребить для этого насиліе. Я прибавилъ, что если дикое человѣчество оказалось недостаточно добродѣтельнымъ, люди цивилизованные собираются возродиться для добра въ духѣ его собственныхъ воззрѣній, а также и ученій другихъ философовъ. Тутъ я сообщилъ ему о федераціи Соединенныхъ Штатовъ и объ освобожденіи Франціи отъ гнета тиранніи.

Онъ слушалъ меня восторженно, слезы навертывались у него на глазахъ, и когда я кончилъ, онъ проговорилъ, глубоко тронутый:

„— Другъ, не сердись на то, что я въ первую минуту отвѣтилъ отказомъ на твое великодушное предложеніе. Если мнѣ суждено узрѣть мою отчизну возрожденною и закрыть глаза при свѣтѣ восходящаго солнца свободы,—я скажу себѣ, что прожилъ не даромъ и вознесу хвалу Высшему Существу.

„Онъ послушно сѣлъ съ нами въ лодку, и мы доставили его на корабль, гдѣ я уступилъ маркизу де-Мигюракъ каюту, служившую мнѣ гостиной, а также—часть моего платья. Въ тотъ же вечеръ мы подняли якорь“.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ передаетъ капитанъ Карсе-

ладъ о встрѣчѣ своей съ маркизомъ, который совершилъ съ ними плаваніе до Бордо. Ступивъ на родную почву, онъ почувствовалъ себя, однако, больнымъ и безпомощнымъ въ этомъ городѣ, гдѣ даже имя его было забыто. Не менѣе страшнымъ казалось ему путешествіе въ Парижъ, гдѣ онъ найдетъ то же самое. И вдругъ имъ овладѣло непонятное желаніе увидѣть мѣста своего рожденія. Лишь тамъ онъ сможетъ въ тишинѣ и мирѣ снова освоиться съ жизнью, тамъ она будетъ мягче и гостепріимнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Итакъ, онъ взялъ мѣсто въ дилижансѣ, поддерживавшемъ сообщеніе между Бордо и Перигё.

Въ концѣ марта, раннимъ утромъ, г. де-Мигюракъ вышелъ изъ дилижанса у деревни Презиньянъ. Окоченѣвъ отъ холода и имѣя всего четыре су въ карманѣ, онъ рѣшилъ пройти пѣшкомъ три мили, остававшіяся ему до замка Мигюракъ.

Весеннее солнце алѣло на горизонтѣ и, прорвавъ дымку тумана, заливало блѣдными лучами чуть зеленѣющія поля, молодые побѣги листвы, среди которыхъ слышалось чириканье птицъ. Деревня почти не измѣнилась, но было мучительно—не встрѣтить ни одного знакомаго лица: и здѣсь, на родинѣ, онъ чувствовалъ себя чужимъ и одинокимъ.

Онъ вспомнилъ объ Улиссѣ, также вернувшемся послѣ тридцатилѣтняго отсутствія въ родную Итаку, но того ожидала вѣрная и нѣжная Пенелопа. Внезапно воспоминаніе о двухъ его супругахъ больно кольнуло его въ сердце—о любящей и покинутой имъ, и о той, кого онъ любилъ и которою былъ покинутъ.

Еле дыша и обливаясь потомъ, хотя кашель его еще усилился отъ рѣзкаго вѣтра, путникъ нѣсколько разъ былъ принужденъ присѣсть. Достигнувъ холма Кастельмаронъ, съ котораго виднѣлись кровли и башни замка, онъ вспомнилъ, какъ четверть вѣка тому назадъ онъ обернулся отсюда, чтобы бросить прощальный взглядъ на свое родовое гнѣздо, и вдругъ сердце у него словно оборвалось. Онъ съ рыданіемъ кинулся на землю, оплакивая умершихъ, себя самого, свою жизнь, то, что было, и то, что могло быть, всѣ эти года, въ теченіе которыхъ онъ пережилъ такъ много и такъ мало и сдѣлался почти старикомъ.

Отцовскій замокъ высился въ концѣ аллеи, но большинство ставней была закрыто, дворъ поросъ сорною травою, нѣкоторыя изъ большихъ деревьевъ были срублены; все дышало запустѣ-

ніемъ. Онъ робко позвонилъ у двери, изъ которой въ то далекое утро онъ выскользнулъ, какъ бѣглецъ.

Послышался надтреснутый звукъ, затѣмъ шарканье ногъ, дверь заскрипѣла, полуоткрылась, и изъ нея выглянуло старческое лицо. Глухимъ голосомъ маркизъ прошепталъ:

— Магелона!

Старуха задрожала, все лицо ея сморщилось, она впилась взоромъ въ его черты:

— Лулу!

И маркизъ де-Мигюракъ кинулся въ объятія своей кормилицы и скрылъ на ея увядшей груди свое лицо, какъ дѣлалъ онъ полвѣка тому назадъ, охваченный дѣтскимъ страхомъ или отчаяніемъ послѣ тщетныхъ усилій поймать не дававшійся ему солнечный лучъ.

На призывъ старухи появился и аббатъ Жуанò, спустившійся съ лѣстницы своею отяжелѣвшею, но еще бодрою походкой; онъ со слезами и восклицаніями обнялъ въ свою очередь блуднаго сына. Всѣ трое усѣлись въ столовой вокругъ стола; разговоръ былъ отрывистый, безсвязный, но вдругъ маркизъ поблѣднѣлъ и покачнулся на своемъ креслѣ.

— Іисусе-Марія!—воскликнула, кидаясь къ нему, служанка.—Что съ вами, г. маркизъ?

Онъ улыбался, стараясь ее успокоить.

— Ничего... Волненіе... и голова закружилась... Если бы кусочекъ дичи и глотокъ стараго вина...—Онъ не замѣтилъ тревожнаго взгляда, которымъ обмѣнялись старуха и аббатъ. Черезъ нѣсколько минутъ Магелона уже ставила передъ нимъ миску съ супомъ изъ капусты, кусочекъ вареной свинины и козьяго сыра, на которые маркизъ набросился съ аппетитомъ. Подкрѣпляя силы и прислушиваясь къ безконечнымъ разсказамъ аббата и Магелоны, маркизъ машинально осматривался, и отсутствіе серебра, поломанная мебель, заплаты на рясѣ аббата и платьѣ Магелоны, и скудость угощенія—бросились ему въ глаза. Воспользовавшись паузою въ разговорѣ, онъ проговорилъ тономъ дружескаго упрека:

— Г. Жуанò, позвольте вашему бывшему питомцу пожурить васъ. Не поручилъ ли я вамъ управленіе дѣлами съ правомъ пользоваться домомъ и доходомъ по вашему усмотрѣнію? Между тѣмъ эта ряса—когда-то вы не пренебрегали дорогими матеріями—и это скромное угощеніе—прежде вы любили хорошо покушать—свидѣтельствуютъ о чрезмѣрной вашей деликатности. Не хочу васъ бранить, но мнѣ желательно, чтобы отнынѣ образъ жизни

измѣнился. Завтра же мы отпразднуемъ мое возвращеніе праздникомъ для крестьянъ, и пусть каждый получитъ на память по доброй серебряной монетѣ.

Старики снова обмѣнялись взглядомъ, не ускользнувшимъ на этотъ разъ отъ маркиза, и, замѣтивъ слезы на ихъ глазахъ, онъ воскликнулъ:

— Но что такое съ вами?

Помолчавъ, аббатъ очень осторожно, съ помощью Магелоны, дополнявшей иногда его разсказъ, сообщилъ ему о происшедшихъ съ 1789 г. событіяхъ. Ораторы изъ Бордо и Перигё вызвали своими рѣчами волненіе умовъ. Аббатъ и кормилица, пользовавшіеся ранѣе уваженіемъ со стороны крестьянъ, наталкивались теперь на враждебность и недовѣріе, какъ только имъ случалось переступать границу парка. Аббата, при его попыткѣ получить арендную плату съ крупнаго фермера, едва не побили каменьями, а два дня спустя ворвавшаяся въ замокъ толпа вооруженныхъ крестьянъ торжественно сожгла на лугу всѣ фамильныя бумаги, контракты, записи и прочіе документы; лѣса безнаказанно вырубались, арендныя деньги не вносились, слуги разбѣжались одинъ за другимъ. Они существовали продажею кое-какихъ вещей и питались овощами изъ своего огорода; время отъ времени одна изъ крестьянокъ приносила имъ курицу или кусочекъ свинины. Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разразилось новое бѣдствіе: судейскіе чины, въ сопровожденіи нѣсколькихъ проходимцевъ въ мундирахъ, явились за маркизомъ де-Мигюракъ и, учинивъ подробный допросъ аббату и Магелонѣ, объявили маркиза эмигрантомъ, а на имѣнія его наложили запрещеніе. Они забрали серебро и лучшую часть мебели. Съ тѣхъ поръ аббату постоянно угрожаютъ арестомъ. Три замка въ окрестностяхъ уже сожжены. Г-жу де Биніакъ, рожденную Алину де-Пертюизо—недавно убили. Тюрьмы Бордо и Перигё переполнены цвѣтомъ мѣстнаго дворянства.

Г. де Мигюракъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ при этихъ разсказахъ; когда онъ узналъ о томъ, что замокъ его подвергся насилію, изъ глазъ его сверкнула молнія.

— Маркизъ,—сказалъ аббатъ,—у этихъ людей на языкѣ одни лишь слова: равенство и братство; они хотятъ воцаренія правосудія и уничтоженія несправедливыхъ привилегій.

Онъ не безъ лукавства посмотрѣлъ на своего господина, но тотъ пожалъ плечами.

— Я надѣюсь разъяснить этимъ несчастнымъ ослѣпленнымъ людямъ, какъ дурно поняли они такія великія слова.

Аббату и Магелонѣ съ трудомъ удалось убѣдить его отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, какъ возстановятся его силы, и дѣйствительно, слабость его была такъ велика, что въ теченіе первой недѣли онъ не настаивалъ на своемъ. Маркизъ проводилъ время за чтеніемъ газетъ, сохраненныхъ аббатомъ; онъ дремалъ, бродилъ по парку, подолгу сидѣлъ у могилъ отца и маркизы Изабеллы, и словно бесѣдовалъ съ ними, погруженный въ глубокую задумчивость.

Дней черезъ десять въ замокъ явились, однако, облеченные въ подобіе мундировъ два парня, именовавшіе себя муниципальными стражами и принесшіе письменный указъ, предлагавшій маркизу де Мигюракъ прибыть въ городскую ратушу для объясненія причинъ его отсутствія. Они сыпали ругательствами и насмѣшками, покуда не вышелъ къ нимъ самъ маркизъ и не приказалъ имъ такимъ повелительнымъ тономъ немедленно убраться, что, не взирая на свое нахальство, они поспѣшно удалились.

Сначала маркизъ рѣшилъ послать къ чорту мэра и его приказъ, но затѣмъ онъ сообразилъ, что ему представляется случай ознакомиться съ міровоззрѣніемъ здѣшнихъ поселянъ. Въ глубинѣ стариннаго сундука нашелся парадный, шитый золотомъ костюмъ, въ который маркизъ облачился ради такого торжественнаго случая. Онъ прицѣпилъ шпагу съ перламутровою рукоятью, надѣлъ пудреный парикъ, давно уже имъ заброшенный, и когда онъ предсталъ въ этомъ видѣ передъ взорами Магелоны, она всплеснула руками, воскликнувъ:

— Маркизъ, вы сіяете всею славою вашихъ предковъ!

— Надѣюсь,—отвѣтилъ г. де Мигюракъ.

Аббатъ робко замѣтилъ, что это великолѣпіе можетъ раздразнить фанатизмъ якобинцевъ, но г. де Мигюракъ вышелъ твердыми шагами изъ дому, запретивъ слѣдовать за собою. При его проходѣ, головы любопытствующихъ высовывались изъ оконъ, дѣти съ крикомъ бѣжали за нимъ, но наружность его была столь величественна, что никто не осмѣлился оскорбить его. Онъ вошелъ съ шляпою на головѣ въ низенькую комнату, именуемую ратушею, гдѣ нашелъ троихъ людей въ блузахъ—мэра и его помощниковъ. Они были такъ поражены его видомъ, что машинально сняли колпаки и вынули изо рта трубки; наведя лорнетъ, г. де Мигюракъ, замѣтилъ также въ углу обоихъ муниципальныхъ стражей, жавшихся къ стѣнкѣ.

— Господа,—началъ онъ, обведя все окружающее оживленнымъ взоромъ,—вы видите передъ собою Луи-Ликурга, маркиза

де-Мигюракъ, который послѣ того, какъ онъ посвятилъ свою жизнь философіи, пропагандируя своимъ перомъ и примѣромъ основы чистаго разума, послѣ того, какъ онъ совершилъ путешествіе къ антиподамъ въ поискахъ страны, гдѣ царили бы добро и справедливость—вернулся подъ свой наслѣдственный кровъ для того, чтобы прослыть человѣкомъ, возбуждающимъ подозрѣнія, и увидѣть дрожащими и гонимыми вѣрныхъ слугъ своихъ, гонимыми тѣми самыми людьми, которые провозгласили себя борцами за соціальное возрожденіе.

Всѣ трое пытались поочередно прервать его, но онъ заграждалъ имъ уста неудержимымъ потокомъ своихъ рѣчей, воспламеняясь по мѣрѣ ихъ произнесенія; слова: свобода, гуманность, равенство—чередовались со словами: умѣренность, добро, справедливость, такъ что когда черезъ полчаса онъ остановился съ тѣмъ, чтобы перевести духъ—роли, казалось, измѣнились и можно было подумать, что это онъ отчитываетъ муниципаловъ. Наконецъ, обернувшись къ толпѣ, привлеченной перунами его краснорѣчія, онъ заключилъ громовымъ обращеніемъ:

— Братья, забудемъ прошлое. Станемъ думать лишь о грядущемъ. Солнце братства взошло, не будемъ его омрачать черною тучею раздора. Остерегайтесь завистливыхъ и себялюбивыхъ инстинктовъ. Да будутъ вашими единственными вождями разумъ и добродѣтель. Тогда вы всегда найдете меня среди васъ, и мы вмѣстѣ воскликнемъ:—Да здравствуетъ народъ! Да здравствуетъ свобода!

Порывъ энтузіазма охватилъ толпу, колпаки полетѣли на воздухъ и раздался единодушный крикъ:—Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ народъ! Да здравствуетъ маркизъ де-Мигюракъ!

Четверть часа спустя, эти же крики привлекли аббата съ Магелоной къ окну; они не вѣрили глазамъ своимъ, видя маркиза, несомаго на плечахъ деревенскими парнями, не переставшими привѣтствовать его.

Это обстоятельство оказало благопріятное вліяніе на здоровье маркиза: кашель его исчезъ, припадки лихорадки ослабѣли. Но едва силы его возстановились, какъ умъ его обратился съ удвоеннымъ жаромъ къ государственнымъ вопросамъ. Взаимная ненависть партій, опасности войны, затруднительное положеніе короля и собранія—причиняли ему безсонницу. День 20-го іюня—занятіе Тюильери—еще болѣе усилилъ его волненіе. Онъ разослалъ министрамъ рукописное воззваніе подъ заглавіемъ „Размышленія философа“, въ которомъ указывалъ имъ способы умиро-

творить народъ и предлагалъ свои услуги въ совѣтѣ или на ратномъ полѣ. Революція 10-го августа, арестъ королевской фамиліи и массовыя сентябрьскія убійства потрясли его до глубины души, особенно послѣ того, какъ онъ прочелъ въ газетѣ статью г. Моттэ, одобрявшаго кровавыя насилія. Неужели философъ-гуманистъ могъ придти къ такимъ выводамъ? Маркизъ рѣшилъ ѣхать въ Парижъ.

— Долгъ каждаго гражданина—поспѣшить на защиту отечества, долгъ философа—разорвать покровъ заблужденія и возжечь факелъ справедливости,—заявилъ онъ домашнимъ.

Планъ маркиза былъ очень простъ: силою письменнаго и устнаго воздѣйствія на умы онъ примиритъ короля съ якобинцами, католиковъ—съ атеистами, аристократовъ—съ плебеями; вся нація возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ, на внѣшняго врага, прогонитъ его отъ границъ и, заключивъ славный миръ, предастся культу добродѣтели.

Аббатъ и Магелона пробовали-было его отговорить, но, зная, что въ деревнѣ его репутація была уже поколеблена, снарядили его въ дорогу. Служанка собрала ему кое-какія вещи и положила ему въ карманъ послѣднія четыре золотыя монеты, еще остававшіяся въ домѣ.

Онъ нѣжно обнялъ заливавшихся слезами своихъ старыхъ друзей и сказалъ:

— Аббатъ, если я погибну въ этомъ предпріятіи, не жалѣйте обо мнѣ: оно достойнымъ образомъ вѣнчаетъ мою жизнь. Засвидѣтельствуйте передъ вашимъ Господомъ, что ничье сердце не было столь предано добродѣтели, какъ мое, и молите Его: да проститъ Онъ мнѣ, въ виду этого, несовершенство моихъ поступковъ.

XIII.

По прибытіи въ Парижъ, маркизъ сразу убѣдился, что между веселымъ, учтивымъ городомъ, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, и тою мятежною столицею, гдѣ кипѣли теперь невѣдомыя силы и страсти,—не было ничего общаго. Вмѣсто любезныхъ, легкомысленныхъ людей, роскошныхъ экипажей, веселыхъ дамъ и щеголей-офицеровъ, по улицамъ двигалась толпа—шумная, безудержная, какъ морской прибой. Народъ осаждалъ двери собранія, тѣснился у построенныхъ подъ открытымъ небомъ эстрадъ, бѣшено свисталъ или рукоплескалъ ораторамъ. Въ воздухѣ чувствовалось вѣяніе жестокости и героизма. Опьяненный любовью

и ненавистью, ужасомъ и надеждою, народъ стоялъ между высотою и бездною.

Маркизу не безъ труда удалось добиться напечатанія брошюры: „Воззваніе къ французамъ“, въ которой, упоминая объ оказанныхъ имъ человѣчеству услугахъ, онъ предлагалъ всеобщую амнистію, освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, слiяніе всѣхъ партій и дружный походъ на врага, причемъ во главѣ арміи долженъ былъ стать освобожденный изъ Тампля Людовикъ XVI. Брошюра была разослана депутатамъ и разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но ни одна газета о ней не упомянула; та же участь постигла и остальные памфлеты, изданные имъ съ величайшимъ трудомъ. Министры, члены комитетовъ, выслушивали его съ плохо скрытою насмѣшкою; раза два его чуть было не засадили въ тюрьму по подозрѣнію.

Осужденіе на смерть короля, бывшаго прежде всего *человѣкомъ*, показалось маркизу актомъ вопіющей кровавой несправедливости, не вязавшимся съ его гуманитарными стремленіями. Вечеромъ—отчасти для того, чтобы согрѣться,—маркизъ отправился въ клубъ якобинцевъ. Въ залѣ, убранной трехцвѣтными знаменами, пиками и красными колпаками, стоялъ говоръ голосовъ, покрывавшій, несмотря на отчаянные звонки, рѣчь оратора. Лишь угроза предсѣдателя очистить залу нѣсколько усмирила крикуновъ; маркизъ съ подавленной тоскою слушалъ оратора, требовавшаго головы королевы, и вспоминалъ красивую женщину въ перкалевомъ платьѣ, протягивавшую ему руку для поцѣлуя, какъ вдругъ онъ задрожалъ при появленіи на эстрадѣ болѣе желчнаго, чѣмъ когда-либо, „достойнаго патріота и гражданина Моттэ“, пожелавшаго произнести рѣчь на тему о томъ, что, помимо всякаго преступленія, титулъ короля уже есть самъ по себѣ патентъ на смертную казнь.

Изгибаясь по-змѣиному, то склоняясь надъ своими бумагами, то потрясая длинными руками, г. Моттэ, покончивъ съ осужденіемъ монархизма, заговорилъ, придавая своему голосу медовыя интонаціи, о великихъ мыслителяхъ и философахъ, вышедшихъ изъ нѣдръ самой тиранніи и первыхъ поднявшихъ противъ нея голосъ возмездія. Вращая зеленоватыми глазками, онъ воскликнулъ:

— О, ты, чье великодушное сердце противорѣчило твоему титулу, товарищъ моей юности, ты, всегда возмущавшійся проявленіями неравенства и себялюбія, ты, удалившійся въ пустыню въ поискахъ за истиною и добромъ, изгнанными изъ нашихъ городовъ, несравненный мужъ, поэтъ, философъ, ораторъ, вся

жизнь котораго была вызовомъ предразсудкамъ, гимномъ разуму, откуда бы ты ни услышалъ эти слова, знай, что мы имѣемъ право назваться твоими учениками. Слушайте, граждане, что говоритъ въ своей дивной книгѣ „Безуміе Геліогабала“ знаменитый маркизъ де-Мигюракъ, истинный апостолъ санкюлотовъ...

И своимъ рѣзкимъ голосомъ ораторъ принялся цитировать отрывки, въ которыхъ маркизъ съ ужасомъ узнавалъ свои собственныя слова, звучавшія теперь какъ-то по иному: зловѣщимъ призывомъ къ убійству и насилію.

Повинуясь непостижимой силѣ, онъ вскочилъ на скамью, воскликнувъ:

— Молчи, Іуда! Не смѣшивай въ твоихъ проклятыхъ софизмахъ слово философа съ топоромъ палача!

Прыгая черезъ скамьи, сбивъ съ ногъ нѣсколькихъ человѣкъ, пытавшихся его остановить, г. де-Мигюракъ взбѣжалъ на трибуну, откуда удиралъ г. Моттэ, и голосъ его покрылъ говоръ толпы.

— Неужели вы откажетесь выслушать самого маркиза де-Мигюракъ, явившагося открыть вамъ свою душу?

Среди общаго изумленія и сравнительной тишины, онъ принялся громить монархизмъ, узурпацію человѣческихъ правъ, источникъ величайшихъ злоупотребленій. Слова его были покрыты рукоплесканіями, но онъ продолжалъ:—Пусть законное негодованіе народа снесетъ съ лица земли это учрежденіе—тѣмъ лучше. Но король можетъ быть виновенъ, а человѣкъ—нѣтъ. Строгая кара—первому, состраданіе—къ второму.

— Пусть палачъ разобьетъ корону короля Франціи, но если онъ коснется одного волоса на головѣ Людовика Капета—дѣло свободы будетъ опозорено.

Крики ярости раздались со всѣхъ сторонъ. Кинжалы, кулаки, пики поднялись съ угрозою на „аристократа“. Нѣсколько фанатиковъ, съ налившимися кровью глазами, кинулись на маркиза, пытаясь стащить его съ трибуны, но, держась съ нечеловѣческою силою за перила, онъ восклицалъ пророческимъ голосомъ:

— Граждане, тѣ, кто подстрекаетъ васъ къ убійству—враги народа, льстецы его. Цвѣтъ гражданской доблести не расцвѣтаетъ на кровавой почвѣ. Обезглавивъ Людовика, вы увѣнчаете его славою, отнятою у свободы!

Послышался зловѣщій трескъ. Маркиза вмѣстѣ съ перилами стащили съ эстрады, проволокли по заламъ и лѣстницамъ, награждая пинками и ударами; но, окровавленный, избитый, онъ не переставалъ вопіять:

— Долой монархизмъ! Пощадите Людовика! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ милосердіе!

Понадобился хорошій ударъ по темени для того, чтобы заткнуть ему ротъ и заставить его растянуться во всю длину на землѣ.

Г. де-Мигюракъ долго пролежалъ безъ сознанія. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что самъ онъ сидитъ на снѣгу, а ноги его—въ лужѣ. Качавшійся надъ его головою фонарь позволилъ ему разглядѣть, что онъ весь залитъ кровью, и передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ человѣкъ въ сѣрой одеждѣ, въ надвинутой на глаза шляпѣ, подносящій къ его запекшимся губамъ кусочекъ льда. Г. де-Мигюракъ протянулъ ему руку, проговоривъ:

— Неизвѣстный другъ, которому я, безъ сомнѣнія, обязанъ жизнью, позвольте поблагодарить васъ за этотъ даръ, хотя онъ и недорого стоитъ.

Незнакомецъ нѣкоторое время колебался, но затѣмъ сказалъ:

— Сейчасъ я слышалъ, какъ вы говорили съ этими людьми. Не хотите ли вы принять участіе въ спасеніи короля? Знатнѣйшіе сыны Франціи постыдно бѣжали за границу. Спасая короля, вы загладите причиненное вашими писаніями зло.

Г. де-Мигюракъ отвѣтилъ гордо и серьезно:

— Милостивый государь, я не отказываюсь ни отъ одной строчки моихъ писаній, я даже утверждаю, что король преступенъ, но моя любовь къ свободѣ не допускаетъ меня видѣть ее запятнанною убійствомъ; вотъ почему, изъ преданности республикѣ, я помогу вамъ спасти гражданина Капета.

Такимъ образомъ, маркизъ, всю жизнь сражавшійся противъ предразсудковъ, въ особенности противъ монархизма, былъ завербованъ въ партію Людовика XVI. Неизвѣстный человѣкъ, помогшій ему подняться на ноги, сказалъ, смѣясь:

— Несмотря на странность приведенныхъ вами причинъ, принимаю ваше согласіе и думаю, что вы—самый благородный человѣкъ, какому мнѣ когда-либо случалось пожимать руку.

Съ этого дня къ маркизу вернулась его былая энергія; онъ придумывалъ всевозможные способы спасенія, и еслибы его послушали, какъ свидѣтельствуютъ о томъ въ своихъ мемуарахъ г.г. де-Крёньи и де-Буамартель, весьма возможно, что казнь Людовика XVI не состоялась бы; но слабые, безвольные аристократы проводили время въ безплодныхъ пререканіяхъ и ни на чемъ не могли остановиться.

Наканунѣ казни заговорщики снова собрались, озлобленные другъ противъ друга, пристыженные собственнымъ бездѣйствіемъ,

и тогда маркизъ предложилъ на ихъ усмотрѣніе отчаянный планъ: онъ доказалъ, что будетъ нетрудно освободить короля на пути его къ мѣсту казни, и покуда четверо изъ нихъ скроются вмѣстѣ съ нимъ, остальные задержатъ сбировъ и дадутъ себя убить на мѣстѣ.

Это безумное предложеніе вызвало насмѣшливыя улыбки и пожиманія плечъ. Г. де-Клюнэ заявилъ отъ имени всѣхъ, что это значило бы измѣнить ихъ долгу по отношенію къ королевскому дому, который не погибнетъ со смертью короля. Они лучше поберегутъ свою жизнь, которая можетъ пригодиться его наслѣдникамъ.

Маркизъ, кусая губы, выслушалъ эту рѣчь, а затѣмъ, вставъ съ мѣста, произнесъ:

— Господа, я присоединился къ вамъ изъ желанія спасти неповиннаго человѣка, именуемаго вами королемъ; но съ той минуты какъ вы отказываетесь дѣйствовать, союзъ нашъ распадается. Не имѣя, какъ вы, причинъ щадить себя ради поддержки королевской власти, которой я не признаю, я возвращаю себѣ свободу дѣйствія. Позвольте пожелать вамъ добраго здоровья.

Онъ откланялся, оставивъ общество въ смущеніи и разстройствѣ.

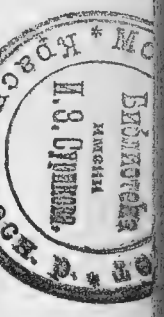
На слѣдующій день, 21-го января 1793 г., газеты, передававшія подробности казни „тирана“, сообщили, между прочимъ, что въ ту минуту, какъ карета заворачивала за уголъ улицы Royale, какой-то безоружный человѣкъ кинулся къ ней, расталкивая толпу, и, схвативъ лошадей подъ уздцы, принялся умолять народъ о милости, заклиная его не совершать подобнаго преступленія. Однѣ газеты называли его безумцемъ, другія—заговорщикомъ. Какъ бы то ни было, онъ былъ отведенъ въ Консьержери и водворенъ тамъ подъ именемъ Луи-Ликурга, „бывшаго“ маркиза де-Мигюракъ.

Покуда полиція разыскивала единомышленниковъ маркиза или, быть можетъ, совсѣмъ забыла о немъ, г. де-Мигюракъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, вкушалъ въ тюрьмѣ невыразимо сладостный послѣ пережитыхъ имъ треволненій отдыхъ. Помѣщеній не хватало, и потому ему приходилось жить вмѣстѣ съ другими заключенными. Къ счастью своему, онъ оказался въ очень хорошемъ обществѣ. Многіе изъ участниковъ его ужиновъ въ первый же день явились къ нему и сердечно его обняли. Странность жизни его дѣлала его интереснымъ для всѣхъ, а по-

слѣдняя безумная его попытка окружила его ореоломъ мученика даже въ глазахъ людей, не раздѣлявшихъ его философскихъ взглядовъ.

Когда послѣ обѣда всѣ собирались на тюремномъ дворѣ, превращавшемся въ салонъ, стараясь развлечься веселыми или серьезными разговорами, и дамы чинили свои юбки, а кавалеры штопали чулки, г-ну де-Мигюракъ предоставлялось почетное кресло, твердо стоявшее на четырехъ ножкахъ, и онъ цѣлыми часами держалъ общество подъ обаяніемъ своей рѣчи. Онъ имѣлъ необыкновенно величественный видъ въ жалкомъ люстриновомъ фракѣ, бывшемъ на немъ въ день его ареста.

Экваторіальное солнце не обезобразило его правильныхъ и благородныхъ чертъ, а нѣкоторая худоба и матовый цвѣтъ лица еще болѣе оттѣняли ихъ тонкость. Все лицо его озарялось лучистымъ свѣтомъ темно-голубыхъ глазъ. Вокругъ высокаго, чистаго лба сѣдые волосы его вились юношескими кудрями. Никогда онъ не былъ такъ благородно красивъ, какъ теперь—на склонѣ дней своихъ, и не къ чему скрывать, что еслибы только онъ захотѣлъ, онъ могъ бы наслаждаться любовью и въ тюрьмѣ.



Согласно свидѣтельству г. де-Жаль, его товарища по заключенію, г-жа Депортъ, тюремщица, не довольствуясь тѣмъ, что снабдила его двойнымъ тюфякомъ и отпускала на его долю двойную порцію мяса, неожиданно предложила ему вмѣстѣ съ сердцемъ—возможность бѣжать. Но г. де-Мигюракъ отказался отъ свободы, потому что она была ему излишня, и отъ женщины, такъ какъ она была рыжая—то, чего онъ никогда не могъ выносить.

Еще трогательнѣе его исторія съ герцогинею де-Кабри, очаровательнымъ своевольнымъ восемнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, показавшимся кое-кому опаснымъ, такъ какъ мужъ ея былъ въ Кобленцѣ и она носила на груди портретъ Маріи-Антуанеты.

Однажды послѣ обѣда маркизъ вызвалъ у всѣхъ слезы разсказомъ о своей жестокости по отношенію къ маркизѣ Изабеллѣ и о жестокости Маріи-Агнесы къ нему самому. Когда они остались одни, г-жа де-Кабри приблизилась къ нему и, взявъ его за руку, посмотрѣла на него проникавшимъ въ душу взоромъ. И онъ понялъ, что она желаетъ вознаградить его за понесенныя имъ страданія.

Несмотря на годы, сердце его дрогнуло, и, быть можетъ, онъ не устоялъ бы, еслибы въ осколкѣ зеркала, висѣвшемъ на грязной стѣнѣ, онъ не увидѣлъ розовое личико г-жи де-Кабри рядомъ со своею сѣдиною. Ему показалась безобразною старческая

любовь; онъ склонился къ ея рукѣ, и маленькая герцогиня ощутила на своихъ тонкихъ пальчикахъ поцѣлуй и слезу, нѣжно и почтительно сказавшіе ей: нѣтъ!

Какъ ни отрадно было для г. де-Мигюракъ общее уваженіе, спокойствіе его истекало главнымъ образомъ изъ чистой совѣсти. Въ концѣ тревожнаго пути ему невыразимо отрадно было оглянуться, провѣрить себя. Всего охотнѣе онъ останавливался на свѣтлыхъ радостяхъ дѣтства, на бесѣдахъ своихъ съ отцомъ и пылкихъ мечтахъ юности, на меланхолическомъ воспоминаніи объ Изабеллѣ, на лукавой и наивной граціи Маріи-Агнесы, на всемъ, что онъ думалъ, писалъ, къ чему стремился. Все хорошее казалось такимъ далекимъ, что онъ уже не могъ о немъ сожалѣть; такимъ же далекимъ было и все дурное, и потому онъ уже не страдалъ отъ него. Онъ сдѣлалъ много ошибокъ въ жизни, но въ сущности всегда стремился къ добру и потому надѣялся на прощеніе. Перспектива близкой смерти еще болѣе укрѣпляла въ немъ эту ясность духа.

Лишь въ началѣ мая г. де-Мигюракъ получилъ предписаніе предстать передъ трибуналомъ. Общество собралось по обыкновенію на дворѣ, съ живостью обсуждая политическія дѣла, какъ вдругъ изъ дверей показалась муниципальная стража и тюремщикъ съ бумагою въ рукѣ.

Среди поименованныхъ пяти лицъ находились г. де-Мигюракъ и герцогиня де-Кабри.

Маленькая герцогиня поблѣднѣла, закусила губы, улыбнулась и встала. Маркизъ, игравшій въ бирюльки съ г. де-Сенармонъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головою и вѣжливо извинился предъ нимъ, что не можетъ окончить партію. Всѣ заключенные, обнаживъ головы, почтительно поклонились имъ.

Маркиза ввели послѣднимъ въ залу, убранную флагами, пиками и колпаками. Любопытные тѣснились на скамьяхъ, предназначенныхъ для публики. Въ глубинѣ, за покрытымъ клеенкою столомъ, сидѣли шесть человѣкъ; маркизъ навелъ на своихъ судей лорнетъ, но ихъ мрачныя лица, грязная одежда, нечесанные волосы и обгрызенные ногти разочаровали его. Онъ сдѣлалъ гримасу и заглянулъ въ мѣста для публики, среди которой двѣ-три женщины показались ему сносными.

Звукъ колокольчика прервалъ молчаніе. Предсѣдатель, тщедушный человѣкъ лѣтъ тридцати, откашлялся и спросилъ маркиза: какъ его зовутъ? Маркизъ улыбнулся и отвѣтилъ съ учтивой ироніей:

— Полагаю, милостивый государь, что вамъ это извѣстно.

Иначе вамъ слѣдовало бы находиться на моемъ мѣстѣ за то, что вы держали въ тюрьмѣ неизвѣстнаго вамъ человѣка.

Въ отвѣтъ на нетерпѣливое движеніе предсѣдателя, онъ отвѣтилъ снисходительно:

— Тѣмъ не менѣе, я готовъ подтвердить, что зовусь Луи—въ честь величайшаго короля Франціи, и Ликургомъ—въ честь мудрѣйшаго изъ законодателей; титулъ же маркиза де-Мигюракъ передавался въ нашемъ родѣ отъ отца къ сыну въ теченіе четырехъ-сотъ девяноста-двухъ лѣтъ.

— Вашъ возрастъ?

— Тотъ, когда человѣку подобаетъ исцѣлиться отъ житейскихъ страданій. Пятьдесятъ-два года.

— Ваше мѣстопребываніе?

— Вчера—весь міръ; сегодня—ваша тюрьма; завтра по всей вѣроятности—вѣчность.

— Ваша профессія?

— Мученикъ идеи.

— Опять?..

— Ты еще не родился, какъ я уже посвятилъ жизнь мою человѣчеству. Насталъ часъ сдержать эту клятву.

По приказанію предсѣдателя, красный и хриплый письмоводитель прогнусилъ протоколъ, составленный полицейскими при арестованіи маркиза.

— Желаете ли вы сдѣлать какія-либо замѣчанія?

— Если этому человѣку придется снова читать, я желалъ бы, чтобы онъ сперва высморкался.

Въ публикѣ послышался смѣхъ. Предсѣдатель покраснѣлъ и сказалъ раздраженно:

— Пожалуйста, не уклоняйтесь. Что вы имѣете сказать по поводу протокола?

— Онъ, подобно всѣмъ человѣческимъ документамъ, представляетъ смѣсь истины и лжи.

— Желаете прослушать его вторично?

Маркизъ отклонилъ предложеніе граціознымъ жестомъ руки.

Тогда предсѣдатель приказалъ ввести свидѣтелей: троихъ жандармовъ, двухъ женщинъ и нѣсколькихъ зѣвакъ, давшихъ довольно смутныя показанія. Подсудимый порицалъ осужденіе короля и убѣждалъ народъ пощадить его. Предсѣдатель снова спросилъ маркиза: не желаетъ ли онъ сдѣлать какія-нибудь замѣчанія?

— Я уже сдѣлалъ нѣсколько довольно любопытныхъ замѣчаній по поводу свидѣтельскихъ показаній, но считаю лишнимъ сообщать ихъ вамъ.

— Итакъ, вы признаете, что желали спасти тирана отъ народнаго правосудія?

— Вотъ это, — спокойно возразилъ маркизъ, — величайшая ложь, какую вамъ когда-либо случалось изрекать, хотя ваша профессія и должна была пріучить васъ къ ней.

Предсѣдатель отеръ лобъ; онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи.

— Послушайте,—заговорилъ онъ примирительно,—вѣдь вы не отрицаете фактовъ: рѣчи вашей къ народу и попытки остановить карету?

— Нѣтъ, все это въ сущности вѣрно.

— Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ отчаянно бѣдняга,— какъ же вы противорѣчите мнѣ, когда я говорю, что вы желали спасти тирана отъ народнаго правосудія?

— Въ этомъ-то и кроется ложь, какъ я имѣлъ честь доложить вамъ. Я желалъ спасти народное правосудіе отъ кроваваго дѣянія.

Ропотъ гнѣва пробѣжалъ среди членовъ трибунала; маркизу вспомнилось, какъ въ Новой Гвинеѣ шакалы пожирали его глазами. Онъ зѣвнулъ и въ видѣ развлеченія сталъ пристально смотрѣть на одного изъ нихъ, покуда тотъ не потупился.

— Значитъ, вы считаете убійство тирана преступленіемъ?

— Я ненавижу тиранію. Желалъ бы я, чтобы мои сочиненія принесли ей больше вреда, чѣмъ ваше безуміе. Виновенъ король, но не Людовикъ Капетъ. Вы сдѣлали его мученикомъ.

Предсѣдатель, по знаку своихъ сотоварищей, не сталъ настаивать. Онъ только спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ сообщниковъ?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Вотъ глупый вопросъ! Неужели вы полагаете, что еслибы они были, я назвалъ бы ихъ даже подъ пыткою? Но ваша гуманность уничтожила ее, съ чѣмъ я поздравляю васъ.

— Граждане-судьи! Вы оцѣните высказанныя подсудимымъ чувства. Слово за обвинителемъ.

Преступленіе было очевидно, и покуда прокуроръ сыпалъ громами обвиненія, маркизъ смотрѣлъ изъ окна на голубое небо: подъ самымъ окномъ уже зеленѣла вѣтвь каштановаго дерева.

— Что вы имѣете сказать?—спросилъ предсѣдатель.

Маркизъ отвѣчалъ, не поворачивая головы:

— У всякаго—свое ремесло; ему даны зубы, и онъ кусается и брызжетъ слюною.

Резюмировавъ пренія, предсѣдатель постановилъ два вопрос-

ныхъ пункта: 1) Виновенъ ли Мигюракъ въ составленіи заговора противъ общественнаго порядка? 2) Пытался ли онъ привести заговоръ въ исполненіе?

Отвѣтъ по обоимъ пунктамъ получился утвердительный. Результатомъ былъ—смертный приговоръ.

Г. де-Мигюракъ молча выслушалъ приговоръ. Никакого волненія не отразилось на его лицѣ, словно рѣчь шла вовсе не о немъ.

— Вы ничего не имѣете сказать?—въ третій разъ спросилъ предсѣдатель.

— Она покрылась почками, — сказалъ маркизъ, не отрывая глазъ отъ вѣтви; затѣмъ онъ спокойно прибавилъ: — Пусть все это называется правосудіемъ, но во имя стыдливости—закройте это изображеніе!

И онъ указалъ на бюстъ Свободы, поставленный напротивъ трибунала. Затѣмъ г. де-Мигюракъ всталъ и вѣжливо поклонился чернымъ людямъ.

— А теперь, господа, я желаю какъ можно скорѣе проститься съ вами. Извиняюсь за нѣкоторыя выходки, быть можетъ, недостаточно остроумныя, которыя я здѣсь позволилъ себѣ. Но въ такихъ случаяхъ обвиняемымъ дозволительна нѣкоторая свобода ума.

Съ этими словами онъ двинулся къ выходу, сопровождаемый стражею. Публика почтительно разступилась; нѣкоторыя женщины плакали.

Когда маркизъ вернулся въ тюрьму, всѣ кинулись къ нему. При видѣ его улыбающагося лица, ихъ охватила надежда; онъ изящнымъ жестомъ провелъ рукою по шеѣ и сказалъ спокойно:

— Завтра въ девять часовъ, если только слуги правительства окажутся аккуратнѣе моихъ. Но чѣмъ рѣшили участь остальныхъ?

Трое были оправданы, только г-жа де-Кабри была осуждена. Облако грусти затуманило взоръ маркиза, но пришлось отложить послѣднее прощаніе до утра, такъ какъ тюремщикъ уже звалъ его.

Оставшись одинъ, г. де-Мигюракъ прежде всего съ аппетитомъ скушалъ ужинъ, орошенный слезами г-жи Депортъ; затѣмъ онъ написалъ аббату Жуанò длинное письмо, которое тотъ свято хранилъ всю свою жизнь и цитируетъ его въ своихъ „Мемуарахъ“.

Г. де-Мигюракъ оставлялъ свое имѣніе, которое, какъ онъ надѣялся, не будетъ конфисковано, аббату съ Магелоной. Онъ выражалъ сожалѣніе, что прахъ его не будетъ покоиться въ

гробницѣ его отцовъ, но утѣшался тѣмъ, что, будучи анатомированы, мозгъ его и сердце могутъ послужить на пользу науки. Онъ испрашивалъ у аббата прощенія и поручалъ ему оправдать его память отъ всякой клеветы. Письмо заканчивалось такими словами:

„О, мой учитель! о, другъ мой! Адресуя вамъ съ береговъ Стикса это послѣднее „прости", прошу васъ, выслушайте прощальный вопль моей совѣсти; я умираю, исполненный нѣжности къ человѣчеству, исполненный вѣры въ прогрессъ. И если хирургъ, который вскроетъ завтра мои вены—не слѣпъ, онъ прочтетъ начертанное въ глубинѣ моего сердца слово: *любовь*".

Маркизъ спокойно проспалъ часа два и проснулся съ первыми лучами блѣдной зари. Было холодно. Рождался день, а ему предстояло умереть, и эта мысль показалась ему важною и торжественною. Онъ подумалъ о будущемъ, зачастую тревожившемъ его, и великое спокойствіе, даруемое землею—явилось для него желаннымъ; но вдругъ, вспомнивъ свое дѣтство, онъ испугался ада и чертей, грозившихъ каждому, кто не умретъ добрымъ католикомъ. Раздумывая объ этомъ, онъ сталъ одѣваться; въ карманѣ у него нашлась мелкая монета; онъ подбросилъ ее—она упала лицомъ вверхъ. Тогда онъ попросилъ принесшаго ему завтракъ тюремщика сходить за священникомъ, и когда тотъ явился,—исповѣдался и причастился. Затѣмъ онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать конца.

Безъ четверти девять—дверь тюрьмы отворилась; въ видѣ особенной милости, маркизу не связали рукъ. Во дворѣ тѣснились заключенные, мужчины стояли безъ шляпъ; г. де-Мигюракъ прошелъ среди нихъ, кланяясь направо и налѣво, какъ монархъ, прощающійся съ придворными. У выхода онъ зацѣпился ногою за порогъ и чуть-было не упалъ.

— Клянусь честью,—съ улыбкою сказалъ онъ офицеру,—это плохое предзнаменованіе,—со мною что-нибудь случится до полуночи.

Онъ взобрался по скамейкѣ на телѣжку, ожидавшую его. Тамъ уже стояли г-жа де-Кабри и духовникъ, а за ними виднѣлся черный силуэтъ палача. Видъ молодой женщины, восхитительно бѣлокурой, бѣлой и розовой въ ея головномъ уборѣ изъ батиста—заставилъ сжаться его сердце. Г-жа де-Кабри протянула ему руку и замѣтила, что онъ вздрогнулъ.

— Смерть соединяетъ насъ,—тихо проговорила она.

Телѣжка тронулась. Герцогиня чуть не упала и оперлась объ его плечо. Онъ ощутилъ теплоту ея нѣжнаго тѣла. Въ воз-

духѣ вѣяло весною, солнце улыбалось въ безоблачной лазури, изъ садовъ доносились волны благоуханій.

Среди яснаго спокойствія природы, созерцая молодую женщину — нѣжный цвѣтокъ, которому предстояло быть скошеннымъ, — маркизъ почувствовалъ на минуту, что мужество его готово поколебаться. Смерть вдругъ показалась ему возмутительной. Ему представилась невыразимая прелесть жизни рядомъ съ подобною женщиной, и жизнь его, которою онъ вчера почти гордился, сразу показалась ему нелѣпою, ненужною, быть можетъ—вредною. Живи онъ иначе — онъ оставилъ бы послѣ себя дѣтей, нѣжныя воспоминанія, онъ былъ бы оплакиваемъ близкими существами! И вдругъ у него явилось безумное желаніе крикнуть возницѣ:—Стой! Назадъ! Я хочу начать сызнова мою жизнь... Я что-то забылъ... Карты не такъ сданы, игра—не въ счетъ... За исключеніемъ любви, все—суета-суетъ.

Нѣжный голосъ г-жи де-Кабри шепнулъ ему:

— Что съ вами?

Опомнившись, онъ провелъ рукою по своимъ сѣдымъ волосамъ:

— Я строилъ планы будущаго.

Онъ вздохнулъ, окинувъ взоромъ шумѣвшую и оскорблявшую ихъ толпу. Вотъ человѣчество, которое онъ мечталъ видѣть свободнымъ и добрымъ. Ему вспомнились выпущенныя имъ на волю и убившіяся канарейки. Неужели онъ безплодно прожилъ свою жизнь?

Но, поднявъ глаза, онъ увидѣлъ ясное лицо молодой женщины, и ему стало легко на душѣ. Что значила въ сущности жизнь одного человѣка? Что значилъ онъ? Любой изъ людей? Онъ поступалъ, какъ подсказывало ему сердце, и можетъ встрѣтить смерть лицомъ къ лицу.

До конца пути они оставались почти безмолвными, обмѣниваясь лишь дружескими взглядами и короткими замѣчаніями при видѣ знакомыхъ улицъ и домовъ.

Подъ синимъ куполомъ неба площадь казалась черною отъ народа. Вопль двадцатитысячной толпы привѣтствовалъ появленіе телѣжки. Маркизъ перемѣнилъ мѣсто, чтобы скрыть отъ глазъ герцогини дощатый помостъ.

— Не надо,—сказала она, не блѣднѣя,—я хочу видѣть.

— Это похоже на лѣстницу,—проговорилъ маркизъ.

— Ведущую на небо!—закончила герцогиня.

Маркизъ поднялъ глаза къ небу. Оно казалось такимъ прекраснымъ, что какъ-то невольно вѣрилось въ существованіе за

нимъ Бога. Отъ удовольствія онъ даже слегка прищелкнулъ языкомъ, и палачъ съ изумленіемъ взглянулъ на него, думая: не сходитъ ли онъ съ ума? Изумленіе его было такъ забавно, что на губахъ г-жи де-Кабри мелькнула улыбка.

Телѣжка остановилась. Палачъ и духовникъ сошли, за ними послѣдовалъ г. де-Мигюракъ. Отстранивъ ихъ, онъ преклонилъ колѣно и подалъ руку г-жѣ де-Кабри, которая, опершись на нее, соскочила на землю съ легкостью птички. Она поблагодарила его. Г. де-Мигюракъ направился къ помосту, но она его остановила.

— Какъ въ Версали,—проговорила она,—дамы идутъ первыми.

— Если вы этого желаете.

— Благодарю. Поцѣлуйте меня.

Она быстро коснулась губами его губъ, и затѣмъ, поддерживая рукою юбку, взбѣжала по лѣстницѣ.

— Вы вернете мнѣ этотъ поцѣлуй тамъ, въ раю!—крикнула она на прощанье.

Послышался гулъ толпы, тяжелые шаги, сухой звукъ чего-то скатившагося и затѣмъ—новый нескончаемый гулъ.

Духовникъ хотѣлъ-было обнять и поцѣловать маркиза.

— Ахъ, нѣтъ!—проговорилъ маркизъ.

Онъ не спѣша поднялся по лѣстницѣ, на губахъ его еще оставалось благоуханіе ея розовыхъ губъ. Какая-то свѣтлая радость наполняла благоуханіемъ его сердце, озаряла лицо его, и онъ явился передъ взорами толпы въ такомъ сіяніи красоты и спокойствія, при блескѣ майскаго солнца, что въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ. И онъ наслаждался, чувствуя вокругъ себя восхищеніе мужчинъ, любовь женщины и милосердіе Божіе.

Но палачъ спѣшилъ, онъ задѣлъ за что-то ногою и чуть-было не упалъ. Г. де-Мигюракъ поддержалъ его за руку. Сконфуженный исполнитель правосудія спросилъ его: не желаетъ ли онъ что-нибудь сказать?

Маркизъ задумался. Нѣтъ, ему нечего говорить, ему осталось только умереть. Онъ поднесъ обѣ руки къ губамъ и затѣмъ широко раскинулъ ихъ, словно посылая вселенной воздушный поцѣлуй, въ которомъ онъ желалъ объединить все живущее въ природѣ. Затѣмъ онъ покорно отдался въ распоряженіе палача. Топоръ упалъ съ рѣзкимъ стукомъ, кровь брызнула въ два ручья. Палачъ поднялъ голову за сѣдыя кудри и показалъ ее народу, но рукоплесканій не было. Губы ея были полураскрыты улыбкою.

Такъ закончилъ свою жизнь маркизъ де-Мигюракъ; аббатъ Жуанò заключаетъ такимъ образомъ свои „Мемуары“:

„Я не позволю себѣ высказывать никакихъ сужденій объ этомъ несравненномъ человѣкѣ. Онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу избранниковъ, которыхъ греки именовали героями, а папы причисляли къ лику святыхъ. Ни малѣйшее низкое побужденіе не запятнало души его. И тѣмъ болѣе меня повергаетъ въ изумленіе то обстоятельство, что я не могу извлечь никакого поученія изъ его жизни. Безъ сомнѣнія, Промыслу было угодно, чтобы имя маркиза де-Мигюракъ явилось примѣромъ какъ величайшихъ добродѣтелей, такъ и жесточайшихъ заблужденій его времени“.

Съ франц. О. Ч.

О СОВРЕМЕННОМЪ КРИЗИСѢ

I.

Странная двойственность замѣчается въ положеніи и настроеніи нашего общества за послѣдніе мѣсяцы...

Съ одной стороны, всѣми сознается неизбѣжность коренной реформы государственнаго строя, доказавшаго на дѣлѣ свою полную несостоятельность и приведшаго Россію къ неслыханнымъ пораженіямъ и неурядицамъ. Нѣкоторыя крупныя преобразованія уже торжественно возвѣщены или обѣщаны Верховною властью; другія еще подготовляются или находятся въ стадіи предварительнаго обсужденія, и важнѣйшею изъ этихъ ожидаемыхъ реформъ слѣдуетъ, конечно, считать созваніе „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей“ для участія въ предстоящей преобразовательной работѣ.

А съ другой стороны, виновники всѣхъ обрушившихся на насъ бѣдствій, представители и защитники бюрократическаго самовластія, смѣло выступаютъ противъ всякихъ серьезныхъ нововведеній и даже противъ относящихся къ нимъ Высочайшихъ указовъ, перетолковывая послѣдніе такъ, чтобы они потеряли всякое практическое значеніе. Въ то же время, рядомъ съ оффиціальнымъ правительствомъ, дѣйствуетъ какая-то закулисная сила, которая пытается организовать по всей странѣ явную или замаскированную охрану осужденнаго режима, прибѣгая для этого къ весьма сомнительнымъ и отчасти даже преступнымъ средствамъ, вродѣ призывовъ къ насиліямъ противъ „интел-

лигенціи". Образовался какой-то самозванный секретный комитетъ для рѣшительнаго противодѣйствія введенію необходимыхъ реформъ, намѣченныхъ въ Высочайшихъ указахъ, и этотъ негласный комитетъ, какъ говорятъ, позволялъ, будто бы, себѣ давать конфиденціальныя инструкціи губернаторамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ,—разумѣется, не безъ вѣдома и согласія центральной администраціи. Казенныя „Губернскія Вѣдомости" печатаютъ жестокія прокламаціи и статьи въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей", взываютъ къ расправѣ съ „внутренними врагами", т.-е. съ прогрессивными элементами русскаго общества, и съ откровеннымъ цинизмомъ объявляютъ неприкосновенною старую систему безправія и произвола.

Публика не знаетъ, чему вѣрить,—оффиціальнымъ ли заявленіямъ или отмѣняющимъ ихъ административнымъ распоряженіямъ и разъясненіямъ, — призывамъ ли свыше къ обсужденію способовъ усовершенствованія государственнаго порядка, или полуоффиціальнымъ воззваніямъ къ борьбѣ съ приверженцами всякихъ вообще политическихъ усовершенствованій.

Къ сожалѣнію, наше дѣйствительное положеніе зависитъ не отъ однихъ добрыхъ намѣреній и предположеній, а отъ ихъ оффиціальныхъ исполнителей и истолкователей, и потому самые лучшіе указы могутъ легко превращаться въ мертвую букву тотчасъ послѣ ихъ обнародованія. Эта фактическая возможность игнорировать и обходить волю законодателя или пользоваться ею только какъ орудіемъ административнаго самовластія—составляетъ именно тотъ соблазнъ, ради котораго бюрократія такъ упорно борется противъ малѣйшей попытки усовершенствованія государственнаго быта. Нужно наконецъ разъ навсегда признать, что незыблемость такъ называемыхъ „исконныхъ началъ" выгодна исключительно лишь для извѣстной партіи и ея многочисленныхъ служебныхъ органовъ, заправляющихъ дѣлами Россійской имперіи, и всегда отъ имени неограниченной государственной власти. Для этой партіи и самое самодержавіе есть не что иное, какъ ея собственное самовластіе, которое она и охраняетъ съ безпощаднымъ усердіемъ холоднаго эгоизма. „Неограниченное самодержавіе въ рукахъ этой партіи,—какъ говорилось въ одной нынѣ забытой брошюрѣ 1882 года,—есть то же самое, что всемогущество Юпитера въ рукахъ жрецовъ; жрецы всегда объявятъ атеистомъ всякаго, кто усомнится въ всемогуществѣ божіемъ, не потому, что такое сомнѣніе оскорбительно для божества, а потому что въ практикѣ жизни это всемогущество божіе есть не что иное какъ ихъ собственное всемогущество, и жертва, которую вы при-

носите божеству,—это ихъ доходъ, а не божества; но попробуйте не приносить жертвъ, — они станутъ жаловаться вовсе не на убытокъ, который они терпятъ отъ васъ, а на ваше безбожіе и вредный либерализмъ, посягающій на величіе божіе (читай: ихъ личныя выгоды)"... Въ той же брошюрѣ разсказано, какъ однажды императоръ Александръ II оборвалъ либеральные разговоры придворныхъ о конституціи: „Мнѣ лично—замѣтилъ государь—она не представила бы никакой опасности, но мнѣ жаль васъ, господа; что съ вами со всѣми тогда будетъ!" Мысль же о томъ, что надо жалѣть и Россію, тогда еще не возникала; но никто не сомнѣвается теперь,что „господа", пользовавшіеся тогда всѣми выгодами власти, не могли бы быть распорядителями страны и не продержались бы въ этомъ положеніи ни одного дня, еслибы было введено правильное народное представительство.

Безъ сомнѣнія, самый скромный парламентъ или земскій соборъ дѣлалъ бы невозможнымъ многолѣтнее хозяйничанье такихъ бюрократовъ, которые разоряли народъ, разстраивали государство и вели безсмысленную борьбу противъ русскаго общества въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ. При существованіи народнаго представительства у насъ не выдвигались бы впередъ люди злобные и невѣжественные, обскуранты, хищные карьеристы и интриганы, угнетавшіе русскую мысль и общественную жизнь во имя своихъ особыхъ интересовъ; государственные финансы не находились бы въ безконтрольномъ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, иногда совершенно неумѣлыхъ, иногда черезчуръ предпріимчивыхъ и самовластныхъ; внутренняя политика не заключалась бы въ жестокомъ преслѣдованіи всего лучшаго и идеальнаго въ русскомъ обществѣ и народѣ, въ подавленіи независимой печати, литературы, университетовъ, земскаго и городского самоуправленія, въ систематической травлѣ раскольниковъ, иновѣрцевъ и инородцевъ; беззаконіе не господствовало бы надъ страною въ видѣ многихъ своеобразныхъ учрежденій дореформенной эпохи; международныя дѣла государства не зависѣли бы отъ завѣдомо бездарныхъ и неспособныхъ личностей, или отъ иныхъ закулисныхъ дѣятелей, и вся новѣйшая исторія Россіи могла бы быть совершенно другая. Не было бы и цѣлаго ряда мучительныхъ внутреннихъ вопросовъ и кризисовъ, созданныхъ иными своеобразными государственными „охранителями". „Гражданинъ" и „Московскія Вѣдомости" не назывались бы поставщиками государственныхъ людей и вдохновителями всей нашей внутренней политики, и самыя эти газеты не занимали бы привилегированнаго положенія въ нашей печати. Правящіе дѣя-

тели нашей бюрократіи безпощадно вели государство къ полному упадку, придерживаясь девиза: „après nous le déluge“. И вотъ теперь, когда настало время положить конецъ ихъ господству и привлечь ихъ къ отвѣту за прошлое, они всѣми силами борются противъ новаго реформаторскаго теченія, проникшаго и въ правительственныя сферы, и не останавливаются даже передъ прямою оппозиціею такому указу, какъ указъ 18 февраля. Все это, быть можетъ, вполнѣ естественно, но, очевидно, ненормально и вовсе недопустимо.

Скрытая и явная оппозиція правительственныхъ же органовъ противъ преобразовательныхъ намѣреній и заявленій свыше порождаетъ крайне опасную смуту въ умахъ и всеобщую неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Не должно ли, наконецъ, установить полное единство въ правительственной организаціи и дѣятельности? Если у насъ дѣйствительно пришли къ сознанію, что Россія не можетъ уже болѣе идти по прежнему пути и должна для собственнаго своего спасенія усвоить политическія формы и порядки, принятые во всемъ культурномъ мірѣ, то это должно быть сдѣлано вполнѣ откровенно и рѣшительно, безъ двусмысленныхъ колебаній, безъ недомолвокъ и заднихъ мыслей, съ яснымъ пониманіемъ отвѣтственности за всю будущность государства и за положеніе его въ ряду великихъ державъ. Для этого необходимо теперь же устранить тѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія и несообразности, которыя сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе. Въ печати и въ обществѣ идутъ толки о созывѣ народныхъ представителей, ведутся споры объ избирательныхъ системахъ, а полиція попрежнему выслѣживаетъ и запрещаетъ невинныя частныя собранія, совершаетъ ночные обыски и аресты „впредь до выясненія причинъ“, пускаетъ въ ходъ оружіе противъ мирныхъ сборищъ и вообще дѣйствуетъ такъ, какъ будто все должно остаться по старому. Указомъ 12-го декабря 1904 года предписано было освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій и подчинить ее точнымъ законамъ; вслѣдствіе этого особое оффиціальное совѣщаніе признало необходимымъ упразднить предварительную цензуру, а между тѣмъ цензурное вѣдомство продолжаетъ преслѣдовать печать прежними предупредительно-карательными мѣрами, какъ будто не было вовсе ни указа 12-го декабря, ни особаго совѣщанія по дѣламъ печати. Тотъ же Высочайшій указъ провозгласилъ принципъ строгой законности, съ установленіемъ отвѣтственности должностныхъ лицъ предъ судомъ за незаконныя нарушенія частныхъ правъ и интересовъ, а на практикѣ продол-

жается въ полной силѣ примѣненіе правилъ объ усиленной охранѣ. Такая двойственность положенія не можетъ и не должна быть терпима долгое время; она исключаетъ возможность внутренняго спокойствія и порядка, поддерживаетъ постоянную тревогу въ населеніи и даетъ матеріалъ для хроническихъ волненій и конфликтовъ.

Имѣя въ виду пріобщить Россію къ благамъ разумнаго политическаго и правового строя, нужно было бы прежде всего, въ интересахъ общаго успокоенія и умиротворенія, заявить опредѣленную правительственную программу, которая была бы одинаково обязательна для всѣхъ вообще органовъ и агентовъ администраціи. Нѣтъ ничего опаснѣе правительственной двойственности во время такого труднаго и сложнаго общественно-политическаго кризиса, какъ настоящій. Мѣрами строгости нельзя скрыть ни внутренняго безсилія, ни разложенія существующаго режима, ни внутренняго разлада между правящими лицами, ни отсутствія авторитета; даже съ точки зрѣнія „охранителей", репрессивныя мѣры, направленныя противъ реформаторскихъ стремленій въ обществѣ, должны считаться совершенно неумѣстными и нелогичными, когда вопросъ о коренной реформѣ государственнаго строя оффиціально поставленъ уже на очередь.

Конечно, мысль объ этой неизбѣжной реформѣ противъ воли навязана нашей бюрократіи ошеломляющими событіями послѣдняго времени; но, разъ вступивъ на извѣстный путь, намѣченный неотразимою силою обстоятельствъ, не слѣдуетъ уже безплодно уклоняться въ противоположную сторону или придерживаться правилъ и пріемовъ покинутаго маршрута. Можно было бы теперь же, не дожидаясь предстоящаго созыва народныхъ представителей, ввести коллегіальное министерское управленіе, во главѣ котораго стоялъ бы первый министръ, отвѣтственный за общую политику правительства и назначенный на этотъ постъ изъ числа „достойнѣйшихъ" лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы отмѣнить законы объ усиленной охранѣ, какъ доказавшіе на дѣлѣ свою полную непригодность и безполезность даже съ точки зрѣнія личной охраны высшихъ представителей власти, и по тому же основанію упразднить нѣкоторыя спеціальныя учрежденія съ обширными, даже почти неограниченными полномочіями, несовмѣстимыми съ коренными основами правосудія и хотя бы какого-нибудь правового порядка; наконецъ, необходимо было бы устранить всѣ административныя стѣсненія свободы слова, печати и собраній, чтобы заранѣе была подготовлена почва для сознательныхъ выборовъ въ первое всероссійское представительное собраніе.

Только при такихъ условіяхъ русское общество могло бы убѣдиться въ существованіи опредѣленной и ясной правительственной программы, обѣщающей дѣйствительное обновленіе стараго государственнаго механизма для пользы Россіи, согласно Высочайшимъ указамъ 12-го декабря 1904 года и 18-го февраля 1905 года;—и тогда сразу прекратилась бы и та пагубная смута, которая къ бѣдствіямъ злосчастной и пагубной войны прибавляетъ еще позорище внутреннихъ неурядицъ и междоусобій, вызываемыхъ неразумнымъ усердіемъ мнимыхъ патріотовъ, „хулигановъ-охранителей“, при прямомъ или косвенномъ участіи второстепенныхъ агентовъ власти.

Однимъ изъ признаковъ благопріятнаго поворота въ нашей такъ называемой внутренней политикѣ было бы также урегулированіе крайне двусмысленнаго положенія реакціонной печати, пользующейся оффиціальными привилегіями для пропаганды идей злобы и вражды противъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества и народа. И эта злобная пропаганда ведется, какъ будто, во имя интересовъ высшаго правительства, подъ предлогомъ заботливой ихъ защиты, а потому она получаетъ невольно оффиціозный характеръ, и солидарность съ нею правящей бюрократіи предполагается сама собою даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нападки реакціонной прессы направлены противъ реформъ или облегченій, предпринятыхъ самимъ правительствомъ. Выходитъ такъ, что будто сама государственная власть поощряетъ и поддерживаетъ „охранительную“ оппозицію противъ своихъ собственныхъ доброжелательныхъ рѣшеній, или, другими словами, въ составѣ правительства, какъ будто, существуетъ партія, на которую могутъ смѣло опираться органы реакціи при всякихъ перемѣнахъ правительственныхъ теченій; а этимъ заранѣе создается недовѣріе къ лучшимъ намѣреніямъ и предначертаніямъ власти. Нельзя ничего имѣть противъ враждебныхъ реакціонныхъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ на частныя средства, на собственный страхъ и рискъ отдѣльныхъ лицъ; всякія мнѣнія, хотя бы явно нелѣпыя, должны пользоваться свободою, — но невозможно мириться съ тѣмъ, чтобы органы злобной реакціи существовали на казенный или общественный счетъ. „Московскія Вѣдомости“, принадлежащія номинально московскому университету и въ этомъ качествѣ получающія крупный доходъ отъ казенныхъ объявленій, давно превратились въ орудіе борьбы противъ всякихъ улучшеній нашей общественной и государственной жизни и сдѣлались предметомъ наживы для лицъ, откровенно стремящихся водворить у насъ отжившіе порядки. Пора положить конецъ этой

аномаліи и возвратить „Московскія Вѣдомости“ московскому университету, предоставивъ послѣднему придать газетѣ характеръ приличнаго университетскаго органа, свободнаго отъ увлеченій полицейскаго сыска; а тѣ публицисты, которые, подобно г. Гринмуту и его соратникамъ, чувствуютъ потребность спасать отечество своимъ патріотическимъ усердіемъ и мракобѣсіемъ, могутъ излагать свои взгляды въ печати на равныхъ правахъ съ либералами и прогрессистами, но безъ особыхъ пожертвованій со стороны казны.

II.

Всѣ эти наши „охранители“ и реакціонеры желали бы и впредь охранить всѣ выгоды своего положенія, въ качествѣ привилегированныхъ союзниковъ и фаворитовъ самовластной бюрократіи; — въ этомъ только и заключается ихъ единственная, сознательная руководящая идея, которую они тщетно думаютъ прикрыть своею мнимою безкорыстною преданностью исконнымъ началамъ русской государственности. Являясь горячими поклонниками самовластія вообще, они становятся суровыми его противниками и обличителями, когда оно почему-либо задѣваетъ ихъ интересы, и тотъ же принципъ, который громко превозносится ими въ теоріи, рѣшительно осуждается ими на практикѣ.

Напримѣръ, газета, не допускающая и мысли о правѣ публичной критики и общественнаго контроля по отношенію къ дѣятельности правительства, жестоко обрушивается на предсѣдателя комитета министровъ за его либеральные проекты, одобренные Высочайшею властью, — нисколько не останавливаясь уже предъ незыблемымъ авторитетомъ этой власти. „Московскія Вѣдомости“ подробно доказываютъ теперь въ цѣломъ рядѣ статей, что главнымъ виновникомъ нашихъ современныхъ бѣдствій долженъ считаться бывшій министръ финансовъ, самовластно распоряжавшійся всѣми средствами государства въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. Этотъ „всесильный министръ“ далъ грандіозное развитіе тому ложному коммерческому направленію экономической политики, которое усвоено было его предмѣстникомъ; онъ разорилъ сельское хозяйство и крестьянство, тратилъ сотни милліоновъ на поощреніе крупной промышленности, увлекся опасными затѣями на Дальнемъ Востокѣ и возстановилъ противъ насъ Англію, Соединенные Штаты и Японію; по его винѣ, „горы и долины Манчжуріи стали обильно орошаться золотомъ изъ государственнаго казначейства Россійской имперіи за счетъ

податныхъ средствъ русскаго народа"; онъ довелъ страну до тяжкаго кризиса и создалъ внѣшнія затрудненія, приведшія къ несчастной войнѣ.

Позвольте, однако,—спросимъ мы московскую газету,—развѣ бывшій министръ финансовъ самъ назначилъ себя министромъ и дѣйствовалъ безъ соотвѣтственныхъ Высочайшихъ указаній и повелѣній? Могъ ли онъ сдѣлаться „всесильнымъ министромъ" иначе какъ въ силу безусловнаго къ нему довѣрія верховной власти? Вѣдь онъ не былъ случайнымъ закулиснымъ дѣятелемъ, а получилъ свое высокое назначеніе еще въ царствованіе императора Александра III, въ эти „счастливые годы" и „свѣтлые дни", возбуждающіе, по выраженію газеты, „незабвенный свѣтлый рядъ воспоминаній" о временахъ Каткова, графа Дмитрія Толстого и еще одного „мудраго и нелицепріятнаго совѣтника по дѣламъ церкви и государства, какого никогда до него не имѣли русскіе государи". Предмѣстникъ бывшаго министра финансовъ, Вышнеградскій, впервые приложившій къ государству мѣрку торговой конторы или акціонерной компаніи, обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ преимущественно тѣмъ же самымъ „Московскимъ Вѣдомостямъ", которыя своими рѣзкими систематическими нападками успѣли свергнуть лучшаго и добросовѣстнѣйшаго изъ нашихъ министровъ финансовъ, Н. Хр. Бунге. Если теперь „Московскія Вѣдомости" находятъ, что экономическая политика Вышнеградскаго и его преемника была пагубна для государства, то газетѣ не мѣшало бы вспомнить, что на ней же лежитъ значительная доля отвѣтственности за торжество этой политики. Многолѣтнее закулисное вліяніе „Московскихъ Вѣдомостей", направленное къ охранѣ беззаконія и хищничества на почвѣ народнаго безправія и отупѣнія, было возможно лишь при неограниченномъ господствѣ тѣхъ бюрократическихъ основъ, которыя съ яростью защищаются теперь названною газетою, и эти же основы дѣлали бывшаго министра финансовъ „всесильнымъ" распорядителемъ нашего государственнаго хозяйства, обезпечивъ его на многіе годы отъ властнаго общественнаго контроля. Противъ чего же протестуютъ теперь заднимъ числомъ московскіе обвинители С. Ю. Витте, какъ не противъ системы самовластія? Очевидно, въ данномъ случаѣ они косвенно признаютъ безусловную необходимость правильнаго народнаго представительства, при которомъ разорительныя финансовыя и политическія предпріятія и увлеченія отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей были бы совершенно немыслимы или пресѣкались бы въ самомъ корнѣ.

Какъ же совмѣстить съ этой запоздалой критикой недавняго прошлаго и съ ея неизбѣжными логическими выводами настойчивыя старанія удержать въ неприкосновенномъ видѣ ту систему самовластія, которая принесла столь горькіе плоды? Почему спасительныя попытки ограничить на будущее время произволъ и фантазерство „всесильныхъ министровъ“ вызываютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отчаянные возгласы о „либеральномъ бѣсованіи“, о преступныхъ крамольникахъ и т. п.? Какимъ образомъ правительственные „устои“ и принципы, доказавшіе свою опасность въ эпоху безпрепятственной государственной дѣятельности бывшаго министра финансовъ, могутъ служить теперь фундаментомъ для образованія новой консервативной партіи, подъ ложнымъ названіемъ „монархической“? Безполезно было бы ожидать разъясненія этой путаницы отъ людей, личные интересы которыхъ требуютъ, въ одно и то же время, и непремѣннаго сохраненія самовластія, и столь же непремѣннаго исключительнаго доступа къ пользованію самовластіемъ для ближайшихъ его союзниковъ и покровителей. Невольно приходитъ на память однородная тактика прусскихъ охранителей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, выраженная въ словахъ: „...Und der König absolut, wenn er unsern Willen thut“!.. Ничто, значитъ, не ново подъ луной!

Такая же сѣть непримиримыхъ противорѣчій характеризуетъ программы всѣхъ партій, стремящихся обновить нашъ государственный бытъ чисто-внѣшними пристройками, безъ ущерба для исконныхъ началъ бюрократическаго полновластія. Естественно, что высшее чиновничество желаетъ сохранить за собою возможность безотвѣтственнаго управленія государствомъ и особенно драгоцѣнное право распредѣлять казенные милліоны по своему усмотрѣнію; поэтому оно и думаетъ поставить будущее народное представительство въ самые тѣсные предѣлы, чтобы заранѣе оградить себя отъ притязаній на серьезный и постоянный парламентскій контроль въ государственныхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что значительная часть нашего дворянства, опасаясь за свои сословныя и землевладѣльческія привилегіи, отстаиваетъ неприкосновенность основъ, на которыхъ держится владычество бюрократіи, и въ то же время, въ видѣ уступки насущнымъ потребностямъ Россіи, требуетъ введенія какихъ-то робкихъ, половинчатыхъ реформъ, призванныхъ, будто бы, сблизить народъ съ властью.

Но трудно понять, чѣмъ руководствуются независимые и повидимому искренніе патріоты, пугающіе публику всякими ужасами въ случаѣ усвоенія нами культурныхъ политическихъ по-

рядковъ, приспособленныхъ къ реальнымъ условіямъ нашей жизни. Неужели можно еще серьезно вѣрить въ самобытную цѣнность безнадежной хаотической неурядицы, издавна возведенной у насъ въ систему? Что хорошаго дала намъ эта мнимая самобытность, обрекающая народныя массы на невѣжество и нищету? Какъ могутъ добросовѣстные публицисты утверждать, что публичный контроль и общественное участіе въ государственныхъ дѣлахъ противорѣчатъ правамъ и интересамъ народа или подвергаютъ опасности его будущность? Требуется значительная доля цинизма, чтобы объявлять гибельнымъ для Россіи предоставленіе ей права жить свободно, подъ охраной твердыхъ законовъ, по образцу всѣхъ другихъ благоустроенныхъ государствъ. Многіе почему-то дѣлаютъ видъ, что слово „конституція“, вполнѣ безобидное и законное въ Пруссіи или въ Японіи, заключаетъ въ себѣ какой-то страшный таинственный смыслъ для нашего отечества,— хотя конституція есть лишь точное опредѣленіе особенностей даннаго государственнаго строя, каковы бы ни были внѣшнія его формы.

Въ упомянутой нами выше брошюрѣ 1882 года высказаны по этому поводу нѣкоторыя соображенія, сохраняющія силу и для настоящаго времени. „Извѣстный Мольеровскій буржуа, умирая, въ первый разъ узналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой. Я боюсь, — замѣчаетъ авторъ брошюры, — чтобы наша высшая государственная власть также не слишкомъ поздно поняла, что она всю свою жизнь управляла собственно на основаніи конституціи, т.-е. была ограничена, и вопросъ шелъ всегда только о томъ, *чѣмъ* и *какъ* она была ограничена. До сихъ поръ у насъ конституція была всегда личная: такъ, мы имѣли въ этомъ столѣтіи конституцію Аракчеевскую, Бенкендорфскую, Шуваловскую, Валуевскую, даже Тимашевскую, наконецъ Лорисъ-Меликовскую и Игнатьевскую, которая потомъ смѣнилась Толстовскою; не говорю о прочихъ болѣе мелкихъ конституціяхъ. Власть при этомъ оставалась неограниченною только въ томъ смыслѣ, что она не могла быть больше ограничена ничѣмъ, кромѣ извѣстной „клики“, а эта уступала мѣсто другой, болѣе сильной на поприщѣ интригъ и подкоповъ; но безъ той или другой клики управлять страною было нельзя, такъ какъ верховная власть никогда не можетъ управлять непосредственно. Такимъ образомъ, у насъ дѣло идетъ теперь вовсе не о введеніи конституціи,—конституцію мы всегда имѣли, имѣемъ и будемъ имѣть; конституція— это остовъ, худо ли, хорошо ли, но поддерживающій весь организмъ, со всѣми его снарядами; какъ нѣтъ человѣка безъ ко-

стей, такъ нѣтъ государственнаго тѣла безъ извѣстной конституціи. Въ силу конституціи, существующей и дѣйствующей у насъ съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ напряженіемъ, самодержавная власть ограничена теперь, какъ и прежде, административнымъ произволомъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки, въ ущербъ какъ самой верховной власти, такъ и интересамъ народа и общества. Только ограниченная закономъ, власть могла бы быть вполнѣ неограниченною со стороны административнаго произвола и всяческихъ партій. Но—скажутъ мнѣ—тогда нельзя будетъ назначать министромъ кого угодно; надобно будетъ принять въ соображеніе общественное мнѣніе и руководиться его указаніями, а это будетъ уже ограниченіе. Да, это будетъ ограниченіе, какое, впрочемъ, испытываетъ каждый изъ насъ, когда видитъ себя въ необходимости выходить въ дверь, а не въ окошко, что̀, можетъ быть, было бы прямѣе и лучше выражало бы неограниченность моей воли; но кто же изъ людей благоразумныхъ считаетъ это ограниченіемъ своей воли?!" Между тѣмъ, вслѣдствіе постоянной боязни „страшныхъ" словъ, вродѣ „крамолы" или „конституціи", мы издавна переживаемъ крайне трудный кризисъ. „Власть — говорится далѣе въ той же брошюрѣ — держитъ народъ и общество въ осадномъ положеніи,—это еще бываетъ на свѣтѣ, какъ явленіе временное и переходное; но вотъ чего не бываетъ: въ то же время власть сама находится въ осадномъ положеніи. Чѣмъ же можетъ кончиться такое по истинѣ чудовищное положеніе? Благоразумный человѣкъ можетъ отвѣчать только на одинъ вопросъ: какого конца нужно желать нашей современной (1882-й годъ) анархіи? Нужно, конечно, прежде всего желать, чтобы такая анархія кончилась; а анархія невозможна только тамъ, гдѣ народъ и власть, взятые вмѣстѣ, вполнѣ самодержавны, и кромѣ взаимнаго ограниченія, не знаютъ никакого другого. У насъ же приходятъ въ трепетъ при одной мысли объ ограниченіи власти искренно любящимъ ее народомъ, и не стыдятся жестокаго ограниченія со стороны тоже „любящей" (не спрашивайте: кого или что̀?) придворной клики и ея многоглаваго цербера—бюрократіи".

Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны приведенныя строки, и мы все еще стоимъ среди того же чудовищнаго хаоса внутреннихъ противорѣчій и недоразумѣній; намъ приходится повторять и доказывать тѣ же простыя, общедоступныя истины, признанныя во всемъ культурномъ мірѣ, но упорно отрицаемыя нашими своекорыстными охранителями бюрократическаго самовластія. За эту четверть вѣка, подъ сѣнью новыхъ

западно-европейскихъ идей и учрежденій, выросла изъ ничтожества новая первоклассная держава на Дальнемъ Востокѣ, и ей же, конституціонной Японіи, суждено было, къ стыду нашему, преподать намъ крайне чувствительные уроки разумнаго государственнаго благоустройства, свободнаго политическаго развитія, сознательнаго патріотизма и самоотверженія. А мы все еще топчемся въ старомъ болотѣ безнадежной самобытности, слышимъ попрежнему призывы къ обузданію вольнодумцевъ, предлагающихъ вывести народъ на спасительную торную дорогу, и видимъ тѣ же тревожныя усилія, съ одной стороны, дѣйствовать на общество путемъ страха, а съ другой — искать опоры и поддержки въ темныхъ силахъ народнаго невѣжества и суевѣрія. На этомъ общемъ грустномъ фонѣ нашей жизни проходятъ почти незамѣченными частичныя улучшенія и реформы, которыя въ другое время казались бы чрезвычайно важными, и страна съ тоскливымъ чувствомъ ждетъ установленія такого порядка, при которомъ подобныя реформы перестали бы быть дѣломъ случайности, навѣянной внѣшними неудачами. Мучительный кризисъ, съ обманчивыми перерывами и промежутками, тянется уже слишкомъ долго, и онъ не пройдетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится кореннымъ образомъ общій духъ и строй управленія.

III.

Двадцать-четыре года тому назадъ, 17 февраля 1881 года, императоръ Александръ II, какъ извѣстно, одобрилъ первый небольшой шагъ къ организаціи нѣкотораго подобія представительства — „привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ Высочайшею волею подлежащими разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ преобразованій“. Рѣшено было тогда образовать „общую коммиссію“ изъ свѣдущихъ лицъ и представителей разныхъ вѣдомствъ, мѣстныхъ дѣятелей по выбору отъ земствъ и городовъ и по назначенію отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы на обсужденіе этой коммиссіи передавались, по Высочайшему повелѣнію, составленные подготовительными коммиссіями законопроекты, предварительно внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ. „Работы общей коммиссіи — сказано было въ оффиціальномъ докладѣ объ этомъ проектѣ — имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопро-

совъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общею коммиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра". И этотъ невинный проектъ предварительнаго земско-бюрократическаго совѣщанія по законодательнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ министрами и разрѣшаемымъ государственнымъ совѣтомъ, при руководящемъ участіи тѣхъ же министровъ,—получилъ громкое названіе „конституціи" графа Лорисъ-Меликова и выставлялся какъ посягательство на священныя историческія основы русской государственности! Предположенный актъ заключалъ въ себѣ въ дѣйствительности только очень слабую попытку ограниченія министерскаго самовластія въ области законодательнаго „творчества", и тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ сильнѣйшую оппозицію въ лагерѣ высшей бюрократіи, издавна считавшей опаснымъ для себя даже малѣйшее и отдаленное соприкосновеніе верховной власти съ представителями земства и общественнаго мнѣнія. Былъ слухъ, что, на первыхъ порахъ по вступленіи на престолъ императора Александра III, проектъ былъ одобренъ, и на немъ сдѣлана была надпись: „онъ составленъ весьма хорошо"; но бюрократія не дремала, и руководители ея тотчасъ же вступились за неприкосновенность своего самовластія, сознательно выдавая послѣднее за синонимъ самодержавія. Наиболѣе энергичнымъ выразителемъ этого умышленнаго смѣшенія былъ тотъ самый сановникъ, котораго „Московскія Вѣдомости" называютъ нынѣ „такимъ мудрымъ и нелицепріятнымъ совѣтникомъ по дѣламъ церкви и государства, какого никогда до него не имѣли русскіе государи". Этотъ „мудрый и нелицепріятный совѣтникъ" постарался, въ союзѣ съ Катковымъ, напугать мнимыми опасностями довѣрчиваго отношенія къ народу и къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ; онъ же написалъ текстъ манифеста, которымъ положенъ былъ конецъ всякимъ посягательствамъ на безраздѣльное владычество бюрократіи. Такимъ образомъ, интересы бюрократическаго режима одержали верхъ надъ жизненными интересами и потребностями Россіи. Предостерегающіе голоса авторитетныхъ и умѣренныхъ прогрессистовъ, какъ Кавелинъ, Градовскій и Чичеринъ, не были услышаны, и послѣ пережитой четверти вѣка мы очутились передъ тѣми же тяжелыми и грозными задачами, какія выдвинуты были жизнью въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

Покойный К. Д. Кавелинъ, въ запискѣ, поданной имъ графу Лорисъ-Меликову въ мартѣ 1881 года, доказывалъ настоятельную необходимость придать единство ходу государственныхъ дѣлъ и

„установить главныя основанія правильной, систематически-стройной организаціи высшаго, средняго и низшаго управленія государствомъ, а также правъ и обязанностей подданныхъ и должностныхъ лицъ,—взамѣнъ теперешняго безправія и анархіи". „Все устроено у насъ такъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—что одни приближенные и министры имѣютъ голосъ, а всѣ остальные осуждены на безмолвіе. Такой порядокъ дѣлъ полезенъ для немногихъ, но вреденъ для государей и для страны. Для его поддержанія внушается, что престолъ окруженъ опасностями, что свобода печати произведетъ революцію, что подъ хорошими учрежденіями разумѣются конституція и ограниченіе самодержавной власти... Престолъ дѣйствительно окруженъ опасностями, но именно вслѣдствіе того, что произволъ высшей администраціи не знаетъ границъ и нѣтъ на нее никакой управы. Теперешнее беззаконіе и безурядица искусственно вызываютъ у насъ раздраженіе, ожесточеніе и, наконецъ, отчаяніе, которыя и создаютъ опасности престолу и государству. Съ водвореніемъ закона и законнаго порядка, опасности исчезнутъ, а не возродятся... Тѣ, которые пугаютъ государя призраками конституціи и свободы печати, благоразумно умалчиваютъ, что нынѣ самодержавная власть въ Россіи стѣснена и ограничена сановниками и чиновниками, которые дѣлаютъ что хотятъ... Минувшее царствованіе представляетъ горестныя доказательства тому, какъ все можетъ быть доложено государю въ превратномъ видѣ, когда единственными его совѣтниками являются министры. Честные и способные люди были оклеветаны и удалены, хищники и недобросовѣстные рекомендованы, какъ преданнѣйшіе отечеству и государю, полезные и надежные слуги, и поставлены на видныя мѣста въ государственномъ управленіи; благотворные законы и преобразованія были искажены въ примѣненіи и вмѣсто пользы принесли вредъ: тѣ, которые ихъ исказили, указывали, что вредъ произошелъ отъ этихъ законовъ и преобразованій, тщательно скрывая, что они были недобросовѣстно приведены въ дѣйствіе. Благодаря тому, что только одни министры имѣли голосъ у престола, государственные имущества и доходы подверглись безпощадному и безобразному расхищенію, нарушались именемъ государя несомнѣннѣйшія права, явно попирались законы, преслѣдовались, подъ предлогомъ неблагонамѣренности, лица и изданія не только безвредныя, но даже полезныя и вполнѣ честныя, за то только, что обличали произволъ того или другого министерства, не соглашались съ его взглядами, противорѣчившими закону, указывали на злоупотребленія, которыя тѣмъ или другимъ

министерствомъ тщательно скрывались... Цѣлыя области, племена, исповѣданія и званія поочередно подпадаютъ подъ опалу по навѣту министровъ, создающихъ имъ то или другое положеніе по своему усмотрѣнію... У насъ нѣтъ ничего похожаго на государственныя учрежденія, которыя пользовались бы авторитетомъ и довѣріемъ страны и могли бы въ минуты, подобныя настоящей (1881-й годъ), выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть положенія и ограждать государство и династію отъ опасности. То, что у насъ есть, напоминаетъ скорѣе помѣщичьихъ бурмистровъ и приказчиковъ и вотчинныя конторы. Благодаря отсутствію государственныхъ учрежденій, всѣ теперь потеряли голову; никто не знаетъ, что и какъ начать, и могутъ писаться такіе неудачные канцелярскіе манифесты о вступленіи на престолъ, какой мы прочли 2-го марта. Надо начать съ созданія государственныхъ учрежденій" (Собраніе сочиненій, изд. 1898 г., т. II, стр. 1069—1078).

Изъ этихъ посылокъ Кавелинъ не дѣлалъ, впрочемъ, соотвѣтственныхъ практическихъ выводовъ: подъ вліяніемъ старыхъ славянофильскихъ идей о коренномъ принципіальномъ различіи между Россіею и Европою, онъ упорно вѣрилъ въ осуществленіе у насъ такихъ политическихъ сочетаній, какихъ еще не видалъ міръ; онъ вѣрилъ въ возможность совмѣщенія самовластія съ твердою законностью и справедливостью, вѣрилъ въ торжество правды среди атмосферы лести и интригъ, надѣялся на непогрѣшимую проницательность высшихъ представителей власти и на неизмѣнную добровольную готовность ихъ приносить въ жертву личные взгляды и слабости, симпатіи и антипатіи, ради истинныхъ интересовъ страны и народа, и высказывался поэтому противъ единственно возможныхъ дѣйствительныхъ гарантій хорошаго управленія и прочнаго правового порядка, какія выработаны историческимъ опытомъ другихъ культурныхъ государствъ. К. Д. Кавелинъ довольствовался предложеніемъ незначительныхъ полумѣръ, вродѣ включенія въ составъ государственнаго совѣта, на правахъ членовъ и въ равномъ съ ними числѣ, выборныхъ отъ губернскихъ земствъ; онъ придавалъ также большое значеніе предварительному коллегіальному одобренію министерскихъ докладовъ и праву высшихъ государственныхъ учрежденій обращаться непосредственно къ государю; онъ совѣтовалъ, для проведенія нужныхъ реформъ, немедленно устроить „временный верховный распорядительный совѣтъ изъ пятнадцати или двадцати *лучшихъ людей*, какіе найдутся въ теперешнемъ составѣ высшаго государственнаго управленія", причемъ въ совѣтъ никакъ не должны попасть „ни Шуваловы, ни Валуевы, ни Тол-

стые, ни имъ подобные, опозорившіе минувшее царствованіе, настоящіе виновники несчастій, которыя мы пережили и переживаемъ". Первыми распоряженіями этого верховнаго совѣта, по мнѣнію Кавелина, должны были быть: возможно широкая амнистія, отмѣна смертной казни и административныхъ ссылокъ, дарованіе печати законнаго существованія, дарованіе свободы совѣсти и религіознаго культа, отмѣна стѣсненій народнаго языка въ школѣ и въ ежедневномъ употребленіи; сверхъ того, надлежало „отмѣнить самыя вопіющія и притѣснительныя несообразности и несправедливости въ дѣйствующихъ законахъ и правительственныхъ мѣрахъ, отъ которыхъ, безъ всякой необходимости, стонетъ русская земля и которыми поддерживается общее недовольство, уныніе, недовѣріе и апатія".

Но оцѣнка и выборъ „лучшихъ людей", какъ и выборъ спасительныхъ и полезныхъ мѣропріятій, производятся въ высшихъ сферахъ по совершенно другимъ основаніямъ и мотивамъ, чѣмъ въ той средѣ, къ которой принадлежалъ самъ Кавелинъ, и вскорѣ, какъ на зло, одинъ изъ перечисленныхъ имъ главныхъ „виновниковъ нашихъ несчастій", графъ Дмитрій Толстой, былъ признанъ не только лучшимъ, но и необходимымъ для государства человѣкомъ, которому можно было довѣрить на цѣлый рядъ дальнѣйшихъ лѣтъ управленіе всѣми внутренними дѣлами Россійской имперіи; ему предоставлено было нагромождать новыя „вопіющія и притѣснительныя несообразности и несправедливости" въ дополненіе къ прежнимъ, придуманнымъ имъ же и его единомышленниками въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. А между тѣмъ, о качествахъ его, какъ правительственнаго дѣятеля, не было уже тогда двухъ мнѣній въ образованномъ русскомъ обществѣ. Отставка его въ апрѣлѣ 1880 года была вызвана столкновеніемъ съ другими министрами изъ-за ходатайства московскихъ старообрядцевъ объ открытіи ихъ часовни, запечатанной по распоряженію Филарета при помощи мѣстной полиціи; „крестъ и евангеліе—какъ разсказываетъ одинъ изъ свѣдущихъ современниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ—валялись съ того времени въ алтарѣ, покрытые пылью, паутиною и плѣсенью, такъ что можно подумать, что это какая-нибудь болгарская церковь, запертая по распоряженію мусульманскихъ властей, и объ освобожденіи которой графъ Игнатьевъ забылъ упомянуть въ санъ-стефанскомъ договорѣ, или злодѣи-нѣмцы вычеркнули ее на берлинскомъ конгрессѣ". Дѣло разсматривалось въ комитетѣ министровъ, и почти всѣ были „въ пользу примѣненія условій

берлинскаго трактата и къ московской старообрядческой церкви, т.-е. находили справедливымъ удовлетворить ходатайство"; непреклонными „мусульманами православія" выступили только два сановника—графъ Толстой и лютеранинъ Посьетъ. Толстому удалось добиться отсрочки рѣшенія на неопредѣленное время, до пересмотра общаго вопроса о старообрядцахъ, а пока онъ пустилъ слухъ о подкупѣ раскольниками нѣкоторыхъ изъ его коллегъ; это предположеніе онъ высказалъ частнымъ образомъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій комитета министровъ, и результатомъ былъ конфликтъ, который пришлось уладить самому государю. Толстой былъ уволенъ, и при своемъ удаленіи онъ выказалъ свою преданность почтительнѣйшею „послѣднею просьбою"—сохранить за нимъ драгоцѣнное право носить мундиры обоихъ вѣдомствъ, одинаково дорогихъ его сердцу. Вся печать, не исключая и консервативной, встрѣтила его отставку единодушными заявленіями радости, посвящая убійственные „некрологи" государственной его дѣятельности, а два года спустя, въ маѣ 1882 года, онъ опять очутился въ положеніи полновластнаго вершителя нашихъ судебъ. Такъ отвѣтила практика придворно-бюрократическаго режима на благодушные рецепты реформаторовъ-идеалистовъ, подобныхъ нашему добрѣйшему Кавелину и его запоздалымъ новѣйшимъ подражателямъ. Еслибы Кавелину суждено было прожить еще одно десятилѣтіе, онъ по всей вѣроятности окончательно убѣдился бы въ безплодности своихъ славянофильскихъ иллюзій и съ свойственною ему искренностью отстаивалъ бы осуществленіе своего идеала—„мужицкаго царства", не въ отвлеченныхъ формулахъ, а въ реальной дѣйствительности, путемъ полноправнаго всенароднаго представительства, не смущаясь уже возможными параллелями съ западноевропейскими конституціями.

Еще болѣе умѣренъ и остороженъ въ своихъ требованіяхъ былъ Б. Н. Чичеринъ, но и онъ признавалъ тогда необходимость коренныхъ государственныхъ преобразованій. „Задача верховной власти—писалъ онъ въ докладной запискѣ, поданной графу Милютину для передачи Лорисъ-Меликову, въ мартѣ 1881 года,—состоитъ въ настоящее время въ образованіи однороднаго, вполнѣ согласнаго между собою правительства. Оно должно состоять изъ людей одинаковыхъ убѣжденій и стремленій, или по крайней мѣрѣ согласившихся въ основаніяхъ внутренней политики. Отъ министровъ слѣдуетъ потребовать общей программы дѣйствій и, слѣдовательно, совокупнаго обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и принятія совокупныхъ мѣръ. Отдѣльныя

программы различныхъ министровъ должны быть обсуждаемы въ совѣтѣ министровъ не случайно, какъ дѣлается нынѣ, а постоянно и правильно. Государю нужно имѣть предъ собою не отдѣльныя мнѣнія министровъ, а заключенія всего своего правительства. Тогда правительство будетъ имѣть внутреннюю политику. Съ нею оно явится передъ законодательнымъ органомъ, усиленнымъ и обновленнымъ выборнымъ элементомъ, и съ его помощью выработаетъ ту прочную общественную организацію власти, которой теперь нѣтъ. Такая власть будетъ и сильна, и либеральна, ибо только крѣпкая власть можетъ быть дѣйствительно либеральна; только на разумномъ порядкѣ зиждется свобода"... Совѣты Чичерина, какъ и Кавелина, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и едва-ли удостоились вниманія даже со стороны того „мудраго и нелицепріятнаго совѣтника", который своимъ побѣдоноснымъ вліяніемъ не только помѣшалъ спасительному повороту въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, но и себѣ лично обезпечилъ прочное властное положеніе на цѣлую четверть вѣка.

Недостатокъ сознательнаго единства въ составѣ, стремленіяхъ и взглядахъ правительства, безправіе общественнаго мнѣнія, отсутствіе твердаго законнаго порядка, основаннаго на правѣ, а не на силѣ,—все это создаетъ хроническую анархію въ различныхъ областяхъ государственной и народной жизни. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ говорилъ, что „Россія самодержавна уже потому, что она сама держится";—но долго ли еще нашъ государственный корабль будетъ идти самъ собою, „безъ руля и безъ вѣтрилъ", подчиняясь какимъ-то невѣдомымъ, ничѣмъ не контролируемымъ вліяніямъ? Много разъ онъ „неожиданно" натыкался на подводныя скалы, терпѣлъ болѣе или менѣе чувствительныя аваріи и кое-какъ избавлялся отъ возможнаго крушенія, благодаря разнымъ счастливымъ случайностямъ; нельзя, однако, всегда разсчитывать на судьбу и постоянно испытывать ея долготерпѣніе. Въ наше время всеобщаго прогрессивнаго движенія и лихорадочнаго международнаго соперничества опасность такого неопредѣленнаго критическаго состоянія—или кажущагося стоянія на одномъ мѣстѣ — усиливается съ каждымъ днемъ. Необходимо позаботиться, чтобы элементъ неожиданности и случайности пересталъ играть рѣшающую роль въ нашей жизни...

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905.

Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края.— Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ.—Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ.—Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина. — Странныя противорѣчія.

Седьмымъ пунктомъ Высочайшаго указа 12-го декабря 1904-го года опредѣлено произвести пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи. Первое изъ состоявшихся, на этомъ основаніи, положеній комитета министровъ Высочайше утверждено 1-го мая. Въ главной своей части оно имѣетъ характеръ полумѣры. Въ девяти западныхъ губерніяхъ свободно пріобрѣтать земельныя имущества въ собственность и пожизненное владѣніе, равно какъ и принимать ихъ въ залогъ, лица польскаго происхожденія могутъ только отъ другихъ лицъ той же категоріи. Пріобрѣтеніе, внѣ городовъ и мѣстечекъ, земельныхъ имуществъ отъ лицъ не-польскаго происхожденія разрѣшено полякамъ лишь въ видахъ уничтоженія черезполосности и хозяйственнаго округленія границъ, а также для цѣлей промышленнаго свойства (въ послѣднемъ случаѣ—въ количествѣ не свыше 60 десятинъ), и притомъ не иначе какъ съ согласія администраціи. По прежнему недопустимымъ признается, слѣдовательно, *увеличеніе* размѣровъ польскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ; отмѣняются только мѣры, направленныя къ его *уменьшенію*. Недостигнутою, такимъ образомъ, остается равноправность всѣхъ племенныхъ элементовъ населенія. А между тѣмъ, ихъ сближенію и примиренію она способствовала бы, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ сохраненіе, хотя бы отчасти, правоограниченій, вызванныхъ національностическими соображеніями. Если русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ пустило глубокіе корни,

оно не нуждается въ искусственной охранѣ; если оно виситъ на воздухѣ, его не спасутъ никакія запретительныя мѣры. Землевладѣлецъ по неволѣ, удерживающій за собою землю только за отсутствіемъ правоспособныхъ покупателей, ни для кого и ни для чего не можетъ служить опорой; въ балансѣ національности, къ которой онъ принадлежитъ, онъ является скорѣе отрицательной, чѣмъ положительной величиной. Ничего цѣннаго не вноситъ онъ и въ общую сумму мѣстной дѣятельности: нельзя ожидать отъ него полезной службы краю, съ которымъ онъ хотѣлъ бы, но не можетъ разстаться. Не говоримъ уже объ обходахъ закона, всегда вѣроятныхъ, когда установленный порядокъ идетъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни... Къ какимъ послѣдствіямъ ведутъ стѣсненія въ пріобрѣтеніи земельной собственности—это показано съ достаточной ясностью въ мотивахъ положенія комитета министровъ. „Уменьшается притокъ серьезныхъ покупателей изъ внутреннихъ губерній имперіи, подъ вліяніемъ опасенія затрудненій, неизбѣжныхъ какъ при покупкѣ, такъ и особенно въ случаѣ желанія найти потомъ пріобрѣтателя на имѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаются спекулянты, стремящіеся, путемъ дешевой покупки и затѣмъ возможно выгодной перепродажи земельныхъ имуществъ, сдѣлать прибыльную денежную операцію. Въ цѣляхъ скорѣйшей реализаціи затраченнаго на пріобрѣтеніе земли капитала, крупныя и благоустроенныя имѣнія дробятся на мелкіе участки, лѣсъ вырубается, сложное хозяйство, заведенное раньше, гибнетъ. Въ Сѣверо-западномъ краѣ, по вполнѣ авторитетному свидѣтельству, сельское хозяйство падаетъ, мѣстность бѣднѣетъ, подъемъ культуры замедляется“. Съ уменьшеніемъ стѣсненій *уменьшатся* и печальные ихъ результаты—но *устранитъ* послѣдніе могла бы только полная отмѣна первыхъ.

Что же препятствуетъ, по мнѣнію комитета министровъ, такой отмѣнѣ? „Русское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ“—читаемъ мы въ положеніи комитета—„хотя и увеличилось, но все еще недостаточно развилось и окрѣпло. Въ случаѣ отмѣны закона 1865 г., польское общество въ скоромъ времени вновь пріобрѣло бы многія изъ земельныхъ имуществъ, перешедшихъ въ русскія руки, и тѣмъ ослабились бы результаты, къ которымъ правительство столь упорно и неуклонно стремилось въ теченіе сорока лѣтъ. При томъ же, отмѣна указаннаго закона могла бы быть понята какъ измѣненіе прежней политики, которая всегда одобрялась русскимъ обществомъ, признававшимъ западныя губерніи искони русскою землею; отъ сего основного начала отступать, по мнѣнію комитета, невозможно безъ ущерба для развитія и упроченія русской государственности въ этомъ краѣ“. Намъ кажется, что еслибы значительная часть имѣній, въ настоящее время находящихся въ русскихъ рукахъ, перешла, при полной свободѣ сдѣ-

локъ, въ руки поляковъ, то это доказывало бы только одно: непрочность, неустойчивость русскаго землевладѣнія, неспособность его конкуррировать, безъ властной охраны, съ землевладѣніемъ польскимъ. Поддерживать то, что̀ лишено жизненной силы—трудъ по меньшей мѣрѣ излишній. Кто продолжаетъ владѣть землею лишь вслѣдствіе отсутствія покупателей, тотъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего не предпринимаетъ для поднятія культуры, ничего полезнаго не вноситъ ни въ хозяйственную, ни въ политическую жизнь края. Болѣе чѣмъ сомнительно, далѣе, чтобы запретительная политика, господствовавшая до сихъ поръ въ западныхъ губерніяхъ, находила одобреніе среди широкихъ круговъ русскаго общества. За нее высказывались, правда, нѣкоторые органы печати, обладавшіе, въ этой области, монополіей свободной рѣчи—но кому же неизвѣстно, что выразителями общественнаго мнѣнія наши газетные реакціонеры не были никогда, даже въ давнопрошедшіе моменты крайняго патріотическаго возбужденія? Признавать западныя губерніи исконно русскою землею — не значитъ еще сочувствовать правоограниченіямъ, установляемымъ для одной части мѣстнаго населенія. Поляки—такіе же уроженцы западныхъ губерній, такіе же граждане русскаго государства, какъ и литовцы или бѣлоруссы; послѣ сорока лѣтъ глубокаго внутренняго мира нѣтъ основанія отказывать имъ въ правахъ, которыми пользуются ихъ сосѣди. Въ Западномъ краѣ, какъ и вездѣ, опорой „русской государственности“ должна служить справедливость. Положеніе 1-го мая, даже въ его настоящемъ видѣ, является „измѣненіемъ прежней политики“—но измѣненіемъ недостаточно рѣшительнымъ, остановившимся на полдорогѣ.

Существенно важнымъ шагомъ впередъ является тотъ пунктъ положенія комитета министровъ, который допускаетъ преподаваніе польскаго и литовскаго языковъ въ начальныхъ, двухклассныхъ и городскихъ училищахъ Западнаго края, а также въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ литовской или польской народности. Изъ соображеній комитета видно, что къ школамъ грамотности и одноклассным начальнымъ училищамъ новое правило непримѣнимо. Намъ кажется, что примѣненіе его къ правильно организованнымъ, хотя бы и одноклассным начальнымъ училищамъ было бы иногда вполнѣ возможно; устроителямъ училищъ слѣдовало бы предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу. Едва ли правильно, далѣе, пріуроченіе новаго правила исключительно къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ къ литовской или польской народности принадлежитъ *большинство* учащихся. Предположимъ, что въ той или другой гимназіи, при общемъ числѣ 300 учащихся, поляковъ или литовцевъ насчитывается болѣе ста:

неужели этимъ не оправдывалось бы введеніе польскаго или литовскаго языка, какъ факультативнаго предмета преподаванія?.. Большимъ пробѣломъ, наконецъ, мы считаемъ нераспространеніе новаго правила на малорусское нарѣчіе. Главное, однако, сдѣлано: поколебленъ предразсудокъ, изгонявшій изъ школы мѣстные языки, какъ нѣчто идущее въ разрѣзъ съ политикой обрусенія — осуждена, слѣдовательно, и самая политика, принесшая столько вреда и народностямъ, противъ которыхъ она была направлена, и всему государству.

На министровъ и главныхъ начальниковъ вѣдомствъ комитетъ министровъ возложилъ обязанность немедленно принять мѣры къ отмѣнѣ не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ Западномъ краѣ. Если между этими распоряженіями окажутся такія, примѣненіе которыхъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго характера, будетъ признано необходимымъ, представленія о томъ должны быть направлены въ государственный совѣтъ. Намъ кажется, что порядки, вошедшіе въ административный обиходъ помимо закона—и, слѣдовательно, вопреки закону,—подъ вліяніемъ политическихъ взглядовъ, отвергаемыхъ теперь самимъ правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставляемы въ силѣ, даже на короткое время. Съ осужденіемъ системы должно исчезнуть все ею созданное. Разставаться съ дискреціонною властью всегда тяжело; опасно, поэтому, оставлять открытымъ вопросъ о тѣхъ или другихъ ея проявленіяхъ. Свобода пользоваться роднымъ языкомъ принадлежитъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка и гражданина. Слишкомъ долго, на окраинахъ Россіи, она считалась злоупотребленіемъ; пора возстановить ее вполнѣ, въ ея нормальныхъ предѣлахъ и размѣрахъ. До чего доходили ея стѣсненія—на это есть указанія въ самомъ положеніи комитета министровъ. Усмотрѣніемъ администраціи воспрещалось употребленіе польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ частныхъ обществъ, ограничивалось или вовсе воспрещалось употребленіе его въ частныхъ бесѣдахъ (разъ что онѣ происходятъ въ публичномъ мѣстѣ), въ разговорахъ учениковъ между собою. Особенно вреднымъ, даже опаснымъ комитетъ признаетъ послѣдній видъ преслѣдованія. Практикующая его школа можетъ, по словамъ комитета, „возбудить ненависть учащихся, затрогивая ихъ нравственное чувство, которое подсказываетъ любить и уважать родной языкъ. Съ другой стороны, у нихъ является недовѣріе къ наставникамъ и воспитателямъ, воспрещающимъ говорить на своемъ языкѣ; мало-по-малу, дѣти ускользаютъ отъ нравственнаго воздѣйствія лицъ, призванныхъ руководить ихъ духовнымъ и моральнымъ воспитаніемъ, и подчиняются постороннимъ, иногда вреднымъ вліяніямъ“. Читая эти строки, нельзя не пожалѣть о томъ, что выраженная въ нихъ

мысль такъ поздно усвоена правительствомъ. Сколько неизгладимыхъ впечатлѣній оставила въ умахъ прежняя школьная система, сколько трудно вознаградимаго вреда она принесла обѣимъ сторонамъ—и угнетавшей, и угнетаемой!

Большое впечатлѣніе произвелъ Высочайшій указъ 6-го мая, не столько своимъ содержаніемъ, сколько своею неожиданностью и тою формой, въ которую облечена вводимая имъ мѣра. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было учреждено въ 1894 г. въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, предполагающемъ болѣе или менѣе всестороннее обсужденіе вопроса и обезпечивающемъ если не правильное, то во всякомъ случаѣ зрѣло обдуманное его разрѣшеніе. Инымъ путемъ совершилось преобразованіе министерства въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, оно было сюрпризомъ даже для министерства, котораго оно непосредственно коснулось. Черезъ какія приготовительныя стадіи прошла реформа—это остается неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, она представляетъ собою нѣчто бо̀льшее, чѣмъ перемѣну въ названіи учрежденія и въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства: она создаетъ новый видъ управленія, одною своей стороной приближающійся къ настоящему, другою—какъ бы возстановляющій прошедшее. Общее руководство дѣлами о земельномъ устройствѣ крестьянъ ввѣряется комитету по земельнымъ дѣламъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ лицо, призванное къ тому Высочайшимъ довѣріемъ, а членами состоятъ министры императорскаго двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, государственный контролеръ, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ и другія лица, назначенныя Государемъ Императоромъ. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ преобразовывается въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія, служащее, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы канцеляріей комитета по земельнымъ дѣламъ. Управленіе дѣлами комитета возлагается на главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.

До сихъ поръ у насъ существовали два вида главныхъ управленій: одни стоятъ или стояли на ряду съ министерствами (главное управленіе государственнаго коннозаводства, прежде—главное управленіе путей сообщенія, главное управленіе почтъ), другія входили и входятъ въ составъ министерствъ (военнаго, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ), мало чѣмъ отличаясь отъ департаментовъ. Лица, поставленныя во главѣ управленій перваго рода, назывались и называются обыкновенно главноуправляющими (или главноначальствующими); лицамъ, поставленнымъ во главѣ управленій второго рода, присвоивается обыкновенно званіе начальника главнаго управленія. Съ этой точки зрѣнія

новое главное управленіе, начальникъ котораго названъ главноуправляющимъ, близко подходитъ къ министерствамъ, съ которыми оно сходно и многочисленностью, и разнообразіемъ предметовъ вѣдомства; но положеніе новаго главноуправляющаго существенно отлично отъ положенія министра, такъ какъ надъ нимъ стоитъ, въ качествѣ руководителя, особый комитетъ, въ которомъ онъ играетъ роль члена-дѣлопроизводителя. Техническія затрудненія, возникающія изъ этой двойственности, не представляютъ общаго интереса; любопытна только попытка слить воедино два противоположные типа управленія—коллегіальный и единоличный. Новое учрежденіе—своего рода двуликій Янусъ: въ немъ соединены черты Петровской коллегіи и Александровскаго министерства, но соединены такъ, что теряются лучшія свойства той и другого. Комитетъ по земельнымъ дѣламъ отличается отъ коллегіи тѣмъ, что состоитъ не изъ однихъ только лицъ, спеціально призванныхъ къ завѣдыванію даннымъ дѣломъ: въ немъ участвуютъ министры, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой опредѣленный, большею частью весьма обширный кругъ дѣйствій и можетъ отдавать комитету лишь сравнительно малую долю своего времени. Не менѣе велико и различіе между новымъ главнымъ управленіемъ и министерствомъ: въ послѣднемъ господствуетъ одна воля, управляетъ одно отвѣтственное лицо—въ первомъ происходитъ нелегко поддающееся регламентаціи раздѣленіе власти между руководителемъ и руководимымъ. Трудно предположить, чтобы столь сложное устройство могло привести къ удовлетворительнымъ результатамъ... На первое время рядомъ съ комитетомъ и главнымъ управленіемъ будетъ существовать еще особое совѣщаніе, учрежденное Высочайшимъ указомъ 30-го марта: ему поручено составить наказъ главному управленію по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, а предсѣдателю комитета по земельнымъ дѣламъ вмѣнено въ обязанность выработать проектъ положенія объ этомъ комитетѣ. Близко соприкасающимся между собою учрежденіямъ будутъ даны, такимъ образомъ, руководящія правила, идущія изъ двухъ различныхъ источниковъ. Это увеличитъ еще больше сумму затрудненій, коренящихся въ самой организаціи комитета и главнаго управленія. Не слишкомъ ли велики, вообще, надежды, возлагаемыя на перемѣны чисто внѣшняго характера? Есть ли основаніе думать, что совокупными усиліями совѣщанія, комитета и главнаго управленія будетъ сдѣлано нѣчто такое, чего не могло бы достигнуть министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ? Своевременны ли административныя новообразованія, когда близка такая коренная реформа, какъ призывъ къ жизни народнаго представительства? Вниманіе къ вопросу объ органахъ, которыми должны быть

произведены преобразованія, не идетъ ли въ ущербъ вниманію, котораго требуетъ самая сущность дѣла?

Какъ сложны, какъ велики задачи, стоящія на очереди въ сферѣ землеустройства—объ этомъ даютъ наглядное понятіе занятія совѣщанія по аграрнымъ вопросамъ, происходившаго въ Москвѣ, въ концѣ апрѣля, при участіи какъ представителей науки, такъ и земскихъ дѣятелей. Доклады А. А. Мануилова и кн. Петра Дмитріевича Долгорукова раскрыли картину крестьянскаго малоземелья, составляющаго не единственную, но главную причину бѣдственнаго положенія народной массы. Коренится оно еще въ недочетахъ крестьянской реформы, въ противодѣйствіи, встрѣченномъ первоначальными предположеніями редакціонныхъ коммиссій: размѣръ надѣловъ былъ значительно уменьшенъ, созданы были цѣлыя категоріи малоземельныхъ и безземельныхъ сельскихъ обывателей. Среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 43% были надѣлены землею въ количествѣ, не достигавшемъ нормы, тогда какъ между государственными крестьянами такой надѣлъ получили только $13^1/_2$%. Въ общемъ средній душевой надѣлъ для всѣхъ разрядовъ крестьянъ составлялъ въ 1861 г. около пяти десятинъ. Уменьшаясь по мѣрѣ роста населенія, онъ упалъ уже къ 1880-му году до $3^1/_2$ дес., а еще двадцать лѣтъ спустя приблизился къ $2^1/_2$ дес. Всего тяжелѣе положеніе такъ называемыхъ „дарственниковъ“, получившихъ въ 1861 г. четвертую часть нормальнаго надѣла; у нихъ на душу приходится отъ 0,2 до 0,4 десятины. Другимъ показателемъ малоземелья служитъ недостаточность надѣловъ для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія: коммиссія по оскудѣнію центра, работавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опредѣлила среднюю цифру недохватки хлѣба въ 17%, кормовыхъ средствъ—въ 41%. Чѣмъ же можетъ быть удовлетворена нужда въ землѣ? Переселеніями? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ докладъ извѣстнаго знатока переселенческаго вопроса, А. А. Кауфмана. Въ Сибири уже теперь почти исчерпанъ запасъ земли, годной для земледѣльческихъ поселеній. Въ Туркестанѣ ограничено количество воды, безъ которой тамъ невозможно земледѣліе; крайне дороги, притомъ, оросительныя работы. Свободныхъ земель въ Закавказьѣ не хватило бы и для мѣстнаго безземельнаго или малоземельнаго населенія. Казенныя (и удѣльныя) оброчныя статьи также служатъ земельнымъ фондомъ для мѣстныхъ крестьянъ. Изъ казенныхъ лѣсовъ — помимо вопроса о лѣсоохраненіи—лишь весьма немногіе соединяютъ въ себѣ условія, необходимыя для переселенія. Возможную ежегодную цифру переселенцевъ А. А. Кауфманъ опредѣляетъ въ сто тысячъ, а ежегодный

приростъ населенія достигаетъ двухъ милліоновъ... Преувеличенность надеждъ, возлагаемыхъ на крестьянскій банкъ, обнаруживаетъ докладъ М. Я. Герценштейна. Сначала дѣятельность банка стѣснялась тяжестью условій, на которыхъ выдавались ссуды; а когда эти условія были облегчены, начался непомѣрный ростъ цѣнъ на землю (съ 40 руб. за десятину въ 1891-мъ до 108 руб. въ 1902-мъ году), дѣлающій покупку, сплошь и рядомъ, невыгодною для крестьянъ. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка идетъ, притомъ, очень медленно: въ теченіе двадцати лѣтъ крестьяне пріобрѣли этимъ путемъ около $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Отношеніе цифры доплатъ (102 милл. руб.) къ цифрѣ банковой ссуды (355 милл.) заставляетъ думать, что пріобрѣтателями, въ большинствѣ случаевъ, были крестьяне сравнительно зажиточные... Земельной аренды, какъ источника удовлетворенія нуждъ въ землѣ, коснулся второй докладъ А. А. Мануилова. Онъ указалъ, что во многихъ мѣстностяхъ арендная плата поглощаетъ всю чистую доходность земли; и арендаторъ уплачиваетъ собственнику не только прибыль отъ предпріятія, но и часть своей заработной платы. Существуетъ и прямо подневольная аренда: чтобы избѣжать штрафовъ за потравы и округлить свои земли, крестьяне вынуждены арендовать разные клочки частновладѣльческихъ земель, врѣзывающіеся въ ихъ надѣлы.

Безсиліе палліативовъ свидѣтельствуетъ о необходимости болѣе рѣшительныхъ мѣръ, указаніе которыхъ и составило вторую задачу совѣщанія. Всего радикальнѣе была бы такъ называемая націонализація земли, но именно вслѣдствіе того противъ нея высказались какъ докладчикъ (М. Я. Герценштейнъ), такъ и совѣщаніе. Націонализація земли, какъ ее понимаетъ и предлагаетъ Генри Джорджъ, фактически равносильна конфискаціи. Собственники земли были бы лишены, безъ выкупа, дохода, которымъ они пользовались, между тѣмъ какъ собственники различныхъ видовъ капитала сохранили бы свои прежніе доходы. У насъ въ Россіи объявленіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель государственными является особенно нежелательнымъ. „При представительномъ образѣ правленія“—говоритъ М. Я. Герценштейнъ, — „въ высшей степени важно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе и для самоуправленія. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія. Площадь частновладѣльческихъ земель всѣхъ сословій въ 1900 г. равна была 100 милл. десят. На выкупъ ихъ пришлось бы затратить цѣлые милліарды, и такая финансовая операція при теперешнихъ условіяхъ денежнаго рынка едва ли возможна. Наконецъ,

идея націонализаціи требуетъ, чтобы выкупъ распространился не только на частновладѣльческія, но и на крестьянскія земли, площадь которыхъ достигаетъ въ настоящее время 130-ти милл. дес. Крестьяне послѣ реформы 1861 г. уже свыклись съ тѣмъ, что они должны вносить платежи въ теченіе опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго земля сдѣлается ихъ собственностью, хотя бы съ извѣстными ограниченіями. Возможна ли теперь такая мѣра, какъ выкупъ государствомъ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы земли сдавались въ пользованіе тѣмъ же крестьянамъ? Въ умахъ крестьянства возникла бы большая смута, если бы попытались объявить ихъ земли государственными". Выкупъ, по мнѣнію М. Я. Герценштейна, кн. П. Д. Долгорукова и А. А. Мануилова, необходимъ, но не общій, а частный—выкупъ, прежде всего, отрѣзовъ, выгоновъ, водопоевъ, чрезполосныхъ участковъ, „являющихся поводомъ къ столкновеніямъ и источникомъ обогащенія посредниковъ и кулаковъ", а также земель, которыми могли бы быть пополнены надѣлы дарственниковъ. Чтобы обезпечить крестьянъ настолько, насколько они были обезпечены въ 1861 г., нужно приблизительно отъ тридцати до тридцати пяти милліоновъ десятинъ, которыя и подлежали бы выкупу, съ обращеніемъ ихъ въ государственный земельный фондъ и предоставленіемъ крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе. Въ финансовомъ отношеніи выкупная операція не представила бы большихъ затрудненій, въ виду того, что значительная часть частновладѣльческихъ земель состоитъ уже въ залогѣ, и на государство могли бы быть переведены платежи кредитнымъ учрежденіямъ. „При проведеніи выкупной операціи"—говоритъ М. Я. Герценштейнъ—„должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія. Мелкія владѣнія могутъ быть изъяты изъ обязательнаго выкупа. Главнымъ критеріемъ для опредѣленія подлежащихъ выкупу земель должны быть арендныя земли. Цѣны для выкупа должны устанавливаться особыми государственно-общественными мѣстными учрежденіями изъ представителей земства, землевладѣльцевъ, крестьянъ, судебнаго вѣдомства... Аграрные безпорядки показываютъ, что вопросъ назрѣлъ, что нужно идти ему на встрѣчу и на ряду съ политическими вопросами поставить и экономическіе, прежде всего аграрные. Каждый классъ, желающій быть впереди, долженъ показать, что онъ умѣетъ не только требовать для себя правъ, но можетъ и принести въ жертву свои интересы ради общаго блага"... Обращеніе къ выкупу должно идти рука объ руку съ пересмотромъ законодательства о земельной арендѣ. Руководствуясь примѣромъ Ирландіи, А. А. Мануиловъ рекомендуетъ

обязательное для землевладѣльца, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возобновленіе арендnаго договора, урегулированіе чрезмѣрно высокой арендной платы и признаніе за арендаторомъ права на вознагражденіе за неиспользованную имъ часть земельныхъ улучшеній. Отъ введенія этихъ мѣръ выиграли бы и собственники, такъ какъ уменьшилась бы хищническая земельная культура.

Въ томъ же смыслѣ, какъ и докладчики, высказалось, послѣ происходившихъ преній, и большинство совѣщанія, оговоривъ, что рядомъ съ мѣрами къ уменьшенію малоземелья должно идти разрѣшеніе другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ (объ увеличеніи производительности и поднятіи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, о формахъ землевладѣнія, объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей и т. д.). Съ этой оговоркой программа совѣщанія отвѣчаетъ вполнѣ назрѣвшимъ потребностямъ народа. Успѣшное ея исполненіе возможно, конечно, лишь при государственномъ устройствѣ, открывающемъ широкій просторъ для дѣятельности всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ; но именно такого устройства и ожидаетъ теперь Россія... Псевдоохранительная печать выходитъ изъ себя, обвиняя совѣщаніе въ „черномъ передѣлѣ“, называя его членовъ „политическими проходимцами“, глупцами, „бредущими по слѣдамъ французскихъ коммунаровъ“. Эта брань—лучшая похвала совѣщанію, вся вина котораго заключается въ томъ, что оно посмотрѣло прямо въ глаза дѣйствительности и, констатировавъ надвигающуюся опасность, смѣло указало путь къ ея предупрежденію. По истинѣ жалки аргументы, которыми „Московскія Вѣдомости“ пытаются ослабить выводы совѣщанія. „А Сибирь, а Средняя Азія, а наши сѣверныя губерніи?“—вопрошаютъ онѣ, отрицая недостатокъ свободныхъ земель, на которыя могло бы направиться переселеніе, но даже не пытаясь опровергнуть докладъ А. А. Кауфмана, въ которомъ этотъ недостатокъ доказанъ несомнѣнными цифрами и данными. Выкупъ земли отожествляется съ ея „захватомъ“, проекты выкупной операціи приравниваются къ „науськиванью“ на помѣщичьи экономіи; въ отдаленномъ будущемъ рисуется призракъ „коммуны“, составляющей, будто бы, неизбѣжный результатъ намѣчаемыхъ преобразованій. Такіе полемическіе пріемы доказываютъ только одно: умственное безсиліе тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ.

Въ газетахъ появились любопытныя сообщенія о взглядахъ М. М. Ковалевскаго на очередные вопросы избирательнаго права. Высказываясь, въ принципѣ, за всеобщую подачу голосовъ, М. М. Ковалевскій ограничиваетъ ее, въ примѣненіи къ Россіи, требованіемъ отъ изби-

рателей двадцатипятилѣтняго возраста, грамотности и болѣе или менѣе продолжительной осѣдлости. Неподходящей къ условіямъ настоящей минуты кажется ему и прямая подача голосовъ. „Въ странѣ съ развитымъ политическимъ бытомъ"—сказалъ онъ въ бесѣдѣ съ парижскимъ корреспондентомъ „Руси"—„различіе между прямой и двухстепенной подачей голосовъ совершенно стушевывается: выборщики получаютъ вполнѣ опредѣленныя полномочія и являются лишь porte-voix избирателей. Но у насъ, въ странѣ совершенно свѣжей и непривыкшей къ выборной агитаціи, выборщики составятъ значительно болѣе самостоятельную и просвѣщенную коллегію, чѣмъ избиратели". Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ М. М. Ковалевскаго мы безусловно согласны и думаемъ, что двухстепенной системы слѣдовало бы держаться не только при первыхъ выборахъ—еслибы они были произведены всеобщей подачей голосовъ, — но и при послѣдующихъ, пока народная масса не достигла бы полной политической зрѣлости. Противники двухстепенной подачи голосовъ ссылаются, между прочимъ, на данныя избирательной статистики, показывающія, что въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, гдѣ существуетъ эта система, участіе избирателей въ выборахъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ германской имперіи, гдѣ дѣйствуетъ прямая подача голосовъ. Мы думаемъ, что объясненіе этому факту слѣдуетъ искать не въ различіи избирательныхъ системъ, а въ различіи представительныхъ собраній. Палаты отдѣльныхъ германскихъ государствъ, не исключая даже Пруссіи, имѣютъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ германскій рейхстагъ; понятно, что меньше и интересъ, возбуждаемый выборами въ эти палаты. Весьма важно и то, что въ большей части германскихъ государствъ существуетъ дѣленіе избирателей на разряды, вовсе устраняющее однихъ отъ пользованія избирательнымъ правомъ, крайне съуживающее роль другихъ и, слѣдовательно, уменьшающее въ широкихъ кругахъ интересъ къ выборамъ. Указываютъ, дальше, что представители, выбранные двухстепенной подачей голосовъ, не могутъ находить въ своихъ избирателяхъ той активной поддержки, того живого сочувствія, установленію которыхъ способствуютъ прямые выборы. Намъ кажется, что степень сочувствія и поддержки зависитъ не столько отъ избирательной системы, сколько отъ обстоятельствъ даннаго времени. Если народъ живетъ повышенною жизнью, если атмосфера насыщена электричествомъ, между избирателями и избираемыми устанавливается крѣпкая связь, усиливающаяся въ той же мѣрѣ, въ какой обостряется борьба, увеличивается опасность. Наоборотъ, внутренній миръ благопріятствуетъ росту индифферентизма, разобщающаго народъ и народное представительство. Во время конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ народныя

массы твердо стояли на сторонѣ послѣдней, несмотря на господство трехразрядной и двухстепенной избирательной системы—а въ исторіи третьей французской республики найдется немало эпохъ глубокаго равнодушія къ палатѣ, избранной всеобщею и прямою подачею голосовъ. У насъ въ Россіи двухстепенные выборы желательны, до поры до времени, прежде всего потому, что они гораздо больше прямыхъ обезпечиваютъ *сознательность* и *независимость* избранія. Въ сельскомъ избирательномъ округѣ, съ разбросаннымъ стотысячнымъ населеніемъ, избирателямъ, въ отдѣльности взятымъ, чрезвычайно трудно будетъ составить себѣ ясное, опредѣленное понятіе о каждомъ изъ числа кандидатовъ въ представители. Съ кѣмъ будутъ совѣтоваться крестьяне, живущіе въ глуши, у кого будутъ искать разъясненія своихъ сомнѣній, отвѣта на занимающіе ихъ вопросы? Вездѣ ли найдется удобное мѣсто для предвыборныхъ собраній, удобная обстановка для предвыборной агитаціи? Нѣтъ ли основаній опасаться, что дѣйствіе, произведенное дошедшею до деревни избирательною profession de foi или словами благополучно добравшагося до нея избирательнаго агента, будетъ изглажено стараніями властныхъ или вліятельныхъ лицъ, тяжелая рука которыхъ слишкомъ хорошо знакома сельскому населенію?.. Иное дѣло—избраніе выборщиковъ. Кандидатами на это званіе выступятъ, въ небольшомъ избирательномъ участкѣ, мѣстные жители, хорошо извѣстные всѣмъ и каждому и чѣмъ-нибудь, въ большинствѣ случаевъ, выдѣляющіеся изъ толпы. Однажды выбранные, они соберутся въ уѣздномъ городѣ или въ другомъ бойкомъ мѣстѣ, гдѣ, на виду у всѣхъ, не такъ-то легко будетъ помѣшать ихъ совѣщанію между собою и съ посторонними лицами—и совершенно невозможно будетъ преградить имъ доступъ къ ознакомленію съ печатью, общею и спеціально относящеюся къ выборамъ. Гораздо чаще, благодаря всему этому, будетъ получаться, съ перваго раза, абсолютное большинство голосовъ, устраняющее надобность въ перебаллотировкѣ, т.-е. возможность избранія лица, въ пользу котораго вотировало только меньшинство. Чтобы предупредить давленіе на выборщиковъ, достаточно избирать ихъ въ такомъ числѣ, которое затрудняло бы попытки склонить индивидуально каждаго изъ нихъ къ подачѣ голоса за кандидата, угоднаго власти.

Возвратимся къ другой сторонѣ мнѣнія, выраженнаго М. М. Ковалевскимъ—къ тѣмъ ограниченіямъ, которыми онъ предлагаетъ обставить всеобщую подачу голосовъ. Съ однимъ изъ нихъ мы никакъ не можемъ согласиться: это — требованіе грамотности отъ избирателей. Неграмотныхъ крестьянъ у насъ еще такъ много, и грамотность, доведенная до минимума (а только о такой грамотности, т.-е. объ умѣньѣ читать и писать, доказываемомъ при самыхъ выборахъ, и говоритъ

М. М. Ковалевскій), такъ мало свидѣтельствуетъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи, что возведеніе ея на степень избирательнаго ценза было бы и несправедливо, и безцѣльно. Когда М. М. Ковалевскому было указано, что требованіе грамотности, допустивъ къ участію въ выборахъ крестьянскую молодежь, прошедшую черезъ школу, сдѣлало бы его недоступнымъ для массы пожилыхъ крестьянъ, онъ призналъ, что избирательное право могло бы быть предоставлено, въ виду ихъ житейской опытности, всѣмъ безъ исключенія старикамъ, достигшимъ пятидесятилѣтняго возраста. Намъ кажется, что эта мѣра, нарушивъ цѣльность системы, не устранила бы ея коренной недостатокъ: лишенными избирательнаго права все-таки остались бы десятки тысячъ домохозяевъ, обладающихъ достаточнымъ житейскимъ опытомъ —а избирателями явились бы, въ то же время, ихъ сыновья, только-что вступающіе въ жизнь... Установленіе продолжительнаго срока осѣдлости, какъ условія для пользованія избирательнымъ правомъ, не имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, того значенія, которое придаетъ ему М. М. Ковалевскій. Онъ считаетъ его особенно необходимымъ въ виду бѣдности нашихъ народныхъ массъ и низкаго уровня гражданственности; иначе—говоритъ онъ—будетъ возможно „массовое передвиженіе избирателей изъ одной губерніи въ другую, для проведенія того или другого кандидата“. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно въ Россіи срокъ осѣдлости, съ точки зрѣнія избирательнаго права, сравнительно неваженъ. Значительная часть нашего сельскаго населенія отличается крайне малою подвижностью: уходящіе въ отхожіе промыслы нигдѣ, по общему правилу, не остаются долго; рабочихъ, не имѣющихъ постояннаго мѣста жительства и безпрестанно переходящихъ изъ одного города въ другой, съ одной фабрики на другую, не такъ много, чтобы изъ-за нихъ нужно было принимать особыя мѣры предосторожности. „Массовое передвиженіе“ съ избирательными цѣлями болѣе вѣроятно за-границей, чѣмъ въ Россіи, какъ въ виду нашихъ громадныхъ разстояній, такъ и въ виду только-что возникающей у насъ организаціи партій. Чтобы предупредить его, достаточно, притомъ, и короткаго срока осѣдлости: вѣдь нельзя же предположить, что партія, задумавшая искусственное перемѣщеніе избирателей, возьметъ на себя не только издержки ихъ переѣзда, но и издержки содержанія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Шестимѣсячная осѣдлость кажется намъ, поэтому, вполнѣ достаточною... Болѣе спорнымъ является вопросъ о возрастномъ цензѣ, но и его мы склонны разрѣшить иначе, чѣмъ предлагаетъ М. М. Ковалевскій. Гражданское совершеннолѣтіе слѣдовало бы признать и политическимъ, такъ какъ именно молодежью новый порядокъ вещей всего скорѣе можетъ быть правильно понятъ и оцѣненъ по достоинству — а наклонность ея къ

увлеченіямъ найдетъ достаточный противовѣсъ въ избирателяхъ старшихъ возрастовъ... Само собою разумѣется, что все сказанное нами относится не къ первымъ выборамъ, для которыхъ, по нашему мнѣнію, желателенъ особый, временной избирательный порядокъ, а къ послѣдующимъ, когда должна вступить въ силу всеобщая подача голосовъ.

Благодаря „Русскимъ Вѣдомостямъ“, открывающимъ свои столбцы различнымъ мнѣніямъ по избирательному вопросу, широкій кругъ читателей могъ ознакомиться съ любопытной статьей казанскаго профессора В. В. Ивановскаго, реагирующей противъ повальнаго преклоненія передъ всеобщей подачей голосовъ, какъ средствомъ *немедленно* достигнуть возможно-лучшихъ результатовъ. Дѣйствительность, какъ совершенно правильно замѣчаетъ В. В. Ивановскій, не оправдываетъ подобныхъ ожиданій: въ Германіи, напримѣръ, при всеобщей подачѣ голосовъ, составъ парламента неизмѣнно, въ теченіе почти сорока лѣтъ, имѣетъ консервативное большинство, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ двѣнадцатилѣтнее (1878 — 1890) господство исключительныхъ законовъ, при помощи которыхъ Бисмаркъ управлялъ страной „въ ущербъ свободѣ гражданъ и въ нарушеніе всѣхъ основныхъ ихъ правъ“. Признавая, вмѣстѣ съ В. В. Ивановскимъ, что всеобщая подача голосовъ—далеко не панацея, излечивающая всѣ политическіе недуги, „Русскія Вѣдомости“ обращаютъ вниманіе на то, что „всеобщее избирательное право, гдѣ оно введено, продолжаетъ дѣйствовать въ свойственномъ ему направленіи. Во французскомъ законодательномъ собраніи имѣется уже вліятельная группа представителей большинства населенія; въ германскомъ рейхстагѣ такое представительство, олицетворявшееся вначалѣ однимъ депутатомъ, растетъ каждый разъ съ новыми выборами и нынѣ достигаетъ уже внушительной цифры. Эта система выборовъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ самой себѣ заключаетъ необходимый коррективъ: вмѣстѣ съ ростомъ сознательнаго отношенія избирателей къ своимъ правамъ расширяется кругъ дѣятельныхъ избирателей и усиливается представительство интересовъ большинства населенія“. Это совершенно вѣрно —но что же отсюда слѣдуетъ? Только одно: несостоятельность *принципіальныхъ* возраженій противъ всеобщей подачи голосовъ. Главный предметъ спора—*своевременность* введенія ея въ Россіи—здѣсь не затронутъ вовсе. Всеобщему избирательному праву, вездѣ, гдѣ оно прочно вошло въ государственное устройство, предшествовала болѣе или менѣе продолжительная, болѣе или менѣе свободная политическая жизнь. Попытки прямо перейти отъ безправія къ наиболѣе широкому праву всегда терпѣли крушеніе, слѣды котораго изглажива-

лись нескоро: достаточно вспомнить событія 1848-го года въ Германіи, Пруссіи, Австріи—и послѣдовавшій за ними мрачный періодъ реакціи. Наоборотъ, движеніе впередъ, когда для него имѣются благопріятныя предпосылки, совершается мирно и непрерывно. Такого движенія мы желали бы для Россіи—и именно потому не можемъ присоединиться къ нетерпѣливымъ голосамъ, не допускающимъ и мысли объ отсрочкѣ въ осуществленіи всеобщаго избирательнаго права.

Мало встрѣчающая сочувствія въ литературѣ, мысль о временномъ избирательномъ порядкѣ, примѣнимомъ только къ *первымъ* выборамъ народныхъ представителей, найдетъ, быть можетъ, нѣсколько бо̀льшую поддержку въ земскихъ собраніяхъ. Коммиссія, выбранная происходившимъ на дняхъ псковскимъ чрезвычайнымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, пришла къ заключенію, что ради скорѣйшаго созыва народнаго представительства можно поступиться, на первый разъ, желательнымъ расширеніемъ избирательнаго права. Первое представительное собраніе, по мнѣнію коммиссіи, могло бы быть составлено изъ лицъ, избранныхъ нынѣ существующими учрежденіями. Нѣкоторые гласные стояли за немедленное примѣненіе всеобщей, прямой и равной подачи голосовъ, другіе—за расширеніе рамки земскихъ собраній и круга земскихъ избирателей; но большинство собранія согласилось съ заключеніемъ коммиссіи. На случай призыва представителей отъ земства въ совѣщаніе гофмейстера Булыгина собраніе намѣтило пять лицъ (въ томъ числѣ губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя губернской управы), признавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что только такими выборными представителями можетъ быть выражено истинное мнѣніе даннаго земства; *приглашенные* въ совѣщаніе министромъ внутреннихъ дѣлъ, земскіе дѣятели могли бы говорить только отъ своего личнаго имени. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такого взгляда держится не одно псковское земство; болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ уполномочія со стороны своего собранія земскіе гласные, за немногими развѣ исключеніями, не найдутъ возможнымъ явиться въ совѣщаніе гофмейстера Булыгина. Нужно надѣяться, поэтому, что не оправдаются слухи, по которымъ членами совѣщанія должны быть исключительно лица, приглашенныя министромъ. Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ выбора уполномоченныхъ, заключается въ томъ, что этимъ нѣсколько замедлилось бы начало работъ совѣщанія; но лучше непродолжительная отсрочка—говоримъ: *непродолжительная*, потому что созывъ чрезвычайныхъ собраній и пріѣздъ выбранныхъ ими лицъ въ Петербургъ едвали потребовали бы больше шести недѣль,—чѣмъ такой составъ совѣщанія, который не

пользовался бы довѣріемъ общества и почти неизбѣжно оказался бы недостаточно огражденнымъ отъ бюрократическихъ вліяній. Вопросъ, подлежащій обсужденію совѣщанія, имѣетъ громадную важность: тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ будутъ въ значительной степени предопредѣлены первые шаги народнаго представительства. Предположимъ, напримѣръ, что вѣренъ слухъ, приписывающій министерству внутреннихъ дѣлъ намѣреніе ограничить число членовъ представительнаго собранія тремя—отъ каждой болѣе населенной, двумя—отъ каждой менѣе населенной губерніи. Всѣхъ губерній и областей въ Россіи (не считая Финляндіи) 89: изъ нихъ 34 имѣютъ менѣе милліона жителей и могутъ считаться малонаселенными. Общее число представителей, по вышеприведенному разсчету, не превышало бы 233—т.-е. далеко не соотвѣтствовало бы значенію задачи, предстоящей первому представительному собранію... Въ кругъ работъ совѣщанія войдетъ, по всей вѣроятности, не только установленіе порядка выборовъ въ представительное собраніе, но и опредѣленіе, въ главныхъ чертахъ, его функцій, его роли. Неужели и по этому вопросу, столь новому въ русской государственной жизни, не будетъ выслушанъ голосъ людей, стоящихъ въ сторонѣ отъ колесъ административной машины?..

Пока не рѣшенъ вопросъ о составѣ совѣщанія, предсѣдателемъ котораго будетъ гофмейстеръ Булыгинъ, пока неизвѣстно время созыва представительнаго собранія, до тѣхъ поръ особую важность сохраняетъ указъ 18-го февраля, какъ единственное средство, съ помощью котораго земство и другія общественныя учрежденія могутъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства свои взгляды на предстоящее преобразованіе. Между тѣмъ, пользованіе этимъ средствомъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ трудно объяснимыя препятствія—трудно объяснимыя уже потому, что они возникаютъ не повсемѣстно. Въ то самое время, когда въ земскихъ собраніяхъ псковскомъ и с.-петербургскомъ свободно ставятся на очередь предложенія, основанныя на указѣ 18-го февраля, въ рязанскомъ уѣздномъ земствѣ и николаевской городской думѣ такія же предложенія признаются не подлежащими обсужденію; херсонскій губернаторъ останавливаетъ исполненіе постановленій губернскаго собранія о возбужденіи ходатайствъ, мотивированныхъ указомъ 18-го февраля. Еще болѣе поразительны вѣсти о судьбѣ аналогичныхъ ходатайствъ, предпринятыхъ сельскими обществами. Въ борзненскомъ уѣздѣ (черниговской губерніи) ходатайство конышевскаго сельскаго общества повлекло за собою арестъ его „зачинщиковъ“ и репримандъ „проглядѣвшему“ его земскому начальнику. Въ тираспольскомъ уѣздѣ (херсонской губерніи) производилось

дознаніе объ адресѣ, поданномъ крестьянами села Славяносербки; земскій начальникъ требовалъ, съ угрозами, чтобы былъ названъ составитель адреса; крестьяне отвѣчали, что свою нужду и свое горе они сами хорошо знаютъ и не нуждались въ чужой помощи для изложенія своихъ желаній. „Если можете идти противъ царской воли“— говорили они начальству,—„то жалуйтесь на насъ въ судъ“. Въ этихъ простыхъ словахъ отразился цѣлый переворотъ, совершающійся, очевидно, въ умахъ крестьянства...

Противорѣчіе между правительственными актами и административными распоряженіями замѣчается не только въ области примѣненія указа 18-го февраля. Приведемъ этому два примѣра, особенно характерные. Въ коммиссіи по пересмотру положенія объ усиленной охранѣ, приступившей къ своимъ занятіямъ въ первыхъ числахъ минувшаго мая мѣсяца, подавляющее большинство категорически высказалось противъ права администраціи производить обыски и аресты, находя эту мѣру нарушающей элементарныя понятія о гражданскихъ правахъ; оно констатировало тотъ безспорный фактъ, что никто—даже въ мѣстностяхъ, гдѣ не введена усиленная охрана,—не огражденъ противъ вторженія въ его квартиру, въ любое (слѣдовало бы прибавить— преимущественно ночное) время. Отражается ли это убѣжденіе, выраженное однимъ изъ высшихъ государственныхъ установленій, на образѣ дѣйствій административныхъ органовъ? Далеко не всегда и не вездѣ; практика обысковъ и арестовъ во многихъ случаяхъ остается прежняя. Распространяется, вмѣстѣ съ тѣмъ, сфера примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ, хотя коммиссія и находитъ, что эти правила, „являясь чѣмъ-то среднимъ между нормальнымъ порядкомъ и военнымъ положеніемъ, представляются вовсе излишними“. По справедливому замѣчанію коммиссіи, „лучше ужъ, когда того требуетъ государственная безопасность, прямо объявлять мѣстность на военномъ положеніи. Это, во-первыхъ, болѣе гарантируетъ водвореніе порядка, во-вторыхъ—такое положеніе по существу не можетъ длиться; въ виду серьезности мѣры вводить ее будутъ съ большой осторожностью и въ случаяхъ дѣйствительно исключительныхъ; наконецъ, этимъ положеніемъ не будутъ пользоваться ни для административныхъ, ни для санитарныхъ, ни для иныхъ цѣлей“... Другой примѣръ: 11-го августа 1903-го года были изданы правила о борьбѣ съ эпидеміями, сводящія участіе земства въ этой борьбѣ почти исключительно къ роли кассира, хотя именно земскими учрежденіями всего больше сдѣлано и дѣлается для охраны народнаго здоровья. Очень многія земства, въ томъ числѣ и с.-петербургское, возбудили ходатайства о непри-

мѣненіи этихъ правилъ, указывая, съ одной стороны, на возможную близость холеры, съ другой—на перемѣну въ отношеніи правительства къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, выразившуюся въ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря 1904-го года. Желанной цѣли земскія ходатайства, однако, не достигли: министерство внутреннихъ дѣлъ ограничилось тѣмъ, что усилило земско-врачебный элементъ въ составѣ коммиссій. Къ чему это можетъ привести — показываетъ инцидентъ, происшедшій, въ началѣ мая, въ с.-петербургскомъ губернскомъ земствѣ. По словамъ петербургскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", уже на совѣщаніи 8-го апрѣля, созванномъ губернскою земскою управою, обнаружилось съ полною ясностью, что правила 1903-го года не встрѣтятъ поддержки земскаго медицинскаго персонала. Губернская администрація, заручившись содѣйствіемъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, рѣшила, тѣмъ не менѣе, ввести въ дѣйствіе эти правила. Отъ приглашаемыхъ на лѣто врачей и студентовъ потребована была подписка о согласіи ихъ продолжать службу и послѣ введенія санитарно-исполнительныхъ коммиссій. Нѣсколько молодыхъ людей дали такую подписку, но вскорѣ, разобравшись въ вопросѣ, вернули взятые авансы и отказались отъ предложенныхъ имъ условій; другіе врачи, возмущенные всей этой исторіей, наотрѣзъ отказались поступить на службу петербургскаго земства, хотя бы и на время и безъ подписки. Завѣдующій медико-санитарнымъ бюро, И. А. Дмитріевъ, 3-го мая заявилъ управѣ о своемъ уходѣ. Потеря эта тѣмъ болѣе чувствительна, что г. Дмитріевъ проработалъ въ петербургскомъ земствѣ свыше 20-ти лѣтъ, прекрасно зналъ губернію и организовалъ въ ней всю санитарную часть [1]). Очевидно, не минутное увлеченіе, а очень серьезные мотивы вынудили его уйти изъ земства. И. А. Дмитріевъ убѣжденъ, что никакіе компромиссы не могутъ улучшить правила 1903-го года; необходима полная ихъ отмѣна. Введеніе ихъ, при господствующемъ настроеніи среди врачей, неизбѣжно поведетъ къ уходу лучшаго элемента, съ послѣдующимъ глубокимъ разстройствомъ земско-медицинскаго дѣла во всѣхъ уѣздахъ"... „Холера въ с.-петербургской губерніи"—такъ заканчивается корреспонденція—„еще не появилась, но дезорганизація уже началась". Стоитъ ли идти на встрѣчу такому риску, чтобы настоять на осуществленіи эфемерныхъ правилъ, осуждаемыхъ всею земскою Россіей?

[1]) Этотъ отзывъ корреспондента о дѣятельности И. А. Дмитріева мы можемъ вполнѣ подтвердить на основаніи собственнаго опыта.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905

Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ.—Разсужденія полковника Гедке.—Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ.—Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія.—Печальная судьба балтійской эскадры.—Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ.

Нашъ германскій „другъ", императоръ Вильгельмъ II, очень внимательно слѣдящій за событіями и отлично умѣющій извлекать пользу изъ чужого опыта, не стѣсняется публично высказывать свои сужденія даже по такимъ вопросамъ, которые принято считать болѣе или менѣе щекотливыми. Его мѣткія, откровенныя рѣчи иногда смущаютъ нѣмецкую публику, но всегда производятъ серьезное впечатлѣніе заграницей и даютъ поводъ къ оживленной полемикѣ въ печати. Недавно, при обрядѣ принесенія присяги новобранцами въ Вильгельмсгавенѣ, онъ заговорилъ о военныхъ подвигахъ японцевъ, объ ихъ превосходныхъ качествахъ и достоинствахъ, которыя объясняются крѣпостью семейныхъ и національныхъ чувствъ и создаютъ образцовую исполнительность въ арміи и флотѣ. „Однако, изъ японскихъ побѣдъ, изъ побѣдъ язычниковъ надъ христіанскимъ народомъ,—объяснялъ Вильгельмъ II новобранцамъ,—не слѣдуетъ заключать, что буддизмъ выше или лучше христіанства. Если русскіе оказываются теперь побѣжденными, то это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что христіанство очень плохо понимается и еще хуже примѣняется въ Россіи, тогда какъ японцы дѣйствительно обладаютъ многими христіанскими добродѣтелями. Добрый христіанинъ—хорошій солдатъ. Но и въ нѣмецкомъ народѣ не особенно процвѣтаетъ христіанство, и можно поэтому сомнѣваться, будутъ ли нѣмцы имѣть право, въ случаѣ войны, просить Бога о дарованіи побѣды. Когда нѣмцы потеряли истинную вѣру, отдавшись побужденіямъ высокомѣрія и надменности, Господь послалъ на насъ Наполеона, въ видѣ бича Божія, подобно тому какъ нѣкогда противъ другихъ народовъ посланъ былъ Аттила съ его гуннами. Отъ насъ зависитъ позаботиться о томъ, чтобы Богъ не долженъ былъ опять подвергнуть насъ подобной карѣ"...

Само собою разумѣется, что христіанство, о которомъ говоритъ Вильгельмъ II, имѣетъ очень мало общаго съ евангеліемъ, и что религія „хорошаго солдата" не совпадаетъ съ ученіемъ Христа; точно также суровый карающій Богъ, посылающій Аттилъ и Бонапартовъ

на грѣшные народы, соотвѣтствуетъ скорѣе ветхозавѣтнымъ и языческимъ понятіямъ, чѣмъ христіанскому идеалу. Для нуждъ арміи и флота, какъ и вообще для оффиціальныхъ надобностей, давно уже существуетъ въ Пруссіи особое оффиціальное христіанство, авторитетными истолкователями котораго обыкновенно выступали Гогенцоллерны. Упадокъ христіанскихъ добродѣтелей въ Россіи, на языкѣ Вильгельма II, означаетъ слабость военной организаціи, недостатокъ выдержки и дисциплины, распущенность нравовъ среди офицеровъ и беззаботность насчетъ научно-технической подготовки. Превосходство японцевъ заключается, конечно, не въ томъ, что они вѣрятъ въ Будду или проникнуты христіанскими чувствами, а въ преимуществахъ ихъ государственнаго строя, въ сознательномъ добросовѣстномъ единеніи между властью и народомъ, въ отвѣтственности правительства передъ обществомъ и свободною печатью, въ отсутствіи хищничества и злоупотребленій относительно финансовыхъ средствъ, въ національныхъ привычкахъ бережливости, разсчетливости и трудолюбія, наконецъ—въ глубокомъ всеобщемъ патріотизмѣ. Яснѣе высказался въ этомъ смыслѣ Вильгельмъ II въ Страсбургѣ, при оцѣнкѣ происходившаго тамъ военнаго парада. „Русская армія—по его словамъ—потерпѣла пораженіе при Мукденѣ потому, что нравственныя качества ея подорваны алкоголизмомъ и распущенностью. Офицерскій корпусъ—это главное ядро арміи. Надо, чтобы этотъ корпусъ всегда былъ бодрымъ, свѣжимъ, дѣятельнымъ,—иначе страдаетъ вся армія. Молодые люди въ военной службѣ должны работать, трудиться весь день и ложиться спать рано, а не искать усыпляющихъ наслажденій. Въ Японіи офицерскій корпусъ — очень дѣльный; онъ оправдалъ всѣ надежды, и поэтому солдатъ оказался также на высотѣ своего положенія. Въ Россіи же офицерскій корпусъ оказался совершенно несоотвѣтствующимъ своему назначенію, тогда какъ русскій солдатъ держалъ себя хорошо и сражался храбро. Разсказываютъ, что въ Кіа-Чао весь запасъ шампанскаго былъ закупленъ русскими офицерами. Военный человѣкъ не долженъ пріучаться къ подобнымъ вещамъ“...

Обѣ эти рѣчи не предназначались для широкой публики и попали въ печать только по нескромности газетныхъ корреспондентовъ; поэтому и самое содержаніе сказаннаго передавалось въ газетахъ различно. Утверждали между прочимъ, что Вильгельмъ II упомянулъ о возможной задачѣ Германіи — противодѣйствовать усиленію желтой опасности, послѣ того какъ Россія доказала свою неспособность успѣшно бороться съ этой опасностью; но такое замѣчаніе противорѣчило бы нынѣшнему настроенію германскихъ правительственныхъ сферъ, расположенныхъ къ сближенію съ побѣдоносною Японіею и старающихся забыть свои прежніе взгляды на „желтую опасность“.

Со времени рѣшительныхъ японскихъ побѣдъ нѣмцы перестали причислять японцевъ къ особой желтой расѣ; они смотрятъ на нихъ какъ на вполнѣ равноправную могущественную націю, съ которою выгодно поддерживать близкія дружественныя связи, и за такую перемѣну во взглядахъ трудно винить германскую дипломатію. Газеты не скрывали на этотъ разъ своего неудовольствія по поводу императорскихъ заявленій, которыя съ одной стороны должны были непріятно задѣть оффиціальную Россію, а съ другой—могли быть ложно поняты и истолкованы общественнымъ мнѣніемъ новой первоклассной державы Дальняго Востока. Оффиціальный органъ германскаго правительства, „Reichsanzeiger“, напечаталъ сообщеніе, которымъ приведенныя въ газетахъ слова императора объявлены „частью искаженными, частью же вполнѣ вымышленными“; но что именно искажено, что вымышлено и что соотвѣтствуетъ истинѣ, — осталось неизвѣстнымъ, и потому опроверженіе, по своей неопредѣленности, не достигло цѣли. Оффиціально объ рѣчи Вильгельма II считаются какъ бы несуществующими: о нихъ нельзя говорить въ имперскомъ сеймѣ, и на нихъ не могутъ ссылаться иностранныя правительства; но онѣ попрежнему подлежатъ свободному обсужденію въ печати. „Личность такого ранга, какъ германскій императоръ, — замѣчаетъ умѣренный „Berliner Tageblatt“,—должна всегда имѣть въ виду возможную нескромность газетъ и телеграфныхъ агентствъ. Намъ гораздо меньше приходилось бы бороться съ международнымъ недовѣріемъ, еслибы императоръ Вильгельмъ не забывалъ, что въ наше время болтливая гласность пріобрѣла значеніе почти непреодолимой силы“.

Извѣстный спеціалистъ по русско-японской войнѣ, полковникъ Гедке, разбираетъ тѣ отзывы „верховнаго военачальника“ по существу, такъ какъ подобныя заявленія, разъ они попали въ печать, „несомнѣнно могутъ быть обсуждаемы публично“. Полковникъ Гедке не раздѣляетъ мнѣнія императора о нравственныхъ причинахъ русскихъ неудачъ, хотя и признаетъ неразрывную связь этого мнѣнія съ „глубоко-религіознымъ личнымъ міросозерцаніемъ“, предъ которымъ онъ почтительно преклоняется. „Примѣняемое къ военному дѣлу — говоритъ Гедке,—это воззрѣніе не выдерживаетъ безпристрастной исторической критики. И у насъ въ 1870 году господствовало въ обширныхъ кругахъ убѣжденіе, что своей побѣдой мы обязаны большей нравственности и религіозности нѣмцевъ и безбожію французовъ. Но въ дѣйствительности Богъ битвъ никогда не былъ заодно съ набожными людьми, если они въ то же время не были сильнѣйшими. Никто теперь не сомнѣвается, что только лучшая военная организація,

болѣе цѣлесообразная подготовка войскъ и ихъ предводителей, численный перевѣсъ, военныя дарованія Мольтке и общее національное воодушевленіе были реальными причинами тогдашнихъ нашихъ успѣховъ. Средній уровень нравственности культурныхъ европейскихъ народовъ вездѣ приблизительно одинъ и тотъ же, и крупныя внѣшнія различія чаще всего объясняются бо̀льшимъ лицемѣріемъ и скрытностью отдѣльныхъ націй. Нельзя отрицать, что развратъ и пьянство играютъ значительную роль въ жизни русскаго войска; но насъ, иностранныхъ наблюдателей, непріятно поражали не столько самые факты, сколько грубыя и несдержанныя формы, въ какихъ они проявлялись. Японцы такъ же напивались своей „саки“, какъ русскіе своей водкой. По завоеваніи Лаояна, оттуда исчезли европейскія гетеры, но ихъ мѣсто заняли соотвѣтственныя японскія заведенія. Если въ Кіао-Чао все шампанское было скуплено русскими, то это едвали могло составить достаточное количество для офицеровъ полумилліонной русской арміи. Впрочемъ, и мы въ 1870 году далеко не пренебрегали французскимъ виномъ, и пока наши войска занимали, напримѣръ, Эпернэ, они не всегда сохраняли трезвость въ той мѣрѣ, какъ это было желательно. Безъ сомнѣнія, на восточно-азіатскомъ театрѣ войны русскія военныя силы оказались ниже японскихъ во многихъ отношеніяхъ, но эти недостатки зависѣли не отъ нравственныхъ причинъ. Несправедливо также проводить рѣзкую границу между офицерами и солдатами, или между высшими и низшими офицерами; напротивъ, отсутствіе порядка и дисциплины замѣчалось именно въ общей массѣ войскъ, а офицеры всѣхъ ранговъ были одинаково менѣе подготовлены къ своему дѣлу, чѣмъ японскіе,—хотя неспособность болѣе бросалась въ глаза на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи. Цѣлая государственная и военная система терпитъ крушеніе на поляхъ Манчжуріи, а вовсе не неумѣренность въ распутствѣ и въ злоупотребленіи спиртными напитками. Всѣ слабыя стороны военной организаціи были бы, однако, недостаточны для объясненія столь продолжительнаго послѣдовательнаго ряда неудачъ, еслибы во главѣ арміи не былъ поставленъ совершенно непригодный для такого поста человѣкъ; но и онъ былъ отчасти жертвой системы, лишавшей офицеровъ всякой самостоятельности и всякаго чувства отвѣтственности“...

Иностранцамъ вообще трудно судить о дѣйствительныхъ причинахъ нашихъ неудачъ, потому что они не имѣютъ яснаго представленія о характерѣ и особенностяхъ всего нашего политическаго строя. Они отыскиваютъ отдѣльные частные недостатки тамъ, гдѣ общее положеніе дѣлъ исключаетъ возможность прочнаго успѣха. Полков-

никъ Гедке какъ будто признаетъ, что „цѣлая государственная и военная система“ потерпѣла крушеніе въ Манчжуріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаетъ мысль, что лучшій составъ высшихъ офицеровъ и болѣе удачный выборъ главнокомандующаго могли бы доставить намъ побѣду и, слѣдовательно, спасли бы плохую систему общаго и спеціально-военнаго управленія. Но если личныя качества офицеровъ и командующихъ генераловъ имѣли такое рѣшительное вліяніе на ходъ войны, то чѣмъ объяснить поразительное, убійственное однообразіе нашихъ пораженій и неудачъ на Дальнемъ Востокѣ въ теченіе почти полутора года? Нельзя же предположить, что вся масса нашего офицерства состоитъ сплошь изъ бездарностей, изъ людей, преданныхъ личнымъ удовольствіямъ и неспособныхъ подняться выше обычнаго уровня. Между тѣмъ, за все это долгое и мучительное время войны не выдвинулось ни одного имени, ни одного кандидата въ полководцы, ни одного даровитаго организатора, ни одного блестящаго исполнителя стратегическихъ или иныхъ комбинацій,— хотя совершено было множество подвиговъ, которыми умилялись наши патріотическія газеты, и которые никому не были нужны. Офицеры, какъ и солдаты, постоянно доказывали свое умѣнье умирать безплодно, по приказанію начальства, которое, съ своей стороны, не всегда могло бы объяснить смыслъ и цѣль своихъ распоряженій. Иностранцамъ кажется, что главные вожди нашей арміи не были на высотѣ своего положенія и что дѣло у насъ не клеилось вслѣдствіе какихъ-то недостатковъ военной дисциплины и организаціи; но мы хорошо знаемъ, что военные чины извѣстнаго ранга назначаются на ту или другую должность не потому, что они обладаютъ необходимыми для этого качествами или лучше другихъ подготовлены для исполненія даннаго дѣла, а въ силу разныхъ посторонніхъ соображеній, имѣющихъ иногда только случайную связь съ интересами службы. Иностранцы ошибочно предполагаютъ, что у насъ сознательно обдумываются и взвѣшиваются всякія предпринимаемыя рѣшенія и назначенія, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важныя изъ этихъ рѣшеній и назначеній; мы же здѣсь хорошо знаемъ, что основанія и мотивы многихъ крупныхъ мѣръ остаются неизвѣстными даже тѣмъ, кого эти мѣры ближайшимъ образомъ касаются и на комъ лежитъ надзоръ за ихъ примѣненіемъ. У насъ не принято предварительно обсуждать тѣ или другія мѣропріятія; напротивъ, сначала дѣлается извѣстный шагъ, а потомъ предоставляется желающимъ разсуждать объ его значеніи и послѣдствіяхъ. Общія цѣли и задачи мало кого интересуютъ, ибо никто не призванъ высказываться о нихъ или принимать ихъ близко къ сердцу, а репутація вольнодумства или самостоятельнаго патріотизма несовмѣстима съ служебной карьерой. Естественное для каждаго европейца сознаніе,

что государственныя дѣла суть не только правительственныя, но и общенародныя дѣла, которыми имѣютъ право и обязанность интересоваться всѣ разумные обыватели страны,—это сознаніе разсматривается у насъ еще какъ опасная ересь или какъ одно изъ проявленій политической неблагонадежности. Мало-по-малу люди отвыкли думать объ общихъ интересахъ, и типъ пассивнаго, безразличнаго, не разсуждающаго и даже не смѣющаго разсуждать исполнителя сдѣлался преобладающимъ на всѣхъ ступеняхъ нашей гражданской и военной іерархіи. Интересы матеріальнаго разсчета и личнаго честолюбія оказались единственными, доступными всеобщему признанію и поощренію; всякія другія побужденія, и тѣмъ болѣе такія, которыя имѣли своимъ источникомъ истинную преданность родинѣ, относились уже въ разрядъ подозрительныхъ и нерѣдко вызывали прямое преслѣдованіе. При подобныхъ условіяхъ война не могла идти иначе, чѣмъ она шла, и результаты не могли быть другими, чѣмъ они есть. Живое содержаніе государственности выдохлось и исчезло подъ гнетомъ мертваго правительственнаго механизма; самое правительство, какъ нѣчто цѣльное и единое, превратилось въ условную фикцію. Офицеры и солдаты не видѣли въ происходившемъ ни сознательной цѣли, ни опредѣленнаго смысла; они видѣли предъ собою массу лицъ, прибывшихъ на театръ войны исключительно для полученія крупныхъ прогоновъ и окладовъ, и расточительность въ раздачѣ этихъ казенныхъ суммъ, при скудости нашихъ народныхъ средствъ, должна производить на каждаго впечатлѣніе какой-то непонятной вакханаліи. Что же удивительнаго въ томъ, что при безотрадной картинѣ окружающей безтолковщины люди ищутъ иногда забвенія въ пьянствѣ и развратѣ? Причины общаго недуга лежатъ именно въ томъ элементарномъ неустройствѣ государства, котораго не понимаютъ иностранцы и которое съ такою ужасною отчетливостью выступаетъ на первый планъ въ тяжелую эпоху войны.

Въ послѣдніе мѣсяцы наша лже-патріотическая печать, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ, настойчиво требовала продолженія военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ и объявляла постыдными всякіе помыслы о возможномъ мирѣ. До мукденской катастрофы мы могли еще разсчитывать на приличныя условія мирнаго компромисса съ Японіею; но „нововременскіе“ патріоты жаждали дальнѣйшаго кровопролитія и дождались печальнаго разгрома нашей арміи, послѣ чего стали возлагать всѣ свои надежды на балтійскую эскадру адмирала Рожественскаго. „Новое Время“ упорно проповѣдывало необходимость дальнѣйшей войны во что бы то ни стало, обвиняя сторонниковъ

мира въ недостаткѣ патріотизма; газета умышленно поддерживала въ публикѣ несбыточныя иллюзіи относительно балтійской эскадры, превозносила грозное могущество ея и съ торжествомъ указывала на тревогу японцевъ, стараясь заранѣе объяснить великое значеніе русской побѣды на морѣ,—и въ результатѣ опять получилась катастрофа, конечно, гораздо болѣе важная по послѣдствіямъ, чѣмъ мукденская. „Новое Время“ говоритъ теперь о несчастьи, о цѣломъ рядѣ несчастій; но кто же являлся вдохновителемъ и виновникомъ этихъ несчастій, кто добивался ихъ для своихъ невѣдомыхъ цѣлей и разсчетовъ? Любопытно, что во все время благополучнаго плаванія балтійской эскадры до вступленія ея въ Корейскій проливъ наши „патріоты“ говорили о ней такимъ тономъ, точно предпріятіе адмирала Рожественскаго есть ихъ личное дѣло, и успѣхъ нашего флота будетъ ихъ собственнымъ успѣхомъ; когда же случилась неудача, тѣ же патріоты тотчасъ же отреклись отъ солидарности съ дѣломъ балтійской эскадры и заговорили объ ея разгромѣ, какъ о чемъ-то очень печальномъ для страны, но лишенномъ спеціальнаго значенія для нихъ самихъ. Намъ кажется, что именно неудача балтійской эскадры даетъ поводъ къ возбужденію вопроса объ отвѣтственности тѣхъ, которые настаивали на отправленіи ея въ китайско-японскія воды и неустанно доказывали возможность или вѣроятность ея побѣды надъ флотомъ адмирала Того.

Многое въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ нашего морского вѣдомства остается столь же загадочнымъ, какъ и странное, перемѣнчивое направленіе въ политикѣ другихъ вѣдомствъ. Можетъ быть, спеціалисты морского дѣла понимаютъ, почему мысль о посылкѣ балтійской эскадры возникла и была осуществлена не въ самомъ началѣ войны, послѣ первыхъ серьезныхъ неудачъ нашего тихоокеанскаго флота, а восемь мѣсяцевъ спустя, когда ожидалось уже паденіе Портъ-Артура и когда нашъ тихоокеанскій флотъ пересталъ даже существовать. Съ точки зрѣнія профановъ, въ силу простого здраваго смысла, было безусловно необходимо снарядить балтійскую эскадру для подкрѣпленія портъ-артурской тотчасъ послѣ первой опустошительной минной аттаки японцевъ и послѣ гибели „Варяга“ и „Корейца“; толки о посылкѣ эскадры начались ужъ слишкомъ поздно, когда трудно было надѣяться на своевременное появленіе ея около нашей „твердыни Дальняго Востока“, а въ дѣйствительности она вышла въ море черезъ два мѣсяца послѣ окончательнаго разгрома всего нашего тихоокеанскаго флота, когда не было уже никакого разумнаго основанія посылать новую русскую эскадру на вѣрную гибель. Профаны полагали, что послѣ уничтоженія портъ-артурской эскадры слѣдовало немедленно вернуть балтійскій флотъ, въ виду явной недостаточности его для борьбы съ соединенными эскадрами адмирала Того; однако, балтій-

ская эскадра продолжала путь, и только съ большимъ трудомъ морское вѣдомство дало уговорить себя организовать дополнительную эскадру, которая и отправилась вдогонку за первою, подъ начальствомъ адмирала Небогатова. Обѣ эти эскадры въ совокупности были гораздо слабѣе японскаго военнаго флота, и хотя у насъ было преимущество въ количествѣ броненосцевъ, но зато японцы имѣли подавляющій перевѣсъ въ численности быстроходныхъ бронированныхъ крейсеровъ и крайне опасныхъ для насъ минныхъ судовъ,—не говоря уже о громадныхъ преимуществахъ, представляемыхъ близостью японскихъ гаваней.

Балтійская эскадра была послана въ далекое путешествіе при самыхъ трудныхъ условіяхъ, не имѣя нигдѣ пристанища, безъ надежнаго обезпеченія необходимыми запасами угля и провіанта, среди постоянныхъ опасностей вынужденнаго нарушенія чужого нейтралитета; въ началѣ пути она возстановила противъ насъ Англію и едва не вызвала войны своею стрѣльбою въ гулльскія рыбацкія суда, похожія на миноносцы; потомъ, своимъ двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ водахъ Мадагаскара она возбудила сильное неудовольствіе Японіи противъ Франціи, нарушившей, будто бы, обязанности нейтралитета въ пользу Россіи; эти пререканія еще болѣе обострились, когда наша эскадра приблизилась къ французскому Индо-Китаю и пользовалась мѣстными бухтами и гаванями для снабженія углемъ и провіантомъ; японскіе дипломаты обращались съ формальными протестами къ парижскому кабинету, а японская печать грозила французамъ разрывомъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній. Вліятельная часть лондонской журналистики, съ газетою „Times“ во главѣ, поддерживала японскія притязанія и высказывалась въ довольно рѣшительномъ тонѣ противъ Франціи, вызывая этимъ общее удивленіе и недоумѣніе. Споры вращались главнымъ образомъ около вопроса о томъ, какія правила нейтралитета обязательны для французовъ—тѣ ли, которыя издавна усвоены Франціею и были также провозглашены ею при началѣ русско-японской войны, или болѣе суровыя, соотвѣтствующія интересамъ островныхъ государствъ и неуклонно примѣняемыя Англіею; первыя предполагаютъ нѣкоторый просторъ въ пользованіи нейтральными бухтами и портами, создавая такимъ образомъ необходимыя льготы для континентальныхъ державъ, владѣющихъ флотомъ, но не располагающихъ удобными для него стоянками въ разныхъ моряхъ и океанахъ; англійскія же начала, принятыя и японцами, часто навязываются другимъ націямъ въ качествѣ, будто бы, обязательныхъ принциповъ международнаго права, хотя они построены на спеціальныхъ преимуществахъ морскихъ или, вѣрнѣе, островныхъ державъ, вродѣ Англіи и Японіи. Французское правительство, оставаясь фор-

мально на своей всегдашней точкѣ зрѣнія, дѣлало, однако, нѣкоторыя фактическія уступки противникамъ и стало принимать мѣры для удаленія русскихъ военныхъ судовъ изъ предѣловъ франко-китайскихъ водъ, чѣмъ еще болѣе затруднялась крайне сложная задача правильнаго снабженія нашей эскадры нужными припасами. Раздраженіе японцевъ противъ Франціи усиливалось по мѣрѣ того, какъ росла тревога, возбужденная соединеніемъ обѣихъ русскихъ эскадръ, Рожественскаго и Небогатова, и совмѣстнымъ движеніемъ ихъ на сѣверъ, мимо Формозы, къ Корейскому проливу. Японія переживала критическіе дни уже потому, что ея торговыя связи съ Китаемъ и Европою были временно прерваны, и что можно было опасаться перерыва сношеній съ Кореею и съ японскими войсками, находящимися въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ.

Весь культурный міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ смѣлаго предпріятія, которое, по общему мнѣнію, должно было рѣшить судьбу русско-японской войны. Наше правительство щедро тратило милліоны на покупку и наемъ многочисленныхъ торговыхъ пароходовъ всѣхъ національностей для доставки угля въ разные пункты, гдѣ предполагалась остановка русской эскадры. Телеграфныя агентства ежедневно сообщали, въ какомъ мѣстѣ проходила наша эскадра, гдѣ и какимъ иностраннымъ судномъ она была встрѣчена, и даже то, что говорили наши офицеры о дальнѣйшемъ маршрутѣ при бесѣдѣ съ экипажемъ задержаннаго судна,—хотя нескромности послѣдней категоріи представляются мало вѣроятными со стороны офицеровъ въ такой страшно-тяжелый переходный моментъ. Зато о мѣстопребываніи японскаго флота сохранялось полное молчаніе; газеты ничего не могли сообщить объ адмиралѣ Того и о разговорахъ его офицеровъ, а если сообщали иногда, то только въ видѣ сомнительныхъ предположеній, догадокъ и слуховъ. Многіе были почему-то увѣрены, что Того занялъ выжидательную позицію около Формозы или у Пескадорскихъ острововъ; другіе полагали, что онъ не рѣшится вступить въ бой въ открытомъ морѣ, въ виду возможнаго риска, и предпочтетъ пропустить эскадру до Владивостока, чтобы затѣмъ запереть ее и держать въ осадѣ по примѣру Портъ-Артура. Наконецъ, наступила роковая развязка. Въ субботу, 14 мая, адмиралъ Того со всѣмъ своимъ флотомъ находился у южнаго берега Кореи, въ Мозампо; русскія суда направились двумя колоннами по восточной части Корейскаго пролива, между островомъ Цусима и Японіею. Насколько можно судить по японскимъ и лондонскимъ телеграммамъ, русскіе не ожидали здѣсь нападенія; адмиралъ Того, получивъ извѣстіе о появленія эскадры, тотчасъ же полнымъ ходомъ двинулся къ острову Цусима, обогнулъ его съ сѣвера и атаковалъ русскихъ всѣми своими силами; когда между судами произошелъ безпорядокъ, онъ сталъ тѣснить ихъ къ востоку,

по направленію къ японскому побережью, гдѣ они подверглись многочисленнымъ и настойчивымъ миннымъ атакамъ. По краткому, но выразительному донесенію адмирала Того, японскій флотъ напалъ на русскую эскадру къ юго-востоку отъ Цусимы и разбилъ ее, потопивъ по крайней мѣрѣ четыре русскихъ судна и причинивъ другимъ сильныя поврежденія; японскія же потери, будто бы, очень незначительны; послѣ захода солнца предпринятъ былъ рядъ атакъ японскими миноносцами и контръ-миноносцами.

Каковы бы ни были подробности происшедшаго боя и размѣры понесенныхъ потерь, печальный исходъ его не подлежитъ сомнѣнію. Послѣдняя ставка взята японцами, и игра для насъ окончательно проиграна. Но самое ужасное—то, что пораженіе балтійской эскадры предвидѣлось всѣми заранѣе, и что при данныхъ условіяхъ оно было совершенно неизбѣжно. Чтобы имѣть нѣкоторые шансы на побѣду, наша эскадра должна была быть не слабѣе, а въ полтора раза сильнѣе японскаго флота, чтобы уравновѣсить его матеріальныя и нравственныя преимущества, зависящія отъ близости къ роднымъ берегамъ и отъ твердой увѣренности въ успѣхѣ. Посылать на Дальній Востокъ, съ такими колоссальными трудностями и затратами, эскадру, завѣдомо гораздо менѣе значительную, чѣмъ японскій флотъ, и поручать ей преодолѣніе соединенныхъ японскихъ эскадръ, руководимыхъ однимъ изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ въ мірѣ адмираловъ,—это была, можно сказать, непростительная фантазія, взлелѣянная лживымъ напыщеннымъ фразерствомъ и пустословіемъ нашихъ газетныхъ патріотовъ. Газеты такъ долго говорили о великой и грозной задачѣ балтійской эскадры, что наконецъ забыли о превосходствѣ силъ японскаго флота или уничтожали это превосходство простою ссылкою на помощь Божію и на Провидѣніе. Адмиралъ Рожественскій и подчиненные ему моряки, вѣроятно, исполнили свой долгъ по мѣрѣ силъ, въ предѣлахъ человѣческой возможности; но, очевидно, они никакъ не могли надѣяться на дѣйствительный успѣхъ въ предстоявшей встрѣчѣ съ несравненно сильнѣйшимъ противникомъ, а разсчитывали лишь, въ лучшемъ случаѣ, добраться до Владивостока цѣною потери нѣкоторой части своей эскадры, безъ опредѣленныхъ видовъ на будущее. Нельзя было бы держаться долго ни въ Владивостокѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, противъ настойчиваго, располагающаго огромнымъ перевѣсомъ силъ непріятеля, и рано или поздно эскадра погибла бы подобно портъ-артурской. Для чего повторяются эти мучительные безнадежные опыты, результатъ которыхъ можетъ быть безошибочно опредѣленъ заранѣе? Кому нужны эти страшныя жертвы? Кто отвѣчаетъ за нихъ передъ государствомъ и народомъ? Еще за нѣсколько дней до катастрофы

„Новое Время“ называло „позорными“ и недопустимыми какіе бы то ни было толки о мирномъ соглашеніи съ Японіею,—точно также, какъ оно съ негодованіемъ возставало противъ мысли о мирѣ передъ мукденскимъ пораженіемъ;—что же теперь предложатъ наши фальшивые патріоты и куда еще поведутъ они несчастную Россію? Недавно еще они смѣло говорили отъ имени русскаго народа, отъ имени „истинно русскихъ людей“, самозванно приписывая массѣ русскаго общества свои особыя мнимыя чувства, намѣренія и стремленія;—могутъ ли они теперь сложить съ себя отвѣтственность за событія, явившіяся прямыми логическими слѣдствіями всей ихъ легкомысленной, неустанной ложно-патріотической агитаціи?

Конечно, возгласы патріотическихъ газетъ не имѣли бы сами по себѣ никакого значенія, еслибы дѣйствительное общественное и народное мнѣніе играло какую-нибудь роль въ ходѣ нашихъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ. Поощряемая патріотами бюрократія брала на себя слишкомъ много и какъ азартный игрокъ ставила на карту все международное положеніе Россіи, ея финансы, ея флотъ, ея армію, всѣ внутренніе интересы народа,—лишь бы сохранить за собою право самовластно распоряжаться средствами казны и избавиться отъ попытокъ общественнаго вмѣшательства и контроля. Бюрократія проиграла не свое достояніе, а національное достояніе Россіи и русскаго народа; невольно возникаетъ вопросъ о великой нравственной отвѣтственности тѣхъ, кто толкалъ нашу политику на этотъ пагубный путь. Трудно сказать, напримѣръ, почему адмиралъ Рожественскій взялся исполнить задачу, которую не могъ считать для себя разрѣшимою въ благопріятномъ смыслѣ; неизвѣстно также, съ какою цѣлью незадолго до послѣдней морской битвы посланъ на Дальній Востокъ адмиралъ Бирилевъ, въ качествѣ командующаго тихоокеанскимъ флотомъ, въ сопровожденіи значительнаго, дорого стоящаго штаба,—когда самая судьба этого флота представлялась еще сомнительною. Обиліе высшихъ начальниковъ съ крупными окладами безъ соотвѣтственныхъ обязанностей, при неизбѣжныхъ взаимныхъ пререканіяхъ и личныхъ счетахъ, составляетъ вообще характерную черту нашего современнаго бюрократическаго строя.

Наши эскадры въ Тихомъ океанѣ уже не существовали, а начальствующихъ адмираловъ онѣ имѣли, пожалуй, больше, чѣмъ весь японскій флотъ; не успѣлъ появиться въ Китайскомъ морѣ адмиралъ Рожественскій съ балтійскою эскадрою и съ нѣсколькими подчиненными адмиралами, какъ тотчасъ назначенъ былъ надъ ними еще одинъ общій командующій, которому придется поневолѣ засѣсть, подобно Скрыдлову, въ Владивостокѣ, по отсутствію русскаго „тихоокеанскаго флота“. Каждое такое назначеніе предполагаетъ щедрыя затраты казенныхъ средствъ, которыя легко нашли бы себѣ болѣе цѣлесообраз-

ное употребленіе, — тѣмъ болѣе, что новый начальникъ нерѣдко беретъ съ собою кандидатовъ на разныя мѣстныя должности, не нуждающіяся вовсе въ пришлыхъ замѣстителяхъ; и этотъ обычай крѣпко держится, потому что возможность распредѣлять значительные денежные оклады между своими пріятелями и фаворитами всегда будетъ предметомъ неодолимаго соблазна. Сверхъ адмираловъ, командующихъ несуществующими нынѣ эскадрами и уничтоженнымъ тихоокеанскимъ флотомъ,—не считая, конечно, тѣхъ, которые попали въ плѣнъ или сдались съ своими судами японцамъ,—остается еще надъ ними главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими силами въ Манчжуріи; наконецъ, сохранилась еще фиктивная, но крайне дорого оплачиваемая должность намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, управляющаго, будто бы, какими-то восточно-азіатскими или иными дѣлами изъ Петербурга. Словомъ, въ начальствующихъ лицахъ нѣтъ недостатка, и казенныя деньги разливаются широкою волною, безъ замѣтной пользы для дѣла, а часто даже съ великимъ для него ущербомъ. Давно уже чувствуется необходимость внести нѣкоторый порядокъ и контроль въ эту излюбленную финансовую сторону бюрократической машины.

Отвѣтственности за принимаемыя или предлагаемыя рѣшенія нѣтъ у насъ ни въ одной области правительственной дѣятельности, и этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ только надлежащею организаціею народнаго представительства. Ужасный конецъ эскадры Рожественскаго долженъ, наконецъ, образумить нашихъ фантазеровъ самовластія и показать имъ ту пропасть, къ которой они вели Россію съ такою упорною—можно сказать, преступною—самонадѣянностью. Послѣ неисчислимыхъ бѣдствій, причиненныхъ намъ войною, мы вынуждены стремиться къ миру при самыхъ неблагопріятныхъ для этого обстоятельствахъ; намъ приходится признать за японцами положеніе побѣдителей, и нашъ долготерпѣливый народъ долго еще будетъ расплачиваться за губительныя затѣи и увлеченія бюрократіи. Толки о мирѣ оживились теперь во всѣхъ политическихъ центрахъ культурнаго міра; роль посредника, повидимому, готовъ принять на себя президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Рузевельтъ, но на какихъ основаніяхъ могъ бы быть предложенъ миръ между Россіею и Японіею въ настоящее время,—объ этомъ никто не имѣетъ еще ни малѣйшихъ представленій. Одно только ясно, что переговоры о мирѣ не должны быть начаты отъ имени Россіи, прежде чѣмъ будетъ созвано всероссійское представительное собраніе, которое одно только имѣетъ нравственное право и возможность ликвидировать тяжелое наслѣдіе, оставленное странѣ злополучнымъ режимомъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1905 г.

I.

— Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?“ 2) Статьи по крестьянскому вопросу. (Современникъ 1857—1859 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1905.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій не принадлежитъ къ числу забытыхъ писателей. И до сихъ поръ могутъ быть важны и цѣнны его мнѣнія по вопросамъ публицистики, литературы, искусства; его имя пользуется большой извѣстностью также и въ области наукъ соціальныхъ и политическихъ; его романъ „Что дѣлать?“, благодаря, такъ сказать, заботамъ цензуры, давно сдѣлался обязательнымъ этапомъ умственнаго развитія нашей молодежи, включившей въ беззаботныя строки студенческой пѣсни протестующія и мило-наивныя слова:

Выпьемъ мы за того,
Кто „Что дѣлать?“ писалъ,
За героевъ его,
За его идеалъ!

Теперь эти слова поются уже болѣе по традиціи, но попрежнему въ нихъ звучитъ еще молодой и драгоцѣнный идеализмъ, бодрая вѣра въ торжество свѣтлыхъ началъ жизни. А прежде къ нимъ присоединялось сознаніе гражданскаго и чуть не геройскаго подвига: лѣтъ 20—25 назадъ за нихъ можно было дорого поплатиться, и такъ еще недавно не только эта строфа казалась запрещенной, но нельзя было даже собраться на панихиду по умершемъ писателѣ... Жестокое мы пережили время... мы говоримъ—пережили, а не переживаемъ,—

потому что правдивое выраженіе мысли о настоящемъ все еще находится подъ запретомъ, отъ котораго жизнь освобождается у насъ только въ историческомъ отдаленіи. Пройдетъ 10—15 лѣтъ, и люди такъ же будутъ говорить о „жестокости“ нашей эпохи, какъ мы говоримъ о политическихъ и общественныхъ нравахъ недавняго прошлаго,—и будутъ содрагаться при воспоминаніи, какъ можно было существовать при переживаемыхъ нами стѣсненіяхъ личности, совѣсти, мысли. И много вдумчивости понадобится впослѣдствіи, чтобы представить себѣ все общественное значеніе той побѣды, которую одержала сила мысли надъ затворами цензурнаго застѣнка, сдѣлавъ сочиненія замѣчательнаго публициста достолніемъ тѣхъ, для которыхъ они и предназначались,—для общества и народа.

Мы имѣемъ возможность, безъ особыхъ стѣсненій, говорить о прошломъ, а Чернышевскій заговорилъ тогда о будущемъ—свободномъ, радостномъ, которое свяжетъ всѣхъ людей въ одинъ любящій союзъ наслажденія и труда,—и эти мечты его испугали многихъ. Писатель вѣрилъ въ это будущее и, заключенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ, набрасывалъ трогательныя, показавшіяся утопическими, картины всеобщаго равенства, братства и свободы. „Трудно было людямъ только понять, что̀ полезно,—они были въ свое время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными“... Все затрудненіе заключается въ томъ, что не всѣ люди *понимаютъ*, что̀ имъ полезно, что нужно и важно для разумной, сознательной жизни. Нуженъ раціональный для всѣхъ обязательный трудъ, признаніе въ себѣ и другихъ одинаковыхъ правъ на счастье, отсутствіе насильно-создаваемыхъ авторитетовъ, съ неизмѣннымъ дѣленіемъ людей на господъ и рабовъ,—нужно равенство экономическое, соціальное, правовое, нуженъ широкій просторъ наукѣ и просвѣщенію,—и у людей сама собой исчезнетъ почва для жестокости, насилія, борьбы, зависти. Наступятъ иные дни, радостные, свѣтлые; прежняя пустыня сдѣлается ареной, „вольной, просторной, дѣятельной жизни“. Жизнь—та же мастерская, которую съ такой любовной заботой устраиваетъ героиня романа, Вѣра Павловна. Устраиваетъ она медленно, проводитъ начало равноправности, справедливости, свободы, и труды ея не пропадаютъ даромъ. „Годы идутъ, и съ годами становится лучше, если жизнь идетъ какъ должна идти, какъ теперь идетъ у немногихъ, какъ будетъ когда-нибудь идти у всѣхъ“... Прозрачный и задушевно-простой символизмъ романа развивается въ концѣ въ цѣлую поэтическую картину будущей жизни. Снятся Вѣрѣ Павловнѣ радужные, волшебные сны. Она среди людей счастливыхъ, довольныхъ, любящихъ, трудящихся и наслаждающихся. Роскошный пиръ, пѣнится въ стаканахъ вино, и ликующая толпа требуетъ пѣсенъ. „И встаетъ поэтъ. Чело и мысль

его озарены вдохновеніемъ, ему говоритъ свои тайны природа, ему раскрываетъ свой смыслъ исторія, и жизнь тысячелѣтій проносится въ его пѣснѣ рядомъ картинъ".

Вѣра Павловна не можетъ придти въ себя отъ изумленія. И сестра „царицы", воплощающей въ себѣ символъ гармоніи труда и наслажденія, раскрываетъ передъ ней путь, который предстоитъ пройти человѣчеству, прежде чѣмъ оно достигнетъ того идеала жизни, когда всѣ будутъ жить—„какъ кому лучше, на полной волѣ". „То, что мы показали тебѣ,—слышитъ Вѣра Павловна,—не скоро будетъ въ полномъ своемъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смѣнится много поколѣній прежде, чѣмъ вполнѣ осуществится то, что ты предощущаешь. Нѣтъ, не много поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, но все-таки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры; по крайней мѣрѣ ты видѣла его, ты знаешь будущее. Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести".

Нѣкоторые писатели опредѣляли Чернышевскаго, по его воззрѣніямъ на жизнь, „соціалистомъ утопистомъ", но это едва ли точно. „Что дѣлать?"—романъ тенденціозно-соціалистическій, въ высшемъ смыслѣ, но отнюдь не утопія. Подъ утопіей разумѣется нѣчто отдаленно-несбыточное, фантастическое, чему не суждено воплотиться на землѣ. Но развѣ мы имѣемъ поводъ думать, что основная тенденція его романа построена на эфемерныхъ началахъ? Если оставить въ сторонѣ нѣсколько идиллическій взглядъ на людей и нѣкоторыя подробности въ послѣднихъ картинахъ романа, то „выдумка" автора окажется очень реальною по тѣмъ соотношеніямъ, въ которыхъ она находится съ его общими экономическими воззрѣніями, въ центрѣ которыхъ жило убѣжденіе, что орудія труда должны принадлежать производителю. И не стоятъ ли на пути къ достиженію его идеала ближайшія и уже готовыя разрѣшиться такія соціальныя проблемы, какъ установленіе 8-ми-часового рабочаго дня, свобода союзовъ, всеобщее избирательное право, уничтоженіе сословій и т. д.

Люди не понимаютъ—казалось Чернышевскому—того, что имъ полезно въ жизни. Ихъ нужно научить, особенно русскихъ людей, чтобы поднять въ нихъ энергію труда, какъ необходимое условіе жажды иной, сознательно-радостной жизни. Эта мысль проходитъ и

въ его статьяхъ по крестьянскому вопросу, писанныхъ въ самое трудное время—кануна реформы (1857—1859 гг.).

„Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатцами. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческія обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, напримѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невзгодамъ". Обходя основныя причины, подавляющія энергію труда въ русскомъ народѣ, авторъ обращаетъ вниманіе на одну сторону народной жизни, которая,—„сама обусловливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ"... Но съ другой стороны, не имѣя возможности опредѣленно назвать коренную причину, заключающуюся въ неудовлетворительной формѣ управленія страной, Чернышевскій являлся горячимъ защитникомъ духовной самодѣятельности народа: „Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ проницательные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благопріятствуютъ его осуществленію". Стремленіе къ народному освобожденію придавало экономическимъ теоріямъ Чернышевскаго, въ которыхъ онъ являлся защитникомъ общественныхъ формъ производства, ярко политическій оттѣнокъ, который особенно характерно выражался въ его статьяхъ, посвященныхъ горячей защитѣ общиннаго землевладѣнія.

Мы только отмѣчаемъ появленіе названной книги, которая, не сомнѣнно, заслуживаетъ особой оцѣнки. Обращаясь собственно къ данному изданію, замѣтимъ, что оно представляетъ собою простую перепечатку текста, безъ какихъ бы то ни было поясненій и указаній,—послѣднія во многихъ случаяхъ положительно были бы необходимы для обширнаго круга читателей.

II.

— Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1904 годъ. Книга четвертая и пятая. Спб. 1905.

Въ четвертой книгѣ сборника останавливаютъ на себѣ вниманіе два произведенія: г. С. Гусева-Оренбургскаго — „Страна отцовъ“ и г. М. Горькаго—„Тюрьма“. Разсказъ г. Гусева-Оренбургскаго отличается идейной содержательностью и исполненъ живѣйшаго интереса современности. За эти качества, столь рѣдко встрѣчающіяся въ нашей текущей беллетристикѣ, читатели простятъ автору художественные недочеты разсказа, его нѣкоторую невыработанность, слишкомъ явно проступающую борьбу чисто публицистическихъ пріемовъ съ требованіями художественной техники, борьбу, въ которой изображеніе слишкомъ, мѣстами, сбивается на изложеніе и ярко-субъективная окраска ослабляетъ впечатлѣніе картины. Г. Гусевъ—большой знатокъ провинціи и быта духовенства. Жизненно и мѣтко очертилъ онъ броженіе, созданное новыми экономическими условіями и охватившее всѣ стороны деревенской и вообще провинціальной жизни. Еще четверть вѣка назадъ житницкій уѣздъ, разсказываетъ онъ, считался богатѣйшимъ уѣздомъ... Склонный къ нѣкоторой идеализаціи и преувеличеніямъ, авторъ рисуетъ въ началѣ своей повѣсти чуть не обломовскую картину благополучія житницкихъ мужиковъ: даже грязь улицы казалась золотою грязью,—такъ густо въ ней было замѣшано зерно. Въ этомъ городѣ существовала и газета съ дешевенькимъ либерализмомъ, и щедринскаго типа цензоръ, но затѣмъ времена измѣнились: газета перешла въ купеческія руки, и городъ, а за нимъ и уѣздъ, изъ обывательскаго и мужицкаго, сдѣлался мало-по-малу „купецкимъ и арендательскимъ“. Появилась желѣзная дорога, электричество, элеваторъ, повыростали неуклюжіе купеческіе дома разныхъ Шаповаловыхъ, Стрижикозиныхъ, Широкозадовыхъ. „Но это даже не дома! это цитадели россійскаго капитализма, какъ паукъ жаднаго, но лишеннаго широты и фантазіи: они напоминаютъ крѣпости, въ которыхъ твердо засѣла новоявленная аристократія, полчище новыхъ аргонавтовъ, смѣнившихъ прежнихъ рыцарей узаконеннаго разбоя и жадно цѣпкими руками рвущихъ на части все то же старое золотое руно“. Выработался новый типъ вчерашняго крестьянина, нынѣшняго кулака-богача, который подтянулъ къ себѣ своего рода черную сотню хищниковъ по натурѣ, и фарисейски добродушныхъ и степенныхъ людей по виду,—и мужицкое богатство, и земли стянулись къ амба-

рамъ и конторамъ новыхъ дѣльцовъ. „Эти черныя сотни вышли на широкую арену безсознательнаго творчества исторіи и общими силами взялись за ея гигантское колесо, не подозрѣвая, что колесо это вертится только въ одну сторону: къ ихъ фатальной гибели. Экономическая драма, въ которой они играли свою жестокую роль, разросталась въ драму соціальную, въ великую драму пробуждающагося среди крови и слезъ сознанія вѣками угнетаемой личности". Новый и неизбѣжный, съ точки зрѣнія автора, порядокъ вещей тяжело отражается на вѣковыхъ устояхъ народной жизни и вызываетъ въ ней новыя, невѣдомыя прежде темныя стороны. Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько моментовъ броженія, зародившагося въ крестьянской и обывательской средѣ на почвѣ развитія капитализма, въ союзѣ съ административнымъ попустительствомъ, и новыхъ вѣяній, властно ворвавшихся въ патріархальный строй старыхъ убѣжденій и взглядовъ. Изображая картины мучительной борьбы, которая захватила не только народъ, но и наиболѣе устойчивыя семьи капиталистовъ и духовенства, авторъ шлетъ горячій привѣтъ молодымъ пробивающимся росткамъ и уже заранѣе торжествуетъ побѣду. „Было бы ужасно и страшно жить,—говоритъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ своей повѣсти,—еслибы новыя золотыя вѣянья не давали себя знать въ этой болотной, нищей духомъ глуши. Наступила новая эпоха, эпоха повальнаго бѣгства дѣтей изъ клѣтокъ, устроенныхъ ихъ отцами. Этотъ „духъ бѣгства" бродитъ по „зарѣчьямъ" и „центрамъ", по площадямъ и глухимъ улицамъ, не даетъ спать юнымъ, гордымъ сердцамъ, протягиваетъ имъ свою ширококостную, мозолистую, свою крѣпкую демократическую руку. Дѣтямъ не даетъ покоя иной рай, еще не размежеванный на участки, и уже глухая борьба отцовъ съ дѣтьми ведется всюду не такъ безплодно, какъ прежде. Бѣдныя дѣвушки, плохо одѣтыя, бѣгающія на курсы по столицамъ, студенты въ вѣчныхъ куртках, часто высылаемые, возвращающіеся вновь, вся эта молодежь, подающая тысячи прошеній во всякія школы, гдѣ есть хоть десятокъ свободныхъ мѣстъ, ютящаяся въ сырыхъ углахъ, живущая впроголодь, среди отчаянныхъ жизненныхъ невзгодъ мечтающая о „соціальныхъ переворотахъ", о торжествѣ права и справедливости,—все это дѣти мѣщанъ, дѣти купцовъ, часто порвавшихъ съ родными, дѣти города Старомірска! Быть можетъ, тамъ, на ихъ новыхъ избранныхъ путяхъ, ихъ ждутъ новыя „клѣтки"... Но „духъ бѣгства", какъ оздоровляющее начало, передается по наслѣдству, и ихъ дѣти и дѣти дѣтей ихъ уничтожатъ послѣднія перегородки, рѣшетки и заставы... Старый храмъ жизни далъ трещины, и въ нихъ смотрятъ милыя лица; безъ сожалѣнія разрушатъ они этотъ храмъ, весь безъ остатка. Въ запертыя двери стучатъ молодыя, здоровыя руки. Онѣ стучатъ, крѣпко

стучатъ... Вы отопрете имъ, тюремщики! Или прочь, съ трескомъ и громомъ, падутъ запоры ваши и васъ смететъ буря! Буря освобожденнаго духа! Безсильны вы угадать его, чувствуя свою близкую гибель... Онъ неугасимъ! Падутъ подъ напоромъ его послѣдніе порыжѣлые замки, лягутъ въ прахъ мистическія печати, свободный человѣкъ встанетъ во весь ростъ свой, сброситъ узы и будетъ вдыхать полною грудью воздухъ свободной, міровой безконечности". Вѣра въ близкую побѣду освободительныхъ силъ страны сообщаетъ особый и драгоцѣнный въ наше время реально-идеалистическій оттѣнокъ произведенію г. Гусева, невольно сообщающійся читателю, уставшему отъ тревогъ и разочарованій наболѣвшей общественной мысли.

Разсказъ г. Горькаго „Тюрьма" является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ лучшихъ произведеній послѣдняго времени. Онъ весь проникнутъ мягкимъ и грустнымъ лиризмомъ, созданъ глубокой и любящей мыслью и чувствомъ, которому знакомы высшее страданіе и скорбь; отъ него вѣетъ и какою-то усталостью отъ жизни, и бережно-заботливой думой о ней. Въ этомъ разсказѣ художникъ не ищетъ безуспѣшно человѣка между людей, но въ каждомъ человѣкѣ толпы старается угадать разумное Божье творенье, только придавленное и обезсиленное страшнымъ механизмомъ жизни. Здѣсь г. Горькій глубоко заглядываетъ въ человѣческую душу и открываетъ въ ней, чутьемъ удивительнаго художественнаго прозрѣнія, глубоко человѣчныя черты, разрушающія всякія внѣшнія преграды, создаваемыя искусственной и ложно понятой жизнью. Разсказъ г. Горькаго—простой задушевный разсказъ о томъ, какъ люди, во всѣхъ отношеніяхъ различные между собой: съ одной стороны тюремщики, а съ другой—студентъ, попавшій въ тюрьму, поняли, что они одинаково люди, и согрѣли душу другъ другу сочувствіемъ и безкорыстной довѣрчивой дружбой. Сюжетъ незатѣйливъ: въ тюрьмѣ симпатичный, добрый студентъ, гордый готовностью жертвовать собой во имя хорошаго, праваго дѣла, соприкасается съ надзирателемъ, молодымъ, обиженнымъ жизнью человѣкомъ и старикомъ-сторожемъ, одичавшимъ въ своемъ душевномъ одиночествѣ. Ихъ потянуло къ ласковому и тихому студенту. Въ темнотѣ тюремнаго безмолвія, сквозь отверстіе въ двери, ведутъ они тихія долгія бесѣды о жизни, мудреной и сложной, о безполезныхъ жертвахъ порабощенія и нужды, и между ними устанавливается простая, истинно-человѣческая связь, взаимно приносящая душевное удовлетвореніе и отраду. И глубокая примирительная нота проходитъ по всему разсказу, но примирительная въ смыслѣ не оправданія дѣйствительности, а болѣе вдумчиваго пониманія и сочувствія ко всякому страданію, въ комъ бы оно ни проявлялось. Жизнь представляется студенту Мишѣ жесткой и безпощадной,—она

не можетъ быть иною, не можетъ быть доброй и красивой, пока есть господа и рабы, пока власть не перестанетъ развращать владыкъ, а подчиненіе—рабовъ. И въ душѣ Миши поднимается протестъ противъ того уклада жизни, который допускаетъ и освящаетъ борьбу владыкъ и рабовъ. „Произвольно и несправедливо все это... Развѣ можно дѣлить людей на два лагеря?.. А, напримѣръ, я? Вѣдь, въ сущности я—не господинъ и... не рабъ!

„Мелькнувъ въ его душѣ, какъ искра, эта маленькая, хитрая мысль тотчасъ же уступила мѣсто большимъ, суровымъ, твердымъ мыслямъ. Онѣ ставили предъ юношей желѣзное требованіе работы, долгой, трудной, незамѣтной—великой работы, полной непоколебимаго мужества, спокойнаго примиренія съ простой скромной ролью чернорабочаго, который очищаетъ жизнь огнемъ своего ума и сердца отъ гнилого, ветхаго, уродливаго хлама предразсудковъ и предубѣжденія, авторитетовъ и привычекъ“... И разсказъ кончается признаніемъ великой и старой, какъ міръ, истины о томъ, что для того, кто освободилъ свой умъ изъ темницы предразсудковъ, для того тюрьма не существуетъ...

Разсказы пятаго выпуска ничѣмъ не отличаются отъ массы разсказовъ, пестрящихъ на страницахъ нашихъ журналовъ. Общее впечатлѣніе сѣренькое, скучное, замученное. Не говоря уже о г. М. Горькомъ, можно сказать и обо всѣхъ другихъ писателяхъ, составившихъ этотъ выпускъ. что ихъ произведенія здѣсь далеко не изъ лучшихъ. Г. Телешовъ („Черной ночью“) разсказываетъ, какъ Вася, „человѣкъ непутевый“, не то дурачокъ, не то простачокъ, истомившись скукой мертваго города, поджигаетъ домъ, отъ котораго загорается весь городъ,—и все это затѣмъ только, чтобы имѣть поводъ ударить въ набатъ, разбудить спящихъ людей, заставить ихъ двигаться, суетиться, жить. За этимъ неестественнымъ сюжетомъ читатель долженъ угадывать какую-то трагедію символическаго сцѣпленія безумія съ образами тупой и мертвой неподвижности соннаго города, но вмѣсто впечатлѣнія трагедіи разсказъ производитъ впечатлѣніе скуки и вольныхъ или невольныхъ подражаній г. Андрееву съ его отличительной манерой изображать скрытыя основы жизни сквозь призму „солнечнаго безумія“. „Впервые почувствовалъ онъ (Вася) въ самомъ себѣ жизнь. Точно туманъ, наполнявшій его голову и сердце, всколыхнулся, и сквозь волокна его проглянуло солнце—настоящее солнце: яркая, огромная жизнь со всѣми ея радостями, страстями, съ горемъ и борьбою. Онъ впервые прозрѣлъ: онъ увидѣлъ людей, тѣхъ же людей, сонныхъ, вздорныхъ и вялыхъ“. Такъ пишетъ г. Телешовъ вслѣдъ за авторомъ „Василія Ѳивейскаго“, между тѣмъ какъ, судя по сборнику его разсказовъ, у него есть несомнѣнныя данныя для самостоя-

тельнаго и вполнѣ оригинальнаго творчества. Грубоватымъ бытовымъ реализмомъ отличается разсказъ г. Серафимовича „Заяцъ“. Безсильный, безпомощный и глупый мужикъ Антипъ садится на пароходъ, чтобы навѣстить умирающую жену, но на билетъ у него нѣтъ денегъ, и капитанъ отказывается спустить его на пристань у родной деревни и увозитъ его дальше, чтобы „проучить“ за безбилетность. На слѣдующихъ пристаняхъ повторяется то же самое, и несчастный Антипъ кончаетъ тѣмъ, что бросается въ воду и тонетъ. Опять, какъ видятъ читатели, трагическій „случай“, но и только: сердобольные люди побранятъ жестокаго капитана и пожалѣютъ всѣхъ Антиповъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на покупку билета для поѣздки на родину, но едвали не признаютъ, что обстановка „случая“ слишкомъ ужъ исключительна и мало правдоподобна. Г. Серафимовичу нельзя отказать въ наблюдательности и знаніи народнаго быта, но языкъ его требуетъ большой работы, что̀ слѣдуетъ сказать вообще о техникѣ многихъ разсказовъ этого писателя. Среди другихъ произведеній съ интересомъ прочтется разсказъ г. Скитальца („Кандалы“), изображающій бытъ и нравы провинціальнаго захолустья. Г. М. Горькій разсказываетъ исторію одной любви,—какъ дворникъ влюбился въ дочь профессора, „дѣвицу съ голубыми глазами и звонкимъ смѣхомъ, веселую, балованную, безпечную“, какъ она мучила его, и онъ съ отчаянія застрѣлился. Отъ разсказа вѣетъ безнадежной глубокой грустью, и читая его, кажется, что въ немъ идетъ рѣчь не о простомъ случаѣ, а о чемъ-то болѣе серьезномъ и общемъ, что̀ въ конкретныхъ чертахъ разсказа нашло себѣ символическое выраженіе. „Спросите ихъ... вотъ я — работалъ на нихъ... чтобы имъ жилось удобнѣе и чище... за что же они изувѣчили меня? спросите ихъ“... Это были предсмертныя слова несчастнаго Платона, измучившагося въ пассивномъ протестѣ противъ сословныхъ преградъ, создавшихся благодаря ложнымъ условіямъ жизни. Авторъ разсказываетъ въ концѣ, какъ онъ нашелъ среди тетрадокъ со стихами бывшаго дворника листокъ съ слѣдующими, „полными юношескаго паѳоса“ строками: „Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ, на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную“...

Въ этомъ же выпускѣ напечатана пьеса г. Е. Чирикова—„Иванъ Миронычъ“. Сюжетъ ея—сцены изъ быта провинціальныхъ педагоговъ, не лишенныя внѣшней занимательности и, мѣстами, комизма, но очень не глубокія по идейному содержанію. Второе и третье дѣйствія могли бы отсутствовать съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ сущности они повторяютъ то, что̀ уже было сказано въ первомъ дѣйствіи, и только безъ нужды растягиваютъ сюжетъ. Типъ Ивана Мироныча, только-что

назначеннаго инспекторомъ изъ учителей шестиклассной гимназіи, самодовольнаго и характерно-провинціальнаго педанта, задуманъ удачно, но авторъ, изображая его мѣткими и подчасъ тонкими штрихами, почти не поднимается до указанія общихъ условій, вызывающихъ появленіе подобнаго типа. Образы Вѣры Павловны и Ольги едва намѣчены; гораздо ярче бытовой типъ Любови Васильевны, „неугомонной хозяйки и подозрительной собственницы“ (?). Пьесѣ г. Чирикова посчастливилось: ее поставилъ у себя на сценѣ московскій художественный театръ, проявившій свое обычное мастерство въ созданіи бытовыхъ ролей и обстановки. Пьеса стала неузнаваемо-жизненной въ исполненіи артистовъ этого театра, но и они не могли сообщить ей того, чего не было въ творческомъ замыслѣ драматурга: ѣдкости сатиры и возвышеннаго идейнаго подъема.

III.

— Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изданы подъ редакціей д. ч. Н. И. Веселовскаго, въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества по отдѣленію этнографіи“, томъ XXIX. Спб. 1904.

Потомокъ киргизскихъ хановъ и офицеръ русской арміи, Чоканъ Валихановъ, былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей своего народа. Въ области русской оріенталистики онъ занялъ выдающееся положеніе, и наука вправѣ была ожидать отъ него великихъ и важныхъ открытій въ дѣлѣ изслѣдованія тюркскихъ народовъ, но, къ сожалѣнію, онъ умеръ отъ чахотки, не достигнувъ и 30-лѣтняго возраста (1837—1865). Обладавшій обширными научными познаніями въ своей области и природными данными, облегчавшими ему глубокое пониманіе мѣстныхъ особенностей страны и народа, Валихановъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главной работой является описаніе путешествія въ Кашгаръ, давшаго важные результаты въ научномъ отношеніи. Это путешествіе было совершено въ 1857 году по порученію генералъ-губернатора Западной Сибири и, будучи вызвано волненіями въ восточномъ Туркестанѣ, имѣло цѣлью негласное собраніе точныхъ свѣдѣній о странѣ. Подъ видомъ купца отправился Валихановъ, въ караванѣ, выполнять опасное порученіе, испыталъ въ пути много затрудненій и вернулся, едва избѣжавъ позорной смерти, такъ какъ вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Кашгаріи званіе его было обнаружено, и за нимъ уже была послана погоня, къ счастью, безрезультатная. Описаніе Кашгаріи и было его отчетомъ. Среди „Сочиненій“ находимъ рядъ статей Валиханова

(„Аблай“, „Слѣды шаманства у киргизовъ“, „Вооруженіе киргизъ въ древнія времена и ихъ военные доспѣхи“, „Очерки Джунгаріи“ и др.), записку о судебной реформѣ у киргизъ сибирскаго вѣд. и нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ черновыхъ бумагъ автора. Въ статьѣ о шаманствѣ авторъ даетъ интересное опредѣленіе послѣдняго: оно—„съ одной стороны, есть почитаніе природы вообще и въ частности; человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ подъ вліяніемъ природы. Въ этомъ смыслѣ шаманство представляетъ крайній матеріализмъ. Съ другой стороны, умирая, человѣкъ самъ становится божествомъ—это крайній спиритуализмъ. Идея замѣчательна особенно потому, что не имѣетъ миѳологическихъ заблужденій и даетъ полный просторъ общественнымъ условіямъ, общественнымъ законамъ“. Въ статьѣ о судебной реформѣ, настаивая на необходимости мѣропріятій, благожелательно-осторожныхъ и содѣйствующихъ нравственному и культурному развитію народа, Валихановъ такими словами характеризуетъ свой народъ, который (по мнѣнію автора, высказанному въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ) заслуживалъ бы бо̀льшей заботливости со стороны русской администраціи. „Изо всѣхъ инородческихъ племенъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, первое мѣсто по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждамъ на развитіе въ будущемъ, принадлежитъ намъ, киргизамъ. Мы занимаемъ одну обширную сплошную территорію, между тѣмъ какъ другіе инородцы разбросаны среди русскаго населенія. Насъ считается въ русскомъ подданствѣ до 800 тысячъ, а съ не вѣрноподданными нашими соплеменниками мы превышаемъ милліонъ, тогда какъ всѣхъ татаръ въ Европейской Россіи, включая въ это число башкиръ, ногайцевъ и киргизъ Букеевской орды, полагается едва одинъ милліонъ. Вся, такъ называемая, средне-азіатская торговля Россіи есть ни болѣе, ни менѣе, какъ торговля наша: на долю Бухаріи, Кокана и другихъ странъ Центральной Азіи приходится весьма незначительная пропорція въ общемъ торговомъ балансѣ. Народъ нашъ, наконецъ, не въ такой степени дикъ и грубъ, какъ думаетъ объ немъ большинство русскихъ. Говоря серьезно, киргизскій народъ принадлежитъ къ числу наиболѣе миролюбивыхъ и, слѣдовательно, къ числу наименѣе дикихъ инородцевъ Русскаго царства. Въ этомъ отношеніи мы уступаемъ только бурятамъ, но и то потому, что буряты имѣли счастіе принять самое гуманное и высокое ученіе—буддизмъ, а мы же имѣли несчастіе подчиниться грубому исламу. Народъ нашъ имѣетъ богатую, нелишенную поэтическихъ достоинствъ, растительную литературу, болѣе близкую къ индогерманскому эпосу, чѣмъ къ восточнымъ произведеніямъ этого рода. Наконецъ, что̀ всего важнѣе, формы нашего общественнаго развитія находятся въ самомъ безъискусственномъ періодѣ,

когда онѣ представляютъ наибольшую аналогію съ результатами высшаго культурнаго развитія. На этомъ фактѣ основаны всѣ наши надежды на будущее. Сверхъ того, мы, какъ потомки батыевскихъ татаръ, связаны съ русскими историческимъ и даже кровнымъ родствомъ. Судьба милліона людей, подающихъ несомнѣнныя надежды на гражданственное развитіе, людей, которые считаютъ себя братьями русскихъ по отечеству и поступили въ русское подданство добровольно, кажется, заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія и бо̀льшей попечительности въ такихъ рѣшительныхъ вопросахъ, которые формулируются въ шекспировское—быть или не быть. Отсутствіе разумнаго самозащищенія и всякаго рода пассивность, по причинѣ неразвитости, обязываетъ начальство въ отношеніи насъ быть чрезвычайно внимательнымъ и крайне осторожнымъ".

Характеристики Валиханова, сдѣланныя Г. Н. Потанинымъ и Ядринцевымъ, въ простыхъ и жизненныхъ чертахъ, ярко рисуютъ образъ Валиханова, этой, во всякомъ случаѣ, несовсѣмъ обыкновенной личности. Любопытно, что этотъ остроумный, блестящій офицеръ, пріобрѣвшій въ Петербургѣ всѣ привычки избалованнаго столичнаго dandy, въ концѣ концовъ вернулся въ аулъ, женился на киргизкѣ и прожилъ остальные дни въ степи, какъ истый киргизъ. Ядринцевъ отмѣчаетъ въ своемъ очеркѣ это бѣгство потомка дикаря, испившаго чашу цивилизаціи и словно испугавшагося ея. „Старая среда, привычки, привязанности, домъ, старое отечество, не отрываются отъ сердца легко. Чоканъ оставался любящимъ свой народъ, свое племя. Въ его мечтахъ было совмѣстить европейское просвѣщеніе и сохранить свою народность".

IV.

— „Душа Японіи". Японскіе романы, повѣсти, разсказы, баллады и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Н. Азбелева. Спб. 1905.

Книга г. Азбелева, составленная на основаніи европейскихъ источниковъ, служитъ интереснымъ дополненіемъ цѣлой серіи книгъ о Японіи, которыя появились въ послѣднее время на русскомъ языкѣ, ближайшимъ же образомъ она примыкаетъ къ „Исторіи японской литературы" Астона. Въ обширномъ предисловіи г. Азбелевъ останавливается на вопросѣ, какія изъ японскихъ сочиненій могутъ быть наиболѣе интересны для европейскаго читателя, и даетъ сжатую характеристику основныхъ моментовъ развитія японской литературы. Въ связи съ этимъ составитель книги ставитъ себѣ цѣлью познако-

мить читателя съ тѣми наиболѣе извѣстными, въ европейскихъ переводахъ, произведеніями японской литературы, которыя не столько знамениты въ самой Японіи достоинствами языка и стиля, сколько знакомятъ его съ духовнымъ міромъ японца и въ изображеніяхъ картинъ общественнаго и семейнаго быта служатъ иллюстраціями этическихъ основъ его жизни. „Безъ всякаго сомнѣнія,—говоритъ составитель книги,—насъ должна интересовать ближе всего современная Японія—„европеизованная", какъ умѣстно назвать ее, или Японія „эры Мейдзы", какъ называютъ ее сами японцы. Но такъ какъ сѣмена европейскаго вліянія могли дать тѣ или другіе ростки въ прямой зависимости отъ почвы, на какую упали, то мы должны ознакомиться и съ этою послѣдней,—иначе говоря, съ Японіей той эпохи, которая непосредственно предшествовала открытію страны для европейцевъ. Эта продолжительная эпоха (1603—1867 гг.) въ исторіи литературы называется *едосскимъ періодомъ*,—и къ нему относится большая часть тѣхъ произведеній, которыя—полностью или въ отрывкахъ—напечатаны въ этой книгѣ въ русскомъ переводѣ".

Заглавію своего труда г. Азбелевъ даетъ слѣдующее объясненіе: „Японскій профессоръ Инадо Нитобе далъ своему сочиненію,—въ которомъ изложилъ этическія основанія жизни *самураевъ*, считающихся въ своемъ отечествѣ „строителями" могущества его,—титулъ „Душа Японіи". Въ нашей книгѣ читатели найдутъ не мало такихъ произведеній японской литературы, герои которыхъ въ своемъ образѣ дѣйствій неуклонно руководствуются упомянутыми основаніями. Уже по одному этому мы считали себя въ правѣ дать и своему труду тотъ же титулъ. Однако, при данномъ содержаніи этой книги, послѣдній надо понимать шире, чѣмъ онъ долженъ быть истолкованъ въ примѣненіи къ сочиненію упомянутаго японскаго автора, такъ какъ собранныя въ ней произведенія рисуютъ духовный міръ не только лицъ одного сословія, которое имѣлъ онъ въ виду, а и представителей (мужчинъ и женщинъ) другихъ сословій японскаго народа".

Произведенія японской литературы, предлагаемыя читателямъ въ этой книгѣ, чрезвычайно характерны и открываютъ въ „душѣ Японіи" черты весьма любопытныя. Изъ произведеній дореформеннаго періода одни изображаютъ этическую оцѣнку отношеній между вассалами и владѣльцами, князьями; другія написаны съ цѣлью способствовать утвержденію сыновняго благочестія среди молодежи;—и тѣ и другія являются живой иллюстраціей того, какое значеніе для японца имѣютъ нравственныя обязательства, налагаемыя лойяльностью и сыновнимъ благочестіемъ. Цѣнность жизни—ничто передъ силой этихъ обязательствъ, и доблестный самурай предпочитаетъ смерть существованію, опозоренному неисполненіемъ даннаго слова. На этой почвѣ *харакири*

играетъ видную роль въ литературѣ едосскаго періода. Это *харакири* или *сеппуку*, по объясненію профессора токійскаго университета Инацо Нитобе, буквально обозначаетъ „разрѣзываніе желудка". „Эта форма смерти,—говоритъ онъ, — была привиллегіей ограниченнаго круга японцевъ-самураевъ—двумечниковъ. Иногда *сеппуку* было наказаніемъ, налагавшимся властью; иногда же оно могло быть наложено человѣкомъ на себя добровольно; иногда это была жертва (быть можетъ, я могу сказать, символическая?) жизнью за идею; иногда также—послѣднимъ убѣжищемъ, подъ защиту котораго укрывалась честь. Когда *харакири* предписывалось, какъ наказаніе, то это было равносильно тому, что виновный сознаетъ свое собственное преступленіе; какъ будто бы онъ говорилъ: „я поступилъ ошибочно; я стыжусь передъ собственной своей совѣстью. Я наказываю себя своей собственной рукой, потому что я самъ осуждаю себя". Если обвиняемый былъ невиненъ, онъ все-таки часто предпочиталъ совершить надъ собой *сеппуку*; и тогда онъ разсуждалъ такъ: „я невиненъ, и покажу вамъ свою душу, по которой вы можете судить меня сами". Мучительность операціи принимается въ разсчетъ въ томъ смыслѣ, чтобы смерть, которой можно достигнуть и безъ лишнихъ и долгихъ мученій,—не показалась трусливымъ „уходомъ отъ жизни". Страданія, испытываемыя при совершеніи харакири, являются мѣриломъ твердости, съ которой было принято рѣшеніе.

Вліянія европейской культуры не избѣгла ни одна отрасль японской литературы, кромѣ поэзіи. Литература эта обогатилась многочисленными темами о соціальныхъ и семейныхъ вопросахъ, среди которыхъ женскій вопросъ является въ Японіи однимъ изъ важнѣйшихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ романовъ („Гана—дочь Японіи"), вышедшемъ въ прошломъ году въ англійскомъ переводѣ, изображаются событія, стоящія въ связи съ русско-японской войной. Русскій военноплѣнный, разсказывается здѣсь, готовъ выдать весьма важныя военныя тайны, если Гана, уже невѣста одного американца, согласится быть его женою. Дѣвушка „изъ патріотизма" уже готова принести эту жертву, но американецъ самъ отправляется шпіономъ къ Портъ-Артуру, вывѣдываетъ, срисовываетъ планы и возвращается обратно къ невѣстѣ героемъ. Но—увы! русскій офицеръ сумѣлъ побѣдить сердце Ганы, и только дурное обращеніе его съ невѣстой, закончившееся трагической смертью, помѣшало ему сдѣлаться мужемъ Ганы. Послѣ его смерти, на дочери Японіи женится американецъ, но бракъ этотъ не приноситъ ей счастья, которое, послѣ смерти мужа, она находитъ въ союзѣ съ англичаниномъ... „Политическая аллегорія этого романа, говоритъ авторъ, понятна, и мы замѣтимъ только, что въ двѣнадцати томахъ его выведены сотни япон-

цевъ всевозможныхъ положеній и состояній; всѣ они надѣлены добродѣтелями и пороками, которые свойственны людямъ; но всѣ безъ исключенія—пламенные патріоты: „умереть за Японію“—идеалъ величайшаго счастья для каждаго изъ нихъ. Несмотря на то, что романъ этотъ грѣшитъ—вѣроятно „по старой памяти“ о временахъ Бакина—нагроможденіемъ мало связанныхъ между собою приключеній, онъ все-таки читается съ интересомъ, давая представленіе о многихъ сторонахъ жизни современнаго японскаго общества“.

Относительно лирическихъ пѣсенъ авторъ приводитъ свидѣтельство одного изъ европейскихъ изслѣдователей о томъ, что пѣсни въ Японіи сопровождаютъ всякій трудъ, „поэзія въ Японіи такъ же универсальна, какъ воздухъ“: каждый сочиняетъ стихи независимо отъ того, къ какому классу общества онъ принадлежитъ, — въ понятіе японскаго „джентльмена“ умѣнье писать стихи входитъ какъ необходимый элементъ. Ритмическія строчки, написанныя или выгравированныя на китайскомъ или японскомъ языкахъ на особыхъ табличкахъ мебели, утвари и т. д. „Можетъ быть, вы найдете дорогу въ какую-нибудь японскую хижину, — говоритъ Лавкадіо Гирнъ, — въ которой нѣтъ видимой поэзіи; можетъ быть, вы забредете, какъ случилось это со мною,—въ селеніе, столь бѣдное, что вы не достанете тамъ „ни за любовь, ни за деньги“ даже чашки настоящаго чая; но я не думаю, чтобы вы могли найти селеніе, въ которомъ никто не способенъ былъ бы составить поэму“.

Изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ японскихъ произведеній очень интересны—отрывки изъ современнаго японскаго романа „Нами-ко“ (имя героини), нѣкоторыя легенды и очень характерная японская лирическая драма: „Платье изъ перьевъ“.

V.

— Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы по исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Бахрушина. Москва. 1905.

Наша литература по исторіи театра еще очень бѣдна; матеріалы накапливаются въ изобиліи, въ связи съ ростомъ литературнаго и общественнаго самосознанія, но изслѣдователи берутся неохотно за эту сложную и не всегда благодарную работу. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить книгу, отмѣченную тщательнымъ изученіемъ предмета и живымъ интересомъ къ судьбамъ нашего театра. Работа бар. Дризена представляетъ собой рядъ очерковъ, которымъ онъ самъ не придаетъ значе-

нія цѣльнаго изслѣдованія, хотя они и находятся въ нѣкоторой связи между собой. Авторъ такъ излагаетъ исторію своей работы: „Шестилѣтняя работа въ архивахъ, тщательное изученіе печатныхъ памятниковъ родной старины, наблюденіе надъ современными теченіями театральнаго искусства, давали возможность автору изрѣдка останавливаться передъ отдѣльными моментами театральнаго прошлаго и писать о нихъ. Статьи печатались, иногда отмѣчались критикой, комментировались; автору невольно казалось, что трудъ его не пропалъ даромъ, что приведенный въ выдержкахъ документъ пригодится не одному еще изслѣдователю, а забытый, но воскресшій въ памяти дѣятель въ правѣ разсчитывать на законное ему мѣсто въ исторіи". Авторъ собралъ отдѣльныя статьи въ книгу, первую часть которой составили „очерки любительскаго театра" (за сто лѣтъ нашей общественной жизни), вторую—„очерки драматической цензуры въ Россіи" (опытъ спеціальной систематизаціи драматической цензуры въ Россіи), остальныя главы посвящены біографическому матеріалу писателей и артистовъ, мелочамъ театральной старины и народному театру.

Очерки бар. Дризена читаются съ интересомъ и легко, если только можно примѣнить послѣднее слово къ тѣмъ страницамъ, гдѣ авторъ разсказываетъ объ обычныхъ „прелестяхъ" нашей цензуры. Изображая нравы дореформеннаго дѣйствія послѣдней, авторъ дѣлаетъ въ концѣ слишкомъ рѣзкій переходъ и, говоря о пореформенной эпохѣ, впадаетъ въ нѣсколько преувеличенно-оптимистическій тонъ. Читатель знаетъ, что если „въ обращеніи съ печатнымъ словомъ наступала новая эра", то весьма ненадолго, что „свобода выраженія мысли" является и къ настоящее время pium desiderium русскаго писателя; едва-ли можно согласиться съ авторомъ и въ томъ отношеніи, что „сама цензура перестала быть чѣмъ-то вродѣ надзирателя исправительнаго отдѣленія, гдѣ прежде всего видятъ преступника, а потомъ человѣка"... но постановка монумента отходящей цензурѣ—дѣло будущаго, вѣроятно уже недалекаго, изъ прошлаго же авторъ вспоминаетъ удивительные факты. Извѣстно, какъ пострадалъ Полевой, осмѣлившійся писать о трагедіи Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла" въ несовсѣмъ холопскомъ тонѣ. Правительство видѣло себѣ оскорбленіе въ неодобрительныхъ отзывахъ объ игрѣ артистовъ, игравшихъ на казенной сценѣ и, слѣдовательно, состоявшихъ на государственной службѣ. Съ театральной хроникой въ газетахъ и въ то время дѣло обстояло неблагополучно, но давая свою во многомъ правдивую оцѣнку тому, что̀ въ его время писалось о театрѣ, знаменитый Гедеоновъ не догадывался, что корень зла лежалъ не въ усиленіи, а напротивъ, въ полной отмѣнѣ цензуры, въ предоставленіи права высказывать свои взгляды людямъ самыхъ различныхъ направленій. Будучи направлена

къ министру двора кн. Волконскому, оцѣнка современной театральной хроники превращалась у Гедеонова въ огульный доносъ, имѣвшій своимъ слѣдствіемъ новыя репрессіи. „Я неоднократно,—писалъ Гедеоновъ,—имѣлъ честь докладывать вашей свѣтлости, что въ журналахъ статьи о театрахъ весьма рѣдко добросовѣстны, а по большей части наполнены пристрастія, несправедливости и даже злобы. Незнаніе искусства явно высказывается, словомъ, журналисты пишутъ о театрѣ не для пользы искусства, но для собственной выгоды, чтобы пополнить столбцы своего журнала и, возбуждая любопытство, увеличить число своихъ подписчиковъ, придерживаясь правила, что одна строчка злобной клеветы болѣе заманиваетъ, нежели цѣлыя страницы похвалъ“... Цензура, въ зависимости отъ разносторонних административныхъ воздѣйствій, не могла быть послѣдовательной и блуждала и путалась въ противорѣчіяхъ. „Свадьба Фигаро“ Бомарше была, напр., разрѣшена въ 1856 г. на французскомъ языкѣ и запрещена на русскомъ; охотно допускались на сцену лишь пьесы патріотическаго содержанія, причемъ обсужденіе совершенно не касалось ихъ литературныхъ достоинствъ. Авторъ приводитъ заглавія нѣсколькихъ подобныхъ пьесъ: „За вѣру, царя и отечество“, „Формированіе стрѣлковаго полка императорской фамиліи“; была попытка провести даже такую пьесу, которая изображала „русское чувство по поводу репетиціи въ Петербургѣ драматическаго представленія—Морской праздникъ Севастополя“.

Въ отдѣлѣ „Къ біографіямъ писателей и артистовъ“ авторъ, по отношенію къ имп. Екатеринѣ II-й, не воспользовался академическимъ изданіемъ ея сочиненій, гдѣ собранъ большой и цѣнный матеріалъ по интересующему его вопросу, куда вошли и тѣ „замѣтки“, которыя онъ изучалъ по рукописямъ государственнаго архива. Во всякомъ случаѣ въ его статьѣ собраны любопытныя свѣдѣнія. Кромѣ этихъ очерковъ, въ книгѣ помѣщено нѣсколько мелкихъ приложеній и указатели.—Евг. Л.

VI.

— Е. Д. Максимовъ. Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣятельность городского самоуправленія въ Россіи извѣстна намъ гораздо менѣе, нежели дѣятельность земства. Причины этого заключаются въ томъ, что земское самоуправленіе распространяется на гораздо бо́льшую территорію и число жителей, нежели городское; что во главѣ земства находится наиболѣе образованное наше сословіе,

и что, по малой заинтересованности въ самоуправленіи послѣдняго, собственно, какъ сословія, руководительство земскими дѣлами попадало весьма часто въ руки передовыхъ членовъ дворянства, стремившихся къ общественной дѣятельности по соображеніямъ принципіальнаго характера и изъ желанія принести пользу простому народу, котораго главнымъ образомъ и касались такъ называемые необязательные расходы земства. Земское самоуправленіе, поэтому, привлекало къ себѣ симпатіи и вниманіе общества; на земскую службу охотно поступали доброжелательные народу общественные элементы; дѣятельность многихъ земствъ приняла ярко-демократическій характеръ, и имъ было что разсказать о своихъ начинаніяхъ въ области организаціи народной медицины, народнаго образованія и экономическихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства. Городское самоуправленіе невыгодно отличалось отъ земскаго въ тотъ отношеніи, что въ немъ крайне недостаточно были представлены интеллигентные и низшіе классы населенія, и орудовавшая въ немъ кучка сильныхъ людей имѣла полную возможность пассивно относиться къ дѣлу или расходовать городскія средства преимущественно въ интересахъ высшихъ, а не низшихъ слоевъ городского населенія, въ пользу центра города, а не его окраинъ. Дѣятельность городского самоуправленія, за немногими исключеніями, мало интересовала, поэтому, общество; а его представители не только сами не стремились ознакомить публику съ ходомъ дѣлъ, но не всегда доброжелательно относились и къ чужимъ сообщеніямъ объ этихъ дѣлахъ. Дѣятельность городского самоуправленія извѣстна намъ, поэтому, очень мало, а лица, издававшія книги по этому предмету (гг. Семеновъ, Шрейдеръ), должны были ограничиваться отдѣльными примѣрами, а не подведеніемъ итоговъ дѣятельности городскихъ учрежденій.

Въ такомъ же положеніи оказался и авторъ труда, названнаго въ заголовкѣ этой замѣтки. Приступая къ описанію дѣятельности городовъ по призрѣнію бѣдныхъ, Е. Д. Максимовъ предупреждаетъ, что отрывочность, неполнота и безсистемность имѣющихся по этому вопросу фактическихъ данныхъ „вынуждаетъ пользоваться ими съ крайней осторожностью. Относительно перваго четырехлѣтія городской дѣятельности есть еще нѣкоторыя данныя въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, озаглавленномъ „Городская хроника“. Но о послѣдующихъ годахъ нѣтъ и такихъ изданій. Свѣдѣнія о нихъ приходится *вылавливать* то въ трудахъ нѣкоторыхъ коммиссій (Кахановской, Грота и др.), то въ весьма немногочисленныхъ изданіяхъ городскихъ управленій“ (стр. 50). При такомъ положеніи литературы даннаго предмета, авторъ не могъ, конечно, брать на себя задачу сводной работы о помощи бѣднымъ въ городахъ; сводка могла быть имъ

сдѣлана лишь относительно расходовъ городскихъ средствъ, свѣдѣнія о которыхъ публикуются хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и относительно городскихъ благотворительныхъ заведеній; свѣдѣнія (устарѣлыя) о послѣднихъ собраны вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи. Въ описательной части своей работы, авторъ почти исключительно пользовался данными, касающимися Москвы, Петербурга и Риги. Это, кажется, впрочемъ, единственные города, гдѣ дѣло помощи бѣднымъ поставлено сколько-нибудь систематично и удовлетворительно. Мы не говоримъ, впрочемъ, о благотворительности въ европейскихъ городахъ, каковая совершенно не входила въ кругъ изслѣдованій г. Максимова. Недостатокъ матеріаловъ заставилъ автора отказаться отъ задачи полнаго описанія современнаго положенія дѣла помощи бѣднымъ въ городахъ; онъ ограничивается тѣмъ, что даетъ рядъ свѣдѣній по вопросамъ о задачахъ, объемѣ и формѣ помощи нуждающимся, о спеціальной организаціи этого дѣла и о матеріальныхъ средствахъ, обезпечивающихъ данную дѣятельность городскихъ управленій (стр. 98). „Наши очерки (печатавшіеся ранѣе въ журналѣ „Трудовая помощь"),—говоритъ въ предисловіи авторъ, — намѣчаютъ въ общихъ чертахъ тотъ путь, по которому шли наши общественныя управленія въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, и тѣ общіе принципы, на которыхъ должна строиться ихъ дѣятельность на этомъ поприщѣ". Принципы эти не могли быть, однако, прочно установлены на основаніи практики какихъ-нибудь трехъ-четырехъ городовъ. Они могутъ быть безопасно рекомендуемы, потому что за нихъ стоитъ широкій опытъ западно-европейской жизни.

Формы и виды помощи нуждающимся сводятся къ „изслѣдованію положенія нуждающихся и изученію характера нужды и оказанія открытыхъ и закрытыхъ формъ помощи; къ развитію мѣръ предупредительной трудовой помощи трудоспособнымъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная съ упорядоченія посредничества по предоставленію работъ и заработковъ и кончая учрежденіемъ здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, просвѣтительныхъ учрежденій, мѣръ взаимопомощи и муниципализаціей предпріятій, между прочимъ, съ цѣлью вліянія на рабочій рынокъ; къ устройству учрежденій для безпріютныхъ и находящихся въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ дѣтей, а затѣмъ и спеціальныхъ заведеній дѣтскаго призрѣнія; къ широкому развитію помощи нетрудоспособнымъ на дому и устройству для нихъ закрытыхъ заведеній" (стр. 153). Широкое участіе въ организаціи помощи бѣднымъ должны принимать частныя лица. Основнымъ учрежденіемъ городскихъ общественныхъ управленій по призрѣнію бѣдныхъ должны быть участковыя о нихъ попечительства; слѣдующую инстанцію должны составлять собранія участковыхъ попечителей

и дѣятелей; а для объединенія дѣятельности городскихъ и другихъ мѣстныхъ благотворительныхъ заведеній полезно учреждать совѣты изъ представителей тѣхъ и другихъ. Средства для благотворительной дѣятельности должны составляться изъ ассигновокъ изъ общихъ городскихъ суммъ, изъ спеціальныхъ сборовъ, устанавливаемыхъ государствомъ, и изъ частныхъ пожертвованій.

Кромѣ свѣдѣній и соображеній, касающихся спеціальнаго предмета книги автора, Е. Д. Максимовъ посвятилъ одну главу своего труда болѣе общему вопросу городского самоуправленія: расходамъ городовъ за время дѣйствія городового Положенія, на благотворительныя заведенія, учебныя, на медицину и другія общеполезныя учрежденія. Въ началѣ дѣятельности городского самоуправленія общая сумма перечисленныхъ расходовъ не превышала 2 милліоновъ рублей; въ 1900 г. она повысилась почти до 26 милл. руб.; изъ нихъ 3 милл. руб. расходовалось на общественное призрѣніе, 11 милл. руб. на народное образованіе и 12 милл. руб.—на медицинскую, санитарную и ветеринарную части. Особенно быстрое движеніе расходовъ по перечисленнымъ статьямъ имѣло мѣсто въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ: съ 1897 по 1900 г. эти расходы съ 16 милл. руб. поднялись почти до 26 милл. руб., т.-е. увеличились на 10 милл. руб., или на 60%. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ расходы городовъ на благотворительность, медицину и народное образованіе удвоились.

VII.

— Ф. И. Карповъ. Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I-я, фактическая. Спб. 1905.

Въ настоящее время, когда рабочее движеніе такъ широко распространилось въ нашемъ отечествѣ, и отовсюду мы только и слышимъ, что о стачкахъ и попыткахъ регулированія различныхъ сторонъ фабричнаго быта путемъ соглашенія рабочихъ и хозяевъ, немаловажное практическое значеніе имѣла бы доступная для пользованія рабочихъ справочная книга о томъ, что достигнуто въ этомъ отношеніи въ передовыхъ государствахъ путемъ законодательнаго вмѣшательства и дѣятельности рабочихъ организацій. Нѣчто вродѣ справочнаго изданія по вопросу о законодательной охранѣ труда представляетъ указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки небольшая книжка Ф. И. Карпова. Въ ней въ очень сжатомъ видѣ, но съ указаніемъ и главнѣйшихъ историческихъ датъ, приведены постановленія закона различныхъ культурныхъ государствъ относительно охраны работаю-

щихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ дѣтей и женщинъ, рабочаго времени мужчинъ, договорныхъ отношеній нанимателей и нанимающихся, относительно охраны жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, законодательныя мѣры объ увѣчныхъ, больныхъ и старыхъ рабочихъ и, наконецъ, описана организація фабричной инспекціи и судовъ для разбора споровъ между фабрикантами и рабочими. Всего ранѣе европейскія правительства начали регламентировать примѣненіе на фабрикахъ дѣтскаго труда. Первыя постановленія этого рода относятся еще къ концу XVIII-го вѣка; а широкое распространеніе въ европейскихъ государствахъ соотвѣтствующія постановленія получили въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, и въ настоящее время „нѣтъ цивилизованной страны, гдѣ бы не былъ ограниченъ спеціально трудъ дѣтей, и наибольшее число законоположеній относится именно къ нему". Уже значительно позже появилась и особенно получила всеобщее распространеніе законодательная охрана работающихъ на заводахъ и фабрикахъ женщинъ. Первыя законодательныя постановленія этого рода въ Англіи изданы были въ 40-хъ годахъ, а въ другихъ европейскихъ государствахъ женскій трудъ сдѣлался предметомъ законодательной охраны лишь въ 70-хъ, 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія и даже позже. Число постановленій здѣсь нѣсколько меньше, чѣмъ для дѣтей; но „въ настоящее время нѣтъ почти странъ, не охраняющихъ спеціально женщинъ". Всего менѣе, какъ и слѣдовало ожидать, законодательство останавливается на регламентаціи фабричнаго труда взрослыхъ мужчинъ; но въ этой области, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ государствахъ, очень многое достигнуто путемъ организованной борьбы съ хозяевами самихъ рабочихъ. Указанныя постановленія касаются собственно фабрично-заводскихъ рабочихъ и очень недостаточно распространяются пока, съ одной стороны, на болѣе интеллигентныхъ тружениковъ фабричныхъ предпріятій, съ другой—на прислугу фабрикъ и трудъ чернорабочій—подсобный къ труду производительному, въ узкомъ смыслѣ слова. Мало еще распространены и законодательныя ограниченія труда въ предпріятіяхъ, не принадлежащихъ къ категоріи фабрично-заводскихъ.—Законодательная охрана труда касается, съ одной стороны, продолжительности рабочаго дня и нѣкоторыхъ условій работы, съ другой — обстановки труда, имѣющей вліяніе на жизнь, здоровье и частью нравственность работающихъ. Очень поздно явилось спеціальное законодательство относительно гражданской отвѣтственности предпринимателей въ несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. „Въ началѣ XIX вѣка отвѣтственность эта сильно затруднялась существованіемъ въ общемъ гражданскомъ правѣ всѣхъ государствъ положенія о необходимости самому потерпѣвшему доказать суду участіе вины владѣльца". Первая

брешь въ этой преградѣ на пути обезпеченія рабочаго, серьезно пострадавшаго при работѣ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, пробита была изданіемъ спеціальныхъ на этотъ счетъ законовъ для предпріятій желѣзнодорожныхъ, а теперь почти всюду рабочій избавленъ отъ необходимости доказывать, въ случаѣ несчастія, отсутствіе съ его стороны умысла или неосторожности, а въ нѣкоторыхъ государствахъ на предпринимателей возлагается даже обязанность страховать своихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ. Вѣнцомъ законодательнаго покровительства рабочаго класса является въ настоящее время обязательное страхованіе рабочихъ не только отъ несчастныхъ случаевъ, но и отъ болѣзни и старости. Обязательное страхованіе болѣзни въ Европѣ существуетъ лишь въ Германіи и Австро-Венгріи, обязательное страхованіе старости—въ Германіи и Даніи. Первое страхованіе построено на взносахъ со стороны фабрикантовъ и рабочихъ; во второмъ страхованіи существуютъ и приплаты со стороны государства.

Излагая законодательныя постановленія по вышеперечисленнымъ предметамъ, г. Карповъ, кромѣ европейскихъ государствъ, упоминаетъ о сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, но игнорируетъ (исключая одного вопроса) англійскія колоніи, между тѣмъ какъ фабричное законодательство, напр., Новой Зеландіи представляетъ большой интересъ. Достаточно, напр., сказать, что, согласно закону 1894 г., каждый предприниматель и рабочая организація изъ 7 человѣкъ и болѣе имѣютъ право обращаться къ спеціальному суду съ просьбой разсмотрѣть и постановить свое рѣшеніе по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ продолжительность въ данномъ предпріятіи рабочаго дня, высота заработной платы и т. п. Рѣшеніе суда обязательно для обѣихъ сторонъ, и судъ имѣетъ даже право распространить свое рѣшеніе по частному дѣлу на всѣ предпріятія той же отрасли промышленности въ данномъ районѣ. Такія постановленія закона оказались настолько удачными, что послѣ его изданія стачки въ Новой Зеландіи почти прекратились: зачѣмъ прибѣгать къ такому разорительному средству установленія желательныхъ для рабочихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, когда рабочимъ открыта возможность удовлетворенія ихъ справедливыхъ требованій рѣшеніемъ безпристрастнаго судебнаго трибунала! Желательно, чтобы этотъ и нѣкоторые другіе пропуски были пополнены во второй критической части работы г. Карпова, въ которой авторъ обѣщаетъ оживить, объединить и дополнить положенія первой части „какъ фактически, такъ и со стороны соціально-экономической и исторической“.

VIII.

— Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Томъ II. Теорія капиталистическаго развитія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. А. Курчинскаго. Москва. 1905. Ц. 2 рубля.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ была рѣчь о русскомъ переводѣ перваго тома сочиненія извѣстнаго профессора бреславльскаго университета, Зомбарта, посвященнаго современному капитализму; нынѣ появился второй томъ этого сочиненія, далеко еще не законченнаго въ подлинникѣ. Трудъ проф. Зомбарта выходитъ на русскомъ языкѣ въ двухъ изданіяхъ: Горшкова, подъ редакціей Курчинскаго, и Скирмунта, подъ редакціей Базарова. Задача этого обширнаго труда состоитъ въ томъ, „чтобы вручить читателю руководящую нить, которая облегчила бы ему путь (!) черезъ лабиринтъ“ капиталистической эпохи хозяйственнаго развитія. Для достиженія этой цѣли авторъ дѣлаетъ попытку „прослѣдить развитіе капиталистической хозяйственной системы отъ самыхъ ея зачатковъ вплоть до современности, раскрыть собственныя законныя ея движенія и выяснить законность ея перехода въ грядущую“ общественно-соціалистическую эпоху хозяйства, законность не съ телеологической, а съ причинной точки зрѣнія. Вышедшіе въ свѣтъ и переведенные на русскій языкъ, первые два тома сочиненія, „представляющіе законченное цѣлое, доводятъ изслѣдованіе до того момента, когда капиталистическая система достигла полной побѣды надъ различными видами докапиталистическаго хозяйства, занявъ, благодаря этому, могущественное положеніе, доставившее ей господство надъ всей хозяйственной жизнью“. Первый томъ труда Зомбарта посвященъ характеристикѣ ремесленной хозяйственной эпохи и разсмотрѣнію того, какъ на почвѣ даннаго строя зародился капитализмъ, образовалось то, что авторъ называетъ субъективными предпосылками капиталистическаго строя: накопленіе въ отдѣльныхъ рукахъ капитала въ формѣ денежныхъ средствъ, оборотъ которыхъ и составляетъ сущность капиталистическаго хозяйства, и развитіе капиталистическаго духа, т.-е. стремленія употреблять собирающіяся въ отдѣльныхъ рукахъ денежныя средства не на цѣли личнаго потребленія (какъ это было въ предшествовавшую эпоху), а для наживы, для полученія прибыли. Въ этой части своего изслѣдованія авторъ оперируетъ въ области чистаго эмпиризма и изображаетъ историческіе факты „въ ихъ эмпирически случайномъ видѣ“ (т. I, стр. 406), такъ какъ самъ капитализмъ, по мнѣнію автора, былъ явленіемъ случайнымъ и при другой комбинаціи историческихъ

явленій средневѣковая Европа „кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ“ (т. I, стр. 367). Но для осуществленія развитого капитализма нужна была наличность не однихъ субъективныхъ, а и извѣстныхъ объективныхъ условій,—условій, которыя доставили бы капиталистическому предпринимателю „возможность вступленія съ третьими лицами въ договорное соглашеніе, соотвѣтствующее его потребностямъ. Условія эти—формальнаго и матеріальнаго характера“. Формальныя условія заключаются въ опредѣленномъ правовомъ порядкѣ, допускающемъ юридическія отношенія „желательныя съ точки зрѣнія самой сущности капиталистическаго предпріятія“ (т. I, стр. 219). Условія матеріальнаго характера заключаются въ наличности населенія, готоваго продавать свою рабочую силу—съ одной стороны, и покупателей продуктовъ капиталистическаго производства—съ другой. Изслѣдованіе происхожденія этихъ объективныхъ предпосылокъ капитализма выходитъ уже изъ области чисто эмпирической. Условія эти въ значительной мѣрѣ образуются при посредствѣ самаго капитализма, образуются неизбѣжно—разъ только историческіе факты „въ ихъ эмпирически-случайномъ видѣ“ дали возможность возникнуть капитализму и его субъективнымъ предпосылкамъ. Происхожденіе этихъ условій должно поэтому разсматриваться не „съ точки зрѣнія случайности“, какъ разсматривался вопросъ о генезисѣ „субъекта капиталистическаго хозяйства или хозяйственнаго принципа“, а „съ точки зрѣнія закономѣрности; послѣдній способъ изслѣдованія мы называемъ теоріей. Согласно этому, ученіе о возникновеніи объективныхъ условій капиталистической формы хозяйства относится, конечно, къ теоретической, а не къ генетической части этого сочиненія“ (т. I, стр. 407). Теоріи же капиталистическаго развитія посвященъ второй томъ сочиненія Зомбарта. Такими соображеніями авторъ пытается объяснить указанную въ первой нашей замѣткѣ непослѣдовательность въ ходѣ мысли при изложеніи генезиса капитализма. Показавъ въ первомъ томѣ, какъ произошли субъективныя предпосылки послѣдняго, онъ прерываетъ нить изложенія и, вмѣсто ожидаемаго объясненія происхожденія объективныхъ условій капитализма, переходитъ къ подробному фактическому описанію первыхъ шаговъ промышленнаго капитализма, преимущественно по даннымъ Германіи, касающимся средины истекшаго столѣтія. Этимъ заканчивается первый томъ обширнаго труда Зомбарта.

Второй томъ этого труда посвященъ, какъ сказано, теоріи капиталистическаго развитія, т.-е. объясненію того, какимъ образомъ капитализмъ овладѣлъ сферой промышленнаго производства или, говоря иначе, оказался побѣдителемъ въ борьбѣ съ ремесломъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ двѣ сферы явленій. Одна сфера—тѣ преобразованія

хозяйственной жизни, которыя достигаются капитализмомъ въ его интересахъ, т.-е. которыя „столько же содѣйствовали бы его интересамъ, сколько вредили бы ремеслу“ (т. II, стр. 26).

Вторая сфера явленій—тѣ тактическіе пріемы, которыми пользовался капитализмъ для того, чтобы—на почвѣ новыхъ, создаваемыхъ имъ условій хозяйственной жизни—одержать побѣду надъ своимъ противникомъ,—тактическіе пріемы, при помощи которыхъ „капитализмъ неизбѣжно одерживаетъ побѣду въ томъ случаѣ, когда дѣйствуютъ указанныя условія производства и до тѣхъ поръ, пока они находятся въ наличности“ (т. II, стр. 440). Что касается первой области явленій—Зомбартъ прежде всего кратко останавливается на трехъ устояхъ создаваемаго капитализмомъ новаго базиса, служащаго для послѣдующихъ преобразованій. Эти устои: новое право, новая техника и новый „стиль“ хозяйственной жизни. Новое хозяйственное право, обезпечивающее столь важную для капитализма свободу промышленной дѣятельности, очерчено авторомъ весьма кратко. Общій смыслъ новой техники авторъ видитъ въ томъ, что она уменьшаетъ нашу зависимость отъ природы и всякихъ случайностей: зависимость отъ опредѣленнаго мѣста, времени и „отъ организующаго процесса природы“. Этимъ послѣднимъ выраженіемъ авторъ формулируетъ растущую способность человѣка пользоваться неорганизованной матеріей въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ ранѣе нельзя было обойтись безъ предметовъ органическаго міра. „Прежнее время было по преимуществу періодомъ господства дерева, животнаго и растительнаго царства; наше время является эпохой камня, стекла и желѣза. Это—одно изъ крупнѣйшихъ измѣненій, испытанныхъ современной техникой“ (стр. 45). Въ главѣ о новомъ стилѣ экономической жизни авторъ кратко характеризуетъ нѣкоторыя тенденціи капиталистическаго хозяйства, подробное разсмотрѣніе которыхъ составитъ содержаніе дальнѣйшихъ томовъ его труда. Тенденціи эти вытекаютъ изъ техническихъ изобрѣтеній, которыя, разсматриваемыя вообще, характеризовались выше, какъ ведущія къ уменьшенію зависимости человѣка отъ природы, а на почвѣ стремленія капиталистовъ къ наживѣ—приводятъ къ ускоренію темпа производства и транспорта. Въ томъ же направленіи измѣняются затѣмъ и организаціи для производства и транспорта; ускоряются обороты почты, вводятся телеграфы и телефоны, преобразуются торговля и кредитъ. Это ускореніе темпа хозяйственной жизни, вмѣстѣ съ побѣдой техники надъ матеріей, временемъ и пространствомъ, дѣйствуютъ опредѣленнымъ образомъ „на общій складъ современной культуры, на стиль жизни“. Не останавливаясь на всѣхъ проявленіяхъ этого вліянія, отмѣтимъ лишь „возрастающую потребность все большей группы людей въ ускоренномъ темпѣ жизни, т.-е.

въ болѣе сильной концентраціи какъ впечатлѣній, такъ и проявленій чувства и воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ большемъ расходѣ энергіи за опредѣленный промежутокъ времени". Ускореніе темпа жизни приводитъ къ быстрому переутомленію и пресыщенію, требующимъ перемѣнъ ради возбудительныхъ моментовъ. Отсюда возникаетъ „страсть къ новшествамъ", сначала простирающаяся „только на міръ матеріальныхъ благъ, но затѣмъ скоро и на область идеальныхъ интересовъ: наши философскія системы, художественные стили и литературныя направленія мѣняются теперь почти такъ же часто, какъ наша мода на галстухи и шляпы. Но все это отходитъ на задній планъ сравнительно съ тѣмъ революціоннымъ дѣйствіемъ, какое капиталистическое хозяйство оказываетъ на соціальныя классовыя отношенія. Послѣднія ежедневно представляются въ новомъ видѣ нашему глазу, оттого ли, что возникаютъ новые классы или что составъ каждой соціальной группы тоже подверженъ постоянному измѣненію". „Прежде люди по три вѣка были владѣльцами замковъ или ткачами; теперь каждый ткачъ можетъ стать владѣльцемъ замка", приводитъ Зомбартъ слова Fontane. „Кто понялъ ихъ смыслъ, тотъ обладаетъ ключомъ внутренняго своеобразія нашего времени и можетъ проникновеннымъ взглядомъ слѣдить за процессами преобразованія въ отдѣльныхъ областяхъ соціальной жизни" (II, 86).

Послѣ этого Зомбартъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, какъ капитализмъ преобразовалъ различныя стороны хозяйственной жизни, причемъ описываетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы капитализмъ былъ единственной преобразующей силой. Такъ, что̀ касается развитія сельскаго хозяйства какой-либо страны, таковое—по утвержденію Зомбарта—начинается при условіи, когда промышленное развитіе другихъ странъ открываетъ рынокъ для сбыта его продуктовъ; но прочное основаніе для интенсификаціи сельское хозяйство получаетъ въ развитіи промышленнаго капитализма въ своей собственной странѣ. Соотвѣтственно сказанному и „истинный расцвѣтъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства начинается только съ распространенія въ Германіи промышленнаго капитализма, т.-е., собственно говоря, съ половины прошлаго столѣтія" (стр. 94). Въ этомъ утвержденіи нельзя не видѣть очевиднаго преувеличенія. Такъ, одинъ изъ авторитетовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, профессоръ боннскаго университета, Гольцъ, называя время 1850—75 гг. самымъ счастливымъ періодомъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе говоритъ, что въ теченіе 1800—1850 гг. это хозяйство „ушло впередъ дальше, чѣмъ за все предшествующее тысячелѣтіе". Эти успѣхи тѣмъ замѣчательнѣе, что̀ цѣны на сельско-хозяйственные продукты въ періодъ 1820—40 гг.,—въ противность тому, что̀ было послѣ 50-хъ годовъ—стояли

на необычайно низкомъ уровнѣ [1]). Зомбартъ описываетъ измѣненія сельскаго хозяйства въ Германіи за послѣднее время и вліяніе этого измѣненія на сельское населеніе, которое „отрывается отъ земли, мобилизуется, превращается какъ бы въ своего рода летучій песокъ“ и становится подходящимъ матеріаломъ для образованія городовъ. То же самое происходило и въ другихъ государствахъ. Затѣмъ Зомбартъ переходитъ къ изученію положенія города „въ системѣ капитализма“ (стр. 197). Онъ останавливается здѣсь на причинахъ образованія и развитія городовъ, на стремленіи сельскаго населенія въ города и на образованіи поземельной ренты въ городахъ. Послѣ того авторъ подробно изслѣдуетъ вліяніе капитализма на развитіе спроса товаровъ и на организацію сбыта послѣднихъ, и этимъ заканчиваетъ „обзоръ тѣхъ условій, которыя должны быть выполнены, чтобы промышленный капитализмъ могъ овладѣть до-капиталистическими формами хозяйственной жизни. Это было не что иное, какъ революціонированіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній“ (стр. 429). Движущей силой въ этомъ преобразованіи было стремленіе капитала къ прибыли, представляющее вообще „первопричину или конечную движущую силу современнаго хозяйственнаго развитія“. Послѣдній отдѣлъ второго тома „Современнаго капитализма“ разсматриваетъ тактическіе пріемы капитализма и показываетъ, почему „при такого рода измѣненныхъ условіяхъ существованія за промышленнымъ капитализмомъ должна была остаться побѣда въ борьбѣ его съ ремесломъ. Доказать это есть не что иное, какъ написать теорію промышленной конкурренціи“. Въ этотъ, казалось бы, наилучше разработанный отдѣлъ экономической науки Зомбартъ внесъ, какъ и въ прочія части своего труда, много новыхъ разъясненій и соображеній.

Особенный интересъ имѣетъ отдѣлъ о потребленіи въ „Современномъ капитализмѣ“. Въ обычныхъ курсахъ политической экономіи этотъ отдѣлъ характеризуется скудостью содержанія, между тѣмъ какъ безъ разрѣшенія вопроса объ эволюціи потребленія невозможно и пониманіе современнаго капитализма. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе капитализма сопровождается огромнымъ повышеніемъ производительности труда, открывающимъ возможность осуществленія идеальной цѣли прогресса: сократить затрату физическаго труда человѣка и дать возможность полнаго и многосторонняго развитія его духовной природы. Но вмѣстѣ съ ростомъ производительности наблюдается и другая тенденція капитализма: удлинять, а не сокращать рабочій день; и ограниченіе этой тенденціи достигается лишь путемъ упорной борьбы съ предпринимателями рабочихъ союзовъ и законодательства. Распредѣ-

[1]) Аграрный вопросъ и аграрная политика, стр. 60.

леніе продуктовъ этой быстро растущей производительности сохраняетъ прежнюю неравномѣрность, и покупательныя средства трудящагося населенія растутъ далеко не съ тою быстротою, съ какою развивается производительность ихъ труда. Прибыль капиталистовъ тоже не можетъ обращаться на пріобрѣтеніе товаровъ въ размѣрахъ возможнаго развитія потребностей ихъ обладателей, потому что условія конкурренціи побуждаютъ предпринимателей обращать возможно большую часть своихъ доходовъ на расширеніе производства съ цѣлью удешевленія товаровъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ непримиримое, казалось бы, противорѣчіе между тенденціей капиталистическаго производства къ безграничному и прогрессивно ускоряющемуся увеличенію выбрасываемыхъ на рынокъ товаровъ и—спросомъ общества на предметы потребленія, ограничиваемымъ съ одной стороны имѣющими, повидимому, свои предѣлы потребностями физической природы человѣка, съ другой—сосредоточеніемъ продуктовъ быстро растущаго производства въ рукахъ небольшой кучки лицъ. Проявленіе этого противорѣчія мы видимъ въ тенденціи капиталистическаго общества къ образованію излишка товаровъ, имѣющей слѣдствіемъ неукротимую борьбу производителей за внутренніе и внѣшніе рынки сбыта. Но эта борьба приводитъ лишь къ болѣе быстрому развитію производительности труда. Экономической наукѣ предстоитъ, поэтому, разъяснить—путемъ какихъ измѣненій потребленія капитализмъ пытается держать спросъ общества на уровнѣ развивающихся производительныхъ силъ, и какими пріемами онъ избавляется отъ избытка товаровъ, образующагося, несмотря на эти измѣненія. Первый вопросъ прямо входитъ въ задачу третьяго отдѣла разсматриваемаго нами тома: „Образованіе новыхъ формъ потребностей“. Преслѣдуя въ немъ эволюцію потребленія со стороны увеличенія количества, измѣненія качества, разнообразія и „стиля“, и ставя въ связь эти измѣненія съ различными факторами и тенденціями капитализма—по отношенію къ непосредственному вліянію на этотъ процессъ интересовъ предпринимателей, Зомбартъ ограничивается указаніемъ на тотъ фактъ, что „конкурренція побуждаетъ предпринимателей доставлять покупателямъ, подъ угрозою потери ихъ—самый новый товаръ“, и стремиться, слѣдовательно, къ видоизмѣненію формы послѣдняго. Если этого указанія достаточно для того, чтобы схватить сознательный мотивъ капиталистовъ, то этого нельзя сказать относительно поставленной авторомъ задачи объединенія явленій моды (въ которомъ сосредоточиваются многія типическія черты потребленія въ современныхъ обществахъ) „изъ сущности капиталистическаго хозяйства“ (стр. 345). Стремиться къ „непрерывному измѣненію формы потребительныхъ благъ“ (стр. 86) побуждаетъ капиталиста не только совершенно сознательный мотивъ

борьбы съ соперниками, но и полусознательная и, быть можетъ, даже совершенно безсознательная тенденція капиталистическаго строя: парализовать естественное вліяніе роста производительности труда на спросъ общества на продукты производства въ смыслѣ ограниченія этого спроса, что̀ сдѣлало бы невозможнымъ самое развитіе капиталистическаго строя, обнаруживающаго, какъ извѣстно, тенденцію къ безграничному расширенію производства [1]). Эта сторона вопроса Зомбартомъ не разсматривается.

Заканчивая нашу замѣтку о выдающемся трудѣ бреславльскаго профессора, посвященномъ „теоріи капиталистическаго развитія“, присовокупимъ, что, по обилію фактическаго матеріала, этотъ трудъ справедливо считается весьма цѣннымъ и въ качествѣ сочиненія по экономической исторіи. Русскій переводъ его удовлетворителенъ; тѣмъ не менѣе, не можемъ не высказать удивленія, почему въ четвертой главѣ, гдѣ, судя по смыслу, рѣчь идетъ объ основномъ капиталѣ,—таковой именуется „постояннымъ“?—В. В.

IX.

— „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи“ и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“. Соціально-политическіе этюды И. А. Гагена. С.-Петербургъ 1904.

Вопросъ о сближеніи спроса на трудъ съ его предложеніемъ является однимъ изъ важнѣйшихъ не только въ экономической, но и въ политической жизни современнаго государства. Если, съ одной стороны, роковой законъ Мальтуса, умѣряемый рядомъ условій, еще далекъ отъ своего осуществленія, то, съ другой стороны, ростъ народонаселенія въ большинствѣ странъ и его потребностей повсюду увеличиваетъ предложеніе труда до небывалыхъ въ старые годы размѣровъ. Съ этимъ связывается то, что̀ можно бы назвать мобилизаціей труда, которая, какъ всякая мобилизація, должна быть упорядочена, чтобы не получить характера стихійной силы, растрачивающей себя втунѣ и часто не достигающей цѣли. Для успѣха и правильности предложенія труда нужны освѣдомленность, сознательность и самостоятельность: первая—по отношенію къ мѣсту спроса на трудъ, вторая—по отношенію къ условіямъ между спросомъ и предложеніемъ, и третья—по отношенію къ избѣжанію, въ лицѣ корыстнаго посредни-

[1]) См. объ этомъ вопросѣ „Вѣстникъ и библіотеку самообразованія“ 1904 г., № 4: В. В., „Производительныя силы современныхъ обществъ и результаты ихъ примѣненія“.

чества, того, что̀ называется въ механикѣ „безполезнымъ треніемъ". Тѣ же требованія примѣнимы и къ спросу, тѣмъ болѣе, что дезорганизація его влечетъ вредныя послѣдствія для представителей предложенія, вызывая въ ихъ средѣ такія явленія, какъ бродяжество, нищенство и нравственную распущенность, вслѣдствіе безработицы, въ то время, когда, гдѣ-нибудь на той же территоріи, спросъ на трудъ не находитъ себѣ удовлетворенія. Несомнѣнно, однако, что организація сближенія предложенія труда съ спросомъ на него, по самому свойству отношеній между сторонами, не можетъ быть предметомъ исключительной дѣятельности государства. Ограждая личность отъ злоупотребленій ея довѣрчивостью или незнаніемъ, государство можетъ и даже должно установить контроль, но не направленіе,—провѣрку, а не управленіе по отношенію къ такой организаціи. Съ другой стороны—отдѣльныя лица, предоставленныя собственнымъ силамъ, безъ началъ и способовъ единенія, рискуютъ сдѣлаться жертвами случайно сложившагося невѣдѣнія или корыстной эксплоатаціи. Отсюда—необходимость общественныхъ учрежденій и цѣлыхъ союзовъ, самостоятельно дѣйствующихъ съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ условій, поставленныхъ правительствомъ. Изученіе характера ихъ дѣятельности и свойствъ ихъ организаціи является, поэтому, предметомъ, имѣющимъ существенный и жизненный интересъ. Интересъ этотъ особенно чувствуется у насъ, какъ потому, что вопросъ о такой организаціи не только давно уже назрѣлъ въ Россіи, но начинаетъ, въ виду послѣднихъ осложненій, принимать тревожный характеръ,—такъ и потому, что у насъ по этой части нѣтъ никакого систематическаго опыта, чрезъ который прошли уже главнѣйшія государства западной Европы.

Поэтому, нельзя не привѣтствовать работы автора по ознакомленію русской публики съ „организаціей указанія труда". Въ сжатыхъ очеркахъ, дѣловитость которыхъ не умаляетъ ихъ общедоступности, онъ знакомитъ читателей съ положеніемъ вопроса въ западной Европѣ и въ Россіи, твердыми чертами намѣчая путь, по которому должно, въ этомъ отношеніи, идти наше отечество. Выводы и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, являются плодомъ сложной и пристальной работы, въ которой каждое слово опирается на разнородные, сопоставленные между собою и критически провѣренные источники. Въ послѣднемъ отношеніи особенно цѣнною является разработка вопроса объ общинныхъ безплатныхъ „бюро указаній труда" въ Германіи и объ отношеніи германскаго правительства къ частнымъ посредническимъ конторамъ. Признавая благодѣтельное вліяніе на народную нравственность,—выражающееся въ уменьшеніи преступности,—организаціи труда и приводя по этому предмету чрезвычайно поучительныя цифры, авторъ

одобряетъ суровую регламентацію, которою законъ обставилъ частную посредническую дѣятельность между предложеніемъ и спросомъ труда, и даетъ интересную картину того, какъ лаконическія постановленія „Имперскаго Промышленнаго Устава“, подъ вліяніемъ разумно сознанныхъ потребностей времени, развились въ цѣлое органическое законодательство, не только точно и съ прямою цѣлью общественнаго блага урегулировавшее чреватую злоупотребленіями частную посредническую дѣятельность, но и воздѣйствіемъ на союзныя законодательства побудившее ихъ предусмотрѣть всѣ разновидности этихъ злоупотребленій и обратить особое вниманіе на защиту женщинъ, въ смыслѣ огражденія нравственности работницъ отъ посягательствъ нанимателей при благосклонно-корыстномъ содѣйствіи представителей посредническихъ конторъ. Критическое отношеніе автора къ германскому общинному устройству, напоминающему бюрократическія постановленія нашего Городового Положенія 1892 г., даетъ ему поводъ подробно разсмотрѣть интересное устройство промышленнаго суда, при которомъ образуются нынѣ въ Германіи особыя коммиссіи по организаціи предложенія труда, замѣнившія прежнія общинныя бюро указаній труда и образовавшія между собою разновидные, со многими развѣтвленіями, союзы. Очерку образованія этихъ союзовъ и ихъ компетенціи въ Германіи и Австріи посвящено авторомъ нѣсколько весьма цѣнныхъ страницъ. Особенной полнотою отличаются свѣдѣнія, касающіяся Россіи, представляющія много любопытныхъ культурно-бытовыхъ подробностей. Картина получается крайне неутѣшительная, но, къ сожалѣнію, правдивая, ибо подтверждается краснорѣчіемъ фактовъ. Наоборотъ съ Германіей,—у насъ на первомъ планѣ стоитъ частная посредническая дѣятельность, процвѣтающая на счетъ общественной, а юридическая безпомощность стихійно движущагося рабочаго населенія принимаетъ, въ рукахъ мѣстныхъ посредниковъ между прусскими землевладѣльцами и русскими землеробами, характеръ самой хищнической эксплоатаціи. Дѣятельность эта почти лишена правительственнаго надзора, земству же до сихъ поръ почти никогда не удавалось выступить съ устройствомъ посредническихъ конторъ. Авторъ подробно излагаетъ, затѣмъ, попытки городскихъ общественныхъ управленій Петербурга, Кіева, Одессы, Кишинева и Москвы устроить посредничество на раціональныхъ общественныхъ началахъ, подробно останавливаясь на благотворной, въ этомъ отношеніи, трудовой дѣятельности безвременно угасшаго московскаго профессора Духовскаго, выработавшаго, во главѣ особой коммиссіи, широкій проектъ конторъ посредничества. Авторъ рисуетъ дѣятельность посредническихъ конторъ при домахъ трудолюбія въ Одессѣ, Оренбургѣ, Кронштадтѣ, Харьковѣ, Самарѣ, Твери, Вильнѣ и Псковѣ, особенно останавливаясь

на дѣятельности „Посреднической конторы, по найму служащихъ, рабочихъ и прислуги“ въ г. Одессѣ. Общій выводъ его тотъ, что процедура посреднической операціи не обставлена у насъ необходимыми правилами, и поэтому во многихъ отношеніяхъ формально неуловима. Исходя изъ этой мысли, онъ предлагаетъ, въ концѣ своего труда, „Проектъ положенія о посреднической конторѣ по пріисканію труда въ г. N“. По полнотѣ и, если можно такъ выразиться, предусмотрительности—положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ выработку его внесено не только вдумчивое знаніе дѣла, но и очевидная любовь къ нему. Это „положеніе“, въ связи съ пожеланіями, высказанными авторомъ въ заключительныхъ пунктахъ, съ достаточною яркостью освѣщаютъ и то, чѣмъ должно быть у насъ учрежденіе посреднических конторъ, и то, какимъ образомъ и путемъ достигнуть этого съ наибольшею цѣлесообразностью.

Въ обстоятельномъ изслѣдованіи, касающемся одного изъ жгучихъ вопросовъ современной внутригосударственной жизни, авторъ, опираясь на замѣчательную эрудицію въ области политико-экономическихъ отношеній, даетъ не только полную картину безработицы въ Германіи за время 1901—1902 г.г., но и дѣлаетъ рядъ изслѣдованій о мѣрахъ, вызываемыхъ безработицей вообще. Исходя изъ мысли, что взглядъ на лишеннаго работы, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ гуманитарныхъ началъ, постоянно измѣнялся, причемъ средневѣковая формула: „*не имѣющій работы не хочетъ работать*“, послѣдовательно смѣнялась формулами: „*не имѣющій работы можетъ ее найти*“ и „*не имѣющій работы долженъ ее имѣть*“, г. Гагенъ указываетъ, что формы личнаго призрѣнія, помощи и благотворительности быстро отходятъ въ область прошлаго, становясь „ein längst überwundener Standpunkt“ и уступая мѣсто постояннымъ учрежденіямъ, удовлетворяющимъ формулѣ „*долженъ имѣть работу*“. Этого рода учрежденія особенно стройно и путемъ глубокой подготовительной работы возникаютъ во множествѣ въ Германіи, почему этой странѣ и посвященъ почти весь трудъ автора, не лишенный, впрочемъ, интересныхъ ссылокъ на положеніе вопроса во Франціи, Бельгіи и Англіи. Изложивъ въ началѣ своего труда положеніе вещей, вызванное безработицею съ ея неизбѣжными послѣдствіями—шумными манифестаціями, увеличеніемъ проступковъ и преступленій и глухимъ недовольствомъ рабочаго населенія, авторъ подробно указываетъ на тѣ мѣры, которыя были приняты для устраненія безработицы частными союзами, общественными учрежденіями и государственною властью. Отрадная картина сознательнаго и дѣятельнаго отношенія общества и государства къ положенію безработныхъ рабочихъ сопровождается анализомъ общихъ основаній и практическихъ результатовъ принятыхъ мѣръ.

Такихъ мѣръ въ сущности было выработано четыре, а именно: перепись безработныхъ, учрежденіе посредническихъ конторъ по пріисканію работы, открытіе общественныхъ работъ и страхованіе отъ безработицы. Перепись неразрывно связана съ собираніемъ свѣдѣній о томъ, что̀ называется „степенью насыщенности рабочаго рынка", и съ изданіемъ печатныхъ о̀рганов съ всевозможными статистическими свѣдѣніями, касающимися положенія этого рынка. Это и осуществляется по весьма широкой программѣ и съ несомнѣннымъ успѣхомъ журналомъ „Reichsarbeitsblatt". Но недостаточно одной организаціи регулярнаго оффиціальнаго опубликованія свѣдѣній о рабочемъ рынкѣ. Нужны непосредственныя мѣры, проникающія въ трудовую жизнь съ ея смежными явленіями. Сюда относятся, прежде всего, посредническія конторы. По истинному характеру посредничества, эти учрежденія не должны ограничиваться заключеніемъ сдѣлокъ между нанимателемъ и рабочимъ, но идти далѣе—и отыскивать недостающаго контрагента; они должны подавать юридическіе совѣты и выдавать справки безработному люду, а также, облекаясь въ форму профессіональныхъ товариществъ, являться о̀рганами страхованія отъ безработицы.

Но дѣятельность посредническихъ конторъ одна, сама по себѣ, не въ состояніи удовлетворить всей нуждѣ при безработицѣ. Современный германскій рабочій настолько развитъ, что не желаетъ получать общественныхъ пособій, тѣмъ болѣе, что это влечетъ потерю цѣнимаго имъ избирательнаго права. Отсюда необходимость учрежденія общественныхъ работъ, давно и глубоко сознанная въ Германіи. Исторіи развитія, организаціи и современному положенію этихъ работъ (Nothstandsarbeiten) авторъ посвящаетъ многія страницы своего труда, доказывая, что работы эти должны являться не тогда, когда рабочій кризисъ уже разразился, а тогда, когда лишь существуетъ его возможность, иными словами — онѣ должны являться не учрежденіемъ импровизированнымъ „ad hoc", а учрежденіемъ постояннымъ, организованнымъ систематически. Наконецъ, главную роль въ борьбѣ съ послѣдствіями безработицы должны играть союзы для страхованія. Многочисленные проекты страхованій отъ безработицы встрѣтили, однако, въ Германіи довольно пессимистическій пріемъ. Не только такой авторитетъ, какъ Адольфъ Вагнеръ, но и общее собраніе „Германскаго союза для разработки вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности", въ 1902 г., отнеслись съ большими сомнѣніями къ осуществимости и цѣлесообразности такого страхованія. Это отношеніе не смутило, однако, автора въ его тщательномъ изслѣдованіи жизненныхъ условій къ введенію страхованія. Подробно анализируя доводы „сомнѣвающихся" и противопоставляя имъ проекты и раз-

сужденія профессора Геркнера, онъ высказываетъ надежду на то, что и въ этомъ трудномъ вопросѣ Германія выйдетъ побѣдительницею изъ представляющихся ей затрудненій.

Трудъ г. Гагена представляется весьма своевременнымъ. Послѣднія событія на нашемъ рабочемъ рынкѣ лучше всего оправдываютъ необходимость работъ, посвященныхъ дѣятельности государства и общества, направленной къ урегулированію вопроса такого политико-соціальнаго значенія, каковъ вопросъ рабочій, могущій войти культурнымъ факторомъ въ жизнь современнаго человѣчества и могущій, при отсутствіи предусмотрительной заботливости и дѣятельной организаціонной работы законодательства, сдѣлаться элементомъ, разлагающимъ эту жизнь.—А. К.

Въ теченіе мая мѣсяца, Рѣдакція получила нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, Р.—Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи А. Луначарскаго. Новая теорія позитивнаго соціализма. (Holzapfel. Panideal). Критическое изложеніе А. Луначарскаго. М. 905. Ц. 80 к.

Аваловъ, З.—Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Арцыбашевъ, М.—Разсказы. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р.

Батьяновъ, М. П. — За годъ войны. Статьи, помѣщенныя въ печати. Спб. 905.

Беркосъ, П.—Рѣчной ракъ. Вып. II. Спб. 905. Ц. 30 к.

Берлинъ, П. А. — Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. Будущность некультурныхъ народовъ и культуртрегерство европейцевъ. Спб. 905.

Билибинъ, Н.—Учебникъ алгебры для гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. 4-е, измѣненное. Спб. 905. Ц. въ пер. 2 р.

Богдановъ, А.—Эмпиріомонизмъ. Статьи по философіи. Кн. II. М. 905. Ц. 70 коп.

Бубликовъ, А., инж.—Къ вопросу о стремленіи петербурго-сибирской транзитной магистрали. Спб. 905. Ц. 1 р.

Бычковъ, Александръ.—Систематическій Указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ, 905.

Веселовскій, Н. И.—Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Спб. 904. (Записки Русск. Географ. Общ. Т. XXIX).

Виппперъ, проф. Р.—Лекціи по исторіи Греціи. Ч. I. М. 905. Ц. 1 р.

Галлотъ, П. П., д-ръ мед.—Дыханіе и положеніе гортани. Двѣ лекціи по физіологіи пѣнія. Спб. 905. Ц. 40 к.

Гауптманнъ, Г.—Полное собраніе сочиненій. Съ нѣм., п. р. К. Бальмонта. Т. III. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гольдмерштейнъ, Л. М. — Война и очередныя задачи нашей желѣзнодорожной политики. Спб. 905. Ц. 30 к.

Гонецкая, М. П.—Очерки изъ жизни. М. 905. Ц. 75 к,

Гривченко, Б.—Пысання. У Кыиви. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Денисова, Лидія.—Дневникъ молодой дѣвушки. „Лѣто“ и разсказы. Спб. 905. Цѣна 1 р.

Денисюкъ, Н.—Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. I (1856—1863 гг.) М. 905. Ц. 1 р.

Дерюжинскій, В. Ѳ.—Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 902.

Довнаръ-Запольскій, М. В.—Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Кіевъ, 905. Ц. 1 р. 50 к.

Ермоловъ, А.—Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. IV: Народное погодовѣдѣніе. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Задёра, Г. П.—Медицинскіе дѣятели А. П. Чехова, въ оцѣнкѣ д-ра М. А. Штерна. Спб. 905. Ц. 15 к.

Зѣлинскій, Ѳ.—Изъ жизни идей. Древній міръ и мы. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

К., А.—Стихотворенія. Спб. 905. Ц. 1 р.

Каръ, Александръ.—Бригъ „Эммануилъ“. Русскій на французскомъ кораблѣ. Дневникъ. 2-е изд. Од. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Карабчевскій, Н. П.—Приподнятая завѣса. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Карповъ, Ф. И.—Инспекція труда (Фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Ч. I: Фактическая. Спб. 905.

Карѣевъ, Н. — Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историч. картами. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

——— Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ. Спб. 905. Цѣна 1 р. 25 к.

——— Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средней школы и для самообразованія. Съ историч. картами. Изд. 2-е. Спб. 905. Цѣна 80 коп.

Кёлеръ, Р. — Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 905. Ц. 1 р.

Кладо, Н. Л., преподав. Николаевской Морской Академіи. Современная морская война. Морскія замѣтки о русско-японской войнѣ. Съ 116 рис., 67 черт. и карт. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Современные соціологи. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Кокоревъ, И. Т. — Саввушка, пов. Дешевая Библіотека, № 363. Спб. 905. Цѣна 15 коп.

Кокошкинъ, пр.-доц.—Тексты важнѣйшихъ основныхъ законовъ иностранныхъ государствъ. Ч. I: Основные законы Англіи, француз. конституціи 1791, 1814 и 1830 г.г., и бельгійская конституція. Ч. I. М. 905. Ц. 40 к.

Корниловъ, А.—Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 905. Ц. 2 р.

Костомаровъ, Н.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II: Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. 5-е изд. Спб. 905. Ц. 2 р.

Котляревскій, Н.—Лермонтовъ, личность поэта и его произведенія. Спб. 905. Ц. 2 р.

К—ръ, Ан.—Алексѣй Мошинъ. Краткая крит.-біограф. замѣтка съ портр. писателя. Спб. 905. Ц. 10 к.

Крупловъ, А. В.—Хитрый звѣрь. Разсказы для дѣтей школьнаго возраста. М. 905. Ц. 20 к.

——— Четвероногія животныя. М. 905. Ц. 25 к.

Лемайеръ, д-ръ, бар. К.—Административная юстиція. Съ нѣм. перев. бар А. Э. Нольде. Спб. 905.

Логиновъ, А. Ф.—Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Александровскомъ уѣздѣ. Екатериносл. 905.

——— Краткій очеркъ землевладѣнія и землепользованія въ Александровскомъ уѣздѣ. Екатериносл. 905.

Лопатинъ, С. Ю.—Перечень докладовъ, помѣщенныхъ въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. Спб. 905.

Лоуэлль, А. А. — Правительства и политическія партіи въ государствахъ западной Европы: Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Швейцарія. Съ англ. О. Полторацкая, п. р. Ѳ. Смирнова. М. 905. Ц. 2 р.

Лье, Ольга.—Робкіе звуки. Стихотворенія. Спб. 905. Ц. 1 р.

Македоновъ, Л. В. — Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ экземпл. листовъ переписи 1897. Екатеринодарскій Отдѣлъ. Спб. 905.

Маковскій, Сергѣй.—Собраніе стиховъ. Кн. 1. Спб. 905.

Мартенсъ, Ф.—Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составл. по порученію Мин. Ин. Дѣлъ. Т. XIV Трактатъ съ Франціею, 1807—1820. Спб. 905.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе маршрутовъ юго-восточной части Енисейскаго округа. Спб. 905.

Межерицеръ, П. А.—Черченіе съ натуры. Составленіе эскизовъ частей машинъ. Для ремесленныхъ и техническихъ училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ, и для самообученія. Съ 58 рис. Спб. 905. Ц. 75 к.

Мельгуновъ П. П.—Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в.в., съ картою. Посмертное изданіе. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Мазелинъ, Евг.—Два разсказа. Торговцы и Фельдшеръ. Спб. 905.

Мокржецкаго, С.—Самосудъ въ наукѣ. Симферопол. 905.

Молоствовъ, Н. Г.—Волынскій и новѣйшіе идеалисты. Спб. 905. Ц. 30 к.

Моригльеръ, О.—Великіе художники: Альбрехтъ Дюреръ. Спб. 905.

Мускатблитъ, Ф. — Народное представительство. Съ предисл. А. С. Изгоева. Од. 905 г. Ц. 7 к.

Ньюкомбъ, проф. С.— Астрономія для всѣхъ. Съ англ., съ предисл. А. Р. Орбинскаго. Съ портр. автора, 84 рис. и 1 табл. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Петлинъ, Н. — Опытъ составленія Каталога для школьныхъ и народныхъ библіотекъ, въ предѣлахъ книгъ, разрѣшенныхъ мин. народн. просв., съ краткими отзывами о книгахъ и съ комбинаціями примѣрныхъ библіотекъ на сумму отъ 10 до 400 рублей. М. 905. Ц. 80 к.

Попруженко, М. Г.—Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Харьк. 905.

Радклифъ, Анна.—Удольфскія тайны. Перев. съ англ. Л. Гей. Т. I и II. Спб. 905. Ц. 3 р.

Реклю, Элизе. — Земля и люди. Вып. VIII: Италія. Съ франц. Д. А. Коропчевскій, съ 48 илл. Спб. 905. Ц. 1 р. 80 к.

Риль, А., и *Винделькальдъ*.—Имманулъ Кантъ. Съ нѣм. Б. В. Яковенко. М. 905. Ц. 30 к.

Рухтешель, инж. В. Р. — М. Герсевановъ и воздушные замки въ гидротехникѣ. Спб. 905.

Рѣдинъ, Е. К. — Графиня П. С. Уварова. Къ 20-лѣтію ея предсѣдат. въ Моск. Арх. Обществѣ. Харьк. 905.

Рыбаковъ, Ѳ. Е. — Гипнотизмъ и психическая зараза. Три популярныя лекціи. М. 905.

Саккетти, Л. — Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Скаржинскій, Л. Б.—Сводъ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго. Спб. 905.

Скартаццини, I. — Данте. Перев. О. А. Введенской. П. р. и со вступл. проф. Спб. Высш. ж. Курсовъ Д. К. Петрова. Съ портретомъ Данте. Спб. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Стефановичъ, свящ. К. С.—Наболѣвшее сердце. М. 905. Ц. 80 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ.—Замѣтки о народной словесности. По поводу „Введенія въ исторію русской словесности", проф. Н. В. Владимірова. Варш. 905.

Сьрошевскій, Вацлавъ. — Матросы корабля „Надежда". Разск. Спб. 905. Цѣна 20 коп.

Танъ.—Стихотворенія. 2-е изданіе. Спб. 905. Ц. 60 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Очеркъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 1 р.

——— Теоретическія основы марксизма. Спб. 905.

Тюрго (1727—1781). Размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ. Цѣнности и деньги. Перев. и дополн. проф. А. Миклашевскаго. Юрьевъ, 905. Ц. 75 к.

Уайльдъ, Оскаръ.—Памяти Уайльда—De Profundis—Письма—Афоризмы—Стихотворенія въ прозѣ. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Целль, д-ръ Т.—Умъ животныхъ. Съ нѣм. Спб. 905.

Шершеневичъ, Г.—Земскій соборъ. Каз. 905. Ц. 50 к.

Шидловскій, С. И.—Общій обзоръ трудовъ мѣстныхъ Комитетовъ. Спб. 905.

Шмидтъ, П. Ю.—Рыбы восточныхъ морей Россійской имперіи. Съ табл. и 31 рис. Спб. 904.

——— Островъ изгнанія. Сахалинъ. Съ 13 рис. и картинами. Спб. 905 г. Цѣна 30 коп.

Шустеръ, Г. — Тайныя общества, союзы и ордена. Съ нѣм. О. А. Волькенштейнъ, п. р. проф. Л. А. Погодина. Спб. 905. Ц. 3 р.

Якушкинъ, В.—Сперанскій и Аракчеевъ Спб. 905. Ц. 15 к.

Ян—скій, С. А.—Разсказы. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р.

Эльпе.—Душа животныхъ и растеній. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоровъ, А.—Земля. Романъ. М. 905. Ц. 1 р.

Fahlbeck, Pontus. — La Constitution suédoise et le Parlamentarisme moderne. Par. 905. Ц. 3 фр. 50 сант.

— Библіотека для самообразованія. XXIII т.: А. Дж. Грантъ, Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. п. р. Н. Н. Шамонина. Съ рис. М. 905.

— Біографическая Библіотека Д. Языкова: XII. Ѳ. И. Тютчевъ, его жизнь и поэзія. XIII. А. В. Сухово-Кобылинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. XIV. А. С. Хомяковъ, его жизнь и лит. дѣят. М. 904. Ц. каждаго вып. 20 коп. О. Садовская, съ портр. М. 905. Ц. 25 к.

— „Душа Японіи". Японскіе романы, повѣсти, разсказы, былины и танки. П. р. и съ предисл. Н. П. Азбелева. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

— Изданія фирмы „Викъ": 1) Щаслывою стежкою. Оповидання. 2) Мижъ хмарамы сонечко. Оповид. 3) Иванъ Франко, Збирныкъ творивъ. У Кыиви. 905. Ц. 65 к.

— Изданія товарищества „Знаніе": 1) А. Серафимовичъ, т. I: Разсказы. Ц. 1 р. 2) К. Телешовъ, т. I: Разсказы. Ц. 1 р. 3) С. Юшкевичъ, т. I, II: Раз-

сказы. Ц. 1 р. 4) Сборникъ товарищ. „Знаніе“ за 1904 г., кн. III, IV и V. 5) Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы. Ц. 1 р. 20 к. 6) А. Петрищевъ, Замѣтки учителя. Ц. 1 р. 7) Имре Мадачъ, Человѣческая трагедія. Драмат. поэма. Съ венгер. З. Крашенинникова. Ц. 50 к. 8) Э. Зола, Углекопы. Перев. А. Коморской. Ц. 1 р. 9) Нижегородскій Сборникъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Книгоиздательство „Скорпіонъ“: 1) Станиславъ Пшибышевскій, De Profundis. Кн. вторая. М. 905. Ц. 2 р. 40 к. 2) Цвѣты Ассирійскіе. Альманахъ IV. М. 905. Ц. 6 р.

— Крестьянскій строй. Т. I: Сборникъ статей А. Корнилова, А. Лаппо-Данилевскаго, В. Семевскаго и И. Страховскаго, Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

— Матеріалы для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ гор. Славянска. Изд. Харьк. Губ. Зем. Управы. Харьк. 905.

— Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губерніи. Т. IX: Юрьевскій уѣздъ. Вып. 2: Свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Влад.-на-Кл. 904. Цѣна 1 рубль.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. II: Матеріалы для опредѣленія доходности земель. Вып. II: Лѣсъ—Усадьба—Выгонъ. М. 905.

— Отчеты: 1) Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1903 г. (годъ XVIII). 2) Крестьянскаго поземельнаго Банка за 1903 г. Спб. 904.

— Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изд. второе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

— Попечительство въ память Имп. Александра II надъ воспитанниками, окончившими курсъ Ремесл. Училища Цесаревича Николая. Отчетъ за 1903 г. и свѣдѣнія о дѣятельности окончившихъ въ Училищѣ курсъ воспитанниковъ за время съ 1878 г. по 1904 г. Спб. 905.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. I, вып. 2. Спб. 905.

— Сборникъ молодыхъ писателей: А. Ануфріевъ; Л. Билинскій; М. Алексѣева; Е. Гуро; Воротынскій; Г. Михайловскій; А. Аксаковъ; С. Тѣневъ; Н. Германъ; Н. Федотовъ; Нэлли. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1905 годъ. Кн. VI: Спб. 905. Цѣна 1 руб.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XIV. Изд. п. р. проф. Е. К. Рѣдина. Харьк. 905. Ц. 3 р.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 — 4 с.-хозяйственный годъ. Вып. IV, ч. 3: Урожай яровыхъ въ 1904 г. Вят. 905.

— Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ. Изданіе „Русскаго Собранія“. Спб. 905.

— Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Къ 50-лѣтнему юбилею И. А. Стебута. Изданіе почитателей и учениковъ И. А. Стебута. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

— Списокъ неразысканныхъ должниковъ Общества вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра. 1881—1901 гг. Кіевъ, 905.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1902 годъ. Спб. 905.

— Труды 4-го Губернскаго съѣзда земскихъ врачей Ярослав. губерніи. Кн. IV. Яросл. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Alfred Kerr. Das neue deutsche Drama. Стр. 312. Berlin, 1905 (S. Fischer, Verlag).

Альфредъ Керръ—нѣмецкій критикъ новаго стиля, особенно чутко понимающій ту совокупность литературныхъ явленій, которая обозначается въ нѣмецкой литературѣ названіемъ „die Moderne“. Узко-кружковаго отпечатка, однако, нѣтъ въ его сужденіяхъ. Другіе нѣмецкіе критики болѣе нетерпимы въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, исповѣдуя каждый свою сектантскую правду. Лео Бергъ не отступается до сихъ поръ отъ сухого реализма и несправедливъ къ новаторамъ, нарушившимъ традиціи натурализма—даже къ Гауптману, котораго онъ особенно строго судитъ. Братья Юлій и Генрихъ Гарты безпощадны въ своей этической проповѣди и съ предубѣжденіемъ относятся ко всякому уклоненію отъ своего катехизиса: вызывающая, капризная муза такого сатирика, какъ Франкъ Ведекиндъ, вызываетъ въ нихъ поэтому только гнѣвъ. Тенденціозность сужденій свойственна такимъ образомъ не только критикамъ старой школы, защитникамъ традицій, но и самимъ участникамъ литературнаго обновленія, начавшагося въ Германіи въ концѣ минувшаго вѣка.

Особенность и большое достоинство Керра—въ томъ, что онъ не сектантъ въ своихъ литературныхъ взглядахъ. Онъ—врагъ застоя, шаблонной мысли, всего что портитъ художественный вкусъ публики, составляя суррогатъ истиннаго, искренняго искусства. Но въ области живого творчества, честно преслѣдующаго художественныя цѣли тѣми путями и средствами, которые оно считаетъ лучшими въ данный моментъ, онъ не предъявляетъ такихъ деспотическихъ требованій, какъ другіе критики. И натурализмъ Шлафа и Гауптмана, и символизмъ Ибсена, и виртуозы-стилисты вродѣ Гофмансталя, и всѣ литературные разрушители новаго типа, отъ скептически улыбающагося Шницлера до демоническаго Ведекинда, находятъ у него тонкую и чуткую оцѣнку. Все, въ чемъ онъ находитъ соприкосновеніе съ основными и вѣчными вопросами духа,—„Ewigkeitsperspectiven“, какъ онъ это называетъ,—находитъ въ немъ живой откликъ, не затемненный пристрастіемъ къ той или другой литературной школѣ, къ какой-нибудь опредѣленной литературной манерѣ.

Характерна во всемъ, что̀ пишетъ Керръ, чистая литературность его сужденій. Литературная критика не служитъ ему средствомъ для проповѣди своихъ собственныхъ философскихъ, общественныхъ или какихъ-либо иныхъ теорій. Въ писателѣ, котораго онъ изучаетъ и образъ котораго хочетъ возсоздать, его интересуетъ сущность этого писателя, его отношеніе къ дѣйствительности и къ идеаламъ, которыми живетъ дѣйствительность. Онъ извлекаетъ изъ него все, что̀ ему кажется важнымъ и поучительнымъ, но не дѣлаетъ этого исходнымъ пунктомъ для проповѣди своихъ субъективныхъ идейныхъ воззрѣній. Онъ—чистый критикъ; въ этомъ—его особенность. Достоинство ли это или нѣтъ—другой вопросъ. Мы привыкли къ другого рода критикѣ. Въ прежнее время царила публицистическая критика—теперь на очереди критика философская, идейная, связывающая разборъ литературныхъ явленій съ проповѣдью отвлеченныхъ міровоззрѣній: есть у насъ критика идеалистическая, матеріалистическая и т. д. Въ общей совокупности духовной жизни такого рода критика несомнѣнно имѣетъ большое значеніе. Это видно хотя бы на примѣрѣ Англіи, гдѣ чисто идейная, боевая художественная критика Рёскина, Петэра и другихъ создала новое отношеніе къ жизни и искусству. Но и чисто литературная критика, при наличности такого вѣрнаго вкуса, такого умѣнья разбираться въ разнородныхъ элементахъ творчества и опредѣлять коренныя черты писателей, какъ у Керра, въ высшей степени плодотворна и поучительна. Объективное отношеніе къ произведеніямъ искусства соединяется у него съ субъективностью и оригинальностью сужденій, и въ результатѣ получается яркое идейное освѣщеніе даннаго писателя. Можно съ нимъ соглашаться или не соглашаться, но цѣльность и яркость его литературныхъ портретовъ составляютъ ихъ неотъемлемое большое достоинство и значеніе. Слѣдуетъ прибавить къ этому, для полноты характеристики Альфреда Керра, что онъ пишетъ очень своеобразнымъ языкомъ, сжатымъ, изобилующимъ мѣткими образными формулами, иногда вызывающе дерзкимъ въ своей смѣлости, иногда переходящимъ въ широкій лиризмъ. Многія страницы его критическихъ очерковъ принадлежатъ къ изысканнымъ образцамъ современной художественной прозы.

Свойства и особенности писательской манеры Керра ясно намѣчаются въ его интересной новой книгѣ—„Das neue deutsche Drama“, состоящей изъ ряда отдѣльныхъ характеристикъ лучшихъ современныхъ драматурговъ. Въ предисловіи къ ней Керръ высказываетъ любопытные взгляды на задачи критики. Свое отношеніе къ литературѣ онъ опредѣляетъ музыкальнымъ сравненіемъ своей критики съ Шумановскимъ „Marche des Davidsbündler contre les philistins“, въ которомъ звучитъ твердая вѣра въ обновленіе жизни. Библейскаго царя

Давида Керръ призываетъ и въ свои покровители, говоря, что критикъ, подобно библейскому царю, долженъ возлюбить два орудія для плоти и духа—пращу и арфу. Произволъ критика, т.-е. субъективное отношеніе къ разбираемому явленію, онъ вполнѣ допускаетъ, но непремѣнно на фундаментѣ объективно вѣрной, мотивированной оцѣнки. Критикъ долженъ предвосхищать трезвое сужденіе исторіи литературы, которое выскажется черезъ двадцать-пять лѣтъ,—но при этомъ критика не должна бояться обнаруживать любовь и гнѣвъ, т.-е. пользоваться пращей и арфой. На фонѣ этого общаго представленія о критикѣ Керръ высказываетъ тѣ принципы, которыхъ онъ самъ придерживается въ своей книгѣ. „Я ищу прикосновеній къ вѣчному", говоритъ онъ, указывая этимъ на руководящую нить своихъ критическихъ очерковъ. Затѣмъ онъ говоритъ о своемъ стремленіи къ сжатости („лучше экстракты, чѣмъ лимонадъ"), о томъ, что чистый импрессіонизмъ еще не есть критика, и что необходимо не только передавать впечатлѣнія, но и дѣлать выводы изъ нихъ, сводить частное къ общей мысли. Керръ не задается цѣлью стать историкомъ того или другого теченія въ современной драмѣ,—онъ хочетъ только, говоря о писателѣ, передать его суть, основу его личности. Содержаніе его книги составляютъ литературные портреты драматурговъ, выступившихъ въ Германіи послѣ знакомства съ драматическимъ творчествомъ Ибсена. Этотъ моментъ служитъ исходнымъ пунктомъ для Керра. Самая манера Керра характеризуется, какъ онъ самъ на это указываетъ, не полнотой, а существенностью разбираемыхъ произведеній для даннаго автора. Онъ вовсе не стремится перечислить все написанное даннымъ писателемъ, но изъ всѣхъ его произведеній беретъ самое характерное. Упрековъ въ „манерности" Керръ не боится, и даетъ очень самонадѣянное, но мѣткое опредѣленіе манерности: „Манернымъ,—говоритъ онъ,—называютъ всякій стиль, мелодія котораго ясно звучитъ для автора, прежде чѣмъ другіе привыкнутъ къ ней. Для всякаго литературнаго явленія нужна техника чтенія—также и для кристаллизующей критики. Неподготовленная публика можетъ счесть писателя безумнымъ иногда только потому, что не усвоила себѣ техники чтенія его произведеній. Манерность, поэтому, недостатокъ не въ авторѣ, а въ читателѣ, не умѣющемъ проникнуть въ его стиль, въ мелодію его стиля".

Таковы главнѣйшіе принципы, изъ которыхъ Керръ исходитъ въ своей критикѣ,—и по существу ихъ нельзя не признать правильными, тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ пунктахъ своей profession de foi онъ говоритъ о томъ, что критика должна имѣть значеніе и помимо разбираемыхъ произведеній, т.-е. быть художественнымъ произведеніемъ. Керръ заканчиваетъ предисловіе вторичнымъ напоминаніемъ о „пою-

щей арфѣ", которая должна звучать въ критикѣ—какъ въ каждомъ художникѣ, и затѣмъ славословить блаженство жизни. Эта нота радостнаго утвержденія жизни звучитъ во всѣхъ дальнѣйшихъ очеркахъ Керра, указывая на несомнѣнность его ницшеанскаго вдохновенія. И онъ, какъ большинство нѣмецкихъ писателей новѣйшаго поколѣнія, прошелъ черезъ увлеченіе ницшеанствомъ, и вынесъ изъ него любовь къ полнотѣ жизни и жизненныхъ силъ. И въ его критическихъ разборахъ сказывается любовь къ „утвердителямъ жизни", ко всѣмъ, кто обогащаетъ жизнь и пониманіемъ воплотившихся силъ бытія, и угадываніемъ подпочвенныхъ теченій въ духовной и эмоціональной жизни.

Первый очеркъ въ книгѣ Керра посвященъ Ибсену, такъ какъ знакомство Германіи съ его драмами онъ считаетъ исходнымъ пунктомъ обновленія нѣмецкаго театра. Оцѣнка Ибсена особенно характерна для Керра. Ибсенъ дорогъ ему какъ цѣлостный выразитель разнорѣчивыхъ стремленій современности, какъ реалистъ-психологъ съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ объ отношеніи человѣческаго къ вѣчному. Не обособляя въ Ибсенѣ его мощнаго реализма,—какъ это дѣлаютъ многіе критики, для которыхъ Ибсенъ—изобразитель внѣшней правды жизни,—но и не настаивая исключительно на отвлеченныхъ символическихъ замыслахъ Ибсена, Керръ устанавливаетъ болѣе всесторонній взглядъ, старается проникнуть вглубь, въ ядро творчества Ибсена. Не скованный никакими кружковыми соображеніями, обладая тонкимъ умѣньемъ различать самые сложные элементы въ художественномъ творчествѣ, Керръ находитъ въ драмахъ Ибсена много неподмѣченнаго другими критиками и характеризуетъ его вліяніе на современную драму. Источникъ Ибсена онъ видитъ въ его нѣмецкомъ предшественникѣ, Геббелѣ, котораго онъ считаетъ творцомъ не только нѣмецкой, но и всей современной драмы вообще. Геббель—первый представитель психологическаго реализма въ драмѣ. Онъ освѣтилъ неожиданныя бездны женской души—до „Гедды Габлеръ" и „Женщины съ моря" въ своей „Юдифи"; онъ понялъ сложныя соотношенія между чувствомъ свободы и внутренней отвѣтственности до Ибсеновской Норы и другихъ его героинь; онъ же увидѣлъ въ пренебреженіи къ внутреннему самосознанію женщины преступленіе, равное убійству души, и онъ указалъ на то, что отношенія между мужчиной и женщиной состоятъ изъ неразрывнаго узла ненависти и любви, притяженій и отталкиваній. Всѣ эти элементы современной психологической драмы намѣчены у Геббеля,—къ Ибсену же они перешли обогащенные техническими завоеваніями французской драмы, натуралистическимъ искусствомъ, детерминизмомъ Золя и Тэна. Все это было подготовкой для творчества Ибсена, завершителя современной драмы,

который углубилъ психологическій реализмъ, сдѣлался, по выраженію Керра, „рудокопомъ души“, и въ то же время разсматриваетъ взаимныя отношенія людей въ связи съ ихъ отношеніемъ къ вѣчному. Въ этомъ сочетаніи правды „отъ міра сего“ и „не отъ міра сего“ Керръ справедливо видитъ основное значеніе Ибсена. „Перспективы вѣчности“ (Ewigkeitsperspective) Керръ видитъ во всѣхъ характерныхъ драмахъ Ибсена, и показываетъ, какъ Ибсенъ идетъ къ намѣченной цѣли, къ сліянію человѣческой правды съ вѣчной, путемъ отрицаній и утвержденій, разрушенія и идеализаціи. Ибсенъ безпощадно критикуетъ этику общественной и частной жизни съ точки зрѣнія индивидуализма. Онъ клеймитъ политическій карьеризмъ въ „Союзѣ молодости“, лицемѣріе и ханжество — въ „Опорахъ общества“. Въ „Призракахъ“ протестующее отношеніе Ибсена къ дѣйствительности становится все болѣе широкимъ и смѣлымъ; онъ возстаетъ въ нихъ противъ „несправедливости, преслѣдующей человѣческую плоть“, а въ „Врагѣ народа“ и въ „Дикой уткѣ“ раскрываетъ борьбу между правдой и свободой, показываетъ банкротство людей съ идеальными требованіями отъ жизни, показываетъ неумѣстность въ жизни идеалистовъ Георга Верле и Штокмана. Казалось бы такимъ образомъ, что Ибсенъ—безусловный пессимистъ, усматривающій только безъисходно трагическое въ соотношеніяхъ жизни и запросовъ духа. А между тѣмъ другіе элементы побѣждаютъ пессимизмъ общественныхъ драмъ Ибсена. Въ нравственное торжество облагороженнаго духа онъ глубоко вѣритъ. Ребекка Вестъ, героиня „Росмергольма“, идетъ на смерть просвѣтленная, побѣжденная жаждой искупленія, пріобщенная къ „аристократіи духа“ съ ея стремленіями къ идеаламъ правды и справедливости. Родители маленькаго Эйольфа тоже возвращаются къ нормамъ справедливости отъ узкаго себялюбія, и „женщина съ моря“ жаждетъ внутренней свободы только для того, чтобы вступить на путь морали. Но и эта возможность побѣды этическаго начала въ людяхъ не удовлетворяетъ Ибсена. Онъ противопоставляетъ ей нѣчто высшее, мораль исключительныхъ натуръ, для которыхъ житейская этика слишкомъ узка, которые въ своемъ неустанномъ стремленіи къ совершенствованію духовному побѣждаютъ этику мѣщанской среды. На языкѣ Ибсена это значитъ, что онъ пересталъ строить дома для людей, а задумалъ воздвигать башни для героевъ духа. Филистерской добропорядочности „тетенькина дома“ противопоставляется во всемъ своемъ обаяніи прекрасная, мятежная Гедда, попирающая обыденную мораль ради чего-то еще неопредѣлившагося, но высшаго въ внутреннемъ сознаніи—и одерживаетъ трагическую побѣду. Мѣщане съ ихъ добродѣтелью остаются живы и здоровы, а геніально-болѣзненныя натуры, какъ Гедда и Левборгъ, погибаютъ. Духовное геройство про-

славляется и въ Боркманѣ, причемъ главнымъ оправданіемъ ему служитъ приносимая имъ польза человѣчеству. Геніальный человѣкъ попираетъ мораль, если, благодаря ему, освобождается руда въ землѣ, т.-е. если онъ создаетъ въ жизни движеніе и развитіе. И ярче всего превозносится смѣлый идеализмъ въ „Строителѣ Сольнесѣ", который хотя и погибаетъ, но уже достигнувъ вершины. Такимъ образомъ, идеалистическое совершенствованіе человѣческаго духа утверждается Ибсеномъ съ непоколебимой вѣрой — и опять-таки, наряду съ этимъ, онъ развѣнчиваетъ всѣ человѣческіе идеалы или кумиры: семью, дружбу и т. д. „Такъ сливается въ душѣ этого сѣвернаго великана,— говоритъ Керръ, — бѣлое съ чернымъ, утвержденіе съ отрицаніемъ, идеальность стремленій съ пессимизмомъ. Въ этомъ кажущемся хаосѣ есть, однако, одно основное настроеніе: скорбно-примиренное изученіе дѣйствительности, молчаливое отрѣшеніе, твердость, соединенная съ безнадежностью". Ибсенъ—Люциферъ, разрушающій святость установившихся идеаловъ, но дѣлаетъ онъ это во имя созидаемыхъ имъ новыхъ нравственныхъ нормъ,—въ этомъ и заключаются тѣ „перспективы вѣчнаго", которыя открываетъ Керръ въ творчествѣ Ибсена; въ нихъ онъ видитъ великое плодотворное значеніе Ибсена для всего дальнѣйшаго художественнаго творчества. „Все творчество Ибсена,— говоритъ Керръ,—съ начала и до конца заключается въ открываніи перспективъ. При этомъ онъ, конечно, больше намѣчаетъ, чѣмъ осуществляетъ—больше спрашиваетъ, нежели отвѣчаетъ. Но кто изъ насъ способенъ отвѣчать?"

Отдѣльными струями вливаются въ широкій потокъ Ибсеновскаго творчества меланхолическія мысли объ отреченіи, дѣлающемъ жизнь болѣе прозрачной и прекрасной, о томъ, что предвидѣніе любви прекраснѣе ея пышнаго расцвѣта. Отраженіе этихъ мыслей Керръ видитъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ" и въ „Комедіи любви". Самому критику дѣйствительность болѣе дорога—она безудержнѣе и богаче, чѣмъ предчувствіе,—но онъ цѣнитъ въ поэтично печальной „Комедіи любви" нѣжно очерченныя перспективы жизни. „Я потеряла тебя во времени, — говоритъ героиня драмы, Свангильда, — но ты сталъ моимъ въ вѣчности". Вся драма преисполнена грустной примиренности, и въ этомъ—ея красота. Въ ней сказался „лиризмъ будущаго громителя основъ общественности", и эту черту Керръ считаетъ очень характерной въ творчествѣ Ибсена.

Итоги мыслей и всего жизненнаго ученія Ибсена Керръ видитъ въ той драмѣ, которую самъ авторъ назвалъ эпилогомъ,—въ „Когда мы мертвые пробуждаемся". Въ ней установлены соотношенія между дѣйствительностью и мечтами художника, въ ней звучитъ странный, почти безнадежный диѳирамбъ жизни изъ устъ раскаявшагося въ

своемъ „эстетическомъ эгоизмѣ“ художника. Поздно, когда передъ нимъ уже только тѣнь женщины, которую онъ не полюбилъ въ молодости живой любовью, онъ обнимаетъ ее, полный раскаянія. Онъ не сумѣлъ слиться съ жизнью, онъ всегда чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ирены, отъ женщины, которою вдохновлялся въ своемъ творчествѣ, но теперь она для него знакъ возврата на землю, знакъ пробужденія мертвеца. Конечная мысль Ибсена въ эпилогѣ, какъ и во всемъ, что онъ доказывалъ въ своемъ творчествѣ,—та, что Ирена ведетъ Рубека на высоту,—т.-е., что единство достигается только въ соединеніи, а не въ уединенности. Въ союзѣ Рубека и Ирены—залогъ единенія искусства и жизни, души и плоти, стремленій и достиженій. Этимъ новымъ толкованіемъ „вѣчно женственнаго“, какъ залога высшихъ достиженій, Ибсенъ и заканчиваетъ свою драму, — причемъ, однако, заканчиваетъ ее вопросомъ. Рубекъ и Ирена идутъ вверхъ, въ горы. Ибсенъ спрашиваетъ: „Вѣрный ли это путь, приведетъ ли онъ насъ къ водворенію царства Божія на землѣ?“ Падающая лавина оставляетъ вопросъ безъ отвѣта.

Таковъ сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ выпуклый, глубоко понятый и ярко возсозданный образъ Ибсена въ книгѣ Керра. Мы остановились болѣе подробно именно на этомъ очеркѣ, потому что въ немъ критическіе пріемы Керра примѣняются къ самому крупному явленію въ современной европейской драмѣ, и его умѣнье чутко и разносторонне судить о писателѣ находитъ дѣйствительно очень обширный и благодарный матеріалъ. Изъ другихъ очерковъ наиболѣе интересны нѣсколько отдѣльныхъ разборовъ наиболѣе характерныхъ драмъ Гауптмана. Его Керръ ставитъ очень высоко тоже потому, что видитъ въ немъ идеалиста, выразителя „духовнаго наростанія“ (Aufwärtsstimmung), т.-е. того настроенія, которое онъ считаетъ основнымъ для нашего времени. Онъ старается свести и Гауптмана къ одной основной чертѣ, дать его точную формулу, „опредѣлить его ядро“, по его выраженію. Этимъ „ядромъ“ творчества Гауптмана онъ считаетъ не угасающую въ душѣ его мечту о лучшемъ будущемъ. Эта мечта звучитъ въ „Потонувшемъ колоколѣ“, въ мрачномъ образѣ чернаго рыцаря, Флоріана Гейера, съ его тщетной борьбой за народное освобожденіе. „У всякаго человѣка есть своя надежда и мечта“,—гласятъ заключительныя слова „Ткачей“, драмы, гдѣ среди жалобныхъ воплей голодающихъ ткачей создается и наростаетъ неуклонный духовный подъемъ. Въ предсмертныхъ сповидѣніяхъ жалкой измученной дѣтской души тоже звучитъ грёза о грядущемъ свѣтѣ, жажда освобожденія отъ мукъ и пыли, жажда радости и красоты. И во всемъ творчествѣ Гауптмана чувствуется эта атмосфера мечтаній и надеждъ на грядущее царство свѣта. Увлекаясь главнымъ образомъ идеалистическими

настроеніями Гауптмана, Керръ ставитъ очень высоко ту изъ его драмъ, которая имѣла наименьшій успѣхъ и при постановкѣ, и въ печати—„Флоріана Гейера“. Онъ упоминаетъ и о недостаткахъ драмы, объ изобиліи однообразныхъ и несущественныхъ подробностей. Но онъ главнымъ образомъ указываетъ на благородство замысла, изображающаго эпизодъ изъ великой трагикомедіи человѣческой борьбы, дѣло, задуманное людьми, исполненное людьми—и растоптанное людьми, но въ общемъ свидѣтельствующее о величіи человѣческаго духа. Сущность Гейера въ томъ,—говоритъ Керръ,—что „пламя справедливости охватило его душу“. Большое значеніе Керръ придаетъ также „Возчику Геншелю“—„трагедіи первобытнаго человѣка, составляющей современную трагедію рока“. Значеніе Гауптмана, какъ и Ибсена, по слѣдамъ котораго онъ идетъ. Керръ видитъ опять-таки въ его идеализмѣ, въ тѣхъ „духовныхъ побѣдителяхъ, покоренныхъ жизнью“, которыхъ онъ создалъ въ своихъ драмахъ—на утѣшеніе людямъ, погибающимъ среди разбиваемыхъ жизнью мечтаній. Таковы и Флоріанъ Гейеръ, и Ганнеле, и „Ткачи„—и главнымъ образомъ Михаилъ Крамеръ. Онъ духовно торжествуетъ тогда, когда онъ наиболѣе покоренъ жизнью, когда его душевныя страданія достигаютъ апогея и когда въ его переживаніяхъ воплощается самая рѣзкая борьба между духомъ и плотью, т.-е. то, что̀ есть вѣчнаго и—единственно-трагичнаго въ судьбахъ человѣческихъ.

Разбираясь въ произведеніяхъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся представителей современной нѣмецкой драмы, Керръ ищетъ въ каждомъ изъ нихъ именно этой сути, связывающей литературу съ смысломъ всѣхъ человѣческихъ переживаній. Для него не существенно различіе литературныхъ группъ:—натуралисты и символисты для него одинаково правы, поскольку они задѣваютъ существенное, а не теряются въ расплывающихся внѣшнихъ явленіяхъ. По стильности и художественности формулировокъ и критической полнотѣ слѣдуетъ выдѣлить въ особенности очерки о Шницлерѣ и Ведекиндѣ.

II.

Myriam Harry. La Conquête de Jerusalem. Roman Moderne. Стр. 393. Paris. 1905. (Calm. Lévy).

Романъ Миріамъ Гарри, „Завоеваніе Іерусалима“—одинъ изъ самыхъ серьезно задуманныхъ среди французской беллетристики за послѣднее время. Онъ получилъ премію, недавно основанную для женщинъ-писательницъ,—и дѣйствительно заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Въ Парижѣ постоянно выходятъ въ свѣтъ новые романы—

и выступающихъ впервые, и давно составившихъ себѣ имя авторовъ, но эта жатва въ послѣднее время поражаетъ своей неудовлетворительностью. Нѣтъ недостатка въ талантливыхъ писателяхъ—есть тонкіе художники, есть виртуозы-стилисты, но въ общемъ получается впечатлѣніе, что имъ нечего сказать, что поэтому они утомительно варьируютъ одну и ту же тему, описывая супружескія измѣны и всякаго рода чувственныя переживанія,—или же, для разнообразія, занимаются психологіей буржуазныхъ добродѣтелей и идеаловъ. Джонъ-Антуанъ Но, авторъ сильнаго и оригинальнаго романа „Вражья Сила", знакомаго нашимъ читателямъ по русскому переводу, пользуется своимъ виртуознымъ стилемъ, своимъ поразительнымъ знаніемъ языка и жизни разнообразныхъ слоевъ общества—до самыхъ его подонковъ включительно — для того, чтобы въ своемъ новомъ романѣ „Prêteur d'amour" изобразить жизнь парижской буржуазіи и интеллигенціи въ видѣ какого-то кошмарнаго царства низменнаго, грубаго разгула. Въ томъ же духѣ, хотя и съ большой эстетической изысканностью написанъ новый романъ Ренье, „Le passé vivant". А наряду съ этимъ братья Маргеритъ даютъ въ „Prisme" pendant къ своимъ „Vierges Fortes" и описываютъ судьбы современныхъ практическихъ юношей и преданность ихъ матерей, готовыхъ на всякія сдѣлки съ совѣстью ради благополучія дѣтей. Или же Ж. Реваль, талантливый бытописатель французскихъ учащихся женщинъ въ „Sevriennes", отстаиваетъ теперь, въ „Cruche Cassée", права на уваженіе къ себѣ дѣвушки, которая по искреннему увлеченію и неопытности испытала грустную судьбу хорошенькой дѣвушки на картинѣ Грёза „Cruche Cassée". Для того, чтобы ломиться въ эти открытыя двери, не стоило, казалось бы, писать цѣлаго романа съ растянутыми банальными эпизодами,—но такова безсодержательность современнаго французскаго романа, что книги вродѣ „Cruche Cassée" далеко не составляютъ въ ней исключенія,—также какъ и откровенная порнографія, которой занимаются въ своихъ произведеніяхъ очень извѣстные романисты.

„Завоеваніе Іерусалима" составляетъ исключеніе среди этого рода беллетристики. И внутреннее содержаніе, и фонъ, на которомъ разыгрывается душевная драма героя, представляютъ несомнѣнный интересъ. Современный Іерусалимъ описанъ въ романѣ очень красочно. Отношеніе автора къ Іерусалиму пессимистическое. Онъ показываетъ, какъ въ этомъ центрѣ религіозной жизни все сводится къ мелкой и узкожитейской распрѣ между разными религіями. Идейный замыселъ романа заключается въ противопоставленіи разныхъ религіозныхъ началъ въ душѣ современнаго человѣка. Эли Жаменъ пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ съ чисто христіанской миссіей. Онъ—ученый археологъ, и цѣль его пріѣзда—отдать всѣ свои знанія и труды на защиту хри-

стіанства, укрѣпить евангельскія традиціи своими учеными изысканіями. Но жизнь въ Іерусалимѣ, знакомство съ прошлымъ и настоящимъ, также какъ и личныя переживанія, столкновенія съ представителями разныхъ христіанскихъ вѣроученій и съ древними восточными религіями, осложняютъ душевный міръ Эли Жамена, будятъ въ немъ спавшія влеченія къ таинственному языческому прошлому востока. Онъ испытываетъ на себѣ соблазны, нѣкогда смущавшіе древнихъ израильтянъ,—и гибнетъ среди трагическихъ внутреннихъ переживаній. Внѣшняя борьба или, вѣрнѣе, прозаическая конкурренція христіанскихъ вѣроученій — главнымъ образомъ католичества и протестантства—въ европейскомъ населеніи Іерусалима, и внутреннія противорѣчія христіанскаго и языческаго начала въ душѣ героя романа составляютъ драматическій интересъ „Завоеванія Іерусалима“. Вначалѣ восторженному молодому ученому все въ Іерусалимѣ кажется преисполненнымъ чудесъ и красоты. Онъ глядитъ съ высоты на разстилающійся у его ногъ городъ и вѣритъ, что здѣсь для него обѣтованная земля. Онъ чувствуетъ, глядя на окружающія городъ кладбища, на выжженную солнцемъ пустыню вокругъ, что любитъ страдающую и героическую душу Іерусалима, гдѣ трепещутъ и сливаются души всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Въ немъ пробуждается гордое сознаніе своей силы. Онъ надѣется завоевать Іерусалимъ — и чувствуетъ готовность отдать всю свою жизнь на служеніе своей цѣли. И въ этотъ часъ таинственнаго общенія съ притягивающимъ его городомъ Эли слышитъ голоса, остерегающіе его и предвѣщающіе ему его судьбу. Рядомъ съ собой, на балконѣ минарета, съ высоты котораго онъ глядитъ на Іерусалимъ, онъ видитъ величественнаго старика въ черной мантіи съ мальтійскимъ крестомъ. Это—полубезумный рыцарь храмовникъ, помѣшавшійся на любви къ Іерусалиму. Онъ остерегаетъ Эли отъ женщинъ, „которыя убиваютъ героизмъ и мечты“. Изъ-за женщинъ,—говоритъ рыцарь,—погибли его предки,—изъ-за женщины погибнетъ и новый завоеватель Іерусалима, если сковываетъ свой духъ привязанностью къ женщинѣ. Возвращаясь въ городъ, Эли слышитъ еще одно пророчество, исходящее на этотъ разъ отъ страннаго человѣка, одѣтаго на подобіе Христа, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Это—безумецъ, мнящій себя послѣднимъ іерусалимскимъ пророкомъ, и онъ кричитъ съ пѣной у рта: „Горе вамъ, надменные гордецы, вознесшіеся въ мечтахъ,—раскайтесь, раскайтесь! Пришедшіе въ радости—вернутся горестные. Смиритесь — Іерусалимъ принадлежитъ нищимъ духа. Горе вамъ всѣмъ! Іерусалимъ подобенъ Молоху—онъ питается слезами и кровью!“ При этихъ предзнаменованіяхъ начинается жизнь Эли Жамена въ Іерусалимѣ, и уже черезъ нѣсколько недѣль его первоначальная восторженность уступаетъ мѣсто

разочарованію. На родинѣ евангельскаго ученія, проповѣдующаго милосердіе и терпимость, онъ видитъ неугасающій костеръ вражды и ненависти. Церковь Гроба Господня кажется ему храмомъ раздора, гдѣ молитвы и пѣснопѣнія раздаются не во славу Божію, а для того, чтобы заглушить голосъ служителей другой церкви, помѣшать ихъ молитвамъ дойти до небесъ. Эли, мечтавшій о томъ, что его вѣра укрѣпится, когда онъ приблизится къ ея источнику, съ ужасомъ видитъ теперь, что онъ погружается въ мракъ, что вмѣсто твердой вѣры онъ наталкивается здѣсь на смущающія его духъ суевѣрія. Всюду грубая поддѣлка святынь, всюду грубый обманъ—вродѣ продажи квитанцій на мѣста въ раю,—и никакихъ доказательствъ пребыванія божественнаго Учителя. Онъ точно прошелъ по этой землѣ какъ призракъ — не оставивъ слѣдовъ. Эта картина современнаго Іерусалима, погрязшаго въ меркантильныхъ интересахъ, нарисована въ романѣ очень живо.

Больше близости къ священному прошлому Эли находитъ въ іудейскихъ святыняхъ Іерусалима. Отъ Голгоѳы помыслы Эли обратились на другую часть Іерусалима, туда, гдѣ сохранились подлинные остатки іудейскаго храма. Какимъ чудомъ,—спрашивалъ онъ себя,—эти камни сохранились послѣ двадцати разрушеній и двадцати вѣковъ—и какимъ чудомъ этотъ народъ, разсѣянный по всѣмъ концамъ міра, является въ такой же одеждѣ, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, рыдать на мертвомъ языкѣ съ неизмѣнно возрождающейся страстностью и съ несокрушимой вѣрой передъ этой разрушенной стѣной? Заинтересованный силой духа и странной судьбой многострадальнаго, объединеннаго братскими чувствами народа съ его „упрямой и безплодной скорбью“ объ утраченномъ храмѣ, Эли сталъ изучать жизнь еврейскаго квартала, подружился съ его обитателями, познакомился съ религіозными обрядами, сталъ вникать въ ихъ ученіе и ихъ нужды и проникся безконечной жалостью къ ихъ страданіямъ. Но когда у него возникли планы активной помощи имъ, фанатики, охотно посвящавшіе его въ тонкости своего ученія, стали бояться его вліянія, которое могло бы нарушить неприкосновенность старыхъ традицій, и объявили его врагомъ, ложнымъ пророкомъ, который хочетъ отнять у нихъ Сіонъ. Сношенія съ евреями кончаются печально для молодого ученаго. Ночная стража, дѣлая обходъ еврейскаго квартала, наталкивается на лежащаго безъ чувствъ на землѣ молодого европейца,—это Эли Жаменъ, въ котораго мѣтко попалъ камень, брошенный въ него изъ маленькаго грязнаго окна въ гетто. Эли долго болѣетъ послѣ этого, и болѣзнь мѣняетъ всю его судьбу. Его привезли въ безсознательномъ состояніи въ протестантскій госпиталь, гдѣ за нимъ ухаживаетъ красивая діаконисса, сестра Сицилія.

Онъ въ нее влюбляется во время долгаго періода выздоровленія—и женится на ней. Главной побудительной причиной для Сициліи является желаніе обратить въ протестантство уже отошедшаго нѣсколько отъ католичества молодого ученаго и обратить его ученость на служеніе протестантству.

Любовь къ женѣ, холодной женщинѣ, посвятившей жизнь исполненію очень узко понятаго религіознаго долга, становится для Эли источникомъ безконечныхъ сраданій, дѣйствительно убивающихъ его духъ, какъ предсказалъ безумный рыцарь. Онъ любитъ Сицилію страстной молодой любовью и старается пробудить и въ ней женщину, способную увлекаться. Они совершаютъ свадебное путешествіе по Галилеѣ, и среди бродячей жизни, остановокъ въ палаткахъ, постоянной перемѣны мѣстъ, Эли лишь изрѣдка чувствуетъ ограниченность своей жены,—будничность ея нравственныхъ сентенцій. Онъ слишкомъ увлеченъ страстью, слишкомъ восторгается красотой Сициліи, чтобы останавливать вниманіе на недомолвкахъ между ними. Ему удается на время заразить и ее пылкостью своихъ чувствъ, и строгая діаконисса порой внимаетъ благосклонно его пламеннымъ признаніямъ въ любви. Иногда она видимо опечалена суетными чувствами мужа, и особенно тяжело ей—какъ Эли видитъ по ея упорному, почти злобному молчанію—во время ихъ путешествія по Іудеѣ. Она здѣсь искала слѣдовъ пребыванія Христа и апостоловъ,—а его такъ опьяняло молодое чувство, что онъ далекъ отъ евангельскихъ настроеній. Только съ переѣздомъ изъ Галилеи въ Сирію устанавливается большее согласіе между молодыми супругами; близость языческихъ храмовъ съ ихъ таинственными божествами, съ знойной атмосферой страстей, побѣждаетъ и Сицилію, которая впервые зажигается страстью; все дальнѣйшее путешествіе до возвращенія въ Іерусалимъ проходитъ для Эли въ полномъ упоеніи. Полное отрезвленіе начинается, однако, послѣ ихъ возвращенія въ Іерусалимъ.

Воображенію Эли рисуется изысканно прекрасная, полная радостной работы, освѣщенная любовью и душевной близостью жизнь, когда онъ устраивается въ купленной имъ турецкой виллѣ. Но вмѣсто этого Сицилія навязываетъ ему общество своихъ протестантскихъ друзей, пастора и миссіонера, съ ихъ чрезвычайно добродѣтельными и чрезвычайно скучными женами. Эли попадаетъ въ тѣсный кружокъ, главнымъ образомъ интересующійся сплетнями,— большей частью касающимися религіозности членовъ колоніи. Эли особенно больно, что Сицилія чувствуетъ себя вполнѣ хорошо среди этихъ узкихъ интересовъ и сама злобно и черство относится къ католикамъ, готовая устраивать имъ всякія непріятности, какъ неудобнымъ конкуррентамъ. У пастора Фишера и на чаепитіи въ госпиталѣ, гдѣ Сицилія

служила прежде діакониссой, одинаково проявляется духъ нетерпимости, страсть къ осужденіямъ и сплетнямъ. Изъ всѣхъ знакомыхъ Сициліи больше другихъ Эли нравится миссіонеръ Гольдманъ, бывшій еврей, дѣйствительно увѣровавшій въ спасительную силу христіанства и горячо ведущій дѣло пропаганды—и его жена, бывшая кафе-шантанная пѣвица, дѣйствительно повѣрившая проповѣдямъ Гольдмана и полюбившая его. Вся протестантская колонія, въ томъ числѣ и Сицилія, недружелюбно относится къ Китти, не прощая ей ея прошлаго—и въ особенности того, что она не оставила привычки изящно одѣваться. Сицилія съ осужденіемъ говоритъ мужу о суетности Китти, и пугаетъ Эли своими пуританскими представленіями о христіанскомъ бракѣ. Онъ видитъ, что ихъ свадебное путешествіе кажется ей теперь грѣхомъ, и что она намѣрена искупить его строгостью дальнѣйшей жизни—и разговорами о добродѣтели съ пасторомъ и другими членами протестантской колоніи.

Эли по прежнему любитъ жену, страдаетъ отъ ея холодности и, главное, узкости интересовъ, но постепенно отдаляется отъ нея въ свой внутренній міръ. Новый интересъ захватываетъ его душу,—онъ увлекается древними религіями Востока. Разочаровавшись въ Іерусалимѣ, онъ видитъ новую обѣтованную землю для себя—Моабъ съ его таинственными восточными храмами. Онъ входитъ въ сношенія съ продавцомъ древностей, Сламиномъ, черезъ посредство котораго добываетъ много настоящихъ древностей: ловкій поддѣлыватель, умѣющій надувать всѣхъ иностранцевъ, знаетъ, что ничего поддѣльнаго онъ не сможетъ навязать такому знатоку, какъ Эли. У Сламина Эли видитъ копію съ изображеніемъ древней египетской богини и загорается желаніемъ найти подлинникъ—статую Астарты, высшую святыню таинственнаго восточнаго культа. Сламинъ добываетъ ему обломокъ статуи, подлинный ея базальтовый пьедесталъ: Эли разбираетъ на немъ надпись, удостовѣряющую о принесенной грозной богинѣ жертвѣ моабитской царицей, воздвигнувшей эту статую. Всѣ помыслы Эли направляются на разысканіе идола, которому поклонялся Востокъ,—и тѣмъ сильнѣе говоритъ въ немъ это желаніе, что съ этой новой мечтой у него связано представленіе о живой женщинѣ. У того же Сламина Эли увидалъ молодую женщину изъ Моаба,—съ которой ловкій Сламинъ, можетъ быть, и списалъ поразившее Эли лицо египетской богини,—и ея красота и таинственность сливаются для него съ мечтами о томъ, что ему дано открыть міру воскресшую соперницу Іерусалима, богиню луны, таинственную Астарту, культъ которой освобождаетъ въ человѣческой душѣ всѣ ея пламенные порывы, сдерживаемые побѣдой христіанства.

Домашняя жизнь менѣе поглощаетъ Эли съ той минуты, какъ имъ

овладѣла мечта объ Астартѣ — и о живой моабитаянкѣ, воплощающей для него богиню. Онъ попрежнему привязанъ къ Сициліи, счастливъ тѣмъ, что у него родилась дочь, названная имъ Сіоной,— но несоотвѣтствіе между его пламенными настроеніями и трезвой добродѣтелью жены становится все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ, и онъ не старается уже пріобщить жену къ своей внутренней жизни. Сицилія видитъ только, что онъ увлекается древностями, наполняя свои рабочія комнаты разными покупками. Эли снаряжаетъ караваны для розысковъ идола, на которомъ сосредоточены всѣ его помыслы, и Сламинъ пользуется этимъ, конечно, для выманиванія у него денегъ. Двѣ экспедиціи оказываются напрасными—Сламинъ и его сообщники возвращаются, будто бы ограбленные по дорогѣ,—и тогда Эли рѣшается самъ предпринять путешествіе въ аравійскую пустыню вмѣстѣ съ отрядомъ бедуиновъ. Къ нему пріѣзжаютъ бедуины со своимъ вождемъ, превращая его домъ въ караванъ-сераль. Сицилія уѣзжаетъ съ дочерью изъ дому, боясь вторженія языческаго соблазна. И вмѣстѣ съ другими въ домѣ Эли поселяется и молчаливая женщина изъ Моаба. Она кажется Эли еще болѣе таинственной послѣ того, какъ даритъ ему въ лунную ночь свою любовь—съ видомъ богини, нисшедшей осчастливить смертнаго. Три мѣсяца проводитъ Эли въ аравійской пустынѣ съ живымъ воплощеніемъ богини, съ женщиной, которую онъ называетъ Истаръ, въ честь богини Астарты, и съ бедуинами. Много раскопокъ дѣлаетъ онъ въ это время, находитъ много развалинъ, памятниковъ старины и интересныхъ надписей, — но статуя Астарты не дается ему въ руки; Сламинъ ему заранѣе сказалъ, что эта статуя—величайшая святыня, которую жители Моаба не отдадутъ, потому что съ нею исчезло бы всякое счастье для нихъ. Экспедиція заканчивается для Эли внезапнымъ исчезновеніемъ всѣхъ его спутниковъ, кромѣ Сламина, который привозитъ его, больного, въ Іерусалимъ. Эли впалъ въ забытье, когда поднялся самумъ; пока онъ былъ боленъ, бедуины ушли домой, къ своимъ стадамъ—въ счастливый Іеменъ.

Послѣ этого проходятъ годы,—Эли становится знаменитымъ ученымъ, благодаря своимъ ученымъ изысканіямъ и раскопкамъ. Сицилія рада его славѣ и раздѣляетъ его лавры. Она полагаетъ, что онъ хочетъ воскресить язычество во всей его полнотѣ только для того, чтобы тѣмъ ревностнѣе потомъ возвеличить христіанство, изучивъ враждебныя ему вѣрованія. Но близость къ восточнымъ религіямъ отравила душу Эли. Онъ тоскуетъ о пустынѣ, о Моабѣ, не можетъ примириться съ невозможностью найти статую Астарты, и все болѣе расходится съ женой и со всей протестантской колоніей. Онъ становится теперь предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со всѣхъ сторонъ:

и католики считаютъ его ренегатомъ, и протестанты перестаютъ вѣрить въ ортодоксальность его христіанскихъ вѣрованій въ виду его слишкомъ горячаго увлеченія религіями Востока. Новый пасторъ, смѣнившій Фишера, начинаетъ возстановлять Сицилію противъ мужа. Она требуетъ отъ него доказательствъ его вѣрности протестантизму,—а онъ, тоскуя о своихъ несбывшихся мечтахъ стать „жрецомъ воскресшей Астарты", все больше отчуждается отъ жены. Выходятъ еще столкновенія изъ-за овдовѣвшей жены миссіонера Гольдмана, Китти, къ которой Эли питаетъ дружескія чувства. Сицилія и вся протестантская колонія преслѣдуютъ молодую вдову въ виду ея прошлаго, и она принуждена уѣхать. Раздоръ въ семьѣ Эли все увеличивается, тѣмъ болѣе, что Сицилія находитъ поддержку въ новомъ пасторѣ. Эли утѣшается близкими отношеніями съ подростающей дочкой,—и она остается его утѣшеніемъ, когда Сицилія умираетъ, отравившись—не нарочно, а по недосмотру старика Фишера, давшаго ей мышьякъ вмѣсто хинина. Еще одинъ разъ послѣ смерти Сициліи минута счастья улыбается Эли—къ нему снова является Истаръ, но только для того, чтобы снова исчезнуть, захвативъ съ собой обломки статуи Астарты. Моабъ не отдаетъ ему даже обломковъ своей святыни.

Съ этихъ поръ жизнь Эли окончательно разбита. Вся жизнь представляется ему какими-то обломками—ничего цѣльнаго ему не удалось ни испытать, ни сдѣлать. Его ученыя открытія подвергаются осужденію,—вслѣдствіе разоблаченій Сламина, увѣрившаго всѣхъ, что все, что онъ доставлялъ Жамену—поддѣлки; всѣ сердечныя отношенія—къ женѣ, къ Истаръ, къ Китти—обрывались, оставляя горечь,—даже дочь онъ принужденъ отпустить отъ себя, такъ какъ для ея пробуждающейся молодой души нужно женское вліяніе. Ему остается только странная и жуткая любовь прокаженной женщины, издавна обожавшей его и видѣвшей въ немъ новаго Христа. Эли кончаетъ самоубійствомъ—и бросается съ минарета, съ котораго разглядывалъ Іерусалимъ, когда пріѣхалъ завоевать его. Его изуродованный трупъ находятъ рядомъ съ трупомъ прокаженной, которая умерла тутъ же, оплакивая его.—З. В.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Письмо въ Редакцію.

Записка по крестьянскому дѣлу статсъ-секретаря С. Ю. Витте, для нашего брата, деревенскаго жителя, а также мѣстнаго дѣятеля, имѣла особенный,—если такъ можно выразиться,—жизненный интересъ. Въ ней, отчасти, выяснялось все серьезное значеніе мѣстнаго самоуправленія въ государственномъ устройствѣ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, проживъ за-границей около пятнадцати лѣтъ, я тогда еще убѣдился, что крѣпко установившееся мѣстное самоуправленіе—наиболѣе прочное основаніе для всякаго государственнаго строя. Въ монархической, глубоко лойяльной Англіи, даже иностранцу свободнѣе и какъ будто безопаснѣе живется, чѣмъ въ республиканской Франціи. Дорого стоющія правительству старанія германизаціи восточныхъ провинцій Пруссіи не вполнѣ достигаютъ цѣли въ высококультурной Германіи, а англійскій языкъ является наиболѣе распространеннымъ на нашей планетѣ, безъ малѣйшаго о томъ старанія со стороны англійскаго правительства. Несомнѣнно, не одно мѣстное самоуправленіе—причина настоящаго положенія Англіи, но также несомнѣнно, что оно—одна изъ главныхъ его причинъ.

Мѣстное самоуправленіе принципіально, это—возможность мѣстнаго населенія свободно и независимо удовлетворять свои мѣстныя непосредственныя нужды въ той или другой формѣ, выработанной дѣйствительностью и временемъ. Уваженіе къ этимъ формамъ, освобождая всякое центральное правительство отъ массы труда по вмѣшательству въ удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, тѣмъ самымъ облегчаетъ ему, такъ сказать, обязательную дѣятельность по общему государственному хозяйству. Право удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, для успѣшной своей дѣятельности, должно согласоваться съ мѣстными условіями, и оно неминуемо, вслѣдствіе того, разнообразно въ своемъ примѣненіи. Общая обязанность всякаго самоуправленія заключается въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ средствами, получаемыми отъ самообложенія. Всюду въ мѣстномъ самоуправленіи дѣло ведется представителями плательщиковъ на это дѣло. Само собою разумѣется, что никто изъ своего кармана не станетъ платить ни болѣе, ни менѣе того, что̀ дѣйствительно требуется на удовлетвореніе общихъ мѣстныхъ нуждъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста не-

доразумѣніямъ между центральной администраціей и мѣстнымъ самоуправленіемъ: второе—только даровой помощникъ первой. Однако, мы видимъ, что такого рода недоразумѣнія бываютъ и въ высоко культурныхъ странахъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, такъ сказать, на-дняхъ произошло или, скорѣе, происходитъ столкновеніе между министерствомъ просвѣщенія и городскимъ магистратомъ изъ-за пользованія школьными помѣщеніями въ неучебное время. Такого рода недоразумѣнія порождаютъ борьбу въ ущербъ самому дѣлу. Нарушеніе правъ самоуправленія вполнѣ естественно возбуждаетъ въ немъ стараніе оградить себя отъ вмѣшательства не только въ данномъ случаѣ, но и въ будущемъ.

Мы сказали, что принципіально форма мѣстнаго самоуправленія всюду зависитъ отъ мѣстныхъ же условій. Девять-десятыхъ населенія Россійской имперіи—крестьянское, и вполнѣ естественно, что мѣстное самоуправленіе должно быть крестьянскимъ. Крестьянство живетъ въ организованныхъ издавна группахъ приспособленныхъ къ удовлетворенію ближайшихъ нуждъ, вытекающихъ изъ совмѣстной жизни. Условія этой жизни разнообразны, и также разнообразны формы, въ которыхъ эта жизнь опредѣлилась. Измѣнять ихъ, вслѣдствіе теоретическихъ соображеній, никакого нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что крестьянская организація нисколько не препятствуетъ дальнѣйшей группировкѣ всего деревенскаго населенія съ цѣлью удовлетворенія всѣхъ общихъ мѣстныхъ нуждъ. Великій Царь-Освободитель даровалъ деревнѣ земство, которое успѣшно объединило и могло объединить въ себѣ все и всякое сельское населеніе для служенія мѣстному хозяйству. Польза, оказанная земствомъ сельскому населенію и особенно крестьянству,—неоспорима. Дѣятельность его, однако, была стѣснена, и въ настоящее время врядъ ли кто-либо сомнѣвается въ необходимости возвратиться къ прежнему, первоначальному Земскому Положенію. Такое возвращеніе нисколько не препятствуетъ заняться крестьянскимъ, внутреннимъ самоуправленіемъ. Крестьянство нынѣ, безспорно, обѣднѣло; а между тѣмъ послѣднее сорокалѣтіе прошло для него не безслѣдно; оно уже не то, чѣмъ было въ 1861 году. Наконецъ, сама многочисленность крестьянства дѣлаетъ его основаніемъ болѣе общаго деревенскаго хозяйственнаго самоуправленія, т.-е. земства, и, разумѣется, желательно, чтобы этотъ фундаментъ былъ проченъ. Говорить о крестьянскомъ дѣлѣ—это говорить о жизни деревни. Моя двадцатилѣтняя предводительская служба въ мокшанскомъ уѣздѣ, типичномъ по общинному крестьянскому землепользованію, нѣсколько стѣсняетъ меня въ моихъ сужденіяхъ объ общемъ крестьянскомъ дѣлѣ. Полагаю, что я не лишенъ права на нѣкоторыя обобщенія.

Въ 1904 году, къ исполненію воинской повинности призывались въ

мокшанскомъ уѣздѣ молодые люди, рожденные въ 1883 году. Призывалось гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе усиленной дѣтской смертности въ 1884 г. (годъ моего избранія въ предводители) и въ послѣдующемъ. Пришлось взять немало льготныхъ, чего никогда не бывало во всю мою двадцатилѣтнюю службу. Впрочемъ, это безразлично въ данномъ вопросѣ; главное—сословный составъ призываемыхъ. Изъ общаго количества таковыхъ—930 человѣкъ—крестьянъ было 881, мѣщанъ—37 и разночинцевъ 12. Въ числѣ послѣднихъ было: 9 изъ дѣтей духовенства и 3—чиновниковъ. Въ 1904 году, какъ и въ предыдущіе годы, призывъ доказалъ, что въ уѣздѣ, вмѣстѣ съ городомъ Мокшаномъ, коренное населеніе почти исключительно крестьянское. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, подобныхъ мокшанскому уѣзду,—существуетъ болѣе или менѣе та же преобладающая однородность сельскаго населенія. Такое преобладаніе безспорно придаетъ серьезное значеніе крестьянскому самоуправленію.

Крестьянское самоуправленіе, какъ основаніе крестьянской жизни, совсѣмъ не результатъ великой реформы 1861 года. Оно существовало прежде, при крѣпостномъ правѣ: гласно и открыто въ такъ называемыхъ оброчныхъ имѣніяхъ, а негласно и при барщинѣ. Въ селеніяхъ же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, еще до реформы, крестьянское самоуправленіе было организовано правительствомъ. Какъ оно дѣйствовало, это—другой вопросъ. Очень можетъ быть, что сельскіе и всякіе сходы имѣли наибольшее значеніе именно тамъ, гдѣ они не допускались. При всякихъ общихъ и экономическихъ условіяхъ сожительство въ одномъ мѣстѣ вынуждаетъ общее соглашеніе живущихъ въ немъ. Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости усилило общность интересовъ каждаго такого сожительства, получившаго данную на поступившее въ общее его пользованіе то или другое количество земли. При распредѣленіи этой земли между членами общества, а также при опредѣленіи связанныхъ съ землей правъ и обязанностей, міръ, сходъ сдѣлался оффиціальнымъ учрежденіемъ; приговоры его пріобрѣли значеніе формальныхъ актовъ. Явились и недовольные распоряженіями схода и его приговорами. При мировыхъ посредникахъ, вводившихъ новые порядки, или, вѣрнѣе, производившихъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вполнѣ понятно—жалобы однообщественниковъ на постановленія ихъ сельскихъ обществъ поступали на разбирательство мировыхъ посредниковъ, а ихъ рѣшенія могли быть обжалованы съѣзду мировыхъ посредниковъ. Вслѣдствіе неудовлетворительности прежнихъ дореформенныхъ судовъ, чисто судебныя дѣла получили административное направленіе. Временное, случайное сдѣлалось постояннымъ. Убѣжденіе, что крестьян-

ское самоуправленіе требуетъ особаго, спеціальнаго наблюденія надъ его дѣятельностью, все болѣе крѣпло. Неудовлетворительность наблюденія объяснялась его неопредѣленностью; оно измѣнялось въ духѣ авторитета власти, а крестьянская жизнь развивалась самостоятельно, вопреки оффиціальнымъ надъ ней руководителямъ.

Судъ—единственно правильное и вѣрное учрежденіе для разбора всякихъ жалобъ о правонарушеніяхъ, кѣмъ бы они производимы ни были. Введеніе въ сферу удовлетворенія судебныхъ потребностей какого-то особаго судебно-административнаго порядка для нѣкоторыхъ дѣлъ производитъ безцѣльную, ничѣмъ не вызываемую путаницу въ крестьянской жизни. Въ настоящее время многія дѣла между обществами, а также иски частныхъ лицъ къ обществамъ—и наоборотъ—доходятъ до судебнаго съѣзда земскихъ начальниковъ и разрѣшаются вполнѣ удовлетворительно судебнымъ порядкомъ. Ни малѣйшей нѣтъ надобности въ надзорѣ надъ дѣятельностью сельскихъ обществъ, когда ею не нарушаются ничьи права; на случай же таковыхъ нарушеній есть судъ. Причемъ и для чего тутъ спеціальный надзоръ?

Крестьянское самоуправленіе состоитъ не изъ однихъ только сельскихъ обществъ, и это вполнѣ разумно. Еслибы общества, между которыми есть весьма мелкія, должны были одни исполнять всѣ лежащія на нихъ обязанности, это бы ихъ окончательно разорило. Взносъ повинностей и счетоводство по нимъ; веденіе семейныхъ списковъ; призывъ новобранцевъ и вся письменная часть, имъ вызываемая; веденіе списка запасныхъ чиновъ; счетоводство по продовольственнымъ ссудамъ, отъ которыхъ врядъ ли свободно какое-либо крестьянство въ чисто земледѣльческой мѣстности, и т. д.,—все это требуетъ немалыхъ расходовъ, которые положительно непосильны для большинства сельскихъ обществъ. Дѣйствительность требуетъ соединенія мелкихъ, такъ сказать, основныхъ единицъ крестьянскаго самоуправленія въ болѣе крупныя. Такимъ крупнымъ представителемъ и хозяиномъ крестьянскаго самоуправленія сдѣлалась волость со своимъ, по закону, выборнымъ правленіемъ. Волостное правленіе обратилось, однако, не только въ общеадминистративную основную, но и въ полицейскую единицу въ деревнѣ, и нельзя не сказать, что это весьма практично. Воспользоваться спеціальнымъ учрежденіемъ для исполненія общегосударственныхъ обязанностей безъ малѣйшей общегосударственной затраты, безусловно практично, но, врядъ ли справедливо. Такая явная, однако, несправедливость легко устранима; достаточно вознаграждать расходы, вызываемые исполненіемъ общеадминистративныхъ обязанностей. Это, во всякомъ случаѣ, будетъ хозяйственнѣе и дешевле, чѣмъ заводить какія-нибудь параллельныя учрежденія. Полицейская окраска, наложенная прошедшимъ на волостное

правленіе, сдѣлала его антипатичнымъ. Въ общественномъ мнѣніи сложился взглядъ, что въ этомъ учрежденіи царствуетъ пьяный взяточникъ волостной писарь. Такихъ типичныхъ волостныхъ писарей нынѣ очень мало, и они совершенно исчезнутъ, если крестьянство будетъ освобождено отъ тяготѣющей надъ нимъ опеки. Въ первое время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ деревнѣ не было того разряда лицъ, которыя могли бы сколько-нибудь удовлетворительно вести канцелярскую переписку, и, вполнѣ естественно, приходилось мириться съ разнообразными недостатками г.г. волостныхъ писарей. Мало-по-малу количество такъ-называемой деревенской интеллигенціи увеличилось и все болѣе увеличивается. Конкурренція не только облегчила пріисканіе способныхъ людей, но и улучшила ихъ качество. Наше темное крестьянство въ высшей степени практично и потому прекрасно понимаетъ всю важность выбора въ должности знающихъ, дѣльныхъ и хорошихъ людей.—Если за крестьянскимъ самоуправленіемъ будетъ признана полная самостоятельность, несомнѣнно, выборы въ немъ будутъ дѣльные и правильные.

Мы въ деревнѣ не пропускаемъ случая поостроумничать надъ петербургскимъ чиновничьимъ бюрократизмомъ и надъ тѣмъ легендарнымъ столоначальникомъ, который, какъ извѣстно, издавна управляетъ Россіей; сами же мы, деревенскіе жители, пожалуй безсознательно, вѣруемъ въ чиновника. Во всякомъ дѣлѣ мы считаемъ первой необходимостью лицо, человѣка, т.-е. чиновника, должнымъ образомъ направляющаго это дѣло, разумѣется, подъ тѣмъ или другимъ контролемъ. Я глубоко убѣжденъ, что именно въ деревнѣ будутъ просто напуганы независимымъ, крестьянскимъ самоуправленіемъ. Какъ! эту темную, громадную массу оставить безъ контроля и наблюденія?!—да это бѣги вонъ изъ деревни! Въ сущности, что̀ такое нынѣ существующіе надъ крестьянствомъ наблюденіе и контроль? Право земскаго начальника уволить волостного писаря, по своему усмотрѣнію, и потребовать всякія срочныя и несрочныя вѣдомости. Что̀ измѣнили въ крестьянской жизни, какую пользу ей принесли г.г. земскіе начальники? Да никакой! Жизнь эта идетъ сама собой подъ вліяніемъ общихъ и мѣстныхъ условій; благосостояніе же крестьянства, почти повсюду, все болѣе и болѣе падаетъ. Гдѣ были аграрныя недоразумѣнія, или безпорядки—земскіе начальники оказались безсильными ихъ предупредить или остановить; гдѣ же таковыхъ явленій не было,—тамъ спокойное и мирное теченіе крестьянской жизни уже никакъ нельзя приписать ихъ наблюденію и вліянію.

Во всякомъ самоуправленіи выборное начало представляетъ собою

очень дѣйствительное обезпеченіе противъ неправильности дѣйствій избранныхъ. Въ земскихъ собраніяхъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, не всесильные г.г. губернаторы обезпечиваютъ правильную дѣятельность избранныхъ собраніями исполнительныхъ органовъ, а избираемыя ревизіонныя коммиссіи и еще болѣе право каждаго гласнаго заявить собранію о замѣченныхъ имъ упущеніяхъ или неправильностяхъ этихъ органовъ. Наконецъ, есть судъ, къ которому можетъ обратиться потерпѣвшій отъ всякаго самоуправленія и его органовъ. Это послѣднее средство тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ лучше и независимѣе оно организовано. Впрочемъ, темное крестьянство и теперь къ нему нерѣдко прибѣгаетъ. Ежегодно выборными отъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ производится учетъ сельскихъ и волостныхъ властей въ израсходованіи находившихся въ ихъ распоряженіи суммъ. Бываетъ, что начетъ производится именно на тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя по своимъ административнымъ или, скорѣе, полицейскимъ способностямъ наиболѣе одобряются и отличаются существующимъ надъ крестьянствомъ начальствомъ.

Безусловно, судъ — единственно вѣрный и незамѣнимый цѣлитель болѣзненныхъ явленій всякаго самоуправленія, но судъ доступный, независимый и нелицепріятный. Въ послѣднее время нерѣдко въ печати и въ обществѣ указывалось на неудовлетворительность дѣятельности нашей судебной организаціи. Я нисколько не намѣренъ говорить объ этой дѣятельности, но не могу не коснуться одной изъ ея сторонъ, прямо касающейся крестьянства. Въ моей долголѣтней службѣ мнѣ неоднократно приходилось, исправляя должность губернскаго предводителя, быть сословнымъ представителемъ въ выѣздной сессіи саратовской судебной палаты. Помню, въ первый разъ я былъ положительно пораженъ торжественнымъ, подробнымъ, съ многочисленными свидѣтелями, разборомъ дѣла, окончившагося присужденіемъ какой-то оторопѣвшей бабы къ нѣсколькодневному аресту. Не говоримъ объ отвлеченіи отъ болѣе серьезныхъ занятій части состава высшаго апелляціоннаго суда, но во что обходятся государственному казначейству разъѣзды судебной палаты, состоящей изъ предсѣдателя, трехъ членовъ, товарища прокурора и секретаря, а также вызовъ свидѣтелей, очень хорошо оплачиваемый? Я не подсчитывалъ, но въ общемъ, для всѣхъ судебныхъ округовъ, расходъ долженъ быть значительный.

Всюду существуетъ извѣстная, своего рода постепенность въ судебной организаціи; всюду также существуютъ низшіе суды, призванные удовлетворять мелкія судебныя потребности населенія. Суды такого рода должны быть многочисленны и доступны не только по своей близости къ населенію по разстоянію, но и по своей дешевизнѣ, а

также и по своему пониманію жизни и нуждъ этого населенія. Требовать относительно значительнаго расхода при искѣ, напримѣръ, въ нѣсколько рублей—было бы несомнѣннымъ отказомъ правосудія (déni de justice). При крестьянскомъ самоуправленіи волостной судъ представляетъ собою наинеобходимѣйшее его дополненіе. Несомнѣнно, что при развитіи этого самоуправленія, въ смыслѣ его независимости, волостной судъ значительно улучшится какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своей дѣятельности. Если нынѣ, при полномъ безправіи крестьянства, рѣшенія волостныхъ судовъ часто поражаютъ своей вѣрностью,—разумѣется, эти рѣшенія могутъ только выиграть при освобожденіи крестьянъ отъ административной зависимости. Къ сожалѣнію, эти крестьянскіе суды—по мнѣнію большинства—подлежатъ уничтоженію. Неоднократно въ печати я старался выяснить то важное и полезное значеніе, которое имѣютъ волостные суды въ крестьянской жизни, и нисколько не сѣтую, что мое неавторитетное слово не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на установившееся теченіе въ общественномъ мнѣніи. Моя неавторитетность меня нисколько не огорчаетъ, а напротивъ, успокоиваетъ. Главное не то, кто говоритъ, а что̀ сказано. Потому продолжаю говорить объ излюбленномъ мною волостномъ судѣ, стараясь только не повторяться.

Въ изданной Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности брошюрѣ „Крестьянскій правопорядокъ“ приведено мнѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ комитетовъ: обратить волостные суды въ гминные суды, вполнѣ удовлетворительно дѣйствующіе въ привислянскихъ губерніяхъ. Наши русскія, полурусскія и инородческія окраины имѣютъ право на мѣстное самоуправленіе подъ защитой русскихъ законовъ, если имѣется въ виду сдѣлать ихъ русскими подданными не только по имени, но и по существу. Если въ привислянскихъ губерніяхъ, при введеніи въ нихъ мѣстнаго самоуправленія, гминные суды окажутся желательными, ихъ надо сохранить. На югѣ Россіи, вслѣдствіе подворнаго крестьянскаго землевладѣнія и широкаго распространенія мелкаго землевладѣнія, даже и въ земскихъ губерніяхъ не только составъ волостного суда, но, пожалуй, и всего крестьянскаго самоуправленія требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій, и, несомнѣнно, это желательно. Главное, это что мѣстное самоуправленіе—основа государственнаго строя, а не однообразная форма, въ которую оно должно быть втиснуто, не взирая ни на какія мѣстныя условія. Компетенція волостного суда, законы, коими онъ долженъ руководиться, это есть законодательство, требующее коллегіальной, тщательной, всесторонней работы, и затрогивать такой вопросъ вскользь въ журнальной статьѣ было бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Не могу не замѣтить, что разъ земскіе начальники будутъ упразд-

нены, удовлетвореніе правосудныхъ потребностей деревенской жизни выдвигаетъ на первую очередь возвращеніе къ прежнимъ мировымъ учрежденіямъ. Тогда волостные суды могутъ быть подчинены въ апелляціонномъ порядкѣ съѣзду мировыхъ судей—чего прежде не было, и тѣмъ самымъ эти суды войдутъ въ необходимую связь съ общими судебными учрежденіями. Кстати, возвращеніе къ мировому институту дастъ возможность размѣстить г.г. земскихъ начальниковъ, что̀ имѣетъ немаловажное практическое значеніе. Только судъ уничтожитъ въ крестьянствѣ пагубное убѣжденіе, что начальство можетъ все, что̀ захочетъ, и надо только умѣть просить пожалостливѣе. Только судъ водворитъ въ деревнѣ законность, т.-е. уваженіе къ закону, одинаково карающему и защищающему всѣхъ и каждаго. Многочисленное сельское населеніе всюду у насъ нуждается въ доступномъ судѣ, въ которомъ бы могли разбираться его мелкія дѣла и дѣлишки. Дѣло не въ названіи. Волостные суды, гдѣ они есть, имѣютъ право на уваженіе—хотя бы только вслѣдствіе долголѣтняго ихъ существованія. Не надо забывать, что коренное измѣненіе въ установившемся складѣ жизнедѣятельности всякаго организма болѣзненно на немъ отзывается, если не приняты во вниманіе всѣ условія и особенности его жизнеспособности.

Крестьянство нуждается не только въ правильной своей организаціи, но также и не менѣе въ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей. Ему нужны школы, медицинская и ветеринарная помощь, дороги, мосты. Тутъ, какъ и въ организаціи крестьянскаго самоуправленія, требуется группировка въ еще болѣе крупныя единицы. Прежде эти нужды преимущественно удовлетворялись уѣзднымъ земствомъ; нынѣ, благодаря все болѣе обостряющемуся обѣднѣнію сельскаго населенія,—еще болѣе крупная единица, губернское земство, было притянуто къ участію въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Постараюсь кратко выяснить настоящее положеніе земства.

Вначалѣ характеръ земской дѣятельности былъ созидательный, и польза, приносимая этой дѣятельностью, была не только ясна, но она, такъ сказать, бросалась въ глаза. Съ теченіемъ времени земство не удовлетворяло всѣ требованія, предъявляемыя ему мѣстной жизнью; земское же обложеніе изъ года въ годъ все росло. Земская дѣятельность стала подвергаться разностороннимъ нареканіямъ, и вполнѣ естественно начали появляться также разностороннія предложенія, какъ помочь горю. Все увеличивающаяся тягость земскаго обложенія, особенно въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, была прежде всего остановлена правительствомъ весьма логично опредѣленіемъ предѣль-

ности этого обложенія. Общественное мнѣніе стало увлекаться идеей приближенія земства къ народу увеличеніемъ количества земскихъ исполнительныхъ органовъ, призванныхъ учреждать все необходимое для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ и завѣдывать учрежденнымъ. Въ земскихъ собраніяхъ положеніе управъ часто становится щекотливымъ. Расходы, вполнѣ оправдываемые, сокращаются иногда послѣ горячихъ споровъ единственно потому, что передъ предложеніемъ о нихъ былъ разрѣшенъ собраніемъ крупный расходъ. Не одна въ высшей степени желательная экономія въ расходованіи земскихъ средствъ руководитъ обыкновенно дѣятельностью земскихъ гласныхъ, а также, или еще болѣе, убѣжденіе, что всякое дѣло, при упорядоченіи его, можетъ быть ведено лучше и дешевле. Пренія на эту тему всего чаще бываютъ послѣ выборовъ въ нѣсколько обновленныхъ собраніяхъ. Въ общемъ нынѣ земскія собранія все болѣе вникаютъ въ дѣло; избираемыя ими ревизіонныя коммиссіи работаютъ болѣе усидчиво, чѣмъ прежде; а дѣятельность земства все болѣе носитъ характеръ недодѣланности, и земское обложеніе продолжаетъ расти,—разумѣется, въ размѣрѣ опредѣленной предѣльности. Это вполнѣ естественно.

Въ дореформенное время населеніе мокшанскаго уѣзда вполнѣ удовлетворялось однимъ уѣзднымъ врачомъ и одной больницей на *шесть кроватей* въ городѣ Мокшанѣ, и настолько удовлетворялось, что эта больница не всегда была вся занята. Въ первое время земской дѣятельности надо было чуть не силой тащить въ больницу; а теперь—постоянныя жалобы, что двѣ больницы въ совокупности на *шестьдесятъ кроватей* и три доктора—безусловно недостаточны. Больницы дѣйствительно почти всегда переполнены такъ, что приходится отказывать въ пріемѣ. Въ психіатрическомъ отдѣленіи пензенской больницы „Приказа Общественнаго Призрѣнія“ было всего *двѣнадцать* кроватей, и это считалось вполнѣ достаточнымъ. Въ послѣднемъ пензенскомъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи штатъ кроватей въ губернской психіатрической больницѣ былъ опредѣленъ съ небольшимъ въ *четыреста кроватей*. Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ будущемъ очередномъ собраніи штатъ кроватей, а слѣдовательно и расходъ на нихъ, будутъ увеличены, несмотря ни на какое предложеніе объ упорядоченіи дѣла. Тѣ же жалобы, и самыя настоятельныя, слышатся и по вѣтеринаріи, каковой до земства въ деревнѣ не существовало.

При введеніи земствомъ начальнаго образованія, мѣстныя крестьянскія самоуправляющіяся единицы—общества и волости—охотно брали часть и даже большую часть необходимыхъ для школъ расходовъ на себя; нынѣ это не такъ. Нынѣ обѣднѣвшее сельское населеніе съ трудомъ въ состояніи даже въ уменьшенномъ размѣрѣ уча-

ствовать въ школьномъ расходѣ, тѣмъ болѣе, что самый этотъ расходъ значительно увеличился. Школы стали многолюднѣе и для нихъ требуются обширныя, дорого стоющія помѣщенія и увеличенный составъ учащихъ. Земству приходится ассигновать болѣе на начальное образованіе, такъ какъ такихъ школъ не одна и не двѣ, а болѣе. Всѣхъ удовлетворить единовременнымъ и постояннымъ пособіемъ оно не можетъ—вотъ и является, какъ для начальнаго образованія, такъ и для другихъ отраслей земскаго хозяйства, одно и то же положеніе: съ одной стороны, невозможность самыхъ настоятельныхъ расходовъ, а съ другой—все-же увеличеніе тягости земскаго обложенія.

Судя по отказамъ многихъ земскихъ ходатайствъ, за отсутствіемъ свободныхъ средствъ въ государственномъ казначействѣ, надо полагать, что государственное хозяйство находится въ положеніи одинаковомъ съ земскимъ. Теперь, когда наша родина переживаетъ тяжкія испытанія, разумѣется, возбужденіе всякихъ общехозяйственныхъ вопросовъ — неумѣстно. Можно, однако, надѣяться, что когда матушка-Россія войдетъ въ нормальныя условія своей жизни, придетъ время трезво разобраться въ экономическихъ условіяхъ этой жизни. Обѣднѣвшее сельское населеніе, уже по одной своей многочисленности, составляетъ основаніе всего государства, а также и всей его жизни. Эта жизнь можетъ только выиграть во всѣхъ отношеніяхъ, если это основаніе само по себѣ прочно экономически. Если же въ немъ все увеличивается количество людей, которымъ нѣчего терять, — такое положеніе неминуемо вліяетъ и будетъ все болѣе вліять неблаготворно на развитіе государственной жизни. Организація крестьянскаго самоуправленія, а также и земскаго, несмотря на пережитыя затрудненія, только окрѣпла. Несомнѣнно, что при освобожденіи крестьянства отъ административной зависимости и при возвращеніи земству первоначальнаго его положенія деревенская жизнь получитъ возможность правильно и успѣшно развиваться; но въ дѣлахъ, требующихъ расходовъ, одной организаціи недостаточно, — требуются средства. Сельское населеніе обѣднѣло, а оно—главный плательщикъ государственныхъ доходовъ, особенно косвенныхъ. Для государства была бы прямая выгода, чтобы нѣкоторая часть получаемаго съ деревни оставалась въ ней и тѣмъ помогла ей экономически оправиться.

О многомъ въ запискѣ статсъ-секретаря С. Ю. Витте мы хотѣли поговорить подробнѣе. Остановлюсь теперь только на заключеніи этой записки. Въ немъ сказано, что результатомъ работъ по пересмотру законодательства должно быть „приближеніе крестьянскаго правопорядка къ общему и, наряду съ этимъ, сохраненіе тѣхъ

особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для самого крестьянства и всего государства". Если выраженіе „крестьянскій правопорядокъ" понимается какъ *крестьянское самоуправленіе*, то, несомнѣнно, оно должно быть не только сохранено всюду, гдѣ оно существуетъ, но вполнѣ освобождено отъ всякаго рода и вида административной опеки, и тогда сближеніе крестьянства съ прочими сословіями не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія.

Согласно 676 ст. IX т. св. зак. изд. 1899 г., „сельскіе обыватели пользуются личными правами, вообще природнымъ россійскимъ обывателямъ присвоенными". Далѣе, по 677 ст. того же IX тома: „Сельскіе обыватели не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору, или *по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей*". Если г.г. старосты, старшины и земскіе начальники будутъ лишены права безъ суда, по личному своему усмотрѣнію, назначать наказанія, то, очевидно, вторая часть этой 677-ой статьи должна быть отмѣнена. Оффиціально слово „крестьянинъ" должно быть замѣнено тогда словомъ „сельскій обыватель". Правда, пользованіе надѣльной землей связываетъ крестьянъ въ замкнутыя юридическія единицы; но при уничтоженіи круговой поруки это пользованіе сдѣлалось только своеобразнымъ землевладѣніемъ, имѣющимъ чисто экономическій характеръ. Какъ бы ни распредѣлялась въ любомъ обществѣ надѣльная земля, по ревизскимъ ли душамъ, или по наличнымъ, размѣръ земли, коимъ пользуется каждый однообщественникъ, значительно уменьшился и будетъ уменьшаться еще болѣе и скорѣе. Дальнѣйшій ходъ общественнаго землевладѣнія всецѣло зависитъ отъ общихъ причинъ, руководящихъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. Очень можетъ быть, что полеводство обратится въ огородничество; но также очень можетъ быть, что при переселеніи, разселеніи и выселеніи общественное землевладѣніе сдѣлается подворнымъ и крестьянское самоуправленіе будетъ сельскимъ самоуправленіемъ. Необходимость самостоятельной организаціи сельскаго населенія во всякомъ случаѣ останется та же, какъ и нынѣ.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1905.

Проектируемая новелла о печати. — Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій —Кто остается и кто уходитъ? — Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать.—Католицизмъ и унія. — Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. — Е. И. Якушкинъ †.

Если вѣрить сообщенію одной изъ петербургскихъ газетъ, экстренное совѣщаніе высшихъ сановниковъ обсуждало недавно функціи будущаго земскаго собора и, признавъ за нимъ характеръ исключительно совѣщательный, высказалось за немедленное, безъ его участія, осуществленіе намѣченныхъ преобразованій. Тѣсно связанъ съ такимъ рѣшеніемъ, будто бы, и указъ 6-го мая, упразднившій министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ [1]). Правдоподобнымъ это сообщеніе назвать никакъ нельзя. Еслибы земскому собору и была отведена роль чисто совѣщательная, то отсюда вовсе еще не слѣдовало бы, что всѣ очередныя реформы должны быть совершены какъ можно скорѣе, безъ выслушанія голоса народныхъ представителей. Обращеніе къ земскому собору, разъ что онъ призванъ стать въ ряду государственныхъ учрежденій, одинаково желательно, одинаково необходимо и въ болѣе отдаленномъ, и въ ближайшемъ будущемъ; нѣтъ причины ограничивать его сферу дѣйствій тѣми вопросами, которые возникнутъ *послѣ* его созыва. Законодательный механизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до сихъ поръ, найденъ неудовлетворительнымъ, не достигающимъ цѣли; чѣмъ же можетъ быть оправдано поспѣшное проведеніе черезъ него, и только черезъ него, цѣлаго ряда мѣръ, знаменующихъ собою поворотъ въ правительственной политикѣ, отказъ отъ прежнихъ ея стремленій?.. Указъ 6-го мая состоялся внѣ установленнаго закономъ порядка и не свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, о намѣреніи использовать этотъ порядокъ какъ можно больше, пока онъ еще не уступилъ мѣсто другому. Сомнѣваясь, поэтому, въ достовѣрности сообщенія, приведеннаго выше, мы вполнѣ понимаемъ, однако, его происхожденіе. Основаніемъ для него послужилъ, по всей вѣроятности, тотъ безспорный фактъ, что рядомъ съ законопроектами, разработка которыхъ требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени и едвали мо-

[1]) См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе“.

жетъ быть закончена раньше созыва земскаго собора, составляются и вносятся на утвержденіе, въ старомъ порядкѣ, другіе законопроекты, проникнутые старымъ духомъ. Къ противорѣчію между законодательными работами и административной практикой—противорѣчію, отмѣченному нами во внутреннемъ обозрѣніи,—присоединяется, такимъ образомъ, противорѣчіе въ самой законодательной сферѣ. Типичнымъ его примѣромъ является законопроектъ о печати, внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Съ перваго взгляда этотъ проектъ можетъ показаться скорѣе улучшающимъ, чѣмъ ухудшающимъ положеніе печати; но ближайшее знакомство съ его содержаніемъ приводитъ къ другому заключенію. Статья 154-ая дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ вреднаго направленія изданія, подлежащаго предварительной цензурѣ, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатать разсужденія, указанныя въ ст. 97-ой и 98-ой устава, и пріостанавливать каждое такое изданіе на срокъ не свыше восьми мѣсяцевъ. Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ отказывается отъ послѣдняго права, но сохраняетъ первое. Статья 148-ая устава о цензурѣ и печати гласитъ: „если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ прав. сената". Временныя правила 1882-го года, не отмѣняя эту статью, фактически упразднили ея дѣйствіе, предоставивъ совершенное прекращеніе періодическихъ изданій (въ томъ числѣ и подцензурныхъ) усмотрѣнію совѣщанія, состоящаго изъ четырехъ министровъ. Новый проектъ возстановляетъ дѣйствіе ст. 148, но распространяетъ ее на подцензурныя изданія и разрѣшаетъ примѣненіе ея безъ предварительныхъ предостереженій. Разсмотримъ отдѣльно каждое изъ этихъ предположеній. Статья 154-я основана на законѣ 1862-го года, изданномъ въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда казались необходимыми экстренныя мѣры къ обузданію печати. Изъ того же закона заимствованы ст. 97 и 98, опредѣляющія, вмѣстѣ съ ст. 99, при какихъ условіяхъ допустимы разсужденія о несовершенствѣ дѣйствующихъ узаконеній и о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ. Только вслѣдствіе явнаго недоразумѣнія всѣ эти статьи пережили реформу 1865-го года; не войдя въ законъ 6-го апрѣля, онѣ тѣмъ самымъ были признаны какъ бы потерявшими свою силу. И дѣйствительно, въ первое десятилѣтіе послѣ изданія закона 6-го апрѣля случаевъ пріостановленія подцензурныхъ изданій не было вовсе; въ обиходъ главнаго

управленія по дѣламъ печати оно вошло лишь въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Фактически бездѣйствовали и правила, установленныя ст. 97 и 98—бездѣйствовали тѣмъ болѣе, что имъ прямо противорѣчатъ ст. 1035 и 1039 улож. о наказ. [1]), основанныя на позднѣйшемъ законѣ (6-го апрѣля 1865-го года). Разсужденія, перечисленныя въ ст. 97 и 98, допускались, вопреки ст. 99, и въ небольшихъ по объему книгахъ, и въ дешевыхъ повременныхъ изданіяхъ. Весьма часто пользуясь ст. 154-ою для пріостановленія подцензурныхъ повременныхъ изданій, министерство внутреннихъ дѣлъ почти вовсе не примѣняло другую мѣру, предусмотрѣнную ст. 154-ою—отнесеніе изданія къ разряду тѣхъ, которыя подходятъ подъ дѣйствіе ст. 97 и 98. Цѣлесообразно ли, при такомъ положеніи дѣла, сохранять или, правильнѣе, возстановлять дѣйствіе этой мѣры? Если проектируемая редакція ст. 154-ой получитъ силу закона, статьи 97-ая и 98-ая несомнѣнно перестанутъ быть мертвой буквой; цѣлый рядъ изданій будетъ лишенъ возможности касаться важнѣйшихъ вопросовъ текущей жизни и выводить на свѣтъ злоупотребленія администраціи. Особенно чувствительный ущербъ это нанесетъ провинціи. Весьма часто въ губернскомъ городѣ существуетъ только одно независимое изданіе; съ примѣненіемъ къ нему ст. 97-ой и 98-ой водворится полное молчаніе о всемъ нарушающемъ спокойствіе мѣстной власти, о всемъ непріятномъ для центральнаго управленія. Равновѣсіе между мѣстными органами оффиціальными и не-оффиціальными, и теперь весьма неустойчивое, будетъ окончательно нарушено во вредъ послѣднимъ. Намъ могутъ возразить, что рѣчь идетъ только о мѣрѣ временной, скоропреходящей; но вѣдь если *временное* правило на этотъ разъ и не окажется *долговременнымъ*, оно во всякомъ случаѣ будетъ дѣйствовать въ рѣшительный моментъ русской жизни—въ моментъ перехода къ новымъ формамъ государственнаго устройства. Больше чѣмъ когда-либо именно теперь нужна свобода печати, ограниченная только закономъ.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на другую перемѣну, проектируемую министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ немаловажнымъ шагомъ впередъ было бы даже возстановленіе дѣйствія ст. 148-ой, т.-е. ограниченіе административнаго усмотрѣнія контролемъ сената; но теперь, послѣ указа 12-го декабря и рескрипта 18-го февраля, послѣ всѣхъ событій послѣдняго времени, въ виду заключеній, къ которымъ пришло совѣщаніе о печати, русское общество въ правѣ ожидать несравненно большаго.

[1]) Ст. 1035 и примѣчаніе къ ней широко раздвигаютъ рамки ненаказуемой критики законовъ; ст. 1039 предполагаетъ возможность поименованія должностныхъ лицъ, воспрещаемаго ст. 98-ой.

Возвращеніе къ старому порядку предполагается, притомъ, далеко не полное. Сорокъ лѣтъ тому назадъ прекращать, съ разрѣшенія сената, можно было только безцензурныя изданія, и притомъ не иначе, какъ послѣ трехъ предостереженій; теперь послѣднее условіе признается излишнимъ, и на одинъ рядъ съ безцензурными изданіями ставятся подцензурныя. Нужно ли доказывать, что къ усмотрѣнію въ формѣ предварительной цензуры несправедливо присоединять усмотрѣніе въ формѣ кары, да еще столь тяжкой, какою является прекращеніе изданія? Нужно ли доказывать, что какъ ни незначительна была охрана, вытекавшая изъ требованія трехъ предостереженій, она все-таки служила для журнала или газеты нѣкоторой гарантіей противъ внезапной смерти?.. Пойдемъ дальше: посмотримъ, во всѣхъ ли отношеніяхъ самый способъ прекращенія изданія, проектируемый теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, лучше того, которому онъ приходитъ на смѣну? Конечно, еслибы прекращенію изданія должно было *предшествовать* одобреніе этой мѣры сенатомъ, положеніе печати сдѣлалось бы нѣсколько болѣе прочнымъ: но вѣдь порядокъ предполагается обратный — министръ сначала прекращаетъ изданіе и потомъ уже представляетъ о томъ сенату. Исчезновеніе изданія, такимъ образомъ, не затрудняется, а облегчается: теперь оно требуетъ соглашенія четырехъ министровъ—а въ будущемъ оно предоставляется на волю одного министра внутреннихъ дѣлъ. Разногласіе между министрами было мало вѣроятно, но возможно—и его возможность нѣсколько сдерживала усмотрѣніе; говорятъ, что и на самомъ дѣлѣ министрамъ юстиціи и народнаго просвѣщенія удавалось иногда повліять на своего коллегу и остановить руку, уже поднятую для удара... Съ другой стороны, составъ перваго департамента сената часто подвергается измѣненіямъ, отражающимся на его рѣшеніяхъ, могущимъ, слѣдовательно, отразиться и на отношеніи его къ представленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что у большинства сенаторовъ всегда хватитъ твердости для отмѣны распоряженія министра—распоряженія, приведеннаго въ исполненіе и обратившаго на себя всеобщее вниманіе,—хотя бы несостоятельность его мотивовъ и была внѣ всякихъ сомнѣній. Желаніе поддержать престижъ администраціи легко можетъ оказаться болѣе сильнымъ, чѣмъ стремленіе возстановить нарушенное право. Допустимъ, наконецъ, что распоряженіе министра будетъ отмѣнено сенатомъ: кто вознаградитъ издателя, редактора и сотрудниковъ за потери, понесенныя ими вслѣдствіе прекращенія изданія? Всегда ли вознаградимы эти потери? Легко ли опять собрать вокругъ себя, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прежнихъ подписчиковъ журнала или газеты? А меньше, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, едвали будетъ продолжаться

періодъ времени между распоряженіемъ министра и рѣшеніемъ сената, какія бы ни были приняты мѣры къ ускоренію сенатской процедуры... Къ осени будетъ, по всей вѣроятности, готовъ проектъ закона о печати, составляемый особымъ совѣщаніемъ. Въ ожиданіи его могутъ—и должны—быть смягчаемы дѣйствующія постановленія о печати; но для обостренія ихъ—къ какому, въ концѣ концовъ, ведетъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—нѣтъ, очевидно, ни основанія, ни повода, тѣмъ болѣе, что возобновились, въ послѣднее время, судебныя преслѣдованія за проступки печати.

Чѣмъ больше законъ оставляетъ мѣста для усмотрѣнія, тѣмъ сильнѣе, обыкновенно, разладъ между первоначальнымъ намѣреніемъ законодателя и проведеніемъ его въ жизнь. Никогда, кажется, этотъ разладъ не достигалъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ при примѣненіи ст. 140-ой устава о цензурѣ и печати. Она запрещаетъ оглашеніе или обсужденіе, *въ теченіе нѣкотораго времени*, вопросовъ *государственной важности*—а употреблялась, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, какъ способъ водворенія молчанія, на неопредѣленный, часто весьма продолжительный срокъ, по вопросамъ, изъ которыхъ многіе не имѣли ни государственной, ни какой бы то ни было важности. Давно уже доказанное въ печати, извращеніе ст. 140-ой сдѣлалось яснымъ, въ послѣднее время, и для оффиціальныхъ сферъ; правильность созданной ею практики не пытался отстаивать ни одинъ изъ членовъ особаго совѣщанія, хотя въ его составъ входятъ два бывшихъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Единственнымъ фактическимъ выраженіемъ новаго взгляда является, однако, назначеніе—въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, мотивированныхъ ссылкою на ст. 140,—срока, въ продолженіе котораго нельзя касаться той или другой темы. Положеніе печати улучшается этимъ весьма мало. Ограничивая молчаніе *нѣкоторымъ временемъ*, составители ст. 140-ой имѣли въ виду тѣ случаи, для которыхъ, и только для которыхъ, она первоначально предназначалась: случаи, когда необходимо сохраненіе тайны *впредь до минованія извѣстныхъ обстоятельствъ* (напримѣръ—сохраненіе тайны переговоровъ о займѣ, впредь до его заключенія). Совершенно инымъ является положеніе дѣла тогда, когда для соблюденія тайны нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній, когда вопросъ изъемлется изъ обсужденія не вслѣдствіе его государственной важности, а въ видахъ огражденія того или другого вѣдомства отъ нежелательной для него критики его распоряженій. Въ такихъ случаяхъ назначеніе срока молчанія, хотя бы и не очень продолжительнаго, равносильно совершенному запрещенію говорить о данномъ предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову, черезъ три мѣсяца или полгода, обсуждать мѣру, которую всѣ успѣли забыть и освѣщеніе

которой могло быть полезно только вслѣдъ за ея принятіемъ?.. Уступка, сдѣланная, какъ будто, общественному мнѣнію, не имѣетъ, такимъ образомъ, никакого реальнаго значенія и доказываетъ только одно: необходимость ускорить радикальный пересмотръ всего законодательства о печати.

Въ основаніи всѣхъ указанныхъ нами—и многихъ другихъ—противорѣчій лежитъ, безспорно, борьба между старымъ и новымъ, между отжившимъ и нарождающимся, составляющая характерную черту переживаемаго нами труднаго времени. Обостряется эта борьба тѣмъ, что исполненіе преобразованій, необходимость которыхъ признана оффиціально, остается, бо́льшею частью, въ рукахъ представителей прежняго порядка. Намъ случалось возражать противъ извѣстнаго афоризма: men, not measures—но еще болѣе спорнымъ является противоположное начало, доводящее до минимума значеніе и роль людей. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, внезапное превращеніе приверженцевъ произвола—въ защитниковъ законности, сторонниковъ принужденія—въ проводниковъ терпимости? Можно ли считать обезпеченною участь реформъ, ввѣряемыхъ недавнимъ врагамъ всякой перемѣны? И чѣмъ искреннѣе тотъ или другой государственный дѣятель держался, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ теченіе долгой жизни, опредѣленнаго взгляда на задачи церкви или государства, тѣмъ меньше можно ожидать отъ него энергичнаго служенія идеямъ, идущимъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ. 17-ое апрѣля открыло новую эпоху въ исторіи русской церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи русскаго народа. Милліоны старообрядцевъ, сектантовъ, отщепенцевъ, „упорствующихъ“ всякаго рода получили ту свободу, въ которой имъ такъ долго и такъ непреклонно отказывала власть. Отвергнуты—т.-е. осуждены—тѣ принципы, отстаиванью которыхъ были посвящены, изъ года въ годъ, отчеты оберъ-прокурора св. синода. „Зараза“, для характеристики которой пускались въ ходъ самые жесткіе эпитеты, признана естественнымъ, законнымъ явленіемъ народной жизни. Положенъ конецъ столь часто повторявшимся призывамъ къ властной рукѣ, къ свѣтскому мечу. Существенно иными стали задачи самой церкви, предоставленной своимъ собственнымъ внутреннимъ силамъ. Измѣнилось, однимъ словомъ, все—кромѣ высшаго управленія вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Никогда, даже во времена кн. Голицына, гр. Протасова и гр. Толстого, это „вѣдомство“ въ такой степени не заслоняло собою церковь, какъ въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ; никогда не чувствовалось такъ сильно и не сознавалось такъ ясно, что церковь должна, наоборотъ, заслонить собою вѣдомство... Перемѣнилось, съ другой стороны, и оффиціальное отношеніе къ вопросу, господствующему надъ всею

государственною жизнью: къ вопросу о народномъ представительствѣ. И въ этой области главнымъ олицетвореніемъ прошлаго является К. П. Побѣдоносцевъ; и здѣсь немыслимъ поворотъ въ его взглядахъ, немыслимъ даже его нейтралитетъ среди противоположныхъ теченій. Привѣтствуя К. П. Побѣдоносцева по поводу двадцатипятилѣтія его службы въ званіи оберъ-прокурора св. синода, газета, наиболѣе къ нему близкая по духу, предается горестнымъ размышленіямъ. „Увы!“—восклицаетъ она—„не свѣтлыми надеждами, а тяжкими думами о всемъ, чему служилъ, окруженъ К. П. Побѣдоносцевъ въ день своего праздника. Среди радостныхъ возгласовъ всего враждебнаго православію, самодержавію и Россіи, съ унылымъ недоумѣніемъ смотрятъ на будущее всѣ русскіе, всѣ, кому дорого дѣло самодержавія и православія. Что думаетъ въ этотъ день самъ маститый юбиляръ? При его свѣтломъ, проницательномъ умѣ,—что рисуется передъ нимъ въ будущемъ страны, *пораженной такимъ потрясеніемъ своихъ жизненныхъ связей*?“ Заканчивается статья пожеланіемъ, чтобы Богъ послалъ К. П. Побѣдоносцеву „утѣшеніе снова видѣть то воскресеніе истинно-русскихъ началъ, какое онъ видѣлъ въ свѣтлые дни императора Александра III-го“. Итакъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, положенія 17-го апрѣля, столь непосредственно касающіяся вѣдомства православнаго исповѣданія, разсматриваются главою вѣдомства какъ прискорбное, но эфемерное „пораженіе жизненныхъ связей“ русскаго народа. Нужно ли объяснять, какимъ прогнозомъ это служитъ для осуществленія реформы?

Другая реакціонная газета, въ послѣднее время довольно часто поющая не въ унисонъ съ „Московскими Вѣдомостями“, разошлась съ ними и въ оцѣнкѣ дѣятельности юбиляра. „Странна была“—говоритъ „Гражданинъ“—„роковая судьба нашей церкви въ лицѣ ея синода: въ теченіе какихъ-нибудь шестидесяти лѣтъ три долгихъ вѣка Аракчеевыхъ въ должности оберъ-прокурора—первый (гр. Протасовъ), въ лицѣ воспитанника іезуитской школы, второй (гр. Толстой) въ лицѣ деиста, третій (К. П. Побѣдоносцевъ) въ лицѣ самаго, казалось, фанатичнаго любителя культа церкви православной. Результаты оказались одинаковы: всѣ три сыграли одну и ту же роль Аракчеева по отношенію къ церкви, заглушивъ все живое, самостоятельное и независимое и требуя рабскаго передъ своею личностью преклоненія“... Отмѣтивъ, какъ отличительную черту К. П. Побѣдоносцева, его неспособность относиться къ чужой мысли иначе какъ отрицательно, кн. Мещерскій продолжаетъ: „ревнителю правды и жизни въ области церкви онъ внушалъ, во имя самосохраненія, завѣтъ избѣгать репутаціи безпокойнаго и не противляться злу; равнодушному къ правдѣ и къ силѣ церкви онъ обезпечивалъ карьеру“. Въ торжествѣ К. П.

Побѣдоносцева по вопросу о патріархатѣ редакторъ „Гражданина“ видитъ новый ударъ „всякому почину въ пользу православной церкви“, „всемогущимъ приказчикомъ“ которой остался оберъ-прокуроръ св. синода: „все, что̀ заговорило—смолкло, все, что̀ ожило—замерло, и, въ темницу заточенная, попрежнему чуть дышитъ православная церковь“. Источникъ, изъ котораго идутъ эти слова, даетъ имъ особую цѣнность: никто не заподозритъ кн. Мещерскаго въ враждебномъ отношеніи къ началамъ, носителемъ которыхъ является К. П. Побѣдоносцевъ...

Единственной крупной перемѣной въ высшихъ административныхъ сферахъ было, въ послѣднее время, отстраненіе А. С. Ермолова отъ активнаго участія въ государственномъ управленіи. Любопытны комментаріи къ этому факту въ реакціонной печати. „Московскія Вѣдомости“, радуясь уходу А. С. Ермолова, рисуютъ бывшаго министра сначала жертвой, потомъ сателлитомъ С. Ю. Витте. Какъ министръ финансовъ, С. Ю. Витте отказывалъ министерству земледѣлія въ средствахъ для осуществленія его широкихъ плановъ; какъ предсѣдатель комитета министровъ, онъ пріобщилъ А. С. Ермолова къ занятію „не землеустройствомъ, а государственнымъ переустройствомъ, ввергнувшимъ Россію въ бездну безначалія и безчинія“. „Гражданинъ“, оставляя въ сторонѣ С. Ю. Витте, также радуется отставкѣ А. С. Ермолова, „означающей, вѣроятно, переходъ отъ условій эксцессовъ либерализма къ условіямъ болѣе умѣреннаго либерализма“. По словамъ кн. Мещерскаго, „А. С. Ермоловъ такъ громко огласилъ ультралиберализмъ своей министерской политики, что преемнику его нельзя не принимать обязанность быть если не консерваторомъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма умѣреннымъ либераломъ“. Какъ ни антипатичны намеки и извѣты „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ ни смѣшны преувеличенія „Гражданина“, въ одномъ, повидимому, обѣ газеты близки къ дѣйствительности: А. С. Ермоловъ оставилъ свой постъ потому что былъ—или слылъ—слишкомъ либеральнымъ. Въ какой степени такая оцѣнка примѣнима ко всей дѣятельности А. С. Ермолова—это покажетъ, современемъ, исторія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что „либерализмъ“ бывшаго министра—либерализмъ сравнительно недавняго происхожденія,—не шелъ дальше пониманія, что новымъ условіямъ должна соотвѣтствовать новая политика. А. С. Ермолову ставится въ вину, что онъ не хотѣлъ закрыть глаза, не хотѣлъ игнорировать очевидное и идти въ разрѣзъ съ неизбѣжнымъ...

Великій актъ 17-го апрѣля засталъ въ расплохъ всѣхъ тѣхъ, кто до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить въ возможность провозгла-

шенія религіозной свободы. Сначала, растерянные и сбитые съ толку, они ограничились повтореніемъ давно опровергнутыхъ, завѣдомо невѣрныхъ положеній. „Ни для кого не тайна“ — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 21-го апрѣля (№ 108),—„что иновѣрцы и инославные христіане во всѣхъ своихъ жалобахъ на *стѣсненія* имѣли, главнымъ образомъ, въ виду добиться не *свободы совѣсти*, которой у нихъ никто не отнималъ, а *свободы совращенія православныхъ людей отъ ихъ вѣры*“. Болѣе чѣмъ смѣло было увѣрять, четыре дня спустя послѣ 17-го апрѣля, что ничѣмъ не была стѣснена свобода совѣсти ...у такъ называемыхъ „упорствующихъ“ (бывшихъ уніатовъ), у старообрядцевъ, почему-либо числившихся православными, у католиковъ и лютеранъ, отцы которыхъ, легкомысленно, внѣшнимъ образомъ, перейдя въ православіе, возвратились, фактически, къ своей прежней вѣрѣ! Если всѣ эти люди и раньше были свободны, то что же значитъ право открытаго отпаденія отъ православія, предоставленное имъ 17-го апрѣля?.. Нѣсколько позже („Московскія Вѣдомости“ 1-го мая, № 118), ободренные, вѣроятно, признаками вновь усиливающейся реакціи, газетные изувѣры становятся смѣлѣе. „Что дѣлать“—вопрошаютъ они,—„если окажется, что высота принципа (провозглашеннаго 17-го апрѣля) не вмѣщается въ душахъ современниковъ? Не потребуется ли дополнить даруемую имъ свободу тѣми ограниченіями, которыя необходимы для охраны вѣры русскаго народа?“ Итакъ, пора ударить отбой и урѣзать только-что дарованную свободу?... Чѣмъ же мотивируется это поразительно-дерзкое предложеніе? Двумя фактами: кощунствомъ, которое совершилъ въ Симферополѣ, 21-го апрѣля, подростокъ-еврей, и разгромомъ, въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля, зданія церковно-приходской школы въ деревнѣ Студянкѣ, сѣдлецкой губерніи. Кощунство и послѣ 17-го апрѣля остается преступленіемъ, влекущимъ за собою уголовную кару; отдѣльные случаи этого рода возможны вездѣ и всегда, при самыхъ различныхъ степеняхъ вѣротерпимости. Что касается до разгрома въ Студянкѣ, то, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ самой московской газетой, онъ былъ рѣшенъ совѣщаніемъ католиковъ и „упорствующихъ“, состоявшимся въ первый день Пасхи (т.-е. 17-го апрѣля). Совершенно ясно, такимъ образомъ, что онъ ничѣмъ не связанъ съ указомъ 17-го апрѣля; болѣе чѣмъ вѣроятно, наоборотъ, что онъ могъ произойти только до обнародованія этого указа. Во что же обращается, затѣмъ, вся аргументація „Московскихъ Вѣдомостей“?...

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ярче чѣмъ гдѣ бы то ни было новый порядокъ, созданный 17-го апрѣля, отразился въ мѣстностяхъ, населенныхъ бывшими уніатами; но что же удивительнаго въ томъ, что люди, искусственно отдѣленные отъ одной церкви и насильственно удерживаемые въ другой, имъ совершенно чуждой, люди,

цѣлые годы, цѣлыя десятилѣтія остававшіеся безъ всякаго религіознаго утѣшенія [1]), поспѣшили воспользоваться предоставленной имъ, наконецъ, свободой? По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", „движеніе къ переходу въ католичество среди бывшихъ уніатовъ нѣкоторыхъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго началось немедленно вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшаго указа о свободѣ вѣроисповѣданій. Самый актъ перехода совершается при этомъ повсемѣстно. Устраиваются цѣлые крестные ходы, съ церковными знаменами, иконами и нерѣдко портретомъ Государя Императора во главѣ, съ пѣніемъ польскихъ религіозныхъ гимновъ, къ настоятелю ближайшей римско-католической церкви съ требованіемъ оффиціальнаго присоединенія къ приходу взрослыхъ и крещенія дѣтей и молодежи, до настоящаго времени лишенной св. таинства крещенія. Такое, именно, торжество имѣло мѣсто, напримѣръ, 18-го мая н. ст. въ приходѣ Гушлевъ, радзынскаго уѣзда (сѣдлецкой губ.). Съ утра жители трехъ деревень, числомъ до 800 чел. бывшихъ уніатовъ, взрослыхъ и дѣтей, отправились къ настоятелю прихода, съ просьбою пріобщить взрослыхъ къ числу прихожанъ и крестить дѣтей и молодежь. Настоятель, получившій уже инструкціи отъ надлежащихъ властей о томъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, открылъ церковь и пригласилъ туда явившихся. Затѣмъ онъ произнесъ проповѣдь, въ которой указалъ на важность акта присоединенія, поставилъ на видъ слушателямъ, что приступать къ таковому они должны только по собственному своему убѣжденію и наитію Духа Св., но отнюдь не изъ-за какихъ-либо житейскихъ соображеній, и пригласилъ ихъ помолиться за Монарха, милости котораго они обязаны возможностью удовлетворить свои религіозныя нужды. Были призваны свидѣтели-понятые и церемонія началась. Сначала было приступлено къ крещенію дѣтей и молодежи, до сихъ поръ не крещенной. Затѣмъ началась перепись взрослыхъ, которыхъ оказалось около 600 человѣкъ. Церемонія длилась безъ перерыва до поздняго вечера, причемъ порядокъ соблюдался, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, образцовый. Къ ночи толпа, при пѣніи молитвы „Къ защитѣ Твоей, Богородице", направилась въ обратный путь".

Такъ происходитъ переходъ въ католицизмъ на самомъ дѣлѣ. Въ иномъ свѣтѣ старается его представить реакціонная печать, утверждая [2]), что движеніе совершается на политической почвѣ, что отъ

[1]) По даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода, во всякомъ случаѣ не преувеличеннымъ, число „упорствующихъ" въ холмско-варшавской епархіи превышало, къ 1 января 1899 г., 80 тысячъ, „колеблющихся" — 6½ тыс. Число некрещенныхъ „упорствующихъ", въ 1898 г. составлявшее 26 тыс., возрасло къ 1899 г. до 29 тыс.

[2]) См. передовую статью въ № 125 „Московскихъ Вѣдомостей".

присоединяющихся къ латинству берется присяга, полная „страшныхъ заклятій“, послѣ которыхъ немыслимо возвращеніе къ православію. Возвращеніе къ православію! Да развѣ „упорствующіе“ были когда-нибудь дѣйствительно православными? Развѣ самая продолжительность ихъ „упорства“, не свидѣтельствуетъ о глубинѣ и искренности вѣрованій, изъ-за которыхъ они терпѣли столько духовныхъ, а иногда и матеріальныхъ невзгодъ? „450 тысячъ человѣкъ русскаго населенія“ — пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Московскихъ Вѣдомостей“ — „отдаются во власть Польши“. Если до сихъ поръ католицизмъ, въ предѣлахъ Царства Польскаго, былъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что столь же тѣсной эта связь останется и въ будущемъ, при господствѣ полной, истинной вѣротерпимости. Допустимъ, однако, что потеря, понесенная русскимъ дѣломъ, непоправима и невознаградима—и спросимъ себя, когда и почему она состоялась? Конечно, не въ моментъ изданія указа 17-го апрѣля и не вслѣдствіе его изданія. Ея первоисточникомъ послужила отмѣна уніи; ее довершило все послѣдовавшее за этимъ актомъ. Не даромъ же и въ Галиціи, и въ Царствѣ Польскомъ идетъ агитація за возстановленіе уніи, какъ единственной плотины, могущей остановить распространеніе католицизма [1]). Весь вопросъ въ томъ, возможенъ ли *теперь* успѣхъ этой агитаціи? Если вѣрить одному изъ корреспондентовъ „Руси“, въ люблинской губерніи многіе крестьяне заявляютъ, что не желаютъ возвращаться въ унію, „такъ какъ нельзя навѣрно знать, не случится ли опять что-либо съ уніей черезъ нѣкоторое время“...

Къ самой рѣшительной формѣ разрыва съ православіемъ, т.-е. къ переходу въ католицизмъ, побуждаютъ—помимо отсутствія въ Царствѣ Польскомъ организованной уніатской церкви—и воспоминанія о только-что миновавшей эпохѣ. Вотъ что̀ мы читаемъ въ записной книжкѣ „стараго русина“, напечатанной въ „Руси“ (№ 132): „холмскіе епископы объѣзжали православные приходы черезъ каждыя пять лѣтъ, но пріѣзжали затѣмъ, чтобы, осмотрѣвъ запасные дары, метрическія книги и прочую канцелярію, побывъ въ церкви десять минутъ, не сказавъ и слова народу, отправиться къ священнику на угощеніе и... продолжать ревизію слѣдующихъ приходовъ. Тотъ священникъ хорошъ, у котораго канцелярія въ порядкѣ, а какъ онъ пасетъ ввѣренное ему стадо, архіереи этимъ не интересуются. Награждались по преимуществу священники недостойные, а идеальные священники, но неугодившіе благочинному, оставались въ неизвѣстности или даже преслѣдовались. Священники были не пастырями, а лишь чиновниками. Получая со-

[1]) См. № 112 „Спб. Вѣдомостей“ (выписки изъ галиційскихъ газетъ) и № 10463 „Новаго Времени“ (корреспонденція изъ холмской епархіи).

лидное содержаніе (1.200 р.), они вовсе не трудились надъ укрѣпленіемъ православія, мало занимались въ школѣ; за нихъ работала полиція; писать доносы—это было ихъ задачей и удовольствіемъ, равно какъ привлекать къ православію тѣхъ католиковъ, дѣды, прадѣды которыхъ были уніатами; они насильно привлекали къ православію, не глядя на слезы, мольбы, проклятія; они нарушали душевный покой, разоряли тысячи семей на веденіе процессовъ объ оставленіи въ католичествѣ... Православный священникъ сталъ пугаломъ... Обращеніе съ прихожанами было высокомѣрное; поговорить съ ними по душѣ, погоревать горемъ прихожанина, порадоваться его счастьемъ — нѣтъ: „мужикъ того стоитъ ли!..“ Въ то время, когда съ каѳедръ въ костелахъ гремятъ проповѣди, захватывающія католиковъ, приводящія ихъ въ энтузіазмъ, въ церквахъ или вовсе не слышно проповѣдей, или произносятся такія, что и слушать не хочется. Да еще духовенство задалось цѣлью обрусить народъ: и если священникъ говоритъ проповѣди, то по-русски на языкѣ, мало понятномъ или вовсе непонятномъ прихожанамъ. Есть священники, которые говорятъ по малорусски, но такихъ немного. А чтобы сказать проповѣдь по-польски тѣмъ прихожанамъ, которые говорятъ по-польски — Боже сохрани! Это было бы государственное преступленіе. Между тѣмъ, добрая треть православныхъ—чистые поляки, которые не понимаютъ ни по-русски, ни по-малорусски. Во время уніи проповѣди произносились по-польски, а потому они держались церкви; и теперь они любятъ православное богослуженіе, ходятъ въ церковь, но изъ церкви спѣшатъ въ костелъ послушать проповѣди... Чего искуснѣйшіе католическіе миссіонеры не могли сдѣлать вѣками, православное духовенство своею дѣятельностью въ послѣдніе два десятка лѣтъ отринуло отъ себя, передало Риму десятки тысячъ бывшихъ уніатовъ, нынѣ православныхъ. ...Тридцать лѣтъ современи возсоединенія — это такой періодъ, когда при громадной политической силѣ православнаго духовенства, при обиліи школъ, можно было все подростающее поколѣніе вполнѣ утвердить въ православіи; но у духовенства не было на это ни охоты, ни желанія. Зачѣмъ имъ было трудиться, учить школьниковъ, коли полиція удержитъ народъ въ православіи“? Къ этому слѣдуетъ добавить, что разсчетъ на внѣшнюю силу, на принужденіе находилъ подтвержденіе въ мѣрахъ высшей администраціи, въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода... Исторія бывшихъ уніатовъ—одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ аргументовъ противъ насилія въ дѣлахъ вѣры. Устранивъ унію, православная церковь стала лицомъ къ лицу съ врагомъ несравненно болѣе могущественнымъ и болѣе опаснымъ: съ католицизмомъ.

Мы заканчиваемъ нашу хронику подъ гнетомъ потрясающихъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій. Разгромъ нашего флота превосходитъ, по своему значенію и своимъ возможнымъ послѣдствіямъ, всѣ предъидущія наши военныя неудачи, какъ бы онѣ ни были тяжки. Неужели и теперь, когда исчезли послѣднія сомнѣнія, когда съ такою ясностью обнаружился первоисточникъ нашихъ бѣдствій, не будетъ услышанъ призывъ къ переходу на единственный путь, обѣщающій исцѣленіе нашего государственнаго и общественнаго организма? Неужели то, на что довѣрчиво надѣялась Россія въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года, чего она, глубоко взволнованная несчастными январьскими днями, нетерпѣливо ждала съ 18-го февраля, и теперь будетъ только неопредѣленно виднѣться въ дали будущаго? Времени потеряно много, слишкомъ много; опасность, внѣшняя и внутренняя, растетъ съ каждымъ днемъ. Въ какомъ бы положеніи ни были приготовленія къ созыву народнаго представительства, оно должно быть созвано безотлагательно; пробѣлы, ошибки можно будетъ пополнить и исправить впослѣдствіи. Пускай продолжаютъ пѣть свою убаюкивающую пѣсню тѣ, кто видитъ въ гибели цѣлаго флота только случайный, второстепенный инцидентъ и находитъ, что „положеніе осталось прежнимъ“; пускай повторяется ad infinitum не менѣе старая пѣсня объ истребленіи или терроризированіи „несогласно-мыслящихъ“, какъ о лучшемъ средствѣ водворить покой—хотя бы то былъ покой могилы. Мы отказываемся вѣрить, чтобы у этихъ пѣсенъ могло найтись, въ настоящую минуту, много благосклонныхъ слушателей; мы отказываемся вѣрить, чтобы подъ ихъ звуки могла образоваться партія, которую пытаются окрестить громкимъ именемъ *монархической*. Самозванный глашатай этой партіи—въ статьѣ, напечатанной 19-го мая, т.-е. послѣ полученія подробныхъ свѣдѣній о цусимскомъ боѣ,—отвергаетъ, отъ ея лица, *„всякіе* выборные парламенты, земскіе соборы, государственныя думы и иныя лженародныя представительства, способныя нарушить неприкосновенность монархической, самодержавной власти русскихъ царей“. Что же, затѣмъ, признаетъ, на что разсчитываетъ партія г. Грингмута? Отрицая выходъ, предрѣшенный рескриптомъ 18-го февраля, ничего не измѣняя въ условіяхъ, вызвавшихъ и войну, и военныя неудачи, она съ легкимъ сердцемъ идетъ на встрѣчу новымъ, можетъ быть еще болѣе ужаснымъ катастрофамъ. Дальше этого предѣла ослѣпленіе—все равно, сознательное или безсознательное—идти не можетъ: и чѣмъ оно полнѣе, тѣмъ ближе конецъ его заразительной силы...

Скончавшійся въ Ярославлѣ, мѣсяцъ тому назадъ, Е. И. Якушкинъ—сынъ декабриста И. Д. Якушкина и отецъ извѣстнаго писателя В. Е. Якушкина—былъ не только выдающимся этнографомъ, глубоко изучившимъ народный бытъ и обычное право, не только основательнымъ знатокомъ исторіи и литературы первой половины XIX-го вѣка: это былъ человѣкъ въ полномъ, лучшемъ смыслѣ слова. „Всюду, куда ни обращалась его ясная мысль“,—сказано въ прекрасномъ некрологѣ, посвященномъ ему „Русскими Вѣдомостями“ (№ 113),—„всюду, куда ни направлялась его спокойная энергія, онъ оставлялъ память крупнаго работника, человѣка рѣдкихъ дарованій, неустаннаго трудолюбія, безукоризненной добросовѣстности. На тѣхъ, кто его зналъ, обаяніе чистой и цѣльной личности дѣйствовало неотразимо. Душевная красота его была такъ велика, что, казалось, заслоняла его большія научныя и общественныя заслуги. Его любили, его хотѣлось любить прежде всего и больше всего какъ человѣка. И онъ самъ, надо сказать, дѣлалъ все для того, чтобы замолчать свои заслуги. Даже близкіе люди только случайно, спустя много лѣтъ, узнали о томъ, что свое смоленское имѣніе въ полномъ составѣ Е. И. отдалъ безвозмездно крестьянамъ при самомъ освобожденіи, а фактически еще раньше освобожденія. Не занимая каѳедры, Е. И. былъ учителемъ не одного поколѣнія русскихъ молодыхъ ученыхъ, и среди тѣхъ, кто съ благодарностью видитъ въ немъ своего учителя, можно бы назвать не одно имя, пользующееся заслуженною извѣстностью въ наукѣ“. Пускай хоть теперь, послѣ смерти Е. И. Якушкина, имя его займетъ въ сознаніи русскаго общества то мѣсто, которое не было отведено ему при жизни [1]).

[1]) Укажемъ нѣкоторыя изъ статей покойнаго Якушкина, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ: 1) „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“ (1888 г., ноябрь, 195, дек., 581). 2) „А. И. Полежаевъ, его жизнь и поэзія“ (1897 г., іюнь, 716).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.— Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

На настоящее конкурсное трехлѣтіе назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія. Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. — Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка. Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV в.;

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ. Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ. Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ „x“. Фонетическія условія происхожденія звука „x“ въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „x“ или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „x“, въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „x“ въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „x“ въ словахъ русскаго языка: „x“ какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „x“ въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „x“.

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка. Древній слой заимствованій, ведущихъ свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI, XVII столѣтій предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ. Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка.

II. — Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь, 1905.

Книга пятая. — Май.

стр.

Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ. — II: 13 іюля—11 сентября.—М. А. ГАЗЕНКАМПФА 5

Германскіе университеты и наши.—В. И. СЕР—ВИЧА. 55

По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени. — XIX-XXV. — Окончаніе.—А. НОВИКОВА. 106

Пятидесятилѣтіе Амурскаго края.—1854—1904 г.г. — I, Завоеваніе Амурскаго края. — II. Первые колонисты-казаки. — III. Заселеніе Амура крестьянами.—IV. Естественныя богатства и промыслы.—П. НАДИНА . . . 166

Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hichens, The Woman with the fan.—XII—XXI.—Окончаніе. — Съ англ. З. В. 198

Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 г.г.—XV-XIX.—Окончаніе.—ЕК. ЮНГЕ. 256

Маркизъ-философъ. — Monsieur de Migurac ou le Marquis-philosophe, par A. Lichtenberger.—I-VII.—Съ фран. О. Ч. 292

Хроника.—Трехсотлѣтіе „Донъ-Кихота“ Сервантеса. — Л. Ю. ШЕПЕЛЕВИЧА. 328

Внутреннее Обозрѣніе. — Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.— Историческая параллель. — Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса.—Оригинальная децентрализація.—Новые проекты организаціи народнаго представительства. — Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голосовъ политическою панацеей? — Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля 341

Иностранное Обозрѣніе.—Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими.—Вильгельмъ II, какъ „ограниченный“ правитель.—Марокканскій вопросъ и неожиданно новая его постановка. — Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи 359

Изъ прошлаго конституціонныхъ вопросовъ о народовластіи и свободѣ.—В. И. ГЕРЬЕ 371

Литературное Обозрѣніе.—I. І. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX.—II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, вып. 1. —III. В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка.— —IV. Зин. Венгерова, Литературныя характеристики.—V. Нижегородскій Сборникъ. — Евг. Л. — VI. Русскій музей имп. Александра III, сост. бар. Н. Врангель, два тома.—W.—VII. Кустарное дѣло въ Россіи, состав. кн. Ѳ. Голицынъ, т. I, ч. 1. — VIII. Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства.— IX. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—В. В. — Новыя книги и брошюры 389

Новости Иностранной Литературы.—I. Léon Frapié. La Maternelle.—II. Anatole France. Sur la Pierre Blanche.—З. В. 419

Изъ Общественной Хроники.—Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде. — Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія. — Различныя толкованія указа 18-го февраля. — Подвиги газетныхъ „добровольцевъ“. — Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—P. S. Письмо въ Редакцію г. Н. Чайковскаго . . 433

Библіографическій Листокъ.—Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Т. II: Древній міръ и мы.—Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра.—В. Эндрузъ, Исторія Соедин.-Шт. послѣ междоусобной войны (1861—62 гг.), съ англ. Е. Гурвичъ. — Н. Азбелевъ, „Душа Японіи“.—Н. Дружининъ, Очерки крестьянской общественной жизни.

Объявленія.—I-IV; I-XII.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Мой дневникъ на войнѣ 1877 — 78 г.г. — 1877-ой годъ. — III: 12 сентября—7 ноября.—М. А. ГАЗЕНКАМПФА 449

Пятидесятилѣтіе Амурскаго края.—1854—1904 г.г.— V. Обрабатывающая промышленность и торговля.—VI. Пути сообщенія.—VII. Школы и врачебно-санитарная помощь.—VIII. Рабочіе.—IX. Инородцы.—X. Заключеніе.—Окончаніе.—П. НАДИНА 496

Въ звѣздную ночь.—Изъ поѣздки въ Полѣсье.—ЕВГ. ЛЯЦКАГО. 533

Изъ „разсказовъ прапорщика Столя“, I. Л. Рунеберга.—Со швед. В. ЛЕБЕДЕВЪ. 558

Избирательное право въ германской имперіи и въ отдѣльныхъ ея государствахъ.—И. ОСИПОВА 567

Мѣдный бунтъ.—Іюль 1662 года. — Историческій разсказъ. — ВИКТОРА НИКОЛЬСКАГО 601

Пламенныя души. — Романъ. — Flammen. Rom. von W. Hegeler.—I.—Съ нѣм. З. В. 637

Кооперативное движеніе въ Россіи, по „Трудамъ мѣстныхъ комитетовъ“.—В. Ѳ. ТОТОМІАНЦА 684

Маркизъ-философъ. — Monsieur de Migurac ou le Marquis-philosophe, par A. Lichtenberger.—VIII-XIII.—Окончаніе.—Съ франц. О. Ч. 710

О современномъ кризисѣ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 754

Хроника.— Внутреннее Обозрѣніе.—Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края. — Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ. — Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права. — Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ. — Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина.—Странныя противорѣчія. 772

Иностранное Обозрѣніе.—Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ.—Разсужденія полковника Гедке.—Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ.—Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія.—Печальная судьба балтійской эскадры.—Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ 790

Литературное Обозрѣніе.—I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?“. 2) Статьи по крестьянскому вопросу. — II. Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1904 г., кн. IV и V. — III. Сочиненія Чокана Валиханова.—IV. „Душа Японіи“, японскіе разсказы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева.— V. Бар. Н. В. Дризенъ, Матеріалы по исторіи русскаго театра. — ЕВГ. Л. — VI. Е. Д. Максимовъ, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. — VII. Ф. И. Карповъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I. — VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго.—В. В.—IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи“ и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“. Соціально-политическіе этюды И. А. Гагена.—А. К.—Новыя книги и брошюры 802

Новости Иностранной Литературы.—I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama.—II. Myriam Harry, La Conquête de Jerusalem, rom. — З. В. 840

Крестьянское дѣло. — Письмо въ Редакцію. — КН. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО 855

Изъ Общественной Хроники. — Проектируемая новелла о печати. — Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій. — Кто остается и кто уходитъ? — Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать. — Католицизъ и унія.—Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій.—Е. И. Якушкинъ † 866

Извѣщенія.—I. Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.—II. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра . . 880

Библіографическій Листокъ.—Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціею, 1807—20 г.г.—Кладо, Н. Л., Современная морская война.—Лоуэлль, А., Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы.—Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ. I. Статьи, стихотворенія и замѣтки.

Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

имени И. З. Сурикова